Российская академия наук
Институт археологии

Российская академия наук
Институт археологии

Звучат лишь Письмена

К юбилею Альбины Александровны Медынцевой

ИА РАН

Москва, 2019

УДК 902/903
ББК 63.4
З-44

Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор: кандидат исторических наук В. Ю. Коваль;
составители: И. Н. Кузина, кандидат исторических наук А. А. Гомзин

Рецензенты:
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов,
кандидат исторических наук Н. Н. Фараджева

З-44 **Звучат лишь Письмена.** К юбилею А.А. Медынцевой. – М.: Институт археологии РАН, 2019. 468 с.

ISBN 978-5-94375-267-4

Настоящий сборник научных статей посвящен юбилею выдающегося ученого, археолога и специалиста по эпиграфике Альбины Александровны Медынцевой. В издание вошли работы, отражающие широту ее научных интересов: об археологии Древней Руси, надписях на средневековых предметах, палеографии, некоторых аспектах древнерусской истории.

Для археологов, историков, музейных работников.

УДК 902/903
ББК 63.4

В оформлении обложки использованы фотографии, сделанные А. А. Медынцевой:
храм Покрова Богородицы на Нерли и граффити Золотых ворот во Владимире
и церкви Покрова на Нерли.

ISBN 978-5-94375-282-7
DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

Рождественская Т. В., Чернецов А. В. Альбина Александровна Медынцева. К биографии ученого 8

Печатные труды А. А. Медынцевой 11

Авдеев А. Г. Мастера-резчики надписей в Московской Руси 32

Армарчук Е. А. Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Весёлое под Адлером 50

Бадеев Д. Ю. Шахматные фигуры с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара 64

Беляев Л. А. 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI – начала XVII века 76

Виноградов А. Ю., Кузенков П. В. Эпиграфические свидетельства введения эры «от сотворения мира» 89

Волкова-Нешева В. Божественный город Мельник 101

Гиппиус А. А. К интерпретации надписи на Березовской чаше 119

Гомзин А. А., Мальцев М. С. К вопросу о монетах Ивана Владимировича Пронского 125

Жилина Н. В. Птицы или надписи: форма символа; типология, хронология и орнаментация перстней из Сочинского региона 141

Зайцев А. А. Грамота патриарха Луки Хризоверга к Андрею Боголюбскому: к постановке вопроса о подлинности 158

Зайцева И. Е. Треугольные шумящие подвески на сельских памятниках Суздальского Ополья 186

Коваль В. Ю. Надписи на средневековых русских сосудах, выполненные до их обжига 200

Колесник (Столярова) Д. А. К вопросу о технологии изготовления перстней-печаток из раскопок храма у села Весёлое под Адлером 210

Курмановский В. С. К вопросу об исторической интерпретации данных восточнославянской диалектологии (по материалам Смоленской земли) 233

Кызласов И. Л. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад. (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) 251

Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г. Два предмета церковного обихода из раскопок в Ростове 291

Михеев С. М. К прочтению надписи на таманских брактеатах Олега-Михаила Святославича 297

Моргунов Ю. Ю. Политическая и структурная эволюция Переяславской земли 303

Олейников О. М. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде 323

Панова Т. Д. Между Угличем и Прилуками: заключение длиною в жизнь 352

Попконстантинов К. Отпечатъци в българската писмена традиция 367

Рождественская Т. В. О надписях на свитках в композиции «Служба святых отцов» в росписи церкви Успения пресвятой Богородицы на Волотовом поле в Новгороде 398

Седов Вл. В. Аркатурно-колончатые пояса Успенского собора в Ростове начала XIII века и проблема новой волны романского влияния 409

Толочко П. П. Пришелец Никола из Киева 431

Чхаидзе В. Н. Костяная рукоять ножа с псевдокуфической надписью из Тмутаракани 439

Ширинский С. С. Курганные материалы как источник для изучения структуры земли полян 445

Сокращения 463

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Новый сборник, подготовленный в отделе средневековой археологии Института археологии РАН, продолжает публикацию исследований в рамках коллективной темы «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение». В него вошли статьи широкого географического охвата – результаты раскопок в Ростове Великом, Новгороде, Москве, Тмутаракани, Суздальском Ополье, Волжской Болгарии и других средневековых памятников. Три статьи продолжают начатые ранее публикации находок из раскопок христианского храма в районе Большого Сочи. Последняя работа Ю. Ю. Моргунова посвящена истории Переяславской земли.

На обложку сборника вынесена строка из стихотворения И. А. Бунина – она как нельзя более, по мнению Т. В. Рождественской, предложившей ее в качестве названия, и составителей, соответствует трудам выдающегося ученого, ведущего научного сотрудника отдела, доктора исторических наук, профессора Альбины Александровны Медынцевой, юбилей которой отмечается в этом году. Вся ее научная деятельность связана с изучением славянской археологии, палеославистики и славянской эпиграфики. Этим темам в сборнике посвящен ряд статей, как сотрудников отдела, так и специалистов из других организаций. Несколько работ представляют собой исторические исследования, основанные на письменных источниках. Авторы статей – коллеги и друзья Альбины Александровны из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Софии и Велико-Тырново.

В статьях настоящего сборника вводятся в научный оборот новые археологические находки, публикуются результаты исследований уже известных материалов, проведенных на современном уровне.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.8-10

Альбина Александровна Медынцева. К биографии ученого

Имя Альбины Александровны Медынцевой – выдающегося эпиграфиста, археолога, историка русской культуры – широко известно отечественной и зарубежной гуманитарной научной общественности. Начиная с первых публикаций 1960-х годов, Альбина Александровна остается верна основным направлениям своей научной деятельности, охватывающим большой круг проблем славяно-русской археологии, культуры, прикладного искусства и ремесла Древней Руси, кирилло-мефодиевского наследия славянской и русской письменности в практическом применении, грамоты и грамотности на Руси и ее социальной стратификации, идентификации древнерусских мастеров – ювелиров, камнерезов, писцов. Географически ее работы охватывают разные центры древнерусской культуры – Новгород, Владимиро-Суздальская Русь, Киев и сопредельные области – Тмутараканское княжество, Кавказ. Но главной темой научного творчества Альбины Александровны стала и остается по сей день древнерусская эпиграфика, а также древнеболгарские памятники X–XI вв. В сфере ее интересов – надписи на предметах и стенах зданий, от Первого Болгарского царства до Суздаля, от платежных слитков с Готланда до древнерусских надписей Северного Кавказа. Именно на изучении этого пласта древнерусских письменных источников сфокусирована ее деятельность как ученого.

Альбине Александровне присущи строгость и последовательность методики описания материала, внимание к историко-культурному контексту надписи, понимание ее специфики как исторического источника и как памятника русской письменности. Определяя задачи эпиграфики, традиционно рассматриваемой как «вспомогательная историческая дисциплина», А. А. Медынцева, археолог-историк по основной специальности, акцентирует внимание на палеографическом, графико-орфографическом, лингвистическом аспектах изучения надписи, тем самым помещая эпиграфику в сферу историко-филологических дисциплин.

Интерес исследовательницы к древнерусской эпиграфике развивался в русле научных интересов ее учителя – академика Б. А. Рыбакова.

Альбина Александровна Медынцева. Конец 1980-х

Альбина Александровна принимала участие в подготовке его капитальной сводки «Русские датированные надписи XI–XIV вв.» (1964). Уже в своей первой монографии «Древнерусские надписи новгородского Софийского собора» (М., 1978) А. А. Медынцевой впервые были систематизированы, исследованы и опубликованы не только не известные ранее и выявленные автором надписи на стенах Софии Новгородской, но и архивные материалы из фонда И. А. Шляпкина – прорисовки на кальке, фотографии с эстампажей. Монографией А. А. Медынцевой в научный оборот введен новый массовый источник, содержавший уникальный сопоставительный материал для изучения берестяных грамот, заложен фундамент для исследования эпиграфики Новгорода и других древнерусских городов. Эта монография сразу же стала востребованной специалистами в области истории и письменной культуры русского Средневековья. В последние десятилетия с появлением цифровых технологий широко развернулись эпиграфические исследования, выявившие новые многочисленные кириллические и глаголические надписи. При этом книга А. А. Медынцевой до сих пор сохраняет свою актуальность и служит важным источником для историков письменной культуры и истории Древней Руси.

В 1980-е годы Альбина Александровна обращается к вопросу о происхождении древнерусской письменности, ее связях с актом Крещения Руси, к проблемам кирилло-мефодиевского наследия в древнерусской эпиграфике. В каждой из своих монографий она следует выработанной ею методике изучения эпиграфического текста – внимание к обстоятельствам появления надписи, к историко-культурному и социальному контексту, при этом избегая далеко идущих выводов, если они не вытекают из тщательно проведенного анализа. В последние годы исследовательница обратилась к новому аспекту изучения эпиграфики – выявлению авторских надписей, автографов мастеров-живописцев, строителей, писцов-каллиграфов, ювелиров, расширяя тем самым круг проблем в изучении живо-

писных и художественно-ремесленных школ. В статье, посвященной открытым ею молитвенным автографам мастеров-фрескистов Софии Новгородской, Альбина Александровна замечает, что «изучение граффити и дипинти новгородского Софийского собора не только восстанавливает из небытия имена художников-фрескистов, мастеров-строителей, писцов-изографов, но и позволяет проводить дальнейшие разыскания по поводу принадлежности и происхождения древнейших фресок и рукописей». Благодаря работам А. А. Медынцевой выявляется связь памятников эпиграфики с историей становления письма у восточных славян, с распространением грамотности, с христианской верой и народными поверьями, с процессом сложения местных архитектурных, живописных и рукописных школ, с частной жизнью древнерусских людей, с ремеслом мастеров и ювелиров, с торговлей, бытом женщин, со всем, что входило в разнообразные сферы деятельности. В результате за каждой надписью встают конкретные обстоятельства и судьбы конкретных людей – священнослужителя, дружинника, ювелира, литейщика, редко отраженные другими письменными источниками, и оживает та грамотная среда, в которой на протяжении веков развивалась восточнославянская письменность.

А. А. Медынцева, будучи еще совсем молодым исследователем, обратилась к таким сложным материалам как новгородские берестяные грамоты. В 1974 г. в совместной статье с А. В. Кузой исследовательница вступила в полемику с крупнейшими отечественными исследователями этих памятников. В 1984 г. она опубликовала статью о подборке писем Григория тиуна боярского, сделав яркое открытие, основанное на материалах, которые до нее тщательно изучались рядом видных ученых.

Обращаясь к наиболее ранним памятникам древнерусской письменности, Альбина Александровна, естественно, не могла пройти мимо эпиграфических памятников, связанных с Кирилло-Мефодиевской традицией, в частности, балканских. Она сыграла важную роль в изучении раннесредневековой эпиграфики Болгарии, и пользуется в этой стране заслуженным авторитетом.

Верность избранному научному пути, неизменная доброжелательность, большое личное обаяние Альбины Александровны снискали глубокое уважение, авторитет и неизменную любовь коллег, учеников, друзей.

Рождественская Т. В.
СПбГУ, Санкт-Петербург;
Чернецов А. В.
ИА РАН, Москва

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.11-31

Печатные труды А. А. Медынцевой

Монографии, авторефераты

Новгородские надписи-граффити XI–XIV вв. (По материалам Софийского собора). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: Росглавполиграфпром. Комитет по печати при Совмине СССР, 1971. 25 с.

Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978. 311 с.

Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979. 56 с.

Надписи из Круглой церкви в Преславе. София: Болгарская АН, 1984. 132 с. (Соавт. Попконстантинов К.)

Надписи из Круглой церкви в Преславе. София: Наука и изкуство, 1985. 132 с. (Репринтное изд. 1984 г.). (Соавт. Попконстантинов К.)

Древнерусская эпиграфика X – первой половины XIII вв. Автореф. дисс. … док. истор. наук. М., 1990. 38 с.

Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.: Наука, 1991. 225 с.

Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. 291 с.

Статьи, публикации, тезисы, рецензии

О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник Исторического факультета МГУ. М.: Изд. МГУ, 1961. С. 63–68.

Серебреник из Заречья на Стугне // СА. 1965. № 1. С. 289–291.

Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 440–450.

Серебреники из Новгорода Малого (Васильковский район Киевской обл.) // СА. 1969. № 1. 259–261.

Глаголические надписи из Софии Новгородской // СА. 1969. № 1. С. 199–210.

Рец. на: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник // СА. 1969. № 1. С. 306–310. (Соавт. Куза А. В.)

Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской // СА. 1970. № 4. С. 141–152.

О «сукладниках» новгородских берестяных грамот // КСИА. Вып. 135. 1973. С. 23–27.

Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. № IX. 1974. С. 215–230. (Соавт. Куза А. В.)

Палеография граффити новгородского Софийского собора // Проблемы палеографии и кодикологии. М.: Наука, 1974. С. 54–71.

Новгородские надписи-граффити // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М.: Наука, 1974. С. 3–28.

Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 11–17. (Соавт. Кузнецов В. А.)

Автографы древнерусских художников из Софийского собора в Новгороде // Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгрессе славянской археологии. Братислава, 1975. М., 1975. С. 69–70.

Запись Николы из Новгородского Софийского собора // СА. 1976. № 1. С. 135–145. (Соавт. Куза А. В.)

О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 378–382.

Граффити из Круглой церкви (Преслав) и проблема происхождения славянской письменности // Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгрессе славянской археологии. София, сентябрь. М., 1980. С. 98–99. (Соавт. К. Попконстантинов)

Надпись-граффити из псковской церкви Покрова // СА. 1981. № 3. С. 233–241.

За глаголически надписи X в. // Археология. София: Изд. БАН, 1982. Кн. 2. С. 27–37. (Соавт. К. Попконстантинов)

А. А. Медынцева – студентка МГУ.
Раскопки кургана под Любечем. 1958. Фото С. С. Ширинского

В экспедиции Б. А. Рыбакова. Путивль, 1966

**Расчистка погребения в белокаменном саркофаге.
Экспедиция Б. А. Рыбакова. Белгород (Украина), 1968**

Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. Докл. советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 86–98.

Ктиторская надпись из Круглой церкви в Преславе // Palaeobulgarica. София: Центр за българистика, 1983. VII. № 2. С. 39–54. (Соавт. К. Попконстантинов)

Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4. С. 49–61.

Древнейший тип инструментов для письма на территории Древней Руси // Древнерусский город. К.: Наукова думка, 1984. С. 80–82 (Тр. IV Междунар. конгресса славянской археологии).

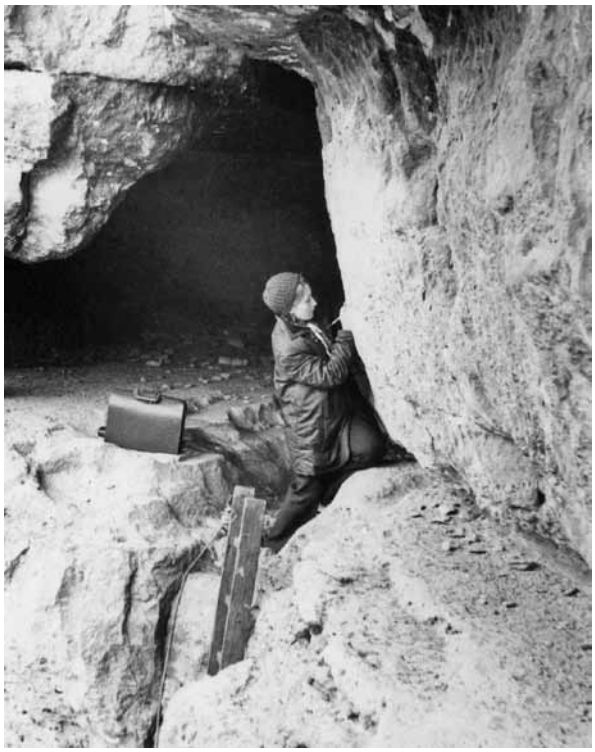
Письма Григория – тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. Межинститутский сб. М.: Наука, 1984. С. 53–75.

Эпиграфические находки в Равне (Болгария) // Всесоюзная археологическая конф. Тез. докл. Баку, 1985. С. 240–242.

Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л.: Наука, 1985. С. 218–240.

О «досках» русских летописей и юридических актов // СА. 1985. № 4. С. 173–177.

У истоков славянской письменности // Наука и жизнь. № 12. М.: Правда, 1985. С. 91–96.



За изучением граффити. В скальном монастыре у с. Крепча. Болгария, сентябрь 1975

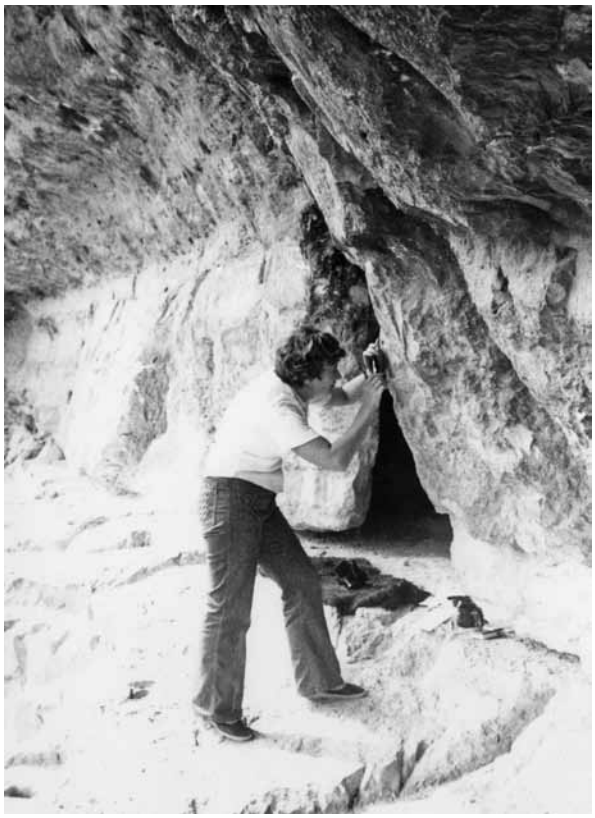
Письменность на Руси рубежа IX–X – первой половины XI в. (по данным эпиграфики) // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. Славянской археологии. Киев, сентябрь 1985 г. М., 1985. С. 158–159.

Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 55–57. (Соавт. Моргунов Ю. Ю.)

Ранняя история письменности на Руси // Проблемы марксистской оценки роли православия в истории России. Тез. Всесоюзн. Конф. М., 1986. С. 30–31.

Граффити. Методические рекомендации // Древнерусские письменные источники / под ред. Я. Н. Щапова. Раздел 8. М.: АН СССР, 1986. С. 31–34.

Суздальский змеевик // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. Всесоюз. археологической конф. (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 168–169.



Продолжение исследования. В скальном монастыре у с. Крепча. Болгария, 1977

Письменность на Руси периода от рубежа IX–X – первой половины XI в. (по данным эпиграфики) // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. III, вып. 2б. М.: Наука, 1987. С. 12–18.

Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. К 80-летию акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1988. С. 247–256.

Оклады «корсунских» икон из Новгорода // СА. 1988. № 4. С. 67–77.

Чара Владимира Давыдовича // Историко археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Тез. докл. Чернігів: Сіверянська думка, 1988. С. 109–110.

Запись Николы-пришельца из Киева // Древнерусские письменные источники. Информационные материалы к совещанию / под ред. члена-корр. АН СССР Я. Н. Щапова. М., 1988. С. 51–53.

У Рильского монастыря. Болгария, 1979

Об авторе. (От редактора) // Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. С. 3–6.

О надписи на «кресте» Манасии (с. Цар Асен, Болгария) // СА. 1990. № 4. С. 85–91.

Чара Владимира Давыдовича // Проблемы археологии южной Руси. Киев, 1990. С. 128–135.

Архангельская ставротека // VI Междунар. конгресс славянской археологии, г. Прилеп, Югославия. Тез. докл., подготов. советскими исследователями. М.: Наука, 1990. С. 173–175.

Архангельская ставротека и культ Климента на Руси // СА. 1991. № 3. С. 56–68.

Суздальский змеевик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.: Наука, 1991. С. 34–52.

С Виолеттой Нешевой у входа в Музей города Мельника. Болгария, апрель 1983

Раздел 21.1. Камни с надписями // Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / Под ред. чл.-корр. АН СССР. Я. Н. Щапова. М.: Кругъ, 1991. С. 60–61.

Раздел 21.2. Предметы, снабженные надписями при их изготовлении // Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Я. Н. Щапова. М.: Кругъ, 1991. С. 61–63.

Раздел 21.3. Владельческие надписи-граффити на предметах // Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Я. Н. Щапова. М.: Кругъ, 1991. С. 63–64.

Надпись на чаше из Чернигова // Архитектурні та археологічні старожитності Чернігівщини: М-ли історико-археологічного семінару. Чернігів: Сіверянська думка, 1992. С. 106–110.

В средневековой крепости в городе Шумене.
Болгария, середина 1980-х

Кирилло-мефодиевская традиция в Древней Руси // XI Междунар. съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Докл. российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 135–145.

Кирилло-мефодиевская традиция в Древней Руси (памятники христианского культа X–XII вв.) // XI Medzinarodny zjazd slavistov: Sbornik resume. Bratislava: Veda, 1993. S. 147–148.

Подписные пряслица из Ростова Великого // СРМ. № 5. Ростов: РЯМЗ, 1993. С. 157–161. (Соавт. Леонтьев А. Е.)

Письменность и христианство в процессе становления русской государственности // Истоки русской культуры (археология и лингвистика) 7–9 декабря 1993 г. Тез. докл. М.: ИА РАН, 1993. С. 53–55.

Древнерусская надпись на крестике из Висбю (о. Готланд) // Scando-Slavica. Т. 40. 1994. С. 132–137.

Средневековая болгарская надпись из Мелника // Мелник / Отв. ред. В. Нешева. София: Българска АН; Национален археол. Музей, 1994. С. 127–133.

XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии славян (Словакия, 1993) // РА. 1994. № 4. С. 237–240. (Соавт. Седов В. В.)

Древнерусский крест-мощевик из Хильдсегейма // Церковная археология. Матер. 1-й Всерос. конф. (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Ч. 2. Сер. «Археологические изыскания». СПб. – Псков, 1995. С. 63–66.

Владимиро-суздальские князья и шедевры прикладного искусства // Городецкие чтения. Городец: АО «Заволжский моторный завод», 1995. С. 48–53.

Предшественники Андрея Рублева // Родина. Российский исторический журнал. М., 1996. № 6. С. 80–84.

Крест – мощевик наперсный. Распятие с предстоящими. Воздвижение креста. Избранные святые. Кат. № 32 // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл. XI–XV века / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М.: Наука, 1996. С. 195–201. (Центры художественной культуры средневековой Руси)

Описание северорусских платежных слитков (гривен) из клада, найденного в с. Бюрге (Люммелюнда, о. Готланд) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1996. С. 109–116. (Соавт. Мельникова Е. А.)

Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова; Б. А. Рыбаков (гл. ред.). М.: Наука, 1997. С. 140–152. (Археология).

Письменность и христианство в процессе становления русской государственности // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.: Наука, 1997. С. 11–20. (Материалы по археологии России. Вып. 3).

Крест с надписью о стяжании из Звенигорода (Археологический комментарий к московско-новгородскому конфликту 1392–1393 гг.) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Сб. памяти В. Д. Белецкого (1917–1997). СПб. – Псков: ПГОИАХМЗ; ИИМК РАН, 1997. С. 301–313. (Соавт. Станюкович А. К.)

«Угаси силу огненную…» // Родина. Российский исторический журнал. М., 1998. № 2. С. 102–107.

Рядом с В.В. Седовым на заседании XI Международного конгресса славистов. Братислава, 1993

Б. А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. Сб. к 90-летию акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1998. С. 3–30.

Надписи на амфорной керамике X – начала XI вв. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. Сб. к 90-летию акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1998. С. 176–195.

Наперсный крест с датированной надписью из Звенигорода Московского // Звенигород за шесть столетий. М.: УРСС, 1998. С. 225–251. (Соавт. Станюкович А.К)

Два лика воеводы Добрыни // Родина. Российский исторический журнал. М., 1998. Июнь. С. 33–37.

Мастерская Тудора // РА. 1999. № 3. С. 149–159.

Религиозно-философские течения в древнерусском христианстве XI в. и ересь богомилов (по материалам новгородских граффити) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Матер. конф. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: РГГУ; ИА РАН, 1999. С. 106–116.

В гостях на раскопе экспедиции ИА РАН. Владимир, 2008

Илья Муромец или Добрыня Никитич? // Восточная Европа в древности и средневековье. XI чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 146–151.

Письменность Древней Руси и монголо-татарское завоевание // Русская цивилизация между Востоком и Западом. Тез. докл. регион. межвуз. науч. конф. М.: МИРЭА, 2000. С. 85–87.

Происхождение древнерусской письменности и «Велесова книга» // Российское общество в социокультурном измерении: история и современность. М.: Ин-т молодежи, 2000. С. 94–101.

Грамотность на Руси в XIII в. // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиции. Тез. докл. науч. конф. М.: ПЕР-СЭ, 2000. С. 97–98.

Уникальная находка каменного образка при раскопках церкви св. Троицы в Старых Полях // Древности московской земли. Проблемы

современной археологии. Науч.-практ. конф. к 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности Александра Григорьевича Векслера. 26–28 сентября 2001. М., 2001. С. 22–24. (Соавт. Векслер А. Г.)

Новая находка каменного образка при раскопках на Великом Посаде Москвы // КСИА. Вып. 211. 2001. С. 108–113. (Соавт. Векслер А. Г.)

«Неудобная палеография» (к дискуссии с А. Л. Фоменко) // Вестник РАН. Т. 72. № 2. М.: Наука (Интерпериодика), 2002. С. 143–146.

Писал имярек. Живое слово Древней Руси // Родина. Российский исторический журнал. 2002. № 11–12. С. 148–154.

Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 211–222.

Принятие христианства и развитие этнического самосознания Древней Руси в курсе истории культуры // Глобализация в культурологическом измерении. Высшее образование для XXI века. II Междунар. науч. конф. «Мировая культура». М., 2005. С. 281–293.

О мастерах Васильевских врат 1336 г. (эпиграфические наблюдения) // РА. 2006. № 2. С. 81–90.

«Идол железный» или колокол? (по поводу прочтения надписи № 199 из Софии Новгородской) // Христианизация Руси – России. М.: Национальный ин-т бизнеса, 2006. С. 38–52.

Мастер Георгиевского собора // Достояние поколений. 2007. № 2 (3). С. 60–67.

Два пряслица с надписями из Киева // Дьнhслово. Зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ: Корвінпресс, 2007. С. 228–232.

Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // РА. 2008. № 1. С. 101–103. (Соавт. Чхаидзе В. Н.)

Б. А. Рыбаков как археолог и историк культуры. К 100-летию со дня рождения // РА. 2008. № 3. С. 147–156.

Вспоминая академика Рыбакова // Родина. Российский исторический журнал. 2008. № 9. С. 26–28.

На крыше Успенского собора с архитектором Н.Э. Куприяновой. Владимир, 2008

Граффити Золотых ворот во Владимире // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 155–169.

Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. 2. С. 357–359.

Историк-энциклопедист. К 100-летию Б. А. Рыбакова // Достояние поколений. Научно-популярный журнал. 2009. № 2 (6). С. 70–75.

Граффити белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. Матер. XXII Чтений памяти чл.-кор. В. Д. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 187–193.

К методике чтения древних текстов // Матеріали Круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань». Київ, 2010. С. 25–26.

У церкви Покрова на Нерли. 2008

Надписи и рисунки на стенах лестничной башни собора Рождества Богородицы Антониевского монастыря // РА. 2011. № 3. С. 130–140.

Надписи-граффити Успенского собора в г. Владимире // АВСЗ. Вып. 3. М.–СПб.: ИА РАН; Нестор-История, 2011. С. 171–180.

Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // РА. 2012. № 2. С. 149–155.

Новая надпись домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Природа. 2012. № 5. С. 71–73. (Соавт. Коваль В. Ю.)

Чара Владимира Давыдовича как свидетельство межкультурных контактов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 144–157.

Эпиграфические источники о письменности на Руси периода сложения русской государственности (IX–X вв.) // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 49–51.

Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. № 3. С. 134–145. (Соавт. Коваль В. Ю., Еремеев А. А.)

Датированные надписи мастеров из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // КСИА. Вып. 229. 2013. С. 201–206.

Надпись на «кресте Святослава Всеволодовича» из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Храм і люди. Зб. ст. до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 132–137.

Новая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Матер. I Междун. конф. «Вопросы эпиграфики». Ун-т Дмитрия Пожарского. М., 30–31 января 2012 г. / отв. ред. А. Г. Авдеев. М.: РФСОН, 2013. С. 119–134. (Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2). (Соавт. Коваль В. Ю.)

Новые источники по истории древнерусского художественного ремесла // Матер. I Междун. конф. «Вопросы эпиграфики». Ун-т Дмитрия Пожарского. М., 30–31 января 2012 г. / отв. ред. А. Г. Авдеев. М.: РФСОН, 2013. С. 164–174. (Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2).

О подготовке Свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв. // XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніуня 2013 г.). Тэз. дакл. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 120–121. (Соавт. Анкудинов И. Ю., Гиппиус А. А., Михеев С. М., Рождественская Т. В.)

Надписи-граффити как показатель грамотности в главных городских центрах Древней Руси // Міста Давньої Русі. Зб. наук. праць пам'яти А. В. Кузи / наук. ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 45–53.

О письменности на Руси (IX–X вв.) по данным эпиграфики // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / ИА РАН; отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М. – Вологда: Древности Севера, 2014. С. 234–243.

Комплекс надписей художников из храма Софии Новгородской (по материалам надписей-граффити XI – начала XII в.) // КСИА. Вып. 236. 2014. С. 198–205.

Глаголица // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 183–185.

С В. Л. Яниным и Н. А. Фроловой. Москва, ИА РАН, 2015

Граффити на пряслицах // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 205–206. (Соавт. Мельникова Е. А.)

Граффити Софийского собора в Киеве // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 206–208.

Граффити Софийского собора в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 208–209.

Надгробие монаха Зиновия // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 533.

Нерльский крест // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 537.

Писала // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 612–613.

С П.П. Толочко на заседании, посвященном его 80-летию. Москва, РИО, 2018

Преградненский крест // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 654–655.

Святослава Всеволодовича крест // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 730.

Симеона Чернеца крест // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 739.

Стерженский крест // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 790.

Тайнопись // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 802.

Тмутороканский камень // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 814.

Автографы писцов посадника Остромира из Новгородской Софии // КСИА. Вып. 240. 2015. С. 215–222.

А.А. Медынцева и Р.М. Мунчаев на праздновании Нового года. Москва, ИА РАН, декабрь 2018

Граффити храма Покрова Богородицы на Нерли // РА. 2015. № 4. С. 141–148.

Автографы писцов-каллиграфов из Новгородской Софии (рубеж XI–XII вв.) // КСИА. Вып. 244. 2016. С. 408–424.

О надписи на одной из новгородских цер // КСИА. Вып. 245. Ч. II. 2016. С. 91–96.

Грамотность жителей Владимиро-Суздальских земель в эпоху средневековья (по данным эпиграфики) // АВСЗ. Вып. 6. М.–СПб.: ИА РАН; Нестор-История, 2016. С. 294–304.

Художники-живописцы, строители и писцы-каллиграфы новгородского Софийского собора (итоги исследований надписей-граффити) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017. С. 48–68.

Рисунки-граффити Христа-иерея из новгородского Софийского собора // КСИА. Вып. 249. Ч. II. 2018. С. 170–178.

Надпись на литейной форме из Булгара // Нескончаемое лето. Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М. – Великий Новгород – СПб.: Любавич, 2018. С. 141–145. (Соавт. Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю.)

Вручение Почетной грамоты Российской академии наук «За добросовестный труд и большой вклад в развитие отечественной науки в области археологии». Москва, ИА РАН, апрель 2019

Из инструментария древнерусских мастеров – резчиков по камню // КСИА. Вып. 252. 2018. С. 233–242.

Еще раз о Воймерицком кресте // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева / отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 166–174.

Памятники письменной культуры из раскопок 2017 года на Биржевой площади в Москве // АП. Вып. 15: М.: ИА РАН, 2019. С. 275–282. (Соавт. Воронин К. В., Осипов Д. О.)

Рыбаков Б. А. (1908–2001) // Институт археологии РАН. 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 285–287.

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) // Институт археологии РАН. 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 308–309.

Учебно-методические работы

Архитектурная история Москвы. Программа спецкурса. М.: Ин-т молодежи, 1996.

Культура советского и постсоветского общества. Программа курсов и семинаров. М.: Ин-т молодежи, 1996.

Основы археологии. Программа курса. М.: Ин-т молодежи, 1999. 27 с.

Основы археологии. Программа курса. Лекции и семинары. Методические указания. М.: МГСА, 2001. 20 с.

Рабочая тетрадь по культурологи. Учебное пособие. М.: МИРЭА, 2001. 31 с. (Колл. авт.)

Методические указания по проведению археологической практики. М.: МГСА, 2001.

Хрестоматия по археологии / Авт.-сост. М.: МГСА, 2002. 41 с. (Переизд. в 2005 г. 40 с.)

Тесты по курсу «Археология». М: МГСА, 2002. 19 с. (Переизд. в 2003 г.)

История русской культуры (IX – нач. XX в.). Программа лекций и семинарских занятий. М.: МГСА, 2002. (Соавт. Хорина Г. П.)

Медынцева А. А. Основы археологии. Программа для студентов факультета культурологи МГСА. М.: МГСА, 2002. 20 с. (Переизд. в 2004 г. 23 с.)

Тесты по курсу «История русской культуры (X–XIX вв.)». М.: МосГУ, 2003 г. 24 с. (Соавт. Г. П. Хорина).

Рабочая тетрадь по археологии. Учебное пособие. 2-е изд. М.: МИРЭА, 2004. 32 с. (В соавт.).

Основы археологии. (Федеральный компонент ОПД. 8.09). М.: МосГУ, 2004. 20 с.

История культуры России. Программа лекций и семинарских занятий. М.: МГСА, 2005. 34 с. (Соавт. Хорина Г. П.)

Основы археологии. Программа курса. МосГУ. М., 2004. 20 с. (Переизд. в 2005 г. 23 с.)

Принятие христианства и развитие этнического самосознания Древней Руси // Глобализация в социо-культурном измерении. Уч. пособие / под ред. А. И. Шендрика, А. В. Костиной. М.: МосГУ, 2005. С. 14–18.

Учебно-методический комплекс дисциплины «История культуры России». М.: МосГУ, 2011. (Соавт. Хорина Г. П., Миронова Т. Н.)

В печати

Кириллические тюркоязычные надписи мастеров-камнерезов Восточной Европы XIV–XV вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. (Соавт. Коваль В. Ю., Бадеев В. Ю.)

Каменный образок из Москвы // Раскопки церкви Троицы в Старых Полях. М.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.32-49

А. Г. Авдеев
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Университет Дмитрия Пожарского,
средняя школа «Интеллектуал», Москва

Мастера-резчики надписей в Московской Руси[1]

Ремесленники Древней Руси давно находятся в круге научных интересов А. А. Медынцевой. Исследовательница внесла весомый вклад в изучение особенностей их мастерства, профессионального состава и просопографию (*Медынцева*, 1978. С. 378–383; 1991; 1999. С. 149–159; 2006. С. 81–90; 2012. С. 149–155). Данная статья, посвященная мастерам, резавшим надписи в Московской Руси, написана в продолжение темы, поднятой и успешно разрабатываемой юбиляром.

Вопрос о резчиках эпитафий на белокаменных плитах слабо изучен в отечественной историографии, поскольку основной интерес вызывали архитекторы и мастера строительного дела, трудившиеся в Московской Руси. Отдельные аспекты – как, например, организации труда резчиков и размеры оплаты их труда – не являлись предметом исследования. В 1930 г. А. Н. Сперанский установил имена четырех мастеров, занимавшихся в XVII в. изготовлением эпитафий (*Сперанский*, 1930), позднее Н. Н. Воронин прибавил к этому списку еще одно имя (*Воронин,* С. 126. № 66). В. Б. Гиршберг назвал те же имена (*Гиршберг*, 1954. С. 128) и позднее издал надгробную плиту с приписью «сей камень резал» и затертым именем мастера (*Гиршберг*, 1960. С. 7). Позднее «пять мастеров» стали историографическим штампом (*Беляев*, 1996. С. 21–22; *Житенева*, 2009. С. 105). Между тем, источники, опубликованные во второй половине XIX – начале XX в., дают прочную базу для проведения такого исследования. Особенность источниковой базы состоит в том, что она охватывает XVII в., причем из расходных книг приказов в подавляющем

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Свод русских надписей» (URL: /http: cir.rssda.su) при поддержке Фонда Развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См. также: *Авдеев*, 2015. С. 147–163.

большинстве известны имена резчиков эпитафий, реже – имена мастеров, работавших со строительными надписями, которые главным образом жили в Москве. Реже имена резчиков встречаются в монастырской документации и, как исключение, – в самих надписях, дающих в этих случаях имена резчиков, трудившихся за пределами столицы в XVI в.

Производство надгробий и строительных надписей в Московской Руси было тесно связано с добычей известняка. Хотя профессия резчика намогильных плит к концу XVI в. стала массовой, особого термина для ее обозначения не сложилось. Указ Бориса Годунова, разосланный в 1600 г. по русским городам, среди ремесленников, обрабатывавших камень, называет и тех, кто «цки на гробы тешут» (АСЗ, 2002. С. 355. № 434).

Уникальный материал о процессе производства белокаменных надгробных плит дали археологические исследования селища Большое Саврасово 2 (Ленинский р-н Московской обл.), где во второй половине XVI – начале XVII в. жили мастера, занимавшиеся добычей и обработкой белого камня (*Богомолов и др.*, 2015. С. 339–411). К «пробам пера» будущих мастеров принадлежат обломки плит с нанесенными в хаотическом порядке разметкой и парными рядами треугольников, характерными для декора белокаменных изделий (*Фатьков, Яганов*, 2015. С. 417–418).

Находки показали, что изготовление и декорировка намогильных плит в Московской Руси были отделены от нарезки эпитафий, но не дали ответа на вопрос, специализировались ли ремесленники на производстве отдельных изделий, или же весь ассортимент производили одни и те же мастера, хотя из документов более позднего времени известно, что саркофаги, изготовлявшиеся из цельных блоков известняка, делались теми же мастерами, что резали надгробия (*Панова*, 2004. С. 85–91; *Станюкович, Черносвитов*, 2005. С. 63–72). Например, в 1700 г. тяглец Таганской слободы Сидор Сергеев сын Каменщиков, вытесавший плиту для эпитафии патриарху Адриану, одновременно сделал и «ковчег каменной белого камени с верхнею каменною цкою, в котором ковчеге святеишего патриарха тело в деревянном гробе поставлено», за что получил 12 рублей [РГАДА. Ф. 235 (Патриарший казенный приказ). Оп. 2. Д. 176. Л. 367 об.][2].

Готовые изделия продавались на местных рынках. В июле 1654 г. Павла Алеппского, прибывшего в Московию в свите патриарха Антио-

[2] Благодарю А. В. Яганова за указание на этот источник.

хийского Макария, эпидемия задержала в Коломне. Его перу принадлежит уникальное свидетельство о торговле намогильными плитами в этом городе. Так как к нему придется неоднократно обращаться, приведу его полностью: «В эту пору (зимой. – *А. А.*) привозили в Коломну надгробные камни с резьбой, необычайно большие, каких не стащили бы и двадцать лошадей, привозили по одному или по два на санях, на одной лошади, причем тут еще сидел хозяин; это ужасно удивительно» (Путешествие… 2005. С. 248).

Возможно, в Коломне, близ которой в с. Мячкове, находились места добычи известняка и каменотесные мастерские, существовал оптовый рынок по торговле намогильными плитами. Павел Алеппский сообщает, что здесь цена белокаменного надгробия без эпитафии составляла 3 рубля (Путешествие… 2005. С. 248). Отсюда плиты могли поступать на рынки других городов или к мастерам-резчикам, выполнявшим эпитафии по индивидуальным заказам. Московские рынки, где торговали деревянными гробами и белокаменными саркофагами, упомянуты в «Повести о болезни и смерти Василия III» и «Повести о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского» (Повесть о болезни… 2000. С. 46; Повесть о преставлении… 2006. С. 140, 142)[3]. В конце XVII в. один из рынков находился в Таганской слободе, и жившие там мячковские мастера продавали заготовки надгробных плит и саркофаги (*Забелин*, 1884. Стб. 1082). Петрографический анализ белокаменных надгробий из Соловецкого монастыря показал, что их изготовили в Подмосковье (*Буров, Исакова, Флоренский*, 2009. С. 116–117; ср.: *Буров*, 2006. С. 257). В Кирилло-Белозерский монастырь надгробия с эпитафиями, сделанные по заказу вкладчиков обители, везли из Москвы (*Барсуков*, 1883. С. 156).

Перевозка поднимала цену надгробия, но не критически. Так, перевозка ста белокаменных «лещадей» из Коломны в Москву в 1665 г. обошлась казне в 3 рубля [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 572]. Поэтому цены на намогильные плиты в других городах не слишком отличались от цен в Коломне. Например, во вкладной книге Серпуховского Высоцкого монастыря под 1634/35 г. отмечена покупка, возможно, на местном рынке «двух камней на гробы» за 5 рублей (Вкладная книга… 1993. С. 50). Сравним: в 30-е годы XVII в. в Серпухове три овцы стоили 50 копеек, четверть ржи шла за рубль, ту же цену платили за полпуда воска или пуд меда,

[3] Термин «саркофаг» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не отражен.

за корову давали от полутора до двух рублей, а за мерина – 5 рублей (Вкладная книга… 1993. С. 41, 43, 48, 52–54).

По меньшей цене шли белокаменные плиты-вставки. Оптовая закупка ста таких «лещадей» в Коломне для резных работ по украшению Красных ворот нового Гостиного двора в Китай-городе (на одной из них была вырезана строительная надпись) в 1672 г. составила 10 рублей [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 572]. Однако применительно к плитам – вставкам в надгробницы, выполнявшимся по особым заказам и требовавшим дополнительных трудозатрат, цены были выше. За заготовку такой плиты для надгробницы патриарха Филарета († 1633) шириной в 2 аршина было уплачено 1 рубль 16 алтын 4 денги, за такую же плиту для надгробницы патриарха Иоакима I († 1652) заплатили рубль. В последнее десятилетие XVII в. цены на «лещедь» колебались: плита – вставка для эпитафии патриарха Иоакима II († 1690) стоила 3 алтына (размер не указан), а «лещедь полутораршинная» надгробия патриарха Адриана († 1700) – 26 алтын 4 денги (*Забелин*, 1884. Стб. 1054, 1060, 1065, 1082). Белокаменный саркофаг стоил от 12 до 15 рублей (*Забелин*, 1884. Стб. 1065, 1082), и приобрести его могли состоятельные покупатели (Путешествие… 2005. С. 241), что подтверждается результатами раскопок некрополей Московской Руси (*Панова,* 1991. С. 90–101; *Станюкович, Черносвитов*, 2005. С. 65; *Беляев*, 2013. С. 89).

Детализированную шкалу цен на изготовление надгробий и крышек саркофагов с эпитафиями дают документы государственного делопроизводства (табл. 1)[4].

В конце XVI в. для организации строительных работ был учрежден Приказ каменных дел, подчиненный Приказу Большого дворца (*Лисейцев, Рогожин, Эскин*, 2015. С. 87). Он ведал каменщиками, кирпичниками, изготовителями извести и мастерами смежных профессий, в том числе и резчиками, которые выполняли различные работы – от изготовления эпитафий до белокаменного узорочья. Высшую категорию составляли «государева жалованья подмастерья и каменные резцы», остальные резцы, в зависимости от уровня квалификации, делились на «статьи» и получали годовое жалованье и «запасы». Так, в 1615/16 г. два резца 3-й статьи, получили по 3 алтына, 10 четвертей ржи и овса, по 1,5 четверти круп и гороха, 5 полтей мяса и 5 пудов соли (*Сперанский*, 1930. С. 139).

Приведенные ниже свидетельства позволяют говорить о том, что отделять резчиков надписи от людей других профессий, связанных с изготовлением надписей, не имеет смысла, так как они в зависимости

Таблица 1. Сведения об изготовлении белокаменных надгробий в документах о расходах на погребение патриархов Московских[4].

Виды работ		«Адресаты» эпитафий – патриархи				
		Иосиф	**Иоасаф I**	**Питирим**	**Иоаким II**	**Адриан**
Белокаменная плита		1 руб. 16 алт. 4 ден.	1 руб.		5 алт.	26 алт. 4 ден.
Резные работы		Сукна по 1 руб. на человека	5 руб. (с оплатой позолоты)	Надгробная надпись: 10 руб. Надпись на крышке саркофага: 20 алт.		13 руб. (с оплатой позолоты и расходов на материалы для золочения и покраски)
Материалы для золочения и раскраски плиты	400 листов сусального золота двойного	100 алт.				
	600 листов золота красного			156 алт.		
	2 фунта сурика			6 алт. 4 ден.		
	льняное масло	2 алт.				
	олифа	2 алт.				
	фунт краски голубцу	5 алт.				
	сусальное золото, олифа, скипидар, сурик, сальные свечи		5 руб.			
Примерная дата покупки		Не ранее 29 нояб. 1633 г.	Не ранее 17 фев. 1652 г.	Не ранее 19 апр. 1673 г.	Не ранее 17 мар. 1690 г.	Не ранее 13 окт. 1700 г.
Дата оплаты работ		6 дек. 1633 г.	26 фев. 1652 г.	21 апр. 1673 г.	29 мар. 1690 г.	17 окт. 1700 г.

от сложности работы объединялись в артель от двух до четырех человек. Источники сообщают о следующих артелях[5]:

– 24 января 1625 г. государева жалованья подмастерье и каменный резец Ивашка Неверов на белокаменной плите-вставке в надгробницу царицы Марии Владимировны (Вознесенский собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле) «вырѣзалъ <…> наружные слова и покрылъ золотом, а поля навелъ лазоревою краскою», за что был пожалован четырьмя аршинами без четверти английского сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля. Трудившийся вместе с ним каменный резец священник Ждан Аврамьев (будучи вдовцом, он не мог совершать богослужений и, видимо, жил за счет сторонних заработков) днем позже за тот же труд получил 4 аршина английского сукна «лятчины лазоревой» стоимостью в 6 алтын 4 денги за аршин (Дополнения… Стб. 403. № 921);

– 21 ноября 1633 г. государева жалованья каменных дел резец Ивашка Неверов вместе с Федькой Тарасовым и Ромашкой Ивановым получили жалованье за то, что «рѣзали на камени наружные слова и золотили и красками наводили» на плите-вставке в надгробницу патриарха Филарета (Успенский собор Московского Кремля). За это мастера получили по 4 аршина сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» (Дополнения… Стб. 846–847. № 952). В том же составе «рещики и навотчики» 19 февраля 1636 г. получили такое же жалованье за то, что резали на надгробии Василия Шуйского (Архангельский собор Московского Кремля) «летопис, слова ис камени выбивали и золотили» [РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 2. Д. 291. Л. 202 об. – 203; частичная публикация: *Давиденко*, 2014. С. 159];

– 5 декабря 1640 г. было выплачено жалованье резцам, сооружавшим гробницу патриарха Иоасафа I. Каменных дел подмастерье Ивашка Неверов за вытесанный белокаменный саркофаг получил 12 рублей, а за обтеску плиты-вставки в 2 аршина для эпитафии – 1 рубль 16 алтын 4 денги. Резцы-подмастерья Ромашка Иванов и Васька Наумов, которые вместе с Ивашкой Неверовым «рѣзали на каменной тцкѣ на гробницу св. патріарха Іоасаѳа лѣтопись наружные слова и около лѣтописи кайму и травы, и слова и травы золотили», было пожаловано за труд по рублю на человека и по отрезу сукна на 1 рубль (*Забелин*, 1884. Стб. 1062)[6];

---

[5] См. Приложение 1 в конце статьи.

[6] Очевидным недоразумением является справка составителей «Словаря архитекторов и мастеров строительного дела Москвы», что надгробие было выполнено Ивашкой Неверовым и Василием Святогоровым: имя последнего в указанном источнике не встречается (Словарь архитекторов… 2008. С. 430, 512).

– 14 февраля 1673 г. Приказа каменных дел резец Кондрат Семёнов «с товарыщи» получили 10 рублей за создание двух «лѣтописей» на белокаменных «лещадях» для вставки в надгробницы патриархов Питирима и Иоасафа I (Успенский собор Московского Кремля). Эпитафия на крышке саркофага патриарха Питирима выполнена и привезена в собор резцом Иваном Павловым, за что тот получил плату в 20 алтын (*Забелин*. 1884. Стб. 1062).

В конце XVII в. работали мастера, выполнявшие все работы по оформлению надписи в одиночку. Так, «таганные слободы тяглецъ Иван Мартынов сынъ рѣзчикъ Святейшаго Патріарха на ковчежнои каменнои цкѣ подписалъ глубокою резбою, а у гробницы на лѣщеди вырѣзал подпись наружнымъ писмом и вызолотил и краски прикрыл, а за тое рѣзбу ему Ивану против дачи 198г(о) довелось дать тринатцать рублевъ» [РГАДА. Ф. 235 (Патриарший казенный приказ). Оп. 2. Д. 176. Л. 369–369 об.; изд.] (*Забелин*, 1884. Стб. 1082).

Сведения о приемах изготовления надписей расширяет Расходная книга о постройке Гостиного двора в Китай-городе (*Бакланова*, 1952. С. 197). Каменную «летопись», увековечившую это событие, в 1664–1665 гг. делали разные мастера, каждый из которых выполнял свою часть работы. Нарезку цветочного орнамента по периметру киота для надписи выполнял стрелец полка Якова Соловцова Ивашко Богданов, за что получил 9 рублей с полтиною. Стрелец полка Семена Полтева Ивашко Иванов знаменовал надпись (что было оценено в 1 рубль 16 алтын 4 денги) и «вырѣзывал <…> наружные слова», за что получил 5 рублей. Надворный конюх Фёдор Павлов сын Свидерский золотил надпись. Его работа была оценена в 9 рублей, так как «по уговору» он использовал свое золото [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 272. Л. 572, 581 об., 582 об., 583–583 об.].

Из приведенных данных видно, что в XVII в. в Москве не было недостатка в людях, способных создать надпись на высоком палеографическом уровне. При этом, что важно, они принадлежали к разным сословиям – посадские люди, стрельцы, священники и даже задворный конюх – дворянин, ведавший кормами и инвентарем царской конюшни. Они либо объединялись в артель, которую, как правило, возглавлял специалист высшей квалификации – государева жалованья подмастерье Приказа каменных дел, либо все работы выполнял один человек.

Во второй половине 20-х – середине 40-х гг. XVII в. наиболее востребованным мастером по созданию эпитафий был государева жалованья подмастерье и каменный резец Ивашка Неверов. Помимо

«кремлевских» работ, он, видимо, выполнял эпитафии частных лиц. По близости «почерка» А. М. Житенева определила, что руке одного мастера принадлежат надписи на крышках саркофагов цариц Марии Владимировны (†1625), Екатерины Петровны (†1626), царевен Пелагеи Михайловны (†1629) Марфы Михайловны (†1632), Софьи Михайловны (†1636), Евдокии Михайловны (†1637), а также царицы Евдокии Лукьяновны (†1645). Тот же мастер резал эпитафию на надгробии И. Ф. Кутузова (†1645), похороненного в Высоко-Петровском монастыре (*Житенева*, 2009. С. 105–106). По времени выполнения работ это мог быть Ивашка Неверов, однако отсутствие научной публикации кремлевских плит не позволяет утверждать это с полной уверенностью.

Для государева жалованья подмастерья нарезка эпитафий была дополнительным заработком. Как архитектор по основной профессии, Ивашка Неверов был одним из наиболее востребованных специалистов: в 1631 г. он строил каменную плотину в дворцовом селе Воздвиженском, в 1635 г. перестраивал Преображенский собор в Твери, в том же году составил смету на строительство и ремонт храмов в Жёлтиковом монастыре (Словарь архитекторов… С. 429–430), а в 1644/45 г. вместе с английским зодчим Хр. Галовеем участвовал в строительстве башни и ворот Московского печатного двора (*Поздеева, Пушков, Дадыкин*, 2001. С. 221).

Метки-граффити, выявленные на белокаменных надгробиях XVI–XVII вв. в Троице-Сергиевом монастыре, а также документы московских приказов отчасти дают возможность проследить процесс изготовления эпитафии. Вначале на боковой стороне плиты делалась соответствующая метка-граффити, иногда наносились «анкетные» данные умершего (*Вишневский*, 2007. С. 69–74; *Беркович, Егоров*, 2017. С. 509–510. № МФЧ-9). Разделения труда не существовало: артельные мастера выполняли все виды работ совместно, при этом надпись знаменовал сам резчик. После нарезки эпитафия прокрашивалась, и дело завершал позолотчик. В конце XVII в. у мастеров-профессионалов на изготовление обронной надписи на надгробной плите-вставке уходило от одного до двух дней.

Самой дорогостоящей частью работ были раскраска и золочение эпитафии. Данная технология, близкая приемам русских иконописцев, известна из письменных источников и подтверждается петрографическими исследованиями надгробных плит XVII в. (*Лобзова, Антонова, Цицинова*, 2010. № 1. С. 85–89; *Колбас, Додонова*, 2017. С. 624). В таблице 1 приведены необходимые для этого материалы: сусальное и красное золото, сурик, голубец, льняное масло, олифа, скипидар. Голубец – минеральная краска на основе карбоната меди ($CuCO_3$), приобретавшая со временем

зеленый оттенок, – использовался для раскрашивания готовой надписи (*Замятина*, 1997. С. 50–51. s. v. голубецъ). Для золочения букв, скорее всего, применялось твореное золото – сусальное (листовое) золото, растертое в порошок и смешанное со специальным клеящим составом, обычно – рыбьим клеем или протухшим яичным белком (*Замятина*, 1997. С. 165. s. v. твореный). Красное золото – сплав золота с медью – использовалось как более дешевый заменитель сусального (Словарь русского языка… 1979. С. 58. s. v. золото). Золочение проводилось на масляной основе: поверхность плиты прокрашивалась свинцовым суриком, смешанным с льняным маслом и небольшим количеством воска, золото наносилось кисточкой и закреплялось горячей олифой[7]. Нередко в качестве основы для золочения использовался полимент – жидкий, быстро сохнущий клеящий состав, состоящий из красной охры (безводная окись железа, смешанная с глиной), яичного белка и небольшого количества растительных или животных жиров (источником последних, как показывает таблица 1, были сальные свечи) (*Замятина*, 1997. С. 126. s. v. полиментъ).

Насколько позволяют судить источники, с 1625 г. труд резчиков, выполнявших надписи по государственному заказу, оплачивался «натурой» – отрезами сукна. С 1640 г. мастера получали денежное жалованье и отрезы сукна, а с 1665 г. создание надписи оплачивалось только деньгами. Расценки за выполнение работ формировались «по уговору» [РГАДА. Ф. 235 (Патриарший казенный приказ). Оп. 2. Д. 176. Л. 367 об.] и зависели от сложности работ. Покупку мастером материалов, необходимых для создания надписи, – белокаменных плит, сусального золота, красок и др., а также доставку готового изделия к месту назначения заказчик оплачивал отдельно. Можно говорить, что изготовление эпитафии, включая ее раскраску и позолоту, в среднем оценивалось в сумму от двух до четырех рублей и выше.

Меньше известно о размерах оплаты частных заказов, но они вряд ли отличались от «кремлевских». В 1692 г. за белокаменную надгробную плиту с эпитафией на могилу своего зятя, Р. Штрасбурга, П. Гордон заплатил 4 рубля. Ее установка на могиле обошлась генералу в 1 рубль. (*Гордон*, 2014. С. 123). В 1698 г. он же выплатил «за резьбу на надгробном камне» своего зятя К. Снивинса 60 алтын (*Гордон*, 2018. С. 147). Но в этих случаях, как показывают дукт и структура надписей на плитах московских иноземцев, надгробия были куплены у русских мастеров,

[7] Подготовка поверхности к золочению сусальным золотом // URL: http://www.susal.ru/index.php? id=13&doc=podgotovka_poverkhnosti.

а эпитафии на них резали уроженцы Немецкой слободы, работавшие в традициях современного им латинского письма и западноевропейской надгробной эпиграфики (*Дрбоглав*, 1988; *Беляев*, 1996. С. 234–235).

Исходя из уровня цен второй половины XVII в., можно сказать, что изготовление надгробной (равно как и строительной) надписи на белокаменной плите было делом очень дорогим. Четверть (8 пудов) ржи стоила от 40 до 54 копеек, втрое дороже стоила четверть ржаной муки, свиное мясо – от 33 копейки за пуд, шапка – 1 рубля 8 копеек, полотняная рубаха – от 22 до 27 копеек, порты – 11 копеек, пара сапог – 40 копеек. Средняя цена на лошадь колебалась от 2,5 до 5 рублей, готовую избу можно было купить за 16 рублей (*Брикнер*, 1895. С. 259–280).

В монастырях резчики были из числа братии (ср.: *Фатьков, Яганов*, 2015. С. 419). Так, старец неизвестной обители «[Никан]дръ подписал» строительную надпись 1530 г. для храма в с. Серединском (*Авдеев, Яганов*, 2011. С. 271–277). В 1581 г. чернец Возмищского монастыря Никандр «подписывал» надгробие Е. В. Бибикова в Волоколамской Левкиевой пустыни (*Леонид*, 1870. С. 7). В письме к Ф. И. Шереметеву игумен Кирилло-Белозерской обители Афанасий предлагал «камени подписати» прямо в обители. В ответ боярин известил, что сделал уже заказ в Москве: «и я, господа, цки на дядю на Ивана Васильевича, во иноцехъ на Іону, и на дядю на Григорья Васильевича велѣлъ сдѣлать; а какъ поспѣютъ, и язъ къ вамъ пришлю» (*Барсуков*, 1888. С. 157–158).

На основании стилистической преемственности в декоративном оформлении надгробных плит и эпитафий на протяжении длительного промежутка времени В. Б. Гиршберг предполагал существование «школ» белокаменной резьбы в Троице-Сергиевом, Новодевичьем и Георгиевском монастырях (*Гиршберг*, 1954. С. 128–129). Свидетельством подготовки мастеров-резчиков в обителях А. М. Фатьков и А. В. Яганов считают белокаменное надгробие XVI в. из Дмитровского Борисоглебского монастыря с «пробой букв» (*Фатьков, Яганов*, 2015. С. 419. Рис. 15). Такими же «пробами» являются процарапанные под разным углом отдельные буквы или сочетания букв разной высоты на плитах Троице-Сергиевой обители (*Вишневский*, 2007. С. 69–74). Однако монахи-резчики работали не только с камнем. Инок Ново-Иерусалимской обители Иона, бывший с патриархом Никоном в ссылке в Ферапонтовом монастыре, резал надписи на белокаменных крестах, установленных Святейшим на острове на Бородаевском озере, но основное «художество имел сребродeлие» и гравировал надписи на серебряных и оловянных сосудах патриарха (Житие Никона… 2005. С. 111).

Иногда монастыри резчиков приглашали. В середине XVII в. новую эпитафию на плите прп. Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре резал иеродиакон Спасо-Каменной обители Григорий Ефиоп [РГБ ОР. Ф. 304.I (Основное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 740. Л. 173] (изд.: *Арсений*, 1878. С. 132–133; *Николаева*, 1966. С. 209; *Белоброва*, 2007. С. 363–364). Краткость записи не позволяет сказать, был ли он в это время троицким иноком[8], но, скорее всего, в Троице-Сергиевом монастыре его не знали, о чем свидетельствует путаница, допущенная в документе с его прозвищем.

В целом приведенные данные дают более или менее объективную картину труда резчиков надписей, и для ее дальнейшей конкретизации необходимо продолжение поиска архивных документов и эпиграфических памятников.

Приложение

Словарь мастеров XVI–XVII вв., работавших над изготовлением надписей на белокаменных плитах и изразцах

АВРАМЬЕВ Ждан. Вдовый священник. В январе 1625 г. вместе с государева жалованья подмастерьем и каменным резцом *Иваном Неверовым* «вырѣзалъ <…> наружные слова и покрылъ золотом, а поля навелъ лазоревою краскою» на белокаменной надгробной плите царицы Марии Владимировны (Вознесенский собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле), за что 24 января 1625 г. получил 4 аршина английского сукна «лятчины лазоревой» стоимостью в 6 алтын 4 денги за аршин (Дополнения… Стб. 403. № 921).

[АЛЕКС]АНДР или **[НИК]АНДР**. Старец неизвестной обители, создавший в 1530 г. строительную надпись для храма в с. Серединском (совр. Боровский р-н Калужской обл.) (*Авдеев, Яганов*, 2011. С. 271–277).

АНДРЕЕВ Петр. Гончар, тяглец Гончарной (?) слободы. 20 мая 1682 г. сделал «подпись лѣтописную цѣнинную на образцахъ» для собора Покрова что на Рву. За 560 готовых изразцов «по уговору» ему была назначена плата 13 алтын 2 денги за десять штук. Принято 311 изразцов по цене 12 рублей 14 алтын 2 денги (*Забелин*, 1884. Стб. 341). При том, что в последней четверти XVII в. цена на изразцы варьировалась от 3 до 10 копеек за штуку (*Хелли*, 1999. С. 242–243), стоимость

[8] Так полагала Т. В. Николаева (см.: 1966. С. 209).

«летописных» изразцов укладываются в «среднюю» цену 4 копейки за штуку при том, что они делались в индивидуальных формах.

БОГДАНОВ Иван. Стрелец полка Яковлева Соловцова. 3 ноября 1664 г. получил 9 рублей с полтиной за резные работы по украшению киота для строительной надписи на воротах нового Гостиного двора в Китай-городе [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 572].

ГРИГОРИЙ ЭФИОП. Иеродиакон Спасо-Каменного монастыря. В середине XVII в. резал новую эпитафию на плите прп. Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре [РГБ ОР. Ф. 304.I (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 740. Л. 173] (*Николаева*, 1966. С. 209).

ДАВЫД. Плотник. Псков? Печоры? Летом – осенью 1560 г. вместе с печником *Тимохой* участвовал в изготовлении («ображець рѣзалъ») керамической надгробной плиты с эпитафией Григорию Ширяеву сыну Ододурова (пещерный некрополь Псково-Печерского монастыря) (*Плешанова*, 1966. С. 169. № 41).

ИВАН Мартынов сын. Тяглец Таганской слободы. В октябре 1700 г. резал эпитафии патриарху Адриану, «на ковчежной каменной цкѣ подписалъ глубокою рѣзьбою, а у гробницы на лещеди вырѣзалъ наружнымъ письмомъ и вызолотилъ и краски прикрылъ», за что 30 октября 1700 г. получил жалованье в 13 рублей, включая оплату купленных им красок и сусального золота [РГАДА. Ф. 235 (Патриарший казенный приказ). Оп. 2. Д. 176. Л. Л. 369–369 об.] (изд.: *Забелин*, 1884. Стб. 1082).

ИВАНОВ Иван. Стрелец полка Семена Полтева. 20 декабря 1664 г. получил 1 рубль 16 алтын 4 денги за знаменование строительной надписи над воротами нового Гостиного двора в Китай-городе [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 581 об.]. 11 сентября 1665 г. получил 5 рублей за то, что «**вырѣзывал на воротахъ наружные слова**» на той же надписи [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 582 об.].

ИВАНОВ Роман. Резчик. В ноябре 1633 г. вместе с государева жалованья подмастерьем и каменным резцом *Иваном Неверовым* и *Федором Тарасовым* «рѣзали на камени наружные слова и золотили и красками наводили» на плите-вставке в надгробницу патриарха Филарета (Успенский собор Московского Кремля). За труд 21 ноября 1633 г. мастера получили по 4 аршина сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» (Дополнения… Стб. 846–847. № 952). В феврале 1636 г. вместе с «ресцами и навотчиками» *Иваном Неверовым* и *Федором Тарасовым* «летопис, слова ис камени выбивали и золотили»

на надгробии Василия Шуйского (Архангельский собор Московского Кремля), за что 19 февраля 1636 г. мастера были пожалованы четырьмя аршинами без четверти английского сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» [РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 2. Д. 291. Л. 202 об.]. В декабре 1640 г. вместе с резцами-подмастерьями *Иваном Неверовым* и *Василием Наумовым* «рѣзали на каменной тцкѣ на гробницу св. патріарха Іоасаѳа лѣтопись наружные слова и около лѣтописи кайму и травы, и слова и травы золотили», за что 5 декабря 1640 г. было пожаловано за труд по рублю на человека и по отрезу сукна на 1 рубль (*Забелин*, 1884. Стб. 1054).

ИОНА. Инок Ново-Иерусалимского монастыря. Основное «художество имел сребродeлие» и гравировал надписи на серебряных и оловянных сосудах в обители. Будучи с патриархом Никоном в ссылке в Ферапонтовом монастыре, резал надписи на белокаменных крестах, установленных Святейшим на острове на Бородаевском озере (Житие Никона… 2005. С. 111).

НАУМОВ Василий. В декабре 1640 г. вместе с резцами-подмастерьями *Иваном Неверовым* и *Романом Ивановым* «рѣзали на каменной тцкѣ на гробницу св. патріарха Іоасаѳа лѣтопись наружные слова и около лѣтописи кайму и травы, и слова и травы золотили», за что 5 декабря 1640 г. было пожаловано за труд по рублю на человека и по отрезу сукна на 1 рубль (*Забелин*, 1884. Стб. 1054).

НЕВЕРОВ Иван. В 1625–1652 гг. – государева жалованья подмастерье и каменный резец. В январе 1625 г. вместе со вдовым священником *Жданом Аврамьевым* «вырѣзалъ <…> наружные слова и покрылъ золотом, а поля навелъ лазоревою краскою» на белокаменном надгробии царицы Марии Владимировны (Вознесенский собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле), за что 24 января 1625 г. был пожалован четырьмя аршинами без четверти английского сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля. В ноябре 1633 г. вместе с *Романом Ивановым* и *Федором Тарасовым* «рѣзали на камени наружные слова и золотили и красками наводили» на плите-вставке в надгробницу патриарха Филарета (Успенский собор Московского Кремля). За труд 21 ноября 1633 г. мастера получили по 4 аршина сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» (Дополнения… Стб. 846–847. № 952). В феврале 1636 г. вместе с «ресцами и навотчиками» *Романом Ивановым* и *Федором Тарасовым* «летопис, слова ис камени выбивали и золотили» на надгробии Василия Шуйского (Архангельский собор Московского Кремля), за что 19 февраля 1636 г. мастера были пожалованы четырьмя аршинами без четверти

английского сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» [РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 2. Д. 291. Л. 202 об. – 203]. В декабре 1640 г. вместе с резцами-подмастерьями *Романом Ивановым* и *Василием Наумовым* «рѣзали на каменной тцкѣ на гробницу св. патріарха Іоасаѳа лѣтопись наружные слова и около лѣтописи кайму и травы, и слова и травы золотили», за что 5 декабря 1640 г. было пожаловано за труд по рублю на человека и по отрезу сукна на 1 рубль (*Забелин*, 1884. Стб. 1054). Отдельное жалованье в 12 рублей Иван Неверов получил за вытесанный белокаменный саркофаг и за обтеску плиты-вставки в 2 аршина для эпитафии – 1 рубль 16 алтын 4 денги [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 291. Л. 202 об. – 203]. Вероятно им выполнены надписи на крышках саркофагов цариц Марии Владимировны, Екатерины Петровны, царевен Пелагеи Михайловны, Марфы Михайловны, Софьи Михайловны, Евдокии Михайловны, а также царицы Евдокии Лукьяновны и эпитафию на надгробии И. Ф. Кутузова, похороненного в Высоко-Петровском монастыре (*Житенева*, 2009. С. 105–106). Возможно, участвовал в создании строительной надписи над воротами Печатного двора в 1645 г.

НИКАНДР. Инок Возмищского монастыря. В 1581 г. «подписывал» надгробие Е. В. Бибикова в Волоколамской Левкиевой пустыни (*Леонид*, 1870. С. 7).

ПАВЛОВ Иван. 14 февраля 1673 г. получил жалованье в 20 алтын за создание эпитафия на крышке саркофага патриарха Питирима (*Забелин*, 1884. Стб. 1062). Возможно входил в артель Приказа каменных дел резца *Кондрата Семёнова*.

СВИДЕРСКИЙ Фёдор Павлов сын. Задворный конюх. 24 сентября 1665 г. получил 9 рублей «от позолоты лѣтописныхъ слов, что над вороты» нового Гостиного двора в Китай-городе. «По уговору» использовал свое золото [РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Д. 232. Л. 583–583 об.].

СЕМЁНОВ Кондрат. Приказа каменных дел резец. 14 февраля 1673 г. получил 10 рублей за создание «с товарыщи» двух «лѣтописей» на белокаменных «лещадей» для вставки в надгробницы патриархов Питирима и Иоасафа I (Успенский собор Московского Кремля). Во втором случае «старый камень» оказался «широкъ, быть в могилѣ не годится». Возможно, в состав артели входил резец *Иван Павлов* (*Забелин*, 1884. Стб. 1062).

ТАРАСОВ Фёдор. В ноябре 1633 г. вместе с государева жалованья подмастерьем и каменным резцом *Иваном Неверовым* и *Романом Ивановым* «рѣзали на камени наружные слова и золотили и красками наводили» на плите-вставке в надгробницу патриарха Филарета (Успенский

собор Московского Кремля). За труд 21 ноября 1633 г. мастера получили по 4 аршина сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» (Дополнения… Стб. 846–847. № 952). В феврале 1636 г. вместе с «ресцами и навотчиками» *Иваном Неверовым* и *Романом Ивановым* «летопис, слова ис камени выбивали и золотили» на надгробии Василия Шуйского (Архангельский собор Московского Кремля), за что 19 февраля 1636 г. мастера были пожалованы четырьмя аршинами без четверти английского сукна «настрафилю лазоревого» стоимостью в 2 рубля «полтище» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 291. Л. 202 об. – 203].

ТИМОХА. Печник. Псков? Печоры? Летом – осенью 1560 г. вместе с плотником *Давыдом* участвовал в изготовлении керамической надгробной плиты с эпитафией Григорию Ширяеву сыну Ододурова (пещерный некрополь Псково-Печерского монастыря) (*Плешанова*, 1966. С. 169. № 41) – возможно, делал глиняное тесто, поливную глазурь и/или обжигал плиту.

Литература

Авдеев А. Г., 2015. Изготовление, продажа и покупка белокаменных надгробий // Путь белого камня: материалы научной конференции / ред. И. В. Конышев, Б. В. Власов, Е. Н. Наседкин и др. М.: ГИМЗ «Горки Ленинские». С. 147–163.

Авдеев А. Г., Яганов А. В., 2011. Храмозданная надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 271–277.

АСЗ. Т. III / Сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.

Арсений, иером., 1878. Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1. М.: Тип. Т. Рис. XIX, 352 с.

Бакланова Н. А., 1952. Постройка Нового Гостиного двора в Москве в 1660–1665 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. ст. М.: Изд. АН СССР. С. 47–62.

Барсуков А. П., 1883. Род Шереметевых. Кн. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 559 с.

Белоброва О. А., 2007. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре // ВИД. Т. XXX. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 363–368.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 563 с., ил.

Беляев Л. А., 2013. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН. 264 с., ил.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакш». 765 с., ил.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологического исследования селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 339–411.

Брикнер А. Г., 1895. Из истории цен в России в XVII веке // Исторический вестник. Т. XX. № 5. С. 259–280.

Буров В. А., 2006. Белокаменные надгробия Соловецкого монастыря XVI–XVII веков // Русское средневековое надгробие. Матер. к своду / Сост. и отв. ред. Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука. С. 257–267.

Буров В. А., Исакова Т. Н., Флоренский П. В., 2009. О происхождении известняка соловецких надгробных плит конца XV – начала XVII в. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 9. Архангельск – М.: Т-во Северного Мореходства. С. 116–117.

Вишневский В. И., 2007. Средневековые надписи-граффити на надгробиях из Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Матер. IV Междунар. конф., 29 сентября – 1 октября 2004 г. М. С. 69–80.

Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря / Сост. С. С. Ермолаев, Е. Е. Лыкова, В. В. Шилов. М.: Археографический центр, 1993. 114 с.

Воронин Н. Н., 1934. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М. – Л. 130 с. (ИГАИМК. Вып. 92).

Гиршберг В. Б., 1954. Надписи из Георгиевского монастыря. По материалам наблюдения 1949 года // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Под ред. А. П. Смирнова. М.: Гос. изд. культурно-просветительной лит-ры. С. 95–130. (Тр. МИРМ. Вып. 5).

Гиршберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. Т. I. С. 3–66.

Гордон П., 2014. Дневник. 1690–1695 / Пер., ст., прим. Д. Г. Федосова. М.: Наука. 620 с., ил. (Памятники исторической мысли).

Гордон П., 2018. Дневник. 1696–1698 / Пер. с англ., статья и прим. Д. Г. Федосова. М.: Наука. 324 с., ил. (Памятники исторической мысли).

Давиденко Д. Г., 2014. Царский некрополь первых Романовых (по данным письменных источников) // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Матер. XXVI Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М.: РГГУ. С. 158–160.

Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д. Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты. Ч. 1 / Собр. И. Забелин. М.: Университетская тип. (М. Каткова), 1882. XV с., 912 стб.

Дрбоглав Д. А., 1988. Камни рассказывают… Латинские эпиграфические памятники. XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М.: МГУ. 80 с., ил.

Житенева А. М., 2009. Методика и особенности палеографического анализа надписей на саркофагах и поминальных плитах // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования. В 4-х тт. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль. С. 104–121.

Житие Никона, святейшего патриарха Московского / Предисл. В. В. Шмидта, В. А. Юрченкова, В. Б. Смирновой; подг. текстов В. Б. Смирновой; коммент. В. В. Шмидта. Саранск: НИИ гуманит. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2005. 192 с.

Забелин И. Е., 1884. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. М.: Московская городская тип. 1382 стб.

Замятина Н. А., 1997. Терминология русской иконописи. М.: ЯСК. 272 с., ил. (Язык. Семиотика. Культура).

Колбас Ю. Ю., Додонова А. Р., 2017. Опыт изучения московских белокаменных надгробий естественно-научными методами // Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн». С. 624.

Леонид, архим., 1870. Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель преподобный Левкий. М.: Тип. «Русских ведомостей». 42 с.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М., 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 303 с. (*Historia Russica*).

Лобзова Р. В., Антонова В. И., Цицинова О. А., 2010. Петрографические исследования позолоты и красочных слоев на памятной плите XVII века (Воскресенский собор Московского Кремля) // Вестник РУДН. Сер. «Инженерные исследования». № 1. С. 85–89.

Медынцева А. А., 1978. О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М.: Наука. С. 378–383.

Медынцева А. А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.: Наука. 225 с., ил.

Медынцева А. А., 1999. Мастерская Тудора // РА. № 3. С. 149–159.

Медынцева А. А., 2006. О мастерах Васильевских врат 1336 г. (эпиграфические наблюдения) // РА. № 2. С. 81–90.

Медынцева А. А., 2012. Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // РА. № 2. С. 149–155.

Николаева Т. В., 1966. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Т. VI. С. 207–256.

Панова Т.Д., 1991. Каменные саркофаги антропоидного типа // СА. № 2. С. 90–101.

Панова Т.Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 195 с., ил.

Плешанова И.И., 1966. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. VI. С. 149–206.

Повесть о болезни и смерти Василия III // БЛДР. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000. С. 20–47.

Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского // БЛДР. Т. 14: Конец XVI – начало XVII в. СПб.: Наука, 2006. С. 134–149.

Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В., 2001. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. М.: Мосгорархив. 544 с.

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М.: Гласъ, 2005. 728 с., ил.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 784 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 359 с.

Сперанский А.Н., 1930. Очерки по истории Приказа каменных дел. М.: РАНИОН. 222 с.

Станюкович А.К., Черносвитов П.Ю., 2005. Закономерности и особенности погребального обряда в Новоспасской усыпальнице // Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График. С. 54–84.

Фатьков А.М., Яганов А.В., 2015. Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 412–421.

Хелли Р., 1999. Стоимость строительных материалов в Московском государстве в XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 233–245.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.50-63

Е. А. Армарчук
Институт археологии РАН, Москва

Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Весёлое под Адлером

Христианский храм у с. Весёлое под Адлером был раскопан в 2010–2011 гг. (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. С. 78–90; 2015. С. 318–319). Благодаря этому удалось, во-первых, выяснить его планиграфию (типа «вписанный крест» с нартексом, четырехстолпным наосом, тремя апсидами и открытыми притворами с северной, западной и южной сторон). Во-вторых, посредством радиоуглеродной AMS-даты по кости *homo sapiens* из раннего погребения в западном притворе определить временной интервал 879–971 гг., за который не выходит время строительства храма (*Мимоход и др.*, 2015. С. 398–399). По археологическому материалу, в X–XI вв., в период функционирования храма в его наосе, притворах и на прилегающем с юга некрополе совершались захоронения по христианскому обряду, то есть на спине в вытянутом положении, с западной ориентировкой. В некоторых из них встретились детали костюма и немногочисленные украшения, включая перстни с арабской эпиграфикой[1], о которых пойдет речь.

Таких перстней три; они происходят из трех погребений в наосе, которые по археологическому контексту относятся к XI в. За исключением одного, перстни являются цельнолитыми. Первичный осмотр показал, что эпиграфика нанесена в процессе изготовления изделий, а сами они сделаны из белого металла с применением черни и позолоты. Это подтвердилось в дальнейшем и позволяет причислить их к драгоценным украшениям[2]. Однако учитывая не только использованные в их

[1] Чтение и перевод всей эпиграфики на перстнях любезно сделаны В. Н. Настичем (заведующий отделом письменных памятников народов Востока Института востоковедения РАН), дополнительная консультация получена у Е. Ю. Гончарова (научного сотрудника этого же отдела), за что автор выражает им большую благодарность.

[2] Реставрация перстней выполнена в ГИМ художником-реставратором I категории Е. В. Белькевич, за что автор и музейные сотрудники весьма признательны ей. Описание материалов и технологии изготовления перстней см. в статье Д. А. Колесник (Столяровой) в этом сборнике.

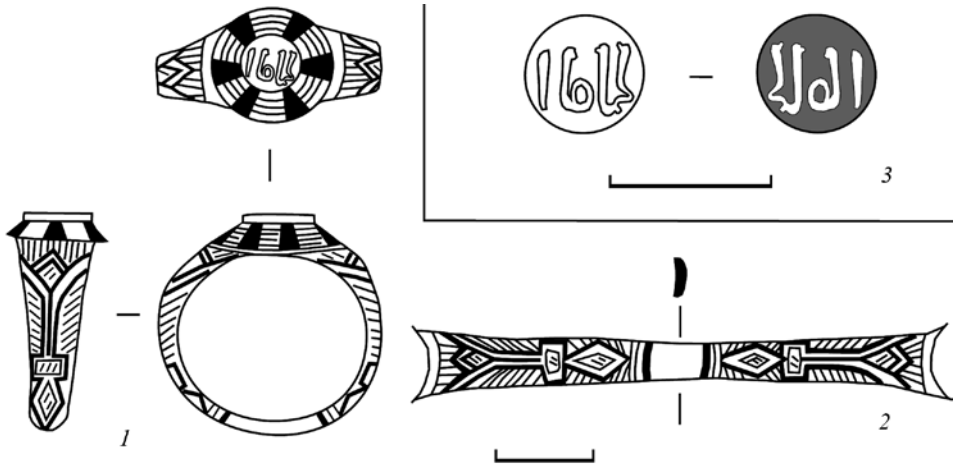


Рис. 1. Перстень из погребения VI в храме у с. Весёлое (рис. А. Н. Лехницкой в компьютерной обработке автора)

производстве дорогие металлы и сложные технологии, но и эпиграфику, перстни из Веселого следует отнести к «драгоценным произведениям художественного ремесла», как это делала известный специалист-эпиграфист А. А. Медынцева применительно к древнерусским нерядовым изделиям с надписями (*Медынцева,* 1991. С. 109). Думается, под термином «драгоценные» коллега Альбина Александровна имела в виду не только их материальную ценность, но и разноплановую информативность. Нельзя не согласиться, что в изучении таких артефактов играют роль как сравнительно-исторический и искусствоведческий анализ, так и приемы эпиграфического исследования, посредством которых выясняют время и место производства изделий, палеографию и содержание надписей, их графические и лингвистические особенности и др. (*Медынцева,* 1991. С. 7).

Рассмотрим находки из Весёлого.

Первый перстень (рис. 1; 2) обнаружился в погребении VI, которое является нижним из трех погребений, совершенных в разное время в одной могильной яме, и определено как женское. Других вещей в погребении не было. Щиток перстня диаметром 7 мм на 1,5 мм поднят вверх. Это позволяет отнести изделие к так называемым печатным перстням, у которых щиток-печатка в продольном сечении возвышается над линией дужки (*Седова,* 1997. С. 78). Щиток обрамляет скошенная наружу грань максимальным диаметром 11 мм, разделенная на двенадцать равных секторов, шесть из которых покрыты чернью. Промежуточные

Рис. 2. Перстень из погребения VI в храме у с. Весёлое (фото)

между ними сектора орнаментированы концентрическими дуговидными штрихами и позолочены. Дужка перстня, сегментовидная в сечении, расширяется к грани щитка до 7 мм и тоже украшена линейным орнаментом, который включает ромбовидные элементы, по два с каждой стороны. На отдельных участках дужки в углублениях орнамента уцелела позолота, но трудно сказать, покрывала ли она изначально всю ее поверхность. Из-за, вероятно, долгого ношения перстня на остальной поверхности позолота не сохранилась. Диаметр перстня составляет 23 мм, внутренний диаметр дужки 18–19 мм, диаметр щитка 7 мм.

На щитке находится короткая четкая надпись «ал-мулк» арабскими буквами, что означает «царствование», «власть» (67 сура Корана). Она передана зеркально глубокими бороздками шириной в миллиметр, в которых видны остатки позолоты. По мнению специалистов, почерк надписи трудноопределим из-за ее краткости. С точки зрения ювелирного дела, перстень демонстрирует прекрасную работу опытного мастера.

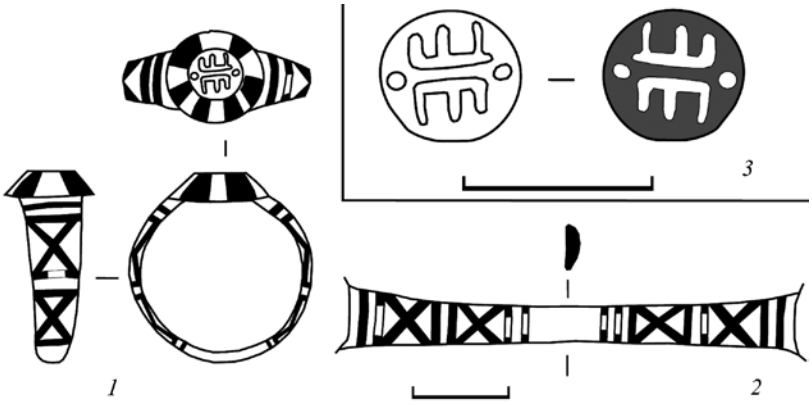


Рис. 3. Перстень из погребения VII в храме у с. Весёлое (рис. А. Н. Лехницкой в компьютерной обработке автора)

Второй экземпляр (рис. 3; 4) происходит из погребения VII, тоже являвшегося нижним из двух разновременных захоронений в одной могиле. Погребальный инвентарь состоял из железного ножа, пары бусинных височных колец, бус, небольшой каменной подвески и перстня, надетого на безымянный палец правой руки. Инвентарь маркирует погребение как женское[3].

Перстень морфологически однотипен с предыдущим, отличаясь от него лишь тем, что его щиток не поднят над скосом, и потому центральная часть имеет простой сегментовидный профиль без уступа. Согласно исследованию Д. А. Колесник (Столяровой), этот перстень технологически иной: только у него щиток и шинка были отлиты отдельно, а затем соединены посредством пайки, причем щиток отлит по оттиску. Такое копирование какого-то другого изделия привело к утрате четкости надписи и плохой проработке «канавок» на щитке, которые вышли слишком плоскими.

Шесть секторов на скосе щитка украшены чернью, однако промежутки между ними оставлены гладкими, без узора и позолоты. Сектора неравные, их контуры при беглом взгляде четко не выделяются. Диаметр скошенной грани щитка 10 мм. Диаметр перстня 20 мм, внутренний диаметр дужки 16–17 мм, диаметр щитка 6 мм. Обращает на себя внимание заметная потертость щитка и его скоса.

[3] В данном случае показателен набор бус из четырех сердоликовых, мелких гагатовых и стеклянных, в том числе глазчатых и бисера. По устной консультации И.Н. Кузиной, за что автор ей благодарна, датировка бус в целом укладывается в период конца X – начала XI в.

Рис. 4. Перстень из погребения VII в храме у с. Весёлое (фото)

Дужка отделана вырезанным на восковой модели линейным орнаментом, состоящим из сдвоенных поперечных глубоких бороздок и косых крестов – по два, один под другим с каждой стороны. Все борозды этой «гравировки» были инкрустированы чернью, которая полностью сохранилась лишь в косых крестах. Заметна более тщательная, качественная отделка дужки в сравнении со щитком: складывается впечатление, что щиток изготовлен не столь умелым мастером.

На щиток перстня нанесены два одинаковых слова из прямолинейных арабских букв, которые размещены в две строки, одно над другим с поворотом на 180 градусов. По предположению В. Н. Настича, они передают «лиллāх» – имя Всевышнего. С точки зрения Е. Ю. Гончарова, надпись нанесена почерком куфи, но не зеркально, а в правильной передаче. Отсюда вытекает, что данный перстень либо не был печатным, либо в оттиске оставлял зеркальное начертание букв. Это можно принять за ошибку ювелира при его изготовлении.

Третий перстень (рис. 5; 6) обнаружился в погребении XV надетым на фалангу безымянного пальца правой руки одного из двух индивидов

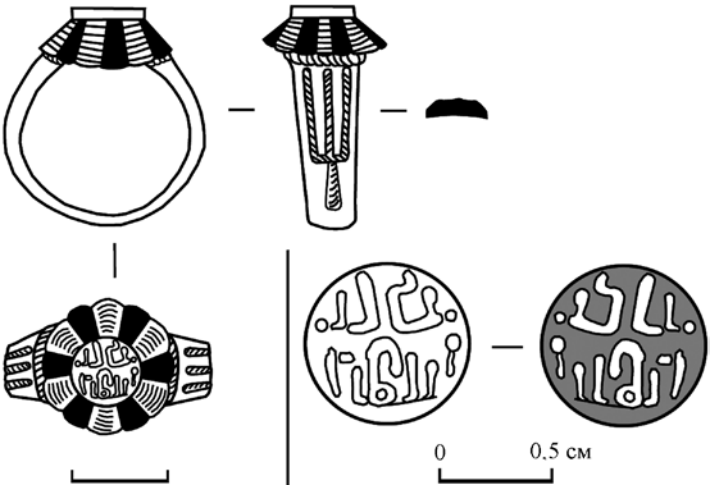


Рис. 5. Перстень из погребения XV в храме у с. Весёлое (рис. А. Н. Лехницкой в компьютерной обработке автора)

(женщины), захороненных в могиле не одновременно. Погребальный инвентарь усопшей кроме перстня включал булавки головного убора, украшенного мелкими металлическими бляшками-«скорлупками», ножницы и стеклянный бисер. Этот перстень по форме, технологии и декору аналогичен вышеописанному из погребения VI. Его приподнятый щиток диаметром 6 мм также имеет довольно широкий скос, разделенный на 12 одинаковых секторов: шесть покрыты чернью, а шесть промежуточных – поперечной концентрической линейной гравировкой и позолотой. Диаметр дужки 17–18 мм; на ее боковых сторонах сохранился орнамент, в бороздках которого проблескивает позолота. Его рисунок как бы имитирует три продольных валика, декорированных косыми насечками. Позолота покрывает также весь щиток.

На щитке перстня находится зеркальная двустрочная арабская надпись «Аллāх ал-бāки», что переведено как «Аллах вечный» («постоянный», «непреходящий»). Почерк надписи тоже остался неясен. И в этом случае работу ремесленника-ювелира надо признать первоклассной.

Технологические, типологические и стилистические аналогии этим перстням, за исключением изображений на щитках, дают два других драгоценных печатных перстня из Веселого: из погребений № 2 в южном притворе и № 15 на некрополе. У них идентично отделаны скосы щитков, но у перстня из погребения в южном притворе (рис. 7) скос разделен на восемь секторов вместо двенадцати (*Армарчук*, 2013.

Рис. 6. Перстень из погребения XV в храме у с. Весёлое (фото)

Рис. 7. Перстень из погребения 2 в южном притворе храма в Весёлом (фото)

Рис. 570–572; 2015. Рис. 318, 333; *Галищева*, 2014. С. 46. Рис. 10). На самих щитках взамен надписей можно видеть по одной птичьей фигурке. При этом рисунок на дужке перстня из погребения № 15 близок к таковому у перстня из погребения XV в наосе.

Другой аналогией служит находка адлерского краеведа И. К. Недоли, раскопавшего в 1956 г. женское погребение на могильнике у совхоза «Южные культуры» возле Адлера (*Недоля,* 1969. С. 23). Инвентарь этого погребения состоял из ножниц, ножей, бусинных височных колец, браслетов, заколок, гагатовых и стеклянных бус и двух печатных перстней. На щитке одного изображена выразительная фигурка павлина (*Недоля,* 1969. Рис. 8: *3*; *Галищева*, 2014. С. 45. Рис. 9). Судя по рисунку в отчете Недоли, скос щитка этого перстня был так же разделен на 12 секторов, украшенных, видимо, чернью и гравировкой[4]. Отметим, что данное захоронение по составу инвентаря почти повторяет погребение XV в наосе.

По описанию и рисункам И. К. Недоли, на овальный щиток другого перстня из этого погребения была зеркально нанесена в две строки надпись арабскими буквами, что позволяет отнести перстень к печатным. Сотрудница отдела нумизматики ГИМ С. А. Янина прочла и перевела надпись как «Аллах благословенный» (*Недоля,* 1969. С. 23. Рис. 8: *1*; *Галищева,* 2014. Рис. 8). Е. Ю. Гончаров обратил наше внимание, что она выполнена почерком куфи. Щиток перстня не имел скосов, а его дужка – каких-либо украшений. Несмотря на такие расхождения, эпиграфика этого перстня и экземпляра из погребения VII в наосе храма в Веселом сопоставима и относится к XI в. По наблюдениям А. А. Медынцевой, «использование надписей для датировки и атрибуции произведений искусства – явление традиционное и достаточно широко используемое многими специалистами» (*Медынцева,* 1991. С. 215). Однако в нашем случае эпиграфика помогает ограничить датировку лишь одного перстня с куфической надписью, не выходя за XI в. Датировка двух других экземпляров вытекает из сопутствующего материала.

Этим исчерпываются аналогии перстням из Веселого, и они не выходят за пределы района Большого Сочи на побережье Черного моря.

---

[4] Автор выражает большую благодарность за консультацию и помощь в работе с музейным архивом А. В. Гусевой и Е. В. Галищевой (соответственно, директору и главному хранителю Музея истории города-курорта Сочи, куда перстни переданы на хранение). Местонахождение перстней из раскопок И. К. Недоли в данное время неизвестно, в упомянутый музей они не поступали. По информации Недоли, перстни реставрировались в Институте археологии АН СССР.

В целом, все описанные и упомянутые перстни с чернью образуют единую серию из шести экземпляров, что говорит об их изготовлении в каком-то одном ремесленном центре (в одной мастерской?) и обращении в относительно короткий промежуток времени.

Район Большого Сочи на рубеже X–XI вв. входил в Абхазское царство[5], а затем в Царство абхазов и картлийцев, существовавшее до середины XIII в. В синхронных археологических материалах с их территорий соответствия перстням из Веселого не встречены (*Воронов*, 2002. С. 349–359), хотя черненые серебряные изделия там попадаются. Например, кольцо со щитком из клада 1977 г. в с. Лыхны (*Шамба*, 1987. С. 104); кольцо для натягивания тетивы из могильника XIII–XV вв. у замка Баграта под Сухуми (*Бгажба*, *Лакоба,* 2007. С. 161). Чернение серебра, золочение, гравировка были также хорошо известны и применяемы в Закавказье, скажем, в Армении в период X–XIII вв. (*Аракелян*, 2003. С. 343).

Считается, что рецептура изготовления черни распространилась от мастеров Ближнего Востока и Византии (*Макарова,* 1986. С. 123). По Т. И. Макаровой, черневое дело на Руси возникло и развивалось как оригинальная область прикладного искусства, а овладение этим сложным ремеслом предполагало длительную традицию металлообработки (*Макарова,* 1986. С. 115). Установлено, что производство местных золотых и серебряных изделий этой редкой техники в Древней Руси – показатель наличия мастерских высокого социального уровня, княжеских и великокняжеских (*Макарова,* 1986. С. 123).

Несколько иная картина наблюдается в домонгольский период на территории Волжской Болгарии, где с XI в. серебряные украшения с чернью массово производились в нескольких городских центрах. Это было обусловлено ростом крупных булгарских городов, возникновением новой среды потребителей из среднего класса и развитием ювелирного дела (*Руденко*, 2016. С. 391–393). Характерно, что булгарские черненые щитковые, но не печатные перстни XI–XII вв., сделанные в своеобразном стиле, сложившемся под влиянием Востока, нередко

[5] Вопрос о северной границе Абхазского царства окончательно не решен и помимо прочего зависит от поливариантной локализации связанных с ней населенных пунктов письменных источников: границу поднимают до окрестностей Туапсе, где помещают пограничный город «Никопсию» и «Южный Джикети»-Зихию (Очерки истории Грузии, 1988. С. 163; *Шамба,* 1987. С. 103), или отождествляют Никопсию с Цандрипшем (*Бгажба, Лакоба*, 2007. С. 126), либо локализуют ее на р. Нечепсухо (*Виноградов*, 2013. С. 168, 172). Археологический материал из раскопок в районе Большого Сочи позволяет говорить о распространении материальной культуры Абхазского царства на этот район, а его территории – на север, по меньшей мере, до р. Мзымта и Бзыбь (*Армарчук*, 2012. С. 16–17).

украшались изображениями птиц. Правда, эти изделия не имеют общего с перстнями из Веселого и «Южных культур» (Путешествие Ибн Фадлана, 2016. Кат. №№ 324–325).

По письменности (арабский язык) и содержанию надписей (прославление Аллаха), найденные перстни относятся к мусульманским украшениям. Возникает вопрос: как они попали в данный регион, где с IV–V вв. н. э. распространялось христианство, средневековый археологический материал которого не несет отпечатка мусульманской культуры, и куда ислам спорадически внедрялся со второй половины XVI в.? Целесообразно взглянуть на историю этого региона и примыкающих к нему областей Закавказья.

Замечено, что средневековые письменные источники не рисуют картину последовательных событий в Восточном Причерноморье, донося до нас лишь отдельные исторические эпизоды, а территория, лежащая севернее современной Абхазии, практически не освещена ими (*Виноградов*, 2013. С. 156, 172). В 643–645 гг. Арабский халифат завоевывает земли Грузии; в дальнейшем арабы не раз пытались одолеть и западную ее территорию. В 697 г. они ненадолго захватили Западное Закавказье, кроме отдельных причерноморских городов (в их числе Фасис), сохранивших подчинение Византии (*Амиранашвили*, 1963. С. 130). Это иллюстрирует соперничество арабов и византийцев в сфере влияния на Восточное Причерноморье, которое длилось и в дальнейшем.

В начале VIII в. Абхазское княжество временно стояло на антивизантийской позиции и наряду с Лазикой отпало от империи, перейдя на сторону арабов. Это повлекло за собой кампанию Льва Исавра в 708–710 гг. и осаду лазикской столицы Археополя. В итоге византийцы получили контроль над Апсилией (*Виноградов*, 2013. С. 159–161). Впоследствии это, наряду с отказом Абхазии от союза с арабами, вызвало ответные вторжения арабов 736–738 гг., включая опустошительный поход Марвана ибн Мухаммада («Мурвана Кру» грузинских источников), потерпевший неудачу под Анакопией у современного Нового Афона. Свою роль здесь сыграл эристав Абхазского княжества Леон I (741–786), при поддержке Византии освободивший северо-западную часть побережья от арабов и сохранивший ее суверенитет в отличие от расположенной южнее Лазики, которая, по Феофану Исповеднику, в начале IX в. была под арабами, входя в состав Тбилисского эмирата. В 786–787 гг. абхазский правитель Леон II (786–806) объявил независимость Абхазского княжества от ослабевшей тогда Византии и принял царский титул (Очерки истории Грузии, 1988. С. 162; *Виноградов*, 2013. С. 166–168). Его

наследники – сыновья Феодосий II (806–825), Дмитрий II (825–861) и Георгий I (861–868) продолжили политику отца.

Власть арабов в Грузии на рубеже VIII–IX вв. не была крепкой, но они по-прежнему осуществляли свой диктат над местными правителями, например, сохранили институт утверждаемых халифом «эриставов Картли» (эрисмтаваров Картли). К концу IX в. на территории Грузии существовало пять политических полунезависимых феодальных образований: Грузинское царство, которое позже сменило княжество Тао-Кларджети (Картвельское), Кахетинское княжество, Абхазское царство и Тбилисский арабский эмират (*Амиранашвили*, 1963. С. 128–129).

Тбилисский эмират представлял собой исламское государственное образование под эгидой Арабского халифата, возникшее в 730-е гг. на территории Восточной и Юго-Западной Грузии. В IX в. зоной непосредственного подчинения ему оставался центральный район Картли с Тифлисом, где находилась резиденция эмира. В XI в. эмиру подчинялся уже только Тбилиси с пригородами. Формально эмират исчез в 1122 г., когда Тбилиси взял Давид Строитель, но упоминания о нем уже с 1080 г. пропали из письменных источников.

IX в. характеризуется противостоянием названных царств/княжеств арабам и Тбилисскому эмирату в борьбе за влияние в регионе (*Бгажба*, *Лакоба*, 2007. С. 124). Одно из доказательств этого – внутренняя политика абхазских царей Георгия II (922–957) и его сына Леона III (957–967), известных строительной деятельностью, в том числе сооружением христианских церквей, где учреждались епископские кафедры (*Бгажба*, *Лакоба,* 2007. С. 125). В 914 г. восточные границы Абхазского царства нарушил арабский эмир Абу'л-Касим, однако его продвижение на запад было остановлено. В 920 г. сложилась абхазо-армяно-византийская антиарабская коалиция, что вытекает из послания Николая Мистика периода второго его патриаршества католикосу Армении и царю Абхазии (*Бгажба*, *Лакоба*, 2007. *С.* 144; *Виноградов*, 2013. С. 170–171).

Абхазское царство (со столицей Кутаиси с 806 г.) существовало до рубежа X–XI вв. Последний его правитель Баграт III из рода Багратидов (978–1014) возглавил завершившийся в 1008 г. процесс создания «царства абхазов и картлийцев». При Баграте III продолжал существовать Тбилисский эмират. Первую попытку ликвидировать его в процессе объединения грузинских княжеств предпринял Баграт IV (1027–1072), а завершил грузинское объединение Давид Строитель (*Амиранашвили*, 1968. С. 11).

По мнению Ш. Я. Амиранашвили, мусульманская культура примерно с конца X в. стала оказывать влияние на Грузию и Армению, по-

скольку с ростом городов и торговли рождался слой общества, который мог воспринимать эту культуру (*Амиранашвили*, 1963. С. 134). Такие процессы иллюстрирует археологический материал. Во-первых, нумизматический: грузинские подражания арабским дирхемам, например, из Цебельдинского клада 1977 г. (*Шамба*, 1987. С. 96–97). По Е. А. Пахомову, подражания предшествовали монете абхазского царя Баграта III с искаженной арабской легендой на аверсе, а на реверсе – с центральной арабской надписью «Мухаммед – посланник бога» и грузинской надписью «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов» в круговом ее обводе (*Пахомов,* 1970. С. 55–57*; Капанадзе,* 1955. С. 51. Табл. III/43; *Рамишвили,* 2003. С. 315; *Кулешов,* 2013. С. 370). Правда, свою роль в доминировании дирхемов играл единый монетный рынок того времени.

Во-вторых, ювелирные изделия: серебряный перстень-печатка с арабской монограммой из клада в Накалакари (Грузия), предварительно датированный XIII в. (*Рамишвили и др.,* 1982. С. 57) и, предположительно, арабский серебряный перстень с куфической надписью из богатого погребения VIII в. могильника Армазисхеви (Очерки истории Грузии, 1988. С. 257). Теперь сюда добавляются вводимые в научный оборот перстни XI в. с арабской эпиграфикой из христианского храма в Веселом.

Привлекает внимание тот факт, что эти украшения находились в погребениях, расположенных в наосе храма (наиболее почетном месте в сравнении с притворами и грунтовым некрополем снаружи), но не вторгавшихся в значимое подкупольное пространство. Данная локализация вместе с составом инвентаря, особенно, погребений VII и XV, говорит о высоком общественном статусе захороненных там персон, а также о приверженности усопших христианству. В таком случае, драгоценные перстни с арабской эпиграфикой играют здесь роль своеобразных, теперь уже не религиозных, а культурно-социальных инсигний. Их предпочтительнее трактовать как дары или же покупки, либо трофеи, добытые при эпизодических военных столкновениях. Наконец, иная, «житейская» версия тоже способна объяснить ситуацию, но с другой точки зрения: погребенные с этими перстнями женщины были изначально мусульманками, принявшими христианство при заключении брака с представителями местной знати.

Как бы то ни было, «предметы материальной культуры с надписями – это редкий случай, где материальное начало тесно соприкасается с духовным, где на помощь “вещеведению” приходит живое человеческое слово» (*Медынцева*, 1991. С. 217).

Литература

Амиранашвили Ш. Я., 1963. История грузинского искусства. М.: Искусство. 736 с.

Амиранашвили Ш. Я., 1968. Грузинское искусство. Тбилиси: Изд. Тбилисского унив. 41 с.

Армарчук Е. А., 2012. Новые находки расписной керамики эпохи Абхазского царства // Поволжская археология. № 1. С. 8–19.

Армарчук Е. А., 2013. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 34448–34450.

Армарчук Е. А., 2015. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44676–44678.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл.В, 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. № 3. С. 78–90.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2015. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: Наука. С. 318–319.

Аракелян Б. Н., 2003. Армения в IX–XIII веках. Ремесло, декоративное искусство, письменность // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука. С. 342–350. (Археология).

Бгажба О. Х., Лакоба С. З., 2007. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум. 390 с.

Виноградов А. Ю., 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар. С. 156–176.

Воронов Ю. Н., 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Вып. XII. С. 334–362.

Галищева Е. В., 2014. Утраченное археологическое наследие Сочи: храм эпохи средневековья в «Южных культурах» // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28– 30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 43–52.

Капанадзе Д. Г., 1955. Грузинская нумизматика. М.: АН СССР. 186 с.

Кулешов Вяч. С., 2013. О грузинских подражаниях Аббасидам и о так называемой «монете Баграта III» из собрания Эрмитажа // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции. СПб. 616 с. (ТГЭ. LXIX).

Макарова Т. И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука. 154 с.

Медынцева А. А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики. XI–XIII вв. М.: Наука. 240 с.

Мимоход Р. А., Клещенко А. А., Армарчук Е. А., Скаков А. В., 2015. Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства Олимпийских объектов // АО 2010–2013 годов. М.: Наука. С. 397–399.

Недоля И. К., 1969. Отчет по обследованию памятников Средневековья в районе Большого Сочи за 1954–1968 гг. Сочи / Архив Музея истории города-курорта Сочи. Ф. 1. Д. 23. С. 34.

Очерки истории Грузии. Т. 2: Грузия в IV−X веках / Ред. М. Лордкипанидзе, Д. Мусхелишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 580 с.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми: Абгосиздат, 1960. 310 с.: ил.

Пахомов Е. А., 1970. Монеты Грузии. Тбилиси: Мецниереба. 376 с.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.: ил.

Рамишвили Р. М., Рчеулишвили Г. Г., Маргвелашвили М. Г., Чихладзе В. В., Глонти М. Г., Циклаури Д. К., Робакидзе Ц. Ш., Циклаури И. Д., Церетели К. Б., Чиковани Г. Ч., 1982. Основные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси: Мецниереба. С. 52–59.

Рамишвили Р. М., 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.). Материальная и духовная культура // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука. С. 308–320. (Археология).

Руденко К.А, 2016. Культура Волжской Болгарии в отражении памятников ювелирного искусства // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани. С. 389–393.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78. (Археология).

Шамба С. М., 1987. Монетное обращение на территории Абхазии. (V в. до н. э. – XIII в. н. э.). Тбилиси: Мецниереба. 135 с.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.64-75

Д. Ю. Бадеев
Институт археологии РАН, Москва

Шахматные фигуры с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара

Не подражай ничтожным, Хагани,
За почестями гонятся они,
Не ферзем, что идет кривой дорогой,
Но пешкой стань – и путь прямой храни.
Хагани Ширвани (пер. А. Корсуна)

Одной из черт, свидетельствующих об уровне развития культуры городского населения средневекового периода, помимо наличия письменной грамотности (исследованию которой посвящено большинство работ Альбины Александровны Медынцевой), является и широкое распространение игры в шахматы – до сих пор одной из самых сложных игр, построенных на логическом расчете. За длительный период своего существования они стали частью культуры: шахматные фигуры находят место во дворцах восточных правителей, замках европейских рыцарей и в избах новгородских ремесленников. Время, пути распространения шахматной традиции, а зачастую, и формы самих фигур для игры свидетельствуют о культурных, торговых и даже политических связях различных регионов.

Открытым остается вопрос о времени и путях распространения шахматной традиции на Средней Волге, где к X в. формируется государственное образование, известное как Волжская Булгария[1]. Казалось бы, имея обширные связи с исламским Востоком, где шахматы распространяются и утверждаются в IX в., Волжская Булгария вслед за принятием исламской традиции и культуры должна была перенять

[1] Наряду с этим, до сих пор достоверно не установлено какой терминологией для определения рангов фигур пользовались булгарские любители шахмат: применялись ли арабские названия фигур или сформировались свои. Исходя из этой неопределенности, в статье употребляется современная шахматная терминология, распространенная для названия фигур в России.

и шахматную традицию. Исходя из этого предположения, К. А. Руденко относит появление и распространение шахмат в Волжской Булгарии к X–XI вв. (*Руденко*, 2005. С. 75; 2017. С. 29). Однако до сих пор нет достоверных археологических находок, подтверждающих столь раннее появление и распространение шахматной игры в Среднем Поволжье. Зачастую в категорию ранних шахматных фигур попадают затыльники и обоймы от наборных рукоятей (*Руденко*, 2005. Табл. 19, 383–387), а также фишки для иных «игр на досках», например, «мельницы» или хнефтафла (*hneftafl*), распространенные, в том числе, и в Восточной Европе (*Сагайдак, Хамайко, Вергун*, 2008). Новые данные о развитии шахматной традиции в культуре поволжских городов предоставили археологические исследования в центральной части золотоордынского Болгара, где на месте городского базара середины XIV в. помимо усадеб торговцев располагались дворы ремесленников, связанные с обработкой железа, цветных металлов, кости и янтаря. Наличие производственных комплексов с последующим возведением торгового помещения позволяет нам рассматривать данный участок золотоордынского Болгара как ремесленно-торговый район (*Бадеев, Коваль*, 2018). Располагается этот район к юго-западу от Соборной мечети. В этническом, религиозном и культурном плане он характеризовался в значительной степени смешанным населением, что подтверждается, в том числе, эпиграфическими находками – арабографической надписью, процарапанной на красноглиняном кувшине, и тюркской, выполненной кириллическими буквами на литейной форме, а также предметами личного благочестия – сердоликовой вставкой с текстом 12-й суры Корана и пятью нательными крестиками (*Бадеев, Коваль*, 2017. С. 10; *Медынцева, Бадеев, Коваль*, 2018; *Бадеев*, 2018). Именно в этом районе золотоордынского Болгара зафиксирована максимальная концентрация находок шахматных фигур.

Общее число находок шахматных фигур и их фрагментов с территории усадеб центральной части городища золотоордынского периода (на раскопах CLXXIX и CXCII, т. е. на площади, исследованной ИА РАН в 2012–2018 гг.) составляет 42 экземпляра. Из них 15 – это фигуры, с высокой степенью достоверности определимые до ранга. Определение рангов еще 27 обломков фигур затруднено из-за их плохой сохранности, при этом несколько обломков могло принадлежать к одной фигуре. Все найденные фигуры происходят из слоев и объектов второй половины XIII–XIV в. Датировка объектов и слоев производилась по монетному материалу и их взаимному расположению согласно

Рис. 1. Шахматные фигуры 2-й пол. XIII – XIV в. с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара. Одиночные находки

1–3 – ладьи; *4* – конь; *5* – слон; *6–9* – пешки

стратиграфической шкале, разработанной А. П. Смирновым для Болгарского городища в середине XX в. Все фигуры, по определению научного сотрудника лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Л. В. Яворской, изготовлены из зрелого плотного рога оленьих, что может указывать на их местное производство.

К единичным находкам из различных комплексов золотоордынского периода (вторая половина XIII–XV в.) и времени существования русской деревни (XVII–XX вв.) относится девять шахматных фигур (рис. 1). Остальные фигуры и их обломки (рис. 2) обнаружены в виде скопления сильно обгоревших изделий из прослойки пожара в заполнении подвала (яма 83, раскоп CXCII – 2016 г.). Эта прослойка располагалась в нижней части заполнения подвала (пласты 8, 9) и была представлена

Рис. 2. Шахматные фигуры 2-й пол. XIII – XIV в. с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара. Набор шахматных фигур из заполнения постройки 2-й пол. XIV в.

1 – ладья; *2* – слон; *3* – ферзь (*а* – навершие; *б* – фр-т орнамента); *4–6* – пешки; *7* – конь; *8* – ладья (обломок); *9* – обломки фигур с орнаментом из 3 линий (*а–о*); *10* – обломки фигур с орнаментом из 2 линий (*а–и*)

супесями от серого до буро-серого цвета с большим содержанием углей и включениями печины. Время бытования подвала совпадает с функционированием близлежащего здания городского базара – середина XIV в. Как и здание городского базара, постройка погибла в результате катастрофических событий, предположительно связанных с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г. О том, что речь идет именно о разорении, свидетельствует использование котлована подвала для захоронения двух фрагментированных человеческих скелетов. Вероятно, это останки тел, лежавших какое-то время на земле после взятия города и сброшенных затем в засыпаемый котлован.

Относительная компактность расположения шахматных фигур позволяет предположить, что все они относятся к одному комплекту (рис. 3)[2]. Не смотря на значительную фрагментированность фигур, можно установить, что различие противоборствующих сторон определялось нанесенным на них орнаментом. Первая группа фигур и их обломков снабжена орнаментом в виде поясов из трех линий, размещенных в верхней и нижней частях фигур (рис. 2, *3–5, 9*), вторая (рис. 2, *2, 6, 10*) украшена поясами из двух линий в верхней, нижней, и лишь в двух случаях – в центральной части фигуры (рис. 2, *6, 10а*). Кроме того, из них три фигуры орнаментированы двумя линиями и по поверхности основания фигуры (рис. 2, *2, 10в, 10г*). Можно предположить, что орнамент на основания фигур нанесли для упрощения определения ранга. Из определимых до ранга фигур орнаментированное основание имела лишь фигура слона (рис. 2, *2*), на основаниях пешек орнамент отсутствовал (рис. 2, *6*). Нельзя исключать и того, что часть фигур в связи с утратами в процессе использования дополнили позже из другого набора. На длительность использования рассматриваемого набора указывает также миниатюрный железный гвоздь, расположенный на боковой стороне одной из фигур (рис. 2, *9е*). Вероятно, что таким образом произвели ремонт, например, сколовшегося в верхней части выступа у фигуры коня.

Различались соперничающие стороны, кроме того, и размером фигур: средний диаметр первой группы 2,2–2,4 см, второй – не более 2,0 см. Заметно отличилась высота пешек: у фигур первой группы она составляла 3,1 см, у второй – 2,5 см. Из этого шахматного набора

[2] Шахматные фигуры из набора соответствуют следующим номерам находок по полевой описи раскопа CXCII – 2016 г.: № 873, 877, 917, 923, 930, 942, 978, 1071, 1090, 1100, 1101, 1113, 1122, 1153, 1187, 1195.

достоверно определяются фигуры всех рангов, что позволяет с высокой степенью вероятности произвести его реконструкцию (рис. 3). По форме фигур рассматриваемый набор восходит к абстрактным фигурам восточного (арабского) типа – IX в., а также к фигурам, возникшим на основе восточной символики, как с территории Европы, так и Древней Руси (*Линдер*, 1975. С. 28, 29, 76–80; *Рыбина,* 1991. Рис. 4, 6; *Вильямс*, 2004. С. 16–18; *Kluge-Pinsker*, 1991. Abb. 27). Фигуры короля и ферзя имели усечено-коническую форму, верхняя часть скругленная, боковая поверхность с выемкой в форме арки, глубиной не более 0,2 см. Возможно, у одной из сторон арки (или вместо нее) имелся резной орнамент, о чем свидетельствует небольшая часть декора в виде шестилучевой звезды (рис. 2, *3б*), найденная на месте описываемого скопления фигур. К сожалению, сохранность обломка не позволяет дать его более подробное описание.

Фигуру короля от ферзя отличало наличие навершия шаровидной формы с двумя дисковидными дополнениями сверху и с одним снизу, диаметр навершия 0,3–0,5 см (рис. 2, *3а*). Навершие сходило на клин (длина 0,8 см, диаметр до 0,5 см), при помощи которого производилось крепление к верхней плоскости фигуры. Навершие найдено отдельно от фигуры. Подобный технологический прием крепления навершия к основной части фигуры известен и среди древнерусских шахмат, например, с территории Ярославля (*Бадеев*, 2012. Рис. 2, *5*). В наборе из «королевского» ранга частично сохранилась лишь фигура ферзя (рис. 2, *3*) с диаметром основания 2,2 см и высотой – 3,2 см. Высота фигуры короля с навершием могла достигать 3,8 см. Этот ранг фигур, как и все другие из рассматриваемого набора, украшал линейный орнамент.

Следующие два ранга фигур из набора близки по форме – фигуры коня и слона. Они имели усечено-коническую основу со скругленной верхней частью (рис. 2, *2, 10в, 10г*). Высота фигур не превышала 3,2 см. Различие двух рангов фигур состояло в оформлении боковых выступов, расположенных в верхней части. Выступ фигуры коня одиночный, сверху имел треугольный вид с размерами сторон 0,6 см. Форма и размеры выступа установлены по обломку фигуры плохой сохранности (рис. 2, *7*). Выступ у фигуры слона сверху имел вид V-образной формы. Подобное оформление выступов на фигурах данного ранга восточного типа призвано символизировать голову коня и бивни слона (*Рыбина*, 1991. С. 86). Как минимум четыре фигуры в этом наборе можно отнести к рангу пешек (рис. 2, *4–6, 10а*). С большой долей вероятности (исходя из количественного преобладания этого ранга фигур

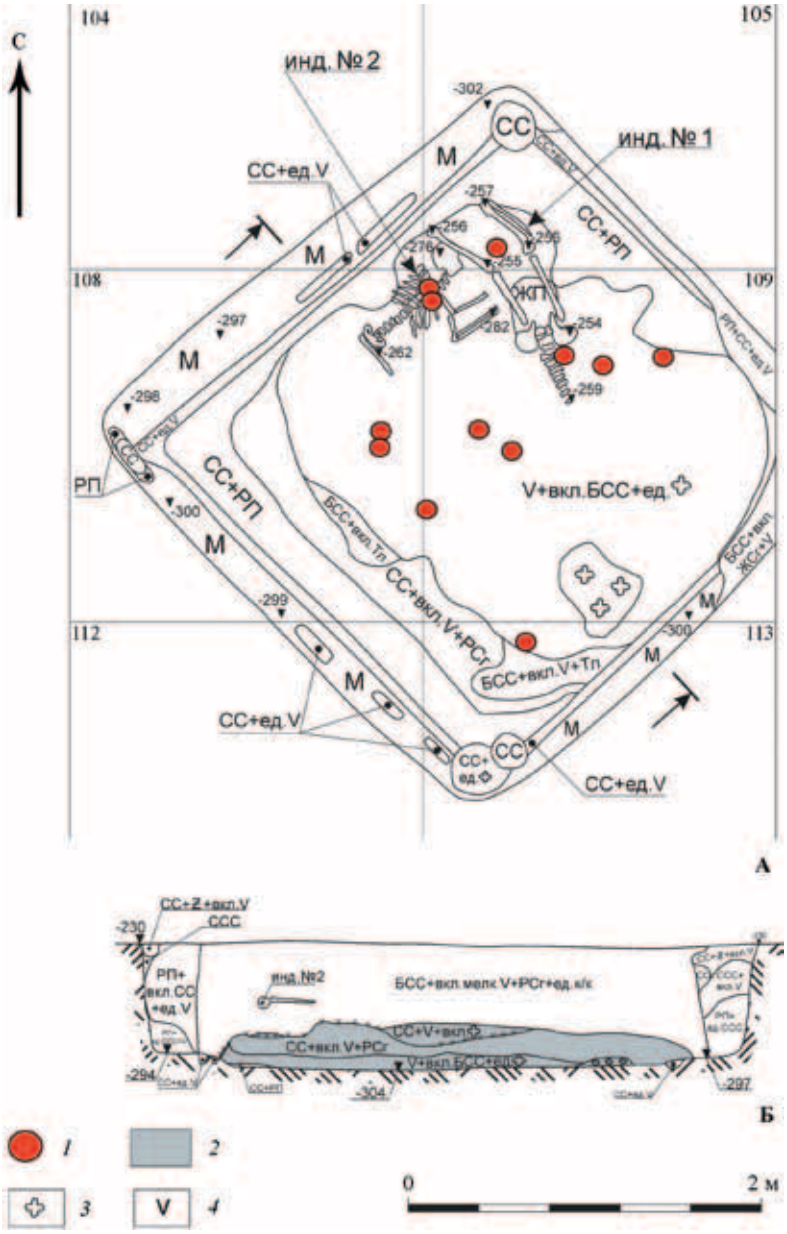


Рис. 3. Подвал сер. XIV в. (яма 83, раскоп CXCII – 2016 г.) – место находки шахматного набора

А – яма 83 (пл. 7–9, зачистка по уровню -300 см); **Б** – разрез ямы 83. *1* – шахматные фигуры; *2* – слой пожара в нижней части заполнения ямы – горизонт обнаружения фигур шахматного набора; *3* – печина; *4* – уголь. СС – серая супесь; БСС – буро-серая супесь; ССС – светло-серая супесь; РП – рыжий песок; ЖСг – желтый суглинок; Ż – органика; Тл – тлен древесный; М – материк

в шахматном наборе) можно утверждать, что и большинство обломков фигур из выявленного набора также относятся к пешкам (рис. 2, *9, 10*). Они имели форму, аналогичную представленным выше фигурам других рангов, выступы и навершия отсутствовали. Эти пешки имеют прямые аналогии среди новгородских костяных фигур XIII–XV вв. (*Рыбина*, 1991. Рис. 4, *36*).

Отличительной формой в булгарском шахматном наборе (впрочем, как и в любом другом наборе восточной типа) обладали ладьи, имевшие прямоугольное основание и два вертикальных выступа по бокам. Такую форму одни исследователи объясняют попыткой схематического изображения четырехугольной колесницы (*Рыбина*, 1991. С. 86), другие связывают ее с абстрактным изображением легендарной гигантской птицы рух, отбрасывающей тень от своих крыльев на землю (*Линдер*, 1975. С. 46). У единственной сохранившейся фигуры из набора размеры основания 2,8×1,1 см, высота – 3,2 см (рис. 2, *1*). Боковые стороны фигуры прямые, верхняя часть оформлена в виде двух вертикальных выступов, напоминающих букву «М», один из выступов обломан. Фасадные стороны фигуры декорированы рельефными вертикальными полосами, по краям располагалось по одной полосе, в центре – две, где они образовывали остроконечную арку. Еще один фрагмент шахматной ладьи имел плохую сохранность (рис. 2, *8*). Однако даже небольшой обломок размерами 2,0×1,6×1,0 см, благодаря характерной форме, позволяет надежно определить этот фрагмент как фигуру ладьи. На данный момент булгарский шахматный набор является наиболее полным с территории золотоордынских городов, что позволяет провести его достаточно точную реконструкцию (рис. 4).

Далее представлен обзор одиночных находок фигур по соответствующим рангам.

Пешки. Эти фигуры представлены четырьмя экземплярами: из них две фигуры имеют усечено-коническую форму и округлое оформление верхней части (рис. 1, *7, 8*), а две других представлены формами близкими к цилиндрическим (рис. 1, *6, 9*). Пешки относятся к абстрактным шахматам восточной типа. На раскопе CXCII (2016 г.) в заполнении подвала XIV в. (яма 83), откуда происходили и фигуры рассмотренного выше набора, обнаружен еще один обломок пешки. Фигура отличалась формой (цилиндр) и размерами: высота – 2,5 см, диаметр основания – 2 см (рис. 1, *6*). На пешке в верхней, средней и нижней частях размещались пояски из сдвоенных линий. На верхней плоскости фигуры также виден линейный орнамент. С раскопа CLXXVI (2012 г.),

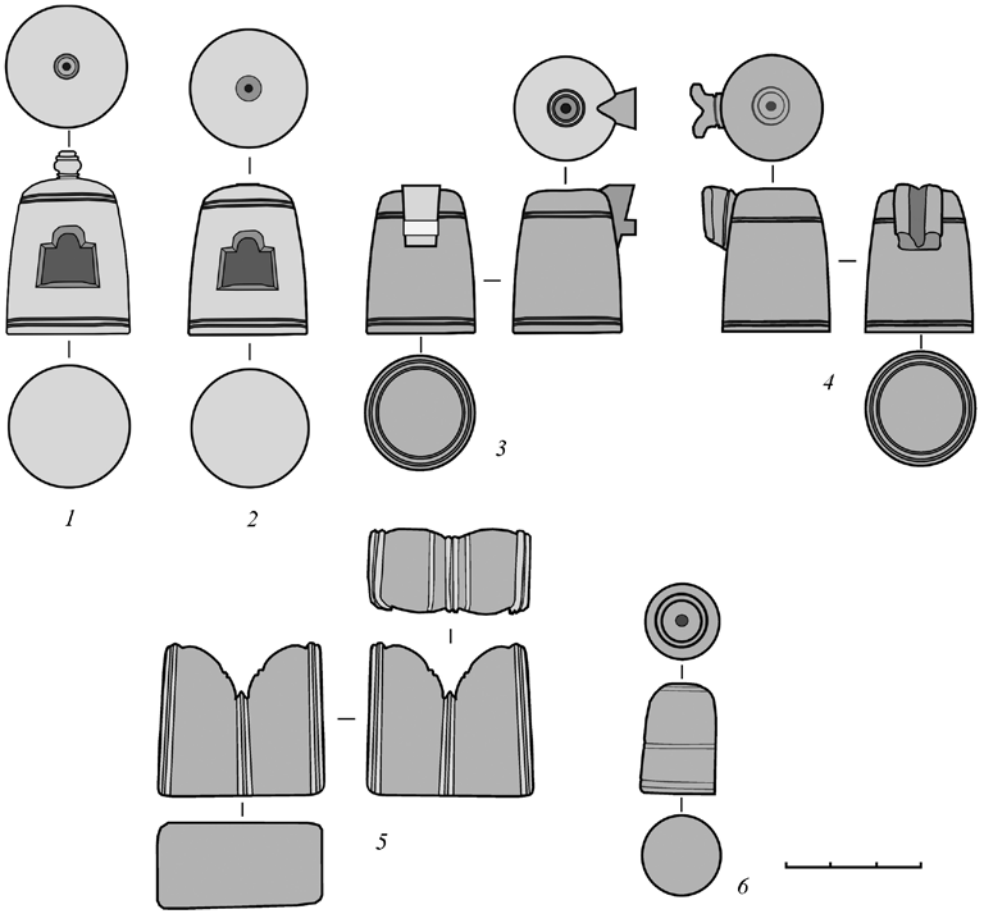


Рис. 4. Реконструкция одной из сторон шахматного набора XIV в. по материалам находки с территории усадеб центральной части золотоордынского Болгара. В скобках приведены арабские названия

1 – король (шах); *2* – ферзь (фирзан); *3* – конь (фарас); *4* – слон (фил); *5* – ладья (рух); *6* – пешка (байдак)

из прослоек, датированных первой половиной XIV в., происходила пешка высотой 2,1 см и диаметром основания 1,8 см (рис. 1, *7*). Фигура орнаментирована двумя поясами из трех линий в верхней и нижней частях. Эта фигура имела форму аналогичную пешкам из описанного выше шахматного набора, однако отличалась от них своими размерами. Другой обломок пешки (рис. 1, *8*) усеченно-конической формы и близкими размерными характеристиками (высота 3,2 см, диаметр основания 2 см) с фигурами из набора, происходил также с раскопа

CXCII (2016 г.), из прослоек, датированных второй половиной XIV в. Обломок одиночной пешки, в отличие от близких по размеру пешек из набора, орнаментирован двумя поясами сдвоенных линий. Можно отметить отсутствие на фигуре следов воздействия огня, присущих всем фигурам из скопления в заполнении ямы. Представленные признаки не позволяют отнести данную фигуру к набору из подвала (ямы 83). Следующая одиночная пешка, напротив, сохранилась в прокаленном до белого цвета состоянии (рис. 1, *9*), но происходила из заполнения другого сгоревшего подвала (яма 1, раскоп CXCII 2013 г.), который предшествовал возведению городского базара середины XIV в. Сама фигура имела цилиндрическую форму высотой 1,7 см, диаметр основания 1,8 см. Это одна из немногих фигур, диаметр основания которой равен или немного превышает ее высоту. Верхняя часть фигуры имела едва выраженное округлое оформление, в нижней части нанесен пояс из двух линий.

Ладьи – ранг, следующий по количеству найденных одиночных фигур. Представлен тремя экземплярами, из них две целые формы и обломок (рис. 1, *1–3*). Из заполнения зерновой ямы второй половины XIII в. (раскоп CLXII 2011 г.) происходит фигура ладьи наилучшей сохранности. Ее прямоугольное основание имело размеры 3,8×2,0 см, высота 3,5 см. Боковые стенки фигуры слегка наклонные, переходят в вертикальные выступы скругленной формы (рис. 1, *1*). Фасадные стороны фигуры, как и у ладьи из набора, так и у других двух отдельных находок, оформлены рельефными вертикальными линиями. Такой стилистический прием оформления фигуры ладьи можно рассматривать в качестве особенности булгарских шахмат XIII–XIV вв., на известных фигурах шахматных ладей с территории Восточной Европы он не встречается. Еще одна шахматная фигура ладьи найдена на раскопе CXCII 2017 г. в переотложенном состоянии в слое русского села XVII–XX вв. В основании она также имела прямоугольную форму размерами 3,2×2,4 см, высотой – 3,6 см. Верхняя часть фигуры переходит в два боковых вертикальных выступа остроконечной формы, образующие V-образный проем (рис. 1, *2*). Небольшой обломок шахматной ладьи восточного типа обнаружен в раскопе CXCII 2018 г., в прослойках, датированных 20–40 гг. XIV в. Сохранность фигуры позволяет определить ширину прямоугольного основания – 1,5 см и ее высоту – 4 см. Сохранился характерный для болгарских фигур данного ранга стиль оформления фасадных сторон – вертикальные рельефные линии в центральной части.

Единичными находками представлены фигуры коня (рис. 1, *4*) и слона (рис. 1, *5*). Одиночная находка коня с раскопа CXCII 2018 г. близка по форме к шахматному коню из набора – цилиндр с округлой вершиной (высота 3,5 см, диаметр основания 2,3 см) и выступом (1,1×0,6 см) в верхней части. Фигура орнаментирована тремя поясами из двух линий, при этом верхний пояс линий значительно стерт и практически невиден, что может говорить о длительности использования фигуры. Шахматный конь обнаружен в прослойках золотоордынского слоя, датируемого 20–40 гг. XIV в. В непосредственной близости от него, в тех же хронологических напластованиях, найдена фигура слона – цилиндрическая с округлым верхом. Высота фигуры 4 см, диаметр основания 2,7 см. На фигуре располагалось два пояса из двух линий – в нижней и средней части. В верхней части фигуры размещались два выступа, по форме и стилистике они близки выступам на фигуре слона из шахматного набора, рассмотренного выше.

Таким образом, представленные находки шахматных фигур свидетельствуют об укоренении и широком распространении шахматной традиции среди торгового и ремесленного населения средневекового Болгара именно в золотоордынский период (вторая половина XIII–XIV в.). Тот факт, что нам не известны достоверные находки шахмат с территории домонгольских булгарских городов, позволяет говорить, скорее, о некой элитарности данной игры на ранних стадиях ее появления, нежели о полном отсутствии последней в этот период. В качестве косвенного подтверждения знакомства волжских булгар с шахматной игрой в домонгольское время можно рассматривать употребление в игре фигур восточного (арабского) типа, получивших распространение с XI–XII вв., как в странах Ближнего Востока, так и в Европе.

Литература

Бадеев Д. Ю., 2012. Находки шахматных фигурок из раскопок Рубленого города в Ярославле // Археология: история и перспективы. 5-я Межрегиональная конф. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати. С. 28–34.

Бадеев Д. Ю., 2018. Христианские древности с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 205–211.

Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2017. Раскопы CLXXIX (участки Ф-Ч) и CXCII (участки Ж-К) // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Казанская недвижимость. С. 7–12.

Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2 (24). С. 270–289.

Вильямс Г., 2004. Шахматы: история, фигуры, игроки. М.: Арт-родник. 160 с.

Линдер И. М., 1975. Шахматы на Руси. М.: Наука. 207 с.

Медынцева А. А., Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Надпись на литейной форме из Булгара // Нескончаемое лето. Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М. – Великий Новгород – СПб.: Любавич. С. 141–145.

Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа. С. 67–97.

Руденко К. А., 2017. Игровая культура народов среднего Поволжья в эпоху Волжской Болгарии // Вестник Казанского гос. унив. культуры и искусства. № 3. С. 27–30.

Рыбина Е. А., 1991. Из истории шахматных фигур // СА. № 4. С. 86–101.

Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. И., 2008. Новые находки древнерусских игральных фигурок из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янскі гради. Зб. наук. праць. Т. 2. Коростень. С. 137–145.

Kluge-Pinsker A., 1991. Schach und trictrac: Zeugnisse mittelalterlicher Spielfreude in salischer Zeit. Sigmaringen: Thorbecke. 223 s.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.76-88

Л. А. Беляев
Институт археологии РАН, Москва

7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI – начала XVII века

Эпиграфисты уже обращались к теме граффити на плитах Москвы и ее окрестностей. О необходимости специального исследования «технических» надписей на плитах сказано более десятилетия назад в общем обзоре проблем лапидарной эпиграфики (*Беляев*, 2007. С. 133–142). Но дело с тех пор не особенно продвинулось, да и прошедшие за это время раскопки принесли не так много новых материалов, как ожидалось.

Поводом для статьи послужил рядовой обломок надгробной плиты, обнаруженный в 2018 г. Новодевичьей археологической экспедицией ИА РАН (отдел археологии Московской Руси работает в монастыре с 2007 г.; сезоны 2017–2018 гг. были особенно интенсивны). Фрагмент найден в культурном слое, но в переотложенном состоянии. Это часть левого (от зрителя) угла с началом двух строк (третья видна, но сохранилась слишком плохо) с обычным началом надписи:

ЛѢТ[а] З (клеймо)… [февра]

ЛЯ ВУ 20 (?) Д[е]Н[ь]…

Камень незначительной толщины (14–15 см), но ширина изголовья около 70 см, то есть это плита взрослого человека. Боковые грани без орнамента, лицевая оформлена традиционно: бордюр из «косички» (жгута), верхнее клеймо (нижнее и разделитель, конечно, тоже были). Сочетание признаков дает дату: вторая половина – последняя треть XVI в., менее вероятно – начало XVII в. (рис. 1, *а*). Внимание привлекает граффито, нанесенное поперек боковой левой грани тонкими царапинами сверху вниз в пять строк (между двумя верхними и тремя нижними большой пробел) (рис. 1, *б, в*). Первая строка просматривается слишком слабо. Во второй сверху отчетливо видны два знака – РЕ, так что хочется прочесть их как цифру. Однако титла не заметно, а слабые следы других букв позволяют трактовать написанное скорее как «пРЕставися». Нижние строки содержат имя, отчество/фамилию, и следы слова «сынъ»:

Рис. 1. Надгробие Алексея Дмитриева сына (работы ИА РАН, Новодевичий монастырь, 2018)

а – общий вид; *б* – граффито на боковой грани; *в* – прорисовка

[п]РЕ[ставися] – или [7]105/1597) год?
АЛЕ҃ЗЬ[й]
ДМИТРЕВ
[сын]Ъ

Это, несомненно, сведения о погребенном, записанные мастером для памяти, возможно, полный текст, предназначенный для нанесения. Типовую орнаментальную рамку обычно нарезали заранее, и записать на одной из одинаковых плит данные, которые следует высечь, было вполне логично – кроме того, отмечался выбранный заказчиками камень.

Еще одно пространное деловое граффити было найдено ранее (раскопки 2014–2015 гг. на месте храма Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе) неподалеку[1]. Оно нанесено на плиту некоей «Мавъры Лукьяновой жены», скончавшейся 25 марта 1569 г. (рис. 2). Плита сохранилась целиком, а надпись идет по ее торцу, в изголовье, в две строки, повторяя основное содержание:

ЛЕТ ЗОЗго ПРЕСТАВИСЯ МАВРА С (?) ЛОУКЪ [янова] ЖЕНА
В МАРТА КЕ

Орнамент двух плит различен (у плиты 1569 г. резьба архаичнее, это равносторонние крупные треугольники), да и палеография не особенно близка.

Обратим далее внимание на рисунок первой цифры года, обозначающей 7000 (рис. 3). Это буква «*земля*» под титлом, которая встречается на всех плитах, почти без исключения. Она стоит сразу после обязательного «Лета…», рядом с ним и вместе с ним служит заставкой-буквицей – первое слово, с которым она образует устойчивое сочетание «[В] ЛЕТО З…», часто дано лигатурой, а далее следует информативная часть, обычно отделенная круглым клеймом.

Как и подобает заглавной (пусть и не первой в строке) букве, знак числа вырезают особенно тщательно и стремятся украсить: верхний и нижний хвостик охотно изгибают, разделяют, подворачивают на манер «*кси*», даже украшают растительными элементами, а средник могут превратить в петельку или тоже изогнуть. Это особенно касается графемы с двумя округлыми кузовками, распространившейся во второй половине XVI и в XVII в. Отметим, что «*землю*» вообще изображали на плитах в двух главных формах: 1) как половинку цифры «8»,

[1] Подробнее эта плита будет опубликована в составе готовящейся монографии: Беляев Л.А., Григорян С.Б., Шуляев С.Г. Храм Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе: результаты раскопок 2010-х гг. М., 2019.

Рис. 2. Надгробие Мавры Лукьяновой жены (работы ИА РАН, Новодевичья слобода, 2014/15)

а – общий вид; *б* – граффито на торце изголовья; *в* – прорисовка

разрезанной по вертикали и снабженной необходимыми признаками цифры: титлом и перечеркиваниями средней горизонтали (знак тысяч); 2) формируя верхнюю половину не круглой, а треугольной, зигзагом. При втором варианте, естественно, пользуются отрезками прямых. Он гораздо старше и встречается с XV в.; первый же начнет распространяться в середине XVI в. и в XVII в. становится господствующим.

Посмотрим под этим углом на две приведенные выше надписи. Графема «7000» у обоих очень специфична: в плите Алексея Дмириева сына мы видим два округлых кузовка, а средний отросток-хоботок идет вниз под острым углом, он изогнутый и очень длинный – доходит до низа строки, немного расширяясь. От нижнего кузовка резко вниз, с переломом, падает вертикальный спуск в виде очень вытянутого треугольника. В результате «*земля*» как бы стоит на двух ножках.

На плите 1569 г. хоботок не такой длинный и выраженный, но заметный, причем в той же строке «*земля*» потребовалась еще раз, и ма-

Рис. 3. Начальные буквы надписи на надгробиях Новодевичьего монастыря

а – плита Алексея Дмитриева сына; *б* – плита Мавры Лукьяновой жены; *в* – плита Акулины Отрепьевой

стер нарезал ее опять с ножкой-подставкой (естественно, без хоботка, поскольку это буква, а не цифра, изобразив, в основном, совсем по-другому, на основе двух округлостей). Важнейшее отличие этой графемы – прямая крышка и прямой же спуск, зигзагом, как у греческой «*дзеты*». Таким образом, эти графемы, принадлежа двум различным основным типам, объединены двумя элементами – высокой ножкой и длинным изогнутым хоботком.

Такой тип чаще встречается на тонких плитах со жгутовым орнаментом лицевой грани и не оформленными боковыми. Использовался он не очень долго и в XVII в. трансформировался в близкую, но не тождественную графему: у нее выпрямился средний хоботок. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры плит с такой графемой «*земля*» встречаются с конца царствования Грозного до конца правления Годунова (или до конца Смутного времени), а как буква с высокой нижней ножкой она будет встречаться до середины XVII в.

Можно довольно точно установить момент появления плит с такой формой 7000. Это рубеж 1560–1570-х гг.

Близкие графемы видим на плитах 1569 г. из Зачатьевского (Анна, жена Головкина: *Беляев*, 2007. С. 135. Рис. 1) и 1570 г. из Высоко-Петровского (Окулина, жена Ивана Отрепьева: *Беляев*, 1996. С. 323. Рис. 1; С. 325–326.

ВПм № 13) монастырей[2] (рис. 4). У плиты Анны нет бокового орнамента, а жгутовой прекрасно нарезан на лицевой стороне. Палеографически она тяготеет к концу XVI – началу XVII в.[3] Плита Акулины Отрепьевой оформлена в полном соответствии с модой 1560-х–1570-х гг.: несколькими рядами противопоставленных треугольников, включая крупные равносторонние[4]. Хорошие примеры дал недавно кремлевский Чудов монастырь: две строчные «*земли*» на ножке, с округлыми верхними кузовками, на плите 1573 г. (В. Г. Салтыков; верхняя часть графемы «7000» не сохранилась) и более поздняя (1625 г.) плита С. А. Вельяминова, где у букво-цифры «*земля*» хоботок уже выпрямился (*Беляев, Курмановский,* 2018. С. 119, 121).

Далее следуют примеры 1580–1590-х гг.: плита Руготиных 1570-х – 1580-х гг. (ВПм № 16), декорирована треугольчатым орнаментом и близка плите 1581 г. (Прасковья Вараксина: *Беркович, Егоров*, 2017. НЧТ № 5), плита младенца Собычакова (1584 г., ц. Николы Большой крест).

Примерно на десять лет позже (1595 г.) плита Андрея Воронцова-Вельяминова из Богоявленского монастыря за Торгом (Бм № 24; без орнамента боковых граней) и две плиты 1598 г.: Михаила Прокофьева сына из Данилова монастыря (Дм № 7) и Никона Степановича Милославского (ВПм № 14), обе со жгутовым орнаментом, но первая без оформления боковых граней, а вторая с канелюрами. Можно уверенно отнести к последней четверти или концу XVI в. ряд неточно датированных плит с числом «7000» того же рисунка: Дм № 13; ВПм № 39 (1591/92 или 1601/1602); ВПм № 46 (Роман Остафьев).

Самые поздние известные нам примеры такой графемы «*земля*» относятся к 1620–1630-м гг., но в них хоботок потерял изогнутую упругость и стал совершенно прямым, еще более уподобившись латинской «Z». Примерами могут послужить плиты 1627 г. (Анна Алабьина: *Беркович, Егоров*, 2017. ТСП-2) и 1632 г. (Марфа, жена Г. Т. Быкасова; Дм № 9), обе со жгутовым орнаментом.

---

[2] Далее все шифры плит, где не указано другой ссылки, приведены по каталогу в монографии (*Беляев*, 1996).

[3] После обнаружения «дублированных» надгробий (*Беляев*, 2018. С. 2–7) нужно допускать анахронизм указанной даты и оформления, возможно, плита Анны Головкиной нарезана на 20–30 лет позже ее смерти.

[4] Лицевая грань плиты открыта только в 2018 г. и публикуется впервые, ей будет посвящена отдельная статья.

Рис. 4. Надгробие Акулины Отрепьевой (Высоко-Петровский монастырь, 1980-е и 2018 г.)

а – общий вид; *б* – граффито на торце

Включив данные свода В. Б. Гиршберга[5] и крупных коллекций лапидарной эпиграфики из Московского Кремля, Новоспасского, Новодевичьего и Троице-Сергиева монастырей, мы с удивлением увидим картину хоть и сходную, но не тождественную. По сути дела, графема «7000» с плоской крышкой и длинным изогнутым спуском просто отсутствует. Есть близкие ей: на крышках саркофагов 1570 г. (Е. В. Старицкая) и 1594 г. (царевна Феодосия) они имеет два круглых кузовка (*Гиршберг*, 1960. Табл. X, 3; XI, 2), так же, как на плите схимника Иева, Алексеева сына, 1581 г. (*Гиршберг*, 1960. Табл. VI, 3), и крышке саркофага Анны Васильевой, 1609 г. (*Гиршберг*, 1962. Табл. II, 2). В начале XVII в. (1602 и 1603 г.) видим более распространенную форму: плоская крышка и совершенно прямой спуск (плита Н. Ю. Мещерской; саркофаг из Б. Знаменского пер.: *Гиршберг,* 1962. С. 278).

На саркофагах XVI–XVII вв. в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря искомая графема «*земли*» не встречена вообще (исключение – плита «псковки» 1611 г., видимо, к подклету собора не относящаяся; похожая «*земля*» на плите Анны Васильевой, 1609 г.: сильно наклонная, с двумя округлыми кузовками). Среди опубликованных надписей Преображенского собора Новоспасского монастыря есть, по крайней мере, одна «*земля*» с прямыми крышкой и спуском – 1611 г. (саркофаг Татьяны Федоровны Катыревой-Ростовской: Усыпальница… 2005. Рис. 74, *1*).

Одна из наиболее представительных серий эпитафий XVI в., на крышках саркофагов в соборе кремлевского Вознесенского монастыря, показывает развитие наблюдаемой на плите Алексея Дмитриева форму «*земли*»: в надписях княжны Марии Владимировны Старицкой (1569), Марфы Васильевны Собакиной (1571 г. – с очень длинной ножкой, но коротким хоботком); Ульянии (старицы Анастасии) Кошкиной-Захарьиной (1579 г.; у нее есть и плита, но начало надписи на ней полностью стерто) и Евдокии Федоровны Мстиславской, 1600 г. (Некрополь… 2018. Илл. 2, 100, 121, 145). Сначала у нижнего кузовка появляется хвостик-перелом (на который вся буква начинает опираться), но спуск от крышки остается прямым и коротким. Таковы буквы на саркофагах 1568 г. (Анастасия Владимировна Старицкая; Федор Иванович Бельский); на саркофагах 1569 г. (Мария Темрюковна; Евфросиния/Евдокия

[5] В своде В.Б. Гиршберга можно рассмотреть далеко не все плиты. Автор располагал небольшим числом фотографий и сосредоточен на анализе текстов, полиграфия же издания далека от совершенства.

Андреевна и Евдокия Романовна Старицкие) спуск немного удлинился, но до низа строки ему еще далеко (Некрополь… 2018. Илл. 32, 46, 163, 203). Этот переходный тип позже будут время от времени воспроизводить, но на рубеже 1560–1570-х гг. появится исследуемый вариант. Графема «*земля*» с зигзагообразным верхом встречается довольно часто до начала 1630-х гг., но почти исключительно с обычным, прямым, спуском.

Очевидно, что «двуногая *земля*» сравнительно редка и на протяжении всего периода сосуществует с общераспространенной графемой из двух полукружий и завитками на концах: достаточно сравнить надписи одного 1611 г. на саркофаге Татьяны Федоровны Катыревой-Ростовской (Усыпальница… 2005. С. 132. Рис. 74, *1*.) и на плите Марфы Никитичны Романовой/Черкасской в Новоспасском монастыре (*Беляев, Медникова*, 2018. Рис. 30).

Эти наблюдения можно проверить на материале любого кладбища Москвы XVI–XVII вв.: с 1600-х–1620-х гг. графема «*земля*» строится по принципу арабской цифры «7» с дважды перечеркнутой ножкой, к которой сзади приставлен кузовок с переломом[6]. Так у плиты 1600 г. из Зачатьевского монастыря (Елены Болотниковой) (*Беляев, Кренке*, 2006. Зм-18) и на двух плитах из церкви Николы в Старом Ваганькове: 1608 г. (Ф. Курбатова-Хвостова)[7] и 1617 г. (безымянная детская) (*Беляев, Хворостова*, 2006. СВ-6 и Св-5).

Итак, мы установили, что число «7000» в определенном графическом варианте не выходит из пределов последней трети XVI в., пик его распространения приходится на 1580–1590-е годы, а начало XVII в. он затрагивает, но слабо.

Наблюдается интересное совпадение. Именно на эти 30–50 лет приходится большинство полноразмерных «технических» граффити на боковых гранях плит. Конечно, граффити вообще – и нанесенные в период нарезки, и добавленные позднее – гораздо многочисленнее, их хронология шире. Но надписи, которые можно считать собственно деловыми пометками, включающие полный набор сведений о погребенном, распространены именно в указанный период и сочетаются

[6] Случайное это совпадение, или нужно ставить вопрос о влиянии «арабской» цифровой графики, полностью господствующей в Европе XVI–XVII вв., на древнерусские числительные, для нас пока вопрос; так, довольно очевидно, что «аз» во многих вариантах написания очень близок арабской единице.

[7] При публикации этого надгробия по нашему недосмотру в тексте была указана неверная дата – 1638 г.

с очень похожим, временами почти идентичным, почерком резьбы, который мы представили на примере декоративной и всегда выделяющейся в надписях графемы «7000».

Из упомянутых выше плит такие граффити отмечены на шести: Анны Головиной (не ранее 1569); Окулины Отрепьевой (1570), Прасковьи Вараксиной (1581), Григория Собычакова[8] (1584), Алексея Дмитриева из Новодевичьего монастыря (конец XVI – начало XVII в.) и Анны Алабьиной (1630). В сумме это более половины всех описанных плит (крышки саркофагов с аналогичным начертанием «*земли*» не учитываем), что очень много: ведь часть плит представлена фрагментами, а грани других не доступны обзору. Вполне возможно, что и в остальных случаях граффити есть, но нам не видны, или были, но утрачены. Их наносят как на плиты с чистыми боковыми гранями, так и на орнаментированные, где помещают на оставшихся свободными участках. Надписи могут идти горизонтально, вдоль боковой грани плиты, но во многих случаях они размещены по вертикали, поперек нее – это показывает, что камни стояли «вертикальным штабелем», так что писать на боковой длинной грани сверху вниз было удобно (современные каменотесы именно так и поступают, помечая или надписывая выбранную заказчиком гранитную плиту мелом). То, что надписи наносят и на занятые орнаментом боковые грани, лишний раз подтверждает заказ не всего камня, который покупался в готовом виде у мастера, а именно резной надписи.

Понятно, что эти граффити – род черновых заметок для памяти, техническая запись обычно указывает только индивидуальные сведения о заказчике и опускает трафаретную формулу (заглавное слово «Лета» встречается довольно часто, но «преставися раб Божий» – только как исключение).

Их оставляли, видимо, резчики, принимавшие заказ. Попытка сравнить почерк, которым сделаны граффити, пока не производилась, так как их свод еще не составлен.

Отметим, что в ту же хронологическую группу попадают граффити с еще не упоминавшихся плит, где резьба лицевой стороны не сохранилась, и можно только гадать, какой на них была графема «7000». Таковы плиты Василия Константинова сына (1595 г.) из церкви Черниговских мучеников (*Беркович, Егоров*, 2017. МФЧ № 9) и недавно обнаруженная

8 В публикации приведена прорись, явно сделанная по фотографии: щербина камня изображена как деталь буквы, хотя на том же фото ясно видно, что у «*земли*» – характерная прямая ножка (*Беркович, Егоров*, 2017. С. 85, илл. 137).

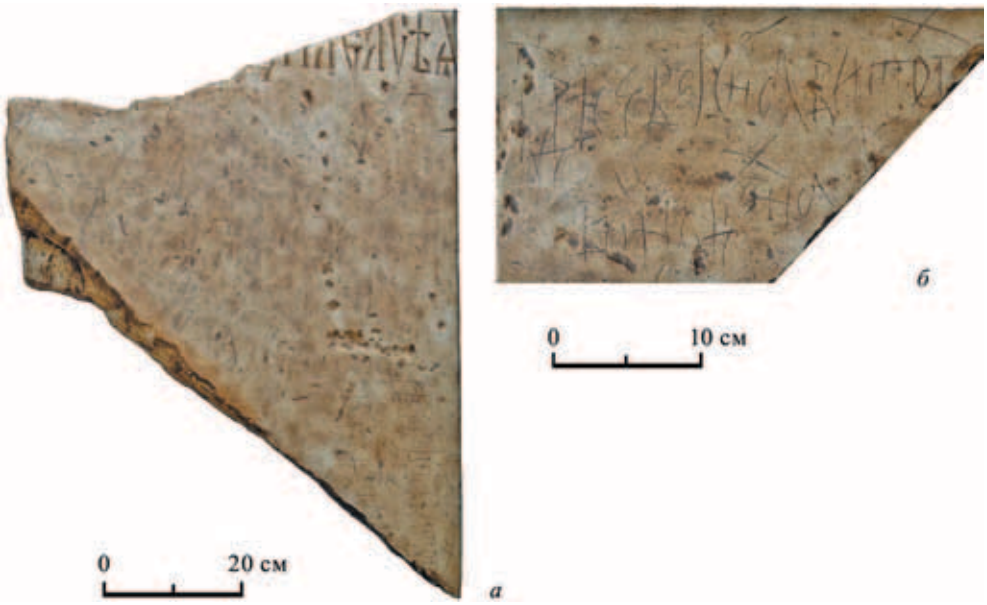


Рис. 5. Надгробие инока Анании, сына Андрея Витохтова

а – общий вид; *б* – граффито на лицевой грани

плита из Ивановского монастыря (*Беляев и др.*, 2018. С. 44. Рис. 7), где граффити на обороте сохранилось почти целиком:

АНДРЕЕВА СЫНА ВИТОХТ[ОВА?]

ВО ИНОЦЕХ АНА[НИИ]

Камень для инока Анании, отца которого звали Андреем Витохой (или Витохтовым – формы Витох, Витоха, а также Витовтов в текстах XVII–XVIII вв. встречаются) отметили удивительно уверенным, прямо-таки щегольским почерком (рис. 5).

На основании этих наблюдений можно сделать ряд выводов и обозначить направление дальнейшей работы[9]. Мы наблюдаем определенные перемены в традиции оформления надписей на надгробиях со второй половины эпохи Грозного до конца Смутного времени. Из общей массы начинает выделяться небольшая группа надгробий,

[9] Здесь намеренно не говорится о возможной/невозможной символической трактовке графемы «7000» с позиций летоисчисления и нумерологии. Такой подход, связывающий само появление надписей с эсхатологическими ожиданиями, представляется поверхностным и основан на случайном и неточном совпадении. Вряд ли в Москве веками избегали писать на плитах, ожидая Страшного суда. Надписи появились в ходе развития погребальной традиции, а катализатором стало знакомство с традицией Запада.

сходных по манере оформления надписей и выполненных с конца 1560-х до 1600-х годов, видимо, в одной мастерской, возможно, семейной или монастырской, где два-три мастера работали, передавая навыки, лет 40–50. Они применяли близкую манеру изображения букв (по крайней мере, графему букво-цифры «*земля*»). И они же широко использовали схожие приемы беглой записи-граффито для данных, полученных от заказчика. Допустимо предположить, что такая мастерская была связана с Новодевичьим или иным монастырем, где найдены плиты, сочетающие данные особенности.

Проверка этих гипотез станет возможной по мере накопления материалов. Ясно также, что работу по составлению общих палеографических таблиц лапидарной эпиграфики Москвы давно пора провести, тем более, что новые компьютерные технологии существенно облегчили их составление. На этой основе, несомненно, удастся выявить группы камней, надписи которых нарезаны в одних и тех же мастерских. Вероятно, интересный результат даст и палеографическое сопоставление парадной резьбы с беглыми почерками деловых пометок-граффити.

Литература

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.: Модус-Граффити. 570 с.

Беляев Л. А., 2007. Лапидарная эпиграфика Москвы XV–XVII вв.: современные проблемы // РА. № 1. С. 133–142.

Беляев Л. А., 2018. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. № 3. С. 2–7.

Беляев Л. А., Батанина М. С., Глазунова О. Н., Решетова И. К., Савельев Н. И., 2018. Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М.: ИА РАН. С. 40–45. (Материалы спасательных археологических исследований ИА РАН. Т. 25).

Беляев Л. А., Кренке Н. А., 2006. Монастырский некрополь XVI–XVII вв. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 44–50.

Беляев Л. А., Курмановский В. С., 2018. Монастырский некрополь: саркофаги и плиты // Археология Московского Кремля. Раскопки 2006–2017 гг. / Под ред. Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля. М.: ИА РАН. С. 116–123.

Беляев Л. А., Медникова М. Б., 2018. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М.: ИА РАН. 208 с.

Беляев Л. А., Хворостова Е. Л., 2006. Надгробие в археологическом контексте. Плиты из церкви Николы в Старом Ваганькове // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 37–43.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн. 765 с.

Гиршберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. Т. I. М.: Изд. АН СССР. С. 3–77.

Гиршберг В. Б., 1962. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. Т. III. М.: Изд. АН СССР. С. 212–287.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3. Ч. 2 / Материалы исследований в 4-х тт. Отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. М.: Тип. «Парадиз», 2018. 844 с.

Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду / Авт.-сост. Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука, 2006. 360 с.

Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График, 2005. 400 с.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.89-100

А. Ю. Виноградов*, П. В. Кузенков**
** НИУ Высшая школа экономики, Москва;*
*** МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва*

Эпиграфические свидетельства введения эры «от сотворения мира»

Эра от сотворения мира столь обычна и привычна для эпиграфических памятников византийского мира – не только греческих, но и южнославянских и русских, что в большинстве случаев она даже не отмечается специально в надписях, подразумеваясь как единственная возможная. Однако вопрос о том, когда это летоисчисление появилось и утвердилось в эпиграфике и в византийском деловом узусе вообще, до сих пор до конца не прояснен. Между тем, как мы постараемся показать ниже, его введение и распространение связаны с культурным переломом в восточно-христианском мире и стали важным маркером новой идентичности византийской ойкумены.

Хорошо известно, что в течение VII в. в ромейской идеологии произошло множество радикальных и сущностных изменений, которые во многом и превратили Восточную Римскую империю в Византию. С одной стороны, уже в первой трети столетия меняется язык и облик власти: латынь полностью исчезает из делопроизводства; императоры окончательно расстаются с обликом римского магистрата, отпуская длинные бороды и принимая титул «βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων». С другой стороны, военные поражения империи в середине столетия и утрата большой части территорий привели к изменению географических и этнополитических констант: из многоязычной средиземноморской империи Византия превращается в компактное восточносредиземноморское моноязычное государство с христианством как базовой идеологией и с единственной Церковью – Константинопольской. Постепенная смена административного устройства с провинциального на фемное и упадок городского самоуправления приводят к отмиранию местных традиций, в том числе локальных эр. Все это не могло не повлиять и на представления византийцев о времени, включая мировое: не случайно именно в VII в. получает широкое распространение новое летоисчисление – «от сотворения

мира», существовавшее в IV–VI вв. лишь в ученых трудах, причем во множестве вариантов (*Grumel*, 1958. P. 155–158; *Кузенков*, 2014. С. 213–349).

К сожалению, плохая сохранность документов «темных веков» не позволяет ясно судить о проникновении этих эр в официальное делопроизводство. В такой ситуации своего рода барометром рецепции данного летоисчисления в Византии становится эпиграфика, памятники которой могут иметь как официальный, так и частный характер. Обратимся к этой проблеме.

Первым делом следует отметить, что в эпиграфической науке предпринимались попытки найти надписи ранее конца VII в., датированные по одной из эр от сотворения мира. В последнее время поиском таких памятников в Палестине и Аравии занимается Лия Ди Сеньи (обобщение см.: *Di Segni*, 2006–2007. P. 113–126[1]). Однако ее интерпретации были весьма критически встречены некоторыми другими эпиграфистами (см., например: *Feissel*, 2006. P. 235–236, № 755). Действительно, практически все приводимые израильской исследовательницей примеры представляют собой надписи с числом лет в виде десятков или сотен, к которым она добавляет число шесть тысяч, что уже само по себе снижает силу аргументации; лишь в случае надписи из Бейт-Сафафы речь идет о числе 6200, да и то частично реконструируемом (*Di Segni*, 2006–2007. P. 116). Кроме того, для согласования числа года с числом указанного в надписи индикта Л. Ди Сеньи приходится датировать их по разным эрам от сотворения мира: александрийской, византийской, так называемой мистической (5500 лет от Адама до Христа) и даже явно более поздней грузинской.

Наконец, практически всем интерпретациям Ди Сеньи можно с легкостью предложить альтернативные. Приведем таблицу таких альтернативных интерпретаций, не касаясь здесь вопроса о роли тех или иных эр в ранневизантийской Палестине (табл. 1).

Итак, в любом случае, приводимые Ди Сеньи надписи не могут быть доказательствами полноценного существования эр от сотворения мира в Палестине и Аравии в VI в. (не говоря уже о том, что эти провинции, потерянные византийцами в середине VII в., вряд ли могли оказать большое влияние на остальную территорию империи) – первые несомненные памятники такого типа (из окрестностей Иерусалима и с горы Небо) датируются 762 г. (*Di Segni*, 2006–2007. P. 115) и возникли, вероятно, под византийским влиянием.

[1] За указание на работы Л. Ди Сеньи мы благодарим К. Цукермана.

Таблица 1. Интерпретации Л. Ди Сеньи данных эпиграфики и альтернативные им.

Место находки	Год в надписи	Индикт в надписи	Эра по Ди Сеньи	Альтернативная эра
Иерусалим	104, декабрь	1	александрийская, [6]104 = 612 н.э.; «448 года» [6]104 = 552 н.э.	александрийская мартовская, 6104 = 612 н.э.
Элуса (Негев)	6000	–	эра Панодора, 6000 = 507/8 н.э.	александрийская, 6000 = 507/8 н.э.; эра Ирона, 6000 = 507/8 н.э.
Бейт-Сафафа	6200	14	«мистическая», 6200 = 700/701 н.э.; грузинская, 6200 = 596 н.э.	византийская, 620[9] = 700/701 н.э.; эра Андрея, 6200 = 596 н.э.
Газа	33	12	«мистическая», [60]33 = 534 н.э.	год цикла 562 г.[2] = 594 н.э.
Газа	39	3	«мистическая», [60]39 = 539 н.э.	год цикла 562 г. = 600 н.э.
Газа	88	7	«мистическая» [60]88 = 588 н.э.	год цикла Эаса = 649 н.э.
Эн-Нуэйима	8	8	византийская [600]8 = 500 н.э.	александрийская (Ирона) [600]8 = 514/5 н.э.

Три других «сомнительных» примера (с Лаврийского Олимпа в Аттике, из Эфеса и с Синая) были разобраны К. Фоссом (*Foss*, 1978. S. 241–246), который довольно убедительно показал, что и они не могут считаться доказательством существования эры от сотворения мира в надписях VI в. Удивляет лишь, что в своей аргументации К. Фосс не прибег к палеографии: ведь эфесская надпись по своему шрифту явно принадлежит средневизантийскому периоду, а синайская – поствизантийскому (аттическая опубликована без фотографии и прорисовки).

К этим трем примерам можно добавить еще один – надпись на плите в собрании Государственного Эрмитажа, происходящей из коллекции РАИК, куда она была прислана консулом в Синопе Н.Г. Сухотиным

[2] В 562 г. н. э. начался очередной 532-летний большой пасхальный цикл по эре Андрея (Chronicon Paschale, 1832. P. 685; *Кузенков*, 2014. С. 320–322), на который опирается пасхалия Эаса и армянская эра (*Кузенков*, 2012; 2015. С. 347–348).

(*Лепер*, 1904. С. 241–243; Искусство Византии, 1977. С. 93). На вторично использованную (?) плиту с клетками нанесен текст, датированный 1 (?) апреля 6021 года, 7-го индикта (Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς νικᾶ. Τὸ φῶς τοῦ κόσμου. Ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Πούλης ἐκτήσατο εἰς ἔτος ϛκα΄, ζ΄(?) ἰνδηκ(τιῶνος), ἀπρηλή(ου) ἡμέρᾳ(?) α΄ – «Иисус Христос побеждает. Свет мира. Раб Божий Пулий приобрел в 6021 году, в 7 (?) индикт, 1 апреля»; пер. авторов), что дало бы 539 г. н. э. в пересчете с маргинальной эры Андроника (о ней см.: *Кузенков*, 2014. С. 280–281). Однако явно поздняя палеография надписи полностью исключает такую датировку. Резчик либо пропустил число сотен после стигмы – тогда мы имеем 6721 год = 1213 г. н. э., что палеографически маловероятно, либо, что правдоподобней, перепутал стигму и дзету – тогда получится 7021 год = 1513 г. н. э.

Таким образом, приходится еще раз констатировать, что несомненно датированных по одной из эр «от сотворения мира» надписей до конца VII в. мы не имеем. Традиционно считается, что самым ранним таким памятником является граффито из афинского Парфенона – храма Богородицы, 693 г. н. э.: μ(ηνὶ) Ὀκτωβρίῳ ιε΄, ἡμ(έρᾳ) δ΄, ἰνδ(ικτιῶνος) ζ΄ ἐτελιώθη Ἀνδρέας ὁ ἁγιώτ(ατος) ἡμῶ(ν) ἐπίσκ(οπος), ἔτους ϛσβ΄ – «15 октября, в среду, в 7-й индикт, скончался Андрей, святейший наш епископ, в 6202 году» (*Ὀρλάνδος, Βρανούσης*, 1973. Σ. 21–22, № 34). Подлинность такой датировки подтверждают и два других граффити оттуда же – 704 и 713 гг. н. э.: [μ(η)ν(ὶ) Ἀπ]ριλίῳ δ΄, ἡμ(έρᾳ) ϛ΄ Παρασκευῇ, ἰν(δικτιῶνος) β΄ [ἐτελειώ]θη Μαρῖνος ἁγιώτ(ατος) […]. ἔτους ϛσιβ΄ – «4 апреля, в пятницу, во 2 индикт, скончался Марин, святейший [наш епископ], в 6212 году»; μ(ηνὶ) Νοεμβρίῳ κδ, ἡμέ(ρᾳ) ϛ΄, ἰνδ(ικτιῶνος) ιβ΄, ἐτελειώθη Ἰωάννης ὁ ἁγιώτ(ατος) ἡμ(ῶν) ἐπίσκ(οπος), ἔτους ϛσκβ΄ – «24 ноября, в пятницу, в 12-й индикт, скончался Иоанн, святейший наш епископ, в 6222 году» (*Ὀρλάνδος, Βρανούσης*, 1973. Σ. 73–74, 78–79, № 80, 83). Все три надписи могут быть датированы только по византийской сентябрьской эре. Характерно, что эра от сотворения мира здесь не обозначена, а как бы подразумевается сама собой.

Однако существует, как кажется, еще одна традиция датировки по эре от сотворения мира, которая не уступает по своей древности афинской. Уже давно были известны надписи, принадлежащие эпиграфической традиции Боспора Киммерийского и датированные по эре «от Адама». Это 4 надгробные надписи 757 г.: Ἐν[θ]άδ[ε] κατάκιτε [ὁ] δοῦλ[ος] τοῦ θ(εο)[ῦ] Κυρηακός, υἱὸς Γεωργίου, ἔνγον(ος) Βιδδηρ. Ἐτεληόθη μη(νὸς) Ἰουνίου γ΄, [ἐ]ν ἰνδ(ικτιῶνι) ι΄, ἀπὸ Ἀδὰμ [ἔτους] ϛσξ[ε΄] – «Здесь лежит раб Божий Кириак, сын Георгия, внук Виддира.

Скончался 3 июня, в 10 индикт, в 6265 году от Адама» (*Латышев*, 1896. С. 93–95, № 93)[3].

819 г.: Ἐνθάδε κατάκητε ἡ δούλη τοῦ θ(εο)ῦ Ἐλένη μοναχή. Ἐτελιώθη μηνὶ μαΐου ια΄, ἡμέρᾳ δ΄, ὥρᾳ α΄. Ἐτελειώθη ὁ δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ Ταμγαν μηνὶ μαΐου ιγ΄, ἡμέρᾳ παρασκευῇ, ὥρᾳ ς΄, ἀπὸ Ἀδὰμ ἔτους ςτκζ΄ – «Здесь лежит раба Божья монахиня Елена; скончалась 11 мая, в среду, в 1-м часу. Скончался раб Божий Тамган 13 мая, в пятницу, в 5-м часу, в год от Адама 6327» (*Латышев*, 1896. С. 82–84, № 75; *Виноградов*, 2008. С. 67–72)[4] из Керчи и Феодосии.

884 г. неизвестного происхождения: Ἐνθά]δε κατάκητε [ὁ δοῦ]λος τοῦ ras. θ(εο)ῦ Θε[όδω]ρος τὸ ἐπήκλην [..]θυ. Ἄπαν(τ)ος τοῦ κ(αὶ) ἦ(ν?) βίου <ὀ>γδοήκ (ον)τα καὶ ζ΄, οὗ ἀνερ<εθ>ῇ ὑπὸ τῶν πατ(έ)ρον, ἄρ[ι]στ(α) ἔτη. Ἐτεληώθη μη(νὶ) Ἀπρηλήῳ ιγ΄, ἀπὸ Ἀδὰμ ἔτους ςτϟβ΄ – «Здесь лежит раб Божий Феодор по прозвищу … фи. Всей его жизни было восемьдесят семь, пока он не был взят отцами, прекрасных лет. Скончался 13 апреля, в 6392 году от Адама»[5].

906 г. из Партенита: … Ἐτελιώθει μηνὶ δεκεμβρίῳ ιδ΄, ἱμέρᾳ κυριακῖ, ὥρ(ᾳ) α΄, ἰνδ(ικτιῶνος) ι΄, ἀπὸ Ἀδὰμ ἔτους ςυιε΄. Εὔχου, π(άτε)ρ, τὼ πεδίον σου Νηκόλ(αον) μο(να)χ(ὸν) καὶ πρε(σβύτερον) ἀπὸ Βοσπόρου, ἵνα ὁ θ(εὸ)ς ἐλείσ[ῃ] μ[ε] – «…Скончался он 14 декабря, в воскресенье, в 1-м часу, в 10-й индикт, в 6415 году от Адама. Молись, отче, о чаде твоем Николае, монахе и пресвитере из Воспора, чтобы Бог помиловал меня» (*Латышев*, 1896. С. 74–77, № 69)[6].

Интересно, что первые две очень близки афинским типологически: это надписи о кончине видных людей на колоннах соборного храма Воспора.

Итак, существование указанной датировки на протяжении полутора веков предполагает устойчивую локальную традицию, по крайней мере, для надписей по эре «от Адама», которая пресеклась, по-видимому, где-то в начале X в., после возвращения Воспора в состав Византийской империи. Одним из первых примеров новой традиции служит надпись с датой 25 июля 6420 года «от сотворения мира», 15-й индикт (= 912 г. н. э.) на надгробии с Азиатского Боспора, возможно, из Таматархи (*Виноградов*, 2006. С. 295–296, № 5–6)[7]. Но насколько древняя датировка по эре «от Адама»?

---

[3] http://iospe.kcl.ac.uk/5.316-ru.html (в лемме ошибочно указан 767 г.).
[4] http://iospe.kcl.ac.uk/5.315-ru.html.
[5] http://iospe.kcl.ac.uk/5.317-ru.html.
[6] http://iospe.kcl.ac.uk/5.243-ru.html.
[7] http://iospe.kcl.ac.uk/5.336-ru.html.

Рис. 1. Надпись 692 г. из Керчи. Фото А. Бехтер

В 1912 г. в археологическом отчете о раскопках на центральной Предтеченской площади г. Керчи В. В. Шкорпил опубликовал без прочтения прорисовку одной надписи, от которой сохранились лишь две последние строки, причем предпоследняя – наполовину (*Шкорпил*, 1912. С. 21, № 12). Совсем недавно А. П. Бехтер отыскала в лапидарии Керченского музея оригинал этой надписи (инв. № КЛ-930), вероятно, являющейся надгробной (рис. 1)[8]. В последней ее строке достаточно ясно читается датировка «от Адама», а в конце предпоследней – начало слова ἔτους «в год». Следовательно, перед ним должно стоять число: действительно, здесь мы четко видим нижнюю половину стигмы, за которой, перед словом ἔτους следует нижнее полукружие, то есть остаток эпсилона, омикрона или сигмы. Первые два варианта отпадают ввиду слишком ранней датировки по одной из эр от сотворения мира: конец V и начало VI в. соответственно. Остается лишь вариант с сигмой, который дает 6200 год от сотворения мира. Поскольку же, по крайней мере, две надписи, 819 и 906 гг. (см. выше), имеют датировку по византийской сентябрьской эре, то и данная рассматриваемая должна датироваться так же, то есть сентябрем 691 – августом 692 г. по Р. Х. В подтверждение этого свидетельствует и использование альфы с ломаной перекладиной, которая встречается на Боспоре в последний раз в вышеупомянутой надписи 757 г.

[8] http://iospe.kcl.ac.uk/5.307-ru.html.

Наименование эры от сотворения мира на Боспоре как эры «от Адама» вряд ли имеет чисто локальное происхождение, хотя в эпиграфике прочих регионов Византии она встречается лишь с конца XII в. (*Stylianou A., Stylianou J.*, 1960. S. 98, № 2a). Ведь под названием *annus ab Adam secundum Graecos*, то есть «год от Адама по грекам», не позднее 768 г. на крайнем Западе Европы уже была известна классическая византийская эра с сентябрьским годом, приравненным к году индикта (PL, 1904. Col. 877 (6 инд. – 6276 г. = 768 г. н. э.); Col. 598 (9 инд. – 6279 г. = 771 г. н. э.). В обоих случаях за основу взят 6270 год мира (762 г. н. э.) – рубеж 329-го и 330-го великих индиктионов; год от Адама получен путем прибавления номера индикта). Из этого следует, что на Боспоре просто воспроизводили обозначение эры, существовавшее, вероятней всего, в Константинополе. Кроме того, характерно, что боспорская надпись оказывается крайне близка по времени первой афинской надписи «от сотворения мира» – 693 г.

Неизбежно встает вопрос – случайно ли появление в эпиграфике эры от сотворения мира[9] или, как ее называли иначе, «от Адама» именно в начале 690-х годов? Как кажется, не случайно. Дело в том, что первым известным нам официальным документом, содержащим дату указанной эры, является 3-й канон Пято-Шестого (Трулльского) Вселенского собора (*Бенешевич*, 1906. С. 145): 15 января 4-го индикта, 6199 года, т. е. 691 г. н. э. Обычно считается, что с этого времени подобная датировка вводится в государственное употребление (*Grumel*, 1958. P. 127). Отсюда становится понятно, почему вскоре после соборного акта зимы 691 г. по Р. Х. в столь удаленных друг от друга концах империи, как Боспор и Афины, независимо появляются датировки надписей по эре от сотворения мира, причем в первом случае с обозначением «от Адама», вероятно, воспроизводящим обычное, хоть и не официальное ее обозначение. Следует отметить, что ни афинский, ни воспорский иерархи не присутствовали на Трулльском соборе (по крайней мере, их подписи отсутствуют в его актах). Это и понятно: кафедры Греции были представлены Василием Гортинским, митрополитом Крита, «заступающим место собора всей Церкви Римской»; Таврику же представлял епископ Херсонский (*Ohme*, 1990. S. 151. Nr. 50).

И тут нам остается ответить на последний вопрос – как же византийцы пришли к введению эры от сотворения мира?

[9] Такое обозначение впервые зафиксировано в надписях в 812 г. (*Grégoire*, 1980. № 286).

Попытки вычислить точный возраст человечества на основе данных Библии предпринимались с III в., когда «отец христианской хронографии» Юлий Африкан высказал мнение, что от Адама до Христа прошло ровно 5500 лет (Georgii Syncelli… 1984. P. 395). Последователем этой идеи выступил Ипполит Римский (1997. С. 133), придавший ей характер мистической доктрины. Однако Евсевий Кесарийский высказал сомнения в самой возможности точного определения древней хронологии, указав на существенные расхождения в данных между Септуагинтой, Торой и самаритянским Пятикнижием (Eusebi Chronicorum… 1875. P. 3).

На новый этап хронологические разыскания вышли в IV в., когда по всему Востоку распространилась пасхалия 532-летнего типа. Сама собой возникла идея о том, что лежащие в основе пасхалии циклы (лунно-солнечный, недельный и високосный) отражают ход мировой истории, и их идеальное начало должно непременно совпадать с началом времен.

В результате наложения пасхалии на всемирную хронологию были созданы две конкурирующие системы, основанные на 532-летних циклах разного типа. Первой стал опыт, предпринятый в середине IV в. неким Андреем Византийским, в системе которого от Адама до Христа насчитывалось ровно 5600 лет. Ее рудименты сохранились в армянской и грузинской традиции (*Кузенков*, 2014. С. 215–224). Второй стала так называемая александрийская некоего египетского монаха Анниана, писавшего в самом начале V в. Последняя имела поразительно изящную структуру: начало творения – воскресенье 25 марта 1 г. (5492 г. до н. э.); Божественное Воплощение (Благовещение) – через полных 5500 лет, 25 марта 5501 г. (9 г. н. э.); Спасительное Воскресение – 25 марта 5534 г. (42 г. н. э.). Эти даты, мистическим образом связавшие три главных события мировой истории, были получены из александрийской пасхалии. Однако их точность уже в древности вызывала сомнения: ведь, согласно исторически выверенной хронологии Евсевия, события, связанные с распятием и Воскресением Иисуса Христа, приходятся на рубеж 202-й и 203-й Олимпиад (Eusebi Chronicorum… 1866. Vol. II. P. 148–149), тогда как по Анниану они оказались в 205-й Олимпиаде (Georgii Syncelli… 1984. P. 389–390).

Поиски более точной всемирной хронологии были продолжены. Определенную злободневность этим изысканиям должно было придавать приближение 6000 г. от сотворения мира, который по александрийской эре приходился на 508 г. н. э. Мистическая система Ипполита

была основана на концепции 1000-летних «дней Божиих», соответствующих семи дням творения; поэтому седьмое, «субботнее» тысячелетие должно было знаменовать некий особый сакральный этап человеческой истории. Любопытно, что в VI в. была предпринята попытка отождествить этот этап с христианской эпохой, считая его начавшимся с Пришествием Христа. Именно такую эру «6000 лет от Адама до Христа» использовал в своей хронике Иоанн Малала (*Jeffreys*, 1990. P. 111–166). Сам хронист не скрывает целей такого подхода, утверждая, что «шестая тысяча лет уже миновала, а седьмая тысяча началась задолго до настоящего 7-го индикта» (Ioannis Malalae… 2000. P. 357). Тем самым предполагалось успокоить эсхатологические настроения, объявив о том, что никаких серьезных переломов в истории человечества в ближайшее время не предвидится. Впрочем, эра Рождества в 6000 г. от Адама так и не прижилась.

Гораздо большим авторитетом пользовалась александрийская хронологическая система, которую мы встречаем в 550-е годы у палестинского агиографа Кирилла Скифопольского под названием «летосчисления святых отцов: знакомца апостолов древнего Ипполита, Епифания Кипрского и Ирона, философа и исповедника» (Житие св. Савы Освященного… 1890. С. 446–449; *Schwartz*, 1939. S. 60, 183). В «эре Ирона», используемой Кириллом, сохранен принцип «5500 лет от Адама до Христа», но используется сентябрьский стиль (у Анниана год начинается 25 марта).

В VII в. в правление Ираклия отмечается новый всплеск хронологических разысканий. Неизвестный нам по имени автор «Пасхальной хроники», оконченной в 630 г., подверг критике все известные ему варианты пасхалистической хронологии и разработал собственную схему, положив в ее основу не александрийский тип 532-летнего цикла, а его так называемый сирийский вариант, использовавшийся ранее у Андрея Византийского (*Beaucamp et al.*, 1979. P. 223–301; Пасхальная хроника, 2004; *Кузенков*, 2014. С. 291–325). За начало времени здесь взята среда 21 марта 5509 г. до н. э., Воплощение и Рождество датированы 25 марта и 25 декабря 5507 г. мира (3 г. до н. э.), а Воскресение – 25 марта 5540 г. (31 г. н. э.) (Chronicon Paschale, 1832. P. 375, 380, 408–409). Очень быстро эра «Пасхальной хроники» была приспособлена к сентябрьскому стилю, образовав известную византийскую эру с эпохой 1 сентября 5509 г. Уже в 639 г. мы встречаем ее как наиболее популярную систему летосчисления (*Diekamp*, 1900. S. 24; *Кузенков*, 2014. С. 326–330). «Византийские» датировки новозаветных событий гораздо лучше согласуются

с исторической хронологией, чем «александрийские», однако мистическая стройность концепции «5500 лет от Адама до Христа» оказалась нарушена. Это привело к тому, что средневековые писатели как в Византии, так и за ее пределами зачастую сочетали точную византийскую хронологию с мистической александрийской концепцией (*Кузенков*, 2007. С. 93–124; 2015. С. 374–384).

Особого внимания заслуживает вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах счет лет от сотворения мира, бывший предметом споров между отдельными учеными, стал использоваться в качестве основной системы датировки в повседневной практике. Наиболее ранние примеры бытования эры такого типа («от Адама» или «от сотворения мира») относятся к церковной среде (акты Трулльского собора, эпитафии архиереев), что позволяет предположить ее первоначально сакральный характер. Едва ли случайно и то обстоятельство, что стремительное распространение византийской эры приходится на 630-е годы: именно в это время состоялся кратковременный триумф императора Ираклия, ознаменовавшийся переменой титулатуры и рядом других идеологических инноваций. В частности, тогда окончательно формируется концепт Империи как универсального теократического «Царства христиан», носящий ярко выраженный эсхатологический характер. Принятие летосчисления от сотворения мира решало две задачи: с одной стороны, демонстрировало успешное вступление человечества в «субботнее» тысячелетие, сугубо духовный характер которого выражался в триумфальном шествии христианства по Земле; с другой – задавало христианскому миру многовековую историческую перспективу, отделявшую текущие 140-е годы 7-го тысячелетия от ближайших сакраментальных дат (6500, 7000 и т. п.). Таким образом, новая система летосчисления играла одновременно «мобилизующую» и «стабилизирующую» роль и оказалась востребована в широких церковных кругах. Ко времени Трулльского собора и афинских надписей (690-е) данная эра уже была настолько общеизвестна, что не сопровождалась при употреблении какими бы то ни было разъяснениями.

В заключение подчеркнем, что для VI в. можно говорить лишь об одном более или менее распространенном типе эры от сотворения мира – александрийской эре, имевшей разные варианты стиля: 25 марта (система Анниана) и 1 сентября (система Ирона). Византийская эра сформировалась в 630-е годы, и попытки усмотреть ее в более ранних памятниках следует признать беспочвенными. «Мистической эры», в которой 1 г. н. э. соответствовал бы 5501 г. мира, никогда

не существовало, поскольку так называемая наша эра, изобретенная в VI в. Дионисием Малым для его латинской версии александрийской пасхалии, была неизвестна на Христианском Востоке вплоть до XI в. Это заставляет пересмотреть интерпретации эпиграфических данных, предложенные Л. Ди Сеньи, и представить их новые толкования.

Литература

Бенешевич В. Н., 1906. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. СПб.: Тип. Имп. АН. VI, 840 с.

Виноградов А. Ю., 2006. Греческие христианские надписи из Северного Причерноморья в коллекции ГИМ // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековье. Памяти Н. П. Сорокиной. М.: ГИМ. С. 289–297. (Труды ГИМ. Вып. 159).

Виноградов А. Ю., 2008. Первый эпиграфист, «год от Адама» и воспорский Апостолейон. История феодосийской колонны // Образ Византии. Сб. ст. в честь О. С. Поповой. М.: Северный паломник. С. 67–72.

Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. По рукописи Императорского общества любителей древней письменности, с присоединением греческого подлинника и введением / Изд. И. Помяловский. СПб.: Тип. Имп. АН, 1890. 8, CXLVI, 588 с., 9 л. факс.

Ипполит Римский. Творения. Вып. 1. Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 1997. LVII + 170 с.

Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки / Авт.-сост. А. В. Банк, М. А. Бессонова. Т. I. М.: Советский художник, 1977. 192 с.

Кузенков П. В., 2007. Споры о возрасте мира в Византии VII–XI вв. (О трех мировых эрах: александрийской, «протовизантийской» и византийской) // ВВ. Т. 66 (91). С. 93–124.

Кузенков П. В., 2012. Пасхалии и летосчисления на примерах систем Анатолия Лаодикийского и Андрея Константинопольского: богословские и астрономические аспекты // Богословские труды. Вып. 43–44. С. 503–540.

Кузенков П. В., 2014. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М.: Русский изд. центр им. св. Василия Великого. 992 с.

Латышев В. В., 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. Имп. АН. III, 144 с., XIII табл.

Лепер Р. Х., 1904. Несколько греческих и римских надписей // ИРАИК. Т. 9. С. 241–243.

Пасхальная хроника: [Пролог и начало Эпитомы] / Пер. Л. А. Самуткиной. СПб.: Алетейя, 2004. 224 с. (Византийская библиотека. Источники).

Шкорпил В. В., 1912. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИИАК. Вып. 45. С. 9–22.

Beaucamp J., Bondoux R., Lefort J., Rouan M.-Fr., Sorlin I., 1979. Temps et histoire, I: Le Prologue de la Chronique Pascale // Travaux et Mémoires. T. 7. Paris. P. 223–301.

Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf. Vol. I. Bonnae: Weber, 1832. 738 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Di Segni L., 2006–2007. The Use of Chronological Systems in Sixth-Eighth Centuries Palestine // ARAM. Vol. 18–19. P. 113–126.

Diekamp F., 1900. Der Mönch und Presbyter Georgios, ein unbekannter Schriftsteller des 7. Jahrhunderts // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 9. S. 14–51.

Eusebi Chronicorum libri duo / Ed. A. Schoene. Vol. I. Berolini: Weidmann, 1875. XVII p., 296 col.

Eusebi Chronicorum libri duo / Ed. A. Schoene. Vol. II. Berolini: Weidmann, 1866. 236 p.

Feissel D., 2006. Chroniques d'épigraphie byzantine, 1987–2004. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 433 p.

Foss C., 1978. Three apparent early examples of the Era of Creation // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 31. S. 241–246.

Georgii Syncelli Ecloga chronographica / Ed. A. A. Mosshammer. Leipzig: Teubner, 1984. 507 p.

Grégoire H., 1980. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Asie Mineure. Fasc. 1. Chicago: Ares Publications. III, 128 p.

Grumel V., 1958. La Chronologie. Paris: Presses universitaires de France. XII, 487 p.

Ioannis Malalae Chronographia / Ed. I. Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. 551 s., 2 tab. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XXXV).

Jeffreys E. M., 1990. Chronological structures in Malalas' Chronicle // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys e. a. Sydney. P. 111–166.

Ohme H., 1990. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Berlin; New York: De Gruyter. XIII, 423 s.

PL. T. XC. / Ed. J. P. Migne. Parisiis, 1904. 1200 col.

Ὀρλάνδος Α., Βρανούσης Λ., 1973. Τὰ χαράγματα τοῦ Παρθενῶνος. Ἀθῆναι: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. 198 ς.

Schwartz E., 1939. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig: J. C. Hinrichs Verlag. 415 s. (Texte und Untersuchunge; 49/2).

Stylianou A., Stylianou J., 1960. Donors and Dedicatory Inscriptions, Supplicants and Supplications in the Painted Churches of Cyprus // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Bd. 9. S. 97–128.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.101-118

В. Волкова-Нешева
Национальный археологический институт и музей БАН,
София (Болгария)

Божественный город Мельник[1]

In honorem professoris
Albinae Medinceva.
Ad multos annos

Мельник – самый маленький город современной Болгарии (около 300 жителей) расположен среди уникальной живописной природы у южного подножья величественной горы Пирина (рис. 1). Он спрятан среди ущелий так называемых Мельничских пирамид. Эти песчаные остроконечные скалы опоясывают его подобно высоким стенам величественного сказочного замка. По структуре и по цвету «пирамиды» похожи на мел, откуда и славянское название города. Днем сверкающие под южным солнцем, а вечером – в звездном озарении, они являются безмолвными свидетелями прошедших времен (рис. 2, *а*).

Мельник с его более чем 2300-летней историей и богатейшим культурным наследием является Национальным археологическим заповедником под защитой государства и успешно развивается как центр исторического туризма. Он сохранил средневековую атмосферу: красивые старинные белые дома на высоких каменных цоколях подобно башням, с узкими крутыми переулками между ними, расположены амфитеатром с обеих сторон длинной центральной улицы (бывшего оврага). Многовековые каменные руины вокруг будто нашептывают сказки и легенды о прошлых событиях и людях. Чистый горный воздух, тишина и спокойствие уводят путешественника далеко от торопливого ритма жизни больших городов, усиливая неповторимое ощущение уюта и романтики. А если он выпьет стакан мельничского

[1] В этой статье изложены основные положения многолетних исследований автора (подробно текст и библиографию см.: В. Нешева. Мелник. Богозиданият град. София, 2008, 364 стр. и цит. лит.).

Рис. 1. Город Мельник на карте Болгарии

эликсира – знаменитого черного вина (любимое вино Черчиля!), – воскликнет подобно французу Мишелю Пейару в 1907 г.: "*Melnik! Ville fantastique, qui n'a point ca pareille sur le globe…*" («Мелник! Фантастический город, который не имеет себе равных на свете…»).

До начала XX в. Мельник был большим и многолюдным, насчитывавшим 12–13 тысяч жителей. Он славился богатством и благородностью разноэтничного по составу населения: еще со времен Средневековья здесь жили болгары, греки, армяне, евреи, валахи и др. За более чем пятисотлетнее османское владычество к ним прибавились немногочисленные турки, в основном чиновники и военные, поскольку Мельник являлся административным центром области. Среди балканских городов он выделялся как один из значительных очагов христианского просвещения и культуры, процветавших в эпоху Болгарского возрождения (XVIII–XIX вв.), сохраняя лучшие традиции античности и Средневековья. В нем насчитывалось более 70 церквей и монастырей. Шесть храмов были посвящены св. Николаю – покровителю города. До наших дней сохранились пять из них и один монастырь – Роженский. Остальные – в руинах.

Археологические исследования в Мельнике проводятся с 1968 г. под эгидой Национального археологического иститута и музея Болгарской

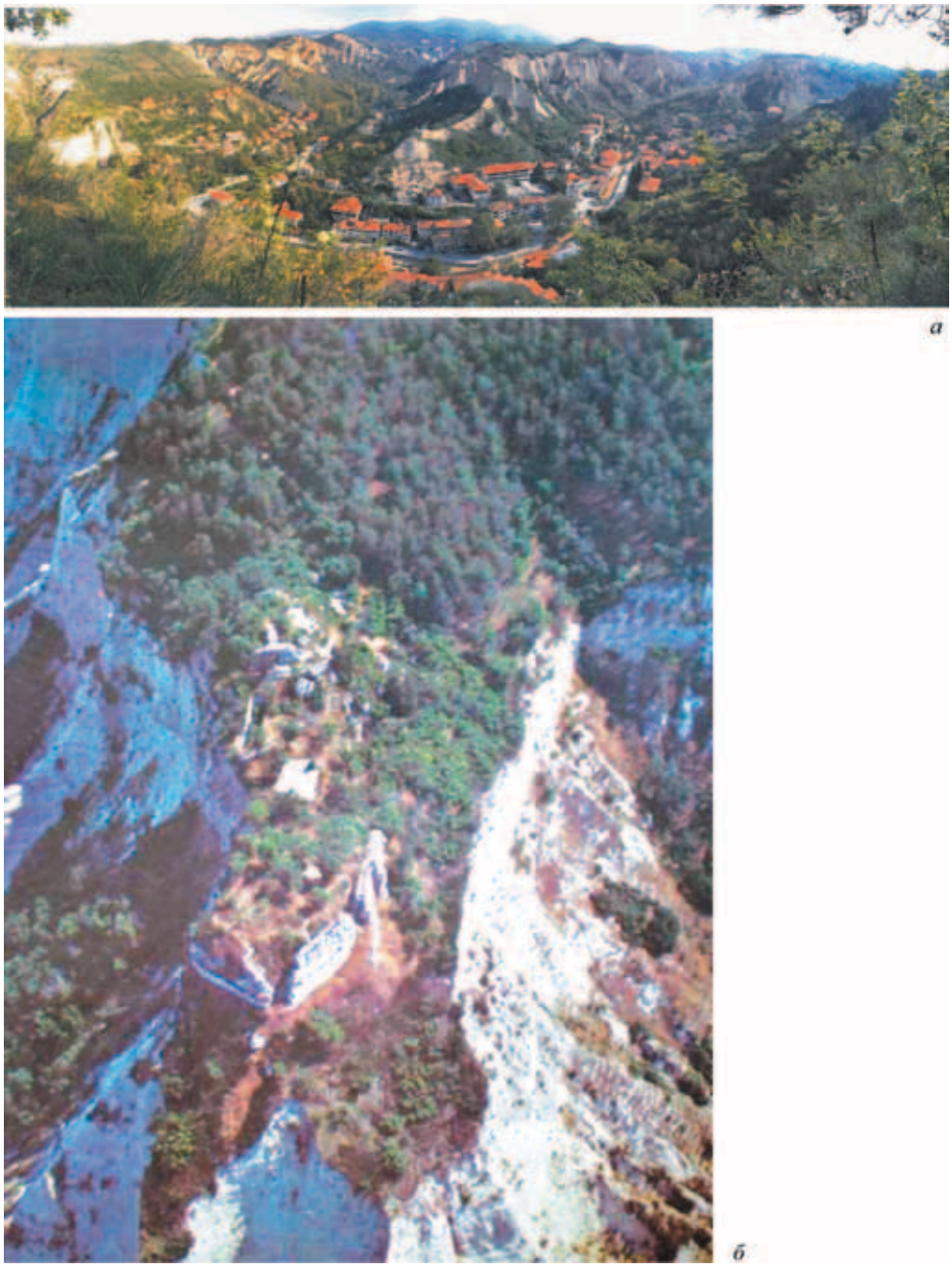


Рис. 2. Панорама Мельника (*а*) и вид на цитадель Деспот-Славовой крепости (*б*). Аэрофотосъемка

академии наук[2]. Раскопками в значительной степени изучены городские укрепления, церковные и гражданские постройки, городское благоустройство, экономическое, духовное и культурное развитие с IV–III вв. до н. э. до начала XX в., когда в результате землетрясений и Балканских войн город пережил тяжелый демографический упадок и постепенно запустел.

Установлено, что Мельник возник как фракийское поселение, вероятнее всего под названием *Гареск*, о котором сообщают античные авторы Страбон, Птолемей и Плиний Старший[3]. Это произошло в то время, когда земли фракийцев-медов[4] в среднем поречье Струмы подверглись македонской колонизации при Филиппе II (359–336 гг. до н. э.): в 340 г. их завоевал его сын – Александр Македонский. В римскую эпоху (I–IV вв.) поселение стало центром императорского имения (*saltus*), основанного Траяном Великим в 97 г. При Юстиниане Великом (527–565) на его месте возникла одна из основных крепостей (вероятно, *Гурасон*) на дороге к Салоникам для защиты от славяно-аварских набегов.

В эпоху Средневековья (IX–XIV вв.) Мельник являлся одним из самых значительных городов на Балканах. Он разделил судьбу городов, находящихся к югу от Хемуса (Стара планина) – в Родопах, во Фракии и Македонии, часто попадавших в круг политических интересов и столкновений балканских владетелей и бывших своеобразными заложниками, часто меняя своих политических хозяев.

Привлекательность Мельника для сильных мира сего обуславливалась в то время несколькими факторами, в первую очередь, стратегически выгодным географическим положением и природными ресурсами.

Мельник расположен в обособленном географическом регионе – в средней долине р. Струмы, закрытой со всех сторон кольцом гор. Античные авторы I–II вв. называют его «*Орбелия*» и «*Парорбелия*», по имени горы Орбелос (Пирин), а в средневековых письменных источниках XI–XIII вв. он известен под славянским именем „*Загория*" (т. е. за горой, по ту сторону горы). Это место – древний перекресток

---

[2] Главный научный руководитель раскопок до 1980 г. – старший научный сотрудник Соня Георгиева, с тех пор и по настоящее время – автор настоящей статьи, профессор, доктор исторических наук Виолета Нешева. Итог работ – более 200 научных публикаций и монография.

[3] *Гарескос, Гареск* – в переводе со старогреческого языка означает «остроконечное, колючее горное возвышение», что соответствует облику окружающих город скал.

[4] Меды – фракийское племя, из которого происходил знаменитый Спартак, предводитель римских рабов. Он родился недалеко от Мельника, в античном городе Партикополе, на территории современного города Сандански.

на пути между Адриатикой и Востоком, Эгеей и Дунаем. «*Весьма сильно укрепленный природой и искусственно*», по словам византийского историка и императора Иоанна Кантакузина (XIV в.), город охранял и контролировал Рупельское ущелье Средней Струмы (ныне в Греции). Это «дверь» к Салоникской области, в Средние века часто являвшейся территорией столкновения разных племен и народов в их борьбе за превосходство в Македонии.

Местоположение на перекрестке дорог и близость к Эгее и Салоникам еще с античности способствовали развитию города как *торгового центра*. Владетелей привлекали также богатые местные *природные ресурсы* – в первую очередь стратегически важные в прошлом металлы (в основном железо, медь), месторождения которых разрабатывались еще в доримское время. По археологическим данным Мельник в X в. выдвинулся как один из самых важных центров металлургии и металлообработки в центральной части Балкан, известный в эпоху Возрождения под названием Мырвашко (Мървашко – *болг.)*.

Помимо металлов современниками ценились *другие природные богатства* региона: гранит, мрамор, густые леса и пастбища горы Пирина, полноводье Струмы и ее притоков – рек Мельнишкая, Пиринская Бистрица и др., благодатные для садоводства, виноградарства и виноделия полевые земли около них. Многочисленные термальные источники привлекали сюда для поселения римских ветеранов. Привлекательность городу, далеко не в последнюю очередь, создавал мягкий переходно-средиземноморский климат и красота окружающей природы.

Кроме того, Мельник – это *традиционное святое место.* Располагая к мистике загадочными формами своего ландшафта, с самой глубокой древности здешние места подходили для культового центра – в доримскую и римскую эпоху – языческого, с VI в. – христианского. Епархия Мельника (с начала XIII в. – митрополия) является правопреемником одной из самых ранних церковных институций – епархии ближайшего города Партикопола (совр. г. Сандански). Она просуществовала до 1913 г. и была одним из самых крепких бастионов православия на Балканах. Она была в основном под управлением Константинопольской патриархии, в отдельные периоды – Болгарской и сербской Печской патриархий, с XIV в. развивалась в тесных связях с Афонскими монастырями. Силу городу в духе той эпохи придавали также хранившиеся здесь *святые мощи*. Известно, что в митрополичей церкви Св. Николая до 1908 г. находилась часть мощей ее патрона – рука в серебряном и позолоченном окладе, а также рака с мощами неизвестного

Рис. 3. Церковь Свв. Апостолов Петра и Павла

святого. При раскопках в церкви Свв. Апостолов Петра и Павла (рис. 3), построенной при болгарском царе Калояне в конце XII – начале XIII в., обнаружены частицы мощей, принадлежавших вероятно ее патронам.

Средневековый Мельник до конца XIV в. семь раз менял свою государственную принадлежность – он был то под болгарской, то под византийской или сербской властью. Им правили наместники царей, императоров, королей, – судя по письменным источникам, их приближенные, члены семей, что свидетельствует об огромном значении города, словно по иронии судьбы, всегда оказывавшегося в пограничной зоне одной из политических сил. В XIII и XIV вв. Мельник и его округа в течение некоторого времени входили в состав аристократических государств, объявлявших себя независимыми: на территории Болгарии – деспота Алексия Слава, и Сербии – протосеваста и великого доместика Хрелья, деспота Иоанна Углеша, братьев-деспотов Иоанна и Константина Драгашей.

Восстановленная как форпост на болгарской границе с Византией в начале второй половины IX в., «*исключительно сильная крепость Мельник*», по описанию византийского хрониста Йоанна Скилицы

(XI в.), превратилась в X в. в город, утвердивший себя на тысячелетие вперед как главный административный, религиозный, ремесленно-торговый и культурный центр Северо-Восточной Македонии. С 1014 по 1195/96 г. он находился под византийской властью. К середине – второй половине XII в. он уже являлся «*большим и известным городом, одним из центральных городов Византии, и по своему созданию – одним из самых старых*» (Идриси, 1153 г.). Согласно списку 1170–1179 гг. был епископским центром. С 1195–1196 гг. Мельник находился в пределах Тырновской Болгарии.

Рис. 4. Эмблема деспота Алексия Слава

В 1209–1230 гг. город был *столицей и дворцовым центром* обширного автономного государства деспота Алексия Слава (рис. 4) – племянника первых болгарских царей – братьев Асеновичей – Асена, Петра и Калояна. Через династические браки Алексий Слав последовательно породнился с императором Латинской империи Анри Фландрским и византийским императором Эпира Теодором Комнином. Его жены – французская и норманская принцессы. По воле Алексия Славы и при его содействии Мельник стал центром *митрополии,* объединяющей Мельник и Сер (г. Серес, ныне в Греции). Это период наивысшего расцвета города в Средние века.

С 1230 г. Мельник вновь оказался в пределах Тырновского царства – при царе Иване Асене II (1218–1241), а с 1246 по 1342 г. – под владычеством Византии. Исторические данные свидетельствуют о его важной роли во время гражданских войн в Империи и сербско-византийской войны в первой половине XIV в. Короткое время город находился в самостоятельном владении протосеваста, великого доместика и кесаря Хрельо (1342 г.). До 1365 г. Мельником владела Сербия, затем Сербское государство деспота Иоанна Углеша (1365–1371), и опять Византия (1371–1373), после чего он стал самым крупным среди трех городских центров (еще Велбыжд и Струмица) так называемого Кюстендилского княжества деспотов Иоанна и Константина Драгашей (1373–1395; с 1377 г. – только Константин Драгаш).

Во второй половине XIV в. наблюдается известный спад экономического развития города, в особенности торговли, обусловленный политической обстановкой в Македонии, характеризуемой частой сменой правителей, территориальной разобщенностью и особенно появлением османских турок в регионе. Под их вассалитет еще в начале 1370-х годов (после битвы при Черномене в 1371 г.) попали несколько местных правителей маленьких государств, в том числе братья Драгаши.

В письменных источниках той эпохи Мельник упоминается в основном *как военный* центр, что является свидетельством его приоритетного военного значения для владетелей. Одновременно с этим его называют терминами, обозначавшими большие города. Мельник один из нескольких городов на Балканах (в современной Болгарии их только три), названных в документах XIV в. «божественными» эпитетами: «*воздвигнутый Богом город*» в хрисовуле (грамоте) сербского короля Стефана Уроша (1356 г.), «*хранимый Богом*», «*спасенный Богом город-крепость*» в Афонских документах.

Балканские владетели в целом способствовали развитию города, что позволило ему в течение довольно длительного времени процветать и избегать серьезных политических и этнических катаклизмов. Исключение составляет восстание болгарского боярина Драготы против византийской власти в 1255 г., закончившееся расправой императора Теодора II Ласкариса над ним и его приверженцами.

Мельничская крепость ни разу не была взята силой. Ей приходилось бывать в осаде, но, в конечном итоге, переговоры с защитниками решали судьбу города и его округи мирным путем.

По археологическим и эпиграфическим данным в рассматриваемую нами эпоху его владетели вкладывали один за другим (независимо от своих политических устремлений) усилия в его благоустройство и благоденствие, а также в огромное для того времени строительство – военное, гражданское и церковное. Особую заботу они проявляли о церквях и монастырях. Это отчетливо иллюстрируют несколько памятников, ставших символами Мельника. Два из них находятся в средневековой Цитадели в западной половине так называемой Деспот-Славовой крепости, расположенной на плато на юге, высоко над городом. От них сохранились внушительные по высоте руины. В центре цитадели находится *церковь Св. Николая* – самая древняя в Мельнике (рис. 5). Она построена в VI в. на развалинах *фракийского святилища*, посвященного Артемиде/Бендиде (IV–III вв. до н. э.), и августейона 97 г., когда в нем была поставлена статуя Траяна Великого Германикона.

Рис. 5. В крепости. Руины митрополичьей ц. Св. Николая после раскопок

При раскопках выявлены шесть средневековых строительных периодов, связанных с разными владетелями: византийским императором Юстинианом I (527–565), болгарским князем Борисом I (852–889), деспотом Алексием Славом (между 1211 и 1216 гг.) и византийским императором Андроником II Палеологом (1282–1328). Церковь очень красивая, выстроена с использованием смешанной кладки, из камня и кирпича. Она принадежит к типу трехнефных базилик, с укороченным, почти квадратным наосом и сложным трехдольным алтарем с тремя апсидами. Обособленное предапсидное пространство закрыто полуцилиндрическим сводом. Средный неф был выше боковых. Этот архитектурный облик сохранился в основной конструкции памятника до XVII в., когда был переделан в псевдобазилику с двускатной крышей. Церковь функционировала до 1913 г., когда перестала существовать Мельничская митрополия.

Внутренние стены церкви Св. Николая расписывали три раза. В 1208 – начале 1209 г., согласно ктиторской надписи, храм был украшен великолепной стенной живописью обучавшимся в Константинополе или Салониках мастером по заказу севаста Владимира, которого можно идентифицировать с братом деспота Алексия Слава (рис. 6).

Рис. 6. Сюжет Вознесения в росписи ц. Св. Николая. 1208–1209 гг.

Частично разрушенная во время землетрясения в 1211 г. церковь восстановлена Славом, в том числе и часть поврежденной стенописи. При раскопках в церкви обнаружены два бронзовых церковных колокола XIII в. В настоящий момент они остаются самыми ранними образцами этого вида церковной утвари в Европе, имеющие надписи. Первый из них представляет собой изящное произведение прикладного искусства (рис. 7, *а*). Текст надписи гласит: «*Колокол выкован из меди, дар деспота Алексия, благочестивого Слава, для святого Николая, который из Миры*». Звон колокола, датированного 1211–1216 гг., разносился из специально построенной ктитором колокольни. Второй колокол принадлежал монастырю Св. Харалампия/Свв. Архагелов.

Замок в передней части цитадели, построенный также в ранневизантийскую эпоху, был реконструирован при болгарском князе Борисе I (рис. 8). После повреждений в результате землетрясения 1211 г. он восстановлен и значительно расширен деспотом Славом. В XIV в.

Рис. 7. Колокола с надписями: деспота Алексия Слава, 1211–1216 гг. (*а*) и иеромонаха Феодосия, 1270 г. (*б*)

наместник Андроника II Палеолога Никифор Василикос дополнительно укрепил его. При деспоте Константине Драгаше в 1380-е годы оборонительные функции укрепления были утрачены, т. к. деспот стал турецким вассалом. Однако вплоть до XIX в. здесь размещались сторожевые посты (по-болгарски – «дервенджийски» пункт).

Еще один памятник средневековой гражданской архитектуры Мельника – так называемый *Боярский дом* – уникален не только для Болгарии, но и для Балкан в целом (рис. 9, а). Он находится на возвышении в самом центре города и сохранился целиком, оставаясь до начала XX столетия жилым. Оригинальная кладка стен из камня и кирпича сохранилась на большую высоту, почти до крыши. Отделанный по фасадам декором из кирпича дом выглядит живописно. Боярский дом является частью архитектурного ансамбля, состоявшего из нескольких зданий, ныне руинированных. Вместе они составляли *дворец правителей города Мельника,* построенный в самом начале XIII в. (после 1211 г.) деспотом Алексием Славом, жившим со своей семьей в башне, где на первом этаже находилась его приемная. Сохранилась ниша с установленным в ней деспотским троном.

Рис. 8. Замок в крепости. Вид после раскопок (*а*) и 3D-реконструкция (*б*)

Другой владетель Мельника – деспот Константин Драгаш расширил и благоустроил дворцовый комплекс в 80-х годах того же столетия. Он пристроил к нему указанное выше большое здание, служившее ему приемной. У окон второго ряда на западном фасаде находится декор

Рис. 9. Боярский дом – дворец правителей Мельника. Общий вид (*а*) и руины троннго зала деспота Алексия Слава (*б*)

в виде шестилепестковых розеток – эмблемы Константина Драгаша. Он заимствовал ее у Палеологов, породнившись с ними благодаря браку своей дочери Елены – последней императрицы Византии, двое сыновей которой стали последними императорами. После 1395 г. ансамбль, вероятнее всего, до конца XVII в. принадлежал следующим правителям города – туркам. В 1701 г. на руинах Славовой башни построена высокая часовая башня, превратившаяся в символ Мельника в эпоху Болгарского возрождения.

Многочисленные церкви и монастыри придавали особую прелесть городу. Церкви – маленькие, однонефные, по функциям квартальные и семейные, расположены между домами, не очень отличаясь от них по своему внешнему виду. Однако их внутренние стены были богато расписаны. Из сохранившихся документов и ктиторских записей видно, что на протяжении всей многовековой истории церквей и монастырей аристократы-христиане разных национальностей делали в них богатые вклады независимо от имени первого строителя. Дарения богатых жителей города, уже в основном торговцев, продолжались и во время пятивекового турецкого владычества.

Из известных по документам 10 средневековых монастырей в Мельнике археологами изучены три, сохранившиеся в руинах. Они построены в начале XIII в. и функционировали до конца XIX – начала XX в. Они принадлежат к типу небольших городских владельческих монастырей, построенных для прославления ктиторов и их семей, а также как обители, где дарители часто проводили последные годы своей жизни, принимая монашество, и затем были захоронены здесь же. Два монастыря находятся в монашеской зоне крепости (в ее восточной половине), где есть остатки еще двух монашеских обителей. Самый ранный среди них – *монастырь Св. Харалампия / Свв. Архангелов* (рис. 10). Согласно дарственной надписи 1206 г. на принадлежавшем монастырю Изборного евангелия XI в., его строительство связывают с византийским севастом Василием Вамбулиносом. Обнаруженные при раскопках стенописи монастырского кафоликона (главной церкви) сделаны мастером, первым расписывавшим церковь Св. Николая, вероятно по заказу севасты – супруги Вамбулиноса, упомянутой в сохранявшейся до 1900 г. части ктиторской надписи. Этому монастырю принадлежал второй колокол, обнаруженный в церкви Св. Николая. Надпись на нем гласит: «*Боже, помогай своему рабу Феодосию иеромонаху, впервые создавшему [освятившему] колокол для архистратига Михаила, той, которая поставлена в царствование Михаила Палеолога, нового Константина. Месяца мар-*

Рис. 10. Монастырь Св. Харалампия / Свв. Архангелов. Вид после раскопок

та, 12 индиктиона, года 6778 [1270 г.]» (рис. 5, б). Ктитор идентифицируется с Федором Комнином Филесом Кантакузином, состоявшем в родстве с Михаилом VIII Палеологом (1259–1282). Византийский базилевс до этого несколько лет был правителем Мельника и Сереса, назначенным императором Иоанном Ватаци в 1246 г., что и стало причиной его прославления в надписи на колоколе.

Недалеко от монастыря Св. Харлампия находится построенный в 1209–1210 гг. деспотом Славом *монастырь Святой Богородицы Спилеотиссы* (из Пещеры). Это наиболее богато документированная монашеская обитель в Болгарии (рис. 11). С ней связан известный сигилий (дарственная грамота) деспота 1220 г., где указана его воля придать монастырю статус «деспотский и царский», «царский монастырь». Его воля была исполнена, когда город вновь оказался под византийским владычеством: византийские вельможи часто одаривали обитель, называя ее в документах «базильевским монастырем». В конце концов он стал патриаршеским, ставропигиальным. В 1365 г. деспот Иоанн Углеша

Рис. 11. Монастырь Святой Богородицы Спилеотисы. Вид после раскопок

передал его во владение Афонского Ватопедского монастыря, чтобы обеспечить ему защиту от нависшей угрозы – османских завоевателей. Ставший самостоятельным владетелем Хрельо подарил монастырю землю. Схожа судьба и *второго монастыря Слава – Святой Богородицы Пантанассы* (рис. 12). Этот Господний дом стал его последней резиденцией, укрытием для выдающегося правителя Асеновича и его семьи (второй жены и двух сыновей), похороненных здесь же после неожиданной смерти (*terminus ante quem* найденных при раскопках могил 1230 г.). Таким образом монастырь, посвященный Божией Матери-Всецарице, является его мемориалом и историческим символом Мельника и в прошлом, и сегодня, хотя с конца XIX – начала XX в. он находится в руинном состоянии.

Роженский монастырь Рождества Святой Богородицы – один из самых популярных и почитаемых в Болгарии (рис. 13). Он находится в 6 км от Мельника. По археологическим данным монастырь построен в конце XII – начале XIII в. царем Калояном, или деспотом Славом. Во второй половине XIV в. он был одним из центров византийского исихазма. Далее, под эгидой Константинопольской патриархии, стал метохом Иверского монастыря на Афоне. К концу XVI в. пострадал при землятрясении, после которого старую маленькую церковь заменили большой псевдобазиликой. Ряд дарителей разных национальностей помагали монастырю при его обновлении и развитии. Здесь можно увидеть

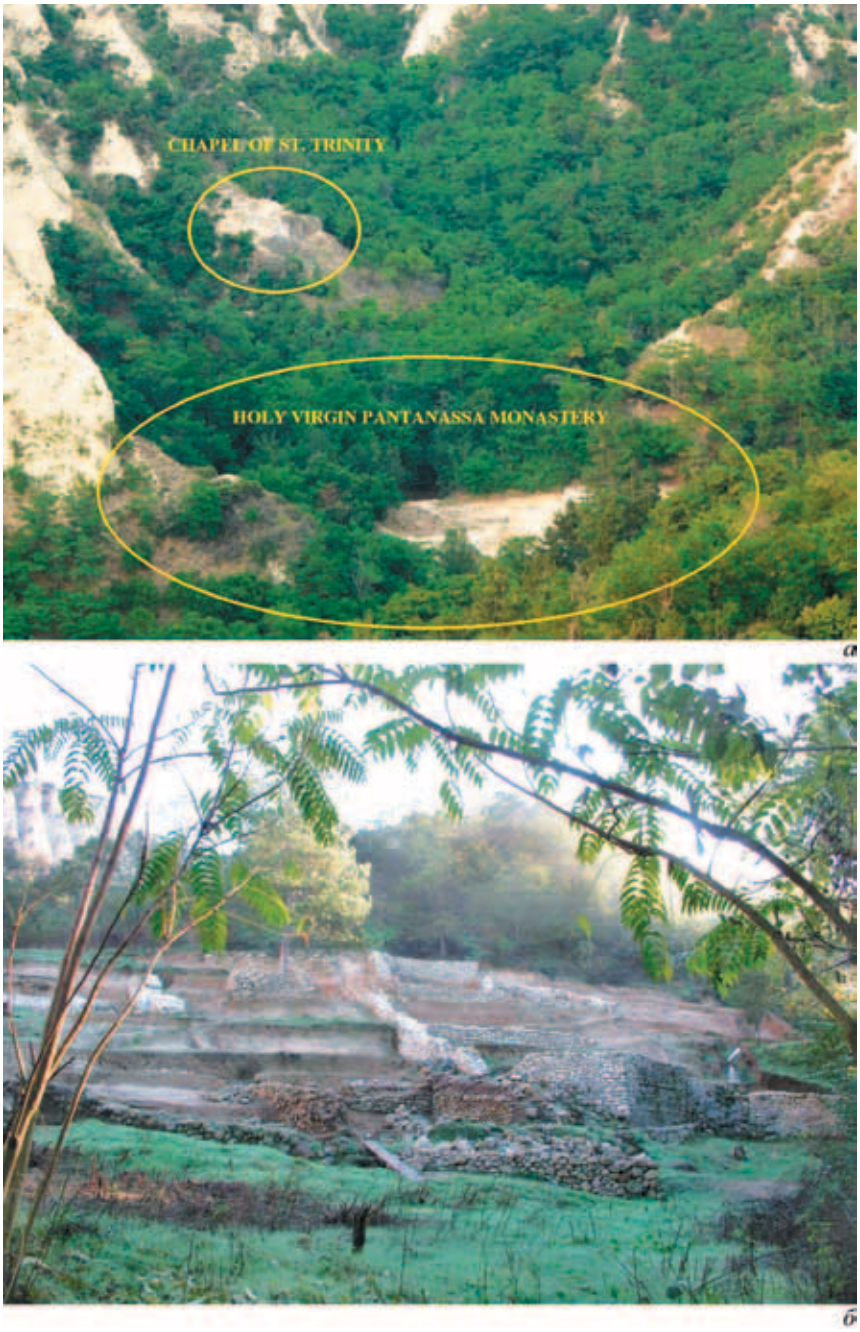


Рис. 12. Монастырь Святой Богородицы Пантанассы. Аэрофотосъемка (*а*) и руины монастыря после раскопок (*б*)

Рис. 13. Роженский монастырь Рождества Святой Богородицы

прекрасные росписи, иконы, резьбу по дереву XVI–XVIII вв. С ним связана рукопись XIII в. с великолепными 117 цветными миниатюрами «Толкование Йова», ныне хранимая в церкви Господней в Йерусалиме.

Сказанное выше дает основание называть Мельник «городом семейства балканских владетелей». Одновременно с этим он занимал и отстаивал свое собственное место в истории каждого из государств, в составе которых оказывался. При этом Мельник служил контактной зоной в сложных этнокультурных и исторических процессах в центре Балкан, что очевидно по его богатому, накопленному в течение веков культурному наследию. В нем переплетаются различные архитектурные и художественные традиции, влияния, стили. Созданные местными и приезжими мастерами культурные ценности ставят город Мельник в один ряд с большими творческими центрами в широком контексте византийской цивилизации.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.119-124

А. А. Гиппиус
НИУ Высшая школа экономики,
Институт славяноведения РАН, Москва

К интерпретации надписи на Березовской чаше

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже византийская серебряная чаша XII в., происходящая из с. Березово в Нижнем Приобье и по составу изображений на ней известная как «чаша с пиром императрицы», знакома историкам русской письменности благодаря надписи на поддоне: «Въ поль четвьрьта десѧте грьвьнъ» (рис. 1). Последний и наиболее полный анализ этого текста дал многоуважаемый Юбиляр в настольной для специалистов по древнерусской эпиграфике книге «Грамотность в Древней Руси» (*Медынцева*, 2000). Охарактеризовав особенности исполнения граффито, процарапанного очень тонкими и неглубокими линиями, с рядом исправлений, не удавшихся с первого раза букв, А. А. Медынцева заметила, что «надпись хотя и небрежна, но абсолютно грамотна» (*Медынцева*, 2000. С. 116). Датируя надпись, Альбина Александровна присоединилась к мнению А. И. Соболевского, отнесшего ее к XII в., и отметила необоснованность сомнений А. И. Спицына, считавшего чашу принадлежащей несколько более позднему времени. Впрочем, как заключает исследовательница, « [м]ожно говорить лишь о наиболее вероятной датировке XII в., причем геометрический стиль почерка, последовательное сохранение слабых и сильных глухих скорее свидетельствуют о времени не позднее середины XII в.» (*Медынцева*, 2000. С. 117).

Содержание надписи остается, между тем, загадкой; вопрос, чему соответствует названная в ней величина, пока не нашел удовлетворительного ответа. Мнения исследователей разделились: одни считали, что в надписи указана цена чаши, другие полагали, что имеется в виду ее вес. Первую точку зрения сформулировал Б. А. Рыбаков, писавший: «Тридцать пять гривен не могут быть обозначением веса серебра, так как вес чаши (около 980 г) немногим более шести гривен серебра [это «северная» гривна серебра с теоретическим весом 204,7 г. – *А. Г.*]. Очевидно,

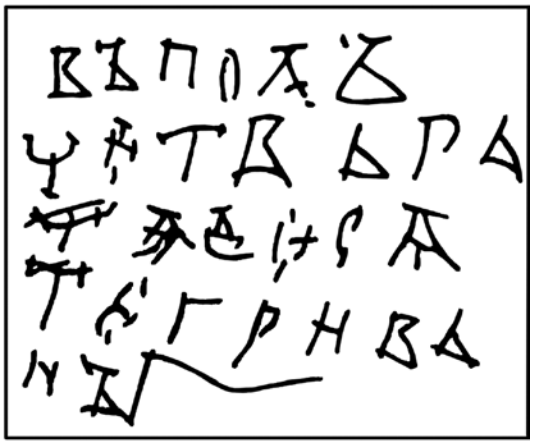


Рис. 1. Надпись на Березовской чаше. Прорисовка (*Даркевич*, 1975. С. 81; *Медынцева*, 2000. С. 117)

надпись имела в виду стоимость богато украшенной братины как художественного произведения». В подтверждение такой трактовки Рыбаков ссылается на приводимое В. Н. Татищевым известие о выкупе в 1122 г. из польского плена князя Ростислава Володаревича за 800 гривен серебра, взамен которых было послано «50 сосудов великих серебряных дивной греческой и венгерской работы». В среднем эти сосуды ценились по 16 гривен; наша чаша, быть может, несколько более поздняя, стоила вдвое больше» (*Рыбаков*, 1963. С. 57). Этот пассаж, однако, доверия не вызывает; подобно большинству уникальных известий «Истории российской», относящихся к культуре и просвещению Древней Руси, он скорее всего является реконструкцией самого Татищева. Из аутентичных же источников известно, что произведения восточной торевтики подвергались на Руси безжалостной переплавке и, следовательно, ценились скорее на вес, чем как произведения искусства (*Даркевич*, 2010. С. 148; *Белавин*, 2013. С. 55).

В последнее время появилось прямое подтверждение того, что надпись на Березовской чаше является весовой. Сразу две древнерусских весовых надписи читаются на приобретенной Эрмитажем в 1998 г. серебряной евхаристической чаше, найденной в районе Перми (*Маршак, Пятницкий*, 2000; *Кулешов*, 2018). Одна из них определяет вес чаши, составляющий 998 г, в пять гривен и два золотника, что, при стандартном золотнике в 4,25 г, показывает использование северной гривны серебра весом 198 г. Вторая надпись, согласно В. С. Кулешову, читается «гривнъ и б-иі золотникъ», что интерпретируется исследователем как «8 гривен без 18 золотников». Вычисляемую отсюда гривну, имеющую вес около 134 г и содержащую 32 золотника, В. С. Кулешов отождествляет с гривной Русской Правды, выводя величину последней из известного сопоставления 12-гривенного штрафа за удар с штрафом в 5 литр серебра, полагаемым за аналогичное (?) преступление в договоре 945 г. Руси и Византии (*Кулешов*, 2018. С. 146–147). Обсуждение этой гипотезы

имеет смысл отложить до тех пор, когда Государственный Эрмитаж опубликует фотографии памятника. Очевидно, впрочем, что предполагаемая гривна в 134 г, как и оба варианта гривны серебра – северный (ок. 200 г) и южный (ок. 160 г) – не являются той единицей, в которых указан вес Березовской чаши.

Попытку истолковать надпись как весовую, исходя из гривны Русской Правды в ее традиционном понимании, предпринял Б. И. Маршак. «Владелец обозначил вес 35 гривен, что очень сильно превышает вес чаши (около 1 кг), но цифра может быть реальной, если чаша имела крышку и была взвешена вместе с ней. В этом случае, скорее всего, имелась в виду северная гривна в 51,19 г (Сокровища Приобья, 1996. С. 10–11)». Согласиться с такой оценкой затруднительно: чаши подобного типа действительно могли иметь крышки, но вряд ли крышка, никак не соединявшаяся с чашей, могла взвешиваться вместе с ней. Более реалистичным выглядит предложение В. Л. Янина, которое А. А. Медынцева, со ссылкой на устное сообщение, приводит как возможную альтернативу разделяемой ею точке зрения Б. А. Рыбакова. По мысли В. Л. Янина, вес чаши в надписи указан в системе, отраженной статьей «А се бесчестие», читаемой среди приложений к «Русской Правде» и обычно датируемой XIII в. Гривна серебра в этой статье соответствует 7,5 гривнам кун, что делает серебряным эквивалентом гривны кун вес в 27,3 г. Как отмечает А. А. Медынцева, «вес гривны, вычисленный на основании надписи, дает 28 г, что очень близко к вышеупомянутой гривне. Но надпись на этом основании все же нельзя отнести к XIII в. Если гривна в 27,3 г действительно появляется только в XIII в., то и в этом случае сочетание архаической графики и фонетики с новой метрологической денежной системой указывает на один из первых примеров ее применения и, вероятно, пожилым человеком. Поэтому наиболее вероятная дата и в этом случае не может быть позднее конца XII – рубежа XII–XIII вв.» (*Медынцева*, 2000. С. 117).

Против предположения В. Л. Янина говорят собственно метрологические данные. Вес гривны в 27,3 г исследователь вычислил исходя из теоретического веса северной гривны серебра 204,75 г. Точный вес Березовской чаши – 885 г (*Пятницкий*, 2004. С. 128) – соответствует 36,1 таких гривен, то есть отличается от указанного в надписи на целую гривну. Если же исходить из реального веса гривны серебра в 198 г, предполагаемого надписью на пермской чаше, то расхождение 35 гривен (924 г) и веса чаши составляет более двух с половиной гривен.

Неудовлетворительность предпринятых до сих пор попыток интерпретации надписи на Березовской чаше имеет объективное основание: данные, которыми до последнего времени располагала историческая метрология, были принципиально недостаточны для адекватного истолкования текста. Ключ к его пониманию дают берестяные грамоты, найденные в Новгороде в 2012 и 2014 гг. Это, прежде всего, грамота № 1072, конца XII – начала XIII в. – документ исключительно важный для понимания устройства денежной системы древнего Новгорода (см.: *Гиппиус, Зализняк*, 2016. С. 12–15; *Гиппиус*, 2017). Из этого текста извлекаются два ранее неизвестных исследователям факта. Во-первых, оказывается, что «обычная» гривна кун, насчитывавшая 25 кун, могла называться «гривной золотников» – вероятно, потому, что серебряный эквивалент такой гривны на разных стадиях ее девальвации соответствовал целому числу золотников. С другой стороны, из грамоты следует, что гривна серебра имела в Новгороде этого времени второе название – «семница». Объясняя его, мы поначалу предположили, что «семницу» составляли семь с половиной гривен статьи «А се бесчестие». Следуя за А. В. Назаренко, показавшим, что гривна этой статьи насчитывала не 25, а 40 кун (*Назаренко*, 2001. С. 199), мы противопоставили «гривну-сорочок» и «гривну золотников» как две сосуществовавшие в Новгороде формы денежного счета (*Гиппиус, Зализняк*, 2016. С. 13–15). От такой схемы, однако, мы вскоре отказались, признав трактовку «семницы» как семи с половиной натянутой. В отдельной публикации, посвященной грамоте № 1072, эта версия уступила место другой: «семницу» составляли семь сороков (280) беличьих шкурок, выступавшие как меховой эквивалент гривны серебра; серебряный эквивалент одной «стандартной» белки составляет в таком случае 0,714 г (при гривне серебра, условно принимаемой за 200 г). Решающее подтверждение этой гипотезы мы видим в грамоте № 1021 (конец XII в.), в которой называется сумма – 89 гривен, 2 ногаты и 5,5 кун, заплаченная за 3100 (без нескольких единиц) беличьих шкурок. Выводимая из этого соотношения цена одной шкурки – около 0,72 куны, при действующем в это время отношении куны к гривне серебра 1:200, дает серебряный эквивалент «стандартной» белки, отличающийся от вышеуказанного менее чем на одну сотую процента.

Привлечением к этим расчетам надписи на Березовской чаше я обязан А. В. Назаренко, который, выступая в дискуссии по моему докладу на чтениях памяти Г. Г. Литаврина в Институте славяноведения РАН 19 декабря 2017 г., заметил, что вычисленный серебряный эквивалент

сорочка (28,6 г) соответствует весу гривны, выводимому из надписи на чаше и до сих пор не находившему объяснения. Действительно, вес «гривны Березовской чаши» (985 г: 35) составляет 28,14 г, а семь таких гривен образуют северную гривну серебра – 197 г (отклонением в 1 г от величины, выводимой из надписи на пермской чаше, можно пренебречь). Вес и ценность чаши можно было бы, таким образом, определить в пять гривен серебра или пять «семниц», но в надписи они выражены иначе – благодаря этому мы узнаем, что сорочок беличьих шкурок имел фиксированный серебряный эквивалент, бывший одной из разновидностей древнерусской гривны.

Такое обозначение веса в надписи на чаше кажется далеко не случайным. Византийское серебро поступало за Урал из северной Руси в обмен на меха (см. из последних работ: *Мельничук и др.*, 2015. С. 31), и фракция гривны серебра, соответствовавшая цене стандартного сорочка белки, оказывалась в этих условиях самой удобной мерой.

Литература

Белавин А. М., 2013. «Серебро закамское» в истории и археологии Среднего Предуралья // Вестник Пермского научного центра. № 2. С. 50–61.

Гиппиус А. А., 2017. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Великий Новгород: Любавич. Матер. Междунар. нумизматической конф. Великий Новгород. 25–27 апреля 2016 г. [б. и.]. С. 25–36.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., 2016. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. № 4. С. 7–17.

Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века М.: Искусство, 350 с.

Даркевич В. П., 2010. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука. 199 с.

Кулешов В. С., 2018. Древнерусские весовые граффити на евхаристической чаше XII в. из Пермского Предуралья // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. М.: ГИМ. С. 145–148.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в.). М.: Наука. 290 с.

Маршак Б. И., 2003. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского // Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой

торевтики из села Мужи Ямало-Ненецкого автономного округа СПб.: Византинороссика. С. 1–41. (Византинороссика. Т. 2).

Маршак Б. И., 2006. Серебро за меха // Византийская идея в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб.: ГЭ. С. 72–82.

Маршак Б. И., Пятницкий Ю. А., 2000. Чаша Евхаристическая // Синай. Византия и Русь. Православное искусство с VI до начала XX века. Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб.: ГЭ, Фонд Святой Екатерины. С. 95–96.

Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В., Головчанский Г. П., 2015. Истоки восточно-римской утвари и монетного материала на средневековых памятниках археологии Верхнего Прикамья // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. Пермь. С. 21–35.

Пятницкий Ю. А., 2004. К истории поступления в Эрмитаж византийской серебряной чаши XII в. // Византия в контексте мировой истории. Матер. науч. конф., посвященной памяти А. В. Банк. СПб.: ГЭ. С. 128–139.

Назаренко А. В., 2001. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: ЯСК. 784 с.

Рыбаков Б. А., 1963. Русская эпиграфика X–XIV вв. (состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР. С. 34–71.

Сокровища Приобья / Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб.: Формика, 1996. 228 с.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.125-140

А. А. Гомзин*, М. С. Мальцев**
** Институт археологии РАН, Москва;*
*** независимый исследователь*

К вопросу о монетах Ивана Владимировича Пронского

Не позднее 2009 г. на Самарской Луке в окрестностях с. Рождествено Волжского района Самарской области был найден клад примерно из 3000 серебряных монет XIV–XV вв. Комплекс располагался в глиняном горшке, являющемся одной из распространенных форм керамики общебулгарской группы с типичными характеристиками второй половины XIII – начала XV в. (рис. 1)[1]. Вероятнее всего, сосуд представляет типы 4-А или 4-Б по типологии Н. А. Кокориной. Возможно также его отнесение к типам 5 или 6 (*Кокорина*, 2002. С. 114, 117, 118. Рис. 64, *8–10*; 65, *2, 3*).

Авторам удалось получить изображения 2758 монет разного качества, от хороших и до практически непригодных для атрибуции. Пока с той или иной степенью полноты обработано 1963 экземпляра. Предварительно состав клада выглядит следующим образом: Джучиды – 1943 (в том числе 3 данга с надчеканками); Исфандийариды (Сулайман II и Исфандийар) – 2; Тимуриды – 1 (амир Тимур и Суйургатмыш, Самарканд, 785 г. х.); подражания Джучидам (в том числе поокские) – 9; русские княжества (Московское и Пронское) – 6; Самцхийское атабагство – 2 экземпляра. Старшая монета – Джучиды, Токта, Сарай ал-Махруса, 710 г. х. (1310/1311 г.) (рис. 2, *1*)[2]; младшие из датированных – Джучиды, Давлет-Бирди, Крым, 825 г. х. (1421/1422 г.; 5 экз.) (рис. 2, *2, 3*).

---

[1] Авторы выражают искреннюю признательность П. Г. Гайдукову, А. М. Колызину, Р. А. Беспалову, И. В. Волкову, И. Пагава за ценные консультации и замечания, высказанные в процессе подготовки данной работы; И. Ю. Стрикалову за определение типа и датировку сосуда.

[2] По мнению А. Л. Пономарёва, занимавшегося штемпельным анализом данного типа монет, он выпускался с 710 по 713 г. х. включительно, в том числе после смерти Токты до интронизации Узбека. Дата на рассматриваемом экземпляре является застывшей, а фактическое время чеканки относится к 712 г. х. (1312/1313 г.) (*Пономарёв*, 2011. С. 36–37, 40, rev. 3, 23).

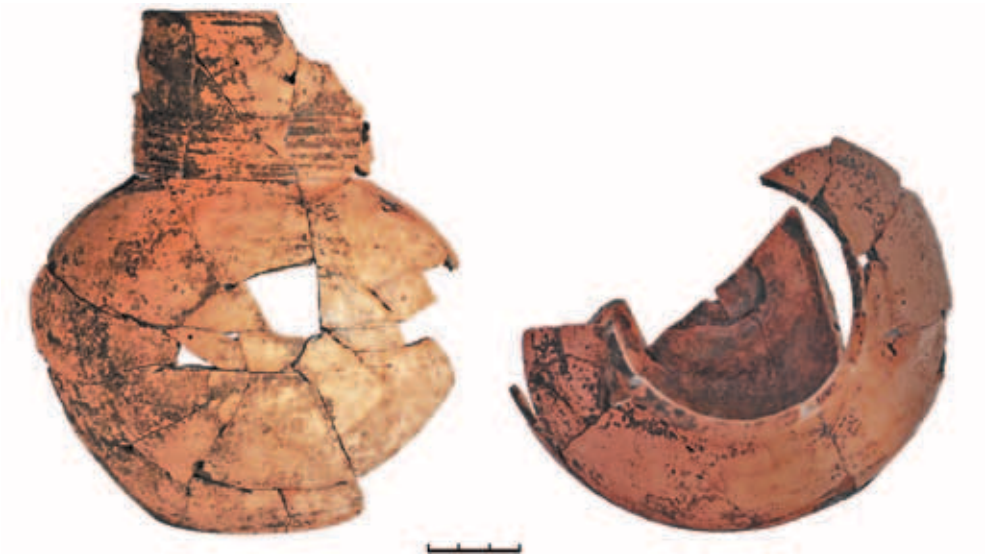


Рис. 1. Глиняный сосуд, в котором находились монеты Рождественского клада

Кроме того, в комплексе присутствуют две монеты Самцхийского атабагства (Юго-Западная Грузия), несущие на одной из сторон изображение рыбы со звездами, а на другой – подражание арабской надписи, заключенное в прямоугольную рамку (рис. 2, *4*). Они достаточно широко датируются исследователями – от второй половины XV в. до третьей четверти того же столетия (*Капанадзе*, 1955. С. 107–109; *Сидоренко*, 2015. С. 281). Это обстоятельство создает хронологическую лакуну, приходящуюся примерно на вторую четверть XV в., которая «не закрыта» никакими монетами. Возможно, в процессе дальнейшей обработки она ликвидируется, либо удастся подобрать логичное объяснение ее существованию, пока же она не позволяет окончательно определиться с датировкой комплекса.

Распределение джучидских монет по эмитентам: Токта – 1; Узбек – 5; Джанибек – 7; Бирдибек – 2; Науруз – 1; Хызр – 3 (в том числе 1 с надчеканом «ʻадил»); ʻАзиз-Шейх – 1; ʻАбд Аллах – 21 (в том числе 1 с неприуроченным надчеканом, похожим на зеркальную «Б»); Гийас ад-дин Мухаммад – 47; Туляк – 3; Токтамыш – 146 (в том числе провинциальный чекан); Бек-Пулад – 2; Тимур-Кутлуг – 7; Шадибек – 51 (в том числе локальный или имитационный чекан); Пулад – 43; неразобранные данги с символом веры, совокупно относящиеся к Шадибеку и Пуладу – 34;

Рис. 2. Старшая и младшие монеты Рождественского клада

1 – Джучиды, Токта, Сарай ал-Махруса, 710 г.х.; *2–3* – Джучиды, Давлет-Бирди, Крым, 825 г.х.; *4* – Самцхийское атабагство

Тимур – 4; Джалал ад-Дин – 2; Керим-Бирди – 6; Кибак – 5; Чокре – 36; Джаббар-Бирди – 1; Сайид-Ахмад I – 4; Дервиш – 142; Бек-Суфи – 6; монеты с именем Мухаммада – 1328 (в том числе 364, предположительно относимые к этой группе); Давлет-Бирди – 34, неопределенный эмитент с надчеканом – 1 экземпляр.

Обозначения мест чеканки на джучидских монетах: Сарай, Сарай ал-Махруса, балад Сарай, Сарай ал-Джадид, Азак, Азак ал-Махруса, балад Азак, Бик-Базари, Булгар, Гюлистан, ал-Джадид, «Джидибик»-Базари, Иль Уй Му‘аззам, Каффа, Каффа Джадид, Крым, балад Крым, Крым ал-Джадид, Орду, Орду (ал-)Му‘аззам, Орду ал-Джадид, Орду «Сэтудан», Сарайчук, Хаджи-Тархан, Хваризм, Шаберан.

Среди прочих в комплексе оказались три монеты с подражанием джучидским дангам Гюлистана 760 г. х. (1358/1359 г.) на оборотной и упоминанием великого князя Ивана в пятистрочной надписи на лицевой стороне. Им и посвящена настоящая работа, поскольку они связаны с одним из интересных моментов в русской нумизматике удельного периода.

Монеты данного типа были известны еще с XVIII в. Один экземпляр входил в нумизматическую коллекцию ближайшего сподвижника Петра Первого Я. В. Брюса. В рукописном каталоге его собрания монета

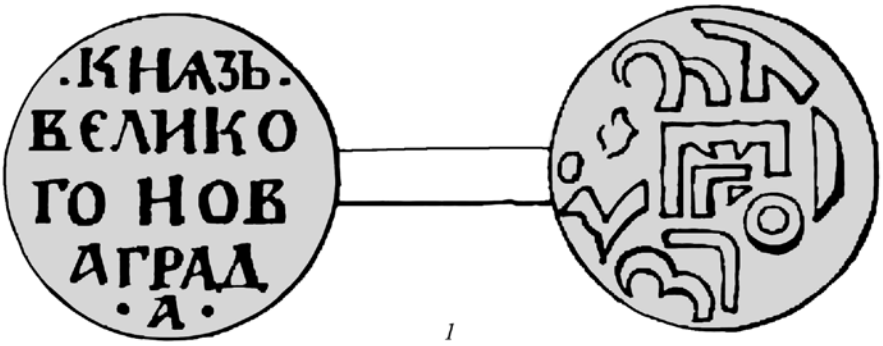
была неверно атрибутирована и помещена вместе с новгородскими деньгами периода самостоятельности (*Гайдуков*, 2006. С. 47–48).

В 1777 г. бывший домашний учитель в семье генерал-поручика графа И. Э. Миниха, доктор юриспруденции Х. Шмидт издал первый том книги «Материалы к русской истории со дня смерти императора Петра Великого». Ее составной частью явились очерк «Кое-что о русских монетах» и две гравированные таблицы с изображениями русских монет, для подготовки которых автор использовал увезенный им из Санкт-Петербургской Академии наук каталог собрания Я. В. Брюса (*Гайдуков*, 2006. С. 12; *Спасский*, 1978. С. 40–42; *Schmidt*, 1777. S. 31–39, tab. I–II). Рисунок интересующего нас экземпляра помещен в книге на таблице I (*Гайдуков*, 2006. С. 15, рис. 4, *VI*; *Schmidt*, 1777. Tab. I, *VI*). По нему видно, что легенда л.с. была прочитана как: «**•КНѦЗЬ• / ВЄЛИКО / ГО НОВ / АГРАД / •А•**», а подражание на о. с. перевернуто на 180 градусов (рис. 3, *1*).

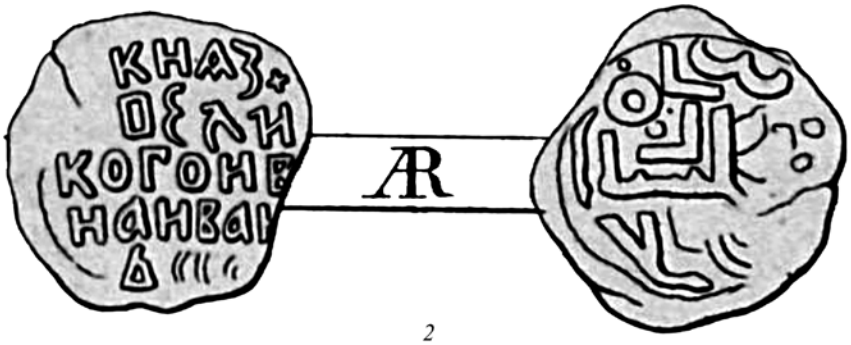
Шестьдесят лет спустя барон С. И. де Шодуар, упоминая в числе прочих сочинений своих предшественников книгу Х. Шмидта, указал недостатки помещенных в них описаний и рисунков русских монет, которые искажали их облик, не показывали особенности изготовления, с ошибками передавали расположенные на них надписи и знаки. Исследователь отметил, что постарается избежать выявленных погрешностей в своем труде, посвященном русским и иностранным деньгам, употреблявшимся в России (*Шодуар*, 1841. С. III; *Chaudoir S.*, 1837. P. III).

Шодуар верно сориентировал и передал подражание арабской надписи на интересующей нас монете, которая к тому времени находилась в собрании академика Ф. И. Круга, воспользовавшись помощью основателя восточной нумизматики в России Х. М. Френа (*Гайдуков*, 2006. С. 47; *Шодуар*, 1841. С. II; *Chaudoir*, 1837. P. II).

Легенду л.с. Станислав Иванович реконструировал как «**КНѦZ / .ВЄЛИ / КОГО ИВ / .НА ИВАН. / ВУА**», что дало ему основание отнести рассматриваемый экземпляр к чеканке Ивана Ивановича Молодого в Твери (1485–1490) (*Гайдуков*, 2006. С. 47; *Шодуар*, 1837. С. 22, № 54/7, табл. II/54, *7*; 1841. С. 327, № 3207; *Chaudoir*, 1837. P. 320, № 3207). Стоит отметить, что прорисовка надписи с именем эмитента, помещенная С. И. де Шодуаром в отдельном томе своего сочинения, имеет некоторые отличия от реконструкции, не обусловленные особенностями передачи печатного шрифта. В частности, что в дальнейшем будет иметь значение, в последней строке на изображении помещена только одна буква, похожая на «Ь», вместо трех в реконструкции, являющихся окончанием отчества князя (рис. 3, *2*).



1



2

3

Рис. 3. Рисунки монеты Ивана Владимировича

1 – из книги Х. Шмидта (*Schmidt*, 1777. Tab. I, *VI*); *2* – из книги С.И. де Шодуара (1837. Табл. II/54, *7*). *3* – прорисовка И.В. Волкова (*Колызин*, 2012. С. 68)

Впоследствии монета из коллекции Ф. И. Круга поступила в Эрмитаж, где хранилась в разделе неопределенных денег. Там на нее обратил внимание П. Г. Гайдуков. Основываясь на имитационной дате, близости палеографии и формуляра легенды данного экземпляра печатям великого князя московского Ивана Ивановича Красного (1353–1359), Пётр Григорьевич отнес ее к чеканке указанного князя и по весу в 0,62 г классифицировал как полуденгу. Полученный результат представлялся крайне важным, поскольку отодвигал начало чеканки именных русских монет удельного периода со второй половины 1370-х – 1380-х гг. к середине XIV в. (*Гайдуков*, 2006. С. 47–48).

Однако впоследствии новые находки аналогичных монет, анализ нумизматического материала и аргументы некоторых исследователей способствовали отказу П. Г. Гайдукова от подобного вывода и исключению рассматриваемой полуденги из московской чеканки (*Бауер*, 2014. С. 525, прим. 235; *Гайдуков, Гришин*, 2017. С. 73). В частности, А. М. Колызин первоначально счел монету антикварной подделкой, а после появления новых экземпляров предположил, что это чекан кого-то из рязанских князей или Ивана Владимировича Пронского (рис. 3, *3*; *Колызин*, 2012. С. 67–68; 2013. С. 354–355). В дальнейшем он скорректировал свою точку зрения в пользу эмиссии пронского князя в период занятия Иваном Владимировичем Рязанского великокняжеского стола в 1408 г., основываясь на имеющихся представлениях о весовых нормах рязанских и пронских монет конца XIV – первых двух десятилетий XV в., логике развития чекана и утвердившемся в нумизматической литературе мнении о взаимосвязи рязанской и московской денежных систем (*Колызин*, 2014)[3].

В 2011 г. К. М. Петрунин на сайте «Русские монеты 14–17 веков» инициировал обсуждение с целью пересмотра атрибуции П. Г. Гайдукова с учетом новых находок[4]. Первоначально перед исследователем тоже встала дилемма между Иваном Фёдоровичем Рязанским и Иваном Владимировичем Пронским.

В пользу исключения рассматриваемых монет из московской чеканки, по его мнению, свидетельствовал низкий вес и близкая по оформлению, подражанию о. с. и весовым характеристикам группа монет

[3] Авторы благодарны А. М. Колызину за возможность ознакомиться с содержанием его неизданной работы. Статья была представлена в печать для третьего номера журнала «Номизма» в 2014 г., но до сих пор не опубликована.

[4] Режим доступа: http://rus-moneta.ru/sobb.php? nn=1129&ans=98&page=5&forde sk=1, дата обращения 4.12.2018.

Рис. 4. Монеты с упоминанием великого князя Ивана
1 – вес 1,14 г; *2* – вес 1,12 г; *3* – вес 0,84 г; *4* – вес 0,44 г

с упоминанием великого князя Ивана без отчества в трех- и четырехстрочных легендах л.с. Тогда же выяснилось, что эта группа имеет штемпельные связи и по стороне с русской легендой и по подражаниям с более тяжелыми (примерно в два раза) монетами с надчеканками рязанской тамги с точками внутри завитков. Это дало основание классифицировать экземпляры с тамгами как денги[5], а более легкие, без тамг – как полуденги (примеры монет см.: рис. 4)[6].

Кроме того, как и А. М. Колызин, К. М. Петрунин справедливо отметил невозможность прочтения отчества «Иванович» после княжеского имени. В дальнейшем участники обсуждения рассматривали различные варианты реконструкции предпоследней и последней строк легенды после имени Ивана. Однако имевшиеся в их распоряжении

[5] Подобные денги известны с начала XX в. По мнению П. А. Шорина, разделившего ранее высказанную точку зрения А. В. Орешникова, они относятся к чекану Ивана Владимировича Пронского во время пребывания его в 1408 г. на Рязанском столе (*Шорин*, 1970. С. 75; 1971). То же в 2009 г. повторил Н. С. Аксёнов, приурочив при этом выпуск связанных с ними по штемпелям полуденег к периоду после 1425 г., безосновательно утверждая, будто бы Иван Владимирович был лишен права монетной регалии за развязывание конфликта 1408 г. (*Аксёнов*, 2009. С. 31).

[6] Для иллюстрации использованы фотографии из баз изображений авторов и размещенные на сайте «Русские монеты 14–17 веков». Экземпляры № 3 и 4 впоследствии вошли в состав каталогов Д. В. Гулецкого и К. М. Петрунина (*Гулецкий, Петрунин*, 2013. С. 272, № 2335С; 2017. С. 463, № 5965А, 5965F).

экземпляры не позволили подобрать убедительного прочтения. Возникший вариант «князя великого Ивана Пронского» был, почти сразу же, отклонен как не имеющий аналогов в русской монетной чеканке удельного периода.

В конечном итоге, выявив среди денег с тамгой и строчной надписью экземпляры с подражанием л.с. монет хана Чокре (816–818 гг. х./1414–1416 гг.), а среди полуденег[7] – экземпляр, перечеканенный из литовской монеты с Колюмнами, датируемый не ранее 1422 г., К. М. Петрунин со своим соавтором Д. В. Гулецким включили все монеты с упоминанием великого князя Ивана, с «отчеством» и без оного, в число эмиссий Ивана Фёдоровича времени не ранее 1420-х гг. (*Гулецкий, Петрунин*, 2013. С. 271–272; 2015. С. 152–154; 2017. С. 460–463; *Гулецкий, Зайончковский*, 2015. С. 180, рис. 12).

Таким образом, сейчас мы имеем две точки зрения: рассматриваемые монеты относятся к чекану Ивана Владимировича Пронского во время захвата им Рязанского великокняжеского стола в 1408 г. или они являются одной из эмиссий Ивана Фёдоровича Рязанского времени не ранее 1420-х гг. При этом вопрос прочтения строчной надписи после имени Ивана так и остался открытым. А. М. Колызин его не затрагивал. К. М. Петрунин и Д. В. Гулецкий в двух изданиях своего каталога поочередно привели наборы различимых, по их мнению, на имевшихся в их распоряжении экземплярах букв: «… **ПРЛ**… / … **Є**…» и «… **ПРАСЛ** / **КЄ**…». Заметим, что в процессе авторы как бы повторили ситуацию в работе С. И. де Шодуара, когда графическая реконструкция штемпеля не совпадает с текстовой (*Гулецкий, Петрунин*, 2013. С. 271, № 2335А; 2017. С. 463, № 5965В).

Чем же в данном случае могут оказаться полезны монеты Рождественского клада? Тем, что по ним практически полностью восстанавливается содержание легенды лицевой стороны и прочитывается участок надписи, следующий за именем Ивана. Текст реконструируется следующим образом: «**КНѦZ× / ѦВЄЛИ / КОГОИВА / НАПРАНС / ×КАГО**», то есть «князя великого Ивана Пранскаго (Пронского)» (рис. 5).

Все три монеты отчеканены той же парой штемпелей, что была известна другим исследователям. Штемпели вырезаны вручную, причем имитация арабской легенды смотрится лучше, чем русская строчная

[7] В каталоге Д. В. Гулецкого и К. М. Петрунина 2017 г. этот термин уже не встречается, а соответствующие монеты охарактеризованы как мелкий номинал с большим весовым разбросом, предположительно ориентированный на вес синхронного ему джучидского данга (Гулецкий, Петрунин, 2017. С. 460).

Рис. 5. Монеты Ивана Владимировича из Рождественского клада и прорисовки их лицевых сторон

надпись. Возможно, мастер, выполнивший последнюю, не имел достаточной квалификации для подобной работы. На монетах и их прорисовках хорошо заметно, что очертания отдельных букв на разных экземплярах не совпадают и имеют отличающиеся повреждения. Видимо, качество лицевого штемпеля тоже оказалось невысоким, он быстро

изнашивался и периодически правился. Собственно, по этой причине он и представлял известную трудность для прочтения.

Как бы то ни было, получается, что данные монеты следует все-таки относить к чекану Ивана Владимировича Пронского. Известен вес наиболее хорошо сохранившегося экземпляра – 0,67 г. (рис. 5, *1*). Два других сопоставимы с ним по размерам и, очевидно, представляют тот же «номинал».

Отсутствие аналогий подобному именованию князя в русской средневековой нумизматике вряд ли должно смущать. Наоборот, не понятно, какими они могли бы быть, учитывая, что денежное дело Рязанского княжества конца XIV – первой половины XV в. представляло известное своеобразие по сравнению с другими русскими княжествами, к тому же оно недостаточно изучено, а о пронской монетной чеканке нам практически ничего не известно[8].

Зато в письменных источниках похожие формы передачи имени встречаются. В докончании 1427 г. Ивана Владимировича с великим князем литовским Витовтом первый фигурирует как «Иван Володимерович проньскый» (ДДГ, 1950. С. 68, № 26). В летописных текстах его имя упоминается в разных падежах как «Иван Пронскій», «Ивану Пронскому/Проньскому», «у князя Ивана у Пронскаго», «Иван Володимеровичь/Володимеричь Проньскій/Пронскій», «Ивану Володимеровичю Проньскому», «Володимеровичь Іоаннъ Пронскый» (ПСРЛ. Т. VIII, 2001. С. 82; Т. XI, 2000. С. 202–203; Т. XV, 2000. С. 480, 487; Т. XVIII, 2007. С. 154; Т. XXIV, 2000. С. 173; Т. XXV, 2004. С. 237; *Приселков*, 1950. С. 466–467).

Применение титула «князь великий» к Ивану Владимировичу тоже не может вызывать сомнений. Если в летописях оно не регулярно, но там и современник пронского князя Фёдор Ольгович Рязанский не всегда назван «великим», то в московско-рязанском 1402 г., пронсколитовском 1427 г. докончаниях и письме Витовта великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу от 14 августа 1427 г. Иван Владимирович именуется «великим князем» (ДДГ, 1950. С. 53, 55, 68–69, № 19, 26; *Пресняков*, 1918. С. 254; *Флоря*, 1978. С. 183; *Беспалов*, 2008. С. 256, 258; 2015. С. 5, 7, 43).

Вопрос о времени чеканки рассматриваемых монет пока представляется сложным и окончательно не решенным. Датировка

[8] Сейчас уже ясно, что отнесенные П. А. Шориным к Пронскому княжеству денги с «Ф»-образной тамгой, имеют иную атрибуцию (*Шорин*, 1970; *Гулецкий, Петрунин*, 2013. С. 258; 2015. С. 150–152; 2017. С. 433; *Колызин*, 2014).

Рождественского клада точно еще не определена и ограничивается рамками 1422 г. – серединой XV в. Полуденги с упоминанием Ивана в трех- и четырехстрочных надписях, из числа известных авторам находок, представлены одиночными экземплярами. Связанные с ними по штемпелям денги встречаются в кладах, относящихся к периоду 1420-х – середины 1440-х, и из-за слабой разработанности хронологии рязанских эмиссий сузить данный отрезок пока не получается. Свидетельства о чеканке каких-то из этих монет в 1408 г. или около этой даты не очевидны. Руководствоваться здесь весовыми нормами, как это сделал П. А. Шорин, представляется преждевременным в силу все той же причины (*Шорин*, 1971. С. 22–23). Кладов из рязанских земель, которые содержали бы подобные монеты и четко датировались при этом периодом 1400–1410-х гг., неизвестно.

Определенные ориентиры, опять же, способны дать письменные источники. Иван Владимирович упоминается в московско-рязанской договорной грамоте 1402 г., где Фёдор Ольгович Рязанский берет обязательство заключить с ним соглашение (ДДГ, 1950. С. 53, 55, № 19). Тверская летопись сообщает, что договор у пронского князя имелся и с Василием Дмитриевичем Московским (ПСРЛ. Т. XV, 2000. С. 480).

В 1408 г. Иван Владимирович возвращается в Пронск с пожалованием от хана Пулада (ПСРЛ. Т. XI, 2000. С. 202; *Приселков*, 1950. С. 467). В том же году при помощи татар он изгоняет Фёдора Ольговича и занимает Рязанское княжение. Затем разбивает московско-рязанские войска на Смедве, однако в дальнейшем примиряется с рязанским князем, и каждый из них вновь занимает свой стол (ПСРЛ. Т. VIII, 2001. С. 82; Т. XI, 2000. С. 203–204; Т. XV, 2000. С. 480–481; Т. XVIII, 2007. С. 154; Т. XXIV, 2000. С. 173–174; Т. XXV, 2004. С. 237; *Приселков*, 1950. С. 466)[9].

В 1416 г. Василий Дмитриевич Московский женит своего старшего сына Ивана на дочери Ивана Владимировича, в то время как дочь Фёдора Ольговича в 1401 г. была выдана замуж за сына Владимира Андреевича Серпуховского Ивана (ПСРЛ. Т. XI, 2000. С. 185; Т. XV, 2000. С. 487; *Кузьмин*, 1965. С. 243; *Флоря*, 1978. С. 183).

[9] В реконструкции Троицкой летописи М. Д. Приселкова эти два известия 1408 г. помещены в обратном порядке, что А. Г. Кузьмин полагает маловероятным (*Приселков*, 1950. С. 466–467; *Кузьмин*, 1965. С. 250–251). Сообщение Тверской летописи отличается большим своеобразием и помещает противостояние московско-рязанских и пронско-татарских войск близ Венёва «**объ ону страну рѣкы Осетра**» (ПСРЛ. Т. XV, 2000. С. 480–481; *Кузьмин*, 1965. С. 252).

На время около 1417 и 1425 гг. приходятся смерти рязанского и московского великих князей соответственно. Фёдору Ольговичу наследует его сын Иван. На Московском столе оказывается юный Василий Васильевич, права которого на княжение начинает активно оспаривать его дядя Юрий Дмитриевич. В 1427 г. Иван Фёдорович и Иван Владимирович заключают соглашения с Витовтом и «даются ему на службу» (ДДГ, 1950. С. 67–69, № 25, 26)[10]. Докончания составлены по одному формуляру и свидетельствуют об одинаковом статусе обоих князей. При этом Иван Фёдорович декларирует свой отказ от Тулы, Берестья, Ретани, Спаши, Дорожена, Заколотена и Гордеевского (ДДГ, 1950. С. 68, № 25)[11].

Витовт умер в 1430 г. Время смерти Ивана Владимировича неизвестно. Обычно ее относят примерно к 1430 г., видимо, руководствуясь ошибочной датировкой пронско-литовского соглашения этим годом (ДДГ, 1950. С. 68–69, № 25, 26; *Иловайский*, 1858. С. 215, родословная табл.; *Экземплярский*, 1891. С. 630–631; *Черепнин*, 1948. С. 108–109, прим. 82; *Беспалов*, 2008. С. 256–258). Неизвестно, кто из пронских князей, Иван или уже его наследники, и в каком контексте фигурировал в московско-рязанском договоре 1433 г., текст этого документа не сохранился (ДДГ, 1950. С. 448, 463; Описи …, 1960. С. 50–51; Опись… 1977. С. 39–40; *Черепнин*, 1948. С. 108, 115–117).

В докончании 1434 г. Ивана Фёдоровича с Юрием Дмитриевичем, занявшим Московский великокняжеский стол, и сыновьями последнего упомянуты пронский князь с «брат (ь)ею», без указания имен. Для авторов, относивших смерть Ивана Владимировича к 1430 г., было логично считать, что речь здесь шла уже о его старшем сыне Фёдоре (ДДГ, 1950. С. 85, № 33; *Иловайский*, 1858. С. 215; *Экземплярский*, 1891. С. 631–632).

Б. Н. Флоря указал, что договор 1434 г. зафиксировал ликвидацию Пронского великого княжения и подчинение пронских князей верховной власти великого князя рязанского (*Флоря*, 1978. С. 183–184)[12].

---

[10] Некоторые свидетельства письменных источников указывают на то, что какие-то литовско-рязанские докончания могли быть заключены уже в 1426 г. (*Беспалов*, 2015. С. 7, 19, 46–47).

[11] По мнению А. А. Горского, эти территории вернулись Рязанскому княжеству около 1433 г., когда в Литовском княжестве начались междоусобицы (*Горский*, 2018. С. 275, прим. 3).

[12] С этим событием исследователь связывает и жалованную грамоту Фёдора Ивановича Григорию Ивановичу (АСЭИ, 1964. С. 380, № 356; *Флоря*, 1978. С. 183–184). Анализ литовских материалов привел Б. Н. Флорю к предположению, что в 1440-е годы Иван Фёдорович вынудил всю семью пронских князей перебраться в Литву (*Флоря*, 1978. С. 188, прим. 29).

Документ отразил и включение Пронска вместе с волостями в состав вотчины Ивана Фёдоровича, которую Юрий Дмитриевич вместе с детьми обязался «**не ѡбидети**» и «**ни вступатися**» (ДДГ, 1950. С. 84, № 33). Естественно, эти действия требовали урегулирования отношений с местной династией, поскольку иначе могли вызвать противодействие со стороны Московского или Литовского княжеств. Видимо, по этой причине в том же договоре помещено упоминание о заключении докончания Ивана Фёдоровича с пронским князем: «**А со кн(ѧ)зем есми с проньским и съ его брат(ь)ею любовь взѧл**» (ДДГ, 1950. С. 85, № 33).

Совмещение датировок кладов, в которых встречаются разные варианты монет со строчными надписями с именем великого князя Ивана, в том числе и с определением «Ивана Пранскаго», с хронологией событий по письменным источникам позволяет отнести чеканку этой группы денежных знаков к периоду 1420-х – 1434 гг. Однако определить более точное время на основании имеющихся в распоряжении авторов материалов не получается.

Стоит отметить, что и отнесение всех вариантов монет к одному эмитенту, как это сделали К. М. Петрунин и Д. В. Гулецкий, представляется не единственно возможным, соответственно пока мы не считаем корректным переатрибутировать их все Ивану Владимировичу.

Обращает на себя внимание, что экземпляры с упоминанием «Ивана Пранскаго» не связаны по штемпелям с другими полуденгами и денгами. Возможно, такие связи еще не обнаружены в силу редкости данных монет, но тем не менее.

Формуляр строчной надписи лицевой стороны тоже отличается от остальных, он единственный в своем роде и больше не повторяется. И если ее штемпель, как уже отмечалось выше, в силу своего невысокого качества, мог не применяться для чеканки иных вариантов полуденег и денег, то в отношении хорошо выполненного штемпеля оборотной стороны этого сказать нельзя. Его использование при одном и том же эмитенте представлялось бы логичным, но фактически не наблюдается в известном материале.

Получается, что единственная связь этих монет между собой заключается в имитациях арабской надписи, имеющих один прототип (оборотную сторону дангов Гюлистана 760 г. х.), но выполненных в разной, хотя и похожей по набору отдельных элементов, манере. Как вариант, это позволяет предполагать продолжение чеканки Иваном Фёдоровичем после присоединения им Пронска и изготовление новых штемпелей. Тогда находит объяснение изменение формуляра надписи

лицевой стороны и исчезновение дефиниции «Пранскаго». Логичным в этой связи выглядело бы и появление тяжелых монет денежного веса с традиционной надчеканкой рязанской тамги, связанных по штемпелям с некоторыми вариантами более легких экземпляров.

Таким образом, три рассматриваемые монеты Рождественского клада отчеканены одной изолированной парой штемпелей, известной исследователям еще с XVIII в. Они позволили практически полностью реконструировать пятистрочную легенду их лицевой стороны, прочитать ее как «князя великого Ивана Пранскаго» и отнести к чекану Ивана Владимировича Пронского, а не Ивана Фёдоровича Рязанского, как думали ранее некоторые исследователи. По имеющимся данным, время выпуска этих монет попадает на период 1420-х – 1434 гг.

Для уточнения хронологии их чеканки и корректного определения названия, рабочей версией которого для удобства пока можно было бы оставить наименование «полуденга», равно и выяснения их точной взаимосвязи с легкими и тяжелыми (денгами) монетами, содержащими упоминание великого князя Ивана без дефиниции, необходимо дальнейшее накопление нумизматического материала.

Литература

Аксёнов Н. С., 2009. Чеканка монет князем Иваном Владимировичем Пронским // Нумизматика. № 4 (23). С. 28–32.

АСЭИ. Т. III. М.: Наука, 1964. 689 с.

Бауер Н. П., 2014. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. М.: ООО «Русское слово – учебник». CXXIV + 692 с.: ил.

Беспалов Р. А., 2008. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 256–259.

Беспалов Р. А., 2015. Реконструкция докончания Витовта с князьями Новосильского дома 1427 года // Очерки феодальной России. Вып. 18. М. – СПб.: Альянс-Археo. С. 3–48.

Гайдуков П. Г., 2006. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф. 408 с.: ил.

Гайдуков П. Г., Гришин И. В., 2017. О проекте издания «Корпус русских монет XIV – первой трети XVI в.» и его первой книге // Российский рубль. 700 лет истории. Матер. Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. СПб.: Любавич. С. 68–81.

Горский А. А., 2018. Проблемы русской истории. СПб.: Изд. Олега Абышко. 409 с.

Гулецкий Д. В., Зайончковский Ю. В., 2015. Гниваньский клад начала 2-й четверти XV века // РЛО. Вып. 1. Минск. С. 163–207.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2013. Русские монеты 1353–1533. Минск. 511 с.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2015. О некоторых группах монет Фёдора Ольговича Рязанского // СНВЕ. Вып. 5. М. С. 147–155.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2017. Русские средневековые монеты. М.: ООО «РИА Внешторгиздат». 660 с.

ДДГ. М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. 592 с.

Иловайский Д. И., 1858. История Рязанского княжества. М. 331 с.

Капанадзе Д. Г., 1955. Грузинская нумизматика. М.: Изд-во АН СССР. 186 с.

Кокорина Н. А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в.: (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН Татарстана. 383 с.

Колызин А. М., 2012. Спорные вопросы ранней московской чеканки // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Матер. докл. и сообщ. М.: ГИМ. С. 67–71.

Колызин А. М., 2013. Начало чеканки монет в Москве при великом князе Дмитрии Донском: спорные вопросы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Матер. XXV междунар. науч. конф. Ч. II. М.: РГГУ. С. 354–357.

Колызин А. М., 2014. О так называемых пронских монетах с «Ф»-образной тамгой // Номизма. № 3 (в печати).

Кузьмин А. Г., 1965. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М.: Наука. 286 с.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд. вост. лит., 1960. 196 с.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / Под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1. М.: Центральный архив древних актов, 1977. 416 с.

ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: ЯРК, 2001. 312 с., разд. паг. (IX, 302 с.).

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: ЯРК, 2000. 264 с., разд. паг. (VIII, 256 с.).

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: ЯРК, 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).

ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: ЯРК, 2000. 288 с., разд. паг. (XVI, 272 с.).

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: ЯРК, 2004. 488 с., разд. паг.

Пономарёв А. Л., 2011. Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // НЗО. Вып. 1. Казань: ООО «Фолиант», ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. С. 28–49.

Пресняков А. Е., 1918. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко. 459 с.

Приселков М. Д., 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. – Л.: Изд. АН СССР. 515 с.

Сидоренко В. А., 2015. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442–1475 гг.) // МАИЭТ. Вып. XX. Симферополь. С. 263–302.

Спасский И. Г., 1978. Рукописное наследие Древней Руси в нумизматике начала XVIII в. и нумизматические контакты В. Н. Татищева // ВИД. Т. IX. Л.: Наука. С. 22–46.

Флоря Б. Н., 1978. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию акад. В. И. Пичеты. М.: Наука. С. 182–189.

Черепнин Л. В., 1948. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М. – Л.: Изд. АН СССР. 473 с.

Шодуар С. И., 1837. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. С рисунками и таблицами. Перев. с французского В. А[настасевич]. Собрание изображений. СПб. 23 с., 20 табл., 61 ил.

Шодуар С. И., 1841. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. С рисунками и таблицами. Перев. с французского В. А [настасевич]. Ч. II. СПб. XII + 340 с.

Шорин П. А., 1970. Монеты Пронского удельного княжества // ВМУ. История. № 6. С. 73–78.

Шорин П. А., 1971. К атрибуции одной группы монет с надчеканкой рязанской тамги // НС ГИМ. Ч. IV. Вып. I. М. С. 20–27.

Экземплярский А. В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. II. СПб.: Типография Императорской АН. 696 с., 8 табл.

Chaudoir S., 1837. Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Seconde Partie. SPb., Paris. XII + 340 p.

Schmidt Ch., 1777. Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grosen. Erster Theil: 1725–1730. Mit Münzen. Riga. 7 + 460 s., II tab.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.141-157

Н. В. Жилина
Институт археологии РАН, Москва

Птицы или надписи: форма символа, типология, хронология и орнаментация перстней из Сочинского региона

Украшения личного убора, как правило, орнаментированы или содержат изображения, актуальные для времени. Все это создает красоту, а также содержит символы, общие или личные, важные владельцев. Со сменой эпох и взглядов содержание символов забывается, а красота по-прежнему радует глаз. Изображение – не столь прочная форма хранения конкретного символа; новые времена дают другие осмысления того же объекта. Есть особая форма символа – текстуальная, словесная: надпись. Надпись на предмете призвана сделать вкладываемое значение долговечным, закрепляет его, объясняет и напоминает тем, кто его забывает. Короткая надпись тоже является символом либо какой-то стороны личной жизни человека и его близких, либо символом религии.

Рассмотрим перстни, найденные при раскопках храма у с. Весёлое (Адлерский р-н Большого Сочи). Общее количество предметов восемь, среди них есть пять перстней-печатей, два перстня со вставками в кастах и одно проволочное кольцо, по размеру соответствующее перстню[1]. Перстни-печати предназначены для того, чтобы скрепить важный документ, зафиксировать собственность, так или иначе – оставить свидетельство о собственной воле или действии. Человеку небезразлично, что отображено на перстне-печати. Изменение изображений на печатях интересно для понимания культурной истории данного региона.

Данные об архитектуре Абхазского царства делают возможным датирование храма у с. Весёлое IX – первой половиной или второй третью X в. В период между XI и XIII вв. произошло его разрушение

[1] Данные о находках отражены в приложении к этой статье. Схема карты каталога: название и описание с характеристикой орнаментации; количество; материал; техника изготовления; размер; полевые данные; типологическое определение; хронологическая группа. Ссылка на каталог дается в следующей форме: К1 – № по каталогу 1.

(*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. С. 89). Поскольку аналогии находкам в большинстве концентрируются на XI в., правильней считать временем разрушения храма XII в.[2]

Из погребений храма происходит довольно представительная коллекция вещевого материала. Это демонстрирует некоторые отступления от христианского обряда погребения.

Перстни происходят из захоронений, по-разному связанных с храмом[3]. Погребения расположены: 1) снаружи храма – в некрополе; 2) внутри храма – в южном притворе; 3) внутри храма – в наосе.

Захоронения на некрополе можно считать в основном современными периоду действия храма. Некрополь располагался вдоль южного фасада храма и продолжался на Юг и Восток (*Армарчук*, 2015. С. 28).

Погребения в южном притворе частично разрушены и практически безынвентарны. Здесь зафиксированы останки семи индивидов. Вещи встречены в единичных захоронениях: в погребении № 2 найден один из перстней (К7), а в погребении № 7 – христианский крест и нож. Такова же ситуация в северном и западном притворах, в целом они соответствуют христианскому обряду (*Армарчук*, 2013. С. 82–95).

Расположение захоронений в притворах храмов достаточно типичны; они могут быть современны периоду действия храма. Можно предположить, что здесь погребались монахи и служители (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. С. 89).

Захоронения в наосе прорубают пол храма. Они расположены внутри наоса свободно, в том числе внутри апсид, на территории алтаря, перед алтарем, поперек входа в храм из северного притвора. В особенности нехарактерно для христианских храмов расположение следующих погребений: № VIII – в южной апсиде, поперек входа в нее, ориентировка северная; № IX – в центральной апсиде, в северной части; № XII – в северной апсиде (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. Рис. 1; *Армарчук*, 2013. С. 78–82). Погребение № VII и XI отличаются значительным вещевым инвентарем. По-видимому, захоронения в наосе соответствуют последнему периоду существования храма, когда он уже не действовал, то есть, периоду запустения.

Ориентировкой в абсолютной датировке стало погребение № 7 южного притвора, его дата определена как вторая половина X – первая

[2] Благодарю Е. А. Армарчук за консультацию и предоставление археологического материала и фотографий вещей для работы.

[3] Благодарю В. В. Седова за любезную консультацию.

половина XI в.; она характеризуется как соответствующая *terminus ante quem* строительства храма. Тем не менее, по архитектурным данным, храм датируется и раньше: от рубежа IX–X вв. и в пределах первой половины X в. (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. С. 83–85. Рис. 4; *Армарчук*, 2013. С. 76, 77).

Таким образом, можно разделить вещи по стратиграфическим условиям залегания на две хронологические группы. Первая современна активному существованию храма: X – начало XI в. (К5–7; перстни из захоронений некрополя и южного притвора). На это время указывает дата погребения № 7, находящегося как раз в южном притворе. Вторая хронологическая группа, видимо, современна периоду запустения храма: вторая половина XI – начало XII в. (К1–4, 8; перстни из погребений в наосе).

Следующей задачей является типологическая и орнаментальная характеристика и сравнение вещей двух хронологических групп.

Большинство перстней относится к отделу 1 – со сплошными кольцами, только наиболее простое кольцо (рис. 1, *К2*) является разъемным с сомкнутыми концами – отдел 2.

Подотделы выделены по дополнениям на обруче: 1 – с плоским щитком; 4 – со вставкой[4]. Типы выделены по форме кольца, являющегося основой перстня: I – дротовые (проволочные); II – пластинчатые. Основной техникой для перстней типа I является литье, для перстней типа II – ковка.

Внутри типа I по сечению кольца представлены группы: 2 – круглые, 5 – сегментовидные (последних большинство). Внутри типа II по форме пластины представлена группа 3 – из равномерной пластины.

Перстни типа I орнаментированы гравировкой, чернью и позолотой, очень сходны между собой, по форме дополнений на кольцо они отнесены к одному подотделу 1 – со щитком. У большинства перстней – круглый плоский двухъярусный щиток (рис. 1, *К1, 4, 5, 7*); у одного – одноярусный, в виде усеченного конуса (рис. 1, *К8*)[5].

По композиции декора перстни также сходны, основное изображение или надпись находятся на верхней площадке щитка в центре, вокруг на внешней и нижней части – декор в композиции розетки.

---

[4] Использованы типологические обозначения, примененные в работе, посвященной анализу материалов древнерусских кладов (*Жилина*, 2014. Приложение 5. С. 377–378).

[5] Щиток данного перстня выполнен отдельно и, по всей видимости, был заменен в процессе ремонта (см. статью *Д. А. Колесник (Столяровой)* в настоящем сборнике).

Рис. 1. Типология и хронология перстней из погребений в районе храма у с. Весёлое (здесь и далее номера соответствуют каталогу в *Приложении* к статье)

В розетке из 8 или 12 частей чередуются различно оформленные доли по принципу контраста. Наблюдаются различные варианты орнаментации самого кольца, линейной, геометрической или рифленой.

Одно из колец типа I элементарно простое, без дополнений (подотдел 8) и орнаментации (рис. 1, *К2*).

Перстни типа II относятся к подотделу 4 – со вставками (рис. 1, *К3, 6*). Эти украшения различны формой вставки: прямоугольная и овальная. Пластина кольца орнаментирована рельефными штампованными бордюрами по краю или углубленными линиями.

Типологически и орнаментально перстни двух хронологических групп довольно близки. Даже без специального анализа при их визуальном сравнении это очевидно.

В обеих группах наблюдаются оба основных типа и подотдела (литые со щитком и кованые со вставками). Перстни со щитком обеих хронологических групп сходны по форме щитка (основанного на фигуре усеченного конуса) и общей композиции орнаментации: центральное изображение или надпись, многочастная розетка с контрастным декоративным оформлением частей.

Технология изготовления также сходна: перстни с чернью литые с подработкой гравировкой по готовой отливке; перстни со вставкой – кованые, касты для стеклянных вставок выполнены из вертикально поставленных пластин, пластиной образовано и кольцо.

Сходство между группами подчеркивают и некоторые данные анализа по составу металла щитковых перстней типа I. Перстни выделяются среди остальных металлических изделий памятника – составом и качеством металла, а также тонкой ювелирной технологией высокого уровня. Практически только перстни (обеих хронологических групп) и составили особую выборку изделий из серебра или из серебра и золота с позолотой – пять перстней (К1, 4, 5, 7, 8). На них фиксируется золочение с помощью амальгамы (К1, 4, 7). Состав металла, тем не менее, показал разные источники поступления сырья. Допускается кавказское производство, но параллельно сделан вывод об импортном происхождении перстней, доказательств в пользу местного изготовления подобрать пока не удалось (*Столярова*, 2014. С. 188–190; *Колесник (Столярова)*, 2019).

Общие черты серии подтверждают традицию одного места производства. Тем не менее, на протяжении периода существования двух хронологических групп вещей отмечаются типологические, орнаментальные и технологические различия между ними.

Щитки перстней типа I во второй хронологической группе более высоки, четко профилированы, отработаны по форме, на одном отчетливей оформлен фестончатый край розетки нижней части (К4). Некоторое типологическое развитие, подтверждает и хронологическую разницу (рис. 1, *К1, 4*). Только у одного перстня, подвергшегося ремонту, щиток упрощен до одноярусного (рис. 1, *К8*).

Основное различие наблюдается в оформлении верхнего плоского центрального щитка. Формально оно может быть охарактеризовано как орнаментальное, но, по сути, отражает разницу идей.

В более ранней группе на щитках находится изображение шагающей птицы, обладающее христианской символикой и связанное с византийской орнаментикой. Птица в христианстве, как правило, воспринимается как символ души (*Уваров*, 1908. С. 157, 173). Ее изображения на обоих перстнях носят геометризованный характер, одно из них более схематично (рис. 2, *К7*), другое отличается некоторой криволинейностью (рис. 2, *К5*). Геометризованная манера развивается в византийском орнаменте к XI в. (*Орлова*, 2007. С. 331–338). Можно привести в качестве аналогий византийские перстни из более простого сплава с гравированными изображениями птиц (рис. 2, *а–е*).

В более поздней группе на щитках находятся читаемые надписи, выполненные арабским орнаментальным почерком куфи (рис. 3, *К1, 4, 8*). Аналогии происходят из материала мусульманского Востока (рис. 3, *а–е*). Одна из надписей призвана вызывать в памяти 67 суру Корана: «царствование»[6] (К1). Две других взывают к богу: «Аллах вечный» и имя Всевышнего (К4, 8).

Потребность сопровождать сакральными надписями различные вещи – характерная и яркая традиция культуры ислама. Под воздействием потребности поместить на предмете короткую надпись, символизирующую Коран и религию в целом, перстни на Востоке стали удобными маленькими табличками прямоугольной или многоугольной формы (рис. 3, *а–е*). Но серия перстней из погребений храма у с. Весёлое такого изменения не показывает, форма щитка остается округлой, как и для более раннего мотива – изображения птицы (рис. 1, *К 5, 7 и 1, 4, 8*). Такая ситуация еще раз подчеркивает производство перстней в одной традиции и, возможно, мастерской.

Можно отметить и другие второстепенные орнаментальные различия во времени. Оформление частей розетки разнообразится.

[6] Данные о надписях см. в статье Е. А. Армарчук в настоящем сборнике.

Рис. 2. Византийские аналогии
К5, К7 – перстни X–XI вв., могильник храма у с. Весёлое; *а–д* – медный сплав, Греция, могильник Азорос у Элассона, Палиоклиси, средне-византийский период; *е* – Греция, Аэрино, Магнесия, византийское кладбище, XI–XII вв.
(по: Everyday Life… 2002. № 603–608)

У перстней первой хронологической группы чередуются либо черненые и позолоченные части с поперечным рифлением; либо светлые гладкие и черненые (рис. 1, *К7, 5*). В одном случае границы частей нанесены двойным контуром (рис. 1, *К7*).

У перстней второй хронологической группы эти варианты повторяются (рис. 1, *К1, 8*), но появляется и более сложный: чередуются позолоченные и черненые части, и те и другие покрытые рифлением (рис. 1, *К4*).

Рис. 3. Восточные аналогии перстням типа I
K1, K4, K8 – перстни с территории храма у с. Весёлое; *а* – каменная печать с золотой рукоятью (по: *Jenkins, Keene*, 1982. P. 19–21. № 3f. Fig. 1); *б, в* – золото, лазурит, X в.; *г* – золото, камень, X–XI вв. (по: Украшения… 1999. № 116, 117, 125); *д* – серебро, карнелит (по: *Jenkins, Keene*, 1982. P. 16. № 1b); *е* – серебро и сердолик (по: *Иванов, Луконин, Смесова*, 1984. № 56). (*а–е* – Иран)

Орнаментация колец, являющихся основой перстней, также различна в деталях. В первой хронологической группе наблюдаются: черненые полосы вдоль и поперек кольца (рис. 1, *K5*), зигзагообразная полоса, нанесенная двойной линией, ее внутренние треугольные секции покрыты рифлением и позолотой (рис. 1, *K7*).

В оформлении колец второй хронологической группы прослеживается более сложная и разнообразная, в том числе и криволинейная орнаментация: ромбы плавно обогнуты кривыми линиями, внутри ромбов и снаружи линий – рифленые позолоченные участки (рис. 1, *K1*); на кольце перстня с обильным рифлением наблюдается орнаментация поперечными гладкими простыми полосами и продольными,

имитирующими витье (рис. 1, *К4*); вдоль кольца нанесен раппорт из крестообразных черненых мотивов, разделенных двойными углубленными поперечными полосами, заметными и с внутренней стороны (рис. 1, *К8*).

Таким образом, декор перстней со временем разнообразится, используются криволинейные, витые и более сложные геометрические мотивы.

Есть различия и в составе металла. У двух перстней первой хронологической группы (с изображением птиц) в сплавах существенно преобладает серебро (К5, 7). Два экземпляра второй хронологической группы (с арабскими надписями) изготовлены из сплавов с примерно одинаковым содержанием серебра и золота (К1, 4). Третий перстень, на котором первоначальный щиток был заменен на щиток с арабской надписью, по составу приближается к перстням первой группы, показывая преобладание серебра (К8). Можно предположить, что перстень бытовал с первоначальным щитком в первый период, а во второй получил щиток с более актуальной для времени арабской надписью. Это показывает, что разница во времени между группами была невелика, и между соответствующими периодами не было резкой границы.

Перстни со вставками типа II вряд ли можно привязать к одному месту изготовления и считать обязательно импортными из далеких стран (рис. 4, *К3, 6*). Форма каста была обусловлена формой камня или вставки, под них и изготавливали касты. В качестве аналогий можно привести перстни из Ирана с округлыми вставками и кастами из вертикальной пластины, обжимающей камень (рис. 4, *а, б*). Есть аналогии и в материале из древнерусских кладов X в.: один перстень из Горошково, Любоежа Новгородской обл. 2001 г. с прямоугольным высоким щитком с филигранью, а также два перстня из клада в Гнёздово Смоленской обл. 2007 г. с подпрямоугольно-округлыми кастами и стеклянными вставками (рис. 4, *в–д*). Они датируются второй половиной X – началом XI в., что, отчасти, подтверждает дату первой хронологической группы. Касты из вертикальной пластины могут относиться к X–XI вв. Наличие неразвитых крапанов у одного перстня из сочинской серии (рис. 4, *К3*) – признак более позднего времени, около XIII в. (*Аксентон*, 1974. С. 7, 8, 12, 13). Это также подтверждает датировку второго периода. Накопление материала о подобных формах перстней поможет в дальнейшем понять их историю.

Близкие аналогии сочинским перстням отмечаются неподалеку. Два перстня найдены в женском погребении (1956 г.) могильника

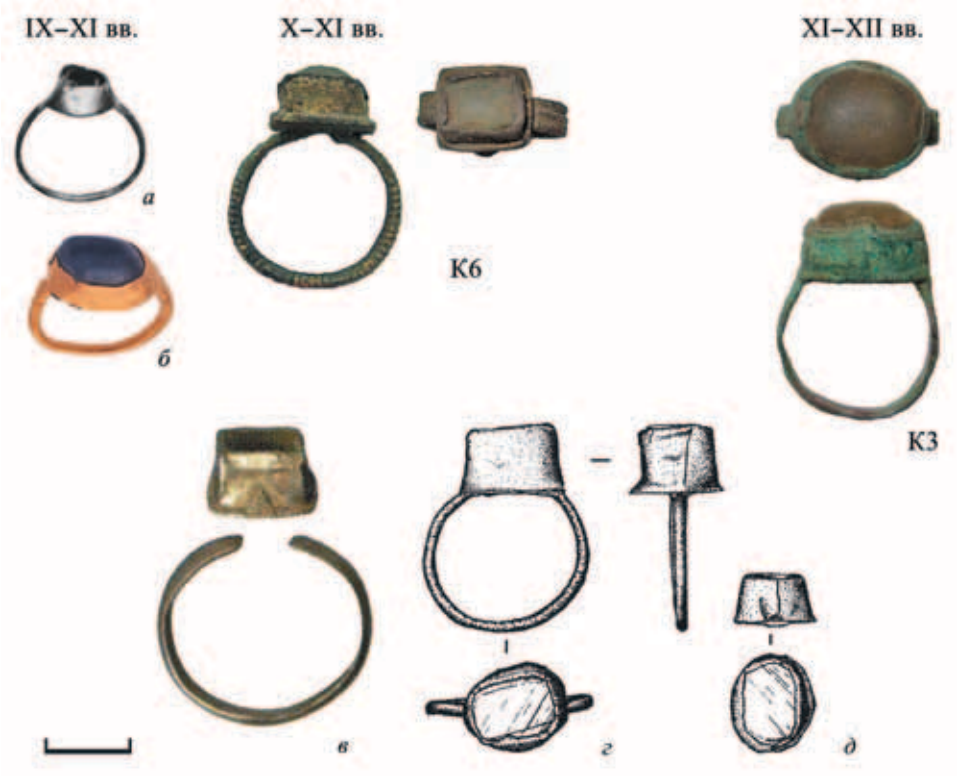


Рис. 4. Аналогии перстням типа II
К3, К6 – перстни с территории храма у с. Весёлое; *а* – золото, камень, IX–XI вв. Иран, Нишапур (?) (по: *Jenkins, Keene*, 1982. P. 16, 17. № 1е); *б* – золото, X–XI вв. Иран, Гурган (?) (по: *Jenkins, Keene*, 1982. P. 18. № 2); *в* – клад из Горошково, Любоежа Новгородской обл., 2001 г.; *г, д* – клад из Гнёздово Смоленской обл., 2007 г. (*Жилина*, 2014. № 236/23; 241/4)

на территории совхоза «Южные культуры» (восточнее п. Адлер)[7]. Могильник, как полагают, существовал здесь после разрушения храма и датируется вплоть до XIV в. (*Галищева*, 2014. С. 43–46. Рис. 8, 9).

В обильный убор входили два перстня, надетые на одной руке погребенной: первый, с изображением птицы на щитке, соответствует перстням первой хронологической группы типа I; второй – сходен с экземплярами второй хронологической группы только арабской надписью на щитке с содержанием: «Аллаху Благословенному», типологически же от них отличен.

[7] К сожалению, перстни не сохранились, судить о них можно только по оставшимся рисункам.

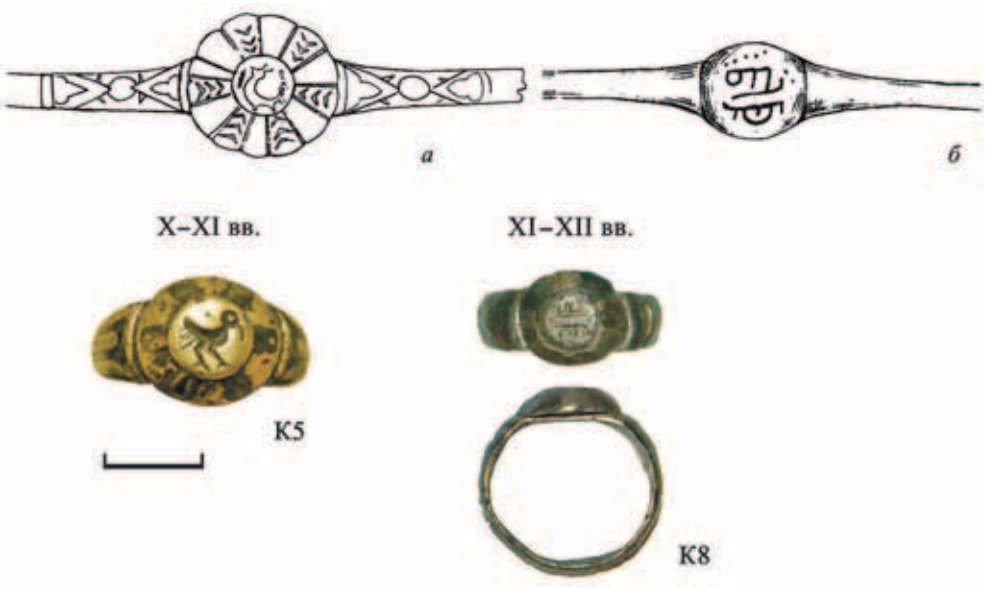


Рис. 5. Ближние аналогии перстням типа I
K5, K8 – перстни с территории храма у с. Весёлое; *а, б* – перстни из погребения на территории совхоза «Южные культуры» (по: *Галищева*, 2014. Рис. 9, 8)

Учитывая позднюю дату некрополя и небольшую разницу между хронологическими периодами, такая ситуация допустима. Перстень с изображением птицы, видимо, сохранялся от более раннего времени, и носившая его женщина не придавала значения разнице отображения сакральных символов. Его орнаментация еще более развита, чем у перстней из храма у с. Весёлое. Кольцо перстня орнаментировано геометризованными трилистниками по сторонам от окружности. Здесь можно увидеть вариант византийского растительного орнамента или его мусульманскую разработку. Фигурные рамки из подобных абстрактных трилистников обрамляют в орнаменте ислама более сложные растительные извивы ветви «ислими» (*Буткевич*, 2008. С. 146. Ил. 2). Этот перстень близок экземпляру с криволинейным изображением птицы из рассмотренной серии (рис. 5, *а, K5*). Перстень с арабской надписью лишен дополнительной орнаментации, щиток его просто округлый. Возможно, он показывает дальнейшее упрощение щитка, которое уже чувствовалось по перстню с замененным щитком (рис. 5, *б, K8*). В целом же по данной паре перстней заметно развитие художественных традиций ислама.

Раннесредневековые памятники района Сочи тесно связаны с памятниками соседней Абхазии. Выявляется единый этнокультурный массив – основа раннефеодального Абхазского царства, существовавшего в VIII – на рубеже X–XI вв. С древних времен здесь распространено христианство, тем не менее, постоянно происходила борьба арабов и византийцев за сферы влияния. В IX–X вв. противостояние арабскому влиянию было сильным. Но с конца X в. отмечается возрастание роли мусульманской культуры (*Армарчук*, 2019). В XI–XII вв. эпоха расцвета царства закончилась, наступил период запустения и разрушения христианских храмов (*Воронов*, 1979. С. 101–103).

Вероятно, смена оформления щитка перстней-печатей связана с религиозными переменами или колебаниями у части населения, с распространением норм и традиций ислама. Это соответствует и периоду запустения христианского храма у с. Весёлое, устройству погребений в его наосе, соответствующих второй хронологической группе. Замена на старом перстне первоначального щитка (возможно, с провизантийским изображением?) на щиток с арабской надписью, обращенной к Аллаху, также укладывается в это представление. Текст из Корана стал для многих важнее символа христианской души в виде птицы.

Можно предположить, что мастерская работала не в Византии и не в какой-либо из стран Востока, а на более близкой территории Восточного Причерноморья и находилась на перекрестке культурных влияний ювелирных традиций Византии и арабского Востока. Новая ориентация на мусульманскую культуру в XI в., возможная смена источников сырья не нарушили полностью ювелирные технологические и орнаментальные традиции. Судя по материалу небольшой серии перстней из раскопок храма у с. Весёлое, они во многом сохранились. Перстни со щитками своеобразны и находят пока только территориально близкие аналогии. Больший материал позволил бы уточнить данное представление.

Приложение

Каталог перстней из раскопок храма у с. Весёлое (Адлерский р-н Большого Сочи)

1) Перстень с округлым двухъярусным щитком: верхняя часть цилиндрическая; нижняя – в виде усеченного конуса, разделена на 12 частей с чередованием позолоченных с поперечным рифлением и черненых. На щитке – арабская надпись почерком куфи (негативное отобра-

жение): «царствование», «власть» (67 сура Корана). Кольцо имеет сегментообразное сечение, орнаментировано снаружи геометрическим и криволинейным орнаментом в виде ромбов, очерченных полосами, поперечных полос и участков с рифлением; со следами позолоты.

Геометризованный стиль оформления, линейный орнамент.

1 экз. Сплав серебра (40%), золота (47%) и меди (6%); литье (цельнолитой), чернь, позолота амальгамой[8].

Диаметр 23 мм; диаметр щитка 14 мм[9], высота 3–4 мм.

Погребение VI, юго-восточный угол наоса. Из трех погребений на этом участке, расположенных друг над другом, это самое раннее; западная ориентировка.

Глубина -102 см; № 32; точное место перстня не зафиксировано, соответствует уровню залегания погребения (*Армарчук*, 2013. С. 75, 76).

Отдел 1, подотдел 1, тип I, группа 5.

Вторая хронологическая группа.

2) Кольцо (перстень?) гладкое, с круглым сечением.

1 экз. Белый металл.

Размер 26×24 мм; диаметр сечения 2 мм.

Северо-восточный угол наоса. Кольцо располагалось ниже уровня пола в кровле заполнения могильной ямы погребений IV (верхнее) и VII (нижнее); над могилой находилась наброска из камней развала стен здания.

Кв. 13, глубина -16 см, № 2 (*Армарчук*, 2013. С. 60, 76, 77).

Отдел 2, подотдел 8, тип I, группа 2.

Вторая хронологическая группа.

3) Перстень с овальным щитком, представляющим собой цилиндрический каст с четырьмя очень короткими, едва намеченными подпрямоугольными крапанами. Бесцветная прозрачная вставка имеет полусферическую верхнюю часть. Кольцо пластинчатое. Каст и кольцо орнаментированы простым рифлением.

1 экз. Бронза, стекло.

Диаметр 21 мм; размер щитка 13×15 мм, высота 7 мм.

Погребение XIV в наосе, расположено перпендикулярно разобранной стене, разделявшей наос и нартекс, в западном рукаве креста планировки; западная ориентировка; женское.

---

[8] О составе металла и технологии см. статью Д. А. Колесник (Столяровой) в настоящем сборнике.

[9] Указывается максимальный диаметр внешней части дополнения на кольце перстня.

Кв. 10, № 112, глубина -102 см; находился на фаланге среднего пальца правой кисти (*Армарчук*, 2015. С. 16, 17).

Отдел 1, подотдел 4, тип II, группа 3.

Вторая хронологическая группа.

4) Перстень с округлым двухъярусным щитком со слегка фестончатым краем: верхняя часть цилиндрическая; нижняя – в виде усеченного конуса, разделена на 12 частей с поперечным рифлением, чередуются черненые и позолоченные участки. На щитке – арабская надпись почерком куфи (негативное отображение): «Аллах вечный». Кольцо сегментообразного сечения орнаментировано продольными полосами в виде витых веревочек.

Геометризованный стиль оформления, линейный орнамент.

1 экз. Сплав серебра (49%) и золота (44%); литье (цельнолитой); чернь, позолота амальгамой.

Диаметр 23 мм; диаметр щитка 13 мм, высота 5 мм.

Погребение XV (индивид 1) в наосе, расположено напротив северного входа в наос (в северном рукаве креста планировки); западная ориентировка, женское.

Кв. 9, № 114, глубина -114 см; находился на фаланге безымянного пальца правой руки (*Армарчук*, 2015. С. 17, 18).

Отдел 1, подотдел 1, тип I, группа 5.

Вторая хронологическая группа.

5) Перстень с округлым двухъярусным щитком: верхняя часть цилиндрическая; нижняя – в форме усеченного конуса в виде розетки из 12 частей, чередуются гладкие светлые и черненые части. На щитке – изображение шагающей птицы в профиль чернью. Кольцо имеет сегментообразное сечение, орнаментировано полосами черни вдоль и поперек.

Геометризованный стиль оформления, линейный орнамент.

1 экз. Сплав серебра (96%) и золота (2,5%) с примесями меди и брома; литье (цельнолитой), чернь.

Диаметр 23 мм; диаметр щитка 18 мм, высота 3–4 мм.

Погребение некрополя № 15, расположено к юго-востоку от южного притвора; западная ориентировка.

Кв. 20, № 29; залегал на грудной клетке возле фаланг пальцев левой руки (*Армарчук*, 2015. С. 39, 40).

Отдел 1, подотдел 1, тип I, группа 5.

Первая хронологическая группа.

6) Перстень со щитком прямоугольной формы, с плоским основанием (край обработан рифлением) и кастом с обогнутым по периметру камня краем. Кольцо пластинчатое, по краям орнаментировано штампованной филигранью.

Строгий стиль (*Жилина*, 2014. С. 115).

1 экз. Белый металл, позолота, камень.

Диаметр 20 мм; размер щитка 13×11 мм, высота 8 мм.

Погребение № 28 (индивид 1), в 3 м к югу от южной апсиды; юго-западная ориентировка.

Кв. 20, глубина -151 см, № 81; надет на средний палец правой руки (*Армарчук*, 2015.С. 53–56).

Отдел 1, подотдел 4, тип II, группа 3.

Первая хронологическая группа.

7) Перстень с двухъярусным щитком округлой формы: верхняя часть цилиндрическая; нижняя – в форме усеченного конуса, поверхность – в виде восьмичастной розетки, чередуются черненые и части с поперечным рифлением и позолотой, разделенные двойным контуром. На щитке гравированное позолоченное изображение шагающей птицы с поднятым хвостом в профиль. Кольцо имеет сегментообразное сечение, поверхность орнаментирована зигзагообразной полосой из двух врезанных линий под чернь, отсеченные полосой треугольники заполнены рифлением с позолотой.

Геометризованное изображение птицы, геометрический орнамент.

1 экз. Сплав серебра (57%), золота (23%) и меди (23%); литье (цельнолитой), чернь, золочение амальгамой.

Диаметр 20 мм; диаметр щитка 13 мм, высота 4 мм.

Южный притвор, северо-западный угол, четвертый уровень зачистки (верхний для выделенных погребений)[10]; погребение № 2, относится к «малой гробнице», впущенной в большую в ее восточной части, западная ориентировка, нарушено.

Глубина -132 см, № 23; находился на одной из фаланг левой кисти (*Армарчук*, 2013. С. 90, 91).

Отдел 1, подотдел 1, тип I, группа 5.

Первая хронологическая группа.

[10] Могильные ямы не прослеживались в перемешанном слое. Скопления переотложенных костей условно принимались за погребения. На первом и втором уровне находились хаотично-разбросанные человеческие кости (*Армарчук*, 2013. С. 89).

8) Перстень с округлым щитком в виде усеченного конуса; боковая поверхность оформлена в виде розетки из восьми частей, чередуются гладкие и черненые участки. На щитке выгравирована арабская надпись почерком куфи (позитивное отображение): «лāллāх» (имя Всевышнего); графемы помещены одна над другой с поворотом на 180 градусов. Кольцо с сегментообразным сечением орнаментировано снаружи геометрическим раппортом из двух углубленных линий и двух перекрещивающихся черненых линий, изнутри – более частыми углубленными линиями. Возможно, прежний щиток был заменен, а данный получен с помощью оттиска готового изделия.

Геометрический и рифленый орнамент.

1 экз. Сплав серебра (93%) с примесями золота (1%), меди (4%) и свинца (1%); литье (отдельно отлиты кольцо и щиток), чернь.

Диаметр 19,5 мм; диаметр щитка 11 мм, высота 3–4 мм.

Погребение VII в наосе, северо-восточный угол, перед входом в северную апсиду, пробивает цемяночный пол наоса, над заполнением могилы находилась вытянутая хаотичная наброска из камней развала стен здания, нижнее из двух погребений, под погребением IV; западная ориентировка. Можно отнести ко времени второго строительного горизонта храма.

Кв. 13, отметка глубины -73 см, № 37; находился на безымянном пальце правой руки (*Армарчук*, 2013. С. 76, 77).

Отдел 1, подотдел 1, тип I, группа 5.

Вторая хронологическая группа.

Литература

Армарчук Е. А., 2013. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 34448–34450.

Армарчук Е. А., 2015. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44676–44678.

Армарчук Е. А., 2019. Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Весёлое под Адлером // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 53–60.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. № 3. С. 78–90.

Буткевич Л. М., 2008. История орнамента. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. 267 с., 8 с. ил.

Воронов Ю. Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд. 112 с.

Галищева Е. В., 2014. Утраченное археологическое наследие Сочи: храм эпохи средневековья в «Южных культурах» // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 43–52.

Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS. 400 с.

Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С., 1984. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой Государственного Эрмитажа. М.: Искусство. 216 с.

Колесник (Столярова) Д. А., 2019. К вопросу о технологии изготовления перстней-печаток из раскопок храма у села Весёлое под Адлером // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 210–232.

Орлова М. А., 2007. Орнамент в живописи конца X – середины XI века // История русского искусства в 22-х тт. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века / Отв. ред. А. И. Комеч. М. С. 325–358.

Столярова Д. А., 2014. Технология производства ювелирных украшений христианского храма у пос. Веселое // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков. Т. IV. Казань: Отечество. С. 187–201.

Уваров А. С., 1908. Христианская символика. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 212 с.

Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США. [Paris]; Ориняк: Institut du Monde Arabe. 1999. 138 с. [без пагинации].

Everyday Life in Byzantium, 2002. Athens: Epikoinonia Ltd. Ed. D. Papanikola-Bakirtz. 600 p.

Jenkins M., Keene M., 1982. Islamic Jewelry in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art. 160 p.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.158-185

А. А. Зайцев
независимый исследователь, Москва

Грамота патриарха Луки Хризоверга к Андрею Боголюбскому: к постановке вопроса о подлинности

Минуло более полувека с тех пор как в XXI томе Византийского Временника Н. Н. Воронин опубликовал большую статью «Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.)» (1962). Написанная замечательно исторически и блестяще литературно эта работа надолго стала важной для нескольких поколений исследователей истории Владимиро-Суздальской Руси. За исключением нескольких крайних суждений, обусловленных временем написания статьи, основные ее положения дают исчерпывающие представления о чрезвычайно важном эпизоде взаимоотношений светской и церковной власти, вызвавшем небывалый накал страстей.

Одним из документов, привлеченных Н. Н. Ворониным, было «послание» византийского патриарха Луки Хризоверга (на патриаршем престоле с 1156 по 1169 г.) князю Андрею Боголюбскому, из которого Н. Н. Воронин и многочисленные исследователи, в первую очередь, извлекают запрет патриарха на учреждение князем собственной митрополии во Владимире. Во многих исследованиях факт получения «послания» Андреем не ставится под сомнение вообще, содержание его рассматривается крайне поверхностно и, кроме намерения князя Андрея учредить собственную митрополию и аргуметированного запрета на такое действие, не рассматриваются обстоятельства, связанные с самим «посланием», поэтому есть необходимость обратиться к основному вопросу – о подлинности самого «послания».

Введением «послания» патриарха Луки в научный оборот мы обязаны преосвященному Макарию (Булгакову), митрополиту Московскому и Коломенскому, опубликовавшему его в приложении к III тому «Истории Русской церкви» (*Макарий*, 1888. С. 25. Прим. 33. С. 298–300). Преосвященный издал его по тексту «рукописного Сборника Кирилло-Белозерской библиотеки XVI века, под заглавием “Студит”, в 4-ку, № 100

(по описи 1861 г.) л. 219–221», при этом заметив, что «к сожалению, оно здесь сохранилось не все, будучи помещено в самом конце рукописи» (*Макарий*, 1888. С. 25–26. Прим. 33)[1]. После текста послания митрополит Макарий приписал, что послание «известно было, не по летописи Никоновой, а и в отдельных рукописях, еще в XVI веке» (*Макарий*, 1888. С. 300). Подразумевалось опубликованное В. М. Ундольским несколькими десятилетиями ранее «Оглавление книг, кто их сложил» Сильвестра Медведева, сопровожденное статьей (*Ундольский*, 1846. С. X–XXVIII). Как следует из «Оглавления…» «послание» патриарха Луки было Сильвестром «чтено», аннотация такова: «о приятии епископа Нестора, и о образе св. Софии» (*Сильвестр*, 1846. № 133. С. 54). Как следует из последних слов аннотации, Сильвестр был знаком с посланием по Никоновской летописи.

Еще В. Н. Татищев, подробно передав «послание» в тексте своей «Истории Российской», заметил «сия грамота в Никоновском положена, но чтоб она подлинно Патриарха Греческаго была, есть невероятно» (*Татищев*, 1774. С. 138–139, 487. Прим. 486). Примечательно, что Н. М. Карамзин также критически относился к свидетельствам Никоновской летописи и назвал ее «баснословным летописцем». Он весьма скептически воспринял свидетельство о желании князя Андрея учредить Владимирскую митрополию, а по поводу послания написал: «многоречивое мнимое послание его (патриарха. – *А. З.*) к Великому Князю, сообщаемое сим Летописцем (Ник. – *А. З.*), кажется не весьма искусным изобретением Русского монаха» (*Карамзин*, 1818. С. 31. Прим. 28; 1991. С. 371, 523. Прим. 28).

«Послание» полностью издано А. С. Павловым под № 3 в «Памятниках древне-русского канонического права», составивших VI том Русской исторической библиотеки (РИБ. Т. VI. Стб. 63–76). А. С. Павлов разделил редакции на краткую, имеющую «все признаки подлинности», и пространную – «с различными добавками и подновлениями в языке» (РИБ. Т. VI. Стб. 63–64). При этом старший (краткая редакция) список содержится «в сборнике XVII в. кирилло-белозер. монастыря, ныне с.-петербург. духов. академии, по новому каталогу № 1270, л. 219–221». Пространная редакция, по А. С. Павлову, представлена летописным текстом Никоновской летописи (РИБ. Т. VI. Стб. 63–64). Датировка сборника Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. у А. С. Павлова неточна, но эта неточность перешла в статью Н. Н. Воронина.

[1] Любопытно, что в сетевом издании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария на сайте Седмица.ru Церковно-научного Центра «Православная Энциклопедия» сборник Кирилло-Белозерской библиотеки помечен значком неустановленной рукописи.

«Послание» включено в аннотированный каталог-справочник «Письменные памятники истории Древней Руси», в раздел VIII.3 «Послания международные». М. В. Бибиков, как автор аннотация к «посланию», повторяет устоявшийся в литературе весьма спорный тезис об «усилении супрематии над церковью Руси» и «стремлении князя к независимости русской церкви от Константинополя», подробно комментирует обстоятельства политической и церковной жизни 60-х годов XII в. и полностью полагает «послание» подлинным (*Бибиков*, 2003).

Недавно к теме «послания» патриарха Луки обратился С. Н. Кистерев (*Кистерев*, 2007; 2008а; 2008б). Вкратце, исследователь предположил существование греческого подлинника «послания» XII в., русского его перевода XII в., второго перевода, выполненного в XVI в. и, в свою очередь, явившегося протографом двух редакций – краткой, отразившейся в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, и пространной, вошедшей в состав Никоновской летописи. Однако это построение, включая предположение о втором переводе XVI в., основано лишь на логических построениях автора (*Кистерев*, 2008а. С. 34–35).

Обратимся к источникам. Необходимо сразу уточнить, что, говоря о Никоновской летописи, я имею в виду не весь этот огромный многослойный и хронологически сложный памятник, а его древнейшую часть, представленную хранящимся в РГАДА[2] списком М. А. Оболенского, если быть еще точнее, то первой частью списка Оболенского (л. 1–939), собственно оригиналом «летописного свода митрополита Даниила, доведенного до 7028 г. (1520 г. – *А. З.*)» (*Клосс*, 2000. С. VI–VII).

Летописный свод митрополита Даниила (на кафедре в 1522–1539 гг.) был составлен «при московской митрополичьей кафедре в кон. 20-х гг. XVI в.» (*Клосс*, 1989а. С. 49). «Кроме того, на страницах Л. Н. нашли историческое обоснование вопросы, которые являлись предметом обсуждения церковного собора 1531 г.: о праве монастырей на владение селами, о законности поставления русского митрополита собором епископов без санкции константинопольского патриарха, о борьбе с ересью» (*Клосс*, 1989а. С. 49). Большое количество работ и единственное обстоятельное монографическое исследование Никоновской летописи выполнены Б. М. Клоссом (1974; 1976; 1980). Им установлен невероятный объем работы, выполненный митрополичьим скрипторием при Даниилe, обозначены использованные материалы, по почеркам писцов установлено их участие в изготовлении тех или иных рукописей. При этом можно заметить, что Б. М. Клоссу

[2] РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. Ед. хр. 163.

удалось продемонстрировать, как был создан и реализовался на практике в технологически сложных условиях работоспособный коллектив писцов, переводчиков и редакторов (*Клосс*,1980. С. 55–95). Так, например, основной писец списка Оболенского обнаруживается также основным писцом Сводной Кормчей и одним из переписчиков Иоасафовской летописи (почерк X – *Клосс*, 1980. С. 74), также им писаны в митрополичьем формулярнике (содержит митрополичьи грамоты и делопроизводство митрополичьей кафедры; сборник ГИМ, Син. № 562) л. 1–15, 433–439, причем «на л. 438 об. – 439 помещен текст повести о походе на болгар князя Андрея Боголюбского и установлении праздника Спаса. Это именно тот список или очень близкий к нему, который был использован при создании Никоновской летописи» (*Клосс*, 1980. С. 72). Также основным писцом списка Оболенского писаны л. 167, 174–182 об., 184–184 об., 187–254 об., 255–273 об., 274 об.–383 об., 395–451, 452 об.–486 об., 487–505 об., 506, 507–521, 521 об.–522 об., 523 об.–546 об. (почерк III) в древнейшей части сборника Троиц. № 783, и л. 1–2 об. ГБЛ Вол. № 489, использованных в Сводной Кормчей (*Клосс*, 1980. С. 74–75). Подобных примеров перекрестного сочетания почерков писцов разных рукописных сборников можно привести великое множество. По замечанию Б. М. Клосса, наряду с Никоновской летописью, в цепи мероприятий к подготовке собора 1531 г. созданы Копийная книга поземельных актов и Сводная Кормчая (*Клосс*, 1980. С. 67).

Сборник ГПБ Кир.-Бел. № 31/1270 по объективным обстоятельствам остался для меня недоступен, поэтому использую сведения, содержащиеся в литературе[3]. Рукопись составная: л. 1–138 – XV в., 139–221 – первой трети или начала второй четверти XVI в. (филиграни «рука под розеткой-квадрифолием» несколько разновидностей типа Лихачев № 1492 (1520) и 1535–36 (1527), № 1504–1506 (1522), № 1552 (1529), «единорог» типа Лихачев № 1538 (1513) и 1539 (1527), почерк л. 139–221 – полуустав с элементами скорописи[4].

Сборник содержит: л. 1–87 «вольное переложение древнерусского перевода» жития Феодора Студита (*Лёнгренн*, 2011); л. 88–139 «Слово св. Иоанна Златоуста, в нем же вспоминуются страсти человеческие»[5]; л. 139–218 – житие деспота Стефана Лазаревича (филиграни «единорог» Лихачев № 1539 (1513,1527), «рука с крестом» типа № 1333 (1434, 1497–1501, 1513)) (*Розанов*, 1906); л. 219–221 «послание» патриарха Луки,

[3] Выражаю искреннюю признательность А. А. Турилову за обстоятельную консультацию и сообщенные сведения.

[4] Сообщено А. А. Туриловым.

[5] Сообщено А. А. Туриловым.

текстом «послания» «исписаны целиком три листа (л. 219–221) в четырехлистной тетради, последний (чистый) лист подклеен к внутренней стороне нижней крышки переплета. После слов «ни единоя жити» стоит знак окончания» (*Клосс*, 1980. С. 130).

Как установила Т. П. Лёнгренн, «автором “вольного переложения” *Жития Феодора Студита* был Нил Сорский». Список этого жития, дошедший в автографе Нила (РГБ. Унд. № 1173, 1486–88 г.), послужил протографом для сборника житий (РНБ. Кир.-Бел. № 23/1262, 1507–08 гг., на л. 596 точная дата –1509 г. (*Лурье*, 1957. С. 198–199), копия Гурия Тушина, житие на л. 160–228 об. писано не Гурием, а его сотрудником-писцом, «похожий на его (Гурия. – *А. З.*) почерк, но, по-видимому, принадлежащий другому лицу» (*Казакова*, 1961. С. 175. Прим. 28), а вот уже с рукописи Кир.-Бел. № 23/1262 было скопировано житие в Кир.-Бел. № 31/1270 (*Лёнгренн*, 2011. С. 11). Житие деспота Стефана Лазаревича исследовано и издано (*Куев*, 1983; *Куев, Петков*, 1986). Житие (по сборнику Волок. № 655, пространная редакция, к ней же принадлежит и список кирилло-белозерский, «почти точная копия труда Константина Костенечьскаго» – *Розанов*, 1906. С. 96; *Турилов*, 2004. С. 11; 2010. С. 395. Прим. 62) использовано при создании редакции 1516–1522 гг. Русского Хронографа, составленного в Иосифо-Волоколамском монастыре в первой четверти XVI в. (*Клосс*, 1980. С. 131–132; 1989б. С. 499–505).

Б. М. Клосс идентифицировал источники избыточности текста «послания», включенного в текст летописи: один фрагмент связан с Поучением о преимуществе девства перед браком, основанном на выдержках из 68, 69 и 70 Бесед Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея в переводе Максима Грека; второй имеет точки соприкосновения со статьей «Толкование святыя Софиа», распространенной в рукописной книжности. Оба фрагмента переработаны составителем летописного свода (Даниилом) (*Клосс*, 1980. С. 131–132).

Таким образом, если избавить летописную версию послания от этих распространений, мы получаем текст для сопоставления, правда, обработанный искусным пером редактора летописного свода – митрополита Даниила[6].

Совершенно необходимо еще раз обратиться к хронологии событий 50–70 гг. XII в. и уточнить перечень действующих лиц. Для анализа привлечены Лаврентьевская и Радзивилловская летописи (далее Лавр. и Радз.), Летописец Переяславдя Суздальского (ЛПС), Ипатьевская

[6] Принципы работы Даниила с текстом см.: *Сапожникова*, 2007. С. 94–96; *Стариков*, 2014.

летопись (Ипат.) и уникальное известие киевского источника, сохранившееся в Московском летописном своде конца XV в. (МУвар). Где необходимо, хронологические уточнения произведены в соответствии с работой Н. Г. Бережкова (1963). Схема русского летописания, генеалогическая и хронологическая связь летописных памятников понимается мною по схеме, кратко изложенной Я. С. Лурье (1985).

Завязкой сюжета может быть принята осень 1155 г., когда «**иде Андрѣи от отца своего из Вышегорода в Суждаль безъ отнѣ волѣ**» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 482). Андрей Юрьевич взял из Вышгорода икону Богородицы, чрезвычайно богато ее украсил и поставил «церкви своей» во Владимире (ПСРЛ. Т. I. Стб. 346; Т. II. 346; Т. 38. С. 138; Т. 41. С. 87–88). Андрея не могли не беспокоить решения отца о распределении столов между братьями: так в первое свое киевское княжение Юрий Владимирович в Суздале оставил малолетнего Василия Юрьевича, несмотря на то, что старшие братья были рассажены вокруг Киева (к 1155 году Андрей остался старшим после смерти Ростислава «**свитающи велицѣи пятницѣ**» 6 апреля 1151 г. – ПСРЛ. Т. I. Стб. 330; Т. II. Стб. 418; *Бережков*, 1963. С. 61; *Кучкин*, 1996. С. 45). Зимой 1155 г. новгородское посольство во главе с архиепископом Нифонтом, по решению Юрия Владимировича, ввело на стол в Новгороде его младшего брата Мстислава 30 января (ПСРЛ. Т. I. Стб. 344; *Бережков*, 1963. С. 64; *Кучкин*, 1996. С. 51).

Удачным для Андрея обстоятельством оказался торжественный приезд в Киев из Суздаля через Смоленск второй жены Юрия Владимировича с младшими детьми (Михаил, Всеволод), вполне вероятно, в конце лета – осенью 1155 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 481).

Зимой или ранней весной 1156 г. в Киев отправился ростовский и суздальский епископ Нестор, вероятно, извещенный новгородским владыкой Нифонтом о скором прибытии нового митрополита. Для Нифонта поездка на юг оказалась последней, он скончался 21 апреля 1156 г. в Печерском монастыре (ПСРЛ. Т. I. Стб. 346–347; Т. II. Стб. 483; Т. III. С. 29–30, 215–216; Т. 38. С. 129; Т. 41. С. 88; *Бережков*, 1963. С. 64, 157, 236). Чрезвычайно осторожно можно предположить, что от встречи митрополита не остался в стороне еще один яркий противник Климента Смолятича – смоленский епископ Мануил. Давние связи Нифонта и Нестора подтверждает Георгиевский антиминс[7] (*Рыбаков,* 1964. С. 28, 30, 32;

[7] Заметим, что Борисоглебский храм в Кидекше имел синтрон с епископской кафедрой и омфалий – очевидные признаки уготованности для архиерейского служения (*Седов*, 2012; 2015).

поездка Нифонта в Суздаль в конце августа – октябре 1148 г. с чередой освящений храмов и церковных праздников – часть отдельного исследования, готовящегося к публикации). Между тем, Нестор не смог вернуться в епархию (ПСРЛ. Т. I. Стб. 347): очевидно нежелание Андрея принимать обратно близкого единомышленника своего отца, особенно учитывая греческое происхождение второй жены Юрия и дальнейшую судьбу младших Юрьевичей. Нестор, несомненно, участвовал в мероприятиях по встрече нового предстоятеля кафедры летом 1156 г. (после его прибытия в Киев по окончании Константинопольского собора – *Поппэ,* 1996. С. 456–457) по ликвидации нестроений, связанных с неканоничными действиями Климента. Указать причину, по которой Андрею удалось удалить архиерея из епархии, невозможно, более того, устранить от канонического управления таким образом, чтобы вместо него новый митрополит прислал другого епископа, но подобный маневр Андрея Юрьевича оказался успешным. Новый епископ – Леон – был поставлен в Киеве осенью-зимой 1157 г. совместно или несколько позднее Василия (Переяславль) и Козьмы (Галич) (ПСРЛ. Т. XXV. С. 63).

После смерти 15 мая 1157 г. в Киеве Юрия Владимировича летом того же года ростовцы и суздальцы посадили Андрея 4 июля на память свт. Андрея Критского «на отне столе» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 348; Т. II. Стб. 490–491; Т. 38. С. 129; Т. 41. С. 88; *Карпов*, 2014а. С. 385–388; 2014б. С. 94–97). Из летописных известий неясно, принимал ли новый ростово-суздальский владыка участие в закладке Успенского собора во Владимире 8 апреля 1158 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 348: *Бережков*, 1963. С. 169–170), но в Ипат. текст более полон, в текстах Лавр., Радз. и ЛПС пропущено «**и створи в нѣи епископью**», при этом подробное перечисление материального обустройства (много имения, «**и свободи купленъіа, и с даньми, и села лѣпшаіа**», десятина в стадах, в торгу) больше соответствует обеспечению вновь обустраиваемой епископской кафедры (ПСРЛ. Т. II. Стб. 491). Леон мог добраться до своей паствы и позднее закладки собора.

Очевидно епископ хоронил в Борисоглебском храме в Кидекше умершего 12 или 2 (?) мая Бориса Юрьевича. Можно согласиться с тезисом Н. Н. Воронина (1962. С. 34–35), что причиной первого изгнания Леона с кафедры стала разверстка доходности епархии, вполне возможно предпринятая в том числе и по желанию князя ввиду возможного ее раздела. Это вызвало неизбежное недовольство «ростовцев и суздальцев», конфликт с паствой завершился удалением владыки (ПСРЛ. Т. I. Стб. 349; Т. II. Стб. 493; Т. 38. С. 129; Т. 41. С, 89; *Бережков*, 1963. С. 65–66, 170).

Этой же весной (1159 г.) Киевская митрополия снова овдовела после кончины митрополита Константина в Чернигове (*Поппэ*, 1996. С. 456–467). Летописи не сообщают, когда Леон возвратился в канонические пределы своей епархии, он мог вернуться, например, осенью 1160 г. после прибытия в Киев митрополита Феодора в августе того же года (ПСРЛ. Т. II. Стб. 514–515; *Поппэ*, 1996. С. 457–458). По всей видимости, Андрей Юрьевич не терял надежды на устроение собственной кафедры во Владимире. В течение 1161 г. был расписан Успенский собор (работы закончились в августе, участие епископа вполне допустимо, но он не упоминается – ПСРЛ. Т. I. Стб. 351; Т. 38. С. 130; Т. 41. С. 90). И вот Андрей делает решительный шаг, полностью расчищая (как ему казалось) политическое пространство в своих землях: он высылает из пределов княжества не только свою мачеху с детьми (Мстиславом и Василием), старших племянников (Мстислава и Ярополка Ростиславичей), но и «мужи отца своего переднии». Не будет преувеличением утверждать, что отбыли они в сопровождении епископа, как это случилось семью годами ранее (ПСРЛ. Т. II. Стб. 520; *Бережков*, 1963. С. 174–176. Прим. 107, 108). Учитывая отмеченные Н.Г. Бережковым неточности текста Ипатьевской летописи (пропуск в хронологическом расчете времени святительства митрополита Феодора в Киеве – пропуск слова «год», несоответствие хроногической последовательности сообщений внутри летописных статей – *Бережков*, 1963. С. 175), предпочтительным видится 1162 г., при этом, отъезд Мстислава, Василия и Всеволода с матерью в Царьград может быть отнесен к осени 1162 г., неясно, где находился Михаил или его имя просто оказалось пропущено. Император дал Василию четыре городка на Дунае, а Мстиславу – волость «Отскалана»/Аскалон (?) (ПСРЛ. Т. II. Стб. 521; *Степаненко*, 2008).

Согласования датировок Ипат. (1162) с хронологией Лавр., Радз. и ЛПС, относящих описание «леонтинианской ереси» к 1164 г., пока оказывается малопродуктивным. Спор епископа Леона перед митрополитом Феодором должен был состояться ранее июня 1163 г., когда Феодор умер (ПСРЛ. Т. II. Стб. 522; *Бережков*, 1963. С. 333–334). Предложенный Н.Г. Бережковым второй хронологический вариант выглядит предпочтительным, поскольку уже 15 февраля 1164 г. в Чернигове умер Святослав Ольгович (ПСРЛ. Т. II. Стб. 524; *Бережков*, 1963. С. 176). Мне видится, что примерная последовательность событий была следующей: отъезд епископа Леона с изгнанниками в сторону Киева был неправильно понят летописцем как очередное изгнание, Леон вернулся в епархию, вполне возможно, что на 4 месяца (ПСРЛ. Т. II. Стб. 520)

примерно осенью 1162 г. Андрей снова частично использовал испытанный на предшественнике Леона Несторе прием: Леон возвратился, но на стол в Ростов. Формально, скорее всего, Андрей завершил организационное устроение новой епархии (Владимир – Суздаль). Источники оставляют большой простор для истолкования событий, связанных с «леонтинианской ересью». Допускаю, что именно в такой форме епископ Леон постарался дезавуировать деятельность князя по учреждению новой епархии. «**Тяжа про то велика прѣдъ благовѣрнымъ князємъ Андрѣєм и прѣд всѣми людми**» вполне закономерно закончилась не в пользу Леона, и он был отправлен в Киев к митрополиту через Чернигов (ПСРЛ. Т. I. Стб. 351–352; Т. 38. С. 131; Т. 41. С. 90–91). Следующий диспут в Киеве, где Леона «**упрѣ владыка Феодоръ**», состоялся зимой 1163 г. после чего митрополит отправил епископа к патриарху.

Необходимо уточнить предположение Е. Е. Голубинского о прениях на Дунае, он особо не аргументировал свою догадку, заметив, что на пути к патриарху Леон встретил императора Мануила «на какой-то реке, – вероятно, на Дунае, когда Мануил шел войной на венгров» (*Голубинский*, 2002. С. 468). Но поздней осенью 1162 г. император находился в лагере в Средце (София), зимой встречал посольство конийского султана Кылыч-Арслана II, для чего вернулся в Константинополь. Весной император отбыл в лагерь в Нише, а уже в начале лета 1163 г. перешел лагерем к Белграду (*Грот*, 1889. С. 285, 288). Ниш стоит на слиянии Нишавы (правый приток) с Южной Моравой, Белград на слиянии Савы и Дуная. Учитывая, что при диспуте присутствовали послы киевский, суздальский (Илья, единственный названный по имени), переяславский и черниговский, предпочтительным видится второй вариант – лагерь под Белградом. «**А тамо оупрѣлъ и Анъдриянъ епископъ Болгарьскыи**», охридский архиепископ Адриан достаточно надежно идентифицирован – это Иоанн IV Комнин (*Prinzing*, 1988; 2012; *Снегаров*, 1995. С. 205). Он выступил противником Леона по простейшей причине: диспут происходил на канонической территории Охридской епархии. На берегах Дуная карьера епископа Леона завершилась едва ли не трагедией, за слова, сказанные «на царя» слуги императора ударили Леона «за шею» и «**хотѣша и в рѣцѣ оутопити**». Так в очередной раз овдовела ростовско-суздальская епархия.

Формально, сюжетная сторона заканчивается, вселенский патриарх Лука Хрисоверг отошел в лучший из миров между 19 ноября 1169 г. и январем 1170 г., с начала 1170 г. на патриаршем престоле – патриарх Михаил III (The Oxford Dictionary… 1991. P. 1253, 1364).

Завершая рассуждения о XII столетии, считаю необходимым остановиться еще на двух важных сюжетах: о епископе Феодоре («Федорце») и о титуле архиепископа у ростовских владык в связи с печатью «архиепископа Леонтия».

Старшие своды сообщают в пространном тексте об изгнании 8 мая 1169 г. на мироносицкой неделе «**изгна бо Богъ и святаꙗ Богородицѧ Володимерьскаꙗ** … **лжаго владыку Феѡдорца**» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 355–356; Т. 41. С. 92–93; в Радз. текст почти полностью опущен – Т. 38. С. 132). Можно высказать некоторые соображения по поводу Феодора. На киевской кафедре с июня 1163 г. (смерти митрополита Феодора) дважды сменились предстоятели, в 1164–66 гг. ее занимал Иоанн IV, в 1167–1170 – Константин II (*Поппэ*, 1996. С. 458–460), но Феодор не получал благословления и не был хиротонисан («**не въсхотѣ бо благословеныꙗ и оудалисѧ от него**»), но летописец именует его владыкой. Андрей Юрьевич «**посла же ѥго митрополиту в Кыѥвъ**», где Феодора судил митрополит не как светского человека, а как духовное лицо – Феодора судили как преступника и еретика (ПСРЛ. Т. I. Стб. 355–356). Повлиял ли Андрей на решение митрополита – неизвестно, но в марте 1169 г. обширная войсковая коалиция под командованием Мстислава Андреевича взяла Киев штурмом и подвергла город жестокому трехдневному разграблению, чудом уцелел подожженый Печерский монастырь (ПСРЛ. Т. II. Стб. 543–545), Феодор был изгнан и отправлен в Киев в мае, суд и казнь, вероятно, случились летом того же года (*Бережков*, 1963. С. 337).

И. П. Еремин связал так называемую притчу о слепце и хромце Кирилла Туровского с Феодором (*Еремин*, 1926. С. 323–352), написав «это – политический памфлет, направленный Кириллом против его современников; Феодора епископа Ростовского и, очень возможно, князя Андрея Боголюбского, на первого в тексте притчи имеются прямые намеки» (*Еремин*, 1955. С. 342–343). Действительно, в древнейшем тексте жития Кирилла Туровского (текст первого вида жития – в Спасо-Прилуцком Прологе РНБ, собр. СПбДА, АІ № 261, т. 2, л. 83 об.–84)[8] читаем «**и Федорца же, за укоризну тако нарѣцаема, сего блаженый Кюрилъ о Божественыхъ писаний ересь обличи и проклятъ его Андрѣю боголюбивому князю много посланья написа**». Древность первого вида жития перед вторым обосновывается поздним появлением в источниках прозвища князя. «Прозвище “Боголюбский”, употребляемое по отношению к владимиро-суздальскому князю Андрею

[8] Пролог на март – август, рукопись XIV–XV в. Устав, переходящий в полуустав, инициалы киноварные (*Гранстрем*, 1953. С. 58).

Юрьевичу, мы находим в Софийской I и Новгородской IV летописях, которые, по мнению исследователей, отражают гораздо более поздний этап русского летописания, а именно, – общерусское летописание первой половины XV в., а также в Воскресенской летописи, представляющей собой версию Московского летописного свода конца XV в.» (*Лурье*, 1976. С. 67–91, 119, 122, 165; *Со Джонг Со*, 2004. С. 233–234). Датировка жития Кирилла – ранняя, архетип появился до XIV в., и, возможно, был составлен во Владимиро-Суздальской земле (*Со Джонг Со*, 2004. С. 236–238). Житие подтверждает обвинение Феодора в ереси и проясняет, что туровский святитель и Андрей Юрьевич состояли в переписке, о содержании которой, к сожалению, можно лишь догадываться. Последняя ремарка по поводу притчи о слепце и хромце: было бы, наверное, несправедливым по отношению к автору столь прочно привязывать конкретных адресатов притчи. Совершенно на равных можно предположить, что сюжет Кириллу был навеян поставлением Климента Смолятича, а уж, как писал летописец, ситуация, когда «**да не наскакаютъ нѣции на свѧтительскыи санъ**» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 357), повторенная с Феодором, наоборот, придавала самой притче необходимое обобщающее, учительное звучание. Справедливым вижу реплику игумена Виталия (Уткина): «Но почему нужно глубокий текст богословского содержания, каковым является сочинения святителя Кирилла Туровского “Притча о слепце и хромце” непременно сводить только к сиюминутной политической полемике, а любые упоминания в нем недостойных священнослужителей относить к сугубо конкретной исторической ситуации вокруг епископа Феодора? На этот вопрос, к сожалению, ответ никто так и не дал. Просто в советской и постсоветской историографии принят такой, так скажем, приземлено-прикладной подход» (*Уткин*, 2015. С. 30).

В связи с несколько иным взглядом на хронологию событий, необходимо вкратце остановиться на пока уникальной находке печати ростовского архиепископа Леонтия (*Янин*, 1994). Поскольку, как изложено выше, ростовский епископ Леон покинул кафедру не позднее лета 1163 г., а изображения Богоматери Оранты в рост отмечено на печатях митрополита Константина II (1167 – не позднее 1170 гг. – *Поппэ*, 1996. С. 459–460) и новгородского архиепископа Илии (1165–1186 гг. – *Янин*, 1994. С. 5–6), а восстановление титула архиепископа для новгородских архиереев относится к 1165 году[9], предпочтительной видится дата позднее 1169 г. (после изгнания нареченного епископа Феодора).

[9] Вопрос титула новгородских владык рассматривается мною в отдельном исследовании, готовящемся к публикации.

Любопытно следующее наблюдение: среди миниатюр Радзивиловской летописи, не сильно щедрых на изображения духовных лиц, на период пребывания на княжеском столе Андрея изображений епископа (ов) нет ни одного, даже в связи с событиями, где изображение архиерея по смыслу необходимо (встреча иконы Богородицы, закладка Успенского собора, благодарение иконы Богородицы после похода на булгар и т. п.). Единственное изображение связано с погребением в Чернигове митрополита Константина I, где очевиден черниговский владыка Антоний (Радзивиловская летопись. Т. I. Л. 202об; Т. II. С. 381). Нет епископа на миниатюре с похоронами Святослава Юрьевича (священники присутствуют), да и собственно на миниатюрах с вложением тела Андрея в каменный гроб и на рисунке, иллюстрирующем перевозку праха Андрея из Боголюбова в Успенский собор во Владимире: справа изображена группа фигур – на переднем плане духовное лицо в фелони, подризнике и епитрахили (игумен Феодул?), за его спиной фигура в монашеском куколе (два других куколя обозначены – Радзивиловская летопись. Т. I. Л. 215, 216; Т. II. С. 386).

Две следующие миниатюры чрезвычайно интересны, поскольку на одной изображен более неизвестный ни по одним источникам черниговский епископ (Радзивиловская летопись. Т. I. Л. 217об), а на другой – вышедший навстречу Ярополку Ростиславичу с владимирцами (архи)епископ Леонтий с крестом в правой руке, благословляюшим князя, снявшего шапку (Радзивиловская летоопись. Т. I. Л. 218об; Т. II. С. 387). Изображен среднего роста, скромного сложения, нестарый человек в епископском облачении, с густой шевелюрой, небольшой бородкой (рис. 1). Упоминаемое в Радз. и изображенное на миниатюре событие относится к концу лета – осени 1174 г., позднее, видимо, именно Леонтий обвенчает Ярополка с молодой женой 11 февраля 1175 г. (ПСРЛ. Т. 38. С. 140; *Бережков*, 1963. С. 78–79).

Если верно очень осторожное предположение А. В. Поппэ о поставлении в начале 1170 г. нового киевского митрополита Михаила II (*Поппэ*, 1996. С. 460–461), приходе его в Киев в июне 1171 г., то вполне возможно, что неизвестный черниговский епископ – это Порфирий (как получается, поставленный после июня 1171 г. и крайне негативно упоминаемый в событиях 1187 г. – ПСРЛ. Т. I. Стб. 404–405). Леонтий мог быть поставлен, соответственно, не ранее середины июля – осенью 1174 г. Конечно, совершенно неясно, получил ли достоинство архиепископ Леонтий при поставлении или несколько позже. Свой земной путь он окончил либо в конце 1183, либо в начале 1184 г. (ПСРЛ.

Рис. 1. Встреча владимирцами Мстислава и Ярополка Ростиславичей под стенами города. Миниатюра Радзивиловской летописи (Л. 218об). https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=19638&ELEMENT_ID=586087

Т. II. Стб. 629; *Бережков*, 1963. С. 201–202). Таков весьма краткий обзор действующих лиц и событий церковной жизни Северо-Восточной Руси за неполные четверть столетия, связанные с деятельностью Андрея Юрьевича.

Проблема понимания «послания» патриарха Луки Хризоверга к князю Андрею Юрьевичу также невозможна вне контекста памятника, в котором оно содержится. А текст летописного свода митрополита Даниила является совершенно иным по направленности: предстоятель московской кафедры доказывал неизменность существования единственной древнерусской кафедры, и послание в тексте свода Даниила – аргумент против создания иной канонической митрополичьей юрисдикции в пределах Русского государства, наряду с изначально существовавшей. Вопросы, связанные с поместным собором 1531 г., подробно освещены в литературе (*Казакова*, 1968а; 1968б; *Иванов*, 1976; *Покровский*, 1981; *Плигузов*, 2002. С. 205–222). Митрополит Даниил

готовил всеобъемлющую базу по основному перечню вопросов, предполагавшихся для обсуждения на соборе. При этом летописные материалы не только представляли собой вновь созданный летописный свод, но и прорабатывались и редактировались тщательно, до деталей, до организации речи. Обоснование древних прав рязанских князей на пограничные города и территории ввиду экспансии Литвы, владевшей в то время Черниговщиной, привело к изменению некоторых географических представлений, известных по ранним летописным сводам (*Клосс*, 1980а. С. 101–102; *Насонов*, 2006. С. 189–190). «Чтобы доказать "изначальность" власти русских князей над Казанью, в Никоновскую летопись введены известия, что еще легендарный Кий "на Воложскиа и Камскиа Болгары ходив и победи", а в "лето 6505 ходи Володимер на Болгары Воложскиа и Камскиа и, одолев, плени их"» (*Клосс*, 1974. С. 190). Редактируя текст своего свода, митрополит Даниил не ограничивался правкой ошибок или стилистики, он смело вторгался в ткань повествования как опытный литератор, сохраняя присущую ему стилистическую манеру изложения и организации речи (*Клосс*, 1974. С. 193–198). Так под его пером в тексте летописи появилась особая редакция Сказания в рассказе о Куликовской битве как результат соединения Летописной повести и Сказания о Мамаевом побоище. А заимствованная из Сказания «речь» митрополита Киприана с поучением великому князю значительно расширилась, в другом месте оказалась вложена в уста Сергия Радонежского и целиком помещена в сборник с посланиями и поучениями самого Даниила (*Клосс*, 1974. С. 199). К числу таких существенных добавлений относится сюжет о «благословенной грамоте», якобы полученной митрополитом Ионой от патриарха и санкционировавшей новый порядок поставления русских митрополитов. В Никоновскую летопись это сообщение целиком переписано из Иоасафовской летописи, а при сопоставлении с реальным источником этого известия – Московским сводом конца XV в. – делаются очевидными смысловые добавления Даниила, превратившего невнятное «благословение» во вполне осязаемую для читателя «благословенную грамоту» (*Клосс*, 1976. С. 125–126).

Обратимся к тексту свода митрополита Даниила (далее – Ник.) примерно на том же хронологическом промежутке – 50–70-е годы XII в. Объем настоящей работы не позволяет провести детальное сопоставление известий старших летописных сводов (Ипат., Лавр., Радз. и ЛПС) с текстами более поздних сводов-источников Ник. и собственно самой Ник., но на некоторых сюжетах все же остановимся вкратце. Следует

заметить, что там, где Даниилу не хватало исторического материала, он смело восполнял краткость сообщений художественными вставками. Вот характерный пример об отъезде Андрея Юрьевича от отца в Суздаль.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 346:

«**Того же лѣта • иде Аньдрѣи ѿ ѿца своюго Суждалю • и принесе ида икону святую Богородицю • юже принесоша въ единомъ корабли с Пирогощею • изъ Царграда • и вкова є нюболе трии десѧтъ гривенъ золота • кромѣ серебра • и камень драгаго • и женчюга • и оукра-сивъ ю постави и в церкви своеи в Воло-димери**»

ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 204:

Того же лѣта иде князь Андрѣй Боголюбивый, Юрьевъ сынъ Долгорукаго, съ Вышегородцкаго своего княженіа великого ко отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ, и пришедъ въ Кіевъ радостнѣ бысть пріать отъ отца своего, и пребывъ у него въ Кіевѣ нѣколико время, и смущашеся о нестроеніи братіи своея, и братаничевъ, и сродниковъ и всего племяни своего, яко всегда въ мятежи и въ волненіи вси бяху, и многи крови ліашеся, вси желаюзе и хотяше великого княженіа Кіевскаго, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего всѣ княженіа опустѣша, и по Дунаю, и по Мети и по Астри чюжіи облодаша и населиша, а отъ поля Половци выплѣниша и пусто сотвориша, и скорбяше много о семъ, и болѣзноваше душею и сердцемь. И мышляше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу своему великому князю Кіевскому Юрью Долгорукому, и восхотѣ ити на великое княженіе въ Суждаль и Ростовъ, яко тамо, рече, покойнѣе есть. И слыша чюдеса о иконѣ пречистыа Богородици, еѣже, глаголютъ, написалъ Лука евангелистъ, юже ко отцу его въ Кіевъ принесоша въ кораьли съ Пирогощею изъ Царяграда, и слыша о ней, яко сама о себѣ выходитъ ис кивота и стоитъ на воздусѣ, и сіа множицею бываше, и восхотѣ сію икону тайно отъ отца своего взяти съ собою, шествуя на великое княженіе въ Суждаль и Ростовъ. И сице воиде ис Кіева тайно, не повѣдая отцу своему, и туѣ икону пречистыа Богородици съ собою взя, и вкова въ неѣ болѣ тридесяти гривенъ злата, кромѣ сребра, и каменіа лрагаго и жемчюга, и, украсивъ ю, постави ея въ своей церкви въ Володимери.

При параллельном сопоставлении отчетливо видно, сколько мелких добавлений внесено, насколько расширился текст, как изменился общий настрой изложения, и сколько добавилось деталей, невозможных к проверке и подтверждению.

Сюжет о митрополии отмечается не только в «послании» патриарха Луки. Ранее послания в тексте Ник. выполнена литературная подготовка, а именно, сюжет о посажении Андрея Юрьевича на стол (ПСРЛ. Т. IX. С. 209):

«… князь Андрѣй Боголюбивый за премногую его добродѣтель, яже имяше къ Богу и къ всѣмъ человѣкомъ, и многи вещи и дѣла памяти достойны сотвори, и церкви украси и удоволи многими стяжанiи и имѣнiи, и монастыри воздвиже и удоволи такоже стяжанiи и имѣнiи многими, и съвръши церковь камену святаго Спаса, юже бѣ заложилъ отець его князб велики Юрьи Долгорукiй, и многу въру и любовь имъаше къ Богу и пречистей Богородицѣ, и никогда же изношашеся изо устъ его имя Христово и пречистыа его Матере, и въ прочитанiи святыхъ писанiй всегда наслажашеся, и въ молитвахъ со слезами молящеся, и чтяше попремногу епископы, и презвитеры [и] иноки, и мышляше въ себѣ, еже бы како митрополiи быти въ Ростовѣ или въ Суздалѣ, или паки градъ велiй воздвигнути Володимерь, егоже созда блаженны и великiй князь Владимерь, иже крести Русскую землю».

Сюжет о «создании» Владимира (ПСРЛ. Т. IX. С. 220):

«Великому же князю Ростовскому и Суздалскому Андрѣю Боголюбьскому не точiю градъ сей въ великое княженiе хотящу, но и митрополiю въ немъ хотяще сотворити, и по древнимъ закономъ и уставомъ всѣмъ удоволити и учествовати о Христѣ. Бѣ же сей князь велики Ростовскiй и Суждальскiй Андрѣй Юрьевичь, внукъ Владимера Маномаха, правнукъ Всеволожь…».

Сюжет о «совершении» Успенского собора во Владимире (ПСРЛ. Т. IX. С. 221):

«И даде Госполу Богу, и пречистей Богородицъ и святѣй церкви еа Успенiю соборнѣй, еяже предивно украси, много стяжанiа, и имѣнiа, и власти и слободы купленыа и з данми, и села лучшаа и з данми, и в торгѣхъ десятыа недѣли, и въ житехъ, и въ стадѣхъ и во всемъ десятое, хотя бо здѣ не точiю великого княженiа, но и священныа и божественыа митрополiи, и оправданi, и пошлины святительскiа по Греческимъ святымъ уставомъ и по блаженнаго и святаго уставленiю великаго князя Владимера утвердити…».

Все три настойчивых напоминания в тексте о приготовлениях Андрея Юрьевича сопровождаются упоминанием митрополии, предвосхищая текст «послания» патриарха. Здесь уместно будет заметить, что митрополит Даниил совершил некоторое насилие над исторической правдой, ради разрешения важного, но не центрального, вопроса о запрете учреждения митрополии во Владимире. Даниил выступил не как хронист-летописец, а, скорее, как автор исторического детектива. Сердцевина художественного творчества Даниила – неопровержимое стариной и обычаем доказательство издревле неукоснительно соблюдавшихся церковных правил и установлений. Поясню на примерах.

Епископ Нестор оставлен одним из главных действующих лиц: под 1157 г. в текст Ник. помещена «Повесть о происхождении честнаго креста месяца августа в 1 день», где выступление в поход императора Мануила «на Персы» и князя Андрея «на Болгары, иже нарицаются Казанцы» приурочен к одному дню, разумеется, и победили они своих врагов в один день «от**ъ** образа пречитыа Богородици лучя огнены исходяша», В связи с этой победой установлено «праздновати честному и животворящему кресту м**ѣ**сяца августа 1 дня» благословением патриарха Луки, митрополита Константина и епископа Нестора (ПСРЛ. Т. IX. С. 210). Но в том же лете епископ Нестор был изгнан про «Господ**ъ**ск**і**а празники; не веляше бо мяса ясти в**ъ** Господ**ъ**ск**і**а празники, аще прилучится когда в**ъ** среду или в**ъ** пяток**ъ**, такоже от**ъ** св**ѣ**тлыа нед**ѣ**ли и до пентикост**і**а» (ПСРЛ. Т. IX. С. 211).

Под 1158 г. Даниил внес в свой свод известие о приходе Леона на епископство в Ростов и Суздаль (ПСРЛ. Т. IX. С. 214), в следующей статье – под 1159 г. – сообщая о смерти митрополита Константина в Чернигове. Дальнейшее развитие сюжета с Нестором начинается в статье 1160 г., где прения с Леоном случились не из-за «леонтинианской ереси» старших летописных сводов, а из-за нарушения Леоном порядка поставления на кафедру: «Того же л**ѣ**та заложена быст**ь** церковь Спас**ъ** в**ъ** Володимери. Того же л**ѣ**та препиран**і**е бысть с**ъ** Леоном**ъ** епископом**ъ**, зане не по правд**ѣ** поставися Ростову и Суздалю на епископ**ь**ство, Нестеру убо епископу Ростов**ъ**скому и Суздальскому живу сущу, прехватив**ъ** Нестеров**ъ** стол**ъ** не по повел**ѣ**н**і**ю священных**ъ** правил**ъ** святых**ъ** апостол**ъ** и свяятых**ъ** отец**ь**, и изгна его князь Андр**ѣ**й Юрьевич**ь**», и, предвосхищая изгнание Андреем своей родни и передних мужей отца, Даниил поставил в вину Леону внесение раздоров и ссор в отношения Андрея с братьями (ПСРЛ. Т. IX. С. 221). Но этого оказывается мало, Андрей, по неизвестной причине, «паки возврати» Леона, который начинает учить «не ясти мяс**ъ**», возника-

ет «сопрѣніе велие», Леона «упревает» Феодор «епископ». Леона отправляют на исправление в «Константинградъ». А вот из Константинополя к Андрею возвращается посол патриарха Луки о Нестере «епископѣ Ростовъскомъ и Суждальскомъ: «да даси ему, рече, внити на свой ему столъ Ростовъ и Суздаль, да не заблужаетъ въ чюжихъ странахъ, да не имя Христово хулится, да не постигнетъ тя гнѣвъ Божій» (ПСРЛ. Т. IX. С. 222).

Рис. 2. «Послание» патриарха Луки Хризоверга в тексте Никоновской летописи. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=201_1_163&name=Никоновская летопись. Список Оболенского

И наконец, выясняется, что Андрей Юрьевич, собрав воедино деяния свои по украшению земли своей, вместе с князьями и боярами, посылает к патриарху посла «да благословитъ градъ Владимерь митропольею и да поставитъ въ него митрополита». Патриарх Лука зачитывает послание Андрея пред священным собором и, о чудо, «туже сущу Нестеру епископу Ростовъскому и Суздальскому». Далее с киноварным заголовком в тексте свода Даниила следует «послание». Оно озаглавлено в тексте Ник. «Послание великого патриарха Луки к великому князю Андрею Ростовскому и Суждальскому Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукого, внуку Владимира, о Несторе епископе Ростовском и Суздальском» (рис. 2). Как видим, в изложении Даниила нет и не могло быть ошибки или описки, это «послание» могло быть только о Несторе, поскольку цель Даниила – доказательство неукоснительного соблюдения церковных правил, реальная хронология событий, и реальные исторические персонажи принесены в жертву этим доказательствам. К сожалению, рассуждения, основанные на некритическом восприятии этого фрагмента Ник., делают художественный вымысел Даниила почти осязаемыми событиями (*Соколов*, 2013. С. 128–158).

Сопоставление текстов сборника ГПБ Кир.-Бел. № 31/1270 (по публикации А. С. Павлова) с текстом Ник. показывает несколько важных закономерностей: Даниил везде дополняет формулу «Богу» до «Христу Богу» или еще шире «Христу Богу и пречистой Богородице», митрополит «всея Руси» исправлен на «митрополита Киевского и всея Руси», митрополита и епископов – уточняет митрополита «и иже подъ нимъ сущихъ» епископов, к собору добавляется эпитет священный:

РИБ. Т. 6.	ПСРЛ. Т. IX.
Стб. 63: «…оже въ твоей земли твоимъ почитанiемъм благочестiе уширяется, чко многи по мѣстомъ молебныа дома создалъ еси Богу, доброе се твое почтанiе вси похвалихомъ».	*С. 223*: «…велiе благочестiе распроятраняется и по многимъ мѣстомъ святыа ценкви и честныа монастыри создалъ еси Христу Богу и пречистей Богородицѣ; и сице по велицей вѣрѣ твоей къ Господу Богу и пречистей Богородицѣ и о благихъ дѣлехъ твоихъ зѣло благодаримъ».
Стб. 65: «…въ нейже едина епископьа была издавна и единъ епископъ во всей земле той, ставимъ же по временомъ священнымъ митрополитомъ всеа Руси, иже есть от насъ святыя и великiя церкве ставимъ и посылаемъ тамо».	*С. 224*: «…в ней же едина епископьа была издавна, и единъ епископъ во всей земле той ставимъ иже по временомъ пресвященнымъ митрополитомъ Кiевскимъ и всеа Руси, той же есть самъ митрополитъ отъ насъ святыа и великiа церькви ставимъ и посылаемъ тамо на священный и божественный столъ митрополскiй въ Кiевъ и на всю Русь…»
Стб. 66: «А понеже увѣдахомъ и священнаго митрополита грамотою [и] епископъ, и отъ самого посла дръжавнаго и святаго нашего царя…»	*С. 224*: «…еще же наипаче извѣстихомся и отъ пресвященнаго митрополита Кiевъскаго и всеа Руси и подъ нимъ сущихъ епископовъ посланiемъ, и отъ самого посла дръжавнаго сына нашего царя…»
Стб. 67: «…нашимъ смиренiемъ [и] бодественнымъ и священнымъ великимъ соборомъ…»	*С. 224–225*: «…и послана нашимъ смиренiемъ и священнымъ и божественнымъ великимъ соборомъ…»
Стб. 67: «И просто: аще хощеши имѣти часть съ Богомъ…»	*С. 225*: «…аще хощеши имѣти часть со Христомъ Богомъ…»
Стб. 67: «… и свѣдаетъ право паствити и управливати порученное ему Богомъ стадо».	*С. 225*: «…и извѣстно вѣсть правопаствити и управляти порученное ему Господемъ Богомъ стадо».
Стб. 68: «Ожели паки, якоже не имамъ вѣры, ни дай Богъ быти, по его оправленiи и священнымъ митрополитомъ всеа Руси и его епископы и нашимъ совершеннымъ утверженiемъ отнюдь…»	*С. 225*: «Аще ли по его оправленiи, еже оправда его Господь Богъ и пречистыя Богородица пресвященнымъ митрополитомъ Кiевскимъ и всеа Руси и сущими его епископы, иже подъ нимъ суть, таже потомъ отнудь оправданъ бысть великимъ и священнымъ и божественнымъ соборомъ…»
Стб. 68: «…но и еще начнеши гонити сего Богомъ ти данного святителя и учителя…»	*С. 225*: «…но еще начнеши гонити его, яже Христомъ Богомъ даннаго ти святителя, и учителя и пастыря…»

В сопоставимой части текст Кир.-Бел. № 13/1270 увеличен, как минимум, двукратно. Это и прямые уточнения, внесенные для однозначного усиления подтверждения («от правды и истинны епископьи»; «о граде твоем и церкви» / «о граде твоем и святей церкви»; «не убо нове зашел приложен к твоему княжению» / «не убо нове зашел есть и ныне приложен к твоему княжению, но тоеже земли и области есть Ростовскиа и Суждальскиа»; «коемуждо епископу своим собором судитися» / «коемуждо епископу своим собором от своего митрополита судитися повелевают»), и вставки, указывающие на расширение смысла фразы (об основании Владимира «в ней же церкви многи создал еси», но Даниилу не «**церкви многи**» были важны, а «церковь пречистыя Богородици честнаго и славнаго еа Успения» со всеми ее сокровищами и украшениеми и привилегиями – «имениями, и стяжанием … и села, и слободы и власти и з данми», и т. д.).

Тексты Кир.-Бел. и Ник. различны по стилю изложения – первый достаточно сух и обезличен, второй насыщен пышной титулатурой, обогащен эпитетами, сравнениями, литературно значительно выше по уровню. Из всего вышесказанного можно сделать несколько предположительных выводов. Текст Кир.-Бел. является черновиком (заготовкой), созданным кем-то из сотрудников Даниила в канцелярии митрополита по его заданию до начала работы над текстом свода, когда общая направленность и основные задачи были ясны, но работа над мелкими сюжетами еще не начиналась. Эта заготовка написана до оформления свода в единый список, таким образом, она действительно на два-три года старше самого текста Ник. Сходный пример совсем близок по времени. Как можно судить по сборнику № 659 из Волоколамского собрания ГБЛ (РГБ, ф. 113), собранные житийные тексты «представляли собой как бы черновой материал для дальнейшей работы над ним, чтобы затем включить их в Великии Минеи Четьи» (*Дмитриева*, 19936. С. 210; *Лёнгренн*, 2011. С. 1–2). К числу таких заготовок можно, с большой вероятностью, отнести и цикл «повестей о Николе Заразском», созданный примерно в это же время, но не нашедший своего места в полемической и аргументационной системе митрополита Даниила (*Клосс*, 2001. С. 452; *Зайцев*, 2005).

Далее Даниил просто забывает о епископе Несторе, из Ник. остается совершенно неясна его дальнейшая судьба после «послания» патриарха, но второй персонаж событий «епископ Феодор» потребовал от Даниила-литератора новых сюжетных ходов.

Далее в текст «послания» (только по Ник) включены толкование св. Софии (необходимо уточнение источников этого фрагмента –

Антоний, 1986. С. 65–67; *Гукова*, 2002. С. 205–207)[10] с «Поучением о преимуществе девства перед браком», основанном на выдержках из 68, 69 и 70-й Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе Максима Грека (Б. М. Клосс привлек для сопоставления первый том «Бесед на Евангелие от Матфея» Иоанна Златоуста, ГИМ, Чуд. № 186 – *Клосс*, 1976. С. 129–131; *Петров*, 1879. С. 160), поучение-толкование о постах и епископе и заключение.

Этот самый Феодор – персонаж отрицательный, при первом упоминании назван племянником епископа Мануила (ПСРЛ. Т. IX. С. 225; вероятно, Мануила, епископа Смоленского, если только в изложении Даниила не понимаются два совершенно разных Феодора). При следующем появлении он уже монах, постриженник Киево-Печерского монастыря, племянник Петра Бориславича (резко отрицательного персонажа в изложении Даниила), обманом получивший поставление патриарха на Ростовскую кафедру, поскольку, кроме явного обмана, «**несый съ собою много имѣніа**» (ПСРЛ. Т. IX. С. 239). Дальнейший конфликт с Андреем Юрьевичем объяснен нежеланием епископа получать поставление киевского митрополита ввиду патриаршего поставления, далее Феодор затворяет церкви, включая Успенский собор, начинает искать сокровища «**и сих восхищаше**», доходит до богохульства («**и на самого Господа Бога и на пречистую Богородицу хулу изглагола**»), что приводит его к закономерному и печальному финалу – «**тако предадеся смерти животъ его, по евангельскому суду**» (ПСРЛ. Т. IX. С. 239–241). Как видим, Даниил и здесь значительно обогатил биографию своего персонажа.

Обратимся к тому, ради чего собственно все упомянутое было написано и создано. «В 1531 г. Максим Грек был обвинен в еретической порче богослужебных книг; в осуждении практики поставления митрополитов русскими епископами, а не константинопольским патриархом; в хуле на русских чудотворцев (вместе с Вассианом Патрикеевым); в изменнических сношениях с турецким послом Скиндером и стремлении “поднять” на Русь турецкого султана; был выдвинут также ряд других менее существенных обвинений» (*Синицына*, 1977. С. 147).

Учитывая, что между весной 1525 г. (окончанием первого собора) и 11 мая 1531 г. (датой начала второго) временной промежуток относительно невелик, можно и должно признать огромный объем работы, проделанный митрополитом Даниилом и его канцелярией, по подготовке материалов к собору 1531 г. Беря во внимание, что «истинной

[10] Перспективен сборник второй половины XV в. ГИМ, Чуд. № 320.

причиной осуждения Максима Грека явились его выступления против вотчинных прав монастырей и независимости русской церкви» (*Казакова*, 1973. С. 154), отчетливо на рассмотренном пространстве текста Ник. видно, как под рукой редактора свода – митрополита Даниила – по-иному расставлялись оценки, изменялись характеристики людей и событий, дополнялся и расширялся текст для упрочения суммы доказательств.

Подведем итоги. Содержащаяся в старших летописных сводах информация позволяет однозначно утверждать, что князь Андрей Юрьевич, создавая новый политический центр на Северо-Востоке Руси, сразу озаботился проблемой превращения его и в центр церковной жизни, придав необходимые атрибуты: новый украшенный собор с чтимой святыней – иконой Богородицы, уставил систему материального обеспечения предполагавшейся к открытию новой владычной кафедры (епископии, а не митрополии). Андрей Юрьевич, являясь одной из крупнейших исторических фигур третьей четверти XII в., как политик значительно уступал своим смоленским родственникам в искусстве учитывать требования реальности, как и готовности к компромиссам с не менее сильными соперниками в поисках новых альтернатив. Можно с сожалением констатировать, что борьба за старшинство Владимира перед Ростовом и Суздалем была им трагически проиграна. Тем не менее, именно Андрей создал фундамент политического и церковного устройства на Северо-Востоке Руси, позднее успешно реализованный Всеволодом Юрьевичем.

Свод митрополита Даниила, составляющий первую часть Никоновской летописи, следует чрезвычайно осторожно использовать для дополнения известий раннего времени, ввиду того, что облеченное в форму летописи это творение является сугубо политизированным полемическим произведением, призванным утвердить идеологические, политические, церковные претензии вновь создаваемого централизованного государства. Учреждение митрополии на Северо-Востоке Руси в третьей четверти XII в. не имело смысла, поскольку земли потомков Юрия Владимировича не стремились к обособлению от остального массива русских земель. Вопрос единства и неделимости русской митрополии оказался одним из самых важных на всем протяжении второй половины XV – начала XVI в. Содержащееся в тексте свода «послание» – продукт художественного творчества митрополита Даниила, талантливого литератора, крупного церковного деятеля, выдающегося политика, сыгравшего ключевую роль в создании новой

государственной идеологии. Сохранились ли в материалах митрополичьей канцелярии или ее архивах ко времени святительства Даниила отсутствующие в наши дни сведения и документы о попытках учреждения епископского стола, послужившие образцами для создания этого «послания», нам неизвестно. Уверенно можно говорить, к примеру, что переписка князя Андрея Юрьевича и епископа Кирилла Туровского к началу XVI в. уже полностью не существовала.

Литература

[*Антоний*], 1986. Антоний (митр. Ленинградский и Новгородский, Мельников Анатолий Сергеевич) Из истории новгородской иконографии // Богословские труды. Сб. 27. М.: Изд. Московской Патриархии. С. 61–80.

Бережков Н. Г., 1963. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР. 376 с.

Бибиков М. В., 2003. № 108. Послание патриарха Луки Хрисоверга к вел. Кн. Андрею Боголюбскому // Письменные памятники истории Древней Руси = Monuments of history of Old Rus': Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннот. кат.-справ. / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ». С. 252–256.

Воронин Н. Н., 1962. «Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // ВВ. Т. XXI. М. С. 29–50.

Голубинский Е.Е, 2002. История русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории. 926 с. + XVIII с.

Гранстрем Е. Э., 1953. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л.: ГПБ. 129 с.+ 2 с.+ 19 л. ил.

*Грот К. Я.,*1889. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава: Тип. М. Земкевич. 503 с.

Гукова С. И., 2002. София Премудрость Божия (к новгородскому изводу) // НИС. Вып. 9 (19). СПб.: Дмитрий Буланин, С. 197–219.

Дмитриева Р. П., 1993. Агиографическая школа митрополита Макария: (на материале некоторых житий) // Тр. ОДЛ. Т. 48 / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 208–213.

Еремин И. П., 1926. Притча о слепце и хромце в лревне-русской письменности // Изв. ОРЯС АН СССР 1925 года. Т. XXX. Л.: Изд-во АН СССР. С. 323–352.

Еремин И. П., 1955. Литературное наследие Кирилла Туровского // Тр. ОДЛ. Т. 11 / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 342–367.

Зайцев А. А., 2005. «Повести о Николе Заразском» и некоторые вопросы истории Рязанской земли накануне монгольского завоевания // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН; Памятники исторической мысли. С. 533–546.

Иванов А. И., 1976. Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека» // Тр. ОДЛ. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 284–298.

Казакова Н.А, 1968а. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. Т. 28. М.: Наука. С. 109–126.

Казакова Н.А, 1968б. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека (Окончание) // ВВ. Т. 29. М.: Наука. С. 108–134.

Казакова Н. А., 1961. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // Тр. ОДЛ. Т. 17 / отв. ред. Н. А. Казакова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 169–200.

Казакова Н. А., 1973. Максим Грек в советской историографии // ВИ. 1973. № 5. С. 149–157.

Карамзин Н. М., 1818. История государства Российского. Т. III. СПб.: Тип. Н. Греча. 507 с.

Карамзин Н. М., 1991. История государства Российского. Т. II–III. М.: Наука. 833 с.

Карпов А. Ю., 2014а. Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига. 401 с.

Карпов А. Ю., 2014б. Андрей Боголюбский. М.: Молодая гвардия. 464 с.

Кистерев С. Н., 2007. Константинопольская патриархия и «великий князь всея Руси» // Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний: Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 30–31 октября 2007 г.): материалы / Отв. ред. М. В. Бибиков. М.: ИВИ РАН. С. 61–69.

Кистерев С. Н., 2008а. Рукописная традиция послания патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому // Каптеревские чтения – 7. Сб. ст. 6 / Отв. ред. М. В. Бибиков. М.: ИВИ РАН. С. 28–35.

Кистерев С. Н., 2008б. Послание Луки Хрисоверга как источник сведений Никоновской летописи о Несторе Ростовском // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: матер. XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г. Ч. 1 / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ. С. 350–352.

Клосс Б. М., 1974. Митрополит Даниил и Никоновская летопись // Тр. ОДЛ. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 188–201.

Клосс Б. М., 1976. Никоновская летопись и Максим Грек // Тр. ОДЛ. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 125–131.

Клосс Б. М., 1980. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука. 312 с.

Клосс Б. М., 1989а. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 49–50.

Клосс Б. М., 1989б. Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 499–505.

Клосс Б. М., 2000. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: ЯСК. С. V–X.

Клосс Б. М., 2001. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: ЯСК. 488 с.

Куев К. М., 1983. Житието на Стефан Лазаревич от Константин Костенечки: Кирилобелозерски препис. София: Наука и изкуство. 95 с.

Куев К. М., Петков Г. В., 1986. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София: БАН. 574 с.

Кучкин В. А., 1996. Юрий долгорукий // Вопросы истории. № 10. С. 35–56.

Лёнгренн Т. П., 2011. «Вольное переложение» Жития Феодора Студита // Poljarnyi Vestnik / Полярный Вестник. Norwegian Journal of Slavic Studies. Vol. 14 (2011). TromsØ.: Septentrio Academic Publishing. P. 1–13.

Лёнгренн Т. П., 2014. Источники жития Арсения Великого в Великих Минеях Четьих // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 3. М. – СПб.: Альянс-Архео. С. 25–39.

Лурье Я. С., 1957. К вопросу об идеологии Нила Сорского // Тр. ОДЛ. Т. 13 / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 182–213.

Лурье Я. С., 1976. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука. 283 с.: схем.

Лурье Я. С., 1985. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Тр. ОДЛ. Т. 40 / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 190–205.

[*Макарий*], 1888. Макарий (митр. Московский; Булгаков Михаил Петрович). История русской церкви. Т. III. СПб.: Тип. Р. Голике. 322, V с.

Насонов А. Н., 2006. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. М.: Наука. 416 с.

Никоновская летопись. Список Оболенского (рукопись) / Российский государственный архив древних актов. Ф. 201. Оп. 1. Ед. хр. 163.

Петров П. Н., 1879. Книгохранилище Чудова монастыря // Памятники древней письменности. Вып. 4. СПб.: Тип. Балашова. С. 144–199.

Плигузов А. И., 2002. Полемика в Русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик. 434 с.

Покровский Н.Н, 1981. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // Тр. ОДЛ. Т. 36 / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 80–102.

Поппэ А., 1996. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. СПб.: Византинороссика. С. 443–498.

ПСРЛ. Т. 38. Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. 177 с.

ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. 184 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: ЯРК, 2001. 496 с.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб. + 108 с.

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: ЯРК, 2000. 720 с.

ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Э. Праца, 1882. 282 стр. + 2 табл. снимк.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд. АН СССР, 194. 464 с.

Радзивиловская летопись. В 2-х тт. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. Т. 2: Текст, исследование, описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина, общ. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994.

РИБ. Т. 6. Памятники древне-русского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI–XV в.). СПб.: Тип. Имп. АН. С. 63–76.

Розанов С. П., 1906. Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и русский Хронограф. I–VI // Изв. ОРЯС Имп. АН. Т. XI. Кн. 2. СПб. С. 62–97.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука. 48 с., 46 отд. ил. (САИ. Е 1-44).

Сапожникова О. С., 2007. Работа митрополита Даниила над Богословием Иоанна Дамаскина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (29). М. С. 94–96.

Седов Вл. В., 2012. Раскопки в церкви Бориса и Глеба в Кидекше [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=185&zid_nws=9

Седов Вл. В., 2015. Омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше и подобные формы в интерьере древнерусских и византийских храмов // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М. – Вологда: Древности Севера. С. 349–364.

Сильвестр, 1846. Сильвестр (Медведев Симеон Агафонович) Оглавление книг, кто их сложил // ЧОИДР. № 3. Отд. IV. М.: Унив. тип. С. 1–90.

Синицына Н. В., 1977. Максим Грек в России. М.: Наука. 332 с.

Снегаров И., 1995. История на Охридската архиепископия. Т. 1. От основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците. София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов». 347 с.+ 17 с.

Соколов П., 1913. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев: Тип. И. И. Чоколова. 583 с.

Сон Джонг Со, 2004. Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Тр. ОДЛ. Т. 55 / отв. ред. Л. В. Соколова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 228–239.

Стариков Ю. С., 2014. Литературное наследие митрополита Московского Даниила в идейно-политической борьбе первой половины XVI века. Автореф. … канд. истор. наук. М. 28 с.

Степаненко В. П., 2008. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тез. докл. XVIII Всерос. науч. сессии византинистов. Москва 20–21 октября 2008 года. М.: ИВИ РАН. С. 129–133.

Татищев В. Н., 1774. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга Третия. М.: Имп. Московский унив. 530 с.

Творогов О. В., 1976. Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 499–505.

Турилов А. А., 2004. «Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV–XVI в. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (16). М. С. 8–11.

Турилов А. А., 2010. Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М.: Знак. 408 с.

Ундольский В. М., 1846. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // ЧОИДР. № 3. Отд. IV. М.: Унив. Тип. С. III–XXX.

[*Уткин*], 2015. Игумен Виталий (Уткин). Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия» / Приложение к «Иваново-Вознесенскому листку». Иваново-Вознесенск – Плёс. 120 с.

Янин В.Л, 1994. Моливдовул ростовского епископа Леонтия // ВИД. Т. XXV. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 5–18.

The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. Alexander P. Kazhdan. Vol. 2. NY – Oxford: Oxford University Press, 1991. 1473 p.

Prinzing G., 1988. Wer war der "bulgarische Bischof Adrian» der Laurentius-Chronik sub anno 1164? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. Bd. 36. H. 4. Stuttgart. S. 552–557.

Prinzing G., 2012. The autocephalous Byzantine ecclesiastical province of Bulgaria/Ohrid. How independent were its archbishops? // Bulgaria Mediaevalis. V. 3/2012. Sofia. S. 355–383.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.186-199

И. Е. Зайцева
Институт археологии РАН, Москва

Треугольные шумящие подвески на сельских памятниках Суздальского Ополья

Начиная с 2001 г. Суздальская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством академика Н. А. Макарова проводит систематические обследования сельских поселений и могильников Суздальского и Юрьевского Ополья. За это время на памятниках собрано более 13 тысяч предметов эпохи Средневековья и позднего Средневековья. Из них 3099 предмета или 24% составляют находки из цветных металлов и серебра. Большинство находок получено в результате поверхностных сборов с распахиваемых участков поселений. Значительная коллекция предметов сформирована в ходе стационарных раскопок селища Шекшово 2 (раскопано около 100 кв. м) и примыкающего к нему курганного и грунтового могильника Шекшово 9 (исследовано 2300 кв.м; *Федорина, Красникова*, 2015; *Макаров, Зайцева*, 2016; *Макаров и др.*, 2017). Наиболее многочисленной категорией среди находок из цветных металлов наряду с деталями поясной и уздечной гарнитуры являются шумящие украшения финно-угорских и древнерусских типов и их фрагменты. Всего к этой категории можно отнести около 760 предметов, происходящих с разных памятников. Преимущественно это обломки цепочек и привески к украшениям: колоколовидные, бутылковидные, лапчатые. Находок самих подвесок немного: фрагменты коньков мерянского типа, треугольные, прямоугольные, круглые и перстневидные подвески. Встречены одно и двуспиральные бляшки, служившие украшением обуви.

Осуществленный ранее оптико-эмиссионный анализ состава металла небольшой выборки шумящих украшений из Шекшово (37 предметов) показал, что они изготавливались из свинцово-оловянной бронзы с невысоким содержанием легирующих элементов, свинцовой латуни с достаточно высокой концентрацией свинца и многокомпонентных перемешанных сплавов. Изучение рецептур сплавов шумящих

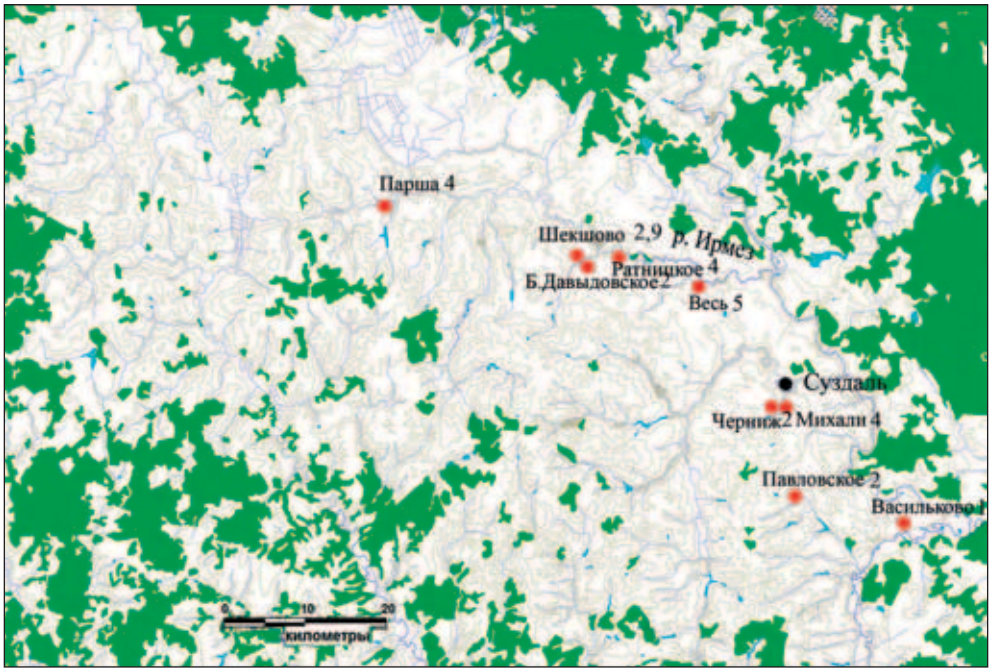


Рис. 1. Памятники с находками треугольных шумящих подвесок из работ Суздальской археологической экспедиции

украшений, происходящих с разных памятников Ополья, позволило говорить о местной региональной специфике в изготовлении сплавов (*Зайцева*, 2008; 2015).

Одним из типов шумящих украшений являются треугольные подвески с привесками. Всего на памятниках Ополья Суздальской экспедицией обнаружено 20 экземпляров треугольных подвесок[1]. Из них четыре целые – две подвески происходят из закрытых комплексов: бескурганных грунтовых ингумаций могильника Шекшово 9 (погр. 3, р. 3, первая половина XI в., погр. 6, р. 2, рубеж X–XI – начало XI в.; *Макаров, Зайцева*, 2016. С. 192; *Зайцева, Столярова,* 2018). Еще две целые подвески обнаружены в переотложенном пахотном слое поселения Большое Давыдовское 2, входящего в Шекшовский археологический комплекс (*Зайцева,* 2012. С. 40–42). Девять фрагментов от семи подвесок собрано в верхнем пахотном слое могильника Шекшово 9. Ни одно из изделий

[1] Выражаю признательность всем сотрудникам СУЗАЭ за их неоценимый вклад в дело получения и обработки материалов.

не оплавлено, т. е. не связано с погребениями по обряду кремации, вероятно, они происходят из разрушенных подкурганных ингумаций.

Один фрагмент обнаружен на селище Шекшово 2, остальные обломки найдены в пахотном слое семи селищ округи Суздаля: Михали 4, Павловское 2, Парша 4, Весь 5 (2 экз.), Ратницкое 4, Черниж 2, Васильково 1 (рис. 1).

Все проанализированные предметы изготовлены в одноразовых пластичных формах (глиняных?) по утрачиваемым восковым моделям. Восковые модели имели сложную конструкцию: они сплетались или собирались из тонких жгутов полностью, т. е. все звенья цепочек и все привески вылеплялись и сразу крепились на подвеску. Такой способ изготовления чрезвычайно сложен – мастеру необходимо очень точно рассчитать конструкцию литниковой системы с многочисленными тонкими литниками, подходящими ко всем деталям и частям будущего украшения; аккуратно залить жидкой глиной все изделие так, чтобы ни одна его деталь не соприкасалась с другой для достижения подвижности будущих шумящих привесок; приготовить расплав с такой температурой и жидкотекучестью, чтобы до застывания все детали украшения успели бы заполниться металлом (рис. 2). Способ изготовления украшений по выплавляемым моделям детально описан в работах Т. Г. Сарачевой (2005. С. 103–109) и И. А. Сапрыкиной (2010).

Местное изготовление шумящих украшений на поселении Шекшово 2 маркирует находка фрагмента литниковой системы с тонкими литниками, как раз и используемыми для создания подобных изделий (рис. 3).

Все изученные предметы имеют высокое качество исполнения: нет недоливов, нет крупных литейных пор, детали рисунка четкие, звенья цепочек подвижные. Детально опишем подвески в соответствии с их типологией.

Большие треугольные подвески с шумящими привесками (8 экз.) традиционно рассматриваются исследователями как характерный этноопределяющий «мерянский» тип украшения. Впервые об этом написал еще А. С. Уваров (1872. С. 90). Его точку зрения поддержали и развили Е. И. Горюнова (1961. С. 101), Л. А. Голубева (1982), А. Е. Леонтьев (1996. С. 173), Е. А. Рябинин (1997. С. 159, 176).

Целая подвеска размерами 8,4 (с привесками) × 5,2 см (каркас без ушка 4×5 см) с рядом из пяти колечек по низу, в которых висели привески-лапки, лежала около головы погребенной женщины в возрасте 20 лет в бескурганной ингумации, исследованной на могильнике

Рис. 2. Малая треугольная подвеска из Шекшово 2 (*1*). Место подвода литника указано стрелкой. Большая треугольная подвеска из погребения 6 в могильнике Шекшово 9 (*2*). Соединение палочек. Отливка по восковой модели

Шекшово 9 (рис. 4, *1*). По набору украшений погребение датируется рубежом X–XI – началом XI в. (*Зайцева, Столярова*, 2018). Модель каркаса подвески слеплена из двух соединенных уплощенных палочек овального сечения, на лицевой стороне украшенных сплошными поперечными нарезками, имитирующими плетение. В центре подвески имеется вертикальная перемычка из двойных палочек, к которой по сторонам прикреплены одинарные наклонные палочки. Круглое ушко, также из двух палочек, аккуратно примазано к каркасу в одной плоскости со щитком. На укрепленных в нижней части каркаса пяти одинарных колечках имеются треугольные подвески – имитации лапок.

Рис. 3. Фрагмент бронзового литника для изготовления шумящих украшений из селища Шекшово 2

Четыре из пяти лапок на этой подвеске были утрачены и заменены на изготовленные отдельно. Новые лапки зафиксированы через согнутые в колечки палочки. Одна сохранившаяся лапка с тремя выпуклыми налепами по низу была отлита вместе с каркасом.

Остальные подвески этой группы найдены во фрагментах. Из верхнего пахотного слоя могильника Шекшово 9 происходят восемь обломков от шести изделий.

Каркасы двух подвесок близки рассмотренному выше целому экземпляру, отличаясь от него отсутствием нарезок на лицевой стороне (рис. 4, *2, 3*). У одной из этих подвесок по краю каркаса имеются небольшие прямоугольные налепы.

Каркасы рамок двух других подвесок, от которых обнаружены верхние части, сделаны из уплощенных тройных гладких палочек, видны остатки вертикальных перемычек (рис. 4, *4, 5*). Нижняя часть еще одной подвески имеет идентичный рисунок на лицевой части каркаса, но она изготовлена в другой технике: литьем по оттиску готового изделия. Оборотная сторона этой подвески плоская, видны заплывы металла между колечками, привески лапки сделаны отдельно (рис. 4, *6*).

Модель каркаса одной подвески, от которой найдено два фрагмента, сплетена из жгута в виде плотной одинарной косички, виден фрагмент вертикальной перемычки, сверху примазано гладкое петельчатое ушко. По сторонам от ушка и по бокам в нижней части сделаны налепы из спирально закрученных гладких палочек. В нижней части подвески сохранились два колечка с треугольными привесками с тремя маленькими налепами по низу – имитациями лапок (рис. 4, *7*).

Рис. 4. Большие бронзовые треугольные подвески

1–7 – Шекшово 9; *8* – Весь 5

В пахотном слое селища Весь 5 обнаружена верхняя часть одной подвески (рис. 4, *8*). Модель каркаса сплетена из соединенных гладких и перекрученных жгутов в разных сочетаниях. На подвеске имеются вертикальная и боковые наклонные перемычки. Ушко арочной формы слеплено из двух гладких жгутов и на лицевой стороне украшено

двуспиральным налепом из гладкой палочки. Нижняя часть подвески не сохранилась. Сочетание на изделии соединенных полос разного рисунка и волютообразных налепов характерно для коньков мерянского типа.

Л. А. Голубева посвятила треугольным подвескам специальную работу (*Голубева*, 1982). Большие экземпляры она выделила в тип III: с составными из палочек разного рисунка каркасами как в Веси 5 – в вариант 1; с гладкими каркасами – в вариант 2 (*Голубева*, 1982. С. 116).

Находки подвесок с каркасами из соединенных полос разного рисунка, дополнительно украшенные налепами, известны уже в погребениях V в. рязано-окских могильников (например, Заречье, погр. 48; *Белоцерковская,* 2007. Вкл. рис. 8). Они найдены на Сарском городище, в курганах у. д. Городище и Киучер Переславского района Ярославской области, в погр. 100 Подболотьевского могильника, погр. 33 Малышевского могильника, погр. 6 Поломского могильника Чепецкой культуры, на Белоозере (*Захаров,* 2004. Рис. 69, *1*). Вариант 1 датируется Л. А. Голубевой IX–X вв. (*Голубева,* 1982. С. 116–117).

Подвески варианта 2 достаточно многочисленны (более 100 экз.) и происходят из не менее 34 могильников (*Голубева*, 1982. С. 117). В большинстве захоронений, где удалось проследить положение этих украшений, они найдены на плечах. Если в погребении имелось более одной подвески, они лежали на обоих плечах, если одна, то чаще она находилась на правом плече (19 случаев из 35), как и в погребении 6 в Шекшово 9 (*Голубева*, 1982. С. 117–118). С некоторой долей вероятности можно предположить, что треугольные подвески все же не нашивались на одежду в районе плеч, а относились к головному убору: были накосными или крепились на ленты. Подвески этого типа датируются Л. А. Голубевой преимущественно X–XI вв. А. Е. Рябинин уточняет, что, несмотря на то, что треугольные подвески общепризнанны в качестве индикатора центральной группы мери, большинство их находок происходит из курганов (80 из 100 экз.), т. е. из памятников, оставленных уже смешанным населением (*Рябинин,* 1997. С. 176).

По находкам гладких подвесок в закрытых комплексах (в том числе в погребениях верхневолжского могильника Плешково, где найдено 10 таких украшений; *Комаров,* 2002. С. 153–155), можно полагать, что большие треугольные подвески выходят из употребления не позднее второй половины XI в. Десятым – двенадцатым веками датируется культурный слой селища Клочково на р. Тезе, где обнаружены обломки одной подвески (*Несмиян О. А., Несмиян В.* Г., 2012. С. 109). К XI–XII вв. относятся

курганы у д. Семухино, также расположенные на р. Тезе и исследованные в 60-е годы прошлого века. Большая гладкая треугольная подвеска найдена в ногах погребенной (курган 7; *Ерофеева*, 1976. С. 219). Две подвески варианта 2 по Л. А. Голубевой найдены на селище Минино 5 и в могильнике Минино 1 на р. Большой Юг. Автор раскопок А. В. Кудряшов датирует Минино 5 X–XII вв. Наиболее ранние погребения в могильнике Минино 1 отнесены им к середине XI в. (*Кудряшов*, 2006. С. 105–106).

Находки больших треугольных подвесок в могильнике Шекшово 9, где погребения по обряду ингумации совершались с рубежа X–XI до XII в., и в распаханном слое селища Весь 5, первый период бытования которого датирован от середины IX до конца X в. (*Макаров*, 2008. С. 12), подтверждают установленные хронологические рамки.

Таким образом, вариант подвесок, каркасы которых набраны из гладких палочек, вероятно, более поздний по сравнению с вариантом подвесок, набранных из палочек разного рисунка. Несмотря на индивидуальное изготовление модели каждого изделия, подвески с гладкими каркасами выглядят более стандартизированными, при этом, кропотливая технология литья по утрачиваемой модели сохраняется.

Малые треугольные подвески с шумящими привесками (3 экз.) в обломках обнаружены в пахотном слое трех поселений: Весь 5, Шекшово 2 и Парша 4. Размеры каркаса без ушка у лучше сохранившейся подвески из Веси 5 составляют 3,1×2,7 см (рис. 5, *1*). От двух других до нас дошли нижние части. Только каркас подвески из Шекшово 2 (рис. 5, *2*) сделан в традиционной технике соединения трех гладких палочек, у остальных двух экземпляров одинарная палочка уплощенного овального сечения была разделана продольной нарезкой, имитирующей палочки. На всех изделиях имеется вертикальная перемычка. По низу рамок сделаны по три колечка, на подвеске из Шекшово 2 на них были укреплены лапчатые привески, на подвеске из Парши 4 сохранились только звенья цепочек (рис. 5, *3*). Привески были изготовлены сразу с каркасами. Украшения из Веси 5 и Парши 4 долго носились: рисунок затерт, колечки перетерты.

Малые подвески, находящие аналогии в костромских курганах и марийских грунтовых погребениях XII–XIII вв. (*Рябинин*, 1986. С. 76–77; *Архипов,* 1986. Рис. 24, *1, 7*), несомненно, связаны своим происхождением с большими треугольными подвесками, однако, хронологически они более поздние и бытуют уже в домонгольское время[2],

[2] Находка из Веси 5, вероятно, связана с поздним периодом бытования этого поселения (Макаров, 2008. С. 12).

Рис. 5. Малые бронзовые треугольные подвески

1 – Весь 5; *2* – Шекшово 2; *3* – Парша 4; *4* – Шекшово 9; *5* – Михали 4

маркируя специфику региональной культуры. Технология изготовления изделий по утрачиваемым наборным моделям продолжает использоваться. Несколько подобных подвесок, используемых в качестве накосных, обнаружено в погребениях курганного могильника Семухино на р. Тезе (*Ерофеева*, 1976. С. 221)[3].

Двумя фрагментами представлены находки из Шекшово 9 и Михалей 4, условно отнесенные к треугольным подвескам (рис. 5, *4, 5*). Это ушки, с отходящими от них обломками каркасов. Оба изделия гладкие, выполнены по оттиску готовых предметов.

Колечковые подвески (4 экз.) преимущественно в обломках собраны в пахотном слое четырех поселений: Павловское 2, Васильково 1, Черниж 2, Ратницкое 4 (рис. 6). Модели каркасов небольших по размеру подвесок (3,7×3 см – подвеска из Павловского 4; 2,5×2,4 см – подвеска из Васильково 1) вылеплены из колечек диаметром 7–9 мм, соединенных в 3–4 ряда в виде плоских пирамидок. Привески не сохранились.

[3] Из находок последнего времени известны подвески из Белоозера (*Захаров*, 2004. Рис. 69, *3, 4*) и Усть-Шексны (*Рыкунова, Рыкунов*, 2018. С. 107).

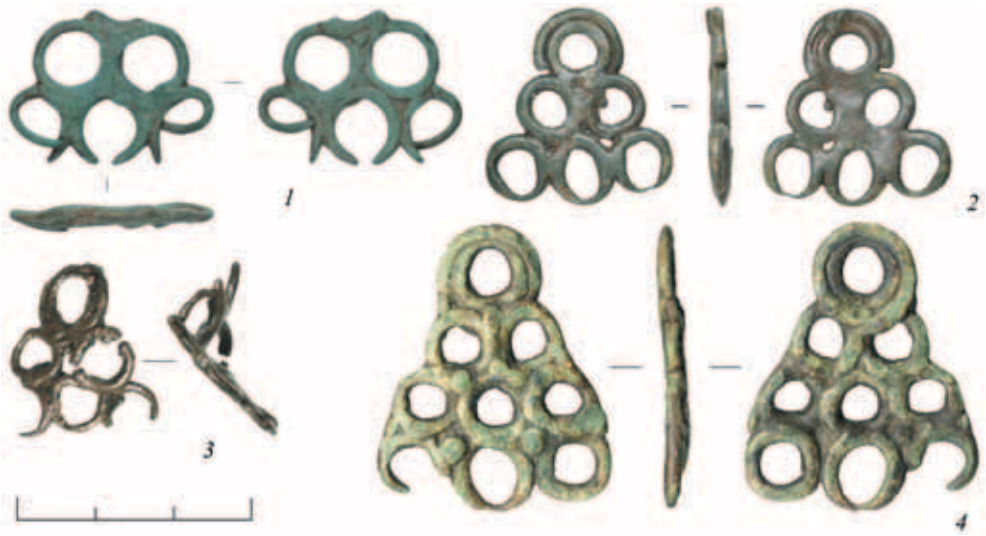


Рис. 6. Бронзовые колечковые подвески

1 – Черниж 2; *2* – Васильково 1; *3* – Ратницкое; *4* – Павловское 2

Находки таких подвесок известны во Владимирских курганах из раскопок А. С. Уварова (*Спицын*, 1905. С. 159), Костромских курганах, памятниках Угличского и Рыбинского Поволжья (*Рябинин,* 1986. С. 77; 1997. С. 182). В Семухинских курганах колечковые подвески украшали косы (*Ерофеева*, 1976. С. 221). Две колечковые подвески найдены в культурном слое селища Клочково (*Несмиян О. А., Несмиян* В. Г., 2012. С. 104. Рис. 1, *3*).

Вероятно колечковые подвески синхронны малым треугольным. Материалы XII – первой половины XIII в. преобладают на суздальских селищах Черниж 2 и Павловское 1 (Шполянский, 2017. С. 87). Колечковые подвески в составе накосных украшений открыты на марийских Выжумском II и III могильниках, относимых исследователями к XII–XIII вв. (*Никитина,* 2017. С. 244, 246).

Петельчатые подвески (3 экз.) найдены целыми. Один экземпляр происходит из погребения 3 (раскоп 3) первой половины XI в. могильника Шекшово 9 (рис. 7, *2*; *Макаров, Зайцева,* 2016. С. 192), два найдены в верхнем слое селища Большое Давыдовское 2, возникшем не позднее начала XI в. (рис. 7, *1, 3*). Модели каркасов подвесок сплетены из трех палочек, свернутых в виде петель, концы которых перекручены и соединены в ушко, располагающееся поперек плоскости подвесок. Размеры подвесок без привесок составляют всего около 20×23 мм. На двух

Рис. 7. Бронзовые петельчатые подвески
1, 3 – Большое Давыдовское 2; *2* – Шекшово 9

подвесках прикреплены крестопрорезные бубенчики, на одной – лапки ромбической формы с налепами по углам. В погребении подвеска лежала около локтя правой руки, вероятно, она крепилась к косе молодой женщины. Петельчатые подвески известны в Семухинских курганах (*Ерофеева*, 1976. С. 221). Одна такая подвеска найдена в культурном слое Клочковского поселения (*Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2012. С. 104. Рис. 1, *2*).

Таким образом, исследование небольшой коллекции треугольных подвесок с шумящими привесками, собранными в ходе новейших работ Суздальской археологической экспедиции на памятниках Суздальского Ополья позволяет сделать следующие выводы:

1. Бронзовые шумящие подвески треугольной формы немногочисленны в составе коллекций, собранных на сельских памятниках Суздальского Ополья. Наиболее ранними являются большие треугольные подвески, которые найдены преимущественно на могильнике Шекшово 9 и происходят из разрушенных погребений.

2. Отсутствие оплавленных фрагментов треугольных подвесок в верхнем слое могильника Шекшово 9, в котором преобладают материалы из разрушенных поверхностных кремаций, позволяет относить их появление в регионе ко времени не ранее второй четверти X в., когда, по выводам В. А. Лапшина, началось сооружение курганных насыпей (*Лапшин,* 1981). По данным А. А. Спицына одна такая подвеска найдена в подкурганной кремации (*Спицын,* 1905. С. 103)[4].

3. Большие треугольные подвески вряд ли используются позднее рубежа XI–XII вв.

4. В XI в. бытовали петельчатые подвески.

5. Малые треугольные подвески и колечковые подвески, имеющие следы использования, были в ходу в XII–XIII вв. Они находят прямые аналогии в материалах памятников, расположенных к северу и востоку от Суздальского Ополья и маркируют региональную специфику древнерусской культуры.

Литература

Архипов Г. А., 1986. Марийцы XII–XIII веков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд. 130 с.

Голубева Л. А., 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. С. 110–124.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд. АН СССР. 267 с. (МИА; № 94).

Ерофеева Е. Н., 1976. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 216–225.

Зайцева И. Е., 2008. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 36–55.

Зайцева И. Е., 2012. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // АВСЗ. Вып. 4. М. – СПб.: Нестор-История. С. 30–47.

[4] А. А. Спицын пишет о 30 треугольных подвесках в коллекциях А. С. Уварова и П. С. Савельева, которые происходят преимущественно из курганов района Переславля (*Спицын*, 1905. С. 103). В таблице, составленной Е. А. Рябининым по памятникам Ростово-Суздальской земли, указано, что 80% таких подвесок найдено в кремациях (*Рябинин*, 1997. С. 177). Недавно большая треугольная подвеска с каркасом из палочек разного вида исследована в погребении по обряду кремации в могильнике Кузинские хутора в Поветлужье (*Никитина,* 2015. С. 129).

Зайцева И. Е., 2015. Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополье (химический состав) // КСИА. Вып. 241. М. С. 252–262.

Зайцева И. Е., Столярова Е. К., 2018. Об одном погребении могильника Шекшово в Суздальском Ополье // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 73–91.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Комаров К. Н., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула. С. 141–189.

Кудряшов А. В., 2006. Древности средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Череповецкий гос. унив. 200 с.

Лапшин В. А., 1981. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. М. С. 45–48;

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 341 с.

Макаров Н. А., 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы исследований // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 3–35.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2016. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // АВСЗ. Вып. 6. М. – СПб.: Нестор-История. С. 185–198.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Угулава Н. Д., 2017. Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг. // АВСЗ. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 7–18.

Несмиян О. А., Несмиян В. Г., 2012. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища 2 // АВСМЗ. Вып 4. М. – СПб.: Нестор-История. С. 101–110.

Никитина Т. Б., 2015. Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. Вып. 240. М. С. 124–140.

Никитина Т. Б., 2017. Выжумский археологический комплекс в контексте культурных связей в Поветлужье // Археология евразийских степей. № 1. Казань: Казанская недвижимость. С. 243–252.

Рыкунова И. И., Рыкунов А.Н,. 2018. Новые находки подвесок на памятнике Усть-Шексна // Археология: история и перспективы. Восьмая межрег. конф. Ярославль. С. 103–112.

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.

Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд. СПбУ. 260 с.

Сапрыкина И. А., 2010. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 11–18.

Сарачева Т. Г., 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р. Ф., Энговатова А. В., Зеленцова О. В. Никининский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. С. 103–122.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.

Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная тип. 230 с.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // АВСЗ. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 147–158.

Шполянский С. В., 2017. На границе княжеств: новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское // АВСЗ. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 81–92.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.200-209

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН, Москва

Надписи на средневековых русских сосудах, выполненные до их обжига

Еще не так давно надписи на средневековых русских сосудах, выполненные по сырой глине, казались сугубой редкостью. Гораздо чаще встречаются и получили известность разнообразные граффити – надписи и знаки, процарапанные по уже обожженному сосуду. Нередко граффити находили на амфорах, среди них известны и такие, которые составляли осмысленные фразы (вспомним хотя бы классические: «благодатнеша плона крчага сия» и «Мстиславля крчага» из Киева). На этом фоне надписи, прочерченные по сырой глине, выглядят весьма необычно. Ведь писать по такому материалу, как стенка только что изготовленного горшка, чрезвычайно сложно. Горшок – это не глиняные таблички, на которых писали в древнем Двуречье: в отличие от прочных брусков глины горшок мог легко разрушиться, если при нанесении надписи нажим стилоса (писала) оказался бы слишком сильным. Соизмерить силу нажима с упругостью сосуда мог только сам гончар, имевший опыт нанесения гравированного (т. е. тоже прочерченного) декора на свои произведения.

Правда, из всякого правила обязательно есть исключения. И судьбе было угодно, чтобы это исключение оказалось первой находкой такого рода на территории Руси. Речь идет о голоснике из Софийского собора Великого Новгорода, на котором, кроме надписи («Стефан писал»), был выполнен крупный и очень сложный крестообразный рисунок из переплетающихся и создающих объемный эффект лент (рис. 1, *1*). Нельзя не согласиться с А. А. Медынцевой, что такой изощренный рисунок не мог нанести гончар – это было под силу только опытному художнику, возможно, фресчиту (*Медынцева*, 1978. С. 37, 38, 129. Рис. 13, 14; 2017. С. 51–53. Рис. 3). Именно художник и только художник обладал необходимым опытом работы с кистью на весу, что позволяло ему рассчитать силу нажима на писало в ходе выполнения рисунка. Кроме того, голосники – это массивные толстостенные сосуды, способные сильнее

Рис. 1. Сосуды с надписями по сырой глине

1 – голосник из новгородской Софии с надписью (*Медынцева*, 2017. Рис. 3);
2 – клеймо на дне горшка из Торжка (фото и прорись П.Д. Малыгина);
3 – обломки горшка с надписью из Автуничей (*Моця и др.*, 1997. Рис. 14, *10*)

сопротивляться деформациям, так что на них легче было писать. Возможно, если бы тот же художник попробовал нанести свой рисунок на обычный горшок, его бы постигла неудача. И такой же неприятный результат случился бы, если попытку написать что-то на сыром горшке сделал мастер – резчик по камню, привыкший прилагать значительные усилия при резьбе надписей. Как бы то ни было, первая среди средневековых

русских надписей по сырой глине гончарного сосуда остается и самой древней – голосник могли поместить в своды ризницы перед началом росписи собора в 1109 г. (*Медынцева*, 1978. С. 38). Следовательно, примерно к этому времени надо относить и изготовление голосника.

Следующая (по времени обнаружения) находка надписи на сосуде оказалась тоже не совсем обычной – это рельефное клеймо на дне горшка с именем «Степан» (рис. 1, *2*). Находка сделана в 1983 г. на Верхнем городище Торжка в слое первой половины XIII в. (*Малыгин, Бодунов*, 1985. С. 65)[1]. Клеймо оттиснуто на днище, сформованном на зольной подсыпке, причем оно было зеркальным, т. е. буквы на матрице вырезаны без учета последующего переноса отпечатка на поверхность горшка. Очевидно, что резчик не имел опыта в изготовлении матриц с надписями, для него это был первый эксперимент такого рода. Трудно сомневаться, что в данном случае «Степан» – имя гончара. А поскольку изготовление матриц для клейм осуществлялось, скорее всего, самими гончарами, то надо думать, что гончар Степан был грамотным человеком. Впрочем, даже если грамотным был не он, а мастер-столяр, общая ситуация с грамотностью ремесленников Торжка меняется мало.

Третья находка сосуда с надписью происходила уже из Южной Руси – с селища Автуничи в Черниговской области Украины, где при раскопках в 1988 г. найдены два обломка от одного горшка, на котором по плечику до обжига, по сырой глине, была нанесена надпись (*Коваленко, Моця*, 1997; *Моця и др.*, 1997. С. 50. Рис. 14, *10*). На одном из обломков читается: …(С)**ВОЕМУ М**…, на другом – буквы …**НОД**(Ъ) (рис. 1, *3*). Обломки горшка не соединяются, но, судя по их виду и почерку надписи, они принадлежат одному сосуду. Надпись, по мнению А. А. Медынцевой, представляла собой обычную молитвенную формулу «Господи помози рабу своему такому-то» – человеку, от имени которого сохранилась лишь первая буква М (*Коваль, Медынцева, Еремеев*, 2013. С. 143, 144. Рис. 8, *2*). Стратиграфическая дата автуничской надписи – XII в., с учетом палеографии – конец XII – начало XIII в.

В 2007 г. была сделана следующая, четвертая находка обломка сосуда с надписью, выполненной по сырой глине. Это стенка крупного тарного сосуда (корчаги) из красножгущейся глины с примесью песка, полного обжига, найденная на селище Большие Вяземы 1 в Одинцовском районе Московской области (*Смирнов*, 2009. С. 354. Рис. 6, *10*). Селище представляло собой остатки усадьбы на родовой вотчине Бориса

[1] Благодарю П.Д. Малыгина за предоставленные фото и рисунки этой находки.

Рис. 2. Обломок корчаги с усадьбы Б. Ф. Годунова (фото А. Н. Смирнова) (*1*) и венчик горшка с надписью из Ростиславля Рязанского (фото В. Ю. Коваля) (*2, 3*)

Годунова, однако само поселение существовало на этом месте и много раньше, с домонгольского времени. Находка, о которой идет речь, сделана в слое под горизонтом пожара конца XVI в. и, следовательно, могла бы датироваться довольно широко. Однако технологические особенности сосуда не позволяют датировать его ранее XVI в., поэтому условно его можно соотносить с периодом существования годуновской усадьбы. На обломке отчетливо видны несколько букв, прочерченных по сырой глине, в чем убеждают характерные выступающие «бортики» глины по краям вдавленных линий (рис. 2, *1*)[2]. Читаются буквы N, Д, I, C (две последние, расположенные рядом друг с другом, А. Н. Смирнов считает возможным прочитать и как «К»), имеются части каких-то иных букв или знаков. К сожалению, какой-либо осмысленный текст из этих букв не реконструируется. На сегодняшний день это самая поздняя на Руси находка сосуда с надписью по сырой глине.

Часть пятого сосуда с подобной надписью найдена в 2011 г. на городище Ростислаль (рис. 2, *2*). Несколько склеившихся обломков горшка обнаружены в слое первой половины XIII в., причем палеографические признаки надписи указывают на дату ее создания, полностью совпадающую с археологическим контекстом и типологической датировкой горшка (*Коваль, Медынцева, Еремеев*, 2013). Сохранившийся фрагмент надписи прочитан А. А. Медынцевой следующим образом:

…(Д)АЛЪ ГОРОНОЦЬ ЮРИЮ А КТ(о) ВОЗМЬ А ДА (і)…

То есть, некто «дал горшок Юрию, а кто возьмет, а да и»… далее должно было следовать заклятие, угрожавшее вору некими фатальными карами. На сегодняшний день эта надпись является наилучшим образом сохранившейся и имеющей вполне осознаваемый смысл.

Шестому сосуду, полностью аналогичному предыдущему, принадлежали несколько обломков, происходившие с той же или соседней усадьбы на Ростиславле (работы 2017 г.), которые, к сожалению, были сильно измельчены и не склеивались между собой. По форме венчика новый горшок отличается от найденного в 2011 г., однако характеристики формовочной массы и обжига идентичны, схожа и манера нанесения надписи. Поэтому допустимо предполагать, что оба горшка вышли из рук одного мастера. Контекст находки не был столь однозначен, как в предыдущем случае – на этот раз обломки происходили

[2] Фото образца публикуется впервые. Благодарю А. Н. Смирнова за предоставленное фото и любезное разрешение его публикации.

из переотложенного верхнего слоя памятника, а одна – из заполнения ямы XIV в. Однако этот горшок с надписью можно уверенно датировать концом домонгольской эпохи. Надпись включала лигатуры и прямоугольные знаки, нанесенные не только на плечико горшка, но и на внутреннюю поверхность края венчика. Судя по наличию лигатуры «ꙮТ» этот горшок мог также содержать надпись, повествующую о дарении горшка от одного лица другому (рис. 3, *1*).

Седьмая находка сделана в 2018 г. при раскопках города Болгара (Волжская Булгария, современная территория Татарстана), в засыпке ямы первой половины XIV в. Это стенка крупного тарного сосуда (корчаги), изготовленного из формовочной массы на основе сильнооожелезненной глины (поверхности коричневые) с примесью мелкой дресвы, прошедшего неполный окислительный обжиг, признаком которого является черная полоса на изломе черепка. Керамика подобного облика в Болгаре никогда не производилась, но ее могли привезти сюда с территории Руси. Присутствие русского населения в Болгаре фиксируется как по специфической керамической посуде, так и по находкам христианской пластики (кресты-тельники, наперсные кресты, иконки и т. п. – *Полубояринова*, 1993. С. 35–57; *Коваль*, 2016; *Бадеев*, 2018). На рассматриваемом обломке сохранилась только одна буква «А», прочерченная уверенной рукой глубокой линией (рис. 3, *2*). Можно утверждать, что эта буква не входила в состав какого-то слова или фразы, однако на целом сосуде могли быть помещены и какие-то иные буквы. Судя по округлой петле буквы «А», человек, сделавший надпись, имел навыки письма на бумаге или бересте.

Рецептура формовочной массы с примесью дресвы и невысокое качество обжига – свидетельства происхождения корчаги из городов Верхнего Поволжья или Поклязьменья. Именно здесь, в северной части Руси, были распространены в XIV в. формовочные массы с примесями дресвы, тогда как в Рязанской земле и Южной Руси такая традиция гончарства была изжита еще в домонгольсоке время. К сожалению, точнее установить центр производства этого сосуда пока невозможно.

Мы рассмотрели керамику кухонного и тарного назначения, т. е. массовую, производившуюся обычными гончарами. Однако имеется еще один образец посуды, несший на себе кириллическую надпись – это обломок поливного сосуда (водолея), украшенного рельефными изображениями, оттиснутыми набором штампов, найденный в 2006 г. на селище Мякинино 1, на северо-западной границе современной Москвы. Это селище – остатки важного административно-фискального

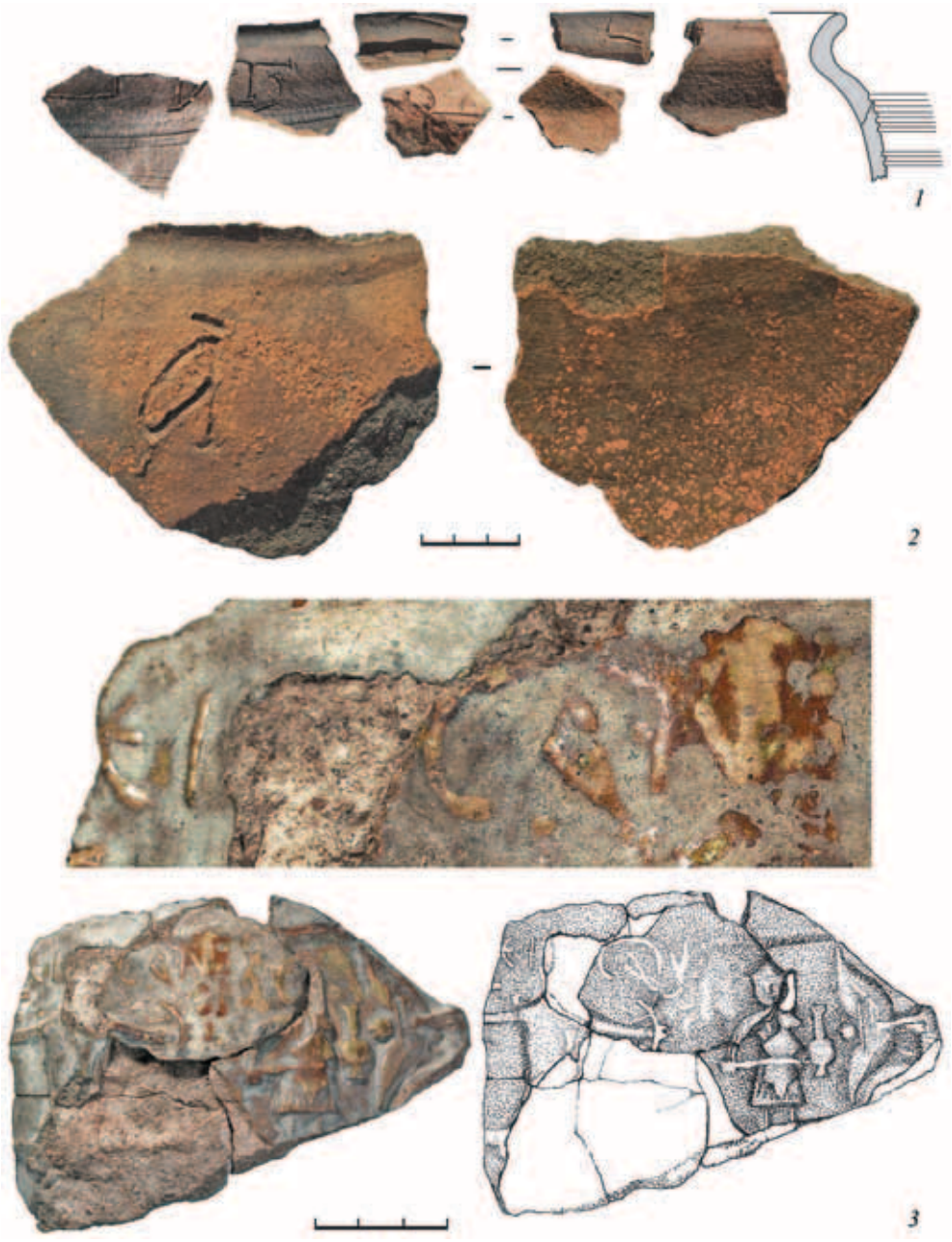


Рис. 3. Сосуды с надписями по сырой глине

1 – обломки второго горшка с надписью из Ростиславля Рязанского (фото В. Ю. Коваля); *2* – обломок корчаги из Болгара (фото Д. Ю. Бадеева); *3* – обломок поливного водолея с селища Мякинино 1 (*Коваль*, 2008. Рис. 2, 8)

пункта, чуть позже (во второй половине XV в.) известного как Войницкий мыт (*Коваль*, 2014). На обнаруженном фрагменте сохранились части фигур гусляра, гудца (музыканта, игравшего на гудке – струнном инструменте, аналогичном западноевропейской виоле) и танцора (?). Над ними четко читаются рельефные (т. е. также оттиснутые штампом) буквы: слева от головы «танцора» – «Е, I», а справа – «С» (?) и другие, не столь ясные, входившие, вероятно, в состав какой-то надписи, возможно, расшифровывавшей смысл изображений (рис. 3, *3*). Археологический контекст находки достаточно точный – XV в., однако круг аналогий (неполивные водолеи с рельефными изображениями) уводит в Великий Новгород XIV в. (*Коваль*, 2008. С. 31. Рис. 2, *8*), поэтому датировка сосуда пока возможна в интервале XIV–XV вв.

Итак, на сегодняшний день на территории Руси известно восемь находок керамики с надписями, нанесенными различными способами *до* проведения обжига, т. е. по еще сырой глине. Шесть из них выполнены гравировкой, т. е. процарапаны по поверхности необожженного сосуда, на один такая надпись попала как оттиска клейма с матрицы на гончарном круге, а еще на один – перенесена штампом. При этом в шести случаях речь идет о простой бытовой посуде – горшках (4 шт.) и корчагах (2 шт.), один сосуд предназначен служить голосником в храме, один был парадным поливным сосудом (водолеем?). И если на парадном сосуде, предназначавшемся для стола аристократов, несомненно обученных грамоте, появление надписи не может вызывать удивления, то на бытовых горшках такие надписи выглядят более экстравагантно. При этом в подавляющем большинстве случаев находки горшков с надписями связаны с элитарными комплексами. В Ростиславле такие горшки обнаружены на центральных усадьбах (возможно, на одной усадьбе), где проживали, несомненно, «первые лица» этого небольшого, но стратегически важного города, фиксировавшего северо-западный рубеж Рязанского княжества[3]. Вяземы – место размещения усадьбы одного из богатейших аристократов Руси, а затем царя Бориса Годунова. В Болгаре находка происходит с усадьбы в самом центре города, где проживала как аристократия, так и купцы, искуснейшие ремесленники[4]. Лишь в Автуничах и Торжке находки как будто

[3] Этот тезис подтверждается целым рядом других элитарных предметов – южнорусской поливной посуды, каменных (стеатит и мрамор) крестов, обломков византийских амфор, предметов вооружения (наконечник копья).

[4] Не случайно тут же найдена литейная формочка с уникальной кириллической надписью на языке тюркской группы (*Медынцева, Бадеев, Коваль*, 2018).

не связаны с элитарными комплексами, однако это еще требует проверки, поскольку Автуничи – остатки крупного села, где обязательно проживали представители княжеской администрации, а Верхнее городище Торжка – городской детинец. Получается, что большинство рассмотренных находок в той или иной степени связаны с местами проживания средневековой русской аристократии.

Владельцами сосудов с надписями были, скорее всего, именно представители элитарных кругов средневековой Руси, однако не они делали надписи на этих вещах. Лишь в новгородском случае можно говорить о несомненно высокообразованном мастере-фресчисте как об авторе надписи на голоснике. Во всех остальных случаях надписи мог делать либо сам гончар, либо близкий ему по социальному статусу ремесленник, вырезавший буквы на деревянных матрицах, с которых надпись переносилась на поверхность сосуда. Это означает, что среди средневековых гончаров имелись такие, которые не просто знали грамоту, но могли свободно выражать свои мысли письменно и составлять грамматически верные фразы. Даже в том случае, если они все же прибегали к помощи более образованных сограждан, надо признать, что их навыка в письме хватало для правильного отображения букв надписи. В противном случае большинство надписей, известных на керамических сосудах, были бы просто нечитаемыми или, по крайней мере, неразборчивыми. Именно такую ситуацию можно наблюдать на восточных керамических сосудах, где массово встречаются нечитаемые «арабские» надписи, превратившиеся таким образом в эпиграфический орнамент. Между тем, в большинстве из перечисленных выше случаев надписи выполнены хорошо выписанными вполне читаемыми буквами.

Рассмотренные надписи свидетельствуют также о том, что их могли прочитать (и понять) не только владельцы сосудов, но и довольно широкий круг других людей. Особенно показателен в этом отношении горшок из Ростиславля: хотя он был подарен некому Юрию, ясно, что использовался в хозяйстве он прежде всего женщинами и заклятие от воровства адресовано не мужской, а женской части общества, поскольку именно женщины занимались хозяйством и обращались с кухонной утварью. В любом случае наличие заклятия в письменном виде свидетельствует о том, что его могли прочитать очень многие люди, в том числе малоимущие, поскольку только они могли помыслить о хищении такой малоценной вещи, как кухонный горшок. Это важное свидетельство о распространении грамотности в Древней Руси.

Литература

Бадеев Д. Ю., 2018. Христианские древности с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара // Земли родной минувшая судьба. К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 205–211.

Коваленко В., Моця А., 1997. Жилища гончаров XI–XII вв. на селище Автуничи на Черниговщине // ГАЗ. № 12. Мінск. С. 135–142.

Коваль В. Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 27–32.

Коваль В. Ю., 2014. О местоположении Войницкого мыта // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 111–128

Коваль В. Ю., 2016. Русская керамика в золотоордынском Болгаре // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее (Сб. матер. конф.). Саратов. С. 102–103.

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А., 2013. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. № 3. С. 134–145.

Малыгин П. Д., Бодунов Е. В., 1985. Раскопки в г. Торжке // АО 1983 года. М.: Наука. С. 65–66.

Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М.: Наука. 311 с.

Медынцева А. А., 2017. Художники-живописцы, строители и писцы-каллиграфы новгородской Софии в первые века ее существования (итоги исследований надписей-граффити) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. М.: ИА РАН. С. 48–68.

Медынцева А. А., Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Надпись на литейной форме из Булгара // Нескончаемое лето. Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной. М. – Великий Новгород – СПб.: Любавич. С. 141–145.

Моця О. П., Орлов Р. С., Коваленко В. П. Козловський А. О., Пархоменко О. В. Потапов О. В., Покас П. М., 1997. Поселення X–XIII ст. біля с. Автуничі // Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури). Київ: ІЗМН. С. 34–68.

Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 123 с.

Смирнов А. Н., 2009. Дворцовый комплекс Б. Ф. Годунова в селе Вяземы // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 340–357.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.210-232

Д. А. Колесник (Столярова)
РФФИ, Управление гуманитарных наук, Москва

К вопросу о технологии изготовления перстней-печаток из раскопок храма у села Весёлое под Адлером

Представленная работа посвящена обзору результатов химико-технологического исследования перстней из раскопок христианского храма у с. Весёлое 2010–2011 гг. (*Армарчук, Мимоход, Седов*, 2012. С. 78–90; 2015. С. 318–319)[1].

В выборку вошли пять перстней-печаток: четыре цельнолитых и составной, у которого отлитые по отдельности щиток и шинка припаяны друг к другу. Все они украшены сложным орнаментом (три из них – арабской эпиграфикой), чернью и позолотой.

Исходя из имеющихся возможностей, нами использованы два наиболее распространенных метода изучения древнего металла. Техника изготовления украшений исследована с помощью визуально-трасологического метода – детального обследования поверхности предметов для выявления и фиксации сохранившихся следов технологических операций и инструментов. Изучение проведено на оптическом микроскопе *Zeiss Stemi* 2000 с увеличением от 10 до 50 раз на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова[2].

Для фиксации наблюдений и измерения мелких деталей изделий использована соединенная с микроскопом *Zeiss Stemi* 2000 фотокамера с программным обеспечением *AxioVision* (*Karl Zeiss*). Следы технологических операций, обнаруженных при изучении вещей, фиксировались на нескольких макрофотографических снимках, которые представлены в иллюстрациях.

---

[1] Автор выражает искреннюю благодарность Е. А. Армарчук за разрешение частичной публикации материалов раскопок. Предварительную характеристику изделий из цветных металлов из Весёлого см.: *Столярова,* 2014. С. 187–201.

[2] Автор выражает сердечную благодарность Н. В. Ениосовой за помощь в проведении аналитического исследования.

Изучение химического состава металла перстней выполнено с помощью метода неразрушающего энерго-дисперсного рентгено-флюоресцентного анализа (далее – РФА). Для количественного безэталонного анализа, проведенного в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ[3] использованы полупроводниковые детекторы рентгеновского излучения: Si (Li)-детектор с энергетическим разрешением порядка 230 ЭВ в области энергий 15–20 КЭВ с регистрирующим многоканальным амплитудным анализатором (АИ–1024) и персональным компьютером. Расчет концентраций элементов без применения стандартных образцов произведен с помощью метода фундаментальных параметров. Облучению подвергались не отдельные микроскопические участки перстней, а вся поверхность целиком вместе с позолотой и чернью. При интерпретации результатов следует учитывать влияние компонентов, использованных для нанесения декора.

Все пять изделий выборки представляют собой перстни-печатки с четким негативным изображением на щитках. Все они, за исключением составного экземпляра, изготовлены литьем по выплавляемой восковой модели. Об использовании этой техники говорят признаки, описанные в работах Б. А. Рыбакова (1948. С. 157–158) и Н. В. Рындиной (1963. С. 202–203; 1971. С. 18). Об использовании восковой модели свидетельствуют прерывистые линии, жесткие, неровные границы орнамента и специфические следы срезания мягкого материала. Модели, вырезанные из воска, могут быть асимметричными, иметь неровную поверхность и следы тщательного заглаживания воска. На перстнях, представленных в выборке, не обнаружено ни следов литейных швов, ни следов их опиливания. Сглаженные, мягкие контуры, нечеткие линии, следы заглаживания воска на поверхности также могут указывать на литье по восковой модели.

Перстень № 1 (погребение VI, № 32 колл. оп.) представляет собой цельнолитой перстень-печатку с округлой, несколько утолщенной в сечении шинкой и фигурным щитком, конусовидной формы с приподнятой и уплощенной вершиной. Получен в процессе литья по выплавляемой восковой модели: шинка и щиток вместе. Восковые модели шинки и щитка были изготовлены по отдельности, затем восковые детали склеивались с помощью нагретого металлического инструмента (рис. 1).

[3] Анализ выполнил заведующий рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ Р. А. Митоян.

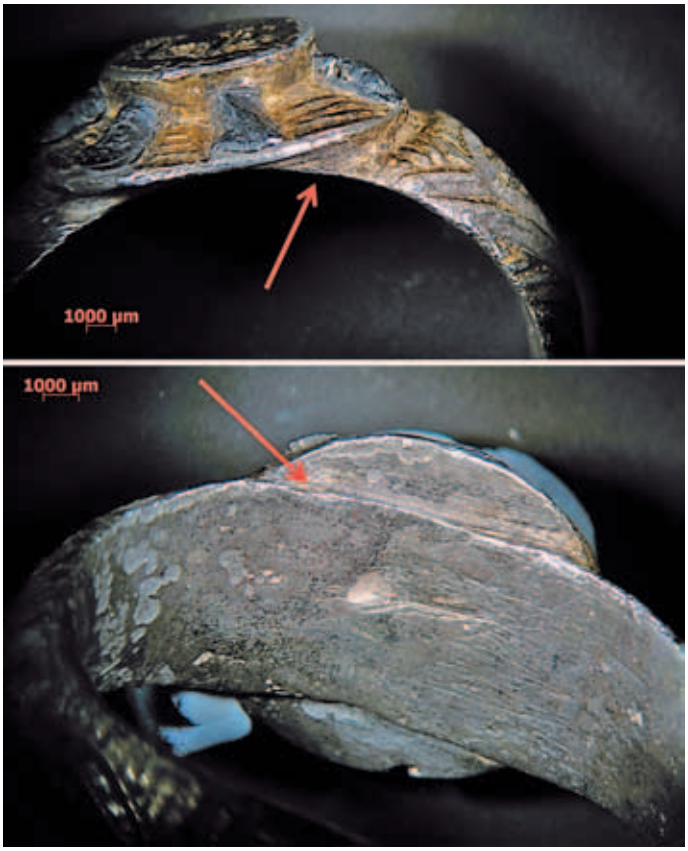


Рис. 1. Следы соединения деталей первоначальной восковой модели перстня № 1 (погр. VI)

На круглой уплощенной вершине щитка находится негативное изображение в виде надписи на арабском языке («ал-мулк» арабскими буквами, что означает «царствование», «власть» (67 сура Корана)[4]). Края орнамента нечеткие, сглаженные, что может говорить о том, что изображение было нанесено еще на восковую модель, но после отливки подправлено (рис. 2). То же можно сказать и об остальном орнаменте на щитке и шинке по всей окружности. На скосы щитка, ниже вершины с негативным штампом, нанесен орнамент в виде трапециевидных секторов – шесть

[4] Чтение и перевод всей эпиграфики на перстнях любезно сделал В. Н. Настич (зав. отделом письменных памятников народов Востока Института востоковедения РАН), дополнительная консультация получена Е. А. Армарчук у Е. Ю. Гончарова (научного сотрудника того же отдела) в рамках исследования коллекции находок из раскопок у с. Весёлое.

Рис. 2. Изображение на вершине щитка перстня № 1

из них заполнены поперечными полосами, а между ними находятся углубленные канавки под чернение. Для нанесения плоско-выпуклой черни на щитке были подготовлены специальные неглубокие ложбинки, вероятно, с помощью резца с округлой рабочей частью – боллштихеля (*Бреполь*, 2000. С. 395–396, рис. 10.21:8, 9). На щитке чернь выступает поверх плоскости, ее полировали, но не сравняли с поверхностью (рис. 3, *а*). При большом увеличении хорошо видны пузыри и каверны в черни, что может свидетельствовать о добавлении свинца в сульфид серебра (*Ениосова,* 2016. С. 543) (рис. 4). Основание нижней части щитка округлой формы.

На шинке орнамент представляет собой множество орнаментальных геометрических фигур – треугольников, ромбов, прямоугольников, заполненных поперечными полосами. Эти фигуры нанесены при помощи резца на восковую модель; на многих линии не до конца прорезаны, не достаточно углублены, имеют мягкие, сглаженные контуры (рис. 3, *б*). Чернь практически не сохранилась, но хорошо прослеживается, что в углубленных ложбинках под чернь нет следов позолоты. Это говорит о том, что ее наносили после черни.

Химический анализ перстня № 1 показал, что он состоит из трехкомпонентного сплава – серебра (40%), золота (47%) и меди (6%). Учитывая поверхностный характер анализа и присутствие в сплаве значительной примеси ртути (в процентном содержании 6,11%), следует говорить об амальгаме, применяющейся при золочении металлических изделий (*Плаксин*, 1958. С. 46). На этом экземпляре позолота сохранилась очень хорошо, как на щитке, так и на шинке перстня.

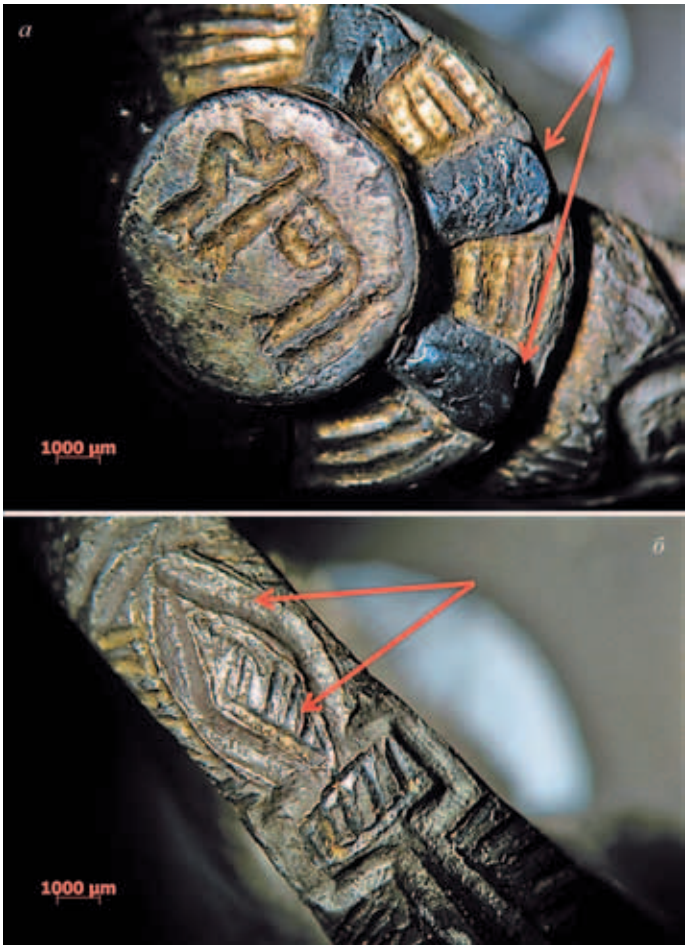


Рис. 3. Декорирование чернью скосов щитка перстня № 1 (*а*) и орнамент на шинке перстня № 1 (*б*)

Перстень № 2 (погребение VII, № 37 колл. оп.) представляет собой особое изделие, самое плохое по качеству и не вписывающееся в однотипный ряд представленных перстней. Он является единственным составным перстнем-печаткой с округлой, несколько утолщенной в сечении шинкой и щитком усеченно-конической формы. Щиток и шинка получены в процессе литья по выплавляемой восковой модели – каждая деталь отдельно. Отливка щитка была произведена по оттиску в глине готового изделия. Об этом говорят смазанные линии рельефа и нечеткий углубленный орнамент (рис. 5, *а*).

Рис. 4. Следы добавления свинца в чернь (пузыри и каверны) на щитке перстня № 1

На круглую уплощенную вершину щитка нанесено негативное изображение в виде надписи на арабском языке (по предположению В. Н. Настича, она передает «лилла̄х» – имя Всевышнего). Буквы очень плохо проработаны, кроме того, надпись нанесена почерком куфи, но не зеркально, а в правильной передаче (рис. 6). Отсюда вытекает, что данный перстень либо не был печатным, либо в оттиске оставлял зеркальное начертание букв, что можно принять за ошибку ювелира при его изготовлении[5]. Вероятно, копировали щиток с выкрошившейся чернью. По всей его окружности на скосе отпечатались ложбинки под чернь, но они более мелкие, чем на других перстнях, и не обработаны для лучшего сцепления. Черневой декор нанесен небрежно, плохо обработан после застывания и в значительной степени выкрошился из-за плохого сцепления (рис. 7). На обороте щитка прослеживаются следы припоя (рис. 5, *б*).

Шинка выполнена более качественно, она произведена с помощью литья по выплавляемой восковой модели. Под щитком вырезано специальное гнездо, вытянуто-подпрямоугольной формы с округлыми

[5] Как отмечает Е. А. Армарчук в своей статье «Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Весёлое под Адлером», публикуемой в этом же сборнике.

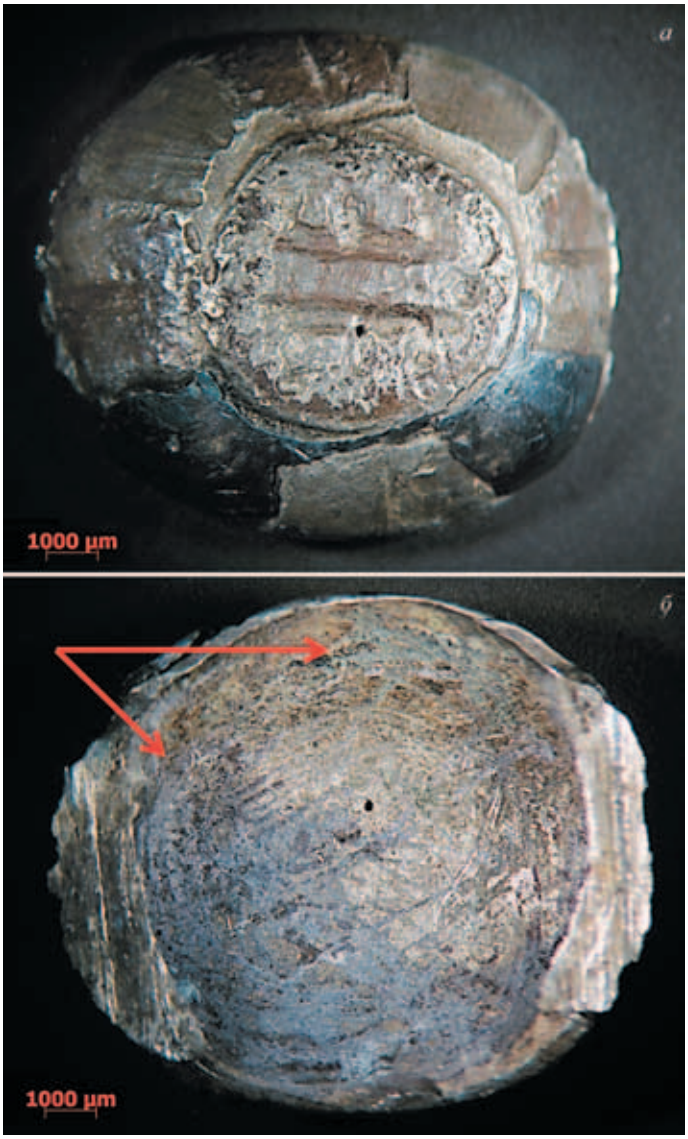


Рис. 5. Щиток перстня № 2 (погр. VII)

а – вид сверху; *б* – следы припоя на внутренней стороне

краями, уже по готовой отливке. Об этом свидетельствуют следы опиливания и резкие острые края гнезда (рис. 8). Можно предположить, что это ремонт перстня, у которого повредился щиток. Его спилили, изготовили новый и соединили с шинкой посредством пайки. Орнамент – треугольные в сечении канавки под чернь в виде поперечных

Рис. 6. Изображение на вершине щитка перстня № 2

полос и крестов – очень хорошо проработан, чернь хорошо зачищена и отполирована (рис. 9).

Химический анализ перстня № 2 показал, что он состоит из многокомпонентного высокопробного серебряного сплава – серебра (93%), золота (1%), меди (4%) и свинца (1%). Наличие микропримесей золота и меди может говорить об их рудном происхождении. Присутствие же свинца в этом случае может указывать на то, что в область облучения попал участок черни, в состав которой, помимо серебра и серы, было добавлено немного свинца.

Учитывая все зафиксированные особенности техники изготовления перстня, можно говорить о нем как о примере местного ремонта привозного драгоценного изделия. Вероятно, мастер, производивший ремонт, не владел техникой литья по восковой модели и не мог вырезать новую модель так виртуозно, как для оригинальных перстней. Черневой декор на шинке также свидетельствует об ином уровне мастерства.

Перстень № 3 (погребение XV, инд. 1. № 114 колл. оп.) представляет собой цельнолитой перстень-печатку с округлой, несколько утолщенной в сечении шинкой и фигурным щитком, в профиль конусовидной формы с приподнятой и уплощенной вершиной.

По технике изготовления аналогичен перстню № 1, так же получен в процессе литья по выплавляемой восковой модели: шинка и щиток отлиты вместе (рис. 10). На круглой вершине щитка вырезан негативный штамп в виде надписи на арабском языке («Аллāх ал-бāки», что

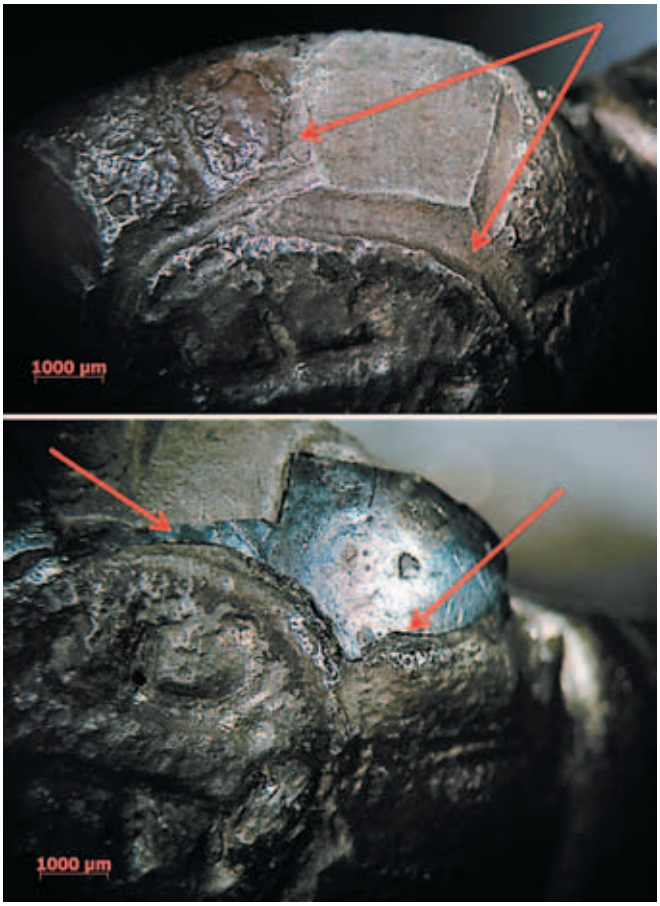


Рис. 7. Некачественное декорирование чернью скосов щитка перстня № 2

переведено как «Аллах вечный» («постоянный», «непреходящий»)). Края орнамента нечеткие, сглаженные, что может говорить о том, что изображение было нанесено еще на восковую модель, а затем подверглось механической обработке (рис. 11).

На скосы щитка, ниже вершины с негативным штампом, нанесен орнамент в виде 12 трапециевидных секторов. Шесть из них заполнены углубленными пустыми поперечными полосами, вырезанными еще на восковой модели с помощью боллштихеля, как и в случае с перстнем № 1. Местами поперечные полоски орнамента недостаточно прорезаны и углублены. В шести оставшихся секторах поперечные борозды заполнены очень качественно исполненной чернью. Она хорошо зачищена, отполирована и не выступает поверх канавок (рис. 12).

Рис. 8. Гнездо под щиток, вырезанное на шинке перстня № 2

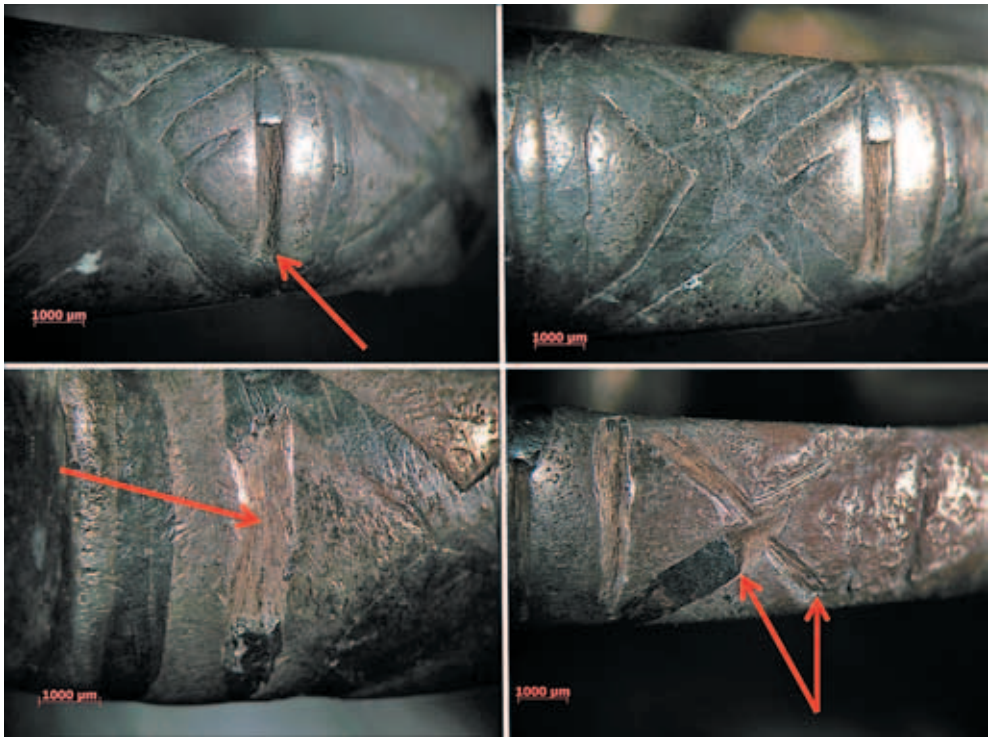


Рис. 9. Орнамент с чернью на шинке перстня № 2

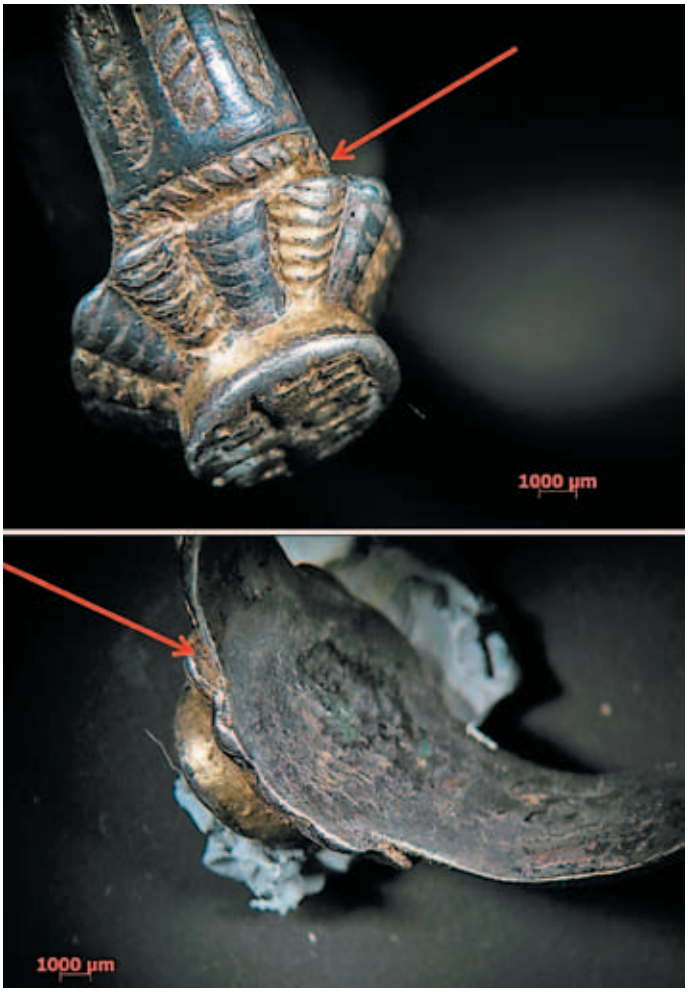


Рис. 10. Следы соединения деталей первоначальной восковой модели перстня № 3 (погр. XV)

Основание щитка при взгляде сверху – фигурно-цветочной формы с округлыми выступающими «лепестками», секторами орнамента щитка.

На шинке орнамент представляет собой достаточно мелкие геометрические и фигурно-волнистые линии и насечки, нанесенные на восковую модель различными резцами (рис. 13, *а*). Чернь на шинке была уложена в канавки треугольного профиля, которые также вырезаны с помощью штихеля (мессерштихеля) с рабочей частью треугольной формы (*Бреполь*, 2000. С. 395–396, рис. 10. 21:3). Ее можно сравнить

Рис. 11. Изображение на вершине щитка перстня № 3

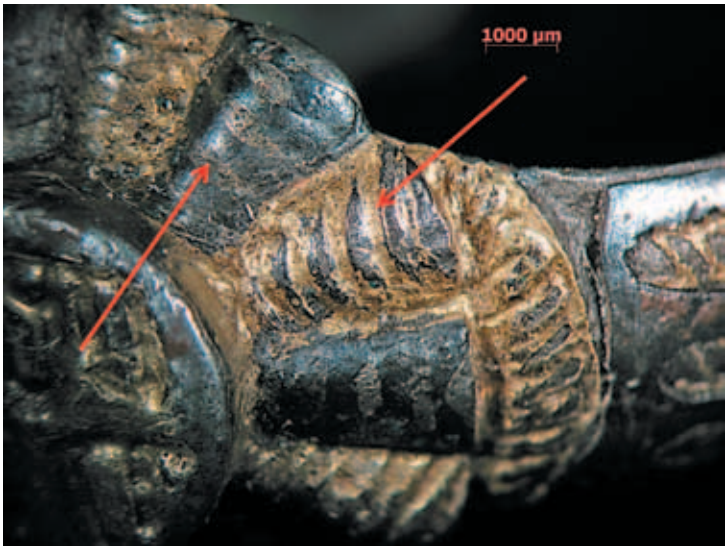


Рис. 12. Декорирование орнаментом и чернью скосов щитка перстня № 3

с инкрустацией изделия тонкой плоской лентой; она хорошо зачищена, отполирована и не выступает поверх канавок. Черневое заполнение имеет треугольное сечение, то есть полностью забито в канавку (рис. 13, *б*).

Химический анализ перстня № 3 показал, что он состоит из двухкомпонентного сплава драгоценных металлов – серебра (49%) и золота

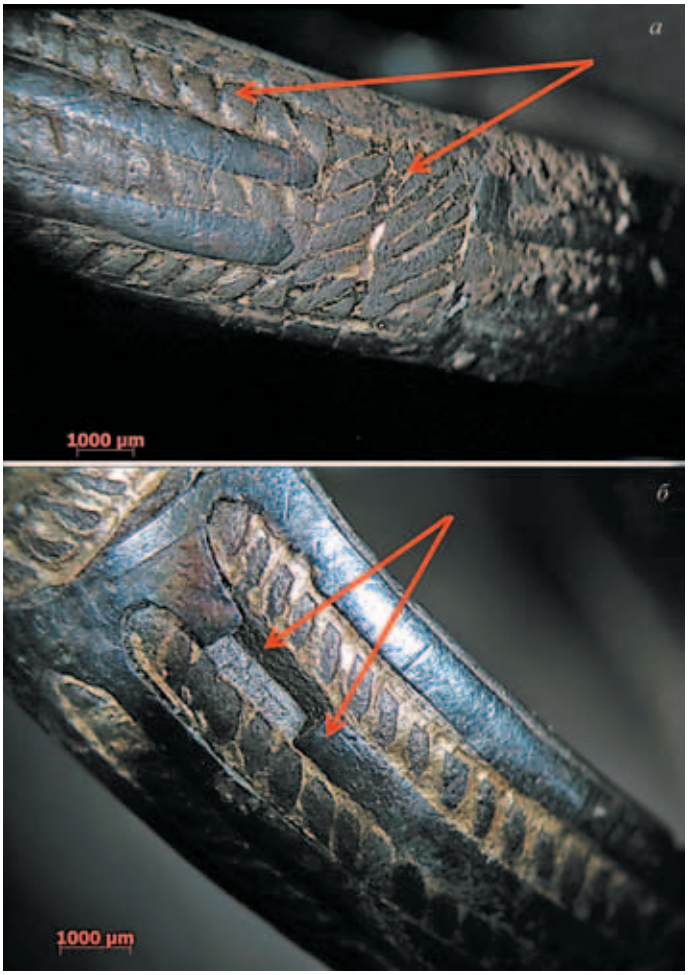


Рис. 13. Шинка перстня № 3

а – орнамент; *б* – чернь, уложенная в канавки треугольного профиля

(44%). В этом сплаве, как и в сплаве перстня № 1, присутствует значительная примесь ртути (в процентном содержании 6,4%), соответственно, и в данном случае речь идет о золочении изделия с помощью нанесения амальгамы. Судя по тому, что в ложбинках под чернь нет следов позолоты, ее наносили после черни. Поверхность для позолоты также была подготовлена. На макросъемке видны нерегулярные риски, сделанные напильником или другим абразивом для лучшего сцепления амальгамы с поверхностью металла. Позолота изначально покрывала щиток полностью. Она частично стерлась от долгого

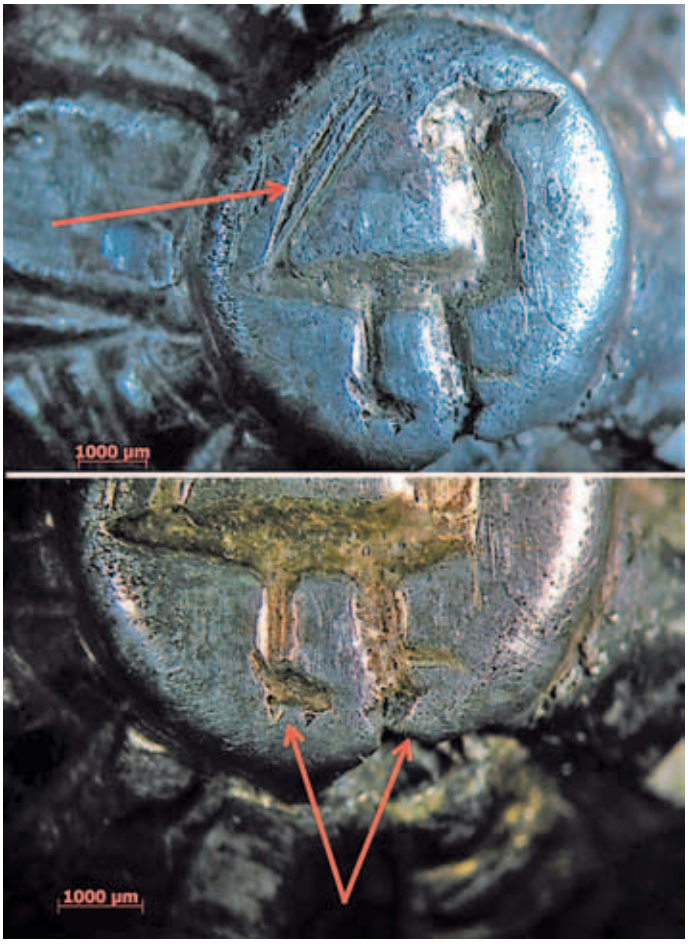


Рис. 14. Изображение на вершине щитка перстня № 4 (погр. 2 в южном притворе) с хорошо заметными следами доработки зубильцем по готовой отливке

ношения украшения и хорошо сохранилась только в углубленных частях орнамента.

Перстень № 4 (южный притвор, 4-й уровень зачистки. Погребение 2. № 23 колл. оп.) представляет собой цельнолитой перстень-печатку с округлой, несколько утолщенной в сечении шинкой и фигурным щитком, конусовидной формы с приподнятой и уплощенной вершиной. Выполнен в той же технике литья, что и перстни № 1 и 3. На круглой вершине щитка размещается негативное изображение птицы с длинным, поднятым вверх хвостом и большим затупленным клювом. Детали плохо проработаны, края орнамента нечеткие, сглаженные, что

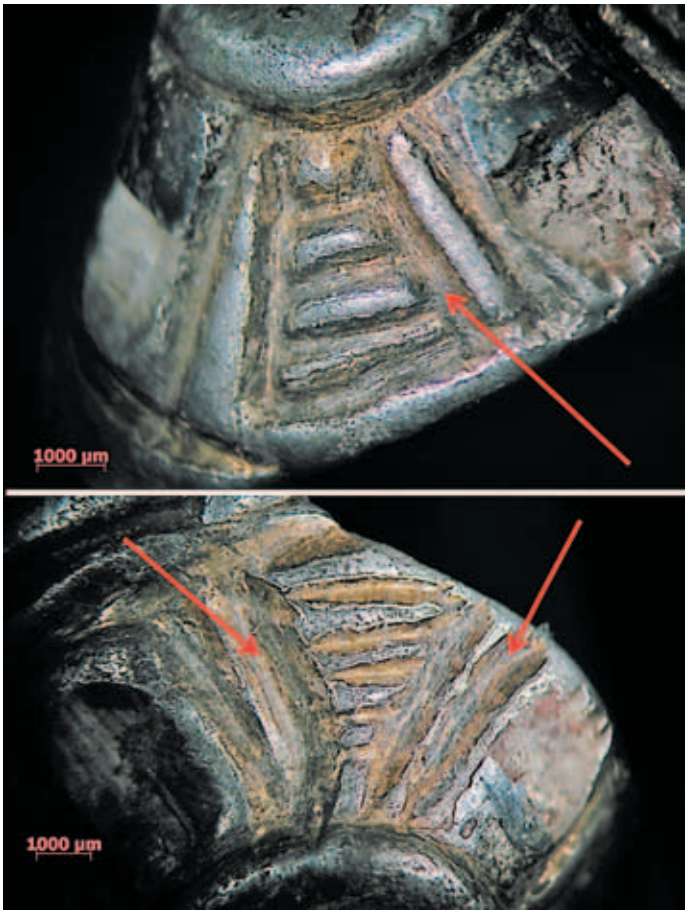


Рис. 15. Декорирование орнаментом скосов щитка № 4

может свидетельствовать о нанесении изображения еще на восковую модель. После отливки оно было доработано: на макросъемке хорошо видно, что хвост птицы, видимо, все же прорезан зубильцем уже по готовой отливке. На это указывают резкие, не очень аккуратные прорези (рис. 14).

На скосы щитка нанесен орнамент в виде трапециевидных секторов. Четыре из них заполнены поперечными полосами, а между ними вырезаны углубленные канавки под чернение (рис. 15). Как и в вышеописанных случаях, чернь на скосах щитка нанесена в специальные неглубокие ложбинки. На данном перстне особенно заметно, что самая глубокая часть этой полости дополнительно зачищена острым инструментом. Это хорошо прослеживается в тех местах, где не сохранилась

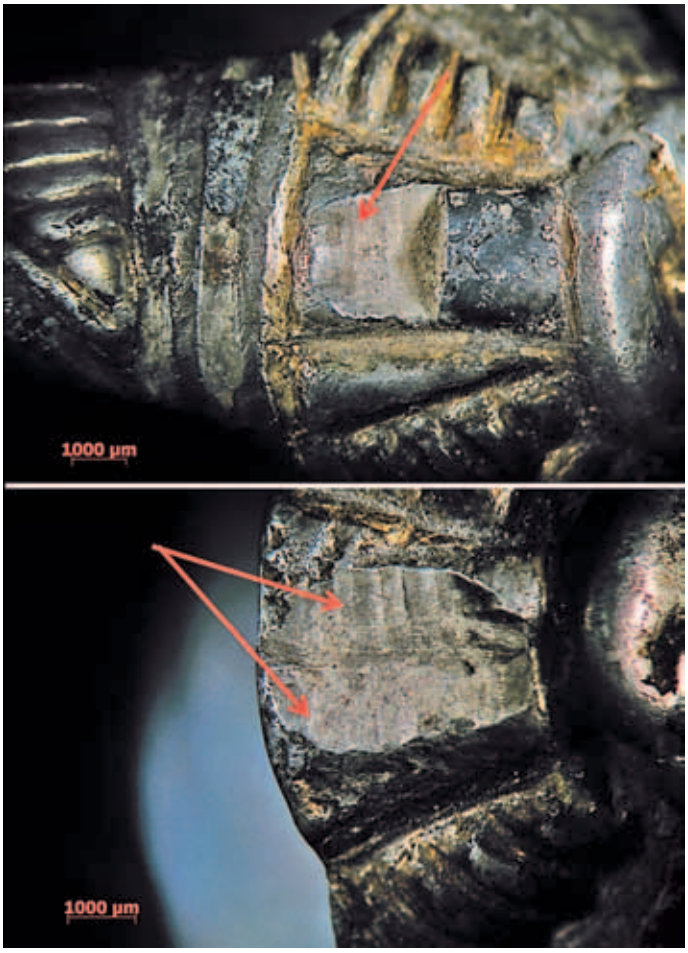


Рис. 16. Следы дополнительной обработки канавок под чернь острым инструментом на щитке перстня № 4

чернь (рис. 16). Неровная поверхность под нее была необходима для лучшего сцепления серебра и черневой массы (*Ениосова,* 2016. С. 548). На скосе щитка чернь выступает поверх его плоскости; ее отполировали, но не сравняли с поверхностью. Основание щитка округлой формы, местами слегка прослеживается фигурное выделение «лепестков». Это может говорить о том, что щиток перстня-оригинала (копией, которого является представленное изделие) был фигурно-цветочной формы.

Позолота наносилась после черни, как и в остальных случаях. И здесь мы так же можем говорить о добавлении свинца в сульфид серебра, если судить по внешним изъянам черни.

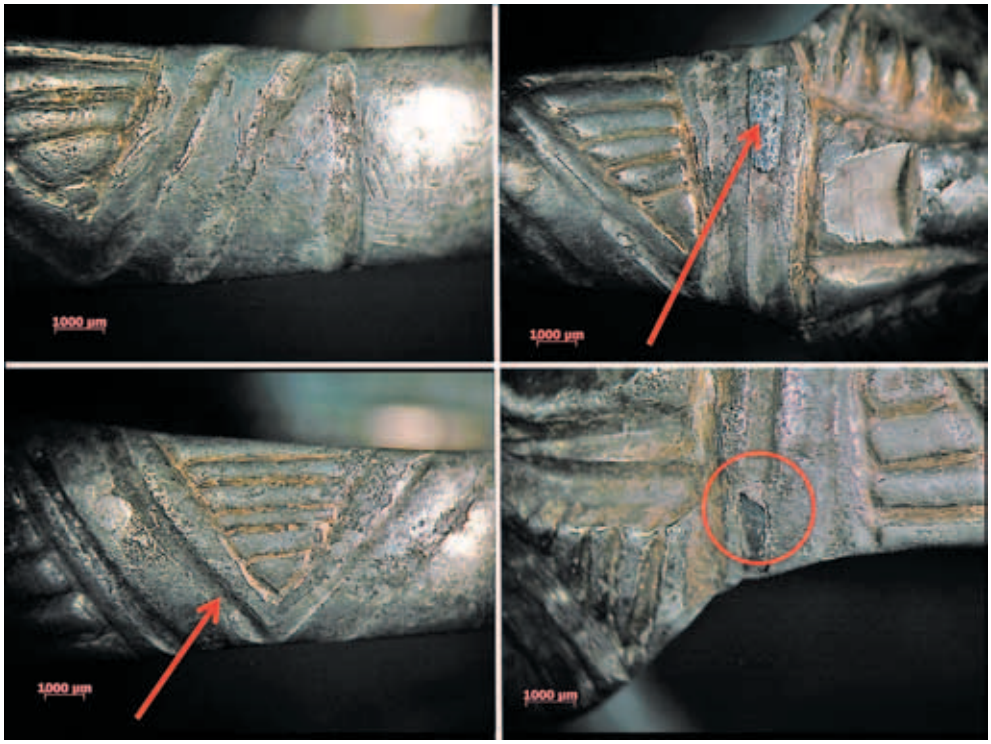


Рис. 17. Декорирование орнаментом и чернью шинки перстня № 4

На шинке орнамент представляет собой прорезанные треугольники, заполненные поперечными полосами. Вдоль линий треугольников прорезаны канавки под чернь. Так же, как на предыдущем перстне, чернь на шинке была уложена в канавки, вырезанные с помощью мессерштихеля, и аккуратно, полностью в них забита (рис. 17). Ее можно сравнить с инкрустацией; она хорошо зачищена, отполирована и не выступает над поверхностью.

Химический анализ перстня № 4 показал, что он состоит из трехкомпонентного сплава – серебра (57%), золота (23%) и меди (23%) со значительной примесью ртути (в процентном содержании 4,19%), что и в этом случае свидетельствует о золочении изделия с применением амальгамы, которое было выполнено на таком же высоком техническом уровне, что и покрытие позолотой перстней № 1 и 3. Из-за долгого ношения позолота аналогично сохранилась только в углубленных частях орнамента.

Перстень № 5 (погребение XV. № 29 колл. оп.) представляет собой цельнолитой перстень-печатку с округлой, несколько утолщенной

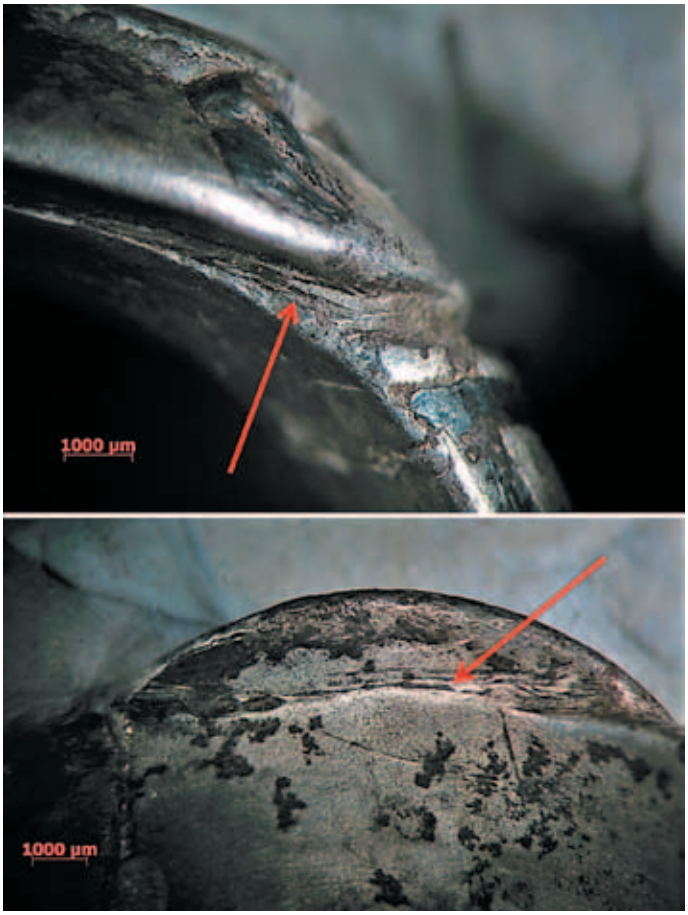


Рис. 18. Следы соединения деталей первоначальной восковой модели перстня № 5 (погр. XV)

в сечении шинкой и щитком уплощенно–конусовидной формы. По технике исполнения идентичен вышеописанным перстням № 1, 3 и 4, то есть, получен в результате литья по выплавляемой восковой модели (шинка и щиток вместе). Восковые модели были изготовлены по отдельности, затем склеивались с помощью нагретого металлического инструмента (рис. 18). Здесь на круглой уплощенной вершине щитка имеется негативное изображение птицы с длинным, тонким, округло загнутым вниз клювом и глазом – выпуклой точкой. Детали изображения отлично проработаны, хотя края орнамента сглаженные. Это может говорить о том, что изображение было нанесено еще на восковую модель. Как и в предыдущих случаях, на макросъемке хорошо заметно,

Рис. 19. Изображение на вершине щитка перстня № 5 с хорошо заметными следами доработки зубильцем по готовой отливке

что изображение птицы было дополнительно доделано уже по готовой отливке с помощью зубильца или штихеля. Перья хвоста прорезаны резкими линиями, а негативное изображение углублено резкими короткими насечками (возможно, это имитация перьев) (рис. 19). Декорирование скосов щитка чернью исполнено так же, как и на перстне № 4: черневое заполнение выступает поверх плоскости (рис. 20).

На шинке орнамент представляет собой заполненные чернью канавки в виде закругленных продольных геометрических фигур и поперечных линий. Чернь уложена в канавки треугольного профиля, которые, как и на остальных перстнях, вырезаны мессерштихелем, и тщательно в них забита (рис. 21, *в*, *г*). В этом случае чернение шинки выполнено также на высочайшем техническом уровне, сравнимом с инкрустированием, и полностью сливается с поверхностью (рис. 21, *а*, *б*).

Химический анализ перстня № 5 показал, что он состоит из трехкомпонентного высокопробного серебряного сплава – серебра (96%), золота (2,5%) и меди (1%) с микропримесью брома (0,39%). Незначительные примеси золота и меди, очевидно, попали в металл при выплавке из руды. Бром, присутствующий в сплаве, свидетельствует о коррозионных процессах в серебре в определенных почвенных условиях (*Ениосова,* 2016. С. 546).

Во всех описанных случаях изделия выполнены на высочайшем технологическом уровне. Все они украшены сложным резным орнаментом и чернением, на щитках-печатках несут негативные изображения.

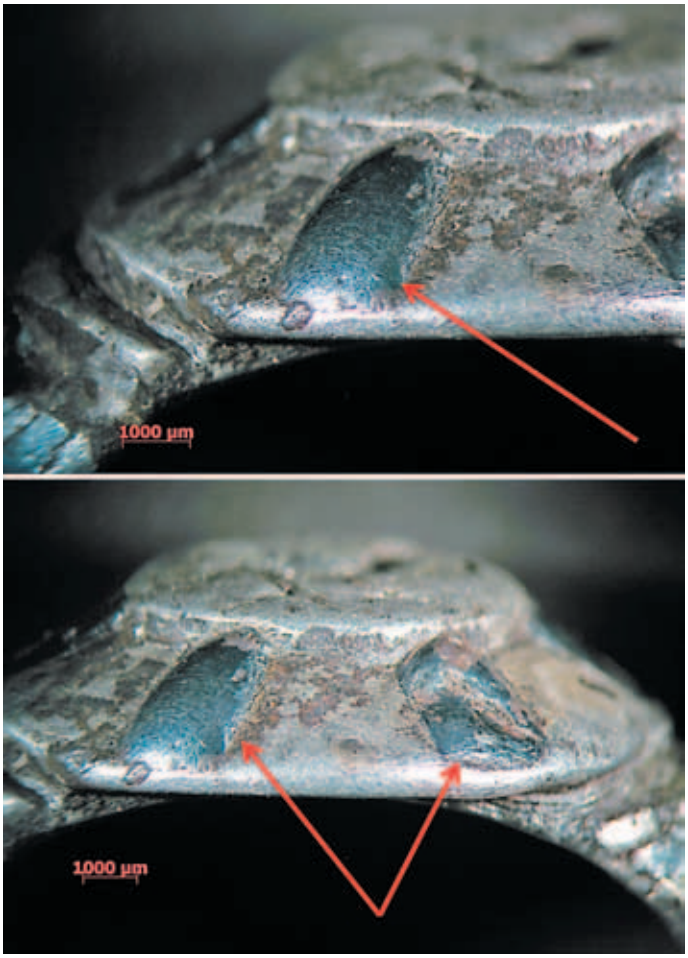


Рис. 20. Декорирование чернью скосов щитка перстня № 5

Эти особенности могут свидетельствовать о возможном серийном производстве. Об этом свидетельствует также морфологическое сходство – форма щитков и близость орнаментальных мотивов.

В составе металла пяти перстней обнаружены серебро, золото, ртуть, медь, свинец и бром. Последний элемент, содержащийся в составе сплава перстня № 5, появился в результате почвенной коррозии серебра. Очевидная корреляция высокого содержания золота и ртути свидетельствует о ртутном золочении перстней № 1, 3 и 4. Относительно высокое содержание меди (от 6,34% до 15,4%) в двух случаях говорит о сознательном легировании серебра медью для придания металлу прочности (*Ениосова, Митоян,* 2015. С. 28). Экземпляры без позолоты (№ 2 и 5)

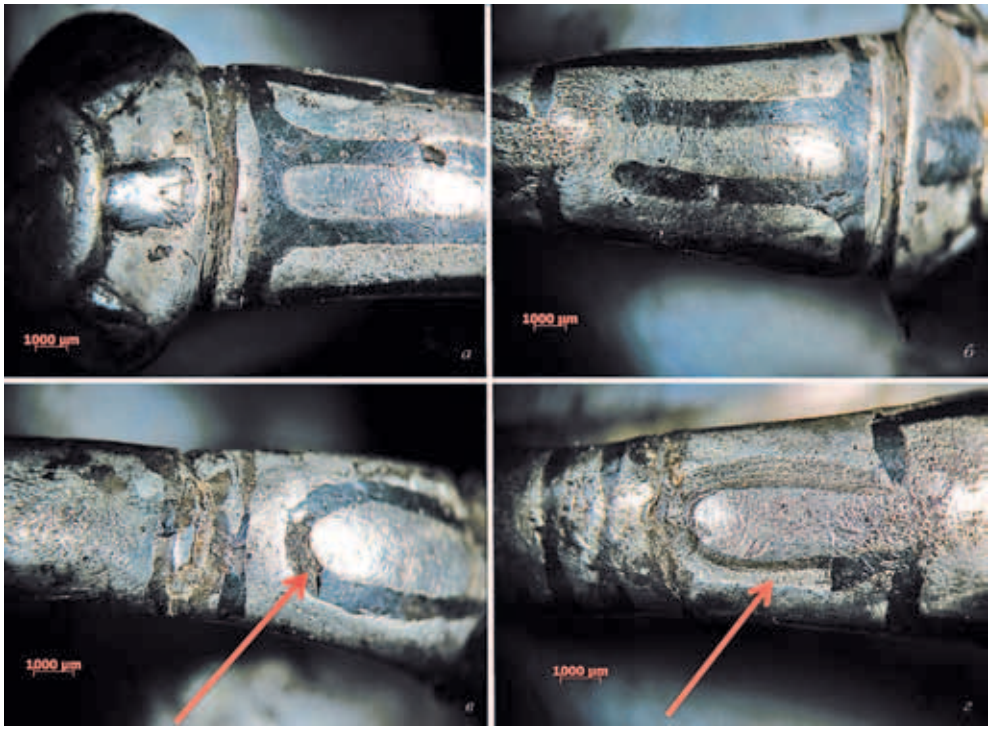


Рис. 21. Шинка перстня № 5

а, б – очень качественное чернение; *в, г* – канавки треугольного профиля, вырезанные под чернь

выполнены из высокопробного серебра. Они содержат менее 5% меди, что может указывать на рудную примесь этого элемента. Вероятно и золото в этих случаях, несмотря на его относительно высокую концентрацию – 1,11 и 2,52%, не добавлено специально, а попало в металл при выплавке из руды. Свинец зафиксирован только в одной пробе (перстень № 2). В этом случае можно предположить, что в область облучения попал участок черни, в состав которой было добавлено немного свинца. В целом, отсутствие свинца в остальных пробах указывает, что наиболее распространенные на мусульманском Востоке галенитовые руды не являлись источником серебра, использованного для изготовления этих перстней. Гипотетически это может свидетельствовать в пользу производства рассматриваемых предметов в кавказских мастерских.

Морфологические и технологические признаки, использование техник черни и золочения могут указывать на импортное происхождение данных изделий. Следует, однако, отметить, что ясно прослежива-

ются признаки изготовления данных предметов по моделям, копирующим оригинальные перстни: частично нечеткие границы орнаментов, «доделывание» изображений на щитках-печатках (как на перстнях № 4 и 5), разное качество чернения и позолоты. Также внимание стоит обратить на наличие в выборке особенного перстня № 2, внешне полностью сходного со всеми остальными печатками, но произведенного, по всей видимости, в процессе ремонта оригинального изделия.

Ювелиры, изготовившие эти перстни, обладали обширными знаниями и высоким уровнем мастерства. Техника черни широко применялась в ювелирном искусстве X в. на Западе и Востоке, о чем свидетельствуют два источника этого времени – сочинение арабского географа аль-Хамдани и западноевропейский сборник ювелирных рецептов "*Marae Clavicula*". (*Ениосова,* 2016. С. 546). При изготовлении рассматриваемых изделий соблюдалась не только рецептура приготовления черни, но и подготовка поверхности для лучшего сцепления заполнения с основой, а также специальные операции для более точного и качественного нанесения позолоты (предварительная обработка абразивом).

Эти драгоценные перстни высокого уровня исполнения имеют следы «долгой жизни»: позолота частично утрачена, а серебро потерто в результате длительного ношения.

Таким образом, разнообразие техник изготовления и сплавов, использование сложных технологических и декоративных приемов, таких, как позолота и чернь, говорят о множественных источниках поступления сырья и готовых украшений населению, оставившему исследованный памятник. Однако делать выводы о местном изготовлении украшений невозможно из-за отсутствия сведений об археологических свидетельствах ювелирного производства в этом регионе.

Литература

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. № 3. С. 78–90.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2015. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: Наука. С. 318–319.

Бреполь Э., 2000. Теория и практика ювелирного дела. СПб.: Соло. 528 с., ил.

Ениосова Н. В., 2016. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений

Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. Камерные погребения Пскова X в.: по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб.: Нестор-История. С. 512–553.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., 2015. Об особенностях производства куфических дирхамов VIII–X вв. // Эпоха викингов в Восточной Ервопе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. Матер. докл. и сообщ. II Междунар. нумизм. конф. Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. СПб.: Знак. С. 69–76.

Плаксин И. Н., 1958. Металлургия благородных металлов. М.: Металлургиздат. 366 с.

Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 792 с., илл.

Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. М. С. 200–268. (МИА; № 117).

Столярова Д. А., 2014. Технология производства ювелирных украшений из раскопок христианского храма у пос. Веселое // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков. Т. IV. Казань: Отечество. С. 187–201.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.233-250

В. С. Курмановский
Институт археологии РАН, Москва

К вопросу об исторической интерпретации данных восточнославянской диалектологии (по материалам Смоленской земли)

Среди отечественных исследователей, как филологов и лингвистов, так и историков и археологов, существует довольно давняя традиция использования в качестве источника для исторических построений материалов, полученных при изучении диалектной речи восточнославянских народов, в первую очередь, различных диалектологических карт и атласов. Различные диалектные группировки восточных славян в литературе связываются как с субстратными культурами раннего железного века (*Седов*, 2005. С. 272–273, 898–899), так и с территориальными и политическими образованиями эпохи позднего Средневековья. Наиболее распространены точки зрения о связи диалектных образований, зафиксированных в XIX–XXI вв., с летописными «племенами» (*Шахматов*, 1899. С. 9, 14, 17 и др.), либо с землями и княжествами эпохи феодальной раздробленности. Последней точки зрения придерживался, в частности, автор наиболее общепринятой на данный момент концепции системы диалектного членения русского языка Р. И. Аванесов (1949. С. 35–37).

Одним из крупнейших достижений последнего времени в изучении диалектного членения Древней Руси явились работы А. А. Зализняка, проследившего особый характер древненовгородского диалекта – особой ветви праславянского языка и в значительной степени отличного от древнерусского языка остальной территории Руси. При этом наиболее специфичную форму древненовгородского диалекта являл собой древнепсковский диалект и очень близкий к нему диалект самого Новгорода, связываемые автором с севернокривичским происхождением (*Зализняк*, 1995. С. 3–4). Некоторые черты севернокривичского диалекта, по данным автора, были, вероятно, присущи всем кривичским диалектам (*Зализняк*, 1995. С. 36, 43–45). Реконструкции диалектов летописных племенных общностей, и в частности, кривичей, на основе

остаточных черт в разнородных современных говорах, посвятил свои работы С. Л. Николаев (1988; 1994; 2011). В то же время следует подчеркнуть, что в настоящее время территории этих древних общностей зачастую принадлежат к различным диалектным группировкам восточного славянства. Так каким же временем следует датировать формирование диалектного разбиения, зафиксированного в Новое и Новейшее время? Цель настоящей небольшой работы – попытаться решить этот вопрос применительно к одному из основных регионов летописных кривичей – Смоленской земле на основе исторических данных.

На территории древнерусской Смоленской земли, согласно диалектному членению восточнославянских языков, разработанному в 1960-х гг. под руководством Р. И. Аванесова, зафиксированы следующие диалектные единицы (рис. 1). Западную половину современной Смоленской области с окрестностями г. Смоленска и прилежащие к ней с севера юго-западные районы Тверской области, до линии Белый – Дорогобуж – Ельня, занимают говоры, относимые к западной группе говоров южного наречия русского языка. На северо-западе и юге говоры западной группы выходят за пределы Смоленской земли, занимая северо-западную оконечность современной Смоленской области с Велижем (исторически тянувшим к Витебску) и южные районы Псковской области с городами Невель, Себеж и Усвяты, в Средневековье образовывавшие пограничье Новгородской и Полоцкой земель, а также центральные районы Брянской области с Трубчевском, относившиеся к Чернигово-Северской земле. В дореволюционной литературе эти говоры, как правило, относили к белорусским (*Шахматов*, 1899. С. 57. *Дурново*, *Соколов*, *Ушаков*, 1915. С. 48). К западу от них, у западных границ Смоленской земли, в пределах современной Белоруссии, фиксируются говоры витебско-могилевской группы (или же двух отдельных – витебской и восточно-могилевской групп) северо-восточного диалекта белорусского языка, продолжающиеся на территории восточных и северо-восточных районов древней Полоцкой земли (Лінгвістычная… 1969. Карта 72. *Крывіцкі*, 1989. С. 188). Говоры северо-восточного диалекта белорусского языка крайне близки к говорам западной группы южного наречия русского языка, и границу между ними по государственной границе России и Белоруссии есть основания считать условной. К востоку и отчасти к северу от говоров западной группы, в восточной половине Смоленской и прилежащей части юго-запада Тверской области, распространены говоры верхнеднепровской группы южного наречия русского языка. Эти говоры весьма близки к говорам западной группы, но облада-

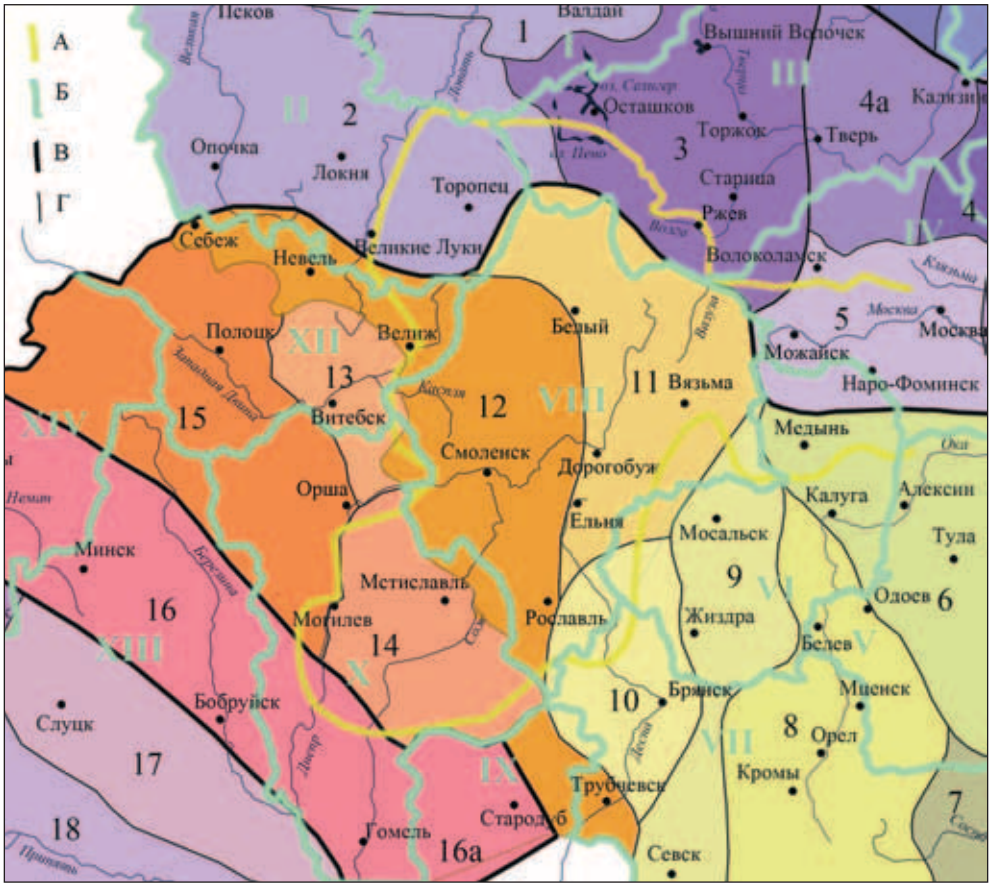


Рис. 1. Диалектное членение русских и белорусских говоров на землях исторического Смоленского княжества и сопредельных территориях

1 – новгородская группа западных среднерусских окающих говоров; 2, 3 – западные среднерусские акающие говоры (2 – псковская группа; 3 – селигеро-торжковские); 4 – владимиро-поволжская группа восточных среднерусских окающих говоров; 4а – тверская подгруппа владимиро-поволжской группы; 5 – говоры отдела А восточных среднерусских акающих говоров; 6–12 – говоры южного наречия русского языка (6 – тульская подгруппа межзональных говоров Б; 7 – елецкая подгруппа межзональных говоров Б; 8 – орловско-курская группа; 9 – межзональные говоры А; 10 – верхнедеснинская группа; 11 – верхнеднепровская группа; 12 – западная группа); 13–15 – группы говоров северо-восточного диалекта белорусского языка (13 – витебская; 14 – восточно-могилевская; 15 – полоцкая); 16 – среднебелорусские говоры; 16а – говоры района Стародуба (близкие к среднебелорусским); 17, 18 – группы говоров юго-западного диалекта белорусского языка (17 – слуцкая; 18 – мозырская (восточнополесская)). А – границы Смоленской земли в середине XII в. (по Л. В. Алексееву); Б – границы губерний Российской империи XIX – нач. XX в.; В – границы наречий; Г – границы групп говоров. Губернии Российской империи XIX – нач. XX в.: I – Новгородская; II – Псковская; III – Тверская; IV – Московская; V – Тульская; VI – Калужская; VII – Орловская; VIII – Смоленская; IX – Черниговская; XI – Могилевская; XII – Витебская; XIII – Минская; XIV – Виленская

ют менее выраженными белорусскими чертами. Ареал говоров верхнеднепровской группы фактически полностью ограничен пределами исторической Смоленской земли. В юго-восточные районы Смоленской земли, в пределах современной Калужской области, ограниченно заходят говоры межзональной группы А, а еще восточнее, в районе г. Медынь – говоры Тульской группы, также принадлежащие к южному наречию русского языка. К юго-восточным границам Смоленской земли подходит верхнедеснинская группа говоров южного наречия, концентрирующаяся вокруг Брянска. В северо-западной части древней Смоленской земли, в пределах Тверской области, в районе Торопца, распространены говоры псковской группы, принадлежащие к западным акающим среднерусским говорам. Основной ареал этих говоров охватывает исторические Псковскую и юго-западную часть Новгородской земли. К востоку от них, в районе исторически смоленского Ржева, а также к северу и востоку от него, в зоне новгородско-владимиро-суздальского пограничья, распространены так называемые селигеро-торжковские говоры, также относящиеся к западным акающим среднерусским. Наконец, на восточной окраине древней Смоленской земли, в пределах современной Московской области, бытуют говоры отдела А восточных акающих среднерусских говоров (ДАРЯ, 1986. Карта VI). Итак, обобщенно современная диалектологическая карта древней Смоленской земли может быть представлена следующим образом. Основную ее часть занимают белорусские и южнорусские говоры, довольно близкие между собой и плавно переходящие друг в друга. Им сравнительно резко противопоставлены западные акающие среднерусские говоры северных районов исторической Смоленской земли и восточные акающие среднерусские, «московские» говоры ее восточной оконечности. При этом ни одно из диалектных образований, за исключением говоров верхнеднепровской группы, и возможно, восточно-могилевских белорусских говоров не является специфичным для Смоленской земли. Следует, однако, отметить, что некоторые диалектные явления, такие, например, как диссимилятивное аканье и яканье жиздринского типа, имеют, можно сказать, эпицентр своего распространения именно в пределах исторической Смоленской земли. Границы Смоленской и Полоцкой земель примерно соответствует границам восточно-могилевской группы белорусских говоров, в основном входящей в пределы исторической Смоленской земли, с говорами витебской и полоцкой групп. При этом все эти говоры очень близки друг к другу. Сравнительно более резкой оказывается юго-западная граница со среднебелорусскими говорами, пример-

но соответствующая границам с черниговской территорией радимичей и территорией дреговичей, попеременно входившей в состав Киевской и Черниговской земель (*Зайцев*, 2009. С. 96–109).

Попытаемся рассмотреть, с какими историческими границами коррелируют границы диалектных образований на территории Смоленской земли.

Ареал культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее – СПДК) в пределах древней Смоленской земли примерно соответствует ареалу северо-восточного диалекта белорусского языка и западной группы говоров южного наречия русского языка, исключая южную оконечность последней начиная от района Рославля[1]. При этом следует отметить, что основная часть памятников культуры СПДК выявлена на территории современных Смоленской области и Белоруссии. Входила ли в этот ареал территория среднерусских говоров торопецко-ржевских земель? На территории Тверской области известны памятники как культуры псковских, так и смоленско-полоцких длинных курганов, причем территориальная граница распространения этих культур не вполне однозначна. В частности дискуссионным является наличие памятников культуры СПДК в бассейне верхневолжских озер. К культуре смоленских длинных курганов П. Д. Малыгин предварительно отнес памятники бассейна верховьев Западной Двины и Торопы (*Исланова*, 2011). Ареал плотного распространения курганов с браслетообразными завязанными височными кольцами, традиционно связываемых со смоленско-полоцкими кривичами XI–XIII вв., заметно расширяется в северном, восточном и южном направлениях, включая в себя на востоке течение Волги ниже Твери и ближайшие западные окрестности Москвы, на севере – верховья Западной Двины и верхеволжские озера (*Седов*, 1982. Карта 25). На юге, в бассейне р. Остра и верховьев Ипути, по данным В. В. Седова, сосуществуют памятники кривичей и радимичей (*Седов*, 1982. С. 158). Л. В. Алексеев относил данную территорию к колонизованным Смоленским княжеством землям северных радимичей (*Алексеев*, 1980. С. 32, 41. Рис. 1. 4). Границы «чистого» радимичского ареала в этом регионе, по В. В. Седову, примерно соответствуют южным рубежам Смоленского княжества середины XII в., и соответственно, северной границе среднебелорусских говоров (*Седов*, 1982. Карта 24, 25). Таким образом, основная территория смоленских кривичей

[1] Наблюдение о совпадении ареалов культуры СПДК и западной группы говоров южного наречия ранее высказано В. С. Нефёдовым в устной беседе с автором.

данного периода в основном соответствует границам Смоленской земли, несколько отклоняясь от нее в северо-восточном направлении.

Дальнейшие корреляции диалектологических данных с историко-географическими реалиями могут быть прослежены по данным письменных источников. Возможным основанием для датировки разделения говоров видится выделение уделов из Смоленского княжества. Так, в частности, торопецко-ржевские земли выделяются уже во второй половине XII в. С этого времени усиливаются их связи с Новгородом (*Янин*, 1998. С. 49–53). Вполне вероятно, что именно с этим моментом связано распространение здесь западных акающих среднерусских говоров (псковских и селигеро-торжковских), бытующих также в исторических Псковской и южных районах Новгородской земли, включая регион «чернокунства», также изначально принадлежавший Смоленской земле. В. В. Седов, настаивавший на кривичской принадлежности Псковской земли, основываясь на более ранней диалектологической карте Н. Н. Дурново 1915 г., относившей псковские говоры к переходным к белорусским на северновеликорусской основе, отмечал со ссылкой на работу «Образование севернорусского наречия…», что формирование пучка изоглосс, отделяющего псковские говоры от севернобелорусского диалекта, относится ко времени Великого княжества Литовского (*Седов*, 1982. С. 53). Между тем этому утверждению противоречит, в частности, распространение говоров псковской группы в районе Торопца, длительное время (1362–1503 гг.) пребывавшего в составе ВКЛ.

Вторым регионом по хронологии отделения от основной части Смоленской земли оказывается Можайское княжество, захваченное московскими князьями в 1303 г. Этот регион также отличается от основной части смоленских земель в языковом отношении. Примечательно, что можайские земли, по сути, явились единственной частью Смоленщины, не знавшей литовской власти. При этом, однако, в конце XV в. к Можайску присоединяются территории ряда мелких феодальных владений восточного пограничья литовской Смоленщины, в частности, например вотчины князей Крошинских (*Темушев*, 2016. С. 85–87). Говоры можайских земель в их современном состоянии принципиально не выделяются среди других говоров московского региона. Следует также отметить, что анализ текста писцовых книг Можайского уезда 1620-х годов показал, что его западные станы, составленные как из территорий, присоединенных к нему в конце XV в., (например, Сукроменский, Тешиловский), так и «коренные» можайские (в частности, Пневицкий стан) достаточно глубоко вторгались на территорию

современной Смоленской области (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 10816). При этом в период Смуты эти территории запустели фактически полностью (в середине XVII столетия не было даже точных представлений об их локализации) (*Темушев*, 2016. С. 86). Таким образом, весьма вероятно, что современная граница среднерусских и южнорусских говоров в этом районе сформировалась не ранее XVII в. за счет притока нового населения, очевидно, из внутренних районов Можайского и Вяземского уездов.

Еще одну часть территории бывшей Смоленской земли, отделившуюся от нее в XIV в., и также присоединенную к Московскому княжеству, составляет район г. Медынь (*Темушев*, 2016. С. 90). Здесь распространены говоры тульской группы южного наречия русского языка, аналогичные говорам более восточных территорий, исторически входившим в Черниговскую и Рязанскую земли. Какие-либо следы прежней принадлежности данной территории Смоленску на диалектологической карте не фиксируются.

За вычетом этих территорий, историческая Смоленская земля оказывается ограниченной территорией бывшей Смоленской и, частично, Могилевской губерний. В языковом отношении она в целом разделяется между достаточно близкими между собой западной и верхнеднепровской группами южного наречия русского языка. Говоры западной группы не имеют четкой границы с северо-восточными белорусскими говорами соседних районов Белоруссии. Эти говоры на территории России выходят за пределы Смоленской земли и распространяются на юг до границы с Украиной в районе г. Трубчевска, а в северо-западном – захватывают район Велижа и южную часть современной Псковской области, исторически тяготевшие к Витебску и Полоцку (ДАРЯ. 1986. Карта VI). Область распространения говоров западной группы во многом объединяет территории, отошедшие к Речи Посполитой после Деулинского перемирия 1618 г., на территории Смоленщины несколько отклоняясь от границы в западном направлении. Данные письменных источников позволяют судить о том, что, в частности, земли Смоленского уезда, особенно его западных станов, в ходе событий начала XVII в. подверглись значительному разорению и были колонизованы выходцами из белорусских земель Речи Посполитой (*Думин*, 1980. С. 100. *Курмановский*, 2012. С. 323–327). Таким образом, формирование границы между западными и верхнеднепровскими говорами, традиционно трактуемой как границы между белорусской и великорусской частями Смоленщины, есть основания датировать XVII в.

Территория распространения верхнеднепровских говоров включает в себя несколько исторических областей – вяземские, бельские, дорогобужские и восточную часть смоленских земель. Вяземское княжество выделилось из Смоленской земли в 1239 г. и сохранило свой статус после вхождения в состав ВКЛ в 1403 г., распавшись на многочисленные мелкие уделы, а в 1494 г. было присоединено к Великому княжеству Московскому. Бельское княжество было захвачено литовцами до 1359 г., и управлялось князьями из рода Гедиминовичей, не входя в состав Смоленского повета. В 1503 г. оно было присоединено к Москве, а в 1618–1654 гг. территория Бельского уезда входила в состав Речи Посполитой. Дорогобуж, возможно, являлся одним из уделов Смоленского княжества, в 1440 г. был выделен в вотчину троцкому воеводе Яну Гаштольту, в состав Великого княжества Московского вошел в 1503 г. Дорогобужский уезд был сформирован искусственно из части смоленских волостей (*Темушев*, 2016. С. 18). В 1618–1654 гг. Дорогобужский уезд также находился в составе Речи Посполитой. Таким образом, зона распространения верхнеднепровских говоров включает в себя территории с достаточно различной исторической судьбой на протяжении XIV–XVII вв., в разные периоды и в разной степени выделившиеся из Смоленского княжества, в разные периоды пребывавшие в составе Московского и Литовского великих княжеств, находившиеся и не находившиеся под властью Речи Посполитой. Объединяющим моментом для этих территорий (не считая позднейшего нахождения в составе Смоленской губернии) является, в первую очередь, пребывание в составе Смоленского княжества в период не позднее середины XIV в.

Рассматривая диалектологическую карту, можно также отметить, что границы групп говоров во многом совпадают не только с границами средневековых территориальных образований, но и с границами губерний Российской империи последней четверти XVIII – начала XX в. Так, например, границы говоров верхнеднепровской группы, псковской группы, селигеро-торжковских и восточных акающих среднерусских отдела А в основном совпадают с границами Смоленской, Псковской, Тверской и Московской губерний. Отметим, однако, что эти границы во многом повторяют границы территориальных образований более раннего периода. Расхождения языковых границ с позднейшими административными в целом довольно незначительны и могут быть объяснены приблизительным характером изоглосс. Таким образом возникает вопрос, не является ли фактор этих позднейших губернских границ решающим в формировании современного языкового ландшафта? В то же

время в отдельных случаях подобные расхождения могут претендовать на то, чтобы не считаться случайными. Это проникновение псковских говоров на восток до оз. Пено, а также верхнеднепровских говоров на север в пределы бывшего Ржевского уезда (как екатерининского, так и догубернского деления). Последние связываются с группой населения, известной как «тудовляне», называвшейся их соседями «белокафтанниками» и «польшей» (*Гринкова*, 1926. С. 83). В обоих случаях эти особенности диалектного ландшафта коррелируются с данными о «приписях» из Торопецкого и Бельского уездов в Ржевский уезд в XVI в. При этом, по данным А. А. Фролова, до присоединения к Москве эти «приписи» также относились к Ржевской земле, и отошли к Торопцу и Белому уже в XVI в. (*Фролов*, 2014. С. 379). В любом случае, эти данные могут свидетельствовать о формировании изоглосс, разделяющих современные говоры региона, не позднее XVI в. Особенно этот момент актуален для границы южнорусских верхнеднепровских говоров, отличающихся от селигеро-торжковских более резко, чем псковские. Вместе с тем нельзя исключать и того, что тудовляне могли представлять собой потомков позднейших (XVII–XVIII вв.) переселенцев, скажем, из соседнего Бельского уезда. Автохтонный или пришлый характер данной группы можно установить при изучении кадастровых и переписных материалов XVII–XVIII вв. В пользу пришлого происхождения тудовлян предположительно говорят некоторые различия в традиционном костюме с соседним населением Ржевского уезда, находящие аналогии в соседнем Бельском уезде, отмеченные в XIX – первой половине XX в. (*Гринкова*, 1926. С. 89). Аргументами против максимально позднего, «губернского» происхождения диалектных различий оказываются случаи явного несовпадения языковых границ с административными на ряде соседних территорий, например: отсутствие заметных языковых границ между Смоленской, Витебской и Могилевской губерниями, часть территории которых входит в состав современной Смоленской области; широкое распространение в меридиональном направлении – в пределах Тульской, Калужской, Орловской и Курской губерний говоров орловско-курской и межзональной А групп; существенные различия селигеро-торжковских и собственно тверских говоров и т. д. В то же время можно предположить, что языковые особенности, возникшие, очевидно, в более раннее время, распространялись и кристаллизовались, в том числе в результате внутренних контактов носителей в рамках позднейших административных границ. Этим фактором, в частности, можно объяснить сходство говоров районов Можайска и Медыни с московскими и калужскими говорами.

Не может рассматриваться в качестве решающего момента в формировании говоров Смоленщины пребывание этих территорий в составе Великого княжества Литовского, хотя фактор влияния государственной нормы русского языка ВКЛ на говоры западных областей центральной России не приходится отрицать. В частности, в торопецких землях, довольно длительное время пребывавших под властью Литвы, распространены среднерусские говоры псковской группы, а южнорусские верхнеднепровские говоры восточно-центральной Смоленщины имеют определенные отличия от верхнедеснинских говоров района Брянска, а также межзональных говоров подгруппы А и говоров северной части орловско-курской группы, бытующих на территории подвластных ВКЛ Верховских княжеств.

Таким образом, принимая во внимание крайне многослойный характер формирования диалектного языка XIX–XXI вв., наиболее обоснованным представляется предположение о том, что среди зафиксированных в новейшее время говоров центральной части Европейской России наиболее специфичными для исторической Смоленской земли оказываются говоры верхнеднепровской группы южного наречия, формирование основных черт которых, по всей видимости, следует относить к позднему периоду существования независимого Смоленского княжества (не позднее XIV в.). Более ранняя датировка осложняется тем, что, по представлениям лингвистов, состояние языка, относительно сходное с современным, при котором было бы возможно возникновение основных особенностей, различающих современные восточнославянские языки и диалекты, формируется лишь в позднедревнерусское время (не ранее конца XII–XIII в.) (*Хабургаев*, 2005. С. 434).

Еще одной единицей диалектного членения восточнославянских языков, территория которой в основном коррелирует с территорией части исторической Смоленской земли, оказывается восточно-могилевская группа говоров северо-восточного диалекта белорусского языка, занимающая территорию левобережья Днепра в основном в пределах Могилевской области современной Белоруссии и включающая в себя такие центры юго-запада домонгольской Смоленской земли как Мстиславль, Кричев (Кречют), и Славгород (Пропойск, Прупой). Данная диалектная группа выделяется не всеми классификациями белорусских говоров, часто эти говоры объединяются с витебскими в единую витебско-могилевскую группу. На востоке данные говоры также не имеют четкой границы с говорами западной группы южного наречия русского языка. Значительная часть территории, занятой данными

говорами, входила в состав Мстиславского княжества, окончательно отделившегося от Смоленской земли после захвата литовцами в 1359 г. Здесь, также на бывшей смоленской территории, в XV–XVI вв. находились наследственные владения полоцких по происхождению князей Друцких-Горских и Шишевских. Следует также отметить, что данная территория, подобно Смоленщине в период 1609–1611 гг., понесла огромные демографические потери в середине XVII в. в ходе военных событий 1654–1667 гг.[2], и, весьма вероятно, заселялась заново пришлым населением.

Восточнославянские говоры, зафиксированные на территории основной части Смоленской земли, обнаруживают наибольшую близость с говорами, бытующими на территории исторической Полоцкой земли, составляя с ними в целом единый ареал. Так, как уже отмечалось выше, говоры западной группы южного наречия русского языка, бытующие в западных районах Смоленщины, составляют фактически единое целое с северо-восточным диалектом белорусского языка. Говоры верхнеднепровской группы, которые, как представляется автору, следует считать наиболее прямым наследником средневекового смоленского диалекта, также весьма близки к говорам западной группы, и возникновение границы между ними, вероятно, датируется XVII в. Формирование особенностей этих говоров вряд ли следует связывать напрямую с вхождением в состав ВКЛ и влиянием литовской государственной нормы русского (старобелорусского) языка. Особенности формирования диалектов белорусского языка обстоятельно изучены В. Н. Чекмонасом (Чекманом). Согласно выводам исследователя, лингвистическое своеобразие Белоруссии в целом обусловлено контактом двух самостоятельных ареалов, совпадающих с диалектами белорусского языка – северо-восточного, соответствующего древним смоленско-полоцким землям и опосредованно с севером и северо-западом Руси, и юго-западного, связанного с южной Русью и продолжающего изоглоссы украинских говоров. Таким образом, смоленско-полоцкий ареал представляет собой не периферию неких влияний, идущих с более западных территорий, а самостоятельный центр формирования ряда языковых явлений, не характерных в полной мере для восточнославянского языка литовской «митрополии», который логично увязывать со среднебелорусскими говорами, бытующими в том числе в Виленском крае (*Чекмонас*, 2001). Подобные

[2] См.: *Лобин А. Н.* Неизвестная война 1654–1667 гг. (http://scepsis.net/library/id_1104.html).

наблюдения наводят на мысль о связи данного языкового комплекса с ареалом летописных кривичей. Вместе с тем обращает на себя внимание также значительное сходство смоленских говоров с другими говорами западной части южного наречия русского языка, расположенными за пределами кривичского ареала. Это, в частности, говоры той же западной группы, распространенные в районе Трубчевска (возможно, однако, сформировавшиеся с притоком нового населения в XVII в.), верхнедеснинские говоры района Брянска, межзональные говоры группы А и говоры орловско-курской группы. В основном они охватывают территорию восточной части древней Черниговской земли (распространение этих говоров, в частности, орловско-курских, на юг в восточной части ареала может быть связано с вторичным освоением земель Дикого поля в XVI–XVII вв.). Вся эта территория вписывается в границы литовских владений XV в., но, как уже отмечалось выше, некоторые из черт этих говоров, например, характерное для большинства из них диссимилятивное аканье и яканье, не выводятся непосредственно из литовской государственной нормы русского языка, а в литовском же Торопце южнорусско-белорусский характер говора не закрепился (хотя нельзя также исключать позднейшей смены населения либо последствий пребывания в составе Псковской губернии). Отметим, что эта территория (от Полоцкой земли на северо-западе до Курска на юго-востоке) в точности соответствует реконструируемой для позднедревнерусского периода центральной диалектной зоне, для которой, в частности, реконструируется наиболее раннее распространение такого явление как аканье (*Хабургаев*, 2005. С. 435). В. Чекмонас связывал возникновение аканья непосредственно со смоленско-полоцким ареалом, а распространение его на юго-восток относил к более позднему времени (*Чекмонас*, 2001. С. 38). По историческим данным влияние языка Смоленщины на юго-восточные территории можно связать с правлением с конца XIII в. в Брянске князей смоленского происхождения (*Темушев*, 2016. С. 23), совпадение ряда фамилий смоленских и брянских бояр (Александровы, Скипоревы, Совины (Савины); *Кром*, 2010. С. 264, 267–268, 280, 284), возможно, указывающее на общее происхождение, роль Смоленска в системе обороны восточных рубежей ВКЛ в XV в., а для более позднего периода – возможно, участие потомков смоленских бояр и слуг в формировании служилых корпораций южнорусских городов.

Еще одна территория, обнаруживающая языковую близость со смоленско-полоцким ареалом – новгородско-псковские земли. Они резко отделяются от основной части последнего пучком изоглосс,

отделяющих среднерусские говоры от южнорусских и белорусских, но вместе с тем характеризуются рядом черт сходства. С широко понимаемым кривичским ареалом, включающим псковские и смоленско-полоцкие говоры, связывается специфический способ реализации фонемы ě (ѣ), отличный от иных восточнославянских диалектов (*Зализняк*, 1995. С. 43–44). Среди прочего в ряде современных смоленских говоров зафиксировано цоканье (ДАРЯ, 1986. Карта 45, 47), отраженное также в памятниках средневековой письменности смоленско-полоцкого региона (*Соболевский*, 1886). Непосредственно к западным среднерусским говорам относятся говоры изначально смоленских торопецко-ржевских земель, позднее имевших тесные связи с Новгородом.

Отмеченные языковые особенности Смоленской земли во многом обусловлены ее центральным положением на контакте северной и южной частей восточнославянского ареала. В соответствии с современным диалектным членением русского языка говоры, распространенные в основной части Смоленской земли, принадлежат к южному наречию русского языка, вместе с белорусскими говорами занимающему центральное положение на общевосточнославянской лингвистической карте. Наряду с собственными специфическими особенностями, такими как аканье в диссимилятивной форме и раннее совпадение е и ѣ, говоры смоленско-полоцкого ареала совмещают ряд черт севернорусских (например, следы цоканья) и южнорусских (например, фрикативное ɣ) говоров. Подобная ситуация породила дискуссию о первоначальной принадлежности смоленско-полоцких кривичей к северной или южной ветви восточного славянства, актуальную как для лингвистического, так и для археологического материала. Так, культура смоленско-полоцких длинных курганов, большинством исследователей связываемая с кривичами, трактуется как имеющая северное (*Седов*, 1982. С. 53), так и южное (*Енуков*, 2018) происхождение. Не исключено также определение кривичей как преимущественно субстратного, изначально балтоязычного массива, подвергавшегося славянизации как с северного, так и с южного направления. Часть исследователей приходила к выводу, что смоленско-полоцкий говор изначально был более близок к новгородскому и псковскому, но позднее приобрел южные особенности. А. И. Соболевский и А. А. Шахматов связывали эти изменения с притоком колонистов, в том числе из племенного ареала дреговичей (*Соболевский*, 1886. С. 14–15, 17. *Шахматов*, 1899. С. 27–28). Любопытные наблюдения в этом отношении сделал В. Чекмонас. Исследователь проследил различия в произношении г в юго-западном и северо-восточном диалектах белорусского языка. Для первого

оказалось характерно фарингальное произношение г (h), аналогичное имеющему место в украинском языке, для второго – заднеязычное фрикативное ɣ, характерное также для южного наречия русского языка. Одна из возможных и наиболее вероятных трактовок подобного разделения видится в том, что произношение ɣ возникло в результате экспансии говоров с фарингальным h на территорию, где ранее было распространено взрывное g, характерное для северно- и среднерусских говоров, а также литературного русского языка. При этом до распространения фрикативного ɣ в говорах смоленско-полоцкого ареала уже существовало явление губно-губной протезы, по письменным источникам надежно фиксируемое с XIII в. (*Чекмонас*, 2001. С. 36).

Не претендуя на решение вопроса о происхождении носителей культуры СПДК, на археологическом материале эпохи Средневековья можно проследить несколько эпизодов усиления южного влияния в смоленском регионе, возможно, сопряженных с притоком нового населения (притом, что связи Смоленска с более южными регионами в Средневековье фиксируются достаточно стабильно). Один из них выделяется на памятниках Гнёздовского археологического комплекса в поздний период его существования и датируется второй половиной X в. (*Мурашева, Ениосова, Фетисов,* 2007. С. 70). В этот период здесь распространяются пряслица из овручского шифера, высококачественная керамика из Среднего Поднепровья, появляется местная керамика, изготовленная по южной традиции из беложгущейся глины и копирующая южнорусские формы. Сходным образом выглядит наиболее ранняя круговая керамика Смоленска (*Шарганова, Курмановский*, 2016). С учетом означенной хронологии лингвистических явлений следует обратить внимание также на смену керамической традиции Смоленска с середины XIII в., согласно выводам Т. В. Сергиной, связанную с притоком населения из южных регионов (*Сергина*, 2004. С. 23–24). Кроме того, обращает на себя внимание сходство керамики средневековой Вязьмы (по крайней мере, послемонгольского времени) с регионом верхней Оки, в свою очередь связанным с чернигово-северскими землями (*Болдин*, 2012. С. 46, 141). Отметим также, что кризисный для Смоленщины период XIII–XIV вв. отмечен рядом изменений в территориальных структурах Смоленской земли, приведших к формированию системы смоленских волостей, известных по источникам XV–XVII вв. и отличных от структуры территории, известной по данным грамот Смоленской епархии XII–XIII вв., в первую очередь, Уставной грамоты Ростислава Мстиславича. Возможно, эти изменения были связаны с приходом

на обезлюдевшие смоленские земли нового населения из разоренных татаро-монголами регионов Южной Руси.

Вместе с тем значительное сходство говоров, распространенных на территории смоленских и полоцких земель позволяет предположить, что, по данной логике, сходное явление должно было синхронно проявиться и в Полоцкой земле. Опираясь на анализ средневекового керамического материала, на этот вопрос в настоящее время сложно дать однозначный ответ. Керамика, близкая по форме к позднесредневековой смоленской, в Полоцке и окрестностях отмечена в комплексах XV – первой половины XVI в. (*Дук*, 2003. С. 93–94. Мал. 4, 6, 7, 11, 14, 17, 22. *Клімаў*, 2003. С. 153, Мал. 3, 2–4). Аналогии в синхронном смоленском материале обнаруживают некоторые формы керамики Витебска XIV–XV вв. (отдельные варианты типов А, Б, Е группы 1 по типологии О. Н. Левко (1982. Рис. 1)). Однако данную гипотезу необходимо проверить на более широком материале с привлечением данных по керамическим традициям других регионов Руси.

В целом опыт анализа лингвистической географии территории Смоленской земли с привлечением исторических и археологических данных позволил сделать следующие выводы:

1. Формирование языковой специфики Смоленской земли, зафиксированной современной диалектологией, в целом может быть датировано эпохой Средневековья.

2. При этом не видится достаточных оснований связывать ее напрямую с ареалами летописных племен, либо территориально-культурными общностями домонгольского периода, известными по археологическим данным, такими как культура СПДК или носители браслетообразных завязанных височных колец.

3. В то же время неверным видится представление о решающей роли в формировании специфики говоров данной территории пребывания ее в составе ВКЛ.

4. Одним из факторов, определивших языковые особенности, сближающие и разобщающие смоленские земли с сопредельными территориями, возможно, явились территориальные связи местных княжеских и боярских фамилий.

5. Представляется также, что заметное влияние на языковую ситуацию на Смоленщине оказали перемещения населения в период позднего Средневековья – Нового времени (в первую очередь, XVII в.), а также административные границы губерний Российской империи, как, возможно, и территориальных образований более раннего периода.

Литература

Аванесов Р. И., 1949. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР. 340 с.

Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука. 264 с.

Болдин И. В., 2012. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии. Калуга: Ваш полиграфический центр. 172 с.

Гринкова Н. П., 1926. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда (Из материалов Верхневолжской этнологической экспедиции Российской академии истории материальной культуры) // Этнография. № 1, 2. С. 83–96.

ДАРЯ (центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 216 с.

Дук Д. У., 2003. Археалагічны комплекс «Пабудова першай паловы XVI ст.» (па выніках раскопак 2001–2002 гг. на Вялікім Пасадзе г. Полацка) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэр. IV міжнар. навуковай канфер. (23–24 кастрычніка 2002 г.). Полацк: НПГКМЗ. С. 88–106.

Думин С. В., 1980. Социально-политическое развитие городов Смоленского воеводства в составе Речи Посполитой (1618–1654 гг.) // Проблемы истории античности и средних веков. М.: МГУ. С. 95–111.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., 1915. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М.: Синодальная тип. 140 с.

Енуков В. В., 2018. Культура смоленских длинных курганов и древности днепро-донской лесостепи // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Матер. междунар. конфер., посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: МГУ. С. 82–83.

Зайцев А. К., 2009. Черниговское княжество X–XIII вв. Избранные труды. М.: Квадрига. 237 с.

Зализняк А. А., 1995. Древненовгородский диалект. М.: Школа ЯРК. 720 с.

Исланова И. В., 2011. Культура длинных курганов на озерах в верховьях Волги (вопросы изучения) // Уч. зап.: электронный научный журнал Курского гос. университета. № 3 (19). Т. 2. http://www.scientific-notes.ru/pdf/021–002.pdf.

Клімаў М. В., 2003. Лучна-1: стратыграфія і храналогія феадальнай сядзібы // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэр. IV міжнар. навуковай канфер. (23–24 кастрычніка 2002 г.). Полацк: НПГКМЗ. С. 150–159.

Кром М. М., 2010. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России. 320 с.

Крывіцкі А. А., 1989. Дыялектная мова // Этнаграфія Беларуси. Энцыклапедыя. Мн.: БелСЭ. С. 187–190.

Курмановский В. С., 2012. К истории формирования населения Смоленского уезда в первой половине XVII в. // Мининские чтения. Нижний Новгород. С. 323–327.

Левко О. Н., 1982. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. Мн.: Наука и техника. С. 129–136.

Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак / Аванесаў Р. І. (рэд.). Мн.: Навука і тэхніка, 1969. 112 с.

Лобин А. Н. Неизвестная война 1654–1667 гг. (http://scepsis.net/library/id_1104.html).

Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. М.: Альфарет. С. 31–77.

Николаев С. Л., 1988. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. Сб. науч. трудов. 1986. М.: Наука. С. 115–154.

Николаев С. Л. 1994. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. № 3. С. 23–49.

Николаев С. Л., 2011. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. № 6. С. 3–19.

Писцовая книга Можайского уезда письма Н. Неплюева. Список XVII в. / РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1 Ед. хр. 10816. 1626–1627 гг. Л. 1–1150.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР).

Седов В. В., 2005. Избранные труды. Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Знак. 944 с.

Сергина Т. В., 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII веков. Смоленск: Смоленский гос. пед. унив. 208 с. (Смоленские древности. Вып. 3).

Соболевский И. А., 1886. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Русский филологический вестник. Т. XV. Варшава: Тип. М. Земкевича. С. 7–24.

Темушев В. Н., 2016. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в. Тула: Куликово Поле. 328 с.

Фролов А. А., 2014. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Писцовая приправочная книга 1588–1589 гг. уезда Ржевы Володимеровой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подг. А. А. Фролов. М. – СПб.: Альянс-Археo. С. 355–389.

Хабургаев Г. А., 2005. Древнерусский язык // Языки мира: славянские языки. М.: Academia. С. 418–437.

Чекмонас В., 2001. Из истории формирования белорусских говоров // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы. Матэрыялы III Міжнарорднага кангрэса «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацыі». 1 сесія – 21–25 мая, 2 сесія – 4–7 снежня, Мінск, 2000. Мн. С. 29–46.

Шарганова О. Л., Курмановский В. С., 2016. О технологии изготовления наиболее ранней круговой керамики Смоленска // Исторический журнал: научные исследования. № 6 (36). С. 695–702.

Шахматов А. А., 1899. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб.: Тип. В. С. Балашев и Ко. 63 с.

Янин В. Л., 1998. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. М.: МГУ. 216 с.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.251-290

И. Л. Кызласов
Институт археологии РАН, г. Москва

Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад. (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе)

Трудами Альбины Александровны Медынцевой показано: пространство кириллической эпиграфики ограничено лишь областью духовного единства средневековых сообществ. Быть может, уместно преподнести к юбилею неутомимой исследовательницы подтверждение этого закона в сфере манихейской сибирско-тюркской эпиграфики.

Сравнительное изучение наскальных надписей азиатского рунического письма, проведенное в палеографическом и орфографическом отношении, выявило использование енисейского алфавита не только в Южной Сибири и Центральной Азии (включая Монголию и Восточный Туркестан), но и на землях Кыргызстана и Казахстана. Общей оказалась и первоначально, вероятно, лишь среднеенисейская, а затем всеобщая для ареала область применения енисейской письменности – нанесение на скалы и природные каменные глыбы рунических строк, знаменующих свершение молитвенного обряда северного, сибирско-тюркского манихейства (*Кызласов И. Л.,* 2001а; 2003; 2005а; 2005б; 2008. С. 452–458; 2012; 2013а; 2014).

Тюркоязычные манихеи, молившиеся у скал и оставившие в знак этого краткие камнеписные строки, нередко указывали не только свои титулованные, но и простонародные имена (*Кызласов И. Л.,* 1999а. С. 100–103). В том проявлялось осознание равенства людей перед богом. По этой причине и столь же часто приверженцы религии Света оставались в своих надписях безымянными. В одних случаях неназванные лица просят о милости ко всему человечеству:
t(ä)ŋr(i)m čök bizkä «Мой Боже, снизойди до нас!» (Хакасия, Туба II, E 36/2), (?~?)

t(e)bs(e)j k(e)č(i)g r(?)(a)q(?)(a)š(a)č (?) (e)r(i)l{ä} t(ä)ŋr(i)m{ä} čök{ä} j(e) rk(?~ m?)[{ä}?] «(Вот –) Тепсейская переправа. Демон (?) исчезни! Мой Бог, äснизойди на земл[ю]!» (Хакасия, Тепсей VI, E 116); [illegible]… ...t(ä)ŋr(i)m čök «…Мой Бог, снизойди (до нас ~ до меня)!» (Хакасия, Тепсей, не издано: *Адрианов,* б.г. Табл. V, фиг. 21). Во множественном числе, с употреблением постпозитивного личного показателя сказуемости первого лица [illegible] biz, бывают высказаны и более пространные религиозные суждения (Хакасия, Городовая стена) (*Кызласов И.Л.,* 2013б).

В других случаях верующие демонстрируют личную подчиненность небесному владыке, согласно древней традиции Ближнего Востока относя себя к его рабам: [illegible] t(ä)ŋri qulï bit(i)d(i)m «Я, раб Божий, написал (это)» (Монголия, Гурвалжин-ула); [illegible] isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (Божий) написал (это) и (стал) здоров» (Тува, Хая-Бажи X, E 24/10). Среди наскальных граффити писавший не раз предстает лишь анонимным грешником: [illegible] öz (a)d (a)pa (a)dγ(a)č m(e)n (a)z<u>uq</u> (a)lp b(e)r(i)md(i)nki «Я – Оз Ат-апа-адгач (?), грешный (букв.: заблудший) витязь, пребывающий в долгу (перед Всевышним (?))» (Хакасия, Лисичья I); [illegible] (a)nï b(i)t(i) gli (ï)n(a)η in «Пишущий эту (надпись) Ынанг греховен (букв.: низок)» (Тува, Хая-Бажи XI, E 24/11); [illegible] (e)l j(e)g(ä)n {ä} «(Я –) греховный (~ низкий) Йеген» (Алтай, Ялбак-Таш III); [illegible] (e)r (a)tï (e)l j(e)g(ä)n {ä} «Его имя эра Греховный Йеген» (Ялбак-Таш XIII) (*Кызласов И.Л.,* 1994. С. 188–193, 195, 197; 2001а. С. 245–249, 253, 254).

Две соседствующие на алтайской скале Бичикту-Бом надписи, не содержащие имен, также свидетельствуют, что, по убеждениям писавших, бог знал того, кто к нему обращался. И был милостивым не только к праведникам, но и к раскаявшимся грешникам. Эти строки гласят: [illegible](2) [illegible](1) (1) (e)n (e)r(i)g ör {ä} (2) b(i)t(i)d(i)m {ä} «(1) (Мой Бог,) предстань перед грешным мужем! (2) (Это) я написал» (Бичикту-Бом II/1); здесь же иной рукою добавлено – [illegible] kiši oγl(ï)η(ï)γ «(И) твоему сыну человеческому (явись)!» (*Кызласов И.Л.,* 2000. С. 90–97, рис. 4–7; 2001а. С. 249).

На общем фоне сакрального енисейского письма именно бичикту-бомские строки позволяют ясно понять содержание иных, крайне лаконичных наскальных граффити, которым посвящена настоящая статья.

На скалах всех названных земель сохранились енисейские надписи, состоящие из одного рунического знака [illegible], вне контекста читаемого единственным возможным образом – (e)r «эр». Содержание этого слова

тесно связано с распространенным в енисейской письменности понятием ᚴᛏᛏ *er atï* «имя мужчины-эра». Оно неравнозначно сути слова «имя» в русском языке. Едва ли не в каждой классической эпитафии Древнехакасского государства, по обычаю написанной от лица умершего, особо указывалось ᛏᛏᛏ *er atïm* – «мое имя мужчины-эра». Такое имя обреталось вместо детского, мальчикового, когда юноша проявлял обязательный жизненный признак – ᚴᛏᛏᛏᛏᛏ *er erdämi* «доблесть мужчины-эра», что ставило его в один ряд с полноправными свободными мужчинами общества. Надо сказать, что в прошлой истории человечества подобные обычаи имели широкое распространение. Об этом и особенностях явления см., например: (*Никонов*, 1974. С. 21–26).

В указанных словосочетаниях и контекстах можно было бы общетюркский термин ᛏ *er* вообще не переводить, поскольку все подбираемые для него европейские слова, скорее, указывают на половую и возрастную принадлежность человека (русск. «муж, мужчина», англ. «*man; male, a fighting man, husband; in manhood; adult*» и т.д.: *Clauson*, 1972. P. 192), не отражая его социального, сословного положения в раннесредневековом тюркоязычном обществе. В русском языке наиболее точное отражение имеет слово «муж», но не в его современном, а в том давнем и полновесном смысле, который хранят памятники древнерусской письменности (скажем, «Русская правда»). Поэтому перевод В. В. Радлова и С. Е. Малова («герой») представляется мне ближе прочих к оригиналу, как и соответствующее ему «геройское имя; геройская доблесть». Сравним также теперь перевод И. В. Кормушина – «муж-воин».

Однако это весьма древнее слово, хорошо знакомое по руническим письменным памятникам IX–X вв., в нашем случае не раз обособленно употребленное среди наскальных молитвенных граффити, наполнено уже иным, новым для него религиозным содержанием. Оно раскрыто словосочетаниями приведенных выше строк скалы Бичикту-Бом, представляющим писавшего как грешного мужа (ᛏᛋᛋ *en er*) – лишь одного из многих сынов человеческих (ᚴᛁᛋᛁ ᛁᚴᛁᛏᛁᛏ *kiši oγlï).*

Надо полагать, именно таковы по внутреннему содержанию и своеобразные наскальные надписи, состоящие из одного слова ᛏ (e)r «эр». В соответствии с традициями северного, сибирско-тюркского манихейства эти письменные отметки свершенных у скал молений всюду оставлены мирянами – мужчинами-эрами, подчеркивавшими свою духовную обыденность и, вследствие этого, бренность и греховность. Как авторы иных анонимных надписей они также были уверены, что бог знает того, кто к нему обращается.

Мне доводилось уже кратко писать об этом явлении (*Кызласов И. Л.*, 1999а. С. 101, 102; 2003. С. 61; 2010. С. 48, 49). Ныне необходимо показать его широту, сделав соответствующую сводку материала. Такие рунические надписи все еще остаются или неопубликованными, или нераспознанными. Нет сомнения, что с развитием полевой рунологии число их будет нарастать.

Рассматривая эти знаки, следует иметь в виду, что в областях бытования азиатских рунических письменностей – енисейской, орхонской или таласской – одновременно с ними не употреблялись тамги, внешне сходные с буквами этих алфавитов. Да и в прочих землях и эпохах начертания, похожие на руну ᛉr², служили лишь элементом тамговых знаков, непременно сопрягаясь с иными фигурами и служа типажом видоизменения изначального образа. На обширном материале это показано, например, для европейской Сарматии и смежных районов I в. до н.э. – конца IV в. н.э. (*Яценко*, 2001. Рис. 3, *a, b*; 4, *9*; 5, III, *57*, V, *84*, IX, *2, 11*; 6, II, *37*, III, *69, 82*; 7, I, *7, 8* и др.).

I. Хакасско-Минусинская котловина

Ныне определенная насыщенность интересующих нас рунических граффити известна на землях Среднего Енисея. Согласно архивным и литературным данным, такие написания, состоящие из единственного знака ᛉr², встречены в пяти несомненных случаях – на трех покрытых петроглифами скалах и двух предметах. Особенно значимо, что на тех и на других эта руна вырезана в окружении достоверных рунических надписей, выполненных енисейским письмом.

1. *Надпись Тепсей IV/1 (Е 114/1).* В сводной рукописной работе А. В. Адрианова «Писаницы (Отчеты за 1904 год)», хранящейся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири при Томском университете (инв. № 55), даны описания и сделанные от руки записи многих памятников енисейского рунического письма, не сохранившихся ныне[1].

[1] В работе С. Г. Кляшторного (1976. С. 66, прим. 1) указан неверный инвентарный номер томского хранения. Рукопись изучена Л. Р. Кызласовым в 1961 г. (1965а. С. 44, прим. 35) и по его заказу скопирована на пишущей машинке с переносом в текст рисунков оригинала. Ныне, сохранившаяся в личном архиве исследователя, она служит основой приводимых нами данных (*Адрианов*, 1904. Л. 50–80: «Писаница Тепсейская»). Тогда же один экземпляр этой машинописной копии передан Л. Р. Кызласовым М. А. Дэвлет, другой – в Хакасский НИИЯЛИ (г. Абакан). Краткое описание и содержание этого труда, указания на различия его от варианта, доставленного в Санкт-Петербург в РКИСВА в 1906 г. и «с приложением фотографических снимков» переданного Комитетом «для напечатания в Имп. Археологическую Комиссию», но света не увидевшего

Эпиграфические материалы горы Тепсей, бывшие самым крупным скоплением наскальных рунических надписей на территории России, весьма значимы для понимания культуры того времени. Но история их изучения, пожалуй, особенно сложна.

До разрушения обнажений этой горы водами подступившего в 1972 г. Красноярского водохранилища Я. А. Шеру удалось в 1966 г. отыскать и в 1967 г. скопировать 12 (*Шер, Григорьев, Подольский*, 1967. С. 147[2]; *Шер и др.*, 1968. С. 151; *Шер и др.*, 1969. С. 180[3]; *Васильев*, 1984; *Blednova et al.*, 1995. P. 13, 45, 47–49, pl. 48, 49, *25.9, 25.14, 25.16* (?), 54, *42.1, 42.2, 42,5*; ср.: *Вадецкая*, 1986. С. 163, 164, № 64, 65), а С. Г. Кляшторному на месте обследовать 11 вырезанных наскальных надписей, пронумерованных 10 индексами: Е 111 – Е 117, Е 123 – Е 125 (*Кляшторный*, 1976), натурное обследование и копирование которых были продолжены в 1975 г. красноярскими художниками и опубликованы Д. Д. Васильевым (1977; 1983а. С. 12, 13, 43, 44, 58, 78, 80)[4]. Четыре из них (Тепсей III, VII, X, XI: Е 113, 117,

---

(ИРКИСВА, 1908. С. 13), ныне хранящегося в архиве ИИМК РАН (*Вадецкая*, 1986. С. 158; *Дэвлет*, 2004. С. 39–42, 61, прим. 156 сл.). В личном архиве С. В. Киселева не позднее 1947 г. оказался, вероятно, предварительный вариант того же отчета (*Адрианов*, б. г.) – машинописная копия в 238 страниц сплошного текста и ряд таблиц к ней (табл. I–VI, VIII–XX, формата 35×22 см), используемых мною здесь. Эстампажи тепсейских надписей, изготовленные А. В. Адриановым, как и его оттиски иных рунических памятников, были лишь недавно обнаружены в Институте восточных рукописей РАН (бывшее ЛО Института востоковедения АН СССР), отождествлены и описаны Д. В. Рухлядевым, которому я благодарен за подробное сообщение об этом, сделанное в 2016 г.

[2] В заметке упомянуты работы на Тепсее в 1966 г., но в полевом отчете Я. А. Шера за этот год (Архив ИА РАН. № 3365, 3365а) сведения о них отсутствуют. Факт обнаружения надписей отрядом Я. А. Шера в 1966 г. «при копировании Тубинской писаницы» упомянут С. Г. Кляшторным в приложении к отчету Я. А. Шера за 1967 г. Причина, по-видимому, в том, что копирование надписей в 1966 г. «без участия специалиста нельзя было признать полностью достоверным» (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 40).

[3] Авторы работ здесь утверждают, что новая надпись (Тепсей XI, Е 126) обнаружена на Тепсее в 1968 г. Однако в полевом отчете Я. А. Шера за этот год (Архив ИА РАН. № 3946, 3946а) речь идет лишь об изучении прибрежной скалы в горах Оглахты. Указания на 1967 г. всюду даны издавшим памятник Д. Д. Васильевым (1977. С. 93; 1983а. С. 44; 1984. С. 48; ср.: 1976. С. 75), хотя сведения об этом отсутствуют в отчете самого Я. А. Шера за 1967 г. (Архив ИА РАН. № 3525).

[4] Следую индексации Д. Д. Васильева. Надпись Е-117 (Тепсей VII) в названных изданиях тюркологов приведена в транскрипции, без воспроизведения. Ее описание, автография, транскрипция и перевод даются в приложении С. Г. Кляшторного к полевому отчету Я. А. Шера (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 43: участок 8, ярус в), прорисовка издана позднее (*Blednova et al.*, 1995. Pl. 48, 25.14). В рукописном отчете Я. А. Шера С. Г. Кляшторным указаны 12 надписей, часть из которых неразборчива, в том числе состоящая из четырех строк (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 41–43). В корпусе 1983 г. под прорисовками надписей Тепсей I и II перепутаны индексы Е 111 и Е 112 (ср.: *Васильев*, 1983а. С. 43–44 и 78). Строка Е 123, по Адрианову, была втрое длиннее и, очевидно, включала

125 и 126) не отмечены в отчете А. В. Адрианова[5], хотя в целом, с учетом обнаруженных им буквенных рядов (*Адрианов*, 1904. Л. 56–66; *Адрианов,* б. г.), на этой горе надо числить, по крайней мере, 31 руническую строку: 24 на открытых скальных поверхностях, шесть в пещере и одну в нише под скальным навесом (*Вадецкая*, 1986. С. 163, 164, № 62–64; *Кызласов И. Л.,* 1992; 1994. С. 186–188; 2001а. С. 246, 247, 249, 250, рис. 3; 2007. С. 107). При этом строки Тепсей XXIII–XXV, учитываемые по разрозненным рисункам отчетной рукописи 1904 г. и таблицам ее варианта 1906 г. (*Адрианов*, б. г.), могли составлять единый текст, чего нельзя установить без дополнительных изысканий, а три строки одной из пещерных надписей, изученной мною на месте в 1997 г. (*Кызласов И. Л.*, 1999б. С. 284), определенно являются одним пространным высказыванием (Тепсей XXVI). Следовательно, осознавая необходимость дальнейшего изучения архивных данных, по проведенным ныне подсчетам на Тепсее следует числить 31 руническую строку, представляющую, по крайней мере, 29 надписей енисейского письма.

Сегодня следует выделить 30-ю надпись, лишь внешне составляющую единую строку, обозначенную в литературе как памятник Тепсей IV (Е 114). На деле это сложная композиция, составленная из размещенных с просветами одного рунического и двух тамговых знаков, левее которых протянулась надпись из 18 рун, включая три словоразделительных отметки. Письменный памятник безошибочно передан в побуквенной записи А. В. Адрианова (1904. Л. 54; б. г. Табл. II, фиг. 8) (рис. 1, *а*) и описан им[6]: «Ниже фигуры XIX_{20} (креста в круге – возможно, позднего изображения бубна. – *И. К.*) и вершков на 6 вправо, у самой земли, где плотный пласт песчаника образует поверхность похожую на край большого колокола, а сверху накрытую выступившим вперед пластом, оказалась строка руноподобных знаков, вырезанная очень тонким штрихом; длина строки 49 стм., высота знаков от 3,5 до 6 стм.,

---

три самостоятельных надписи (*Адрианов*, б. г. Табл. IV, фиг. 1). В 1975 г. уже не отмечены знаки правее тамги, возможно, в изданиях они выступают как Е 125 (*Васильев*, 1977. С. 79, рис. 1; 1983а. С. 44, 78). Доступными источниками не подтверждается полевое изучение надписей в 1966–1968 гг., как указывает Д. Д. Васильев (1983а. С. 43).

[5] Сам А. В. Адрианов (1904. Л. 188) полагал, что обнаружил и зафиксировал на открытых скальных выходах 13 надписей, С. Г. Кляшторный (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 40) числил за ним 10 надписей.

[6] В публикациях современных исследователей нет описаний конкретных надписей: ни размещения их на скалах, ни размеров строк и знаков, ни расположения среди петроглифов. Изданные прорисовки не имеют линейного масштаба. Архивные данные свидетельствуют, что такие данные частично фиксировались в полевых записях С. Г. Кляшторным (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 41–43).

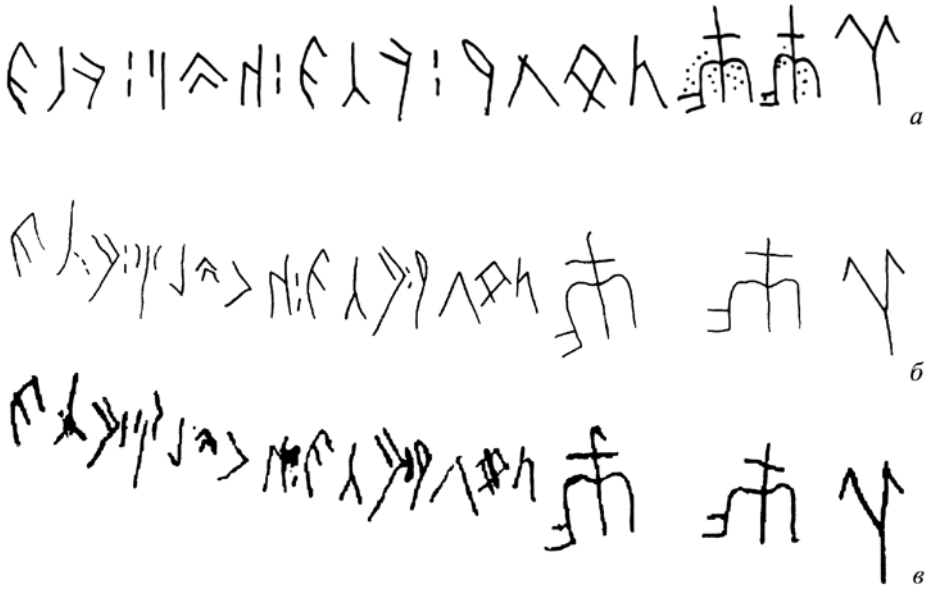


Рис. 1. Строка Тепсей IV

а – по рис. А. В. Адрианова; *б* – по прорис. С. Г. Кляшторного; *в* – по прорис. Я. А. Шера

число знаков 18 + 3; вот эти знаки: (следует запись строки. – *И. К.*). Они воспроизведены на эстампажах XIX_{23} и фотографированы под № 36. – Я попробовал откапать землю от колокообразного низа (л. 54) пласта и, к моему удовольствию, нашел еще одну строку рун, находящуюся вершка на два под землею (л. 55)». Далее следует описание надписи Е 112, а затем Е 115 и еще одной строки, оставшейся ненайденной в 1960–1970-е годы – на этом участке скалы граффити шли довольно плотно. Вершок равен 4,45 см.

В полевых записях С. Г. Кляшторного (Архив ИА РАН. № 3525. Л. 42) эти граффити описаны так: «Вторая надпись (грань 2, ярус а) расположена в 60 см от дневной поверхности, состоит из 21 знака в одной строке, длина 480 мм, высота первых трех знаков около 70 мм, остальных – 30–50 мм, вырезана глубокими резами. Первые три знака (из них две тамги: [следует вставленное от руки изображение двух одинаковых знаков]. – *И.К.*) несколько обособлены от остальных».

Привожу запись надписи, сделанную А. В. Адриановым на одной из таблиц, приложенных к версии, присланной в Петербург в 1906 г., а до этого внесенной в томский текст отчета (*Адрианов*, 1904. Л. 54; *Адрианов,* б.г. Табл. II, фиг. 8) (рис. 1, *а*), а также прорисовки, выполненные

в конце 1960-х гг. с натуры С. Г. Кляшторным (1976. Рис. 4) (рис. 1, *б*) и Я. А. Шером (*Blednova et al.*, 1995. Pl. 54, *42.1, 42.2*) (рис. 1, *в*). В начале XX в. открыватель наскального текста, хотя и считал его единой строкой, делил знаки на две части: как мы видели, группы из 18 рун и трех знаков, включающих две тамги. Сергей Григорьевич, оправданно считая первый (правый) знак руной ᛉr², видел в нем слово (e)r «муж» и, стремясь получить единый связный текст, ошибочно реконструировал одну из пропущенных на письме гласных, в итоге прочитав t(e)bs(e)j k(i)č(i)g и восприняв это в качестве личного мужского имени «Тепсей Младший» (*Кляшторный*, 1976. С. 69) Меж тем такого построения личных имен не знала средневековая традиция тюркских народов. Последующими за тамгами рунами было написано обозначение речной переправы, названной по имени горы: ᚱᛅᚮ:ᚭᛅᛏᛁ t(e)bs(e)j k(e)č(i)g. Неверное прочтение давно исправлено (*Кызласов И. Л.*, 1992; 1994. С. 186, 187).

Ныне понятны и смысл руны ᛉ, обозначавшей молившегося у скалы мужчину-эра, и назначение его лично-фамильной тамги, послужившей геральдической подписью, завершающей лаконичную надпись. Будучи полной и самостоятельной, эта двойная буквенно-тамговая отметка (обозначим ее как Тепсей IV/1, E 114/ 1), не имеет прямого отношения к последующему написанию (Тепсей IV/2, E 114/2), лишь внешне продолжающему строку.

Прорисовки С. Г. Кляшторного и Я. А. Шера не случайно фиксируют просвет меж двумя тамговыми знаками (рис. 1, *б*, *в*), а при описании две части граффито получают у петроглифиста разные номера (*Blednova et al.*, 1995. Pl. 54, *42.1, 42.2*). Я. А. Шером, в отличие от иных исследователей, документирована также существенная разница в облике соседствующих в строке лично-фамильных тамг. Левая из них отличается от правой дополнительным отводком на вершине (рис. 1, *в*), то есть, согласно установленным нормам древнехакасской геральдики IX–X вв. (*Кызласов Л. Р.*, 1960; 1965), принадлежит последующему поколению семьи – сыну человека, нанесшего лаконичную надпись Тепсей IV/1.

При учете направления рунического письма справа налево проявляется составная композиция письменного памятника. Здесь у подножия скалы моление совершалось не единожды – строка Тепсей IV составлена из трех частей, нанесенных на скалу последовательно (рис. 1, *б, в*): 1) надпись ᛉr² и завершающая ее слева тамга; 2) вторая тамга, вырезанная сыном, молившимся вслед за отцом; 3) строка слева от тамг, позднее нанесенная другим человеком, свершившим обряд поклонения

в том же месте. Можно думать, второго и третьего участников привлекла имевшаяся на скале сакральная отметка. Они могли знать, где обращение к богу уже дало желаемый результат.

Показательно, что по свидетельству А. В. Адрианова, руническая строка Тепсей IV оказалась у самой земли – последовательно наносившие ее люди опускались на колени. Не случайно завершающий изучаемую композицию элемент, нанесенный левее тамг – строка Тепсей IV/2 (Е 114/2) – называет тепсейскую переправу благодатной: t(e)bs(e)j k(e)č(i)g qutl(u)g k(e)č(i)g. Наиболее явно на былое обожествление этой вершины указывает содержащая название горы строка Тепсей V (Е 115): t(e)ŋr(i)dä qutlug t(e)bs(e)j t(e)ŋri – «С неба (исходящей) благодатью обладающее божество Тепсей» (*Кызласов И. Л.,* 1992; 1994. С. 186, 187).

Енисейские молитвенные надписи на скалах, завершающиеся нанесением вслед за текстом геральдической отметки писавшего, известны (*Кызласов И. Л.,* 1994. С. 137, рис. 20). По крайней мере, еще один такой несомненный случай есть и на самой горе Тепсей (*Васильев*, 1984; изданное прочтение текста неудачно). В нашем случае человек, оставивший надпись Тепсей IV/1 (Е 114/1) принадлежал к местному правящему роду. Его представители, один за другим сотворявшие у скал Тепсея молитвы, оставили в разных местах свои лично-фамильные тамги, то по одной и две, то выстраивая их горизонтальными рядами в три и даже шесть знаков (*Адрианов,* б.г. Табл. III, фиг. 1, 4, V, фиг. 9, VI, фиг. 10). По материалам А. В. Адрианова, систематизированным Л. Р. Кызласовым (1965а. Рис. 8, *23–31*), фамильно-личные тамги такого типа не менее 25 раз встречены на обнажениях соседствующих гор правого берега Енисея (Турана, Тепсея, Суханихи) и на камнях близлежащих курганов. Их размещение и этапы графического видоизменения указывают на то, что восходящие к общему предку именитые семьи не менее шести поколений подряд владели землями по обе стороны устья р. Тубы (в средневековье – р. Упса). О переправах через нее и идет речь в наскальных надписях (*Кызласов И. Л.,* 1992).

2. *Надпись Перевозная (Абаканская писаница).* В рукописном отчете А. В. Адрианова содержатся сведения об еще одной интересующей нас рунической наскальной надписи. Выше д. Перевозной (ныне д. Абакано-Перевоз) скальные выходы, отвесно спускающиеся в воды Енисея, издавна привлекали внимание исследователей многочисленными вертикальными строками монгольского письма (историю изучения

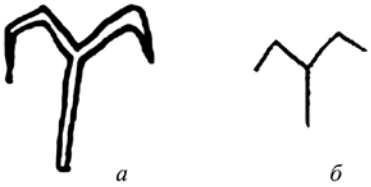


Рис. 2. Рунические надписи
(по рис. А.В. Адрианова)
а – Перевозная (Абаканской) писаница; *б* – Майдашинская писаница

и библиографию памятника см.: *Адрианов*, 1904. Л. 122–128; *Рыгдылон*, 1951. С. 97–100; *Вадецкая*, 1986. С. 163, № 53). Начав в 1904 г. обследование, А. В. Адрианов смог заняться их копированием лишь в августе следующего года. Ученый выделил восемь граней с многострочными надписями, преимущественно выполненных черной краской, и обозначил их римскими цифрами (*Адрианов*, 1904. Л. 128, 129). Непосредственно ниже надписи III на плоскости, находившейся на высоте 4 м над водой, он изучил и скопировал состоявшую из 14 строк надпись IV, правее которой были выбиты три фигуры животных. Также справа от нее располагался выведенный черной краской знак около 5 см величиной – руна ᛉr². В рукописи и на таблице она воспроизведена фигурой 16×13 мм (*Адрианов*, 1904. Л. 132; *Адрианов,* б.г. Табл. XII, фиг. 15) (рис. 2, *а*). Сам А. В. Адрианов эту фигуру надписью, видимо, не считал (во всех трех случаях, описанных мною в этой статье, в сводной таблице его отчета отсутствуют такие отметки – Л. 188). Однако следует заметить, что далее по скале, «в одном слое с надписями IV и VI, на продолжении их вправо» идут выбитые знаки, зафиксированные эстампажами XXIX, 6–8 и рисунками в рукописи, среди которых легко узнаются древнехакасские тамги, бытовавшие в эпоху рунического письма (*Адрианов*, 1904. Л. 134, 135).

3. *Надпись Майдаши (Коровий лог).* В том же рукописном отчете А. В. Адрианова находим сведения и о третьей рунической наскальной надписи, состоящей из одной буквы ᛉr². Майдашами именовались горы с отвесными утесами, протянувшиеся по правому берегу Енисея вниз от д. Быстрой до давшей имя возвышенностям заимки верстах в восьми ниже г. Минусинска. Минуя три небольших, близких к заимке ложка, исследователь начинает описание с первого здесь, нижнего участка обширной Майдашинской писаницы (*Адрианов*, 1904. Л. 93–111). Он «тянется по береговым утесам вверх по Енисею вплоть до Коровьего, большого лога, на протяжении около версты или немного более. Коровий лог очень глубокий и длинный, оба его склона утесистые <…>. К устью лог расширяется; по дну его проходит довольно глубоко врезанное сухое русло, по которому сбегают весенние воды. <…> В устье Коровьего лога, при подъеме на первую площадку, на грани небольшого утеса

на левой стороне (по течению) лога, на высоте около 2 арш [ин] отчетливо выбит знак ᛉ». Далее в рукописи следует его рисунок, размером 10×9 мм и отсылка на эстампаж XVI-52 (*Адрианов*, 1904. Л. 96, 111). В таблице величина знака 12×15 мм (*Адрианов,* б.г. Табл. I, фиг. 6) (рис. 2, *б*). Других сведений в источнике нет. В наши дни рисунки Майдашинских гор сохранились только в I Коровьем логу в 3 км ниже д. Быстрой, где они в 1974 г. были скопированы и частично изданы Н.В. Леонтьевым (*Леонтьев*, 1976. С. 128–131; *Вадецкая*, 1986. С. 165, № 85–87).

А.В. Адрианов прозорливо полагал, что изучение енисейских рунических надписей «усилит интерес к писаницам впервые в таком большом числе сосредоточенных в настоящей работе» (*Адрианов*, 1904. Л. 161).

4. *Надписи на предметах.* Суть наскальных надписей, показанных выше и публикуемых далее, позволила понять назначение и обособленных начертаний рунического знака ᛉ на сословно значимых древнехакасских предметах, найденных в Хакасско-Минусинской котловине.

4а. *Надпись на серебряном сосуде.* В Особой кладовой Отдела Востока Государственного Эрмитажа хранится небольшой серебряный сосудик (инв. № СК-590; прежний № 7345). С 1902 г. он известен тюркологам, благодаря осуществленной П.М. Мелиоранским публикации рунических надписей, некогда вырезанных на донце (*Мелиоранский*, 1902). Я.И. Смирнов включил в свой атлас фотографические воспроизведения описываемого кубка (рис. 3, *а*), дополнив их прекрасно выполненной прорисовкой знаков и резов на его донце (рис. 3, *б*). Сосуд был добыт ранее 1726 г. в одной из могил Минусинского уезда Енисейской губернии, в эпоху массовых разграблений курганных древностей Хакасии (*Смирнов*, 1909. С. 6, 10, 16, табл. XCII, № 170, карта А)[7]. Изучение начертаний на дне этой пиршественной чаши показало, что она долго находилась в обращении, что привело к наложению нескольких эпиграфических пластов (*Кызласов И.Л.,* 2010): сначала центральной тамги, затем надписи I, потом надписи II. Позднее остальных крупно вырезан поверх надписи II знак в виде руны ᛉr[2], тем самым, он представляет четвертый эпиграфический слой (рис. 3, *б, в*). Высота буквы 1,3, а размах 1 см. Знак образован тонкими, но ясно различимыми бороздами, по характеру сходными с линиями, перекрывающими буквы

[7] В тюркологической литературе памятник ошибочно считали и все еще считают алтайским. Насколько мне известно, впервые это сделано в списке источников «Древнетюркского словаря» (1969. С. XXI, А 1), в котором, несмотря на пометку: «точные сведения о месте находки отсутствуют», предмет отнесен к Алтаю.

Рис. 3. Сосуд из Государственного Эрмитажа. Минусинский округ
а – по Я. И. Смирнову; *б* – граффити на донце (прорис. Я. И. Смирнова);
в – граффити на донце (прорис. автора)

надписи II. Руна нанесена без всякой связи с предшествующими граффити, ее низ направлен к центру донца, на фигуру тамги, уложенную на левый бок.

4б. *Надпись на бронзовом наконечнике ремня.* Изделие, хранимое в Минусинском музее (инв. № 6136), было найдено на правобережье Енисея близ д. Беллык в 1871 г. Оно так же не раз отмечалось рунических граффити. В 1892 г. впервые изданы три вырезанные на нем буквы. На следующий год руническая письменность была расшифрована, и В. В. Радлов через 24 года после находки единственный раз пробовал прочесть эту надпись (*Radloff*, 1895. S. 346). Изображение самого предмета с граффито было издано лишь 112 лет спустя (*Васильев,* 1983а. С. 42, 73), а затем, вместе с прочтением, еще через 11 лет (*Кызласов И. Л.,* 1994. С. 201, рис. 33, *2*). До подробного анализа письменного памятника и истории его изучения с момента находки прошло целых 130 лет (*Кызласов И. Л.,* 2001б. С. 132, 133. Рис. 1, *1, 2*). Таков пример пользы от надежного музейного хранения находок.

Несмотря на то, что гладкая поверхность изделия (размерами 3,5х1,6 см) предоставляла достаточно места для удобного размещения букв, надпись заметно теснится, начинаясь от самого края (рис. 4, *а*). Хотя

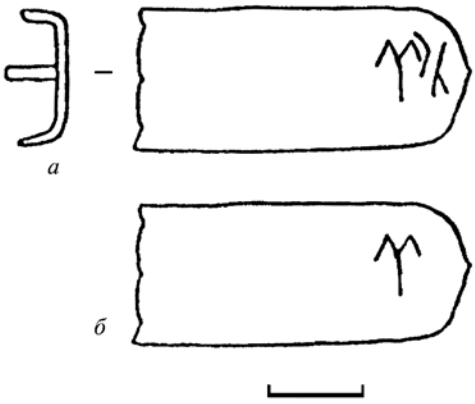


Рис. 4. Надпись на бронзовом наконечнике ремня. Д. Беллык

а – общий вид; *б* – первоначальный вид (прорис. и реконстр. автора)

она читается справа налево, ее последний третий знак начертан свободно и крупно, а две предшествующих ему руны, которые, казалось, должны быть вырезаны ранее, явно зависят от его расположения. По размещению сжатой с боков первой руны ᛦč и едва вошедшей между ᛦ и ᛉ (с размещением над строкою) второй по порядку буквы ᛚo/u вполне очевидно, что они наносились тогда, когда руна ᛉ уже заняла свое место на бляхе. Объяснить все это можно только одним – три знака надписи были нанесены в два приема: сначала ᛉ, а затем (справа налево) ᛚ ᛦ. Иными словами здесь две слившихся надписи: более поздняя приписка к уже имевшемуся граффито ᛉ (рис. 4, *б*), которое читается единственным образом – (e)r «эр, витязь, свободный полноправный мужчина». Беллыкский наконечник наборного пояса, бывшего в ту эпоху ранговым показателем, использовался длительное время, перешел из рук в руки и новый его владелец дополнил былое граффито до обозначения своего титула ᛉ ᛚ ᛦ *čor*, многократно отмеченного в иных енисейских рунических надписях. В данном случае его отличает так называемое псевдоруническое написание, заменявшее руны для твердого звучания на мягкие (*Кызласов И.Л.*, 1996. С. 126–129; 1997. С. 177–183; 1999в. С. 98–105).

II. Тувинская котловина

На Верхнем Енисее прослеженная в Хакасии картина подтверждается связью краткой надписи ᛉr[2] с писаницей на скале Хая-Бажи, покрытой многими древнехакасскими тамгами и 15 енисейскими надписями, оставленными в знак совершенных близ утеса обрядов.

1. *Надпись Хая-Бажи XIV*. Писаница на правом берегу р. Хемчик, левом притоке Енисея, была открыта в 1881 г. все тем же А. В. Адриановым, заметившим, описавшим и скопировавшим тогда две (или три) строки и надпись внутри тамги (рис. 5, *6, 7, 9*) (*Адрианов*, 1888. С. 407–410). То было едва ли не первое открытие хорошо сохранившихся наскальных

рун (*Клеменц*, 1886. С. 39). С тех пор на скалу Хая-Бажи (рис. 5), было направлено внимание многих ученых, постепенно находивших на ней незамеченные предшественниками рунические строки. Благодаря публикации дневников к исследователям писаницы теперь следует добавить и Н. Ф. Катанова, осмотревшего ее в 1889 г. и зарисовавшего две рунических строки и некоторые тамги (*Катанов*, 2011. С. 187–189, рис. 4–6) (рис. 5, *7, 9*). История изучения эпиграфического комплекса до 1950 г. изложена в работах Л. Р. Кызласова (1965б. С. 56–59, 67; 1969. С. 7–9, 13).

Судя по литературе XIX в., интересующая нас в данном случае надпись (рис. 5, *14*) не была учтена: в финском атласе воспроизведено 10 строк (нумерация которых сохраняется мною в дальнейшем изложении), (Inscriptions de l'Iénisséi… 1889. P. 11, tabl. XVII, *1–9, 10*), на деле оказавшихся 12 краткими текстами (рис. 5, *1–3, 5–13*). В «Атласе древностей Монголии» (*Радлов*, 1893. Табл. LXXI, *6*; LXXIX, *2а–2с*) приведены эстампажи только трех и рисунок четвертой надписи: Е 24/10, Е 24/3, Е 24/2 и Е 24/5 соответственно. В. В. Радлов (*Radloff*, 1895. S. 325–327) дал прочтение строк 1–7, включивших восемь надписей (рис. 5, *1–3, 5–7, 10, 11*). Понимание одной строки (рис. 5, *13*) добавил Х. Н. Оркун (*Orkun*, 1940. S. 87–91; 1987. S. 497–501). С. Е. Малов (1952. С. 44, 45: Е 24), дополнил прочтения строкой 9 и частью строки 8 (рис. 5, *8, 13*).

В 1947 г. археологи С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и студент Л. Р. Кызласов эстампировали и зарисовали все надписи Хая-Бажи, был «также снят план расположения этих надписей на скале» (*Евтюхова, Киселев*, 1949. С. 125). Исследователи обнаружили три новые надписи, в том числе ту, которая теперь привлекает наше внимание (рис. 5, *4, 14*). Эстампажи были переданы С. Е. Малову. К сожалению, рунологические материалы экспедиции не были опубликованы (*Кызласов Л. Р.*, 1965б, С. 67, прим. 91; 1969. С. 13, 178, прим. 92), в результате чего в 1960–1970-е годы эту же трудоемкую, но вполне очевидную необходимую работу пришлось делать лингвистам, разумеется, давшим и новые прочтения (*Арагачи, Насилов*, 1963), а также рунологам (историю полевого изучения в те годы кратко изложил Д. Д. Васильев)[8]. Тогда же в ряд изданий вошло новое название памятника – Хая-Ужу (*Арагачи, Насилов*, 1963; *Васильев*, 1983а. С. 23). На деле это имя носит горная гряда, протянувшаяся к северо-востоку в стороне от берега р. Хемчик и расположенная к северу

[8] Для раннего периода им допущены ошибки: отнесение открытия А. В. Адрианова к 1876 г., включение в перечень работ А. О. Гейкеля и В. А. Ошуркова, не связанных с Хая-Бажи.

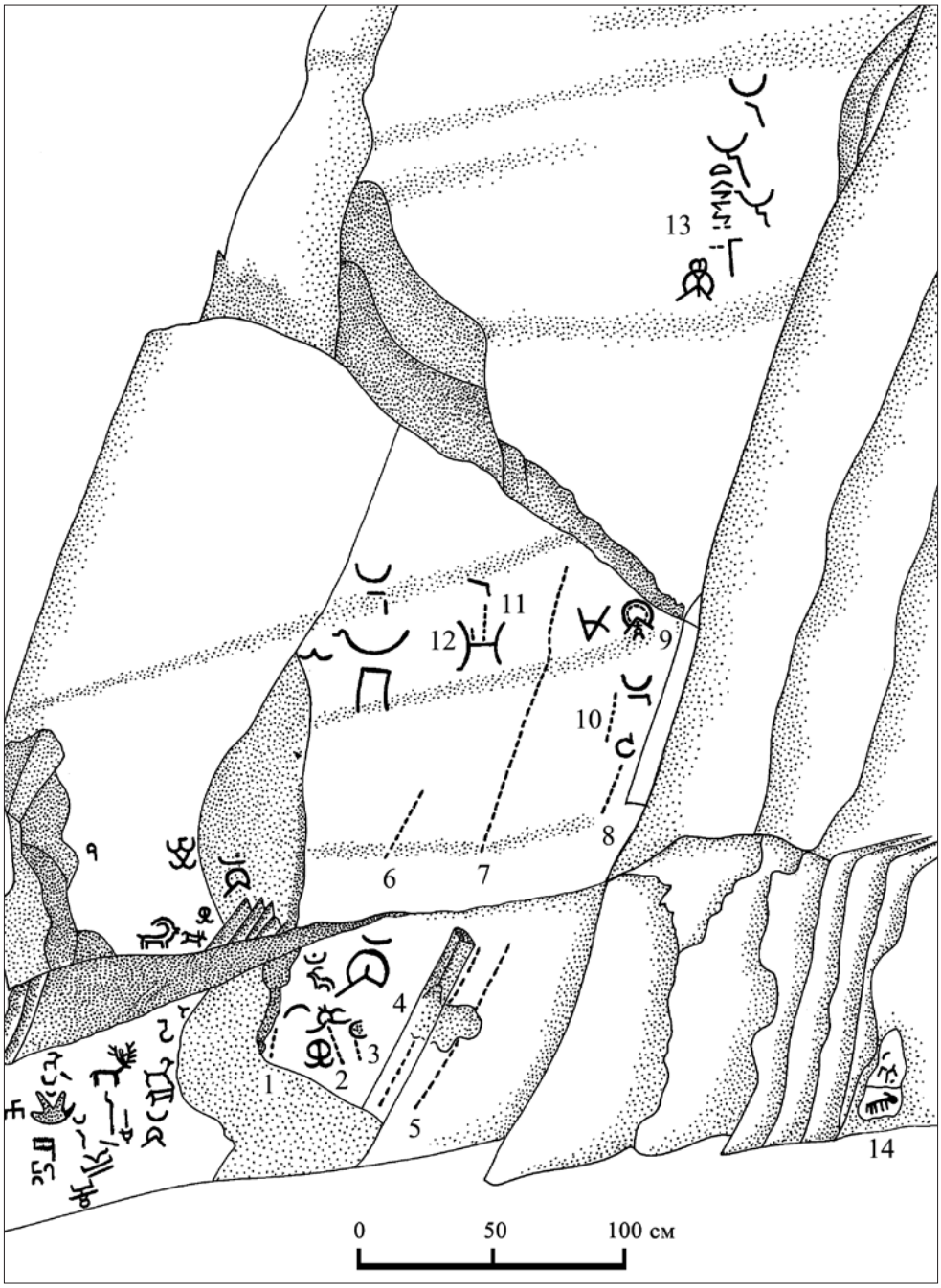


Рис. 5. Скала Хая-Бажи. Графическая схема расположения тамг и надписей. Л.Р. и И.Л. Кызласовы. 1982 г.

от писаницы, которую тувинцы называют Бижиктиг-Хая (Писаная скала). Менять изначально введенное в науку название памятника нужды нет.

В 1982 г. скала Хая-Бажи изучалась Л.Р. Кызласовым и мною (*Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.,* 1984. С. 212). Вновь были описаны, эстампированы и сфотографированы все 15 рунических строк, вычерчена общая схема их расположения на скальной плоскости среди одновременных тамговых знаков (рис. 5)[9]. В 1983 г. подобную графическую схему писаницы издал Д.Д. Васильев (1983а. С. 23, 63, 97–100), разместивший на ней прорисовки 11 наскальных строк и приложивший 20 фотоснимков отдельных граффити и их частей. Вопреки построению книги в этом случае рунолог опустил описание и транслитерацию надписей. Тем не менее, эта публикация, вероятно, представившая полевые материалы 1973 и 1977 гг. (*Кляшторный, Васильев*, 1974. С. 208; *Васильев*, 1983а. С. 23), показала близость исследовательских подходов и результатов, полученных двумя независимыми группами ученых.

Четырнадцатая по счету надпись, впервые зафиксированная археологами в 1947 г. и изданная рунологами в виде фотоснимка лишь в 1983 г. (*Васильев*, 1983а. С. 63, 98, Е-24, *7*) – век спустя после открытия письмен на скале Хая-Бажи – расположена у подножия скалы в стороне от основной плоскости писаницы и состоит из одного знака ᛉ (рис. 5, *14*). Он не вырезан, как прочие рунические тексты, а выбит аккуратной точечной техникой (рис. 6), подобно многим средневековым тамгам этого местонахождения (но подвергся позднему грубому вмешательству). В сходной манере изображена ниже и зооморфная фигура (рис. 7). На первый взгляд внешнее сходство знака с буквой ᛉ не абсолютно, поскольку правый его штрих идет не от верха развилки. Однако такое написание известно в эпиграфике в отношении обоих отводков, что порождалось прижатостью к стволу их верхней части при прогибе линий ᛉ на курсивном рукописном письме (*Васильев*, 1983б. С. 131, 132, табл. 24, *11, 16, 17*).

III. Горный Алтай

Закономерная связь краткой надписи, состоящей из единственной руны ᛉr[2], с писаницами, которая отмечена на Среднем и Верхнем Енисее, присуща и третьему южносибирскому региону. Широко распространившаяся на Алтае манихейская манера обрядовых рунических

[9] Строка 15 отсутствует на общей графической схеме (рис. 5), поскольку размещена за пределами основной плоскости писаницы.

Рис. 6. Надпись Хая-Бажи XIV. Фото автора. 2001 г.

отметок на скалах позволяет думать, что подобных эпиграфических памятников встретится еще немало.

1. Ялбак-Таш XXXI. В самых низовьях Чуи на правобережной скале Ялбак-Таш, возвышающейся над полотном Чуйского тракта в 721 км от Новосибирска и в 215 км от пос. Ташанта на монгольской границе, надписи были замечены в 1980 г. Е. А. Окладниковой и тогда же изучены на месте издавшим их тюркологом В. М. Наделяевым[10]. На следующий год им были изданы 11 из 12 найденных кратких текстов (*Наделяев*, 1981.

[10] В науку памятник с петроглифами был в свое время введен под наименованием Ялбак-Таш (*Хороших*, 1949).

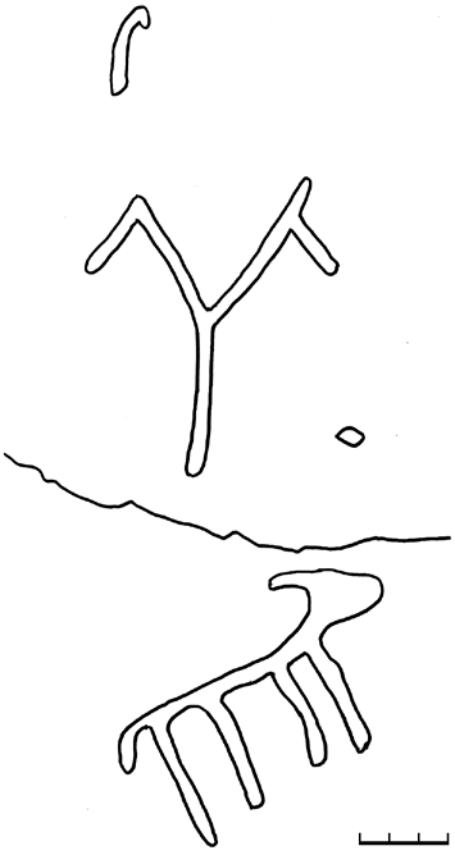


Рис. 7. Надпись Хая-Бажи XIV. Прорис. автора

С. 72–81; 1984. С. 92–103). В 1987 г. В.Д. Кубареву удалось обнаружить надписи и на другой плоскости утеса: сначала к известным добавилось четыре-пять новых строк (*Кубарев В.Д.*, 1990. С. 156), затем их число достигло восьми. На этом этапе была издана история изучения писаницы, осуществлена публикация памятника (*Кубарев В.Д., Маточкин*, 1992. С. 7, 8, 13–15; *Kubarev, Jacobson*, 1996). В 1994 г. мною были обнаружены еще шесть надписей. Прочтение рун показало, что на трех скальных плоскостях горы Ялбак-Таш, образуя явные скопления, оказались 29 надписей енисейского письма, образующие 31 строку, поскольку два текста двустрочны. Наиболее полные публикации рунической эпиграфики горы Ялбак-Таш осуществлены в 2002 и 2003 гг. (*Кызласов И.Л.*, 2002. С. 57–152; 2003).

На обращенной к западу грани плоскости II среди прочих изображений примечателен вырезанный зооморфный образ манихейского Сатаны (Кубарев В.Д., 1992; Кызласов Л.Р., 1999. С. 37, рис. 11). На южной поверхности выступа находятся три рунических надписи (Ялбак-Таш II/XV, XXX и XXXI). Две вертикальные строчки, составляющие один текст (Ялбак-Таш II и XV), вырезаны у самой подошвы скалы, в 16,5 см и в 18 см от грунта – нет сомнения в том, что, склонив голову, писал коленопреклоненный человек. Еще одна вертикальная строка (XXX) размещена несколько выше и правее предыдущих, в 58 см от основания камня. Еще выше, в 136,4 см от земли, вырезан один обособленный рунический знак – самая короткая надпись местонахождения (Ялбак-Таш XXXI), состоящая из одного знака ᛉr[2] – (e)r «эр (свободный, полноправный мужчина)». Расположение буквы соответствует письменной строке, направленной вертикально. Руна вырезана широко и

свободно: высота ее 2,5 см, а ширина 3 (рис. 8).

Рис. 8. Надпись Ялбак-Таш XXXI. Прорис. автора

2. *Маныр лу-Кобы IV.* Урочище Маныр лу-Кобы (алт. Маңыр лу-Кобы «Лог с диким луком») находится в 5 км к югу от д. Кулада на р. Кара-Кол – правом притоке р. Урсул, впадающем слева в Катунь в ее среднем течении. В 1995 г. фольклористкой Е. Е. Ямаевой в полутора километрах от устья лога были открыты две вертикальные рунические надписи (I и II), третью в 1997 г. обнаружил В. А. Кочеев, из осторожности не включивший ее в свое издание (2006. С. 12). Не вошла она и в каталог надписей Горного Алтая; туда были включены лишь строки I и II (*Тыбыкова, Невская, Эрдал*, 2012. С. 96–97). На деле изучение граффито на месте в 2001 и 2003 гг. выявило два самостоятельных письменных памятника (III и IV), ныне публикуемых впервые. Если прочесть строку I не удается: размещение ее букв загадочно (часть дана в левом повороте, некоторые – вверх ногами), то текст II (рис. 9[11], 10) понятен: ⊙ ᛉ ᛊ ᛚ ᛝ (a)t(a)l {a} (e)g(ä)ŋ «Получите имя (скорее: звание, чин) и смиритесь (букв. склоните [шею ~ сердце])!». О получении верующими неких званий или титулов, видимо, церковных, за личное духовное совершенство и его соответствие гармонии окружающего мира идет речь в надписи на скале Городовая стена в Хакасско-Минусинской котловине (*Кызласов И. Л.*, 1994. С. 191, 192, рис. 25; 2001а. С. 249; 2013б). Знак ᛉ g, представляющий собою надпись III (рис. 10), нанесен создателем строки Маныр лу-Коба II (ср. его разворот и нетипичный облик – три штриха-отводка), и читается так же: (e)g- «смирись, покорись».

Чуть выше надписи III в 2 см правее и в 3,5 см ниже строки Маныр лу-Кобы II другим инструментом вырезана руна ᛉr[2], высотою 2 см (рис. 10). Знак нанесен в 111 см от земли и в 62 см от отвалившихся плит, на которых удобно сидеть, копируя, следовательно, было удобно и при нанесении рунических надписей. Позиция руны соответствует вертикальной

[11] Строка на изображении представлена горизонтально для удобства восприятия.

Рис. 9. Надпись Манырлу-Кобы II. Фото автора. 2003 г.

строке. Саяно-алтайский сравнительный материал не оставляет сомнений в том, как следует читать и понимать это лаконичное граффито.

Как видим, гора не раз посещалась в раннем средневековье, и на одной каменной плоскости оставили письменные отметки разные люди. До знакомства с надписями этого лога мне нигде не доводилось видеть начертания со столь мелкими и тонко прочерченными знаками. Перед нами интимное применение письма, не рассчитанное на посторонних. Высота букв Манырлу-Коба I 1,2 см (два знака по 1,7 см), надписи II – от 5 до 8–10 мм, единственной руны III – 5 мм (рис. 9, 10).

3. Талдура. На Южном Алтае и в Монголии многочисленные камни, выходящие на поверхность чуть вздутыми, а то и почти горизонтальными, лежачими плоскостями, издревле покрывали выбитыми рисунками, которые уже не назовешь наскальными. Нередко они бывают разновременными, порой неодинаково ориентированными, поскольку подойти к таким писаницам можно с любой стороны. Подобным образом на таких камнях в средневековье появляются и рунические надписи, часто перекрывающие уже имевшиеся древние изображения, не согласуясь с их низом и верхом. В долине р. Талдура (образующей Чаган-Узун, левый верхний приток Чуи) на валун, немного возвышающийся над землей, поверх рисунков раннего железного века, была нанесена тонкими выбитыми линиями краткая руническая надпись ᛉr[2], подобная рассмотренной выше и обращенная вершиной к ногам ранних фигур (рис. 11). Надпись ошибочно воспринята исследователем как раннесредневековая тамга (*Кубарев Г. В.*, 2017. С. 343. Рис. 1, 2).

3. *Калгутинский рудник.* На крайнем юге Горного Алтая, на плоскогорье Укок – месте высокогорного схождения с границами Казахстана, Китая и Монголии – на скалах р. Калгуты, правого притока р. Ак-Алаха (через р. Джазатор и Аргут питающей Катунь), один из памятников с петроглифами назван Калгутинский рудник (*Молодин и др.*, 2004. С. 19, 217. Рис. 6, 24, 25, карта-вкладка). На краю одной из его гранитных поверхностей, занятой тамговидными знаками, тонкими бороздами выбит крупный, разительно отличающийся от прочих вертикальный знак, во всем подобный руне ᛉr[2] (рис. 12). Учитывая широкое распространение подобных лаконичных рунических надписей, включающих и Горный Алтай, в этом случае также допустимо видеть написание слова (e)r. Без изучения подлинника не убедиться в точности такого предположения – надо проследить различия техники нанесения этого и соседних знаков.

IV. Монголия

С гибелью Уйгурского каганата (840 г.) в Центральной Азии, ныне именуемой Монголией, распространилась енисейская руническая письменность, вытеснившая из обихода орхонское письмо. Насколько известно, ранее в этих землях не было обычая нанесения рун на скалы, который возникал всюду, куда приходило сибирско-тюрк-

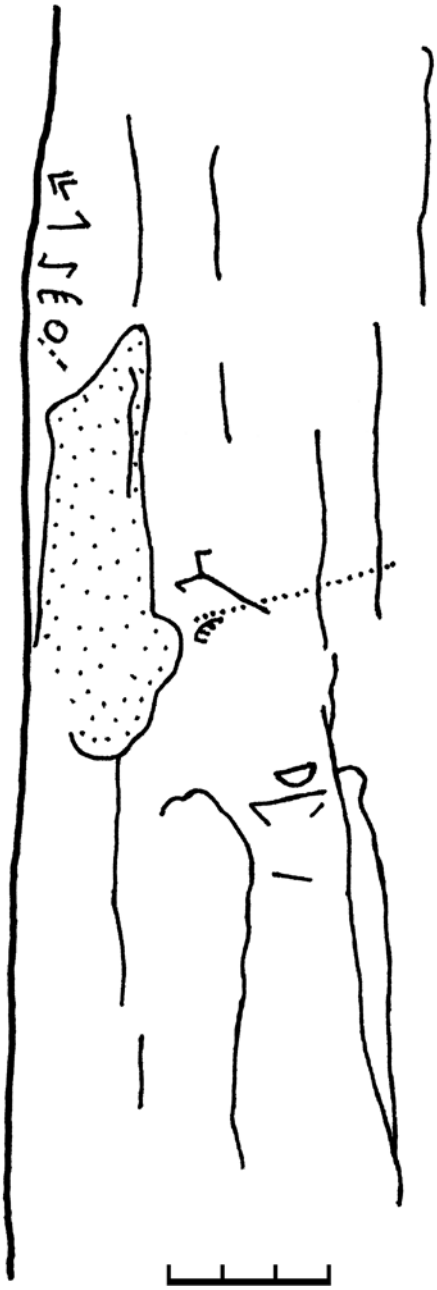


Рис. 10 Надписи Манырлу-Кобы II (слева), III и IV (в центре). Прорис. автора

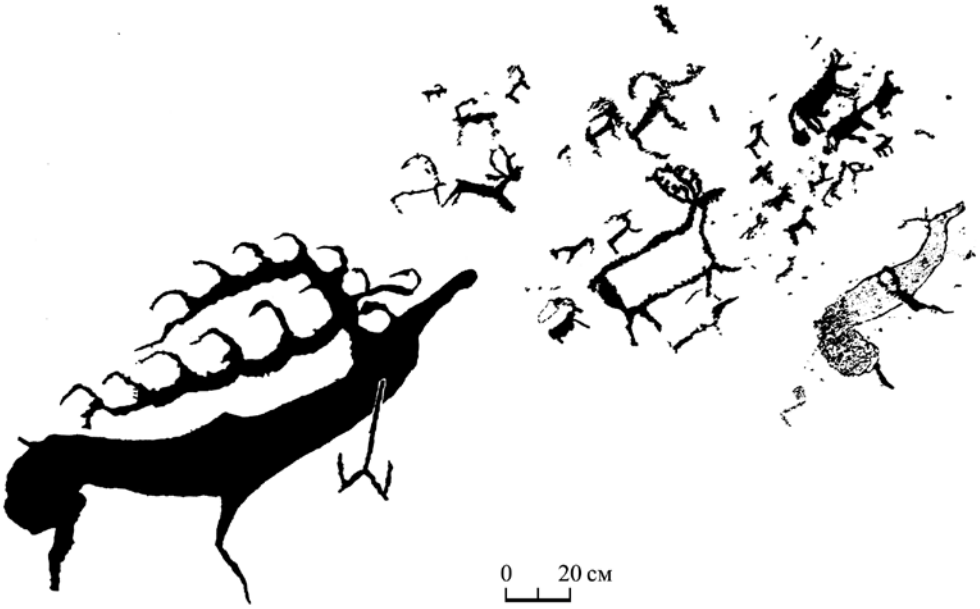


Рис. 11. Надпись Талдура поверх ранних петроглифов (по Г. В. Кубареву)

ское манихейство (*Кызласов И. Л.*, 2008. С. 452–457). Надписи, состоящие из единственной руны ᛉr², так же оказываются там связаны с объектами, отмеченными посетительскими знаками изучаемой эпохи – тамгами и руническими строками.

1. *Дэл-ула.* В 1987 г. в пади Баруун Билун горы Дэл-ула (Ульзийт сомон Среднегобийского аймака, Центральная Монголия) Д. Хуухэнбаатар и Т. Санжмятав (ИИ АН Монголии) обнаружили на одной лежачей каменной поверхности изображения, многочисленные тамги и две рунические надписи. В 1995 г. они были скопированы студентом-историком Ю. Болдбаатаром и опубликованы в хорошей прорисовке (*Болдбаатар*, 1997). История сложения этого памятника такова: каменная плоскость, имевшая выбитые антропоморфные фигуры архаичного облика, в VIII в. была наделена вырезанными тамгами аристократических родов уйгуров и тюрок (прослеженных в нескольких поколениях), а позднее этого приобрела две енисейских надписи, связанные с установлениями пророка Мани. В центре этого эпиграфического поля изолированно размещена руна ᛉr², нанесенная в технике соседних рунических надписей (рис. 13; *Кызласов И. Л.*, 2004. С. 110–121, рис. 4; 5).

2. *Стела Шивет-Улан.* Тамги, вторично выбитые на разных стелах и скульптурах тюркских мемориальных комплексов Кюль-тегина,

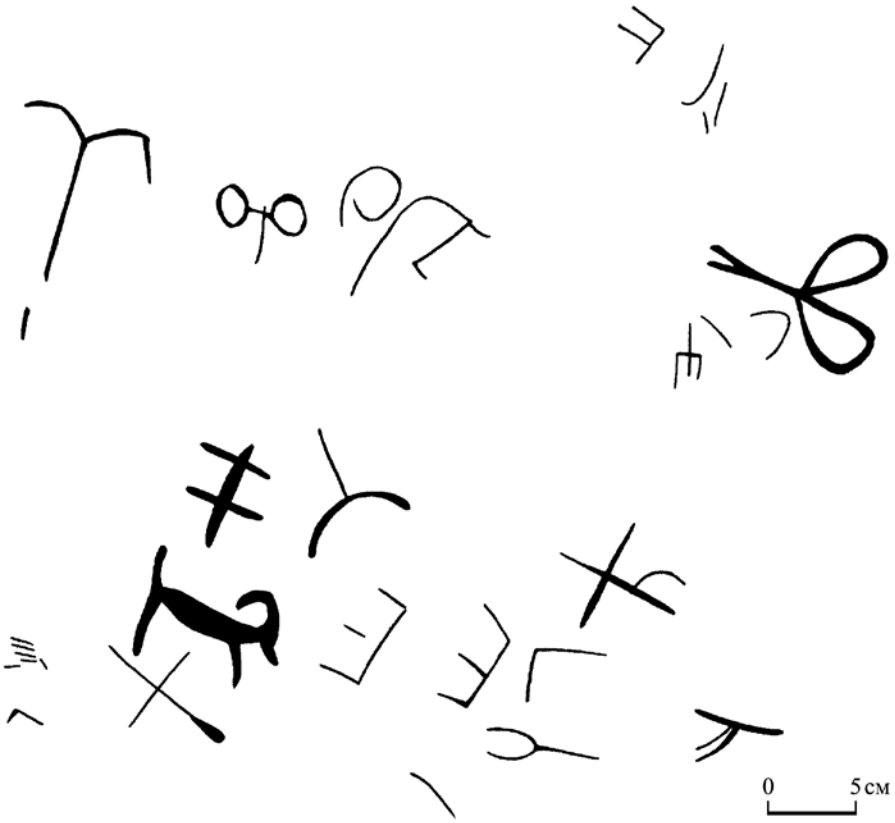


Рис. 12. Калгутинский рудник. Надпись среди петроглифов (по: *Молодин, Полосьмак, Новиков и др.*, 2004)

Онгинском, Шивет-Улан, Кошо-Цайдам III, а также на уйгурском памятнике Шине-Усу (Моюн-чура / Баян-чора), указывают, что эти объекты не только не разрушались последующими раннесредневековыми тюркоязычными властителями Монголии – древними уйгурами или древними хакасами (кыргызами) – как это нередко утверждается в литературе, но почитались и не раз посещались представителями как тех же самых древнетюркских, так и уже иных аристократических семей в VIII и IX вв. (*Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 45, 63, *г*, 78, 159).

Так, на балбалах комплекса Гиндин-Булак и Бугутского мемориала (*Войтов*, 1996. Рис. 54, *2, 4*; *Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 15), на знаменитой стеле Шивэт-Улан, относимой к концу VII в. (*Войтов*, 1996. С. 28, Аб, 30; *Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 32, 33), высеченные тамги в виде круга с отходящей коленчатой линией (Гиндин-Булак),

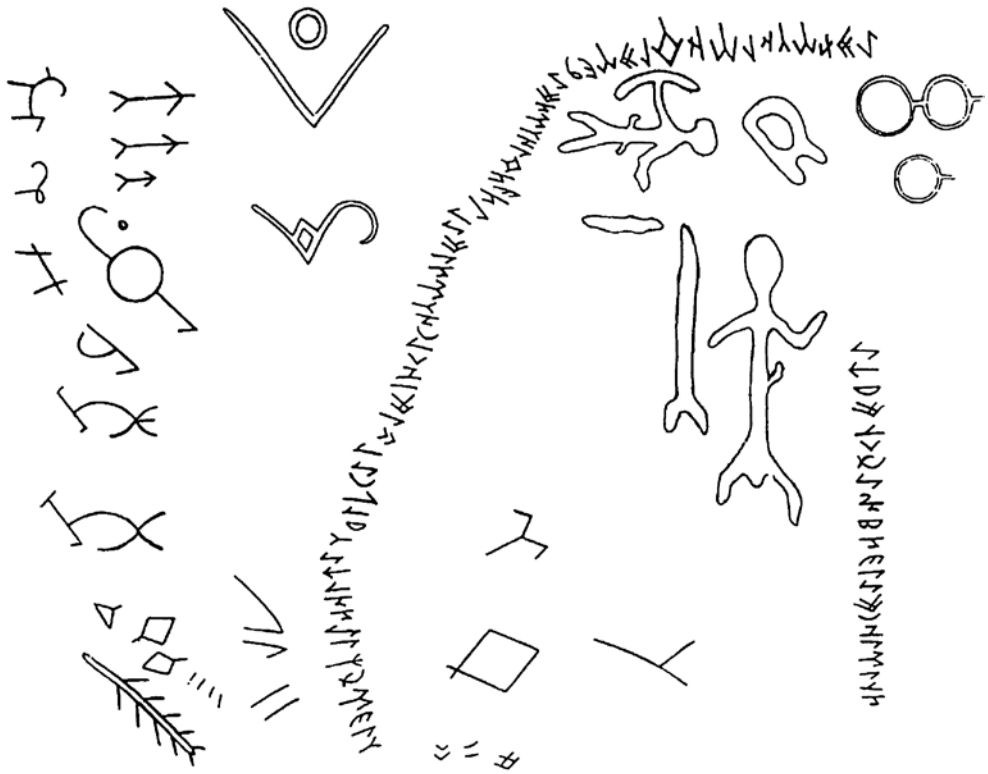


Рис. 13. Дел-Ула. Тамги и надписи. Размещение условное, без масштаба (по: *Болдбаатар*, 1997)

ромбов с отводками и дуг с прямым основанием (рис. 14) (*Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 33[12]; Поминальный… Илл. 36–39; *Самашев*, 2016. Рис. 14, 20, 21, 22, *1, 2, 13, 14, 26, 31*; *Самашев и др.*, 2016. Рис. 120–125, 134, 136, 137, *1, 2, 13, 14, 26, 31*), вопреки распространенному мнению, не принадлежат времени Тюркских каганатов, а нанесены в эпоху Уйгурского каганата (745–840 гг.). Знаки в виде кольца с противолежащими чертами оказываются позднее 760 г., так как один из их ряда вместе со вторым боковым знаком вторично добавлен к основной тамге на установленной в тот год стеле Моюн-чура (Баян-чора) (рис. 15) (ср.: *Кызласов И.Л.,* 2004. Рис. 7 и 10). Верхняя ромбическая тамга Шивет-Улана

[12] Показанные на этой прорисовке знаки на вершине стелы (тамга рода ашина в виде козлика, круг с противолежащими чертами и др.) недостоверны (вариант рисунка, увы, некритично использован В.Е. Войтовым (1996. Рис. 55). Вид вершины стелы см.: *Самашев*, 2016. Рис. 14–22; *Самашев и др.*, 2016. С. 33 и сл., рис. 15, 120–125).

Рис. 14. Шивет-Улан. Стела с тамгами. Прорис. Н. Базылхана (Қазақстан тарихы… 2005)

Рис. 15. Шине-Усу. Стела Моюн-Чура. Деталь (по: *Ramstedt G. J.*, 1913)

принадлежит потомку Моюн-чура, так как, судя по графическому облику, так же позднее его личного знака[13].

К сожалению, нет публикаций эстампажей, но сравнивая прорисовки и фотоснимок, приходишь к выводу, что в мемориале Бильге-кагана на боковой стороне балбала с рунической надписью рядом

[13] Знающим облик тамги Моюн-чура не составляет труда выделить подобные уйгурские тамги на стеле Шивет-Улана. На личном экземпляре публикации под ретушированную фотографию стелы, сделанную Ц. Доржсурэном в 1956 г. (Aalto, 1958. S. 81), Л.Р. Кызласов вынес карандашные рисунки обеих ромбических тамг памятника, отметив рядом: «… заведомо уйгурские тамги VIII–IX вв. Ср. тамгу Моюн-чура!».

с геральдическим знаком рода ашина (в виде горного козла) нанесена уйгурская тамга позднего типа (IX в.) (*Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 222, верхняя справа; Поминальный… Илл. 19). О посещении памятника в эпоху Уйгурского каганата свидетельствует и нанесенная на балбал надпись (𐰚 𐰇 𐰋 𐰇 𐰋 𐰼 𐰴 𐰃 𐰇 𐰓 (𐰄 𐰋~) 𐰼 𐰃 𐰼 𐰋 𐰉 töl(e)š š(a)d(ï)ŋ t(a)š b(a)lb(a)lï «Каменный балбал Тёлеш-шада»). Вопреки прорисовке В. В. Радлова, сделанной на основе снятого Орхонской экспедицией эстампажа (письменные знаки повреждены и поверхность неровна – *Радлов*, 1892. Табл. XXVI, 6, 7; ср. фото: Inscriptions de l'Orkhon… 1892. Tab. 40), четвертая, восьмая и девятая буквы надписи иначе воспринимались исследователями, работавшими с памятником позднее. Следуя их материалам (*Кляшторный*, 1978. С. 254, рис. 2, 3 (фото); *Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 222; Поминальный… Илл. 33), придется признать: руны на этом камне не одновременны тексту основной стелы мемориала, поскольку относятся не к старшему орхонскому письму II Восточнотюркской державы, которым создана надпись Бильге-кагану, а к младшей орхонской письменности, присущей Уйгурскому каганату (см. форму рун 𐰓t[1] и 𐰼š[1] в строке на балбале). Палеографические отличия стадий орхонского алфавита были выделены в отдельной работе (*Кызласов И. Л.*, 1994. С. 82, 83, 92. Табл. XXV, Б, 5, 6). Здесь важно отметить, что надпись на балбале нанесена значительно позднее эпитафии того же мемориала. Помимо этого, согласно одной из прорисовок, балбал Тёлеш-шада несет еще и древнехакасскую тамгу середины X в. (*Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 222; ср.: *Кызласов Л. Р.*, 1960. Рис. 9, *6*; 1965а. Рис. 1, *5*, с. 45, № 8). Вся обозначенная ситуация требует изучения подлинника.

Однако перед нами не случайность. В Онгинском комплексе на втором известном ныне науке отмеченном надписью балбале, (𐰚 𐰇 𐰋 𐰇 𐰋 𐰋 𐰆 𐰇 𐰋 𐰇 𐰋 𐰇 (ï)šb(a)r[a] t(a)rq(a)n b(a)lb(a)lï; первое слово может читаться и как s(a)br[a]) (*Малов*, 1959. С. 8, 9, 102; Древнетюркский словарь, 1969. С. 479), надпись, вероятно, также нанесена не создателем текста поминальной стелы. На это указывает орфографическая ошибка, допущенная на балбале – пропуск конечной руны 𐰇a в первом слове, дважды верно написанном в строке 4 на основном камне[14].

[14] Загадочна для меня запись надписи на балбале, сделанная С. Пяльси в 1909 г. и постоянно используемая исследователями (*Войтов*, 1989. Рис. 2, 6; *Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 63г). В ней нижняя часть руны t[1] показана ромбом, в то время как эстампаж Н.М. Ядринцева ясно фиксирует овал (*Радлов*, 1896. Табл. LXXXIII, 5).

Тамга на балбале тождественна знаку малой стелы и принадлежит отцу героя большой надписи, то есть нанесена ранее нее.

На стеле комплекса Шивет-Улан помещено много геральдических знаков, по указанию у В.Е. Войтова, более 60 (1996. С. 88; так ли?) (рис. 14). Наравне с тюркскими и уйгурскими тамгами VIII в., о которых уже шла речь (ср. фото и прориси: Қазақстан тарихы… 2005. Ж. 3, 4; *Жолдасбеков, Сарткожаулы*, 2006. Илл. 32, 33; Поминальный… Илл. 36–39) у основания выбиты по крайней мере два древнехакасских фамильно-личных герба IX–X столетий (в лучшей публикации памятника – *Самашев*, 2016. Рис. 15, 16, 19, 22, *21–22а*; *Самашев и др.*, 2016. Рис. 122, 125, 127, 133, 137, *21–22а* – оставшиеся неузнанными). Стадиально наиболее поздней является тесно размещенная ближе к центру краткая енисейская надпись из одной буквы ϒr[2], судя по развороту руны, нанесенная уже на упавшую плиту (рис. 14) (*Самашев*, 2016. Рис. 14, 20, 21).

V. Казахстан

Ныне на землях Республики отмечено практически одновременное использование тюркоязычными народами раннего средневековья трех систем рунического письма: *ачикташской* (все еще нерасшифрованной) (*Кызласов И.Л.*, 2013в), *таласской* и *енисейской*.

Памятники *таласской* письменности обнаружены от Зайсана до Семиречья (*Кызласов И.Л.*, 2011; *Рогожинский, Кызласов*, 2011), а также в Кыргызстане. Состав и облик ее знаков, хотя и обладают очевидной самобытностью, необходимой для выделения самостоятельного алфавита, имеют отличия, явно сближающие ее с енисейским письмом. Эти позиции давно установлены (*Малов*, 1929. С. 800; 1959. С. 57). Соотнося палеографическое сходство с особенностями орфографии, словесными формулами, содержанием и назначением надписей, нельзя не видеть, что само таласское письмо относится не к VIII в., как часто полагали, а к IX–X вв. и сложилось оно в результате воздействия енисейских рун на некую местную для Казахстана и Кыргызстана письменную основу (*Кызласов И.Л.*, 2005а; 2005б). Именно ряд сохранившихся в употреблении знаков этой субстратной письменности отличает таласские от иных рунических письмен Азии. Пока не известны надписи, способные указать на источник происхождения самобытных рун таласского алфавита. Единственный знак для твердорядного γ сближает его с ачикташским письмом (ср.: *Кызласов И.Л.*, 2013в. Рис. 8), быть может, восходя к общему для них корню.

Третьей рунической письменностью Казахстана оказалась *енисейская*. От Иртыша до Илека ее рунами отмечены бронзовые зеркала

(*Арсланова, Кляшторный*, 1973; *Аманжолов*, 2003. С. 247, 248), одно из которых происходит из кимакского погребения X в. Несомненными признаками местной грамотности служат наскальные надписи. Они обнаружены на горных обнажениях от озера Маркакуль до Мангышлака (Тамгалы, Актерек, Копалы, Жаксылыксай I и III (*Кызласов И.Л.,* 2012. С. 43, прим. 2, библ.), Байте). Как и в Кыргызстане (Калмак-Таш (левостороннее написание с разворотом рун): ᛉᛏᛗᛗᛁᛒᛚ (e)r (a)t(ï)m b(i)lgä «Мое имя – Бильге») (*Кызласов И.Л.,* 2005б. С. 61, рис. I, *11*), они, повторяя характерные енисейские формулы и правописание, содержат личные или проповеднические письменные отметки о свершенных близ утесов молениях (за себя или за третье лицо): ᛉᛏᛁᚾᚾᚾ (e)r (a)tï ön(ü)n «Его имя эра – Онюн» (Тамгалы, левостороннее с разворотом рун). Для изучаемой темы особенно важно, что, во всем (даже в лексике) соответствуя енисейским манихейским написаниям, в Казахстане встречаются анонимные надписи, в которых личное имя заменено общим понятием грешного человека. Такова наскальная строка Актерек: ᚾᛗᛏᛉ (e)r (a)t(ï)m (e)n «Мое имя мужа-эра – грешник (букв. низкий)». Религиозные самоуничижительные замены мужского имени, как мы видели, широко распространены в енисейских наскальных надписях Саяно-Алтайского нагорья. Совершенно ясно, что пришлое письмо принесло с собой сам обряд нанесения в горах подобных написаний. Установлено, что распространение подобного ритуала на землях Алтая, Тувы и Монголии произошло там только с применением енисейского рунического письма в IX–X вв. Этим временем, следует датировать и енисейские по письму наскальные надписи Казахстана.

1. *Копалы.* На этом историко-культурном фоне становится понятной надпись, открытая в среднем течении р. Копалы (Чу-Илийские горы) (*Рогожинский*, 2010. С. 334, 335, рис. 3, *6* (фото); 4, *4*). Перед нами знакомое молитвенное граффито, состоящее из обособленной буквы ᛉr[2] (рис. 16; 17). Как и в других показанных случаях, оно обозначает некоего эра, выступающего перед богом представителем грешного человечества. И читать его следует, восстанавливая невысказанное по смыслу всей совокупности таких енисейских наскальных надписей: «(Я обычный земной) мужчина-эр. (Боже, услышь меня!)».

2. *Сасыкбастау.* Для полноты картины отмечу второй случай нанесения надписи из одной буквы ᛉr[2], размещенной в отрыве от иных кратких енисейских рунических строк на китайском бронзовом зеркале, найденном в 1935 г. при разрушении кургана в местности Сасыкбастау в 20 км от с. Урджар в бывшей Семипалатинской области (*Бернштам*,

Рис. 16. Надпись Копалы. Фото А. Е. Рогожинского

1948. С. 108–110, рис. 3; *Аманжолов*, 2003. С. 199, 200). Вторичность помещения подобной надписи на металлические изделия с уже имевшимися на них рунами на примере Саяно-Алтайского нагорья показана выше.

3. *Байте 3.* Самое западное граффито, внешне подобное енисейской надписи довелось встретить в экспозиции музея Мангистауского государственного историко-культурного заповедника во время пребывания в Актау в августе 2010 г. На фотоснимке каменного блока со стены культового комплекса раннего железного века Байте III, открытого в 1984 г. Волгоуральской экспедицией ИА АН СССР (начальник – Л. Л. Галкин) на севере плато Устюрт, вырезаны тамги (рис. 18). На комплексе Байте III исследования показали существование ряда разновременных памятников – от поздней бронзы до позднего средневековья, как святилищ разного рода, так и погребений. С захоронениями оказались связаны и тамги, нанесенные на примогильные блоки (*Ольховский*, 1992. С. 158). Другое дело – уцелевшие стены древнего сооружения, раскрытого при раскопках. Левую часть узкой поверхности рассматриваемого камня занимает высеченный в другой, чем

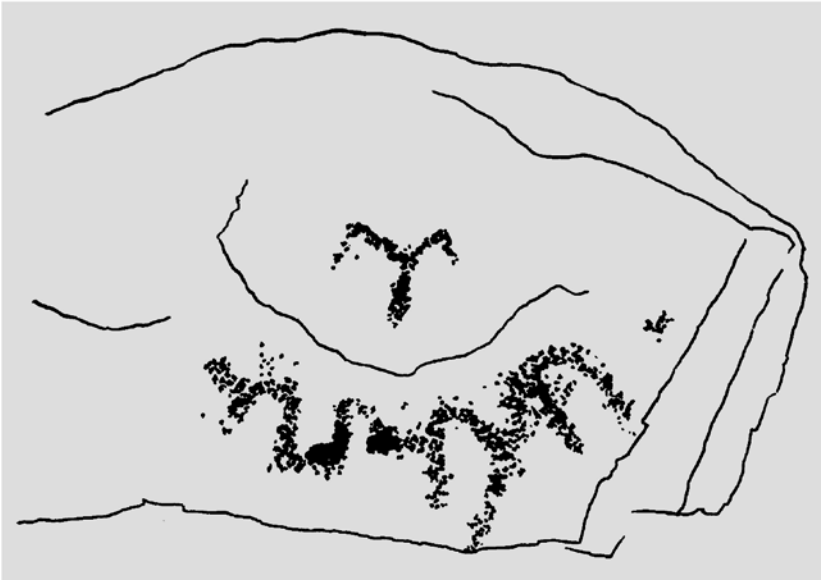


Рис. 17. Надпись Копалы. Прорис. А.Е. Рогожинского

тамги, технике значительно более крупный руноподобный знак ᛉ. Его появление на еще свободной поверхности камня подтверждается общим размещением теснящихся в правой части тамговых отметок, нанесенных слева направо. Добавление еще одного крайнего справа графитто, во всем подобного руне ᛉr[2], усугубляет ситуацию. В доступной мне литературе не удалось отыскать условий обнаружения этого камня (*Ольховский, Галкин*, 1997. С. 149–152; *Онгарулы и др.*, 2017. С. 14–16, рис. 2–21). Для копавшего объект археолога «остается неясным, как долго руины “храма” оставались в доступном для посещения состоянии, а на его стены, не присыпанные грунтом, могли наноситься знаки», «не исключена возможность, что часть их оставлена значительно более поздним населением». Разрозненные плиты со знаками происходят из каменно-грунтовой засыпки грабительских ям. Систематизируя гербовые отметки, опытный геральдист выделил «три условные типолого-хронологические группы – “тюркскую” (явно позднюю) и две “сарматские” (более ранние)». Анализ первой связал ее с тюркоязычным населением – носителем рунического письма (указывалось сходство и с буквой «р», то есть с ᛉ) (*Ольховский, Яценко*, 2000. С. 298–301). Вероятно, с тех пор понимание памятника не продвинулось – вопросы, поставленные в докладе, сделанном мною в Актау в марте 2019 г., пояснений и обсуждения не вызвали.

Рис. 18. Надпись и тамги Байте III в экспозиции музея г. Актау. Фото автора

Вспомним здесь сказанное в начале этой статьи – начертания, похожие на руну ᛉr², известны в эпоху, предшествующую средневековью. Но они по большей части служили лишь элементом тамговых знаков, непременно сопрягаясь с иными фигурами и служа типажом видоизменения изначального образа. Это целиком относится к знакам комплекса Байте III.

В отличие от Южной Сибири и Центральной Азии для земель Казахстана и Кыргызстана достоверно известны тамги, имеющие вид рунической буквы ᛉr², которую, как и ряд других руноподобных знаков, нумизматы поначалу считали именно письменами-тамгами. Таковы, например, монеты локальных эмиссий Тюргешского каганата второй половины VIII в., согдийские легенды которых на обороте сопровождает подобный знак ᛉ (*Смирнова*, 1981. С. 56, 61, 399, 400 (тип III), табл. LXXXIX, 28; XCIV, 110, 130). Однако эти монеты имели узкий район хождения, принадлежали к более ранней эпохе и к обществу, не применявшему официального рунического письма. Ко всему, смысловое значение рунической буквы ᛉ не вяжется с каганским титулом лицевой стороны, а главное, руноподобный знак одного из монет-

ных типов имел обязательный дополнительный элемент – точку, расположенную ниже левого отводка (*Кошевар*, 2010. С. 20, 22, 26, рис. 4, 5). Эти особенности не позволяют считать его буквой. Разумеется, отдельного разъяснения, не существующего пока, требует тот факт, что знак ᛉ «наносился на разных монетах и после их отливки (вырубался или процарапывался)», а на его основе, как полагают, сложились разные варианты несомненных тамговых отметок правителей Пайкента (*Смирнова*, 1971. С. 76).

Можно сказать определенно: создатели енисейских и таласских надписей исповедовали *манихейство*. Известно, что только эта религия, официально воспринятая тремя тюркскими народами Центральной Азии (древними уйгурами), Южной Сибири (древними хакасами) и Восточного Казахстана (кимаками), использовала в своих службах рунические письмена. Миссионеры восточного, сибирско-тюркского манихейства примерно в IX–X вв. двинувшись из Южной Сибири и Центральной Азии на запад, принесли на просторы Казахстана и Кыргызстана это книжное вероучение, как и его обрядовую традицию молитвенных отметок на скалах.

Палеографические, содержательные и орфографические особенности камнеписных строк региона позволяют определить даже те манихейские церковно-административные епархии, в которых писавшими было некогда получено руническое образование. Так, формульные и палеографические особенности енисейских надписей Средней Азии дают основание связывать его с долинами Среднего и Верхнего Енисея. Таласские письмена, с точки зрения палеографии, можно формально числить локальным вариантом енисейского письма, как это делается для ее алтайского и тувинского вариантов, сохранивших в составе алфавита местные письменные знаки предшествующего времени. Орфография таласских памятников прямо отражает новый этап той характерной традиции словоделения, которая проявляется в енисейских наскальных надписях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Как и сугубо археологические данные, последнее обстоятельство не позволяет относить таласское письмо ко времени ранее X в. (*Кызласов Л. Р.,* 1965а. С. 44; *Кызласов И. Л.,* 1994. С. 57–59, 98–100, 214, 230, 231; 2005а; 2005б; 2012).

Показанные краткие надписи тюркского манихейства всюду представляют собой намеренно обезличенные подписи молившихся. По отраженному в них мировоззрению они сопоставимы с более пространными енисейскими анонимными надписями, обозначавшими лишь принадлежность писавших к грешному человечеству. Точно следуя

за значением лексики, указывающей на безымянных эров (𐱅) надо бы сказать: «мужской части грешного человечества». Эти наскальные отметки служат еще одним свидетельством существования в IX–X вв. в Южной Сибири, Центральной и части Средней Азии и Казахстана ритуального, то есть духовно-религиозного единства, выраженного в камнеписных рунических написаниях. С учетом прочих письменных памятников обрядовое использование лаконичного слова 𐱅*er* позволяет видеть, насколько далеко на запад продвинулась енисейская письменность, освященная манихейским вероисповеданием.

Литература

Адрианов А. В., б. г. Текст отчета и таблицы / Архив ИА РАН. Р-II. Ф. 12 (личный фонд С. В. Киселева). Д. 151. 257 л.

Адрианов А. В., 1888. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. РГО по общей географии. СПб. Т. 11. С. 147–421.

Адрианов А. В., 1904. Писаницы (Отчеты за 1904 год). Рукопись / Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском гос. университете. Инв. № 55. 191 л. Личный архив Л. Р. Кызласова. (Машинописная копия).

Аманжолов А. С., 2003. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп. 366 с.

Арагачи З. Б., Насилов Д. М., 1963. О надписи на скале Хая-Ужу // УЗ Тувинского НИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл. С. 257–263.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука. С. 306–315.

Бернштам А. Н., 1948. Новые эпиграфические находки из Семиречья // ЭВ. Вып. II. С. 107–113.

Болдбаатар Ю., 1997. Руническая письменность горы Дэл-Ула // Научные работы студентов. Монгольский госунив. Улаанбаатар. № 1. С. 26–36 (на монгольском яз.).

Вадецкая Э. Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 179 с.

Васильев Д. Д., 1976. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // СТ. № 1. С. 71–81.

Васильев Д. Д., 1977. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея // СТ. № 2. С. 79–81.

Васильев Д. Д., 1983а. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука. 127 с.

Васильев Д.Д., 1983б. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.: Наука. 160 с.

Васильев Д.Д., 1984 Неопубликованная руническая надпись с горы Тепсей // ЭВ. Вып. XXII. С. 48–49.

Войтов В.Е., 1989. Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // СТ. № 3. С. 34–50.

Войтов В.Е., 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд. ГМВ. 152 с.

Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII + 676 с.

Дэвлет М.А., 2004. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат. 68 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1949. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVI. М.–Л. С. 120–127.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006. Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін 360 с.

ИРКИСВА. СПб., 1908. № 8. С. 13.

Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II т. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 252 б. + 144 ж.

Катанов Н.Ф., 2011. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. Кызыл: ТИГИ. 384 с.

Клеменц Д.А., 1886. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Изд. Ин. Кузнецова. [6] + 185 с.

Кляшторный С.Г., 1976. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // СТ. № 1. С. 66–70.

Кляшторный С.Г., 1978. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. М. С. 238–255.

Кляшторный С.Г., Васильев Д.Д., 1974. Эпиграфические исследования на Верхнем Енисее // АО 1973. М.: Наука С. 208.

Кочеев В.А., 2006. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 52 с.

Кошевар В.Г., 2010 Находки монет на территории Кыргызстана: от древности до средневековья // Вест. Междунар. Ин-та центральноазиатских исследований. Самарканд. Вып. 12. С. 11–32.

Кубарев В.Д., 1990. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР. С. 154–157.

Кубарев В. Д., 1992. Сенмурв из Калбак-таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука. С. 94–97.

Кубарев В. Д., Маточкин Е. П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 123 с.

Кубарев Г. В., 2017. «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 341–344.

Кызласов И. Л., 1992. Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб. С. 220–221.

Кызласов И. Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Наука. 327 с.

Кызласов И. Л., 1996. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М.: ЯРК. С. 124–136.

Кызласов И. Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. T. L., fasc. 1–3. С. 163–184.

Кызласов И. Л., 1999а. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. № 4. С. 99–117.

Кызласов И. Л., 1999б. Эпиграфическая поездка в Хакасию // АО 1997. М.: Эдиториал УРСС. С. 283–285.

Кызласов И. Л., 1999в. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М. С. 85–112.

Кызласов И. Л., 2000. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ. С. 82–112.

Кызласов И. Л., 2001а. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Восточная литература РАН. С. 243–270.

Кызласов И. Л., 2001б. Рунические надписи на двух поясных наконечниках // Древности Алтая. № 6. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ. С. 132–138.

Кызласов И. Л., 2002. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие. Горно-Алтайск: Универ-Принт. 164 с.

Кызласов И. Л., 2003. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий. 112 с.

Кызласов И. Л., 2004. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран0I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН. С. 104–122.

Кызласов И. Л., 2005а. Таласские наскальные надписи // РА. № 2. С. 46–55.

Кызласов И. Л., 2005б. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек. С. 54–67.

Кызласов И. Л., 2007. Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН. С. 106–114.

Кызласов И. Л., 2008. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН. С. 451–463.

Кызласов И. Л., 2010. Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах. Часть I. Сосуды, изученные П. М. Мелиоранским // Вопросы тюркологии. № 1. С. 36–63.

Кызласов И. Л., 2011. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // РТ. № 2. С. 62–74.

Кызласов И. Л., 2012. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. матер. Междунар. науч.-практ. семинара. Алматы: Service Press. С. 40–44.

Кызласов И. Л., 2013а. Религиозная природа енисейской письменности. I // РТ. № 2. С. 79–90.

Кызласов И. Л., 2013б. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе матер. конф. «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). СПб.: Изд. ГЭ. С. 266–294. (Тр. ГЭ. Т. LXII).

Кызласов И. Л., 2013в. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Изв. НАН РК. Сер. общественных и гуманитарных наук. Вып. 3. С. 164–173.

Кызласов И. Л., 2014. Религиозная природа енисейской письменности. II // РТ. № 1. С. 52–61.

Кызласов Л. Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 93–120.

Кызласов Л. Р., 1965а. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 38–49.

Кызласов Л. Р., 1965б. Краткая история археологического изучения Тувы // Вест. МГУ. Сер. IX. История. № 3. С. 52–70.

Кызласов Л. Р., 1969. История Тувы в средние века. М.: Изд. МГУ. 212 с.

Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1984. Работы в Хакасии и Туве // АО 1982. М.: Наука. С. 211–212.

Леонтьев Н. В., 1976. Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. № 11. Вып. 3. С. 128–136.

Малов С. Е., 1929. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна реки Талас // Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. № 10. С. 799–806.

Малов С. Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.–Л.: Изд. АН СССР. 116 с.

Малов С. Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л.: Изд. АН СССР. 111 с.

Мелиоранский П. М., 1902. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // Зап. Восточного отд. РАО. СПб. Т. XIV. С. 17–20, табл. 1.

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В. и др., 2004. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 256 с. (Матер. по археологии Сибири. Вып. 3).

Наделяев В. М., 1981. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. № 11. Сер. общественных наук. Вып. 3. С. 65–81.

Наделяев В. М., 1984. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск. С. 81–103.

Никонов В. А., 1974. Имя и общество. М.: Наука; Глав. ред. восточной литературы. 278 с.

Ольховский В. С., 1992. Святилище Байте III в Западном Казахстане (продолжение исследований) // Маргулановские чтения. 1990. Ч. I. М.: ИА РАН. С. 157–162.

Ольховский В. С., Галкин Л. Л., 1997. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА. С. 141–156.

Ольховский В. С., Яценко С. А., 2000. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС. С. 295–315.

Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана. 320 с.

Поминальный комплекс в честь Бильге кагана // Сайт Казахского нац. пед. унив. им. Абая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bitig.org/? tid=1&oid=16&m=2&curi=5&lang=r&mod=1.

Радлов В. В., 1892. Атлас древностей Монголии. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН. Табл. I–LXX + [14 с.]. (Тр. Орхонской экспедиции).

Радлов В. В., 1893. Атлас древностей Монголии. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. АН. Табл. VI, XXVII, XXXVI, LIII, LXI, LXIII, LXXI–LXXXII + [11 с.]. (Тр. Орхонской экспедиции).

Радлов В. В., 1896. Атлас древностей Монголии. Вып. 3. СПб.: Тип. Имп. АН. Табл. LXXXIII–XCVII + XCVIII–CIV (вклейки) + [С. 1–4]. (Тр. Орхонской экспедиции).

Рогожинский А. Е., 2010. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сб. матер. Междунар. науч. конф. Алматы: Print-S. С. 329–344 + вклейки.

Рогожинский А. Е., Кызласов И. Л., 2011. Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 2001. Матер. междунар. археологической конф. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. С. 330–334.

Рыгдылон Э. Р., 1951. Монгольские надписи на Енисее // ЭВ. Вып. IV. С. 94–101.

Самашев З., 2016. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс на горе Шивээт Улаан в Центральной Монголии // Матер. V Междунар. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2016». Актобе. С. 19–64.

Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А., 2016. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс Шивээт Улаан. Астана. 272 с.

Смирнов Я. И., 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб. 18 с., 130 табл.

Смирнова О. И., 1971. Рунические монограммы на среднеазиатских монетах // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная научная сессия ЛО ИВАН. Краткие сообщения. Л.: Наука; Глав. ред. восточной лит-ры. С. 74–78.

Смирнова О. И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука. 548 с.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М., 2012. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск. 152 с.

Хороших П. П., 1949. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. Вып. XXV. С. 132–133.

Шер Я. А., Григорьев Г. П., Подольский Н. Л., 1967. Находки на правобережье Енисея // АО 1966. М.: Наука. С. 145–147.

Шер Я. А., Подольский Н. Л., Медведовская И. Н., Калашникова Н. М., 1969. Енисейские писаницы // АО 1968. М.: Наука. С. 180–182.

Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г., 1968. Курганы и писаницы правобережья Енисея // АО 1967. М.: Наука. С. 150–151.

Яценко С. А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН. 190 с.

Aalto P., 1958. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. Gesammelt von G. J. Ramstedt, J. G. Granö und Pentti Aalto // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. 60. Helsinki. S. 1–93 (extrait).

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Sibérie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 2. Paris: Diffusion du Boccard. 68 + LXXVII + 93 p. (Mémoires de la Mision Archéologique Francaise en Asie Centrale. T. V, 2).

Clauson G., 1972. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press. 1034 p.

Inscriptions de l'Iénisséi recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise, 1889. 20+XXXV+XVIII p.

Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors: Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise, 1892. L+48+66+1 p.

Kubarev V. D., Jacobson E., 1996. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I / Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 3. Paris: Diffusion du Boccard. 2560 p. (Mémoires de la Mision Archéologique Francaise en Asie Centrale. T. V, 3).

Orkun H. N., 1940. Eski türk yazıtları. Istanbul: Allaeddin Kıral Basımevi. Cilt III. 730 s.

Orkun H. N., 1987. Eski türk yazıtları / Türk Dil Kurumu Yayınları: 539. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 962 s.

Radloff W., 1895. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. SPb. Lfg. 3. S. 175–460, I–XI.

Ramstedt G. J., 1913. Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX, fasc. 3. Helsinki. S. 1–70, Encart.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.291-296

А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович
Институт археологии РАН, Москва

Два предмета церковного обихода из раскопок в Ростове

В 2005 г. в раскопе Конюшенного двора в Ростове был найден необычный деревянный предмет. Он представлял собой тщательно выделанную липовую доску округлой формы и толщиной 1,5 см со сквозной прорезью в форме креста в центре. Размеры доски составляли 20×23 см, но с одного края подрезкой была выделена граница основной части – окружности вокруг креста диаметром 19,5 см. Там же, у этой границы находилось квадратное отверстие размером 1,7×1,7 см. В древности дощечка была сломана и сохранилась в двух частях с незначительными утратами (рис. 1, *1*).

Предмет находился в предматериковых отложениях нижнего горизонта культурного слоя (пласт 18), датируемых временем не позднее рубежа XI–XII вв. (*Самойлович*, 2007. С. 8–11).

Аналогия ростовской находке более позднего времени известна в Новгороде. Такая же дощечка круглой формы с прорезным крестом и вторым прямоугольным отверстием (рис. 1, *2*) найдена в слое середины XIV в., точнее, с учетом датировки яруса, периода 1340–1360-х гг. В публикации предмет интерпретирован как «розетка с прорезным крестом» (*Колчин*, 1971. Табл. 17, 5). Размеры новгородской находки не указаны, но, судя по изображению в издании, они сопоставимы с размерами ростовского предмета.

В первой публикации он был определен как пасочница, т. е. простейший трафарет для оттиска креста на традиционном пасхальном блюде из творога (*Леонтьев, Самойлович*, 2007. С. 136–137). Действительно, старательно обработанная дощечка с прорезью и косыми стенками, сужающимися к верхней плоскости, функционально подходит для получения выпуклого оттиска креста на мягкой поверхности.

Однако традиционный облик пасхи в виде усеченной пирамидки и известные этнографические и современные параллели разборных деревянных форм для ее изготовления заставили усомниться

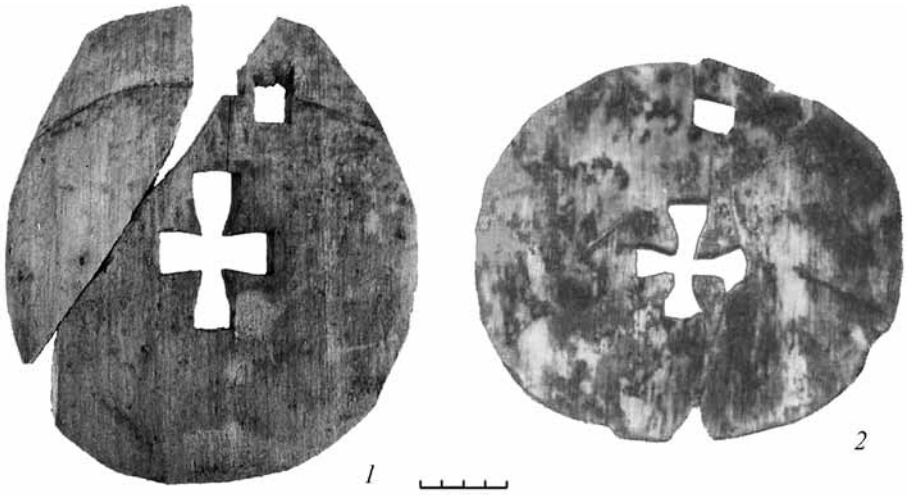


Рис. 1. Печати для артосов

1 – ростовская; *2* – новгородская

в предложенной интерпретации назначения предмета. Его функция как трафарета для получения оттиска несомненна, но предназначался этот трафарет для другого изделия. Представляется, что таким изделием ритуальной христианской кухни мог быть артос – пасхальный хлеб, он же «просфора всецелая»[1]. Верхняя часть просфоры (не только артоса) представляет собой лепешку с оттиснутым изображением креста (в современном православии сюжета Вознесения Христова). Оттиск делается по сырому тесту с предварительно посыпанной мукой поверхностью при помощи «печатей» – резных деревянных дисков. Подобного рода современные штампы для артосов по размерам схожи с ростовской дощечкой: имеют диаметр 18–19 см при толщине до 2 см. Таким образом, найденный предмет можно определить как печать, или в полном названии «пекарскую печать» для артоса. Ростовская и новгородская находки – древнейшие из сохранивших такого рода изделий столь специального назначения.

[1] В переводе с греческого – «квасной хлеб». «Согласно уставным указаниям, А.– это "всецелая", т. е. целая и без изъятых частиц, просфора "со крестом, на ней изображенным" (Типикон. Т. 2. С. 945), без "образа Воскресения Христова" (Там же. С. 956). В рус. практике А.– высокий цилиндрический хлеб, в центре к-рого обычно помещено изображение Воскресения Христова, а по окружности – полный текст отпустительного тропаря Пасхи. В практике мон-рей Афона А.– хлеб небольшого размера, примерно такой же, как и хлеб, благословляемый за всенощным бдением» (*Желтов, Рубан*, 2001. С. 472).

У обоих средневековых предметов имеются одинаковые четырехугольные сквозные отверстия в одинаковой позиции относительно прорези, что позволяет предполагать их специальное назначение. В этом случае возможно наличие четырехгранного стержня, жестко по вертикальной оси соединявшего «печать» с нижней доской-основанием. Таким образом, при нанесении оттиска могла использоваться конструкция простейшего пресса[2].

Интересно, что на том же раскопе, но в несколько более позднем слое начала XII в. найдены свидетельства народного празднования пасхи. В заполнении ямы обнаружена скорлупа крашеного гусиного (?) яйца. Судя по цвету яйцо, как бывает и сейчас, было окрашено с помощью луковой шелухи. В той же яме сохранились и другие остатки праздничной трапезы: косточки вишни, скорлупа грецкого ореха (*Леонтьев, Самойлович*, 2007. С. 137)[3].

Вторая ростовская находка связана с церковным богослужением. Это «лжица» – ложечка для причастия. Она найдена в 1991 г. на Григорьевском раскопе в Митрополичьем саду на уровне пласта 7, в слое, перекрывающем постройки 1-го строительного яруса 1116–1125 гг. (*Самойлович*, 2001. С. 229–230). В этом же горизонте обнаружено подписное шиферное пряслице с палеографической датировкой середины – второй половины XII в. (*Медынцева, Леонтьев,* 1993. С. 161).

Ложечка длиной 12,6 см изготовлена из изогнутой пластины лосиного рога толщиной 0,3–0,45 см и обладает присущими церковным лжицам традиционными признаками. Плоская ручка в навершии оформлена стилизованным изображением креста с прорезанным по центру отверстием. Собственно ложка («чашка») поперечником 4,0–4,3 см почти плоская, и поэтому как предмет бытовой утвари, кухонной или столовой, ложка не функциональна (рис. 2, *1*).

Церковные «лжицы» традиционно изготавливают из не окисляющихся металлов (от золота до олова)[4]. Рог или кость как нейтральный материал мог использоваться в этих целях, но известные в археологии находки костяных ложек по обстоятельствам обнаружения и формальным признакам не могут быть определены как церковные. Как

---

[2] Ничто не ново. В некоторых современных церковных пекарнях для той же цели также используется пресс, но, разумеется, более сложной конструкции. См.: http://prosfornik.ru/tech/artos/up [Здесь и далее обращение 25.12.2018].

[3] В Новгороде скорлупа крашеного пасхального яйца обнаружена в отложениях первой половины XI в. (*Гайдуков*, 1992. С. 110. Рис. 34).

[4] См.: http://www.zavet.ru/obs/mx/fact/015lzh.htm.

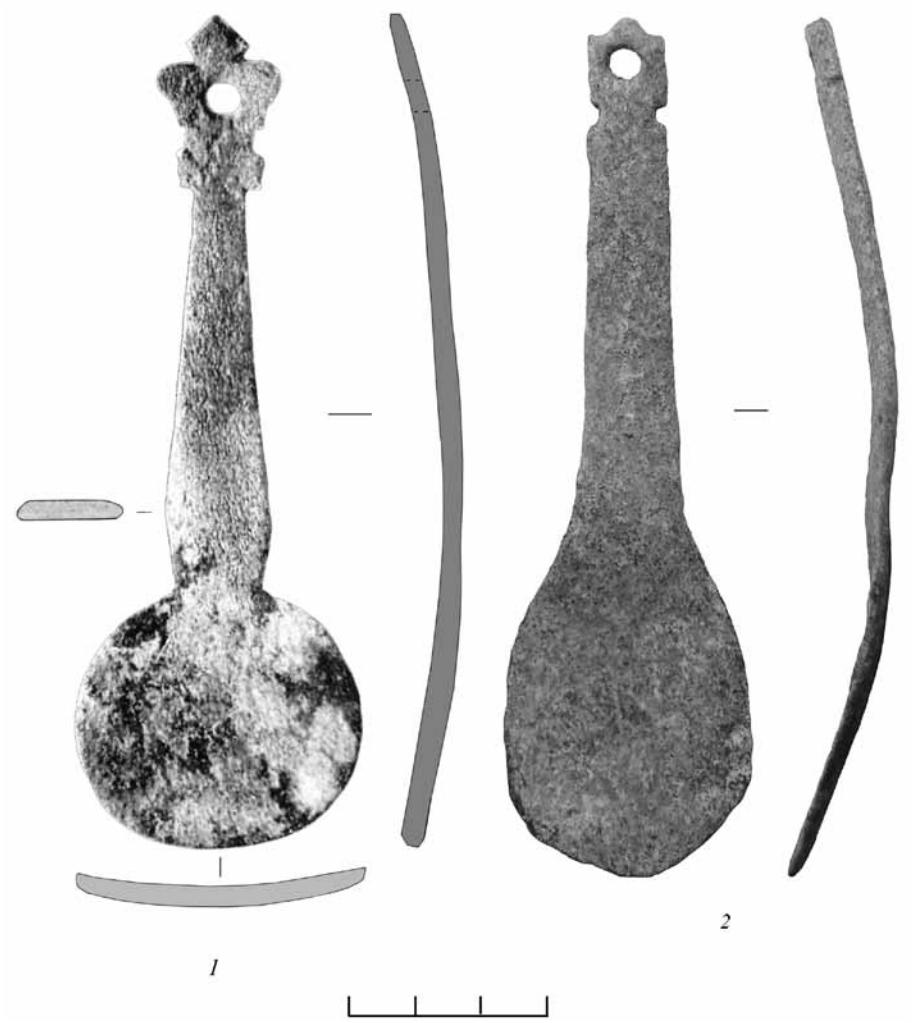


Рис. 2. Лжицы
1 – ростовская; *2* – вологодская

свидетельство причащения умершего можно было бы посчитать костяную ложку из детского погребения поблизости от Десятинной церкви в Киеве, найденную вместе с крестообразной накладкой и дирхемом с граффити в форме креста (раскопки Д. В. Милеева 1909 г.). Но захоронение X в. было совершено в погребальной срубной камере с обильным и разнообразным погребальным инвентарем и никак не может считаться христианским. Сама же ложка с украшенной плетенкой ручкой по форме схожа с известными образцами средневековой деревянной

утвари (*Каргер*, 1958. С. 174–176. Табл. XVII). Похожая на ростовскую плоскую ложку более крупного размера найдена в Новгороде в отложениях X в. Однако ее резной декор лишен христианской символики (Древний Новгород, 1985. С. 95. Рис. 179).

Более близкая аналогия недавно обнаружена в Вологде, где близкая по размерам и оформлению ложечка была найдена на городском посаде в более позднем культурном слое XIV в.[5]. Это изделие из также изогнутой роговой пластины схожего размера с неглубокой ложкой и плоской ручкой с похожим, упрощенным по форме завершением (рис. 2, 2).

Современные лжицы в большинстве сохраняют традиционные плоские в сечении ручки с фигурным завершением. В оформлении обязательно изображение креста, встречающееся в разных вариантах[6]. Ложечки у них глубокие и вытянутые, но бывают и круглые[7], как у ростовской XII в.

Литература

Гайдуков, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Эвтектика. 197 с.

Древний Новгород. Прикладное искусство и археология / Сост. Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В. М.: Искусство, 1985.

Желтов М. С., Рубан Ю. И., 2001. Артос // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». С. 470–472.

Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 579 с.

Колчин Б. А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука. 113 с. (САИ. Вып. Е1-55).

Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., 2007. Археологические данные об утверждении христианства в Ростове // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Ярославль. С. 133–141.

[5] Доклад Н. И. Калининой и И. П. Кукушкина «Исследования на посаде средневековой Вологды (ул. Ударников, 12)» на конференции «Археология: история и перспективы». Ярославль, 16.11.2018. Авторы признательны И. П. Кукушкину за любезное разрешение опубликовать изображение находки.

[6] http://www.pravuzor.ru/lzhicy-dlya-prichastiya/

[7] http://deacon.ru/community/viewtopic.php? f=20&t=2117. Сообщение на сайте: «У наших отцов два типа лжиц (один тип очень похож на десертные и формой, и размером), но мне удобнее потреблять обычной софринской (тем более, второй тип круглый, а не продолговатый, в диаметре около 4-х сантиметров…)».

Медынцева А. А., Леонтьев А. Е., 1993. Подписные пряслица из Ростова Великого // СРМ. Вып. V. Ростов. С. 157–161.

Самойлович Н. Г., 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.: ИА РАН. С. 226–242. (Тр. отдела охранных раскопок. Т. 1).

Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. М.: ИА РАН. 88 с. (МОАИ. Т. 9).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.297-302

С. М. Михеев,
Институт славяноведения РАН, ШАГИ РАНХиГС, Москва

К прочтению надписи на таманских брактеатах Олега-Михаила Святославича

Данная заметка посвящена надписи на тонких монетовидных металлических пластинах, вошедших в науку под названием *таманских брактеатов*[1].

Первый артефакт данного типа издал А. В. Орешников (1936. С. 85, табл. I: 17). В 2009 г. К. В. Бабаев опубликовал сводку, включившую уже десять брактеатов (*Бабаев*, 2009. С. 73–80). Как показал исследователь, пластины с княжеским знаком и круговой легендой имели пару: брактеаты с изображением архангела Михаила, с которыми они спаивались попарно. Один из опубликованных К. В. Бабаевым брактеатов был найден в спаянном виде.

На сегодня известно о 15 экземплярах таманских брактеатов. Два из них хранятся в музеях: это брактеат Государственного исторического музея в Москве (отдел нумизматики, инв. № 71775, № Va.1 по К. В. Бабаеву) и брактеат Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (КМ 11631: Мд 4134, изд.: *Пьянков*, 2013). Часть экземпляров из частных собраний опубликована (*Бабаев*, 2009. С. 73–80; *Михеев*, 2014. С. 55–56), новые экземпляры продолжают появляться на черном рынке[2].

Как заметил К. В. Бабаев, экземляр, опубликованный им под номером Vb.7, чеканен поверх монеты боярина Ратибора (*Бабаев*, 2009. С. 78), уверенно датируемой 1079–1081 гг., когда Ратибор управлял Тмутороканем, что опровергает выдвигавшиеся предположения о более ранней датировке брактеатов.

---

[1] Автор признателен К. В. Бабаеву, А. Ю. Виноградову, А. В. Пьянкову и В. Н. Чхаидзе за их доброжелательную и бескорыстную помощь в моей работе над данной темой.

[2] В частности, новый экземпляр «оборотного» брактеата выставлялся на Интернет-аукцион *coins.su* в 2017 г.

Ниже последовательно рассматривается значение изображения архангела, княжеского знака и круговой надписи, трактуемых в литературе неоднозначно.

Изображение архангела Михаила на «оборотных» пластинах не обязательно является патрональным. Так, оно представлено на многочисленных змеевиках (*Станюкович, Коршун*, 2014. С. 90–117), на которых вокруг изображения арх. Михаила обыкновенно идет молитвенная надпись *Господи, помози рабу своему* … с самыми разными именами владельцев. Наиболее известен золотой экземпляр (так называемая *Черниговская гривна*), который традиционно атрибутируется Владимиру Мономаху по имени *Василии* в молитвенной надписи (*Рыбаков*, 1964. С. 19–20, табл. XXXIV: 1–2, № 9).

Княжеский знак на «лицевой» стороне брактеата представляет собой линейный двузубец с килевидной ножкой и крестом на левом зубце (или на правом при зеркальном прочтении). А. В. Орешников указал на близость этой тамги к знаку на печати, атрибутированной Н. П. Лихачевым Всеволоду Ольговичу (*Орешников*, 1936. С. 85; *Лихачев*, 1930. С. 204–205). Олег-Михаил многие годы княжил в Тмуторокане, поэтому А. В. Орешников предположительно атрибутировал брактеат именно этому князю (*Орешников*, 1936. С. 94). Данное предположение развил К. В. Бабаев (2009. С. 78). Вопреки альтернативным мнениям А. А. Молчанова и автора этих строк (*Молчанов*, 1982. С. 224–226; *Михеев*, 2014. С. 57), гипотеза А. В. Орешникова – К. В. Бабаева получила недавно убедительное подтверждение: И. А. Жуков опубликовал печать со сходным княжеским знаком с прямой ножкой (то есть с Ꙗ-образной основой) и уверенно атрибутировал ее по надписи на парной печати Олегу-Михаилу Святославичу, внуку Ярослава Мудрого (*Жуков*, 2012. С. 38)[3].

Перейдем теперь к круговой надписи вокруг тамги, имеющей долгую историю прочтения.

По неполному экземпляру Государственного исторического музея А. В. Орешников предположительно читал в ней слова «Господи, помози» с нестандартно сокращенным словом «Господи». В целом, по мнению А. В. Орешникова, «надпись не поддается прочтению» (*Орешников*, 1936. С. 85).

Четверть века спустя любитель Н. В. Энговатов предпринял ненаучную попытку прочтения надписи на таманском брактеате. Он пред-

[3] Это позволило автору этих строк вернуться к атрибуции А. В. Орешникова и К. В. Бабаева (*Михеев*, 2017. С. 20, прим. 8).

ложил читать ее как помози ми Гсди Кирилу (*Энговатов*, 1963). Чтение Н. В. Энговатова подверглось обоснованной критике А. А. Молчанова (1982. С. 224), признавшего его результатом многочисленных натяжек[4].

Рис. 1. Таманский брактеат. Краснодарский ГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына (КМ 11631: Мд 4134). Фото А. В. Пьянкова

После публикации неизвестных ранее экземпляров таманских брактеатов К. В. Бабаевым (2009) на совокупности введенных в научный оборот брактеатов надпись оказалась полностью видна, что позволило вновь обратиться к ее прочтению.

Публикуя целый экземпляр лицевой стороны брактеата хорошей сохранности, купленный Краснодарским музеем-заповедником у местного коллекционера в 2003 г. (рис. 1), А. В. Пьянков предложил читать надпись на нем как Бе помози міа і so Ддчи ('Боже, помоги мне, и с Давыдовичами'), добавив: «Не будучи, специалистом в древнерусском языке не могу настаивать на правильности этого варианта расшифровки» (*Пьянков*, 2013. С. 210–121).

Чуть позже вышла из печати статья автора этих строк, в которой специальное внимание уделено княжескому знаку и надписи на брактеатах (*Михеев*, 2014. С. 55–57). Воспроизведу свои рассуждения о надписи полностью: «Надпись читается против часовой стрелки, начинаясь наверху. Уверенно читается следующий текст: Б- помози м-код-уи <…>. Вероятно, перед нами молитва к Богу, продолжавшаяся именем, начертание которого сильно искажено резчиком. Три непрочитанные буквы не поддаются однозначной трактовке. Весьма вероятно, что резчик штемпелей не был знаком с кириллицей и по этой причине исказил неизвестные ему буквы. Вторая буква похожа на б, повернутое на 180°: либо это е с длинной верхней засечкой, не распознанной резчиком и «приклеенной» им к язычку е, то есть первое слово надо читать

[4] Курьезным образом ненаучное чтение Н. В. Энговатова принял О. Прицак (*Pritsak*, 1998. P. 104).

как Б҃[е҃] <*Боже*>, либо это сильно искаженная буква ъ в слове Б҃[ъ҃] <*Богъ*>. Десятая буква между м и к в предполагаемом имени выглядит как зеркальное ы. Возможно, это какая-то йотированная буква, искаженная резчиком. Четырнадцатая буква между д и у похожа на современное а. Рядом с этой буквой, возможно, располагалось титло» (*Михеев*, 2014. С. 57).

Соединяя эти наблюдения с заключениями А. В. Пьянкова, следует заметить, что два знака после м А. В. Пьянков читал как іа, то есть перед нами искаженная буква ꙗ, у которой отсутствует соединительная горизонтальная черта, а все слово читается как мꙗ ‘меня’. Это слово не согласуется с глаголом *помози*, после которого естественно ожидать объект в дательном падеже.

В двух следующих знаках А. В. Пьянков увидел буквы ꙮ, а я – букву к. Правый знак имеет округлый нижний завиток, делая эту «к» в-образной. Либо перед нами к искаженного облика, либо в с недописанными горизонтальными элементами.

Если исходить из предположения, что резчик штемпелей не был знаком с кириллицей и по этой причине исказил неизвестные ему буквы, то в крупной а-образной букве после д можно увидеть ѧ с недописанным вертикальным штрихом. В таком случае следующая буква, стоящая между ѧ и и, не может быть у, и для нее следует принять чтение А. В. Пьянкова: ч. Таким образом в слове после *мꙗ* опознается словоформа на *-ѧчи*, то есть *шт*-причастие в форме именительного падежа единственного числа женского рода в его древнерусском облике. Следовательно, перед нами форма водѧчи ‘водящая’ с буквами ѧ и ч, искаженными резчиком, не знакомым с кириллическим алфавитом, и с буквой в с недорезанными горизонтальными элементами.

Женский род причастия должен согласовываться с существительным, которое было сокращенно записано в начале текста под титлом. Ясно читаемое начальное б позволяет думать, что это было слово *Богородице* (звательный падеж от *Богородица*). Его стандартная запись выглядела как Б҃ЦЕ. Буквы б и ц отсутствуют в греческом алфавите и должны были вызывать недоумение у резчика. Возможно, этим и объясняется странный облик первого слова. Итак, я предлагаю читать легенду таманского брактеата как Б[ц҃]<е> помози мꙗ [в]одѧчи ‘Богородица (?), помоги, направляя (направляющая) меня!’[5].

[5] Этот текст, во-первых, заставляет вспомнить греческий эпитет Богородицы – οδηγήτρια ‘указующая путь’. Во-вторых, согласно известию, читаемому в «Повести

Прочтение на брактеате искаженной древнерусской надписи, не содержащей личного имени и не находящей прямых аналогий в древнерусском материале, исключает возможность отнесения краснодарского экземпляра таманского брактеата к подделкам (ср.: *Чхаидзе*, 2016).

Итак, таманские брактеаты несут на двух своих сторонах изображения архангела Михаила и княжеского знака Олега-Михаила Святославича, долгое время владевшего Тмутороканем. Круговая надпись вокруг тамги Олега существенно искажена резчиком, не знакомым с кириллицей. На основании изучения хорошо сохранившихся экземпляров брактеатов удалось предложить реконструкцию первоначально задуманной надписи: это была молитвенная инвокация без упоминания имени эмитента.

Литература

Бабаев К. В., 2009. Монеты Тмутараканского княжества. [М.]: Древлехранилище. 104 с.

Жуков И., 2012. Княжеский знак на уникальной вислой печати Новгород-Северского князя Олега (Михаила) Святославича (1097–1115 гг.) // Нумізматика і фалеристика. № 1 (61). С. 38–39.

Лихачев Н. П., 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. [Л.]: Изд-во АН СССР. 279 с. (Тр. Музея палеографии. [Вып.] II).

Михеев С. М., 2014. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (58). С. 45–63.

Михеев С. М., 2017. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (70). С. 17–41.

Молчанов А. А., 1982. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3. С. 223–226.

Орешников А. В., 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М.: ГИМ. 96 с. (Тр. ГИМ. Вып. 6).

Пьянков А. В., 2013. Таманский «брактеат» из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах [Армавирского краеведческого музея] / Мунчаев Р. М. (отв. ред.) [Вып.] 12. Арма-

временных лет» под 1022 г., Мстислав Владимирович заложил и построил в Тмутороканe храм, посвященный Богородице. Эта церковь упоминается и под 1066 г. как место упокоения его внучатого племянника Ростислава Владимировича. Оба эти замечания, принадлежащие А. Ю. Виноградову, подкрепляют предположение о чтении первого слова надписи.

вир – Краснодар – М.: [ИА РАН; Армавирский краеведческий музей]. С. 120–122.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука. 48 с., 46 отд. ил. в папке. (САИ. Е 1-44).

Станюкович А. К., Коршун В. Е., 2014. Неизвестные памятники русской пластики: Обереги-змеевики XI–XIX веков. М.: Группа ИскателИ. 336 с.

Чхаидзе В. Н., 2016. Таманские монеты XI в. – original or fake? // IV Международный Нумизматический Симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», 4–8 сентября 2016 г. Матер. науч. конф. Севастополь: ГМЗ «Херсонес Таврический». С. 113–119.

Энговатов Н. В., 1963. Таманский брактеат Всеволода (Кирилла) Ольговича // Нумизматика и сфрагистика / Анохин В. А. (отв. ред.). [Вып.] I. Киев: Изд. АН УССР. С. 103–108.

Pritsak O., 1998. The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 172 p.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.303-322

Ю. Ю. Моргунов
Институт археологии РАН, Москва

Политическая и структурная эволюция Переяславской земли

По летописной традиции домениальные княжеские владения домонгольской Руси именовали «волостями» или «землями». Но за переяславским регионом последний термин не закрепился, что объясняют его зависимостью от Киева (*Насонов*, 1951. С. 51, 67; *Горский*, 2002. С. 55–61). Это справедливо для начальной истории переяславского княжения, в дальнейшем же его политическая роль существенно изменялась, испытывая заметное влияние естественно-географических условий. Неоднородность территориальных компонентов, потенциально выгодных для решения значимых для Южной Руси оборонительных задач, со временем обеспечило структурирование лесостепного Левобережья в довольно замкнутые ареалы, которые нередко именуют волостями в узком понимании этого термина. В частности, они соответствуют летописной оценке древнейшей части Переяславской земли (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 296).

В середине – третьей четверти X в. на пустовавшем левом берегу Днепра появилось незначительное количество киевских поселений. На севере этой территории нам известно о существовании летописных Ольжичей и примыкавших к устью р. Остер поселения в г. Остре и столь же плохо изученных городищ Кошаны и Крехаев. На юге левобережные владения Киева замыкала посульская крепость-гавань Воинь, откуда пролегало всего полсотни километров до Лукомья – южной крепости летописного племени северян. А на середине пути от Воиня к столице размещалось поселение Лепляво, известное множеством артефактов торгово-дружинного быта, в том числе и скандинавского происхождения. Это наиболее вероятный пункт дислокации воеводы Претича, в 968 г. вызволившего княгиню Ольгу с внуками из осажденного Киева (*Моргунов*, 2015. С. 331).

Произошедший около 980 г. захват Киева новгородским князем Владимиром Святославичем косвенно инициировал длительные войны

с печенегами. Князю пришлось спешно отодвигать от столицы внешние пределы государства на малоосвоенные и вовсе необжитые земли. Для этого использовался зарубежный опыт их огораживания протяженными линиями древо-земляных стен – былинных «змиевых валов», сопровождавшихся обширными открытыми поселениями. Материальные ресурсы князю приносили войны с соседями, переселения на юг жителей русского Центра и Севера и перемещения «окняженной» части обитателей племенной северянской окраины.

«Огораживание» закрепило масштабы ранних интересов Киева: они согласуются с так называемым списком рек 988 г., на которых Владимир Святославич позже строил свои первые «города» (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 121). Так, наиболее протяженная Приднепровская стена удерживала правобережных печенегов от проникновения в этот регион посредством множества бродов. Нижнесульскую стену возводили после «окняжения» ближайших к Воиню посульских северян, строивших укрепление поверх привычных для них эскарповидных подрезок береговых склонов. Но участие местных колонистов в военных действиях потребовалось лишь однажды: в 992 г. они уведомили Киев о приближении степняков и Владимир успел встретить и разгромить печенегов на Трубеже, где был заложен Переяславль. Существовавшие на этой реке и ее притоке Альте линии стен не сохранились (рис. 1).

Таким образом, в юго-восточном направлении Владимиром Святославичем было заложено два параллельных рубежа: Переяславль и трубежский брод замыкали внешнюю грань наиболее удобного для хозяйственного освоения ареал. А нижнесульский рубеж за отсутствием других нападений в эту эпоху скорее играл вспомогательную или даже декоративную роль. В то же время он послужил плацдармом для продвижения вверх по Суле с целью дальнейшего включения северянских племен в орбиту Руси, и ближайшая часть укрепленных убежищ носителей роменской культуры была уничтожена. На других же поселениях из-за недостатка исследовательских работ фиксируется лишь уменьшение количества поселян и быстрое освоение ими общерусского гончарного способа изготовления керамической посуды. Существенно, что вплоть до второй половины XI в. единственным крепостных сооружением на Суле был летописный Воинь.

От переяславской метрополии Посулье отделяло маловодное пространство так называемого маловодного супойского плато с обширным массивом слабозасоленных земель, непригодных для пахотного земледелия. Лишь на его южной окраине начал осваиваться приднепровский

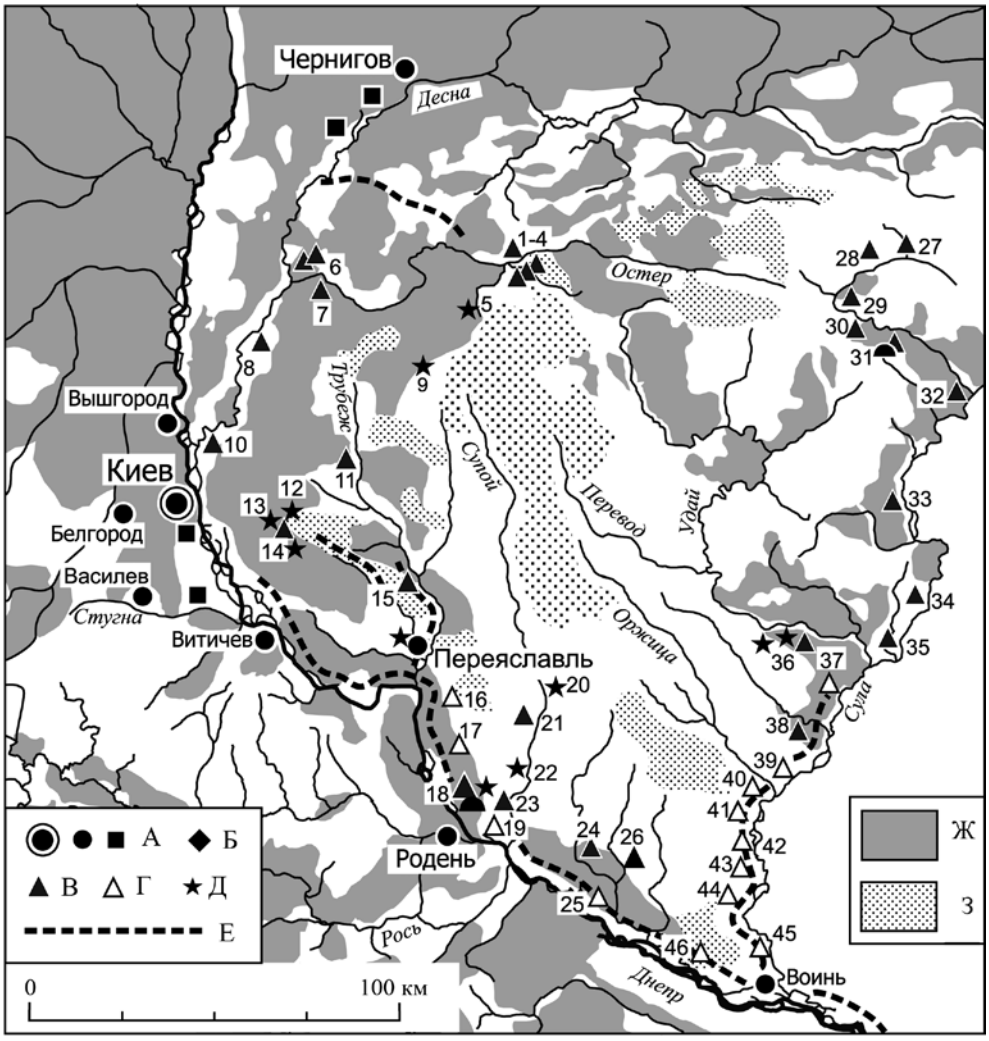


Рис. 1. Заселенность киевского Левобережья к началу XI в.

А – летописные города и городища; Б – укрепления-тверди летописного племени северян; В – открытые поселения; Г – обширные открытые поселения близ «змиевых валов»; Д – находки сребреников Владимира Святославича типа 1; Е – линии «змиевых валов»; Ж – древние лесные массивы; З –слабозасоленные земли. 1–4 – Нежин; 5 – Носовка; 6 – Остер; 7 – Кошаны; 8 – Крехаев; 9 – Бобровица; 10 – Ольжичи; 11– Русанов; 12 – Дударков; 13 – Счастливое; 14 – Борисполь; 15 – Пристромы; 16 – Цибли; 17 – Городище; 18 – Лепляво; 19 – Бубновская Слободка; 20 – Беспальче; 21 – Каленики; 22 – Гельмязов; 23 – Песчаное; 24 – Золотоноша; 25 – Железки; 26 – Крапивна; 27 – Шевченково; 28 – Вел. Самбор; 29 – Красный Колядин; 30 – Грицевка; 31 – Липовое; 32 – Ромны; 33 – Свиридовка; 34 – Сенча; 35 – Кснятин; 36 – Повстень; 37 – Лубны; 38 – Мацковцы; 39 – Лукомье; 40 – Тарасовка; 41 – Чутовка; 42– Великая Буримка 1; 43 – Лящовка; 44 – Клещинцы; 45 – Жовнино; 46 – Веремеевка

«коридор», не выходивший за пределы распространения тучных черноземов. В разрез с ожиданиями, это направление печенежских ударов оказалось кратким: левобережные печенеги первыми испытали натиск узов-торков, – следующей волны азиатских вторжений, но и торков теснили на запад половцы. В 1015 г. князь Борис в левобережных степях печенегов уже не обнаружил. В начале XI в. Русь тревожили только правобережные печенеги: с ними в 1008 г. Русь замирял германский архиепископ Бруно Кверфуртский. Они же принимали участие в войнах Святополка Ярополчича с Ярославом Владимировичем.

Упоминание в «списке рек» р. Остра указывает на северный предел территориальных интересов Владимира. Недостаточная изученность этого края не выявила в валах местных городищ типичных лицевых сырцовых кладок этой эпохи. Тем не менее, из посада возникшего позже Остерского Городца и из Кошанов происходит керамика рубежа X–XI вв. в сопровождении атрибутики переселенной с Севера Руси военно-дружинной прослойки. Этим они схожи с открытыми поселениями, сопровождавшими «змиевы валы» приднепровского «коридора» и Нижнего Посулья (*Моргунов*, 2017. С. 71, 72).

Изыскания Н. Н. Коринного ввели в литературу карту 1772 г. границ Польши и России итальянского мастера Рицци Заннони (*Коринный*, 1992. С. 55). Неопределенный рубеж там изображен линией, названной «*dawni row zasypany*», которая может быть следами укреплений домонгольского времени. Это укрепление начиналось на левобережной стороне устья р. Смолянки, почти в 40 км к северу от Остерского Городца. Далее оно следовало к истоку реки, изгибалось к югу по западному берегу болотного массива Смолянка и заканчивалось напротив сгустка ранних черниговских поселений современного г. Нежина. Широкой заболоченной и незаселенной полосой от Чернигова было отделено и нижнее течение Смолянки, что в целом позволяет принять «*dawni row*» за остатки аналогичного «змиевому валу» северного отрезка ограждения киевских владений Владимира Святославича, а позже, за северный предел владений Переяславля по демаркации как Ярослава с Мстиславом, так и «раздела» Ярослава (*Моргунов*, 2017. С. 74). Если это было действительно так, то площадь земель, заключенных между этим ограждением и низовьями Остра насчитывала 1,3 тыс. кв. км.

Ярослав Мудрый окончательно закрепился в Киеве после правобережной феодальной войны 1015–1019 гг. Его противником был туровский князь и старший (приемный) сын Владимира Святополк Ярополчич, поддержанный польскими и немецкими войсками

с правобережными печенегами. Летописную оценку итогов войны увенчал церковный панегирик об огромных масштабах восстановления Киева, Поросской защитной линии и широком церковном строительстве.

Война и локальное строительство не лучшим образом сказались на левобережных владениях Киева: былые воинские пополнения туда прекратились, видимо, еще с началом войны. Археологически зафиксировано сокращение размеров сопровождавших «змиевы валы» обширных открытых поселений: в их округе появляются небольшие поселки на тучных надпойменных угодьях. С этим увязывается ветшание левобережных длинных стен – обращение их в реальные древо-земляные валы. Тем не менее, некоторое пополнение левобережного населения все же происходило. Судя по изрядному количеству монетных находок и кладов, это могло быть следствием оттока части правобережного населения на незатронутые войнами земли (рис. 2).

Существенной ступенью дальнейшего закрепления киевских владений стал произошедший в 1026 г. раздел Левобережья между Ярославом и вернувшимся из Тмутаракани младшим братом Мстиславом. Анализ пути Мстислава в Чернигов и события дальнейших лет убедительно показали, что младший брат не претендовал на закрепленные их отцом владения Киева. Таким образом, летописная оценка раздела их земель «по Днѣпръ» сохранила заложенное Владимиром территориальное размежевание: Мстислав получил лесную часть Левобережья, а Ярослав – лесостепную (*Моргунов*, 2015. С. 335). Следовательно, осью размежевания их земель продолжал являться древний «ров» – реликт ныне исчезнувшего «змиева вала». Столь же логично восточнее междукняжеская граница выводила к закрепленному противолежавшими поселениями пограничному нежинскому броду, а затем следовала вдоль заболоченного левого берега Остра. Эта часть чернигово-переяславского рубежа позже не оспаривалась популярной летописной ссылкой на «отчинное право[1]».

Приближение половецкой волны степных вторжений вновь подняло вопрос о защите Южной Руси. Ранее всего шесть крепостей, созданных Владимиром Святославичем в зоне наибольшей опасности, показали более высокую боеспособность, нежели открытые с флангов

[1] Подобного рода оговорка 1195 г., «како насъ роздѣлил дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ», касалась не чернигово-переяславской границы, а размежевания владений Киева и Чернигова (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 688).

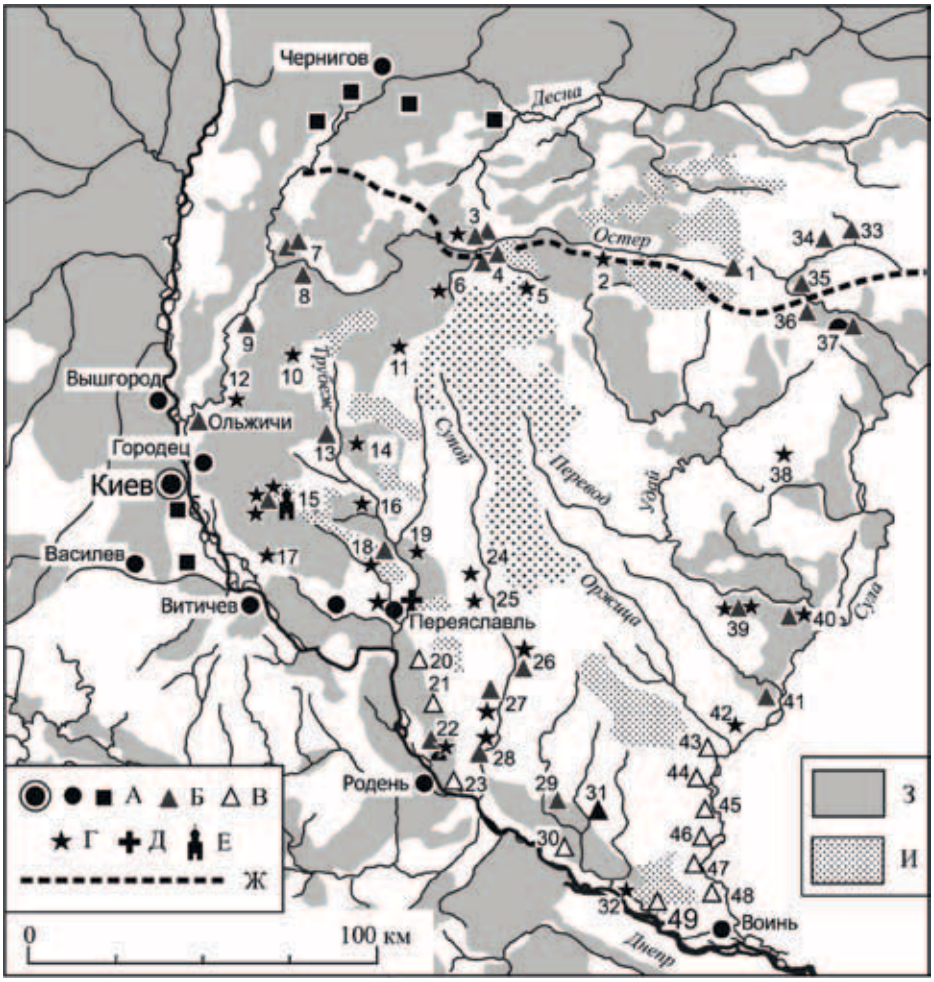


Рис. 2. Заселение лесостепного Левобережья при Ярославе Мудром

А – летописные города и городища; Б – открытые поселения; В – приходившие в упадок сопровождавшие «змиевы валы» обширные открытые поселения; Г – монетные находки; Д – предметы личного благочестия; Е – монастырь Льтец; Ж – северные пределы Переяславской земли по «списку рек» Владимира Святославича и «разделу» Ярослава и Мстислва Владимировичей; З – древние лесные массивы; И – слабозаселенные земли. 1 – Белавежа; 2 – Новый Подол; 3 – Нежин: клад в Мегерках и 2 поселения; 4 – Нежин: Липов Рог 1 и 2; 5 – Крапивное; 6 – Носовка; 7 – г Остер; 8 – Кошаны; 9 – Крехаев; 10 – Семиполки; 11 – Бобровица; 12 – Пуховка; 13 – Русанов; 14 – Перемога; 15 – Борисполь с окрестностями (монастырь Льтец, Дударков, Счастливое, Мартусовка); 16 – Барышевка; 17 – Вишенки; 18 – Пристромы; 19 – Жовтневе; 20 – Цибли; 21 – Городище; 22 – Лепляво; 23 – Бубновская Слободка; 24 – Соснове; 25 – Денисы; 26 – Беспальче; 27 – Каленики; 28 – Песчаное; 29 – Золотоноша; 30 – Железки (Залізкі); 31 – Крапивна; 32 – Самовицы; 33 – Шевченково; 34 – Великий Самбор; 35 – Красный Колядин; 36 – Грицевка; 37 – Липовое; 38 – Карпиловка; 39 – Повстин: 40 – Хитцы; 41 – Мацковцы; 42 – Великоселецкое; 43 – Тарасовка; 44 – Чутовка; 45 – Великая Буримка 1; 46 – Лящовка; 470 – Клещинцы; 48 – Жовнино; 49 – Веремеевка

отрезки протяженных стен. Кроме того, первое же появление степняков указывало на направления, требовавшие наибольшей заботы, поэтому сплошное ограждение внешних пределов потеряло оборонительный смысл.

По «завещанию» Ярослава Мудрого его четвертому сыну Всеволоду отошли тянувшие к Переяславлю земли и добавлено курское Посеймье с соединявшей их будущей Вырской волостью. Это идеально соответствовало решению основной оборонительной задачи: территориальное ядро нового княжения – его западная часть – закрывало юго-восточные подходы к Киеву, а вместе с восточной, оба региона ограждали и юг Черниговского княжества. Чуть позже Всеволоду также отошли ростово-суздальские и верхневолжские земли, а также Белоозеро (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 161, 162; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 149, 150; ПСРЛ. Т. 3, 2000. С. 469). В направлении к ним вели дороги от Курска в обход лесных массивов воинственных вятичей: Север смог поставлять дополнительные средства и воинские подкрепления.

Сверх того Киев дополнительно обезопасил свой восточный рубеж, сохранив за собой узкую полосу Левобережья. На севере ее замыкали Ольжичи, контролировавшие выходивший от Вышгорода каскад бродов. На их размещение на левой стороне Днепра косвенно указывают детали событий, описанных под 1142 и 1152 гг., а также указание на место сбора князей в 1183 г. для начала так и не состоявшегося похода против Кончака (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 310, 456–458, 512, 628; *Толочко*, 1975. С. 8). Значимым на севере считается и Киевский Городец, где в 1026 г. происходил «раздел» владений Киева и Чернигова (рис. 3).

На юге полоса киевских земель завершалась между течением Днепра и р. Каранью, правым притоком Нижнего Трубежа, где проживали «засаковцы» полукочевого племени турпеев. Центром этого небольшого региона считают летописный г. Саков (городище в современном с. Старое), где в 1101 г. киевский князь заключил мирный договор с половцами (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 229, 275; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 305, 398). На роль средней ключевой точки этой «полосы» подходит Льто/Борисполь. Изначально это было значительное поселение, помеченное сребрениками Владимира и Святополка. Его порубежным положением объясняется стоянка князя Бориса в 1015 г.: он не стал входить в киевские владения Святополка Ярополчича. В 1019 г. там же Ярослав Мудрый встретил Святополка с печенегами; для заключения мира с кочевниками Всеволод Ярославич в 1055 г. выходил к Воиню, но для серьезного столкновения с ними в 1068 г. князья не рискнули выдвинуться

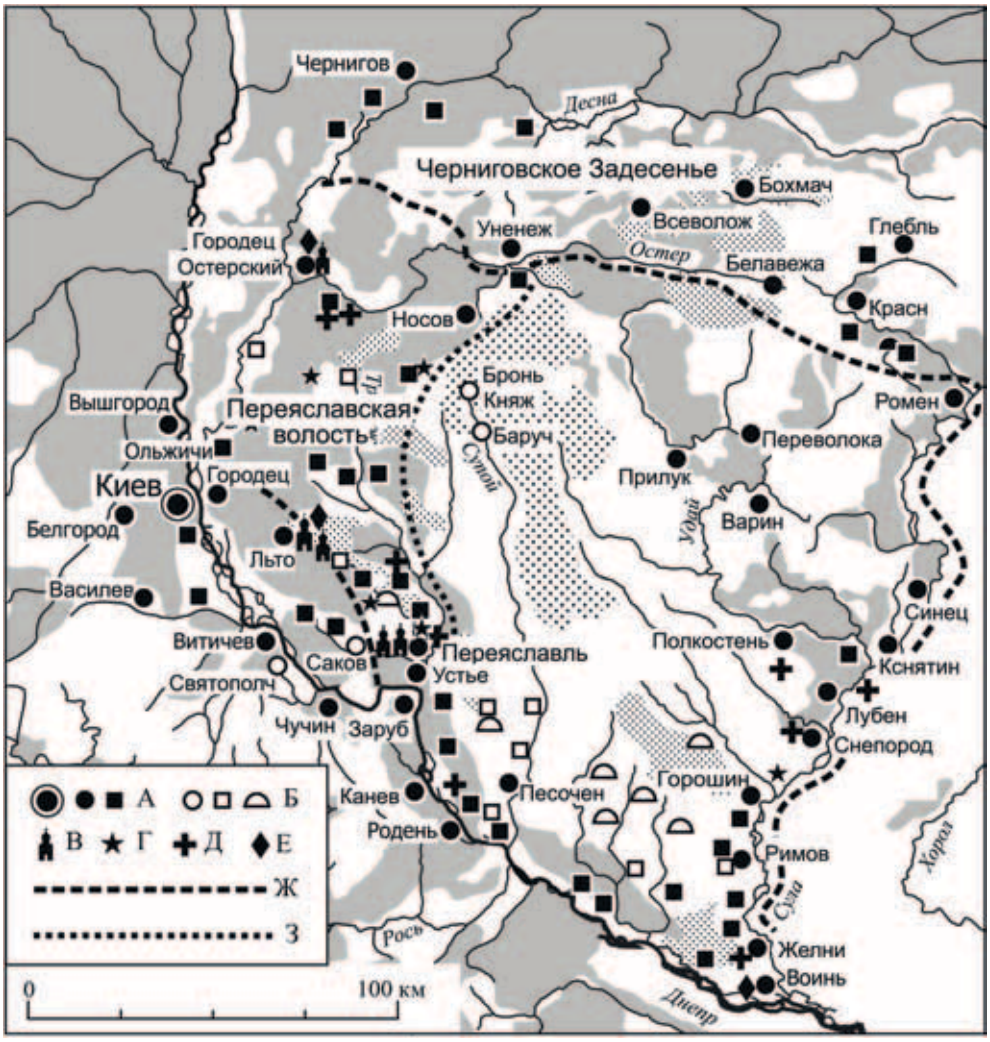


Рис. 3. «Полоса» киевских владений на переяславском Левобере-жье. (Условные обозначения см. на рис. 2)

дальше «летского поля» (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 132, 144, 162, 167). Льто закрывало вход на лесную дорогу на Киев, через него следовали и трассы из Киева на север и восток.

На принадлежность этой области к Киеву указывают два летописных сюжета. Осенью 1139 г. киевский князь Всеволод Ольгович, решив посадить в Переяславле своего брата Святослава, выдвинулся к Днепру, откуда послал его в Переяславль с войсками. Но местный князь Андрей Владимирович разгромил Святослава и гнал его «до Коранѣ,

а далѣ не пусти Андрѣи дружины своєя»: в его задачу не входило вторжение в киевские владения (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 307, 308; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 305). По другому сюжету, летом 1150 г. вернувшийся в Киев Изяслав Мстиславич послал сына Мстислава в Канев, чтобы тот добыл Переяславль. Для этого Мстислав послал на левый берег Днепра за турпеями, «веля имъ ѣхати к собѣ». В ответ переяславский князь Ростислав Юрьевич перевел турпеев к Переяславлю (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 398). Этот киевский анклав контролировал и каскад бродов, расположенных между Треполем и Новгородом Святополчим.

Таким образом, киевская «полоса» могла иметь меридиональную протяженность около 60 км при ширине от 10 до 20–25 км. Ее площадь составляла не менее 1,3 тыс. кв. км (из них на долю расселения турпеев приходилось около 800 кв. км).

С выделением Переяславская земля стала сферой жизненно важных защитных интересов Киева: после смерти Ярослава последовал приход к Воиню узов-торков, а затем и половцев. Сохранение определенной политической зависимости Переяславля от Киева часто оборачивалось не столько контролем, сколько помощью в осуществлении защитных мер. Во второй половине XI в. на всем лесостепном Левобережье развернулось массовое строительство крепостей: сложение реальной и действенной Посульской оборонительной линии можно отсчитывать только с этого времени.

Значимость нового территориального образования в виде княжества подчеркивается тем, что при Всеволоде Ярославиче и Владимире Мономахе сложилась традиция наследования великого княжения именно переяславским князем. Значимость Переяславля в качестве второго после Киева удела в системе княжеской иерархии распознается и по другим источникам (*Янин*, 1960. С. 121–129; *Коринный*, 1992. С. 65; *Колибенко О., Колибенко О.*, 2012. С. 79, 80). Существенно и то, что Владимир Мономах уже в пору переяславского княжения играл во многом ведущую роль во внешней и внутренней политике Руси.

Кроме строительства крепостей, существенное защитное значение имело начавшееся почти одновременно расселение в приграничье выходивших на Русь кочевых сообществ, ослабевших в борьбе с половцами. По первому летописному упоминанию под 1080 г. их обобщенно принято называть «переяславскими торками». За верхнюю дату их расселения можно принять упоминание под 1125 г. городов Баруча и Бронь Княжа, фиксирующее существование стабильной торческой территории с укрепленными замками-убежищами. Основное

переяславское расселение торков было связано с насыщенным слабозасоленными землями «супойским плато», что соответствовало их скотоводческому хозяйству, а также заполняло необжитое пространство, куда прежде половцы заходили безнаказанно. Приобщение недавних степняков к несению военной службы создало тактически сопоставимые с половцами кавалерийские формирования, наделенные ранее неизвестным на Руси опытом мобильного ведения войны.

Размещение торческих городищ и погребений позволяет точнее обозначить территориальные рамки частей ядра Переяславской земли. Так, сравнение карт на рисунках 2 и 3 указывают на исход общерусских поселений из «супойского плато» – их небольшое количество прижималось к приднепровским перелескам. Но известны примеры территориального симбиоза: единственный нижнесупойский г. Песочен сопровождало поселение, откуда происходит медный котел половецкого типа и горсть наконечников сулиц, – нечасто встречающихся небольших метательных копий (*Чайка*, 2011. С. 73).

В ограниченном течением Трубежа западном регионе, сопоставимом с «переяславской волостью» 1134 г. (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 296), степные древности крайне редки. Это упоминавшийся выше Саков и городище Иванков верховий Альты. Последнее расположено всего в 8 км от Льто: оно могло служить частью киевской «полосы» с ее расселением турпеев. В северной части волости признаками «степной» фортификации отличаются только плохо изученные городища Крехаев и Заворичи. Но последнее слишком попорчено, чтобы безоговорочно относить его оригинальный эскарп к домонгольскому времени. К достоверным торческим древностям региона можно отнести лишь расположенное в слабозасоленном массиве р. Альты впускное погребение в с. Подолье и найденный около Переяславля клад 1912 г. с золотыми и серебряными украшениями, принадлежавшими знатному торку.

Эти наблюдения свидетельствуют об определенной изолированности супойского поселенческого массива. Они подчеркивают также беспочвенность отождествления Баруча и Бронь Княжа с плохо изученными городищами поречья Трубежа. Эта версия восходит к неубедительной аргументации дореволюционных историков, использовавших лишь некоторое сходство названий домонгольских и современных населенных пунктов.

Сходная с летописным Песочеком картина прослеживается на сульском рубеже, где на лучше изученных городищах заметны ощутимые следы расселения недавних выходцев из степей. Но их немногие

самостоятельные укрепления все же были оттянуты от рубежа: кочевники были слабы к лобовым ударам, но незаменимыми для контролирования путей и погонь за нагруженными полоном половцами (*Моргунов*, 2016. С. 305–316).

В итоге уже в начале XII в. первый половецкий натиск был заглушен строительством сети крепостных сооружений, расселением недавних выходцев из степей и серией дальних княжеских походов. Даже учитывая панегирический характер отредактированных при Владимире Мономахе летописных сообщений, можно заключить, что это был период расцвета политической и защитной значимости Переяславской земли и ее князей.

Применительно к этой эпохе можно подсчитать размеры основных составляющих раскинувшегося между Днепром и Сулой территориального ядра Переяславского княжения. Так, со времен Владимира Святославича ближайшая сфера интересов Киева в меридиональном направлении пролегала от приостерского «рва» до устья Трубежа (около 140 км), а широтном – заключалась между Днепром и Трубежом на ширину 40–60 км. Несколько более поздние сведения показывают, что вдоль левого берега Остра эта зона охватывала не только г. Носов на р. Руде, но и подходы к нежинскому броду. Таким образом, общая площадь этой зоны составляла не менее 6,7 тыс. кв. км, но после выделения Переяславской земли на ее долю в этом регионе осталось 5,4 тыс. кв. км. Очевидно, это и была первоначальная летописная Переяславская волость в ее узком значении.

Восточным пределом территориального ядра Переяславской земли изначально было нижнее течение Сулы, но на протяжении второй половины XI в. там, вплоть до летописного г. Ромена, выстраивалась Посульская оборонительная линия. К началу XII в. «линия» стала обращаться в систему микрорегионов, из которых непосредственно на Суле прослеживаются лукомско-снепородский, лубенский и кснятинско-синецкий. Любопытно, что их размеры насчитывают от 800 до 1000 кв. км, т. е. они близки к площади расселения саковских турпеев. Ближе к середине XII в. в источниках упоминаются посадники тыловых звеньев этой территории: современники считали Посульем не только побережье реки, но и лесистое междуречье ее с р. Удаем. Так, под 1125 г. к этой области был отнесен Полкостень, в 1139 г. Ольговичи захватили Прилук «и взя ины городы [и] поима Посульское»; в 1154 г. Глеб Юрьевич «на Сулѣ» захватил с половцами Пирятин (ПСРЛ. Т 1, 2001. С. 295, 342, 343; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 290, 301). Таким образом, общая территория Посулья могла насчитывать не менее 7 тыс. кв. км (рис. 4).

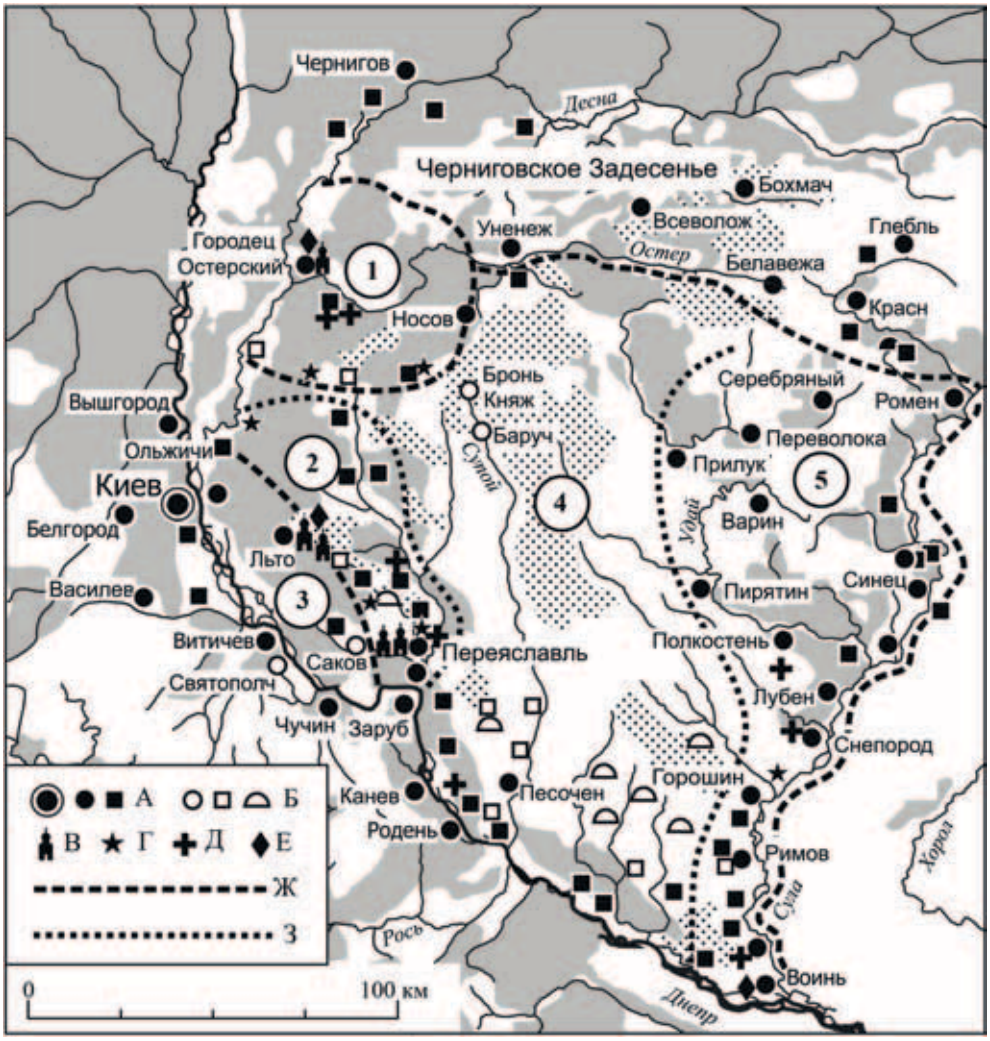


Рис. 4. Неравномерность заселения территориального ядра Переяславской земли к рубежу XI–XII вв.

А – общерусские летописные города и городища; Б – летописные города, городища «переяславских торков» и их впускные погребения; В – церкви и монастыри; Г – клады и монетные находки; Д – находки кестиков-тельников; Е – энколпионы и нагрудный крест; Ж – внешние пределы переяславского территориального ядра

В итоге на долю Супойской волости, размещенной между Переяславской волостью и Посульем, остается пространство, размеры которого в меридиональном направлении достигали 180 км, а ширина насчитывала от 70 до 100 км. В сумме ее площадь насчитывала до 13 500 кв. км. Таким образом, в период расцвета размеры всего территориального

ядра Переяславской земли насчитывали более 25 тыс. кв. км. Она стала «оборонительным щитом» всего юго-востока Руси, слагавшимся из трех защитных поясов, а далее продолженного крепостями Вырской волости и курского Посеймья (*Моргунов*, 2015 С. 331–336).

Подавление первой волны самостоятельных половецких вторжений постепенно привело к утрате актуальности оборонительного «щита». Политическая среда неуловимо начала меняться уже в начале XII в., когда ранее принадлежавший Переяславлю Ростов сначала ненадолго занял Мстислав Владимирович, а затем на ростово-суздальском столе прочно закрепился Юрий Долгорукий. Не позже 1113 г. начался длительный процесс постепенного отторжения курского Посеймья и Вырской волости (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 229, 237–239; Киево-Печерский патерик, 1999. С. 10; *Зайцев*, 1975. С. 93). Это было начало лишения Переяславля исконных владений – существенной доли его экономической подпитки.

Письменные источники и археологические исследования указывают на замедление прежде весьма активного защитного строительства Переяславщины. Так, в самом начале XII в. только ее территориальное ядро насчитывало 36 летописных и безымянных укреплений[2]. После ощутимого перерыва, под 1125 г. летописные источники добавили имена еще трех, а археологические – сведения об 11 городищах этого региона. В свою очередь, за почти столетие, оставшееся до монгольской катастрофы, нам стало известно о существовании лишь трех ранее неизвестных летописных городов и всего девяти городищах, датированных археологическими методами.

Более ощутимое начало кризиса Переяславской земли связывается с переходом в 1132 г. в Киев Ярополка Владимировича. После многих лет относительно спокойного княжения в Переяславле он не справился с новыми политическими реалиями и авторитетом предшественника. И по предсмертной воле Мстислава Владимировича Великого («хрестнаго ради цѣлованья») Ярополк в обход существовавшей традиции перевел в Переяславль не следующего по старшинству Мономашича, а старшего сына Мстислава. Ситуация усугубилась тем, что к этому времени подросли и желали законной доли отцовского наследия на Юге младшие сыновья Владимира Мономаха, укреплялись единство

[2] Из этих подсчетов исключено 18 городищ, широко датированных всем домонгольским периодом. Напластования некоторых содержат некоторое количество керамики конца XI в., но время появления крепостных стен исследователями не уточнялось.

и военная мощь черниговских Ольговичей, использовавших конфликт в своих интересах.

К 1134 г. вереница невразумительных перемен владельческой принадлежности Переяславля и активное вмешательство Юрия Долгорукого вызвали возмущение черниговских Ольговичей и их наступление на «села и городы Переяславьскои волости». История получила повторение: как и в ситуациях с преддверием печенежской и первой половецкой волн с 1134 г. Ольговичи начали привлекать половцев к участию в усобицах. От них не отставали князья ростово-суздальской ветви Мономашичей. И после долгого перерыва в 1153 г. кочевники вновь начали собственными силами «пакостить» на Суле, а в 1166 г. поднялась их вторая, почти четвертьвековая волна самостоятельных нападений (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 296, 465, 526, 527, 668).

В свете упадка значения переяславского княжения значительный интерес представляют земли, прилегавшие к летописному Остерскому Городцу. События 1134–1149 гг. показывают, что этот город был центром обширного региона с населенной сельскохозяйственной округой: без экономической базы крепость осталась бы лишь путевой вехой. Отсюда в литературе возникло представление о существовании Остерской волости – удельного владения дома Юрия Долгорукого (*Коринный*, 1992. С. 71; *Моргунов*, 2017. С. 71–81).

Отложение Городца могло произойти в разгар связанного с Переяславлем «владельческого конфликта». В 1134 г. Юрий Долгорукий «испроси» Переяславль у брата Ярополка, в ответ Всеволод Ольгович с «братьею своею» и половцами захватили Остерский Городец. По условиям замирения зимой 1134/35 гг. Юрий отказался от Переяславля в пользу своего брата, Андрея Владимировича Доброго. В череде этих сведений интересно мнение Н. М. Карамзина о том, что по возвращении на север, Юрий Долгорукий все же удержал Городец за собой. Версия заслуживает внимания: ставший киевским князем глава черниговского клана Всеволод Ольгович в 1141 г. захватил этот город именно из-за обиды на Юрия. И только в 1147 г. его сын Глеб вновь «зая Городокъ отень». Эти события и перипетии дальнейших междоусобий показывают, что город, расположенный на путях из северных владений младших Мономашичей на Киев, постепенно становился своеобразным плацдармом для захватов переяславского и киевского столов (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 301–309; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 294–308, 359, 482; *Карамзин*, 1818. С. 181).

К северным пределам Остерской волости можно отнести рассмотренную выше территорию правого берега нижнего Остра, на севере

ограниченную ограждением, подобным «змиевым валам». Пределы южной части несколько раскрываются сообщением Ипатьевской летописи под 1147 г. о неудачной попытке Глеба Юрьевича овладеть Переяславлем. Сидевший там Мстислав Изяславич гнал его разбитые войска до г. Носова на р. Руде, но далее не преследовал, не решаясь вторгаться на владения Юрия Долгорукого (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 359, 360).

От Носова на запад, к деснинскому Крехаеву, намечается дугообразная цепочка городищ и монетных находок, размещенных в 19–23 км южнее течения Остра. С известной условностью ее можно принять за южный предел Остерской волости площадью 1,3 тыс. кв. км. Предположение оправдано тем, что южнее прослеживается другая дуга, объединяющая цепь памятников, достоверно «тянувших» к Переяславлю (рис. 4). Между ними пролегает нейтральное, лишенное укреплений пространство шириной 15–18 км, похожее на несколько уменьшенную демилитаризованную зону, – подобные, но несколько более широкие полосы окаймляли сопредельные княжеские владения. Таким образом, общие размеры Остерской волости могут быть определены цифрой 2,6 тыс. кв. км. Это указывает на весомость оснований Юрия Долгорукого и черниговских Ольговичей вести длительную борьбу за овладения столь обширным краем. В целом же, после выделения Остерского региона на долю Переяславской волости осталось всего 2,8 тыс. кв. км (*Моргунов*, 2017. С. 74–78). Столь резкое сокращение объясняет еще одну причину падения политического значения Переяславской земли и ее князей.

Не избежал печальной участи и супойский регион. Летом 1135 г. Всеволод Ольгович со своими родственниками и половцами совершили массированное нападение на Переяславскую волость. Они сожгли летописный г. Устье и безуспешно осаждали Переяславль. С приближением киевского подкрепления во главе с киевским князем Ярополком Владимировичем, Ольговичи отошли к верховьям Супоя, где затем разгромили силы киевского князя и его братьев. С этого времени верховья Супоя нередко становились плацдармом для нападений как черниговцев, так и ростово-суздальских Мономашичей. Местные торки были бессильны против массированных вторжений. Так, в 1152 г. непосредственное участие в походе Юрия Долгорукого на юг принимали не только русские князья, но и «вся Половецьская земля, что же их межи Волгою и Днѣпромъ». Торкам же удавалось лишь приносить в Переяславль вести о приближении врага (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 303, 304; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 297–299, 359, 455).

С 1135 г. нападениям подвергалось и Посулье (ПСРЛ. Т. 1, 2001. 303, 305), но реально обоснованные признаки его отторжения в источниках отсутствуют. Тем не менее, под влиянием этих свидетельств в литературе встречаются примеры доверчивого отношения к сообщениям о гибели посульского порубежья во время пика второй волны половецких вторжений. Это два летописных упоминания о том, что в 1185 г. после отхода князей половцы якобы вторично «гнаша отаи к Переяславлю и взяша всѣ городы по Сулѣ», а также, что Кончак «снесе Сулу» (ПСРЛ. Т. 1, 2001. С. 399; ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 716).

Первый пример содержится в кратком Лаврентьевском варианте описания событий этого года в известии о начале похода черниговско-северских князей почему-то от Переяславля, об их неподтвержденном другими источниками стремлении идти за Дон к Лукоморью и т. д. В летописной традиции Северо-Восточной Руси, куда южнорусские известия попадали через вторые и третьи руки, подобные погрешности и незнание местных реалий нередки. Особо нелепо выглядит оценка этого мифического набега как «тайного», будто в других случаях, подобно князю Святославу, Кончак заранее уведомлял о своих ударах. Более конкретны сведения Киевского свода о нападении Кончака на Переяславль и Римов. Содержащиеся там подробности являются современной походу вставкой из переяславского летописца. В нем же содержится и логичная для Кончака цель: стремительным набегом разорить Переяславль (с уходом Гзака в Посеймье поход на Киев всеми силами половецкой земли утратил смысл). Но с появлением княжеской помощи у днепровской переправы, столь же стремительно сохранить награбленное и донести его до своих кочевий.

Второй пример введен в Ипатьевский текст под 1201 г.: он является частью восхваления заслуг киевского князя Романа Мстиславича, убитого только через 4 года, 19 июня 1205 г. Центральное место в сюжете занимает поэтическое сказание о траве евшан – виде полыни. Ее оставшийся в донецких степях хан Сырчан послал с певцом-сказителем к хану Атраку, ранее откочевавшему в Предкавказье под ударами войск Владимира Мономаха. И Атрак вернулся, услышав половецкие песни и вдохнув ароматы степей. Если верить этому тексту, родившийся от него Кончак не только «снесе Сулу», но и в отличие от других кочевников, «пѣшь хода, котелъ нося на плечеву». Таким образом, попавшее в этот легендарный ряд сообщение о разорении Посулья также неубедительно. И все же некоторые ученые доверяют подобным несуразностям (*Мавродин*, 1940. С. 257; *Толочко*, 2000. С. 361). Другие

исследователи считают, что ремарки о Кончаке-пехотинце и якобы разрушенном им Посулье заимствованы из половецких эпических песен (*Присёлков*, 1996. С. 289; *Рыбаков*, 1971. С. 101).

Возвращаясь к вопросу об упадке политического значения Переяславской земли, можно сравнить политическую весомость этой области через протяженность правлений держателей местного стола во второй половине XI – первой трети XII в. Так, княжение Всеволода Ярославича (1054–1076) продолжалось 22 года, да и после перехода в Киев он не оставлял город на Трубеже без своей военной поддержки. После краткого первого пребывания там Владимира Мономаха, его место 15 лет занимал, скорее всего, малолетний брат Ростислав при поддержке отца, старшего брата, тысяцкого Ратибора и митрополита Ефрема (1078–1093). Затем двадцатилетие длилось второе переяславское княжение Мономаха, а после ухода в Киев в 1113 г. его место 18 лет занимал Ярополк Владимирович.

С началом раздробления Руси мало кто столь долго удерживался на этом столе, но еще меньше мы знаем о переяславских князьях XIII в. Конечно, окончание к 1198 г. Киевской летописи отрицательно сказалось на полноте и достоверности дошедших до нас южных сведений. А информация Лаврентьевской летописи переместилась в направлении преимущественного освещения событий в северных территориях, особенно заметной эта тенденция проявилась с середины 50-х годов XII в. (*Бережков*, 1963. С. 65). Еще меньше внимания Среднему Поднепровью уделяли галицко-волынские летописцы XIII в., в их показания иногда вклинивалась путаница происходившего в Переяславле Русском с Переяславлем Залесским.

В это время наиболее протяженным было 18-летнее княжение Владимира Глебовича, внука Юрия Долгорукого, но после первых пяти лет (1169–1173 гг.) источники указывают на не совсем понятный переход Переяславля к Михалко Юрьевичу, десятому сыну Юрия Долгорукого. Еще в 1161 г. он был изгнан из Ростово-Суздальской земли другим братом, владимирским князем Андреем Боголюбским, и обосновался у Глеба в Переяславле. В 1169 г. он вокняжил в Торческе, а в 1173 г. получил и Переяславль[3]. Дальнейшее переяславское княжение Владимира Глебовича (1176–1187) можно связать со смертью Михалка Юрьевича

[3] Сразу по вокняжении Владимира Глебовича, Михалко Юрьевич вместе с отцом юного князя активно защищал переяславские интересы. Поэтому не исключено, что он какое-то время был опекуном или соправителем Владимира Глебовича, который стал переяславским правителем в двенадцатилетнем возрасте (*Лихачев*, 1947. С. 273).

в июне 1176 г. Тем не менее, похоже, что все это время Владимир Глебович не покидал переяславского стола: в 1173 и 1177 гг. он принимал участие в межкняжеских войнах, а в 1180 г. там же женился (ПСРЛ. Т. 2, 1962. С. 613; *Донской*, 2008. С. 168).

Если следовать по нисходящей, следующим было 14-летнее правление его отца, Глеба Юрьевича (1155–1169), далее следовало семилетнее правление Андрея Владимировича Доброго (1135–1142), Следующие пять князей правили этой областью по три и четыре года, и десять – от полудня до одного года. С переходом летописной информации к галицко-волынскому летописанию точно указаны основные вехи только шестилетнего княжения Ярослава Всеволодовича, возможно потому, что его даже приглашали занять галицкий стол (1200–1206).

В плане владельческой принадлежности, поначалу Переяславль преимущественно держали представители южной ветви Мономашичей. А к середине XII в. княжение прочно закрепляется за выходцами из Владимиро-Суздальской Руси – сыновьями и внуками сначала Юрия Долгорукого, затем Всеволода Большое гнездо. На этом фоне княжения выходцев из Чернигова (Михаил Всеволодович, 1206) и Смоленска (Владимир Рюрикович, 1206–1207) единичны.

Таким образом, переломной точкой дальнейшего существования Переяславской земли могла быть смерть Владимира Глебовича в 1187 г. После нее следует смесь калейдоскопических княжеских перемещений с обширными перерывами в упоминаниях о левобережных событиях и местных князьях. Это признаки того, что из княжества-сюзерена Переяславщина превращалась в вассально зависимое наместничество то ростово-суздальских, то черниговских князей (*Коринный*, 1992. С 65). Несомненно, во многом это связано с тем, что летописные сведения этого времени представлены лишь далеким от Переяславля владимиро-суздальским летописанием. Тем не менее, отсутствие в ранних источниках упоминаний переяславских полков в битве на Калке и имени местного князя на момент монгольского нашествия может служить подтверждением давнего предположения об окончательном закате политической значимости переяславского княжения.

Подавляющее большинство перемен владельческой принадлежности областей Южной Руси сопровождалось кровопролитными войнами с грабежами половецкой «поддержки» каждой из сторон и периодическими разорениями Киева. По большому счету, эту борьбу вряд ли можно расценивать как конфронтацию Севера и Юга Руси, или как цепь губительных вторжений северных князей. Нельзя забывать, что речь шла

о противостоянии ближайших родственников, в условиях раздробления государства боровшихся за свою долю наследия в той его части, которую традиционно расценивали как престижное средоточие политического главенства. И в круговороте беспорядочной смены держателей этого стола и разграблений некогда преуспевающий и политически значимый край превратился в опустевшую предстепную окраину Руси.

Литература

Бережков Н. Г., 1963. Хронология русского летописания. М.: Изд. АН СССР. 374 с.

Горский А., 2002. О древнерусских землях // Ruthenica. Вип. 1. Київ. С. 55–63.

Донской Д. В., 2008. Рюриковичи: Исторический словарь. М.: Русская Панорама. 788 с.

Зайцев А. К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 57–117.

Карамзин Н. М., 1818. История государства Российского. Изд-е 2. Т. 2. СПб.: Тип. Н. Греча. 260 с.

Киево-Печерский патерик / пер. Л. А. Ольшевской // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. С. 109–185.

Колибенко О., Колибенко О., 2012. Переяславський князь Андрій Добрий // П-Х ДПУ: Наукові записки з української історії. Зб. наук. ст. Вип. 31. Переяслав-Хмельницький. С. 77–86.

Коринный Н. Н., 1992. Переяславская земля, X – первая половина XIII века. Киев: Наукова Думка. 312 с.

Лихачев Д. С., 1947. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 499 с.

Мавродин В. В., 2002. Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV. СПб.: Наука. 415 с.

Моргунов Ю. Ю., 2015. Сложение территории Переяславского княжества // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М. – Вологда: Древности Севера. С. 331–339.

Моргунов Ю. Ю., 2016. Торческое расселение Переяславской земли // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Отв. ред. И. Л. Кызласов. М.: Авторская книга. С. 304–326.

Моргунов Ю. Ю., 2017. Остерская волость Переяславской земли // КСИА. Вып. 249. Ч. 2. С. 71–81.

Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР. 261 с.

Присёлков М. Д., 1996. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин. 325 с.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / Под ред. Е. Ф. Карского. М.: ЯСК, 2001. 496 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. М., 1962. 938 с.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М.: ЯРК, 2000. 720 с.

Рыбаков Б. А., 1971. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука. 293 с.

Толочко П. П., 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 5–56.

Толочко П. П., 2000. Переяславське князівство // Давня історія України. Т. 3. Слов'яно-руська доба / Отв. ред. П. П. Толочко. Київ: ИА НАН України. С. 355–367.

Чайка С. О. 2011. Пісочен на Супої. Черкаси: Вертикаль. 150 с.

Янин В. Л., 1960. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила» // ТОДРЛ. № 16. С. 112–131.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.323-351

О. М. Олейников
Институт археологии РАН, Москва

Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде

В 2008 г. Новгородская экспедиция ИА РАН проводила археологические исследования в северо-западной части Людина конца древнего Новгорода. На площади 1250 кв. м исследован культурный слой X–XIX вв. мощностью до 2 м. Обнаружено около 3000 индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня, керамики, кожи, бересты и дерева, характеризующих хозяйство и быт проживавших здесь новгородцев (*Олейников,* 2009а. С. 36–46; 2009б).

Коллекция предметов личного благочестия Десятинного-1 раскопа включает 118 находок. Основу ее составляют нательные кресты – 97 экз. (табл. 1). Они изготавливались из различных материалов, но традиционно преобладают металлические изделия. На раскопе обнаружено 95 металлических литых крестов, среди которых 55 экз. изготовлены из тугоплавких сплавов на основе меди, 40 – из легкоплавких свинцово-оловянных сплавов; два креста вырезаны из янтаря.

Все кресты извлечены из культурного слоя, причем, большая часть находок (70 крестов) происходит из непотревоженных слоев конца X–XV в. В перемешанных слоях обнаружены 27 крестов (рис. 1).

Таблица 1. Состав коллекции предметов личного благочестия. Раскоп Десятинный-1. Великий Новгород.

Категория	Кол-во	%
Кресты нательные	97	82,3
Подвески крестоспиральные	9	7,7
Подвески иконки	5	4,2
Кресты-реликварии (энколпионы)	3	2,5
Накладки ременного набора – подражание паломническим инсигниям	3	2,5
Амулет-змеевик	1	0,8
Всего	118	100

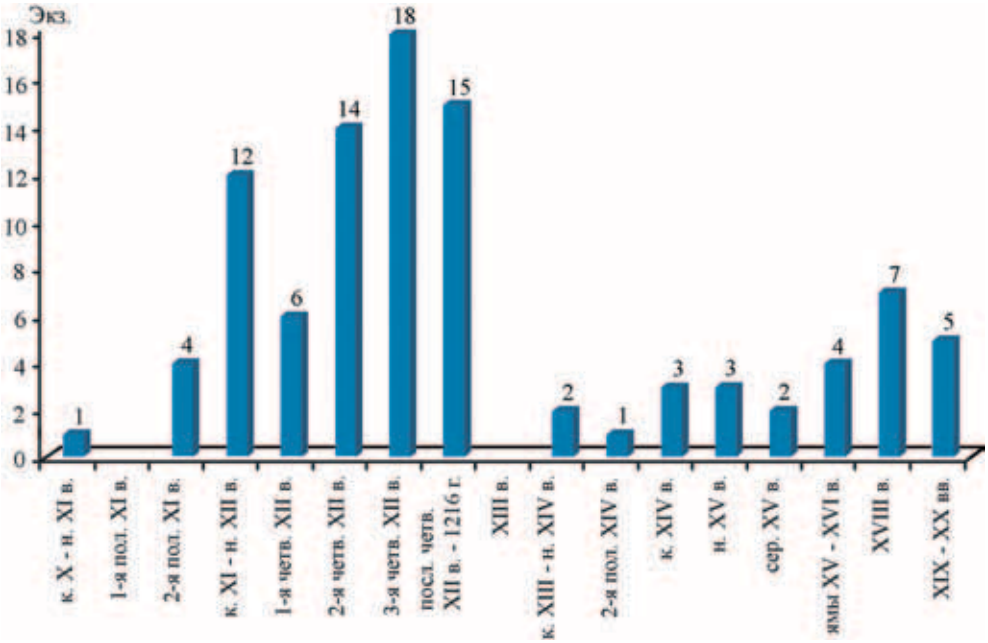


Рис. 1. Динамика выпадения нательных крестов в культурный слой Великий Новгорода. Раскоп Десятинный-1

Динамика выпадения нательных крестов в культурный слой Десятинного-1 раскопа соответствует общей хронологии новгородских христианских древностей и вписывается в единую картину христианизации Новгородской земли.

Самым ранним в коллекции является крест «скандинавского типа» (Дес-1/10-85)[1], обнаруженный в слое конца X – начала XI в. (19 ярус) (рис. 2, *1*). В слое первой половины XI в. (ярусы 18-а, 18-б) нательные кресты отсутствуют.

Вторая половина XI в. традиционно считается особым рубежом, за которым начинается новая эпоха в истории Древней Руси. В развитии церковной и религиозной жизни на Руси это время ознаменовалась новыми самостоятельными тенденциями, когда стала возможной и канонизация местных русских святых (1072 г. – канонизация первых русских святых князей Бориса и Глеба), и замещение епископских должностей выходцами из Киево-Печерского монастыря, имевшими русское происхождение. Все это, наряду с повсеместным монастырским и храмовым

[1] Шифр находки означает: название раскопа/номер участка-номер находки по полевой описи.

строительством, неизбежно должно было получить отражение в материальной культуре древнерусского христианства (*Мусин*, 2002. С. 178).

В материалах Десятинного-1 раскопа период второй половины XI – первой трети XIII в. представлен максимальным количеством нательных крестов (69 находок) разнообразных форм и размеров.

Начиная со второй половины XI в. (ярус 17) и до третьей четверти XII в. (ярус 13), кресты постоянно присутствуют в слое. Причем, общий тренд увеличения количества находок крестов нарушается их резким снижением в первой четверти XII в. (ярус 15) (рис. 1). Сохранность обнаруженных крестов различна: от полных форм, практически не затронутых коррозией, до небольших фрагментов, представленных средокрестиями и обломками крестных ветвей. Тем не менее, практически все предметы получили надежную атрибуцию. По морфологическим признакам кресты, обнаруженные на Десятинном-1 раскопе, при всем своем многообразии, относятся к типовым изделиям, хорошо известным и распространенным практически на всей территории Древней Руси.

Наиболее полные аналогичные комплексы нательных крестов найдены на Белоозере (*Голубева*, 1973. С. 136. Рис. 50, *1–4*; *Захаров*, 2004. С. 161–166. Рис. 41–44), памятниках Мининского археологического комплекса (*Зайцева*, 2008. С. 59–63) и Серенском городище (*Никольская*, 1981. С. 236. Рис. 89, *1–3, 5–10, 12, 47*; *Зайцева*, 2009. С. 214, 216–217). Это обстоятельство можно рассматривать как отражение контактов новгородцев с соседями «родственными по языку и бытовой культуре», происходившие в рамках «колонизации-заселения» и «колонизации-распространения» (*Макаров*, 1986; 1989).

По форме крестных ветвей (их очертанию и завершению) и виду средокрестия кресты Десятинного-1 раскопа разделяются на 18 групп (рис. 2–7). Каждая группа включает разнообразные вариации внешней формы, обусловленные различной конфигурацией средокрестия и разновидностями его декоративного оформления. Выборки крестов по вариациям различны, и представлены как небольшими сериями, так и единичными экземплярами.

I группа. Кресты «скандинавского типа»

На раскопе обнаружено два креста «скандинавского типа». Оба они односторонние, имеют почти равноконечные ветви, резко расширяющиеся от круглого средокрестия и завершающиеся трехчастной пальметтой. Различаются размерами и орнаментацией.

Рис. 2, *1*. Крест (Дес-1/10-85) является самым крупным экземпляром коллекции. Его размеры 6,15×5,60×0,30 см, высота вертикальной ветви без оглавия 5,1 см. Вес 11,41 г.

В центре средокрестия находится объемная геометрическая фигура, напоминающая по форме усеченный конус (диаметры нижнего и верхнего оснований соответственно 0,85 и 0,6 см; высота 0,3 см); основание конуса обрамляет поясок из 10 небольших шариков. От средокрестия к краям ветвей отходят дорожки, состоящие из трех шариков и завершающиеся также тремя шариками, сгруппированными по типу крина. Орнамент размещен на крестных ветвях строго симметрично и подчеркнут линейным ободком, форма которого повторяет общие контуры креста.

Ветви завершаются тремя крупными полусферами; на верхней ветви место центральной полусферы занимает ушко для привешивания.

Изготовлен из оловянной латуни с примесью серебра (Cu 84%, Zn 9,5%, Sn 4,7%, Ag 1,2%)[2] в односторонней форме. Крест получился невысокого качества – с недоливами металла на ветвях. Вероятно, это послужило основанием для выбраковки предмета, выведения его из оборота и попаданию в слой вскоре после изготовления. Указанные обстоятельства чрезвычайно важны, поскольку определяют время изготовления конкретного экземпляра креста «скандинавского типа».

Этот крест самый ранний среди христианских древностей раскопа; он обнаружен в слое конца X – начала XI в. на территории усадьбы, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (19 ярус, кв. К-19, гл. -210 см).

Рис. 2, *2*. Второй крест «скандинавского типа» (Дес-1/11-197) значительно меньше. Его размеры составляют 4,5×3,6×0,2 см (высота ветви без оглавия 3,75 см), вес 6,77 г. Отлит из бронзы.

Завершения ветвей украшены циркульным орнаментом и ромбовидными фигурами, в средокрестии также помещен ромб. Крест сильно истерт, что указывает на длительное ношение.

Обнаружен на территории усадьбы в слое конца XI – начала XII в. (16 ярус, кв. Г-6, гл. -192 см).

Аналогичный крест, но изготовленный из серебра с позолотой, найден в 2014 г. также на территории Людина конца в слое второй

[2] РФА проведен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, *Philips Analitical*) А. И. Якушевым.

Рис. 2. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты
1, 2 – I группа; *3, 4* – II группа. *1–4* – бронза

половины X – начала XI в. на раскопе Троицкий XIII-Г, Г-1 (*Янин и др.*, 2015. С. 63. Рис. 7, *10*).

Топография находок крестов «скандинавского» типа в Новгороде весьма интересна. К настоящему времени обнаружено шесть таких крестов. Все находки происходят с Софийской стороны, с территории

Людина конца и связаны с богатыми усадьбами. Четыре креста найдены на Троицких XIII и XIV раскопах. Самый ранний из них – упоминавшийся серебряный с позолотой крест. Три креста, изготовленные из бронзы, происходят из слоев XI – первой половины XII в. (*Янин и др.*, 2006. С. 5, 7. Рис. 1, *1*; 10; 2008. С. 5, 7. Рис. 1, *4*; 11; *Янин и др.*, 2009. С. 23. Рис. 5, *5*).

Два креста Десятинного-1 раскопа найдены в непосредственной близости от Десятинного монастыря. Обе находки укладываются в общие хронологические рамки бытования крестов «скандинавского типа» в новгородском культурном слое: конец X – первая половина XII в.

II группа. Кресты с грубым изображением распятого Христа в одеянии, напоминающем набедренную повязку, II типа

К этой группе отнесены два креста (рис. 2, *3, 4*).

Рис. 2, *3*. Крест (Дес-1/9-38) на момент попадания в культурный слой утратил часть верхней ветви с ушком для привешивания. Размеры сохранившегося фрагмента: 2,70×3,80×0,15 см[3], реконструируемая высота креста 4,6 см. Вес 3,31 г. Выполнен из бронзы. Обнаружен в заполнении хозяйственной ямы конца XI – начала XII в. на территории усадьбы, примыкающей к Волосовой улице (16 ярус, кв. Ж-17, гл. -197 см).

Крест четырехконечный односторонний; ветви прямоугольные, слегка расширяющиеся. На кресте помещен образ Распятия, архаичная трактовка которого получила в научной литературе определение «грубое изображение распятого Христа». Крест сохранился фрагментарно, тем не менее, четко фиксируются стилистические детали, характерные для этого иконографического типа: фронтальное изображение Распятия, подчеркнуто крупные кисти рук, слабый изгиб тела вправо, крестовидная перевязь на груди Христа, спиралевидный орнамент, сохранившийся на правой руке (складки рукава) и часть длинного одеяния Христа (колобиума с рукавами), которое на этом конкретном экземпляре, выглядит как доходящая до колен набедренная повязка. Складки нижней части колобиума, образующие острые углы, переданы косой рельефной штриховкой.

Крестам с грубым изображением распятия посвящен ряд исследований, предлагающих различные подходы к их систематизации. Нами принята типологии А. Е. Мусина, согласно которой на кресте (Дес-1/9-38) представлено *грубое изображение распятого Христа II типа* (*Мусин*, 2002. С. 152–170).

[3] Размеры всех вещей указаны в следующем порядке: высота×ширина×толщина

К I типу (по А.Е Мусину) отнесены экземпляры небольшого размера (3,5×2,5 см) с изображением стилизованной фигуры Христа, облаченного в длинное одеяние с перекрещивающимися на груди складками, напоминающее не колобий Христа, а мафорий Богоматери (*Мусин*, 2002. С. 155). А. А. Пескова относит их к крестам *с грубым изображением распятия второго типа* (*Пескова*, 2007. С. 275–176). На Десятинном-1 раскопе такие кресты отсутствуют, но в новгородских материалах хорошо известны. Один из них обнаружен в 2011 г. в южной части Людина конца на Софийской стороне в слое огорода первой половины XII в. на усадьбе, примыкающей с юга к Воздвиженской улице (раскоп Власьевский-2) (*Олейников*, 2012).

Тип II (по А.Е Мусину) представляют кресты большего размера (4,5×4,0 см) с подчеркнуто увеличенными кистями рук, крестовидной перевязью на груди. Одеяние Христа также длинное. Но на части крестов оно выглядит как набедренная повязка, доходящая до колен и расходящаяся книзу в виде треугольных фалд. При этом на руках фиксируется спиралевидный орнамент – трансформированное изображение складок рукавов (*Мусин*, 2002. С. 156).

Для крестов с грубым изображением распятого Христа II типа характерными чертами являются склоненная к правому плечу голова и небольшой четырехконечный крест над головой Спасителя, который представляет собой трансформацию таблички (с аббревиатурой *INRI* латинской фразы «*Iesvs Nazarenvs Rex Ivdaeorvm*» – Иисус Назарянин, Царь Иудейский), прибитой над головой Христа и характерной для более ранней иконографии Распятия. Именно эти детали сохранились на небольшом фрагменте креста (Дес-1/9-177) из заполнения частокольной канавки конца XI – начала XII в., расположенной вдоль южной стороны Волосовой улицы (16 ярус, кв. И-13, гл. -230 см). Размеры фрагмента: 2,4×1,1×0,2 см (реконструируемая высота – около 5 см). Вес 1,96 г. Отлит из бронзы (рис. 2, *4*).

Археологический контекст двух крестов с грубым изображением распятого Христа II типа на Десятинном-1 раскопе (Дес-1/9-38 и Дес-1/9-177) не дает информацию о месте их изготовления[4]. Очевидно, что кресты этого типа отливались в разных местах. Мы придерживаемся точки зрения, что в XI в. важнейшим центром распространения

[4] Проблема происхождения крестов с грубым изображением Распятия подробно рассмотрена в ряде работ (*Седов*, 1984; 1988; *Недошивина*, 1990; *Мусин*, 2002. С. 164–170; *Пескова*, 2007. С. 274–278).

таких крестов был Новгород, где сосредоточена треть крестов с грубым изображением распятого Христа (*Мусин*, 2002. С. 169).

Появление серии крестов с грубым изображением распятого Христа II типа, на которых одеяние Христа напоминает набедренную повязку, можно рассматривать как результат утраты точности воспроизведения длинного одеяния при изготовлении дальнейших копий. В отсутствие прямых археологических подтверждений такое стилистическое изменение можно считать косвенным доказательством местного изготовления крестов этого типа.

III группа. Кресты четырехконечные равносторонние, ветви прямоугольные, средокрестие простое (образовано пересечением ветвей), отверстие для привешивания расположено в плоскости верхней ветви

К этой группе отнесены три металлических креста (рис. 3, *1–3*) и два янтарных (рис. 3, *4, 5*).

Рис. 3, *1*. Миниатюрный четырехконечный крест с Распятием (Дес-1/15-55). Размеры: 1,60×1,35×0,30 см. Вес 1,42 г. На верхней крестной ветви расположено поперечное сквозное отверстие размером 0,15×0,10 см. Отлит из оловянно-свинцового сплава. Крест обнаружен на территории усадьбы в слое первой половины XII в. (14 ярус, кв. А-1, гл. -150 см).

Качество отливки очень невысокое. По сути это литейный брак. Контур креста неровный, завершения ветвей не проработаны, на лицевой и оборотной сторонах фиксируются многочисленные углубленные канавки – следы работы по мягкому материалу (скорее всего, воску).

Изображение распятого Христа фронтальное, выполнено в низком рельефе. Голова Спасителя склонена к правому плечу, руки увеличены, пропорции не выдержаны. На отливке отобразилась только верхняя часть изображения Распятия.

Эта находка имеет особое значение. Некачественное литье указывает на местное изготовление конкретного экземпляра, а это, в свою очередь, доказывает, что в начале XII в. распятие входило в систему христианских ценностей, и воспроизводилось местными мастерами, исходя из собственных возможностей.

Следующие два креста (Дес-1/1-106; Дес-1/12-38) (рис. 3, *2, 3*) можно рассматривать как имитацию равносторонних четырехконечных каменных крестов с металлическими оправами-наконечниками. Оба креста четырехконечные равносторонние, объемные, равные по толщине.

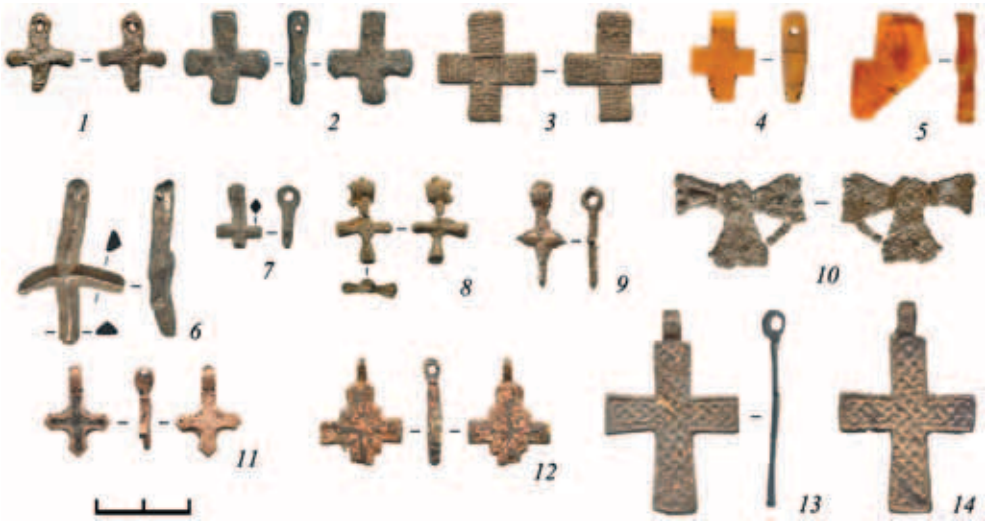


Рис. 3. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты

1–5 – III группа; *6–9* – IVгруппа; *10* – V группа; *11, 12* – VI группа; *13, 14* – VII группа. *1–3, 6–10* – свинцово-оловянный сплав; *4, 5* – янтарь; *11–14* – бронза

Рис. 3, *2*. Крест (Дес-1/1-106) неорнаментированный. Размеры: 1,90×1,75×0,45 см; диаметр продольного сквозного отверстия 0,10–0,15 см. Вес 4,97 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в хозяйственной постройке середины XII в. (13 ярус, кв. А-2, гл. -153 см). Невысокое качество литья позволяет предположить, что крест изготовили местные мастера.

Рис. 3, *3*. Крест (Дес-1/12-38) двусторонний, линии ветвей ровные прямые, оглавие утрачено в древности. Украшен прямым мелкосетчатым орнаментом. Средокрестие квадратное, слегка углубленное, контуры его подчеркнуты небольшим ровным бортиком. Размеры: 2,3×2,0×0,2 см. Вес 2,69 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое первой половины XII в. (14 ярус, кв. И-1, гл. -165 см).

Металлические кресты, напоминающие каменные, не получили в Новгороде и на Руси в целом широкого распространения. В Новгороде находки крестов этого типа единичны; аналогичный крест, отлитый из бронзы, обнаружен в слое середины XII в. (*Колчин, Янин, Ямщиков*, 1985. С. 56. Рис. 68).

Рис. 3, *4*. Янтарный крест (Дес-1/1-287) четырехконечный, объемный, с прямоугольными ветвями. Внутренняя сторона, прилегающая к телу, плоская и достаточно ровная. С наружной стороны прослежива-

ется легкий изгиб, немного уменьшающий толщину нижней ветви. Отверстие для привешивания выполнено очень аккуратно. Оно расположено в продольной плоскости на верхней крестной ветви, диаметр его 2,2 мм. Качество полировки всех поверхностей хорошее. Для изготовления использован медово-желтый непрозрачный янтарь. Размеры креста: 1,85×1,32×0,50 см. Вес 0,67 г.

Обнаружен в слое первой половины XII в. в хозяйственной постройке (ярус 14, кв. А-4, гл. -163 см).

Рис. 3, *5*. Янтарный крест (Дес-1/9-74) сохранился фрагментарно. В древности была перетерта часть верхней ветви вдоль отверстия для привешивания, а также обломаны нижняя и одна боковая ветви. Очертания граней сохранившихся ветвей позволяют предположить, что боковые крестные ветви имели вид вытянутого в длину прямоугольника, а верхняя и нижняя ветви вырезаны в виде равнобедренной трапеции с расширением к средокрестию. Изготовлен из полупрозрачного золотистого-огненного янтаря.

Размеры фрагмента креста: 2,25×1,60×0,60 см, вес 1,11 г. Реконструируемый размер полной формы составляет 3,1×2,0 см. Обнаружен в слое середины XII в. на мостовой Волосовой улицы (13 ярус, кв. З-14, гл. -167 см).

Янтарь поступал в Новгород из Прибалтики в виде необработанного сырья с середины X по XV в. Наибольший приток приходится на середину XII в. и вторую половину XIV в. В слоях XIII в. находки из янтаря резко сокращаются – торговлю Новгорода с Прибалтикой нарушило завоевание прибалтийских земель рыцарями-крестоносцами (*Полубояринова*, 1994. С. 80–81; *Рыбина*, 2001. С. 72–77, 240–242; *Шаповалов*, 2000. С. 156–159).

IV группа. Кресты с ромбическим или треугольным сечением ветвей

Эти кресты отличает лаконичность исполнения: четырехконечная форма, простое средокрестие, отсутствие орнамента и интересный технологический прием. Ветви двух крестов (Дес-1/11-224 и Дес-1/3-479) имеют грани, которые формируют на фронтальной поверхности сторон хорошо выраженный крест. Невысокое качество отливок и оригинальное техническое решение позволяют предположить новгородское происхождение этих крестов.

Рис. 3, *6*. Крест (Дес-1/11-224) обнаружен в слое первой четверти XII в. на усадьбе, примыкающий к южной стороне Добрыни улицы

(15 ярус, кв. Г-4, гл. -170 см). Размеры: 3,30×2,25×0,50 см. Изготовлен из белого металла.

Ветви имеют сечение практически правильного треугольника. Оборотная сторона ровная, гладкая. Отверстие для привешивания продольное, расположено традиционно.

Похожий крест, изготовленный из темно-серого шифера (пирофиллита), происходит из Южной Руси. Он был найден у с. Подгорицы Киевского уезда. В настоящее время находится в ГИМ (43631. КАМ.296) (Меч и златник, 2012. С. 240, № 591).

Рис. 3, *7*. Фрагмент креста (Дес-1/3-479) обнаружен в слое второй половины XI в. (17 ярус, кв. Д-12, гл. -209 см). Ветви имеют ромбическое сечение. Изготовлен из белого металла. Размеры: 1,35×0,90×0,25 см. Реконструируемая высота около 1,7 см. Оглавие цилиндрической формы, отлито вместе с крестом. Внешний диаметр оглавия 0,49 см, внутренний – 0,2 см.

Рис. 3, *8*. Миниатюрный крест с коническими ветвями, ромбическим средокрестием (Дес-1/6-128). Размер с оглавием – 1,80×1,10×0,45 см. Изготовлен из белого металла.

Отливка выполнена в двусторонней форме. Сохранились четкие швы от сжатых створок литейной формы. Изделие имеет значительные дефекты и поэтому оказалось непригодным для использования по прямому назначению. Пропорции креста не выдержаны, одна из поперечных ветвей не получила коническую форму из-за недолива металла. Оглавие выполнено в виде несоразмерно крупной биконической бусины, на которой сохранились следы перелива металла. На лицевой стороне в центре ромбического средокрестия изображен равноконечный крест с уплощенным завершением ветвей в виде гвоздиков. На оборотной стороне средокрестие отсутствует, линия поперечных ветвей не проработана и, видимо, получилась случайным образом. Крест выпал в слой сразу после изготовления – литейный брак. Это еще один археологически зафиксированный случай, когда попадание находок в новгородский культурный слой соответствует времени их изготовления.

Крест найден в слое второй четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (14 ярус, кв. В-22, гл. -176 см).

Рис. 3, *9*. Крест (Дес-1/7-32) можно отнести к IV группе лишь условно. Отливка креста получилась совершенно испорченной. Восстановить первоначальную форму не представляется возможным. Ясно только, что изготавливался четырехконечных крест, который отливался вместе с цилиндрическим оглавием в двусторонней форме (хорошо

сохранились боковые литейные швы). При этом оглавие с отверстием выполнено вполне качественно. Размеры с оглавием: 2,2×1×0,2 см. Внешний диаметр оглавия 0,5 см, внутренний – 0,2 см. Отлит из легкоплавкого белого металла в двусторонней форме. Обнаружен в слое конца XIV в. (9 ярус, кв. Ж-3, гл. -115 см).

V группа. Крест мальтийского типа

Рис. 3, *10*. Крест мальтийского типа с кругом – «терновым венцом» (Дес-1/4-149) сохранился в виде фрагмента. Размеры: 2,70×1,90×0,15 см. Отлит из белого металла. Обнаружен в непотревоженном слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. А-14, гл. -174 см).

VI группа. Кресты, украшенные чернью

Рис. 3, *11*. Черневый крест (Дес-1/2-710), миниатюрный четырехконечный односторонний. Завершение ветвей остроугольное. Оглавие простое цилиндрическое, сильно истертое в верхней части, что, возможно, и стало причиной потери креста. Отлит из бронзы. Лицевая сторона украшена простым четырехконечным крестом. Чернь заполняет углубленные канавки шириной 0,15–0,2 см. Размер 1,85×1,35×0,20 см. Внешний диаметр оглавия 0,5 см, внутренний – 0,18 см. Вес 1,19 г.

Крест найден на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы в огородном слое, который перемешал слои второй половины XII – начала XIII в. (кв. А-8, гл. -140 см).

Рис. 3, *12*. Черневый крест (Дес-1/3-318) миниатюрный двусторонний с прямым завершением ветвей и выступающим квадратным средокрестием, украшенным крестом «с сиянием». Крест имеет незначительные утраты нижней ветви. Размер 2,23×1,70×0,40 см. Вес 2,48 г. Реконструируемая высота с оглавием около 2,5 см. Внешний диаметр ушка-петли 3,5 см, внутренний 0,2 см.

Обнаружен в слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Д-12, гл. -157 см).

По форме и оформлению средокрестия крест представляет практически копию лицевую створки (т. е. створки с одной шарнирной петлей) хорошо известных и широко распространенных энколпионов типа IV.6.4., по классификации А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003). Один из энколпионов этого типа (Дес-1/2-713) обнаружен здесь же, на Десятинном-1 раскопе, в огородном слое, перемешавшем слои середины XII – начала XIII в. (*Олейников*, 2019. С. 167, рис. 3, *3*).

Этот факт позволяет предполагать, что крест (Дес-1/3-318), с большой вероятностью, является работой местных мастеров, которые имели технические и материально-сырьевые возможности, профессиональные знания и опыт, чтобы изготовить нательный крест по образу энколпиона, воссоздав практически точную копию, и украсить его, используя технику чернения.

VII группа. Кресты прямоконечные, украшенные плетенкой

Рис. 3, *13, 14*. На раскопе обнаружено два практически одинаковых односторонних креста, орнаментированных плетенкой (Дес-1/4-15, Дес-1/12-96). Ветви прямоугольные, с очень небольшим расширением; отлиты из бронзы. Оба предмета сохранили полную форму, имеют одинаковые размеры (4,25×2,80×0,15 см) и вес (4 г). Происходят из слоя XV в. (7 ярус).

VIII группа. Кресты с трехчастным завершением ветвей (рис. 4)

Этот тип отличается наибольшим разнообразием в использовании декоративных мотивов при оформлении крестных ветвей и средокрестия. На материале раскопа нами выделено 12 вариантов.

Кресты с крином на завершениях ветвей
и ромбическим средокрестием

Рис. 4, *1*. Крест (Дес-1/1-59) односторонний, равноконечный. Ветви имеют завершение классического варианта: боковые лепестки крина слегка отогнуты, подчеркивая центральный удлиненный лепесток, по краю проходит поперечный рубчатый поясок. В средокрестии помещено изображение, напоминающее четырехконечную звезду. Крест имеет незначительные утраты нижней ветви. Размер: 3,30×3,05×0,50 см (реконструируемая высота 3,7 см). Вес 2,50 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в огородном слое, перемешавшем слои второй половины XII – начала XIII в. (кв. Д-2, гл. -135 см).

Рис. 4, *2*. Крест (Дес-1/3-220) представляет уменьшенную копию предыдущего экземпляра, крин на завершении ветвей выполнен менее выразительно, контуры лепестков сглажены; изображение средокрестия сильно затерто, но угадывается прямой четырехконечный крест. Размер: 1,60×2,0×0,25 см. Вес 1,22 г. Изготовлен из бронзы. Обнаружен также в огородном слое второй половины XII – начала XIII в., возникшем на месте усадьбы, примыкавшей к северной стороне Волосовой улицы (кв. Е-10, гл. -157 см).

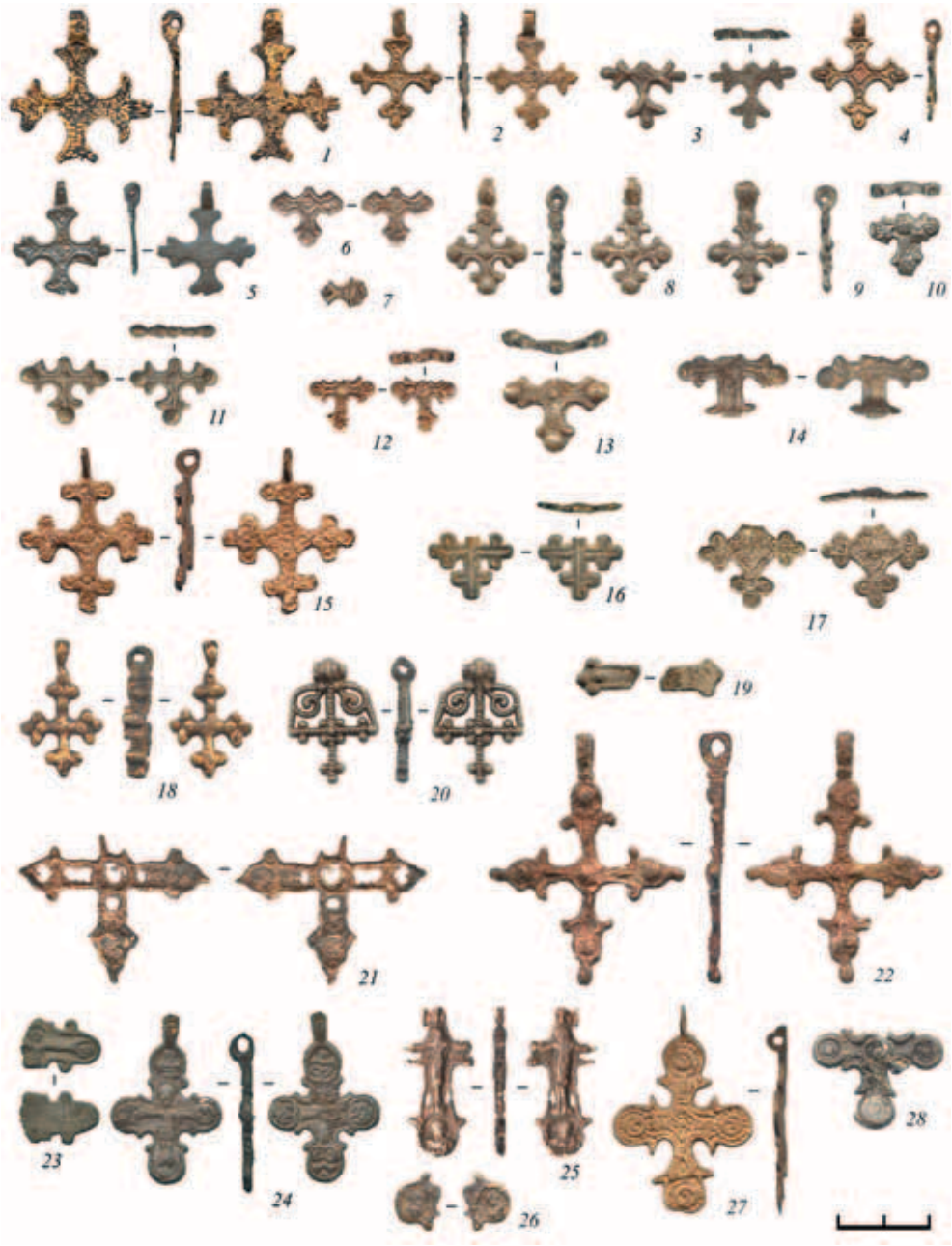


Рис. 4. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты VIII группы

1, 2, 4, 6, 7, 12–15, 18, 21, 22, 24–27 – бронза; *3, 5, 8–11, 16, 17,19, 20, 23, 28* – свинцово-оловянный сплав

Рис. 4, *3*. Фрагмент креста (Дес-1/2-788) с утраченной в древности верхней ветвью. Упрощенный, более схематичный вариант изображения крина на концах ветвей. Размер: 2,5×2,1×0,1 см. Вес 1,37 г. Отлит из белого металла. Из слоя второй половины XII – начала XIII в.

Рис. 4, *4*. Крест (Дес-1/15-31). Размер: 2,5×2,1×0,1 см. Вес 1,37 г. Отлит из бронзы. Этот экземпляр можно рассматривать как дальнейшее развитие описываемого варианта. При оформлении завершения ветвей сохраняется классический крин с отогнутыми боковыми лепестками, но отливку отличает схематизм и упрощенность. Контуры креста и рельефный рисунок намечен очень простой плавной линией, средокрестие украшено ромбом с крестом в центре, выполненным несколько грубо. Обнаружен в слое начала XV в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (кв. А-3, гл. -95 см).

Рис. 4, *5*. Крест (Дес-1/3-65). Размер: 2,45×2,05×0,10 см. Вес 1,47 г. Изготовлен из белого металла. Отливка невысокого качества: хорошо видны следы перелива металла, что можно рассматривать в качестве свидетельства местного изготовления. Крест обнаружен в слое второй половины XIV в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы рядом с жилой постройкой (10 ярус, кв. А-11, гл. -125 см).

Рис. 4, *6*. Крест (Дес-1/14-45) представляет переходный вариант от классического крина, к криновидному завершению, в котором все три лепестка сливаются в компактный декоративный элемент, в котором центральный лепесток приобретает округлую форму, а боковые лепестки укорачиваются. Крест в древности утратил верхнюю ветвь. Размеры сохранившегося фрагмента: 1,55×1,3×0,2 см (реконструируемая высота ~ 2 см). Вес 1,16 г. Изготовлен из бронзы. Обнаружен в слое первой четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (15 ярус, кв. Г-12, гл. -176 см).

Рис. 4, *7*. Небольшой бронзовый фрагмент ветви (Дес-1/13-37). Размер фрагмента: 1,0×0,65×0,15 см. Обнаружен в слое второй четверти XII в. на мостовой Волосовой улицы (13 ярус, кв. А*-17, гл. -154 см).

Равноконечные кресты с завершением ветвей в виде шаровидного крина и полусферой в средокрестии

Рис. 4, *8*. Крест (Дес-1/1-198) отлит из белого металла. Размеры: 2,5×1,7×0,5 см, вес 2,65 г. Обнаружен в слое второй половины XI в. (17 ярус, кв. В-2, гл. -180 см).

Рис. 4, *9*. Крест (Дес-1/2-501) имеет размеры: 2,5×1,7×0,5 см, вес 1,81 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое второй четверти XII в. (жилая постройка, 14 ярус, кв. Д-7, гл. -154 см).

Рис. 4, *10*. Фрагмент креста (Дес-1/12-68) с обломанной верхней ветвью. Размеры: 1,5×1,3×0,3 см; вес 1,54 г. Отлит из белого металла. Обнаружен также в слое второй четверти XII в. (14 ярус, кв. Д-7, гл. -154 см).

Рис. 4, *11*. Фрагмент креста (Дес-1/1-562) с обломанной верхней ветвью. Размеры фрагмента: 1,90×1,45×0,30 см, вес 1,25 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое конца XI – начала XII в. (16 ярус, кв. Г-1, гл. -176 см).

Рис. 4, *12*. Фрагмент креста (Дес-1/3-464) с обломанной верхней ветвью. Размеры фрагмента: 1,1×1,4×0,2 см, вес 0,84 г. Отлит из медного сплава. Обнаружен в огородном слое второй половины XII – начала XIII в. (кв. Г-9, гл. -145 см).

Рис. 4, *13*. Фрагмент креста (Дес-1/7-276) с обломанной верхней ветвью. Размеры фрагмента: 2,30×1,65×0,35 см. Отлит из бронзы. Обнаружен также в огородном слое, который перемешал слои второй половины XII – начала XIII в. (кв. З-6, гл. -153 см).

Рис. 4, *14*. Фрагмент креста (Дес-1/3-441) с обломанной верхней ветвью и слегка деформированной – нижней. Размеры фрагмента: 2,4×1,3×0,4 см. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое первой четверти XII в. (15 ярус, кв. Д-12, гл. -182 см).

Равноконечные двухсторонние кресты,
с крестообразным завершением ветвей

Рис. 4, *15*. Крест (Дес-1/1-274) плоский, с ромбическим средокрестием, в центре которого размещен стилизованный четырехконечный крест, состоящий из окружностей разного диаметра. Элементы трехчастного завершения ветвей имеют пластинчатую форму, на них также расположены окружности. Такой же орнамент читается и на более истертой оборотной стороне. Размер: 3,50×2,80×0,15 см. Вес 3,14 г. Отлит из бронзы.

Обнаружен в огородном слое (вторая половина XII – началоXIII в.) на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (кв. Е-2, гл. -155 см).

Рис. 4, *16*. Фрагмент плоского креста (Дес-1/11-187) с утраченной в древности верхней ветвью. В отличие от предыдущего экземпляра, средокрестие простое, образованное пересечением ветвей. Размер фрагмента: 1,80×1,35×0,15 см. Отлит из белого металла.

Обнаружен в слое второй четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (14 ярус, кв. В-6, гл. -169 см).

Рис. 4, *17*. Крест (Дес-1/1-533) утратил в древности верхнюю ветвь, имеет увеличенное ромбическое средокрестие, форма которого подчеркнута ободком из поперечных насечек; в центре средокрестия – полусфера. В отличие от двух предыдущих экземпляров, элементы трехчастного завершения ветвей имеют более плавные, скругленные контуры, украшенные циркульным орнаментом. Размер фрагмента: 2,3×1,8×0,3 см. Вес 1,88 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (16 ярус, кв. Е-3, гл. -188 см).

Объемные кресты с крестообразным завершением ветвей шаровидными элементами

Рис. 4, *18*. Крест (Дес-1/12-153) двусторонний, с тонкими ветвями. Завершение горизонтальных ветвей оформлено комбинацией из четырех цилиндров, которые во фронтальной плоскости выглядят как шарики; на вертикальных ветвях таких элементов – три. Размер: 2,90×1,75×0,55 см. Вес 4,95 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (16 ярус, кв. Ж-1, гл. -187 см).

Рис. 4, *19*. Крест (Дес-1/6-129) представлен небольшим фрагментом горизонтальной прямоугольный ветви с декоративным завершением из четырех шариков, размещенными только с лицевой стороны. Размер фрагмента: 1,4×0,8×0,3 см. Вес 0,94 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое середины XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. В-21, гл. -176 см).

Арочный крест, с тонкими рубчатыми ветвями

Рис. 4, *20*. Этот хорошо известный тип представлен в материалах раскопа единственной находкой (Дес-1/11-204) очень хорошей сохранности. Верхняя половина креста вписана в киотовидную арку с двумя симметрично расположенными завитками[5]. В оформлении завершения ветвей и средокрестия использованы цилиндрические элементы, дающие на фронтальной проекции вид миниатюрных шариков.

[5] На Серенском городище обнаружены литейные каменные формы этого типа и отлитые в них нательные кресты (*Никольская*, 1974. С. 42. Рис. 2, *2*; *Зайцева*, 2009. С. 217. Рис. 3, *3*).

Размер: 2,75×2,0×0,30 см; ушко бочонковидное (0,70×0,55 см). Вес 0,94 г. Отлит из белого металла.

Крест обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (16 ярус, кв. Г-5, гл. -195 см). Практически идеальная сохранность позволяет сблизить время изготовления креста и выпадение его в культурный слой.

Крест с криновидным завершением ветвей, с выемчатой эмалью

Рис. 4, *21.* Крест (Дес-1/3-388) бронзовый, сохранился фрагментарно: в древности обломана верхняя ветвь и утрачена значительная часть эмалевого покрытия. Эмаль (желтого и зеленого цвета) сохранилась лишь на ветвях в виде небольших пятен неправильной формы. Размер фрагмента: 3,30×2,60×0,15 см. Вес 1,17 г. Обнаружен в слое второй половины XII в. в жилой постройке (сооружение 16) на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (14 ярус, кв. Г-11, гл. -171 см).

Крест с криновидным завершением ветвей, с выступами на округлых завершениях ветвей

Рис. 4, *22.* Крест (Дес-1/7-153) равноконечный, ветви довольно тонкие, криновидные завершения ветвей подчеркнуто крупные; средокрестие ромбическое, украшено полусферой, бронзовый. Размер: 5,35×4,20×0,35 см. Вес 8,11 г. Обнаружен в огородном слое, который перемешал слои второй половины XII – начала XIII в., на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (кв. Ж-6, гл. -155 см).

Кресты круглоконечные, с изображением Распятия

Рис. 4, *23.* Крест (Дес-1/3-116) односторонний, отлит из белого металла. Сохранился в виде небольшого фрагмента (1,70×1,15×0,18 см), но тип креста и детали изображения Распятия устанавливается надежно.

Фигура распятого Христа занимает всю поверхность креста и выполнена очень схематично и непропорционально. Руки преувеличенно большие, в центре ладони изображено округлое пятно, символизирующее шляпку гвоздя, плечевая часть рук и верхняя часть груди переданы единой линией, толщина которой несоизмерима с размерами небольшой головы и тонкого тела. Такая трактовка Распятия акцентирует зрительное восприятие именно широко расставленные, распятые, руки. Крест происходит из слоя начала XIV в., из жилой постройки на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы.

Рис. 4, *24*. Крест (Дес-1/6-133) двусторонний. Размеры: 3,55×2,40×0,30 см. Вес 5,70 г. Отлит из бронзы.

На лицевой стороне помещено рельефное изображение Распятия. Над головой помещен четырехконечный крест с широкой поперечной перекладиной. Эта деталь позволяет говорить, что мастер не был знаком с иконографией Распятия, и табличку над головой Спасителя (с аббревиатурой INRI) доработал в виде более понятного символа – креста. Изображения оборотной стороны также можно считать косвенным доказательством работы местного мастера.

В центре оборотной стороны изображен четырехконечный крест с расширяющимися ветвями с уплощенными концами («гвоздики»). В круглых медальонах вместо изображения святых помещен довольно простой декоративный растительный мотив (крин?), одинаковый во всех четырех медальонах. Линии рисунка лишены тонкости и тщательности проработки деталей. Обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (16 ярус, кв. А-21, гл. -186 см).

Рис. 4, *25*. Крест (Дес-1/7-169) двусторонний, плохой сохранности. Размеры фрагмента: 3,2×1,5×0,3 см. Отлит из бронзы.

На лицевой и оборотной сторонах помещено одинаковое рельефное изображение Распятия. Удлиненная тонкая фигура Христа имеет небольшой плавный изгиб. В круглом медальоне нижней ветви дано погрудное изображение святого. Крест обнаружен в огородном слое второй половины XII – начала XIII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (кв. Ж-4, гл. -157 см).

Рис. 4, *26*. Фрагмент креста (Дес-1/1-772) представлен двусторонним медальоном (завершение боковой ветви) с погрудным изображением святого. Размер: 1,10×1,10×0,25 см. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое второй четверти XII в. в жилой постройке на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (кв. Е-2, гл. -169 см).

Кресты круглоконечные, с медальонами на завершениях ветвей

Рис. 4, *27*. Крест (Дес-1/6-126) односторонний плоский орнаментированный. Размер: 4,40×2,95×0,10 см. Вес 4,23 г. Отлит из бронзы. Украшен мотивами из шариков «ложной зерни», в сочетании с линейно-геометрическим узором (окружности, треугольники, ромб, завитки-спирали, подчеркивающие контур). Найден в слое второй четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (кв. Г-22, гл. -178 см).

В Новгороде два похожих креста были найдены на Неревском и Ильинском (1962–1967 гг.) раскопах в слое последней четверти XI – первой четверти XII в. (*Седова*, 1981. С. 50. Рис. 16, *7*). Таким образом, с учетом новой находки, бытование крестов этого типа определяется периодом последняя четверть XI – вторая четверть XII в.

Рис. 4, *28*. Крест (Дес-1/9-58) отлит из белого металла по оттиску креста с выемчатой эмалью. Размер: 2,75×2,10×0,25 см. Вес 2,76 г.

Крест представляет собой не просто литейный брак, а результат тиражирования некачественной копии креста с выемчатой эмалью. На это указывают следующие факты. Круглые медальоны боковых ветвей и средокрестия имеют углубления, в центре которых помещены рельефные точки. От средокрестия к ветвям идут прямые лучи-перегородки. Медальон нижней ветви лишен изображений.

Отмеченные особенности позволяют достаточно уверенно говорить, что крест изготавливался по оттиску бывшего в употреблении креста с выемчатой эмалью, которая сохранилась фрагментарно. В частности, медальон нижней ветви креста-прототипа был заполнен эмалью, соответственно, при его оттиске углубление не возникло. Поэтому нижний медальон на кресте, отлитом по оттиску такого готового изделия, получился ровным. Крест найден в огородном слое (вторая половина XII – начало XIII в.) усадьбы, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (кв. Ж-16, гл. -157 см).

IX группа. Кресты с ветвями дротового типа и выделяющимся средокрестием (рис. 5)

Кресты с квадратным средокрестием

Рис. 5, *1*. Крест (Дес-1/3-105) двусторонний с уплощенными концами, напоминающими шляпки гвоздя. Размер: 2,65×1,80×0,25 см. Вес 1,24 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в огородном слое (вторая половина XII – начало XIII в.) усадьбы, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (кв. Б-11, гл. -135 см).

Рис. 5, *2*. Крест (Дес-1/3-427) двусторонний с шаровидным завершением ветвей. В центре средокрестия помещен рельефный косой крест. Размер: 2,65×1,65×0,30 см. Вес 1,81 г. Отлит из бронзы. Крест обнаружен в заполнении поруба-темницы, в слое третьей четверти XI в. (17 ярус, кв. В-9, гл. -427 см).

Рис. 5, *3*. Крест (Дес-1/3-302) двусторонний с дисковидным завершением ветвей. Средокрестие украшено усложненным рельефным

Рис. 5. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты IX группы
1–5, 7, 8 – бронза; *6* – свинцово-оловянный сплав

косым крестом. Размер: 2,5×1,8×0,2 см. Вес 1,50 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое середины XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Г-9, гл. -158 см).

Рис. 5, *4*. Крест (Дес-1/7-101) двусторонний с шаровидным завершением ветвей. Средокрестие аналогично предыдущему экземпляру. Размер: 2,1×1,5×0,2 см. Вес 0,99 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое первой четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (15 ярус, кв. И-4, гл. -184 см).

Рис. 5, *5*. Крест (Дес-1/11-101) имеет округлое уплощенное завершение ветвей. Размер: 2,2×1,7×0,2 см. Отлит из бронзы. Обнаружен в заполнении хозяйственной ямы XV в.

Кресты с круглым средокрестием

Рис. 5, *6*. Фрагмент креста (Дес-1/1-770) из белого металла; завершение ветвей и средокрестие выполнены в виде одинаковых округлых дисков. Размер: 2,0×1,60×0,15 см. Отлит из белого металла. Обнаружен в слое второй четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (14 ярус, кв. Д-4, гл. -175 см).

Рис. 5, *7*. Крест (Дес-1/7-136) двусторонний с увеличенным средокрестием – «терновый венец». Ветви тонкие с гвоздевидным завершением. На средокрестии с лицевой стороны на фоне мелкой прямой сетки помещено изображение четырехконечного креста из двойных линий. На оборотной стороне на фоне мелкой косой клетки – косой крест с точечными утолщениями в перекрестии и по центру всех ветвей. Сохранился в виде фрагмента: верхняя ветвь утрачена. Размер: 1,90×1,65×0,20 см. Вес 1,14 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое конца XIII – начала XIV в. (11 ярус, кв. Ж-4, гл. -138 см).

Рис. 5, *8*. Крест (Дес-1/12-43) сохранился в виде фрагмента; утрачены вертикальные ветвями и затерто изображение. Аналогичен предыдущему экземпляру. Размер: 1,8×0,9×0,1 см. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое второй четверти XII в. (14 ярус, кв. Ж-3, гл. -168 см).

X группа. Кресты двусторонние с профилированными ветвями и крестовидной перевязью в средокрестии

Рис. 6, *1*. Крест (Дес-1/2-695) имеет крестовидную перевязь только на лицевой стороне; средокрестие оборотной стороны ровное (дефект отливки?). Это единственный экземпляр, который сохранился вместе с кольцом для привешивания (внутренний диаметр кольца 0,8–0,9 см, толщина 0,25 см). Размер креста: 3,2×2,2×0,6 см. Вес 7,55 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в засыпке пространства между стенкой ямы и деревянной стеной подпольного сруба XVI в. Яма прорезает слои XI–XVI вв. (кв. Б-7, гл. -196 см). В слое этой засыпки обнаружена керамика XII–XVI вв.

Рис. 6, *2*. В центре «перевязи» креста (Дес-1/15-80) хорошо видна уплощенная точка – стилизованная шляпка символического гвоздя. Размер креста: 3,65×2,45×0,6 см. Вес 6,72 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое первой четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (15 ярус, кв. Б-2, гл. -166 см).

Рис. 6, *3*. Крест бронзовый (Дес-1/12-171) несет на лицевой стороне изображение Крестного древа (рельефный четырехконечный крест), ветви которого скреплены крестовидной перевязью (четырехлепестковая розетка с круглой шляпкой условного гвоздя); на оборотной стороне «перевязь» имеет рубчатую форму. Размер креста: 3,9×2,5×0,5 см. Вес 10,78 г. Обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (16 ярус, кв. Ж-3, гл. -198 см).

Рис. 6, *4*. Крест бронзовый (Дес-1/9-67) также несет изображение Крестного древа. Размер: 3,05×2,10×0,35 см. Вес 4,99 г. Обнаружен в слое середины XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. И-16, гл. -172 см).

Рис. 6, *5*. Крест бронзовый (Дес-1/12-11) можно отнести к литейному браку. Размер: 2,90×2,15×0,50 см. Вес 3,97 г. Невысокое качество отливки и отсутствие проработки деталей позволяет считать этот крест продукцией местной мастерской. Обнаружен в слое третьей четверти XII в. (13 ярус, кв. Ж-4, гл. -156 см).

Следующие два креста (Дес-1/14-51 и Дес-1/3-551) имеют более тонкие профилированные ветви и увеличенное ромбическое средокре-

Рис. 6. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты

1–7 – X группа; *8–12* – XI группа; *13–18* – XII группа. *1–7, 9, 12–14, 17, 18* – бронза; *8, 10, 11, 15, 16* – свинцово-оловянный сплав

стие. Крестовидная перевязь выполнена в виде сдвоенных ровных косых полос.

Рис. 6, *6*. Крест (Дес-1/14-51) бронзовый (3,45×2,75×0,40 см) обнаружен в слое конца XI – начала XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (16 ярус, кв. В-2, гл. -179 см).

Рис. 6, *7*. Крест (Дес-1/3-551) бронзовый; сохранился в виде фрагмента (2,20×2,55×0,40 см). Обнаружен в слое середины XII в. на усадьбе,

примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Е-11, гл. -157 см).

XI группа. Кресты двусторонние с профилированными ветвями и с ромбическим средокрестием

Рис. 6, *8.* Крест (Дес-1/9-137) имеет профилированные ветви с шаровидными концами и увеличенное ромбическое средокрестие, в которое помещен овальный медальон с погрудным изображением святого. Размер креста: 3,55×2,90×0,65 см. Вес 4,59 г. Отлит из белого металла. Обнаружен в заполнении водоотводной канавы конца XI – начала XII в. (16 ярус, яма № 5, кв. З-18, гл. -215 см).

Рис. 6, *9.* Фрагмент бронзового креста (Дес-1/11-103) с утраченной нижней ветвью обнаружен в заполнении хозяйственной ямы XV–XVI вв. (кв. Б-4, гл. -220 см). Контур средокрестия подчеркнут рельефной каймой; в центре крестообразно помещены пять точек неправильной формы. Ветви укороченные, выполнены в виде уплощенных сдвоенных дисков. Размер находки: 2,70×1,85×0,20 см. Вес 2,71 г.

Рис. 6, *10*. Крест (Дес-1/3-423) с широким бочковидным ушком. Обнаружен в слое первой четверти XII в. в жилой постройке на усадьбе, примыкающей к северной стенке Волосовой улицы (15 ярус, кв. В-10, гл. -175 см). Размер: 2,45×1,75×0,20 см. Вес 1,27 г. Недоливы металла в средокрестии креста и некачественная отливка ушка позволяют говорить о местном изготовлении этого креста. Отлит из свинцово-оловянного сплава.

Рис. 6, *11.* Крест (Дес-1/6-136) обнаружен в слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Д-23, гл. -184 см). Размер: 2,45×1,75×0,20 см. Вес 1,16 г. Некачественная отливка ушка говорит о местном изготовлении этого креста. Изготовлен из белого металла.

Рис. 6, *12.* Миниатюрный крест (Дес-1/2-539) с «пиковидным» завершением ветвей и ромбическим средокрестием. Имеет небольшие утраты формы. Размер: 2,10×1,70×0,35 см. Вес 1,23 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое третьей четверти XII в. в жилой постройке на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Г-6, гл. -158 см).

XII группа. Кресты с шаровидным завершением ветвей

Рис. 6, *13.* Крест (Дес-1/9-133) обнаружен в слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Волосовой улицы

(13 ярус, кв. З-18, гл. -173 см). Размер: 2,30×2,25×0,40 см. Вес 2,23 г. Отлит из бронзы.

Рис. 6, *14*. Крест (Дес-1/15-59) обнаружен в слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (13 ярус, кв. А-1, гл. -153 см). Размер: 1,95×1,65×0,30 см. Вес 1,33 г. Отлит из бронзы, литейный брак.

Рис. 6, *15*. Крест (Дес-1/3-237) обнаружен в слое второй четверти XII в. в жилой постройке на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (кв. Б-10, гл. -163 см). Размер: 2,1×1,5×0,4 см. Вес 1,83 г. Отлит из свинцово-оловянного сплава.

Рис. 6, *16*. Фрагмент креста (Дес-1/15-72) происходит из слоя третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (13 ярус, кв. В-2, гл. -156 см). Размер: 1,50×1,25×0,25 см. Вес 0,78 г. Отлит из свинцово-оловянного сплава.

Рис. 6, *17*. Крест (Дес-1/7-180) односторонний плоско-выпуклый. Размер: 1,70×1,15×0,30 см. Вес 1,30 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое второй четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к южной стороне Добрыни улицы (14 ярус, кв. Ж-3, гл. -169 см).

Рис. 6, *18*. Крест (Дес-1/4-75) имеет размер: 1,90×1,70×0,35 см. Отлит из бронзы. Обнаружен в слое третьей четверти XII в. на усадьбе, примыкающей к северной стороне Волосовой улицы (13 ярус, кв. Б-13, гл. -155 см).

XIII группа. Поздние кресты, четырехконечные

Кресты четырехконечные, двусторонние, с прямоугольными ветвями. На лицевой стороне помещено изображение креста на Голгофе с орудиями Страстей и имитации сокращенных надписей «Царь Славы» – на верхней ветви, «ІСХС/СНЪ БЖИ» – на концах горизонтальной ветви. На оборотной стороне креста строчный текст молитвы («Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…»).

К этой группе отнесены четыре бронзовых креста.

Рис. 7, *1*. Крест (Дес-1/9-10) представлен обломком прекрасно сохранившейся верхней части. Размер фрагмента: 2,9×1,9×0,2 см. Вес 2,78 г. Обращает внимание, что крест имеет практически идеальную сохранность и формы, и отдельных деталей изображения (острие пики, круглая губка на копье, титлы над нечитаемой хризмой ІС ХС, рельефные буквы текста, размещенного ровными рядами и др.). Это позволяет предположить, что крест был сломан специально после смерти человека, его носившего.

Обнаружен в заполнении хозяйственной ямы XVIII в. (кв. И-17, гл. -148 см).

Рис. 7, *2*. Крест (Дес-1/4-6) представлен аналогичным по форме обломком (2,35×1,75×0,10 см), но худшей сохранности. Обнаружен на мостовой Волосовой улицы в слое конца XIV в. (9 ярус, кв. Е-14, гл. -117 см).

Рис. 7, *3*. Крест (Дес-1/6-143) – один из лучших экземпляров этого типа. На оборотной стороне вместо строк с текстом молитвы расположен орнамент – имитация текста. Размер креста 4,05×3,90×0,25 см. Вес 4,62 г. Обнаружен в огородном слое XVIII в. (кв. Е-21, гл. -185 см).

Рис. 7, *4*. Крест (Дес-1/10-5) односторонний, четырехконечный с прямоугольными ветвями. Размер: 4,0×2,25×0,20 см. Вес 5,65 г. Отлит из бронзы. Обнаружен в огородном слое XVIII в. (кв. И-22, гл. –155 см).

XIV группа. Поздние кресты четырехконечные, двусторонние, с расширяющимися ветвями

К этой группе отнесены два бронзовых креста, обнаруженных в огородном слое XVIII в., перемешавшем слои XVI–XVIII вв.:

Рис. 7, *5*. Крест (Дес-1/11-110). Размер: 2,90×1,55×0,10 см. Вес 1,17 г. (кв. Г-6, гл. -75 см).

Рис. 7, *6*. Крест (Дес-1/11-106). Размер: 3,35×1,80×0,10 см. Вес 1,43 г. (кв. В-6, гл. -86 см.).

XV группа. Поздние кресты пиковидной формы

Рис. 7, *7*. Крест (Дес-1/5-91) односторонний, бронзовый. Размер: 3,15×1,70×0,05 см. Обнаружен в огородном слое XIX в. (кв. Б-17, гл. -100 см).

XVI группа. Поздние кресты односторонние семиконечные. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест на Голгофе с орудиями страстей, в средокрестии – венец. В квадратных медальонах традиционныехризмы: на верхнем ЦРЬ СЛВЪ, на боковых – ІСХС, на нижнем – НИКА

К этой группе отнесены четыре бронзовых креста.

Рис. 7, *8*. Крест (Дес-1/11-80) обнаружен в заполнении хозяйственной ямы XVI в. (кв. Б-4, гл. -203 см). Размер: 4,7×2,7×0,1 см. Вес 2,99 г.

Рис. 7, *9*. Крест (Дес-1/5-3) найден в огородном слое XVIII в. (кв. А-17, гл. -80 см). Размер: 3,60×1,85×0,20 см. Вес 3,35 г.

Рис. 7, *10*. Крест (Дес-1/7-275А) происходит из огородного слоя XIX в. (кв. З-2, гл. -90 см). Размер: 3,45×1,60×0,10 см.

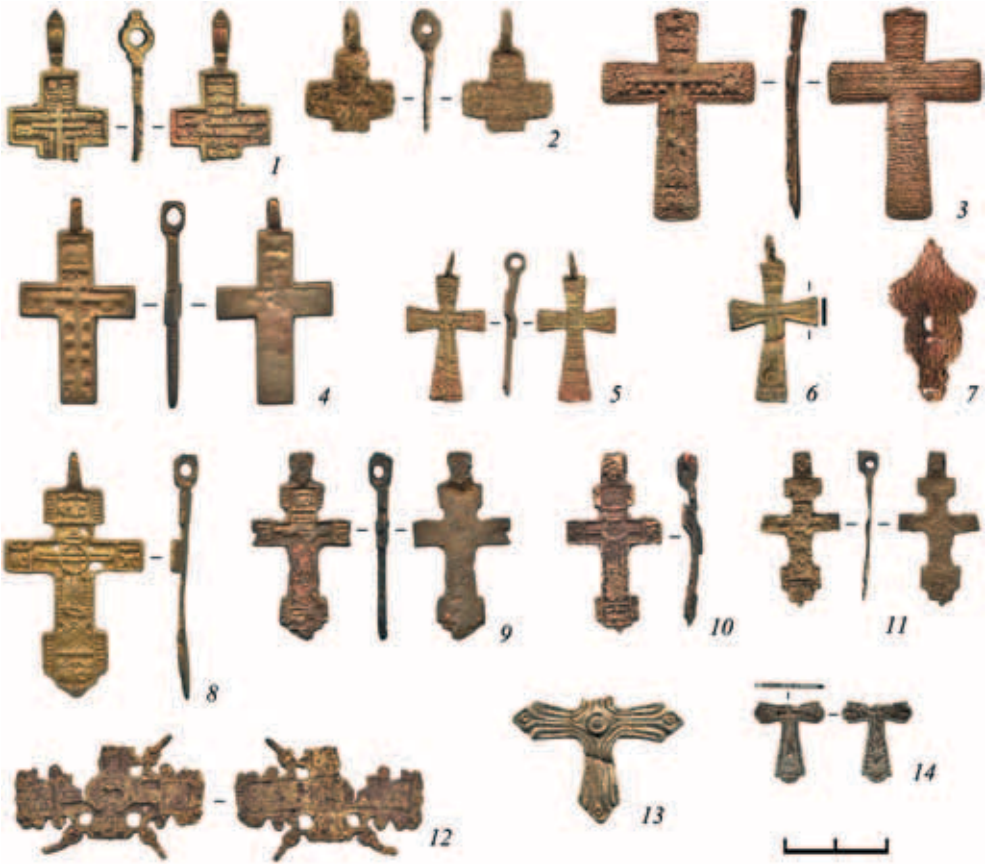


Рис. 7. Великий Новгород. Раскоп Десятинный 1. Нательные кресты

1–4 – XIII группа; *5–6* – XIVгруппа; *7* – XV группа; *8–11* – XVI группа; *12* – XVII группа; *13–14* – XVIII группа. *1–12, 14* – бронза; *13* – белый металл

Рис. 7, *11*. Крест (Дес-1/4-211) извлечен из перекопа XIX в. (кв. Б-15, гл. -205 см). Размер: 2,95×1,55×0,10 см. Вес 1,01 г.

XVII группа. Поздние кресты «с сиянием»

Рис. 7, *12*. Крест бронзовый «с сиянием» в средокрестии (Дес-1/3-25) обнаружен в огородном слое XIX в. (кв. А-10, гл. -70 см). Сохранился с утратами, размер находки: 3,65×2,20×0,10 см.

XVIII группа. Кресты с трехчастным завершением ветвей

Рис. 7, *13*. Крест белого металла (Дес-1/11-33) обнаружен в перекопе XVIII в. (кв. Б-2, гл. -172 см). Утрачена верхняя ветвь (3,25×2,45×0,15 см).

Рис. 7, *14*. Крест бронзовый (Дес-1/9-82) обнаружен в перекопе XIX в. (кв. Ж-15, гл. -200 см). Утрачена верхняя ветвь. Размер находки: 1,60×1,35×0,10 см. Вес 0,71 г.

Нахождение в культурном слое разнообразных типов крестов, нередко с признаками местного изготовления, позволяют утверждать, что в процессе распространения и принятия христианской веры нательный крест входил в систему ценностей местного населения и воспроизводился в местных условиях.

Литература

Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука. 207 с.

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М.: Наука. С. 57–142.

Зайцева И. Е., 2009. Предметы христианского культа из раскопок Серенска // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 213–223.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В., 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство. 168 с.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 432 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. VII).

Макаров Н. А., 1986. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. № 3. С. 61–71.

Макаров Н. А., 1989. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. № 4. С. 86–102.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение. 272 с.

Недошивина Н. Г., 1990. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. М.: ГИМ. С. 102–106. (Тр. ГИМ. Вып. 74).

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 295 с.

Олейников О. М., 2009а. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород. С. 36–46.

Олейников О.М., 2009б. Отчет о проведении охранных археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу г. Великий Новгород, ул. Добрыня, 9/27 и улицы Десятинная, 25/10 в квартале 128 в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37661.

Олейников О.М., 2012. Отчет о проведении охранных археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу г. Великий Новгород, ул. Литвинова-Лукина, д. 12 в кадастровом квартале 135 в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 45286–45289.

Олейников О.М., 2019. Новые находки энколпионов XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде // РА. № 1. С 161–176.

Пескова А.А., 2007. Памятники культового литья Балкано-Дунайской традиции в Древнем Новгороде // У истоков русской государственности: Историко-археологический сб. Матер. междунар. науч. конф. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 268–279.

Полубояринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород: Тип. «Новгород». С. 75–82.

Рыбина Е.А., 2001. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: Новгородский унив. 390 с.

Седов В.В., 1984. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. Вып. 179. С. 32–39.

Седов В.В., 1988. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 63–67.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Шаповалов Р.Г., 2000. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // ННЗ. Вып. 14. Великий Новгород: Тип. «Новгород». С. 149–165.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., 2006. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 20. Великий Новгород. С. 5–14.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В., 2008. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2007 г. (Троицкие XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 22. Великий Новгород. С. 5–13.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Покровская Л.В., Степанов А.М., Тянина Е.А., 2009. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2008 г. (Троицкие раскопы: XIII и XIV) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород. С. 17–27.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А., 2015. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г-1 и XV) // ННЗ. Вып. 29. СПб.: Первый ИПХ. С. 51–65.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.352-366

Т. Д. Панова
Музеи Московского Кремля, Москва

Между Угличем и Прилуками: заключение длиною в жизнь

В научном творчестве Альбины Александровны, изучающей уже много лет памятники эпиграфики на различных исторических объектах – на стенах храмов и фрагментах штукатурки, изделиях из глины, камня и даже кожи, всегда присутствует интерес к происхождению и судьбе людей, оставивших эти надписи. Среди них был и ювелир Максим (*Медынцева*, 1978. С. 378), и некий Богунка, пославший рязанскому князю хорошее вино (*Медынцева*, 1988. С. 248), и художники Стефан и Олисей, расписавшие в начале XI в. Софийский собор в Великом Новгороде (*Медынцева*, 2017. С. 49–54, 59, 60). Возрождение из небытия имен русских людей Средневековья позволяет обогатить наши представления не только о духовной и материальной культуре прошлого, но и о сложностях династических отношений того времени, затронувших судьбы их участников. В данной публикации речь пойдет о событиях периода правления великого князя Ивана III, его сына Василия III и внука Ивана IV.

«В лето 6985 месяца марта 20 день в среду на пятой неделе поста после стоание в 7 час нощи загореся двор князя Андрея меньшого и згореша дворы обеих князей Андреев» (ПСРЛ. Т. 25, 1949. С. 309). В описании пожара, случившегося на территории Кремля Москвы в марте 1477 г., хронист отметил владения двух удельных князей, братьев великого князя Ивана III – Андрея Большого (родился в августе 1446 г.) и Андрея Молодого или Меньшого (8.VIII.1452–10.VII.1481). Как и другие члены великокняжеской семьи, они имели дворы в крепости столицы, хотя и проводили большую часть времени в своих уделах.

Великий князь Иван Васильевич, как известно, был сторонником жесткой централизации. Ограничивая самостоятельность и права удельных князей – своих братьев, он начал осуществлять постепенную ликвидацию уделов, что не могло не вызывать недовольства их владельцев. Оно выразилось в отказе угличского князя Андрея Большого и волоцкого

Рис. 1. Угличский князь Андрей Васильевич (Большой, Горяй) в росписи Архангельского собора Московского Кремля. XVI в.

князя Бориса поддерживать военные походы великого князя Ивана III, в требованиях выделить им земли из удела рано умершего бездетным брата Юрия и других приобретений великого князя Ивана. Попытки князей сохранить свои владения и самостоятельность приводили к конфликтам со старшим братом и вынуждали последнего к весьма жестким решениям. Трагическая ситуация, причем для обеих сторон, сложилась в начале 1490-х годов между великим князем Иваном III и его братом Андреем Васильевичем Большим (рис. 1). Последствия оказались гибельными для некоторых членов великокняжеской семьи.

История эта стоит особняком в ряду событий конца XV – первой половины XVI столетия, поскольку жертвами внутрисемейной драмы стали даже дети. В российской историографии об этом упоминается при анализе событий правления великого князя Ивана III, но, как правило, весьма кратко.

Андрей Васильевич, князь угличский и звенигородский (в 1462–1491 гг.) и князь можайский в 1481–1491 гг., 27 мая 1470 г. женился на Елене Романовне Мезецкой. Брак этого князя следует признать поздним (ему было уже 24 года), так как брачным возрастом в период Средневековья для молодых людей считались 16–17 лет. Когда родилась Елена Романовна неизвестно, но традиционно девушек в тот период отдавали замуж в возрасте 13–14 лет. Это позволяет предположить, что родилась она в середине 1450-х годов (между 1454 и 1456). В семье князя Андрея Васильевича родились две дочери, одну из которых назвали Ульяной; имя второй остается неизвестным (далее – Н.). В летописях указаны также имена двух сыновей Андрея Васильевича и Елены Романовны – Иван и Дмитрий.

Все дети князя Андрея Большого появились на свет в период с 1471 по 3 апреля 1483 г. Княгиня Елена Романовна умерла рано, в возрасте около тридцати лет: «Тое же зимы преставися княгиня княжа Андреева Васильевича Елена, и положиша на Москве оу Вознесениа в городе» (ПСРЛ. Т. 24, 2000. С. 202). Она была погребена в женской усыпальнице московской правящей семьи – в Вознесенском монастыре в Кремле, возле Фроловских (Спасских) ворот средневековой крепости Москвы.

В 1491 г. князь Андрей подвергся опале и был арестован: «… велел князь великий поимати и посади его на казенном дворе на Москве» (ПСРЛ. Т. 24, 2000. С. 209). Это произошло 20 сентября. И в тот же день Иван III «по детей его, по князя Ивана да по князя Дмитрея послал на Углеч того же дни князя Василиа, княжо Иванова сына Юрьевича, да с ним многых детей боярьских и велел их поимати и посадити в Переславли. Они же сотвориша тако» (ПСРЛ. Т. 24, 2000. С. 209). Так опала затронула детей князя Андрея (рис. 2).

Но рассмотрим судьбу членов семьи Андрея Большого (его еще называли Горяем и Горюном) по хронологии. Этот князь погиб в заключении (рис. 3) в 1493 г.: «Того же лета, в осенинах, месяца ноября в 6 день, на память святых отец Павла исповедника и Варлама Новогородского чюдотворца, преставися князь Андрей Василиевич Углецкой в нужной смерти» (Тверская летопись, 2000. С. 474). Более подробно это событие отражено в Типографской летописи: «В лето 7002, месяца ноября, преставися князь Андрей Васильевичь, а седе в тюрме на Москве, на Казенном дворе, два года и 40 и 7 дней, и положиша и в Архаггеле на Москве, у северных дверей» (ПСРЛ. Т. 24, 2000. С. 212).

«Нужной смертью» обычно называли в период русского Средневековья смерть насильственную. Следует учитывать и солидный – по меркам

Рис. 2. Иван III (слева внизу) отдает в 1491 г. приказ о заключении сыновей Андрея Большого (справа вверху) под стражу. Миниатюра ЛЛС XVI в.

Рис. 3. Смерть князя Андрея Васильевича «в тюрьме, на Казенном дворе» в ноябре 1493 г. Миниатюра ЛЛС XVI в.

Рис. 4. Одна из палат княжеского двора в Угличе, сооруженного при князе Андрее Большом в 1480-е годы (после реставрации 1892 г.). Покрытие крыльца выполнено в XIX в.

Рис. 5. Руины Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря в Угличе. Сооружен в период правления Андрея Большого во 2-й пол. XV в.

того времени – возраст князя Андрея (ему шел 48-й год) и условия заключения в белокаменном подвале Казенного двора. И все же приписка о «нужной смерти» говорит о многом – скорее всего, князя Андрея уморили голодом. Так, в Тверской летописи сообщалось, что держал Иван III своего брата в тюрьме «в велице истоме» (Тверская летопись, 2000. С. 474). Угличский удел Андрея Горяя (рис. 4; 5) перешел в собственность великого князя Ивана III, его законные наследники находились в заключении.

Старшая дочь князя Андрея и Елены Мезецкой Ульяна не позднее 1486 г. была выдана замуж за князя Ивана Семеновича Кубенского (Акты… 1998. С. 489, 490). Учитывая брачную практику Средневековья, родилась она, видимо, в 1472 г. и прожила долгую жизнь. Умерла княгиня Ульяна 15 мая 1537 г. и была похоронена на территории Новодевичьего монастыря. Один из ее сыновей – Иван – известен по ряду письменных источников; в частности, он упомянут в летописных сводах и у А.М. Курбского в его «Истории о великом княжестве Московском».

Вторая дочь князя Андрея Васильевича до 1491 г. была уже замужем за князем Андреем Дмитриевичем Курбским из рода ярославских князей; дети в этом браке неизвестны. Выскажем предположение, что родилась она в середине 1470-х (возможно, в 1474–75 гг.). Обе дочери избежали опалы; в наследовании удела они не участвовали. Наследниками были мужчины – сыновья удельного князя Андрея.

Данных о времени появлении на свет мальчиков в семье князя Андрея Васильевича в письменных источниках нет. Но можно попытаться наметить этот период, опираясь на косвенные сведения. Сообщения о браках Ивана и Дмитрия Андреевичей в летописях отсутствуют – это значит, что они еще не достигли брачного возраста (16–17 лет). А замужество их сестер между 1486 и 1491 гг. свидетельствует о том, что Ульяна и Н. родились в первой половине 1470-х. Таким образом, рождение на свет Ивана и Дмитрия следует относить ко второй половине 1470-х годов и до апреля 1483 г., когда скончалась их мать Елена Мезецкая. В этом случае в год опалы (1491) им было от восьми до четырнадцати лет.

Княжичи попали в заключение в столь юном возрасте и провели многие годы в тюрьме, которой стал для них двор в Переславле Залесском. Рассчитывать на наследование угличского удела при жизни Ивана III они не могли. Как свидетельствуют письменные источники, мало что изменилось в их судьбе и в годы правления великого князя Василия III.

В своем стремлении создать единое государство, не подверженное раздорам из-за сепаратистских стремлений удельных князей, великий князь Иван III поступился даже узами родства. Он посчитал, что действия брата Андрея Большого угрожают достижению главной цели его жизни. Сегодня сложно представить, чего стоили великому князю Ивану Васильевичу столь трудные решения проблем подвластной ему страны. Видимо, были минуты, когда он сожалел о гибели в заточении удельного князя Андрея Васильевича.

Об этом свидетельствует одна из записей в Типографской летописи под 1498 г., в которой отмечено, что великий князь Иван Васильевич посылал «к Симону митрополиту, веле емоу быти оу собя на дворе с архиепископом и с епископы. И приидоща к нему. Князь же великый, встав пред своим отцем митрополитом и архиепископом и епископы, начаша бити ему челом пред ними с оумилением и с великими слезами, а прося оу них прощениа о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его оуморил, в нужи стоя перед ними долго время. Митрополит же и архиепископ и епископы с испытанием и с великим наказанием и понудиша и долго время и едва простиша

и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправити пред Богом» (ПСРЛ. Т. 24, 2000. С. 213, 214).

Современные историки отмечают двойственность характера и поступков великого князя Ивана III: «в его беспощадных расправах с сородичами порой сверкнет слеза раскаянья» (*Борисов*, 2007. С. 16). Судя по всему, покаяние, зафиксированное хронистом, было действительно минутным порывом, вызванным угрызениями совести. Симптоматично, что о сидевших в Переславле в тюрьме «в тягости» молодых сыновьях князя Андрея Большого (племянниках Ивана III) никто из участников этой «душевной беседы», в том числе и сам великий князь Иван, не вспомнил.

О том, что пришлось пережить безвинно осужденным на заточение князьям Ивану и Дмитрию Андреевичам, можно только догадываться. Упоминаний их имен в письменных источниках конца XV в. мы уже не находим. Даже смерть в 1505 г. великого князя Ивана Васильевича не привела к их освобождению. И в начале XVI столетия, в годы правления Василия III, двоюродные братья великого князя продолжали оставаться в заключении в Переславле.

Об этом свидетельствуют некоторые документы, относящиеся к 1508–1514 гг. и упомянутые в описи дел Посольского приказа за 1614 г. Среди них «В тетратех запись целовальная 7017-го году (1509 г. – *Т. П.*), по чему целовал князь Михайло Васильевич Шуйской, что был приставлен у князя Ондреевых детей Ивановича уделного в Переславле, да тут же памяти наказные» (ДДГ, 1950. С. 457). Здесь речь идет, несомненно, о детях князя Андрея Большого – в записи перепутано его отчество. Вполне объяснимо, что в начале XVII столетия об этой трагической истории мало что помнили. Что доказывает и ремарка составителей описи в следующей записи, упоминающей о периоде с 1508 по 1514 гг. в жизни князей Ивана и Дмитрия Андреевичей. В описи дел Посольского приказа, составленной уже после пожара 1626 г., отмечены «Тетрати сторожевые княж Ондреевых детей, а которово князь Ондрея, и того не записано» (ДДГ, 1950. С. 471). В продолжении этой записи читаем: «как они сидели в тюрьме в Переславле скованы с лета 7016-го мая с 27-го числа по лето 7022-го маия по 8 число, а в ней писана целовальная запись переславских наместников князя Михаила Васильевича Шуйского и Василия Михайловича Заболоцкого Черенка, как они целовали крест великому князю Василию Ивановичу всеа Русии, что им князь Ондреевых детей стеречи и над сторожми смотрити по государеву указу. Да тут же им и наказная память, как стеречи княж Ондреевых детей и над приставы смотрити. Да тут же наказные памяти приставом

княжим, Петру Башмакову с товарищи, и грамоты от великого князя Василья Ивановича о той же стороже, да приставом же разным наказные памяти по годом» (ДДГ, 1950. С. 471).

Из этих документов становится ясно, что и в первые десятилетия XVI в. режим содержания князей Ивана и Дмитрия не изменялся – они по-прежнему находились в заключении, хотя у власти был уже великий князь Василий III. И более того, князья по-прежнему были закованы в кандалы – уже более двадцати лет! В этот период, кстати, угличский удел принадлежал (с 1504 по 14 февраля 1521 г.) князю Дмитрию Жилке, брату великого князя Василия III.

В российской и зарубежной историографии при упоминании мест и времени заключения двух опальных угличских князей приводятся разноречивые сведения. Так в одном из изданий указано, что они находились под стражей в Вологде (Спасо-Прилуцкий… 2007. С. 8), в другой публикации отмечено, что оба князя скончались в «Переяславле» (*Мадариага*, 2007. С. 522).

Удивительно, что князья Иван и Дмитрий смогли выжить в условиях заключения столь долгие годы. В какой-то момент их разлучили, хотя неизвестно, содержали их в Переславле-Залесском вместе (в одном помещении) или по отдельности. После 1514 г. старшего из угличских князей перевели в Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологду, – возможно, по его желанию постричься (рис. 6). Здесь он стал монахом под именем Евстафий. В позднем Пискаревском летописце середины XVII в. Иван Андреевич отмечен в списке святых русских князей: «… 16. Князь Еустафей, сын князя Андрея Дмитровского, а лежит у Дмитрея на Прилуке, на Вологде, во плоти» (Пискаревский летописец, 1955. Л. 602. С. 98). Князь Иван (в иночестве Евстафий, в схиме Игнатий) скончался в 1523 г.: «В лето 7031-го преставися князь Иван Ондреевич Углицкой, а во иноцех Игнатей, маиа в 19 день» (ПСРЛ. Т. 30, 1965. С. 54). Он провел в заточении большую часть своей жизни. Предположительно князь-инок скончался в возрасте около 45 лет, из которых тридцать два года просидел в заточении – сначала в Переславле, а затем в Спасо-Прилуцком монастыре (рис. 7).

Упоминание о его младшем брате Дмитрии находим в летописях под 1541 г. Только в этот год (!), в 20-х числах декабря, с него были сняты кандалы, которые он носил на себе с малолетства: «… с Углечсково с княжь Андреева сына Васильевича с князя Дмитреа тягость сняти» (Львовская летопись, 1999. С. 54; ПСРЛ. Т. 13, 2000. С. 135). Сделано это было при десятилетнем великом князе Иване IV Васильевиче – «по печалованию

Рис. 6. Спасо-Прилуцкий монастырь на иконе 1-й пол. XVIII в.

Иоасафа митрополита и боляр» (ПСРЛ. Т. 13, 2000. С. 135). После снятия с этого племянника великого князя Ивана III оков, последовало распоряжение властей – Боярской думы: «… в Переславле из тюрьмы ис тына выпустить княж Андреева сына Углецкого князя Дмитрея, а сидел поиман 49 лет и 4 месяцы, а поиман семи лет. И жил в Переславле на том же своем дворе в тыне. А дети боярские у него на бреженье и стряпчие всякие были ему даны и ключники и сытники и повары и конюхи великого князя, и платья ему посылал князь великий с Москвы, и запас всякой был у него сушильной и погребной исполна, чего бы похотел, и ездити было ему по посады по церквам молитися вольно, куды хотел. И пожил немного и там преставися, а у великого князя на Москве не был» (Пискаревский летописец, 1955. С. 26). Изменения в положении этого удельного князя, оказались запоздалыми; после освобождения он прожил только три года, никуда не выезжая из Переславля.

Следует напомнить, что в момент ареста князю Дмитрию было восемь или чуть более лет – учитывая дату смерти его матери. В памятниках письменности заметны разночтения при указаниях на возраст князя Дмитрия в момент ареста и заточения. Так в одном из летописных

Рис. 7. Преподобный Игнатий Прилуцкий на иконе нач. XXI в.

сообщений о его смерти приведена другая цифра: «Лета 7052-го (1544. – *Т. П.*) преставись князь Дмитрей Андреевич Углецкой, внук великого князя Василья Васильевича, в Переславле штидесяти лет, а сиде в железех в тыну 54 лета. И привезоша тело его на Вологду, и погребоша у Спаса на Прилуке» (Пискаревский летописец, 1955. Л. 531об. С. 52). Пересчет цифр из этой записи показывает на 1484 г. как время рождения князя Дмитрия на свет; но его мать умерла в самом начале 1483 г.; о втором браке князя Андрея Горяя сведений в источниках нет. И это летописное свидетельство содержит ошибочные данные, как и другая запись того же «Пискаревского летописца», где и вовсе отмечено, что князь Дмитрий попал в тюрьму «четырех лет» (Пискаревский летописец, 1955. Л. 602. С. 98).

Князь Дмитрий прожил на свете, по предварительным расчетам, чуть более шестидесяти лет; пятьдесят из них – в заключении, «в железе». И после смерти он не захотел разлучаться со своим братом. Князя Дмитрия Андреевича похоронили в Спасо-Прилуцком монастыре «идеже положен брат его князь Иван Андреевич, во мнишеском чину Игнатей, его же бог прослави угодника своего чюдеси» (Пискаревский летописец, 1955. Л. 531об. С. 52). Князья-мученики – а иначе их и не назовешь – на Вологодчине были прославлены как святые благоверные; Дмитрий – как местночтимый.

По монастырской легенде Спасо-Прилуцкая обитель была основана неким Дмитрием в конце XIV в. Она находится в пяти километрах от Вологды. Нижний храм во имя преподобного Дмитрия Прилуцкого в Спасском соборе (построен в 1542 г. и перестроен после пожара

Рис. 8. Спасо-Преображенский собор Прилуцкого монастыря

1817 г.) и стал местом погребения самого основателем монастыря и двух князей – инока Игнатия (Ивана) и Дмитрия Андреевичей Угличских (рис. 8).

В исторической литературе XIX в. сохранилось описание достопримечательностей Спасо-Прилуцкого монастыря. В первую очередь здесь упоминаются «мощи преподобного Дмитрия игумена». Над мощами – деревянная, обитая медными чеканными позолоченными листами гробница, на ней образ Дмитрия во весь рост (*Савваитов*, 1884. С. 34). В нижней церкви отмечены захоронения героев данной статьи. Это мощи князя углицкого Иоанна, в монашестве Игнатия. Над ним деревянная с резьбою гробница, на крышке которой Игнатий изображен в рост и в схиме. В ногах у него лежит его брат Дмитрий, но сейчас это место не обозначено, а в XVII в. над могилой была деревянная гробница (*Савваитов*, 1884. С. 34, 35). В издании XIX в. приводятся описания деревянных рак, отмечавших места погребения самых почитаемых в обители насельников – основателя монастыря и одного из двух угличских князей. В советский период Спасо-Прилуцкий монастырь служил складом для Министерства обороны – в нем хранили медикаменты и медицинское оборудование; автор данной публикации посетила этот закрытый монастырь в конце 1970-х. В начале XXI в. обитель

Рис. 9. Усыпальница в нижнем храме Спасского собора. На первом плане рака Дмитрия Прилуцкого (основатель обители), слева – рака преподобного Игнатия

возродилась, и усыпальницу в подвальном этаже Спасского собора восстановили (рис. 9). В Вологодском музее хранятся покров с захоронения преподобного Игнатия и его вериги (рис. 10).

В связи с этой историей необходимо отметить некоторые события, перекликавшиеся с судьбой углицких князей Ивана и Дмитрия. Их дядя, князь Андрей Меньшой, до 10 июля 1481 г. владел вологодским уделом. До наших дней сохранился ряд грамот этого удельного князя, в которых фигурирует и Спасо-Прилуцкий монастырь, ставший в первой половине XVI в. местом захоронения его племянников (*Рыков*, 1982).

Двор в Переславле, где долгие годы были заключены князья Иван и Дмитрий, в 1545 г. неожиданно принял в своих стенах опального князя Ивана Ивановича Кубенского – сына их сестры Ульяны Андреевны: «посадиша его на княже Андреевскых детей Углецково дворе, где они сидели» (ПСРЛ. Т. 13, 2000. С. 146).

Предположительно около 1514–1515 гг. князь Дмитрий Андреевич остался в заключении в Переславле один. О том, что служило поддержкой ему в его горестном уединении, говорит дошедший до наших дней Прилуцкий сборник житий русских святых, составленный для этого узника московских великих князей. Он хранится в собрании БАН и озаглавлен «Сборник княжь Дмитриевской Углецкого». В рукописи

Рис. 10. Железные вериги преподобного Игнатия

содержится «житие Сергия Чюдотворца да Варлама Хутынского, Алексея митрополита…» и других почитаемых деятелей русской церкви (*Клосс*, 2001. С. 103). На одном из первых листов рукописи, до настоящего времени мало привлекавшей внимание исследователей, есть указание: «Написано лета 7023, августа 6» (*Клосс*, 2001. С. 276). Сборник был создан в 1515 г. и свидетельствует о том, в чем находил утешение князь-узник в долгие годы своего заточения.

Судьба угличских князей – яркое свидетельство династического соперничества при московском дворе в период княжения Ивана III, когда устранялись даже потенциальные претенденты на великокняжеский стол.

Литература

Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. М.: Янус-К, 1998. 734 с.

Борисов Н. С., 2007. Иван III и его окружение // Человек XV столетия: грани идентичности. М.: ИВИРАН.

ДДГ. М.: АН СССР, 1950. 585 с.

Клосс Б. М., 2001. Избранные труды. Т. II. М.: ЯРК. 489 с.

Львовская летопись. Рязань: Узорочье, 1999. 648 с. (Русские летописи. Т. 5).

Мадариага И., де, 2007. Иван Грозный. Первый русский царь. М.: Омега. 608 с.

Медынцева А.А., 1978. О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М.: Наука. С. 378–382.

Медынцева А.А., 1988. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 247–255.

Медынцева А.А., 2017. Художники-живописцы, строители и писцы-каллиграфы Новгородской Софии в первые полвека ее существования // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 48–68.

Пискаревский летописец. М.: АН СССР, 1955. 323 с. (Материалы по истории СССР. Вып. II).

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: ЯРК, 2000. 544 стр.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Рязань: Узорочье, 2000. 576 с.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.–Л.: АН СССР, 1949. 264 с.

ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

Рыков Ю.Д., 1982. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря в XV в. // Зап. Отд. рукописей ГБ им. В.И. Ленина. Вып. 43. М. С. 85–105.

Савваитов П.И., 1884. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда: Тип. губернского правления. 52 с.

Спасо-Прилуцкий Дмитриев монастырь в Вологде 2007. Вологда. 25 с.

Тверская летопись. Рязань: Наше время, 2000. 606 с. (Русские летописи. Т. 6).

Приложение

Генеалогическая таблица. Семья удельного князя Андрея Большого

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.367-397

К. Попконстантинов
Великотырновский университет «Святых Кирилла и Мефодия», Велико-Тырново, (Болгария)

Отпечатъци в българската писмена традиция (по епиграфски данни)

Когато в Югоизточна Европа се появила една държава – България, която Византия смятала за «варварска» и следователно подлежаща на унищожение, като че ли тя е предчувствала, че ѝ предстои дълъг път в борбата за оспорване на имперския монопол на ромеите. Това оспорване е най-осезаемо в началото на X в., когато цар Симеон изглеждал дълбоко убеден, че неговата държава е империя по територия и население. Това самочувствие, съчетано с много доброто познаване, като магнаурски възпитаник, на механизмите на ромейското мислене, му позволили без никакви угризения да си присвои титлата **царь – самодръжьць въсѣмъ блъгаромъ** (913 г.), а през 925 г. Βασιλέα Βουλγάρων καὶ Ρωμαίων. Двубоят между новопоявилата и заварената империя бил ожесточен и съпроводен с много жертви. За разлика от началните години на X в., през 70-те години на X в. от своя страна Българското царство водело отбранителна война в условията на вражеско обкръжение. Военните действия се разгърнали, с малки изключения, главно върху неговата територия, което от своя страна затрудняло възстановителните процеси след тежките битки. В това отношение е показателна руско-византийската война от 969–971 гг., която се водела по българските земи и била предвестника на опита за унищожаване на Българското царство чрез завладяването на столицата Велики Преслав (5 април 971 г.). За спасяването на Българското царство в битката се включват синовете на комит Никола, който е не само съвременник на цар Симеон, но и част от неговото обкръжение и свидетел на развихрилите се отношения между двете империи. За това е спомогнало и запазването на структурите на държавността в западните и югозападните земи на Българското царство.

Този период от средновековната българска история не може да се оплаче от интерес – както преди, така и сега, защото средновековната българска епиграфика през последните 20 години се обогати със

стотици надписи с руническо, глаголическо, кирилско и руноподобно писмо и това спомага изследването на писмените традиции, разпространението на българските език и писмо в Първото българско царство (*Попконстантинов,* 1985). Епиграфските паметници от Първото българско царство доказват, че старобългарският език не е бил lingua sacra, език на богослужебната книжнина и практика, а език, който пълноценно функционира и обслужва всички сфери на духовния и социалния живот на българина. Наличието вече на над 1500 надписи с руническо, «руноподобно», гръцко, отчасти латинско, глаголическо, кирилско писмо и десетки билингви, и археологически проучените манастирски скрипториуми в Плиска, Равна и Варна ни насочват и към друго важно заключение – високата степен на разпространение на грамотността в средновековна България.

От огромното книжовно богатство, излязло изпод ръцете на двамата братя и техните ученици, до нас са достигнали само късни преписи (*Куев,* 1979. С. 13–15*; Иванова,* 1983. С. 27–35*)*. Времето не е пощадило в оригинал нито едно тяхно произведение. Но за сметка на това, от този начален период на утвърждаване и разпространение на старобългарската писменост в България (края на IX и началото на X в.) земята ни е съхранила над 800 надписа, от които добиваме реална представа за огромната просветителска и книжовна дейност, видно и от скрипториите от края на IX в. открити в Плиска, в манастирите посветени на «Св. Богородица» в Равна (Провадийско) (*Попконстантинов,* 1994. С. 107–121) и в м. «Караачтеке» Варна (*Попконстантинов, Плетньов, Костова*, 2005. С. 107). С изучаването на откритите в тях епиграфски паметници, които по принцип са нов извор за историята на старобългарската писменост и език, съществено допълващи сведенията на традиционните книжни текстове както в областта на палеографията, ортографията, езика, така също и в областта на историята на културата, се занимава историческата дисциплина *епиграфика, в която огромен принос има и А. А. Медынцева*.

В старобългарското писмено наследие епиграфиката съставлява част от некнижната писменост. Съпоставянето на данните от ръкописната традиция и епиграфиката позволява да се реконструират механизмите на функциониране на писмената култура на един или друг градски или административен център със своите скриптории и училища като книжовни и просветни средища. Така например епиграфският материал от манастира при Равна, Провадийско, в чието проучване участва и А. А. Медынцева, свидетелства за съществуването на манастирско

училище и скрипторий, в които са използвани паралелно пет графични системи за писане: руническо, гръцко, латинско, кирилско и глаголическо писмо. Тук се срещат двуезични надписи и със смесено писмо – кирилско и руническо (*Попконстантинов,* 1984).

Глаголическата писмена традиция в средновековна България (по епиграфски данни)

Глаголицата винаги е представлявала интерес за изследвачите на старобългарската писменост. Затова всеки новооткрит епиграфски паметник с глаголическо писмо предизвиква вниманието и дава възможност да се разширят и познанията върху тази своеобразна графична система. Усилията на редица учени да се изясни произходът на старобългарските писмена, възникването на двете азбуки – глаголическата и кирилската, и взаимоотношенията помежду им водят до противоречиви мнения, а въпросите все още нямат еднозначен и категоричен отговор (*Поконстантинов, Миклас*, 2009).

От сложните и обширни проблеми за двете старобългарски азбуки ще засегнем въпроса за глаголическите епиграфски паметници в средновековните български земи в хронологическите граници на X – началото на XI в.

Една част от глаголическите надписи у нас, предимно в Североизточна България стават известни на науката през 1927 г. с проучването на т. нар. Кръгла църква в Преслав (*Миятев*, 1932. С. 100–124; *Попконстантинов*, 1982б. С. 46–50; *Медынцева, Попконстантинов*, 1984. С. 14–22), други – с разкриването на старобългарския скален манастир при Мурфатлар (северна Добруджа, Румъния) (*Попконстантинов*, 1983; *Popkonstantinov*, 1987), в скалния манастир при Крепча (Поповско), княжеския манастир „Св. Богородица“ при Равна (Провадийско (*Попконстантинов,* 1985), от Цар Асен (Силистренско) (*Попконстантинов,* 1982б). През последните десетилетия старобългарската литература бе обогатена със значителен брой епиграфски паметници, съдържащи неканонични молитвени текстове, изписани върху оловни амулети. Една значителна част от тях са с текстове с кирилско писмо, други с кирило-глаголическо, а трети изцяло изписани с глаголическо писмо (*Попконстантинов, Константинова*, 1995; *Попконстантинов*, 2006а. С. 311–331; 2006б. С. 74–86; *Попконстантинов, Миклас*, 2009). Писмото в тях се отличава с опитност, издава обиграна ръка на твърде грамотни автори, които с увереност са изписвали глаголическите и кирилските букви и показват, че са имали достатъчен опит в ползването

на двете графични системи. Диграфията е значително по-рядко явление и макар че характеризира дълги периоди от развитието на средновековната българска и балканска писмена култура, все още не може да се счита за достатъчно проучена, въпреки паметниците от края на IX до XV в. (*Popkonstantinov*, 1986; 1987; 1988; *Miklas*, 1988). Както в амулетите, така и в другите паметници, авторите на текстовете са използвали глаголицата не като тайнопис, каквито случаи има с употребата ѝ в някои по-късни кирилски ръкописи. Явно доброто познаване и владеене на двете графични системи (активно и пасивно) им дава възможност свободно да ги ползват и да преминават от едната в другата, видно от редица епиграфски и книжовни паметници (*Попконстантинов*, 1982а. С. 27–35; 1982б). Използването повече на кирилското писмо в някои от амулетите подсказва и това, че авторите са хора, чието делово ежедневно писмо е кирилицата. Палеографските и езиковите особености на текстовете в по-голямата си част дават основание те да бъдат отнесени към епиграфските паметници от края на X – средата на XI в. (*Popkonstantinov, Kronsteiner*, 1994. P. 16–224).

Общо от различните краища на Североизточна България досега са известни над двадесетина надписа с глаголическо писмо, една недовършена азбука, тридесетина отделни думи и букви и пет надписа с кирило-глаголическо писмо. От западните и югозападните земи на Първото българско царство (дн. Сърбия, Косово, Македония) са известни пет надписа и то с кратки текстове (надписи върху глинени съдове и един кирило-глаголически върху колона в манастира Св. Наум – ꙋ(ѵ)ѫѧ попъ). Епиграфският материал категорично опровергава твърдението, че глаголицата не е била позната в Североизточните български земи, че е имала живот само в западните области на Средновековна България. Глаголическите надписи и графити доказват несъстоятелността на противопоставянето «кирилски Преслав – глаголически Охрид».

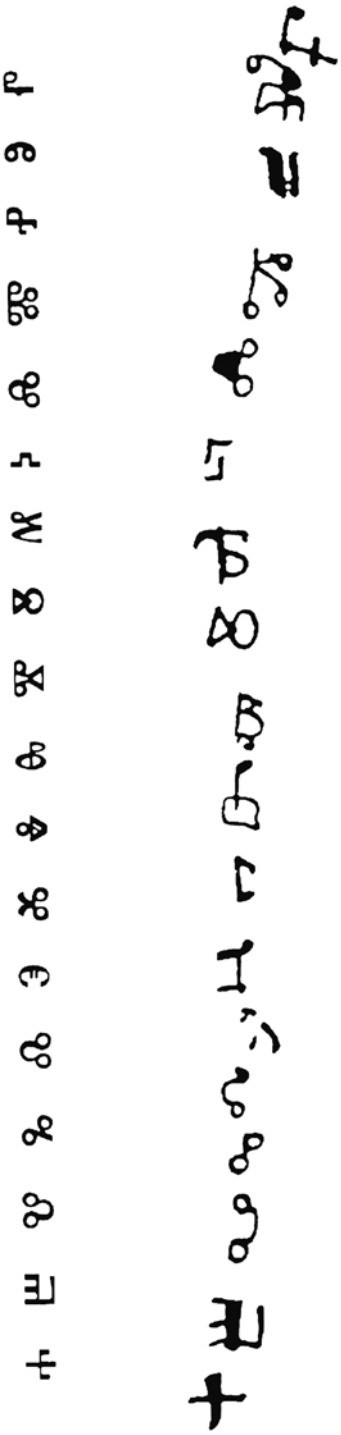
Надписи върху камък

Глаголическите надписи от «Кръглата църква Св. Йоан Предтеча» в Преслав неведнъж са привличали вниманието на учени в продължение на близо 90 години (*Медынцева, Попконстантинов*, 1985. С. 46–56). Те са врязани върху добре огладената мазилка на северното лице на кръщелното помещение на църквата. Едновременно с ктиторския надпис на хартофилакс Павел (цр҃кꙑ сѧ҃таго Ноана дѣлаѥна Паѵломь хартофѵлаѯомь), в който е отбелязано името на храмовия светия, Кр. Миятев открива

глаголически еднореден надпис и няколко букви ⰜⰞ ⰟⰞ ⰢⰠⰟ – ти ги бже. Над този надпис с по-дълбоки линии са врязани две глаголически букви с по-големи размери: ⰜⰜ - ми. Най-вероятно тук е отбелязано ми – дат. пад., ед. ч., от личното местоимение азъ.

От всички глаголически надписи и знаци, врязани по стената на кръщелното помещение в църквата Св. Йоан Предтеча, най-значителен интерес представлява откритата от Ив. Гошев глаголическа азбука (*Гошев*, 1961. С. 61–63). Буквите са врязани с много тънки линии между два по-дълбоко врязани кръстни знака. Известно е какво значително място заемат запазените глаголически азбуки, особено с установяването на количеството, последователността, фонетичната зависимост на първата славянска азбука – глаголицата. В това отношение откритието на Ив. Гошев е изключително важно. Сред останалите глаголически азбуки, достигнали до нас в късни преписи, Преславският абецедар несъмнено е най-древният и с точна географска и археологическа определеност: ⰰ, ⰱ, ⰲ, ⰳ, ⰴ, ⰵ, ⰶ, ⰷ, ⰸ, ⰹ, ⰺ, ⰻ, ⰼ, ⰽ, ⰾ, ⰿ, ⱀ, ⱁ, ⱂ, ⱃ, ⱄ, ⱅ. Той не е завършен (липсват буквите, които са най-дискусионни), но това не омаловажава значението му. Преславският абецедар завършва с буквата ⱅ («покой»). Палеографските особености на глаголическите надписи и тяхното разположение на малък участък от стената заедно с кирилските надписи (врязани върху един и същ пласт мазилка) ни дават основание да ги отнесем към едно и също време – първата половина на X в. По такъв начин Преславският абецедар, макар и непълен, ни дава засега най-ранният ред на буквите от ⰰ до ⱅ включително (обр. 1).

Глаголически надписи са известни и от скалния манастир от Първото българско царство до с. Басараби (Мурфатлар) в Румъния. В църква В4 са запазени две думи и една буква, изписани с глаголически букви. Едната дума, ѹѧѹѧ (нлнѣ) е врязана върху разделителния стълб между наоса и олтарната част на манастирския храм непосредствено под кирилския надпис ѧꙗнъ попъ. Малко встрани от надписа е врязана само глаголическата буква ѹ («и»). Името ѹѧѹѧ (нлнѣ) е изписано още веднъж върху западното лице на третия стълб между наоса и нартекса на храма. По палеографските особености и двата надписа показват голяма близост и се насочват към един и същ автор – нлнѣ, име, което е известно от редица старобългарски надписи. Характерната окръгленост на буквите и в двата надписа позволява да ги свържем с традицията на глаголическото писмо от графитите в Преслав, Равна, Цар Асен и върху оловни амулети и да ги поставим в хронологическите граници на първата половина на X в. (*Popkonstantinov, Kronsteiner*, 1994. P. 23–25, 72–74, 165–172).



Обр. 1. Глаголически абецедар от «Кръглата църква Св. Йоан» в Преслав. X в. (препис К. Попконстантинов)

Отделни думи и букви с глаголическо писмо са открити и в книжовното и просветно средище в княжеския манастир Св. Богородица до с. Равна (Провадийско). Върху стените на манастирския храм и принадлежащите му сгради, скриптория и дидаскалията бяха открити врязани близо 250 надписа – ктиторски, датирани, с псалтирни текстове, молитвени текстове, имена на богомолци, алфавити, имена на светци и др. Върху камък с отчупен ляв край е запазена част от надпис с глаголическо писмо – ѿѧѧѩѩѡѧ. Като се има предвид, че това е само краят на надписа, трудно би могло да се каже нещо по определено за смисъла на буквеното съчетание.

През 1954 г. при проучването на старобългарската крепост при Цар Асен (Силистренско) бе открит старобългарски кирилски надпис. Авторът на надписа е използвал глаголически букви: веднъж в думата помнлоуи, където и е изписано с глаголическо ѫ и втори път – на дясната страна на камъка в р. 4, където са употребени ѩ и ѿ в началото на думата: ѩѿр҃комъ. Това съчетание на двете букви и титлата над ѿ по всяка вероятност представлява съкращението ѩѿр҃комъ, което развързваме като отрокомъ (*Попконстантинов*, 1982а. С. 27–35; 1982б. С. 43–50).

При проучването на манастира от X в., посветен на Св. Богородица и изграден по времето на цар Петър (927–969) до с. Черноглавци (Шуменско), наред с надписите с гръцко и кирилско писмо е открит и надпис с глаголическо писмо. Надписът е от средата на X в.: ѩѡѣѩѡѣѩ ѯѩѧѩѣѩ ѩѯѩѣѣ ѩѣѩѡѩѡѩ ѣѩѡѡѩѡѩ ѣѩѡѡѩѡѩ ѣѩѡѡѩѡѩ ѣѩѡѡѩѡѩ — Аврамъ пъсалъ егъда тръмъве разбїша татъе. В превод на съвременен български гласи: «Аврам писа, когато крадците разбиха кошерите». Това е единственият писмен паметник от средата на X в., в който е засвидетелствана лексемата тръмъ (*Милтенов*, 2006. С. 218–219).

Надписи върху оловни амулети с глаголическо писмо

Сред епиграфските паметници от IX–XI в., даващи материал за проучване на средновековната българска култура, особен интерес представляват надписите върху оловните пластини-амулети, които са разнообразни както по форма, така и по съдържание (*Петканова*, 1981; *Попконстантинов, Константинова*, 1995; *Попконстантинов*, 1997; 2000; 2002; 2003б; *Popkonstantinov, Kronsteiner,* 1994. P. 236; *Popkonstantinov*, 1999. P. 649–654; *Константинова,* 1997. С. 163).

През последните години изследването на т. нар. апокрифни молитви и заклинания бе обогатено със значителен брой оловни амулети с текстове на гръцки и старобългарски (с глаголическо и кирилско писмо).

Сред текстовете врязани върху амулети преобладават молитвите против нежитъ. Те за пореден път поставят въпроса за произхода

на заклинателните текстове против нежнтъ. По-голямата част близо 80-те оловни амулета са на старобългарски с кирилско писмо. Три от тях са с кирило-глаголическо писмо (*Попконстантинов,* 2004), а осем са само с глаголическо писмо. Редом с амулетите с кирилско, глаголическо и смесено писмо (кирилица и глаголица) има и няколко на гръцки, като значителна част от тях са с псалтирни и евангелски текстове.

Сред оловните амулети с глаголическо писмо се откроява амулетът от Варна, който е първият, изцяло изписан с него от двете страни. Височината на буквите варира между 3–4 мм. Текстът е разположен на десет реда върху лицевата и на девет реда върху обратната страна. Запазени са общо 135 знака (върху лицевата 76, а на обратната – 59), които предаваме в оригиналната форма и кирилска транслитерация (*Попконстантинов, Миклас*, 2009. С. 398; *Мирчев,* 1985. С. 634–639). Текстът по своето съдържание и стилистичния си характер стои на границата между каноничните и неканоничните («лъжливи») молитви (обр. 2, *а*, *б*).

Лицева част (recto):

1.ⰻⰱⰾⰾⰾⰾ	кръстъ сѧ
Ⱑⰾⰾⰾⰾ:ⰻⰱⰾ	потъуе: кр҃ъ[стъ]
ⰾⰱⰻⰾⰾⰾⰾ	сѧ распѧтъ
ⰿⰾⰾⰾⰾⰻⰾⰾ	ѹлв҃ѣкъ сѧ
5. Ⱑⰱⰾⰾⰾⰾⰾ (?)	простї [н҃]-
ⰾⰾⰾ(…ⰾ)ⰾ	сѹ (?) м(…ъ)ї
ⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	съ одолѣ-
ⰿⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	нїем ѹ сж-
Ⱑⰾⰾⰾⰾⰾ	постата
10.ⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	г҃ї помї-

Опако (verso):

ⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	лѹї бж҃е
Ⱑⰾⰾⰾⰾⰾ	помоѕї
ⰾⰾⰾⰾⰾ	св҃ѧ[тамѣ?] бц҃е
ⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ:	амїнъ:
15. ⰾⰾ:ⰾⰾⰾ	св҃ѧ[тън?]: снха-
ⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	нлъ молн
ⰾⰾⰾⰾ:ⰾⰾ	лн б҃ъ: ѕа
Ⱑⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	петра да н-
ⰿⰾⰾⰾⰾⰾⰾⰾ	цѣлѣетъ

Обр. 2. Оловен амулет от Варна с глаголически текст. X в. (препис К. Попконстантинов)

а – аверс; *б* – реверс

Като цяло текстът не ни е познат от наличната литература и паметници, но в структурно отношение той се доближава до текстовете вързани върху амулета от Пет могили (Шуменско): **КРѢСТЪ ПОДРѪЖИ СА: ХС РѦС: ПА СА: ХС ВЪСКРЪСЄ: И ѴЛКЪ ПРОСТИ СА** и със сходен текст върху амулета от Нисово (Русенско) (*Попконстантинов,* 1993. С. 149–153).

Тези особености, както и уникалната досега употреба на глаголическо писмо, правят представения паметник изключително важен, особено за изясняване на въпроса за мястото, респективно функцията на глаголическото писмо в «зрялата» постласическа фаза на старобългарския език (около 950–1100 гг.). Че това писмо е било ползвано в (неофициалната) епиграфика (*Миклас,* 2005. С. 50–51) е видно от надписите в Преслав, Равна, Цар Асен, Мурфатлар, Черноглавци (*Popkonstantinov, Kronsteiner*, 1994. P. 73, 167, 169, 171, 213; *Попконстантинов, Атанасов*, 1994) и от оловните амулети със смесено кирилско и глаголическо писмо (*Попконстантинов,* 2004; 2006).

Употребата на двете стари форми за (ї), от една страна, и появата на просто **Є**, от друга, ни дава основание да датираме разглеждания паметник няколко генерации по-рано от най-ранните книжовни примери

за полуъгловатия тип писмо и «ъ»-редакция, т.е. между средата на X и началото на XI в. (*Попконстантинов, Миклас*, 2009. С. 394–395).

Примерите още веднъж подсказват, че наличието на глаголически надписи в североизточната част на Първото българско царство е сериозен аргумент срещу често изтъкваното до неотдавна твърдение, че глаголицата била свързана повече с югозападните български земи, отколкото с «Плисковско-Преславската област». Както отбелязва и Ив. Гълъбов във връзка с тази дискусия, «преди всичко тъкмо в Преслав, от стените на Златната църква, имаме най-старите и най-добре локализирани остатъци от глаголическото писмо, (а също така от Равна, Мурфатлар, Черноглавци, Крепча. – бел. моя *К. П.*), което подсказва, че трябва да ползваме убедителните археологически аргументи» (*Гълъбов*,1980. С. 44).

Кирилската писмена традиция в средновековна България (по епиграфски данни)

Датирани надписи

Датираните надписи в средновековната българска кирилска епиграфика представляват интерес както за археолози, така и за историци, филолози, изкуствоведи. В по-голямата част от тях са отбелязани не само годината на изписването, но и месеца, датата на отразеното събитие, имената на исторически личности. Чрез тези паметници средновековният човек разкрива същността на понятието «време» и чувството за запазване и предаване на идните поколения на делата и спомена за някои лица – светски или духовни, царе или «простосмъртни».

Скалният манастир до с. Крепча, Поповско.

Най-ранният датиран надпис в средновековната кирилска епиграфика е надписът в скалния манастир от X в. до с. Крепча, Поповско (обр. 3) (*Попконстантинов*, 1977. С. 19–22; 1999. С. 83–89; *Костова,* 2005. С. 289) с оформено надписно поле. Състои се от девет реда и е достигнал до нас значително повреден от по-ново време. Височината на буквите варира между 8–15 мм. От текста на надписа със сигурност се четат първите три реда, а в останалите се разпознават отделни букви и части от думи. Това намалява възможностите да се възстанови със сигурност целия текст, но не намалява стойността на информацията, която ни дава най-рано датираният старобългарски надпис (обр. 4).

Текстът гласи:

лѣт[о] ѕ.ѵ.л почи р[абъ бо] ж.ии антонъ мѣс[ѧц]а октобра въ ....сѧтъ дьн...сл... по...с...погреб[..]ъ ж...сн...вм.....ан

Обр. 3. Скален манастир при с. Крепча, Поповско. X в.
(фото К. Попконстантинов)

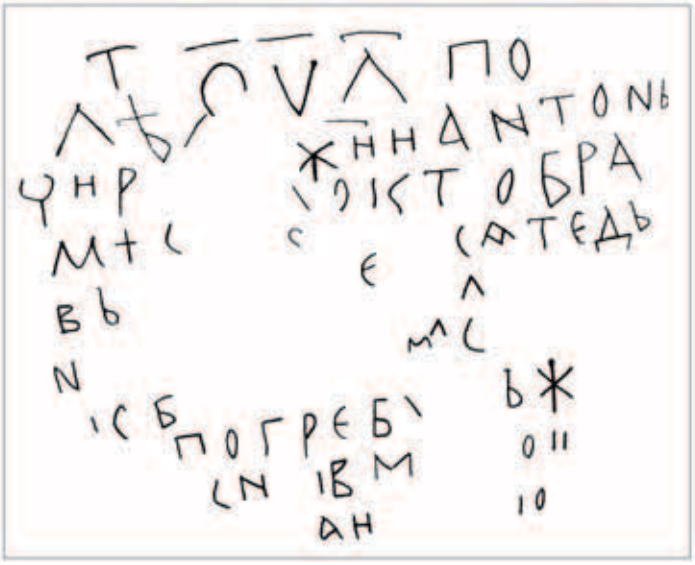
В надписа е отбелязана годината лѣт[о] ҂ѕ.ѵ.л – 6430 (921 г.), месецът и денят на погребването (мѣс[ѧц]а октобра въ [..].сѧтъ дьн҃ а вероятно и часа на смъртта на Божия раб Антон, практика позната ни от редица старохристиянски надгробни надписи (*Латышев*, 1896. С. 74, 84–100) По своето съдържание надписът се отнася към поминалните и има характер на приписка.

С р[абъ во] ж.ии антонъ е свързан още един надпис (обр. 5), който се намира врязан до входа на скалната църква-гробница (*Шкорпил,* 1914. С. 22–26). Текстът гласи:

+ въ имѧ оц҃ъцѣ и с҃на и ст҃аго дх҃а съде поуи
ваетъ оц҃ъцъ ст҃ъ анътоуни + а иже сноу
цр҃ькъве жнтъницѧ сътворитъ да отъ
вѣѡтаетъ прѣдъ бг҃мъ михалъ
недостоиънъ написа аминъ

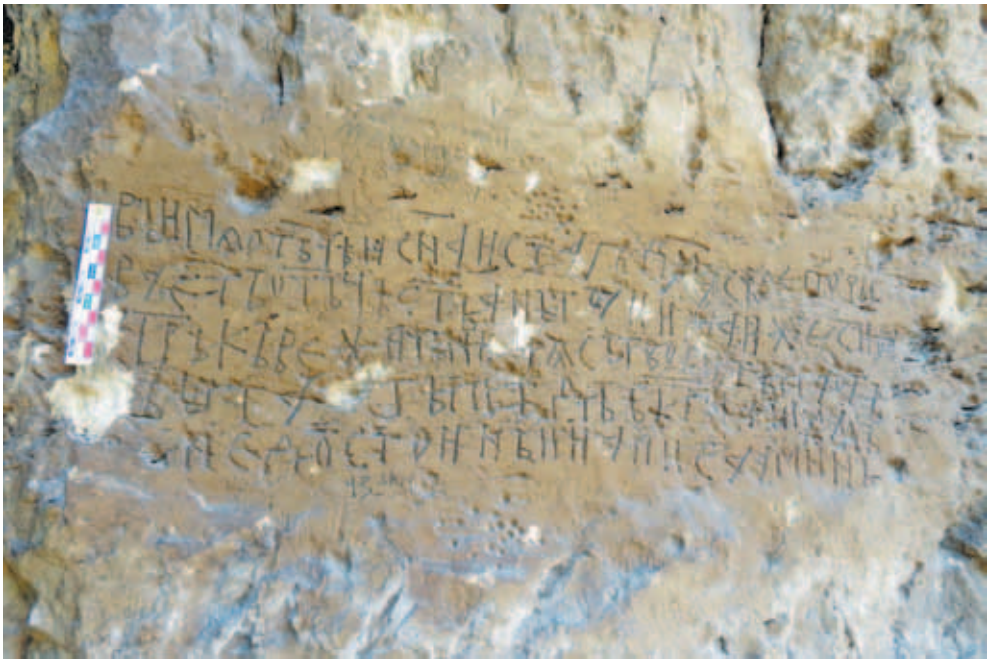
Надпис с подобно съдържание се открива за първи път сред паметниците от средновековната българска епоха, а изразът след вербалната

а



б

Обр. 4. Възпоминателен датиран надпис от 6430 / 921 г. на Божия раб Антон. Фото (*а*) и препис (*б*) К. Попконстантинов



Обр. 5. Възпоминателен надпис на Божия раб Антони. X в.

инвокация: а нже сноу цр҃ькъве житиница сътворитъ да отъ вѣѹтаетъ прѣдъ бг҃мъ е непознат в българската епиграфика. В надписа авторът в отъвѣѹтаетъ е изписал глаголическата буква ѹ с твърде архаично начертание, белег, който се обяснява като преходна фаза при преминаване от глаголица към кирилица. Не по-малък интерес представлява изписването и на буквата ж в житъница, чиято графика е много близка до начертанието на глаголическото ѫ. Липсата на надредни знаци и лигатурни съчетания, с каквито са изпълнени значителна част от среднобългарските епиграфски паметници, ни дават основание да го отнесем към първата половина на X в., което не е в противоречие с данните, които се съдържат в другия надпис, датиран 921 г., открит в манастирския храм на скалната обител. По своето съдържание надписът принадлежи към надгробните надписи (*Попконстантинов,* 1999).

Преслав.

Вторият сред датираните надписи е открит в Преслав през 1974 г. Надписът е врязан върху глинен съд след неговото изпичане. До нас той е достигнал във фрагментарно състояние. Височината на буквите варира между 2–3 см. (обр. 6).

Обр. 6. Датиран надпис от 6439/931 г. от Преслав (фото К. Попконстантинов)

Запазеният фрагментарен текст гласи:

…ѫскъ…

…цѣгъ житн…

лѣтъ ҂ѕ/ѵ/л/ѳ/

Буквите са врязани с остър предмет. Едни от тях са частично повредени и заедно с фрагментарността на надписа създават известна трудност при неговото попълване (*Попконстантинов*, 1980. С. 26–27). В началото на първия ред вероятно е било врязано пиѫ. Следват три букви – с, к, ъ, от които с е предлог с пропуснат ъ, а другите две букви къ, най-вероятно са от думата кърчагъ, която ще да е била в тв. п. ед. ч. – кърчагомъ. Падежната форма и лексикалното значение на тази дума се свързва с останалата част от текста. От запазената част в началото на р. 2 се четат ясно четири букви, които са част от име от тюркски произход, окончаващо на –цѣг (Алцег, Дицег, Винцег и др.). Глаголът жити подсказва, че тук се касае за използването на една формула за пожелание, отправена към лицето, чието име е изпосано на р. 2. А какво е това пожелание, се изяснява от р. 3, където се чете думата лѣтъ и годината ҂ѕ/ѵ/л/ѳ/ – 6439 (931). Съществителното лѣтъ е в род. падеж мн. ч. Това от своя страна подсказва, че между съществителното лѣтъ и жити е стояло числително, което с най-голяма вероятност е могло да бъде сѣто, познато ни от формулата за пожелание за дълголетие от редица прабългарски надписи (*Бешевлиев,* 1978. С. 192, 201, 210).

След направените допълнения предлагаме следното четене:

[пи]ѭ с[ъ] къ[рчагомъ] [ал]цѣгъ жнтн[съто] лѣтъ ҂ѕ/ѵ/л/ѳ/

«Пиейки с кърчага [Ал]цег да живее сто години. (Написа в) 6439 –931 г. ».

Пожеланието за дългоденствие е една от най-старите акламации. Забележително е, че акламацията за дълголетие е била възприета от нехристияните българи без промяна, ако и да се отправя молбата за дълтолетие към християнския Бог (*Бешевлиев*, 1981. С. 126–127). Подобни надписи с пожелание са открити върху стените на чаши и други съдове за пирове, възпети в староруския епос (*Липец*, 1969. С. 195; *Рыбаков,* 1964. С. 28).

Добруджански надпис.

Не по-малък интерес представлява друг датиран надпис, известен в науката като Добруджански надпис от 943 г., считан до неотдавна за най-ранния надпис, съдържащ дата (обр. 7). Надписът е открит до с. Мирча вода (Черна вода) през 1950 г. при прокопаване на канала Дунав – Черно море и близо 60 години е предмет на проучване и дискусии (*Богдан,* 1958; *Гюзелев*, 1968; *Popkonstantinov, Kronsteiner,* 1994. P. 107–109). Надписът е издълбан върху вариков блок. Запазената част от надписното поле в горната част е 0,30 м, в долната част – 0,27 м, в дясната част – 0,15 м, а в лявата – 0,17 м. Височината на буквите варира между 1–5 см. В р. 1 е запазена единствената цяла дума – гьрьцѣхь, а не игър и ѫхь, както предполага в. Мошин (1966. С. 38) или жгьр., както предлага Ив. Гошев. Пред гьрьцѣхь ясно се виждат два знака **VH**, подчертани с хоризонтална чертица, които неправилно се предават от различните автори занимавали се с този надпис, ту като вь, ту като на или оуи. **V** наподобява по своето начертание на ижица, ипсилон често срещания в руническите надписи знак V, подчертан с една или две къси хоризонтални черти. Към тези наши наблюдения ще добавим, че в гьрьцѣхь съвсем ясно се вижда, че ь след р е вмъкнат допълнително и с това е нарушен ритъмът на писмото (разстоянието между двете букви р и ц). В дьимитрѣ както и в гьрьцѣхь ясно личи, че ь е вмъкнат допълнително между д и и (буквата е притиснала с ъгловатата си петлица и и е нарушено еднаквото разстояние между тях). Последните два реда се отличават от горните два реда по своите палеографски особености.

По своите езикови особености Добруджанският надпис от 943 г. намира своето място сред датираните старобългарски паметници от средата на X в. Окончателното оформяне на надписа такъв, какъвто е до-

а

б

Обр. 7. Датиран надпис от 6451/ 943 г. от Мирча вода (Черна вода), Румъния. Фото (*а*) и препис (*б*) К. Попконстантинов

стигнал до нас, вероятно е преминал през три етапа: отначало са били първите два реда без ь след ρ в достигналата до нас дума гьρьцѣхь; по-късно са врязани долните два реда също без ь в дьимитρѣ; трети, последен етап е, когато някой е добавил в двете думи еровия знак.

1….**ѴИ** гьρьцѣхь…
….[в]ь лѣто ҂ѕ/ѵ/на
….[п]ρи димитρѣ бѣ
….жѹпанѣ
2.….ѵи гьρьцѣхь…
….[в]ь лѣто ҂ѕ/ѵ/на
….[п]ρи дьимитρѣ бѣ
….жѹпанѣ

Може да се каже, че от епиграфска гледна точка засега Добруджанският надпис от 943 г. и надписите от старобългарския манастир при Мурфатлар (Северна Добруджа) очертават североизточните граници, а Самуиловият поминален надпис от 993 г. и Варошкият надпис от 996 г. – югозападните граници на разпространението на писмеността и грамотността в средновековните български земи.

Манастир до с. Черноглавци, Шуменско.

През 1987 г. до с. Черноглавци (Шуменско) бе предприето проучването на манастир от X в. По време на археологическите проучвания в насипите около храма и принадлежащите му сгради са открити близо 70 надписа с кирилско, глаголическо и гръцко писмо и «рунически» знаци. Сред тях се откроява три надписа, в които са отбелязани годините на тяхното изписване: на св. Кастор – 18 септември 955 г., на Марина – 18 август 959 г.; и на Захари – 6 март 962 г. Особен интерес представлява и един надпис на гръцки, в който е отбелязано, че храмът е осветен на 26 май и е посветен на Пресвета Богородица (ΤΗΣ ΠΑΝΑΓΙΑΣ ΤΕΟΘΟΚΟΥ) (*Попконстантинов, Атанасов*, 1994). Така ска́лата на датираните надписи между Добруджанския надпис от 943 г. и Самуиловия от 993 г. бе попълнена с нови датирани надписи.

Надписът от 6463 (954/955 г.) е врязан твърде грижливо върху каменен блок с размери 0,22×0,25×0,25 м. Височината на буквите варира между 1–3 см (*Балабанов, Тихова*, 2002). От текста на надписа липсват отделни букви в началото на четирите реда, но тяхно възстановяване не представлява трудност (обр. 8).

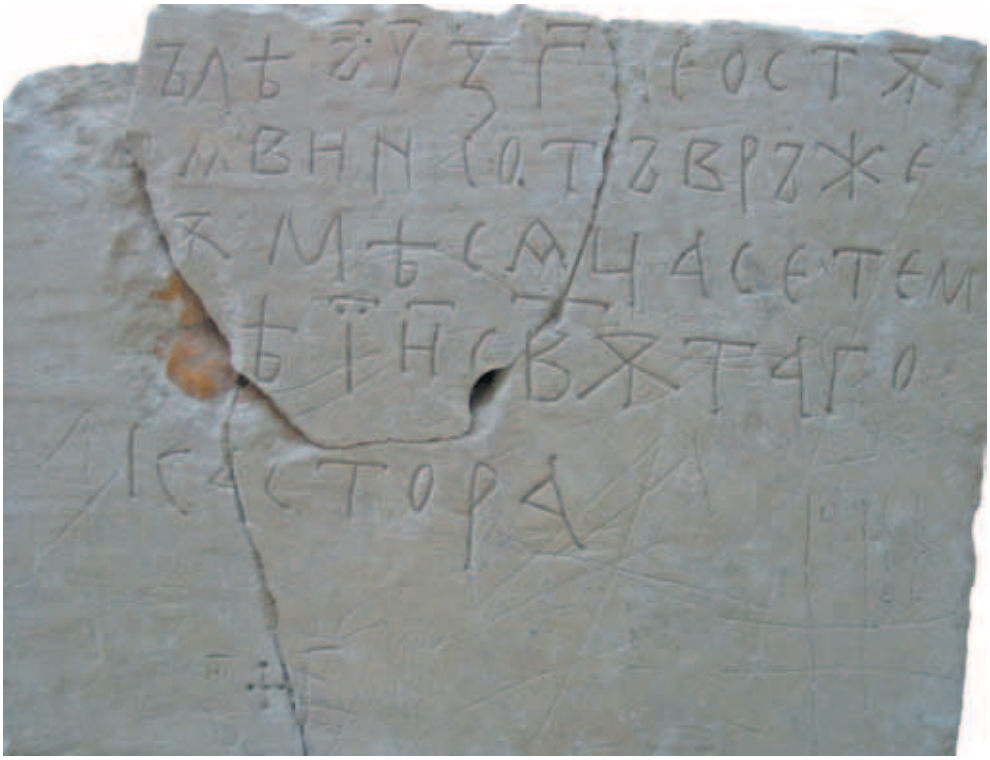
В началото на текста на р. 1 липсва кръстният знак (+), който традиционно се изписва в началото на надписа (*invocatio simbolica*); частично е повредена буквата **в** от предлога **въ**. След възстановяване на липсващите части от текста, той гласи:

+ въ лѣ(то) ҂ѕ/ѵ/ѯг не остѫпѧ вина отъвръжесѫ мѣсѧца сетемврѣ ї/и(свѫ(таго кастора

В превод гласи:

«В годината 6463 (954/955), понеже не се отказа от виното, отрече се от него на 18 септември [в деня] на снети Кастор».

Според Т. Балабанов и М. Тихова смисълът на текста е, че авторът явно е бил почитател на виното, трудно му е било да се откаже от него и отбелязва върху един от камъните в стените на храма, че се отказва от виното, отрича се от него и то в деня на празника на св. Кастор на 18 септември 6463 (954/955 г.). По-вероятно тук в **остѫпѧ** знакът за малка носовка стои вместо етимологична голяма носовка след липсващо



Обр. 8. Датиран надпис от 6463/954/955 г. от с. Черноглавци, Шуменско (фото К. Попконстантинов)

епентетично *л.* Така този надпис в превод добива друг смисъл: «През 6463 г. няма да отстъпя и той ще се откаже от виното на 18 септември на свети Кастор». Вероятно анонимният автор на надписа е отправил тази закана, поради прекаляване с виното към някой от обитателите на имението или манастира.

От тук произхождат още два точно датирани надписа, които е отбелязана смъртта на раба Божия Марина и на раб Божий Захари:

Единият е от: мѣсѧца аѵгѹста ї/и/... лѣ(то) ҂ѕ/ѵ/ѯ/з/ (6467 = 959), е починала раба Божия Марина.

Другият е от: мѣсѧца мартѣ /./...захариа въ лѣ(то/ ҂ѕ/ѵо/ (6470 = 962) е починал Божият раб Захари.

И в трите датирани надписа от Черноглавци за предаване на числата от 11 до 19 е използвана е използвана йонийската система (*Gardthausen,* 1913, 367–372).

Цар Самуилов надпис от 993 г.

Надписът е открит през 1888 г. по време на копаене на основите на новата църква, която се намира непосредствено от западната страна на старата църква в с. Герман. Надписът е бил скрит в гробищата, както отбелязва Й. Иванов, «поради страх от турците, защото тези, които са го открили прочели по нея името на цар Самуила» (*Иванов*, 1970. С. 23; *Попконстантинов*, 2003а). Текстът гласи:

+ в(ъ)нмѧ ѡтьца и съйна и ст/аго дх/ха азъ Самоиⷭ рабъ бж(и) полагаѫ памѧть (ѡтьц)оу и матери и брат(оу н)а кръстѣхъ си(хъ се)имена хсъпъш(ихъ Ни) кола рабъ бжи (Рипѱми)ѣ Дав(ы)дъ написа (же сѧ въ)лѣто отъ сътво (рениꙗ миро) у ѯ/фа/ инъди[къта ./] (6501= 992/993)

Във връзка с отчупената част и реконструирането на текста той отбелязва «…възстановката на липсвалите букви не представлява затруднение, особено сега, когато бидоха обнародвани прибавките към хрониката на Скилица по виенския препис № 74. От тия прибавки узнаваме, че цар Самуил и братята му били синове на мощен комис на име Никола и майка Рипсимия. Името Рипсимия е известно в християнската хагиография» (*Иванов*, 1970. С. 24). В текста **азъ Самоиⷭ рабъ бж(и) полагаѫ памѧть(ѡтьц)оу и матери и брат(оу)** е използван израз, който подсказва, че Самуил е поставил тази надгробна плоча върху гробна камера, в която са препогребани неговите родители и брат му Давид.

Действително, според едни изследователи Самуиловият надпис е надгробен, а според други е възпоменателен или «поменален». За изясняването на този въпрос според мен значение имат размерите на плочата и възпоменателият текст «**азъ Самоиⷭ рабъ бж(и) полагаѫ памѧть (ѡтьц)оу и матери и брат(оу)**» (обр. 9). Така плоча с дължина 1,30 м и ширина 0,67 м не може да бъде използвана за покриване на гроб, в който да бъдат положени телата на трима възрастни. Към тези съображения можем да добавим и размерите на откритите в южния кораб на базиликата Св. Ахили“ в Преспа саркофази, в които са били погребани самият цар Самуил и неговите родственици: саркофаг А е с дължина 2,17 м, ширина 0,95 м, височина 0,59 м, надгробната плоча е с дължина 2,20 м; саркофаг Б е с дължина 2,05 м, ширина 0,81 м, височина 0,59 м, а надгробната плоча е с дължина 2,25 м; саркофаг В, в който е погребан цар Самуил е с дължина 2,05 м, ширина 0,63 м, височина 0,50 м, а надгробната плоча е с дължина 2,25 м (*Муцопулос*, 2007. С. 137–186). Както се вижда, размерите на саркофазите и надгробните им плочи са значително по-големи от надгробната плоча от с. Герман. По всичко изглежда, че тя е била поставена върху гробна камера, в която са били препогребани тленните

Обр. 9. Възпоминателен надпис на цар Самуиловите родители и брат от 6501/ 992/993 г. (фото К. Попконстантинов)

а – общ изглед; *б* – детайл на текста

останки на родителите и брата на Самуил. Чрез врязването на трите кръста символично са представени тримата препогребани и вероятно с по-големия кръст е откроен главата на рода – бащата комит Никола.

Тук е мястото да припомним мнението на Й. Иванов, че «църквата е част от манастир, дето са били оставени на упокоение останките от царските родители и брат» (*Иванов*, 1970. С. 23–25). Ако изказаното от него мнение преди 90 години е било колебливо, то сега получава подкрепа от археологически открития не къде да е, а в столичния Преслав. Става дума за една от гробните камери за препогребване, открита преди няколко години в т. нар. Манастир на Мостич в м. Селище във Външния град на Преслав (*Попконстантинов, Костова*, 2013). Тя е разположена до северната стена на портика пред западния вход на «църквата на Мостич» и представлява зидана тухлена гробна камера (1,72×0,55 м, дълбочина 0,45 м), ориентирана З–И, покрита с каменна плоча от сив местен пясъчник с елипсовидна форма (1,94×0,98 м). Камерата е разделена на две нееднакви отделения от една тухла. Източното отделение е по-малко (0,28×0,55 м) от западното (1,37×0,55 м). В източното отделение бяха открити вторично погребани изтлели костни останки от силно фрагментиран скелет и череп на жена на възраст около 25 г. До северната стена на отделението бе открита вертикално поставена тухла с размери като на тези, с които е градена самата гробната камера (0,33×0,19 м) и с врязан върху нея кирилски надпис (обр. 10).

В западното отделение бяха открити две купчини препогребани кости. Според антропологичното изследване, в източната купчина има фрагменти от череп и скелет на един мъжки индивид на около 25 г. В западната купчина кости са установени останки от запазен череп и отчасти фрагментиран скелет на жена на ок. 30–35 г. и костни останки на пет деца в първа детска възраст съответно на 5 месеца, 1 година и 2 месеца, 1 година и 5 месеца, 2 години и 3 месеца и 2 години и 7 месеца. Костните останки и в двете отделения на гробницата не са били засипани с пръст. Не бяха открити предмети от гробен инвентар.

Текстът върху тухлата е изцяло запазен и гласи:

СЕ ЕСТЬ СѴНКЕЛ
МАТЕР Н СРДОБОЛЖ
ПОГРЕБЛЪ

Значението на **срдоболж** (**срьдоболꙗ**) в нашия надпис е събирателно: роднина, родственици, сродници. Ако се използва това значение на **срдоболж**, прочитът на р. 2 трябва да бъде: **се есть Сѵнкел/ матер и срдоболж/ погреблъ.**

Обр. 10. Гробница (*а*) и възпоминателен надпис (*б*) на майката и родственици на Георги монах и синкел български (Преслав). X в. (фото К. Попконстантинов)

Кой е синкелът, който е извършил препогребването на своите роднини? Седемте печата с легендата «Господи помози твоемоу робоу Георгиѹ]рьньцѹ и сѹнкелѹ блъгарьс(комѹ)» (обр. 11) открити при проучването на комплекса не оставят много място за колебание в идентификацията, а именно че той е синкелът, препогребал майка си и родствениците си в «Църквата на Мостич». Грижата и самочувствието, с което Георги синкел, личен секретар на българския патриарх във втората половина на X в., определя и изгражда вечния дом за своята майка и роднини в манастирската църква в източната част на Външния град на Преслав

Обр. 11. Оловен печат на Георги монах и синкел български. X в. (фото К. Попконстантинов)

а – аверс; *б* – реверс

съответстват на статуса само на един човек имащ отношение към «Манастира на Мостич» и това е неговият основател.

Тези примери от Преслав са достатъчни, за да дадем отговор на въпроса за предназначението на плочата с поминалния надпис от с. Герман. Както вече отбелязах в текста азъ Самоилъ рабъ бж(и) полагаѫ памѧть(ѡтьц)оу и матери и брат(оу) е използван израз, който подсказва, че Самуил е поставил тази надгробна плоча върху гробна камера, в която са препогребани неговите родители и брат му Давид. И тук, както в надписа за препогребаните родственици на Георги синкел в Преслав, е спазена античната традиция, при която имената на няколко покойници погребани в един гроб са свързани с помощта на съюза «и». «В памет» – ‘υπὲρ μνείας се среща в християнски надгробни паметници, в които се отбелязва, че паметта е почетена и засвидетелствена от най-близкия родственик (*Beševliev*, 1964; *Jalabert, Mouterde*, 1955). Най-вероятно тленните останки на родителите и брат му са били препогребани в гробна камера, представителна и добре изградена, за което подсказва мраморната надгробна плоча с инкрустирани кръстове. По всичко изглежда, че това гробно съоръжение е било в старата църква в с. Герман, която би могла да се счита като църква на семейния манастир на комитопулската фамилия. Практика, която въпреки своите специфични проявления, като цяло е била заета от традициите в това отношение сред елита на византийско общество.

Варошки (манастир Св. Архангел) от 996.

Най-близкия до Самуиловия надпис от 993 г. по старинност кирилски паметник произхожда от околности на града Прилеп. Надписът е открит в 1861 г. в стария манастир „Свети Архангел“ при село Варош до Прилеп. Той е врязан върху мраморна колона. В триредовия текст месецът е отбелязан с двойно очертани графеми и украсителни елементи (ф, ., з, ї). Изписването на графемата . неправилно се счита, че е лигатурно съчетание между а, ѵ и ρ. Текстът гласи: въ лѣто ҂ѳфд пѡ҃ аѝрие поп.ъ феѵ з/ї/ (6504 = 996) (*Popkonstantinov, Kronsteiner,* 1994. P. 244–246).

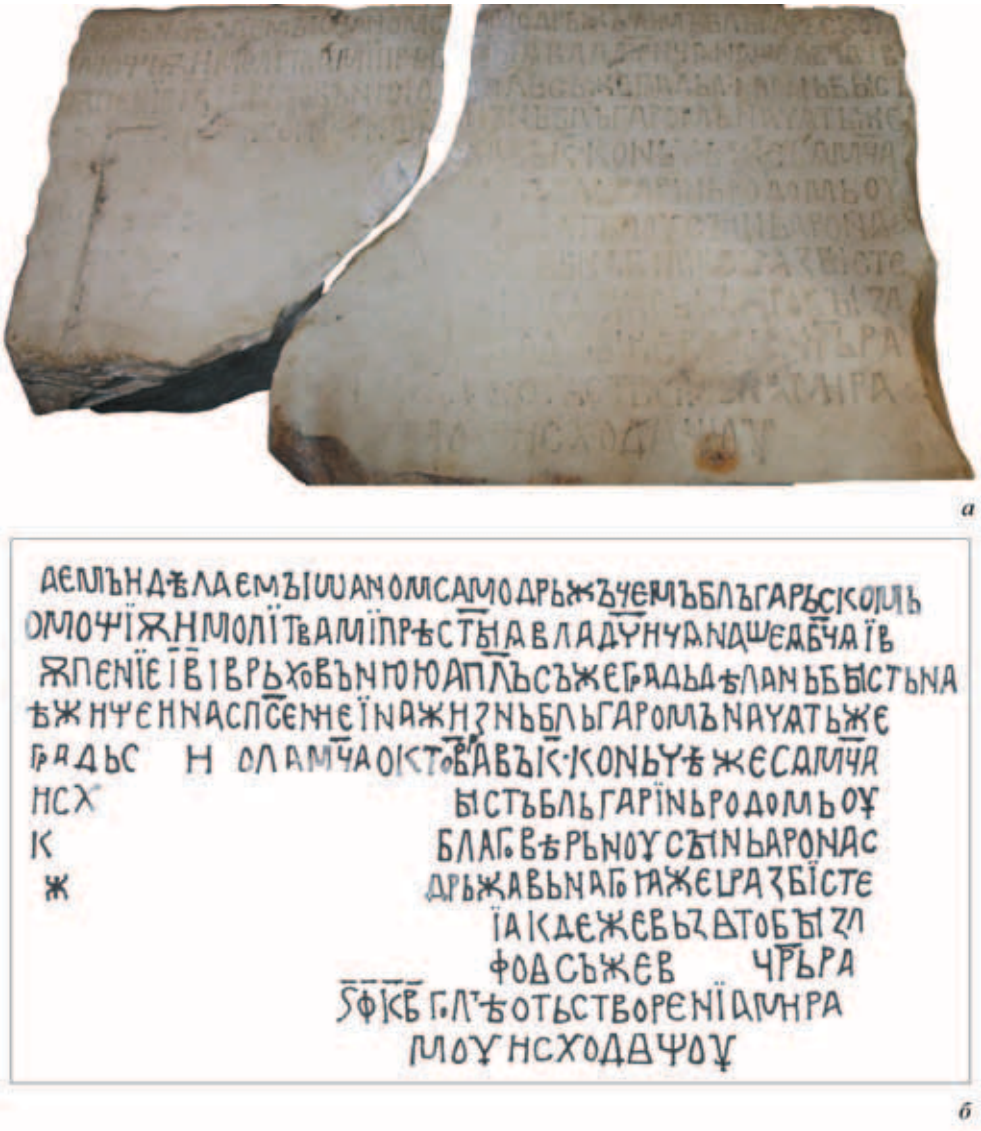
Битолски надпис на Йоан Владислав, самодържец български от 1015/1016 г.

Последен датиран надпис от Първото българско царство е надписът на Йоан Владислав, син на Самуиловия брат Аарон, който управлява до 1018 г., след като е убил в 1015 г. братовчед си Гаврил Радомир в една семейна драма, която остава необяснена. Благодарение на благоустрояването на гр. Битоля в 1956 г. при събарянето на полусрутената вече Чауш джамия е намерена мраморната плоча с дължина 0,92 м, височина 0,98 м и дебелина 15 см с кирилски надпис, преизползван като стъпало. Липсва и първият ред, очукан от съответния строител, защото плочата е била много голяма за стъпало (обр. 12, *а*). Но все пак по-голямата част от надписа се чете и се разбира, че това дело на българския цар Йоан Владислав, син на Самуиловия брат Аарон (обр. 12, *б* –факсимиле).

Текстът на надписа със съответните попълвания предавам по Й. Заимов (*Заимов, Заимова,* 1970. С. 33):

[+Въ лѣто ҂ѕ/ф(/(кв/ лѣто отъ сътворенїа мира обнови сѧ съ градь
зид]аемъ и дѣлаемъ їѡаном самозрьжъцемъ блъгарьско[мь
и пом]ощїѫ г молїтвамї прѣст.ѧ владч҃ицѧ нашеѩ бц҃ѧ ї в[ъ з
аст]ѫпенїе ї҃в ї врьховънюю ап҃лъ съ же градь дѣлань б.ст]ь на
ѹв]ѣжище и на сп҃сение ї нажизнь бльгаромъ начѧть же] [б.
сть] градь с[ь в]и[т]ола м҃ца ок҃товра въ к҃ коньчѣ же сѧ м҃ца...
...исх[одѧща съ сомодрьжъць в].стъ бльгарїнь родомь ѹ[н
ѹ]к[ъ николѧ же ї риѱими]ѧ благовѣрьнѹ сднь арона с[амо
ила ж] ж[е брата сѫща цр҃ѣ самодр]ьжавьнаго ꙗже і развїсте [въщї
понѣ грьчьскѫ воїскѫ цр҃ѣ васїл]їа кде же вьзѧто вд зл[ато]
……фоѧ съ же в...ц҃рь ра[звїе
нь вд цре҃мь васїлїемь] ҂ѕ/ф(/(кв/ лѣто отъ сътворенїа мира
въ ключи ї ѹсъпе лѣтѹ семѹ исходѧщѹ

И от тази достигнала до нас част от запазения текст, както отбелязва в едно свое интервю в. Тъпкова-Заимова, проговорва взиданият дух



а

б

Обр. 12. Битолски надпис на Йоан самодържец български от 6523/ 1015 г.
а – фото (К. Попконстантинов); *б* – препис (Й. Заимов)

«на последния български цар на Първото българско царство Йоан Владислав». Никой летописец не е отбелязал как, след смъртта на Самуил, в средата на неговия род се зараждат неприязнени отношения. Знае се само, че в тази семейна драма Йоан Владислав влиза в царската свита на братовчед си – Самуиловия син и наследник Гаврил Радомир, и го убива по

време на лов. Какви са причините? Нямаме конкретна информация, но известно е, че и новият носител на царския жезъл, т.е. Йоан Владислав, продължава борбата на живот и смърт с прочутия византийски василевс, на когото тогавашните историци прикачили епитета «Българоубиец».

Какво научаваме от Битолския надпис? «Възобнови се тая крепост, зидана и правена от Йоан, самодържец български». Откриването на този изключително важен домашен извор отново раздвижи интереса сред научните среди, както към западната и югозападната част от Първото българско царство, така и към последния цар от комитопулския род, който отново използва оставения му отдих, както съобщава Скилица, и продължава да се бори «за спасението и за живота на българите». «…**съ же градь дѣлань бысть на оубѣжище и на спасение и жизнь бльгаромъ**…» – така пише пък в надписа на Йоан Владислав. Разказът на автора е твърде кратък и на места непълен и не съвсем точен, защото събитията се редуват с голяма бързина и няма възможност да бъде възстановена цялата картина на превзети и загубени селища, на успехи и загуби. Последната надежда на царя е била походът към Адриатика. Българската войска обсажда Драч. Хронистът отбелязва, че българският цар се сражавал «с варварска надменност и високомерие». Така Йоан Владислав се доближава до дързостта на своя чичо Самуил и цар Симеон. Допълнителни сведения за войнствения дух на Йоан Владислав добиваме от описанието на Михаил Псел, който нарича царя «непобедим всеприятел и прехрабър Аарон», и добавя, че «държал на косъм съдбата на „ромейската държава». И продължава своя разказ как Йоан Владислав влиза в единоборство с византийския стратег на Драч, Никита Пигонит, който успява да го прободе с копието си и така царят пада убит.

Така свършва живота на последния български цар, оставя на стените на Битолската крепост надпис на царя самодържец български, за да напомня и в бъдеще за героичната му борба. Йоан Владислав редом със строежа на крепостта, настоява да бъде отбелязано в надписа в качеството си на самодържец български, че строи тази крепост за убежище, за спасение и за живот на българите с «..**помощїѫ и молїтвамї Прѣст.ѧ Влад҃ицѧ нашеѩ Бцѧ**…». Така той освен, че демонстрира, че «**в.стъ бльгарїнь родомь**», но чрез «...**помощїѫ и молїтвамї Прѣст.ѧ Влад҃ицѧ нашеѩ Бцѧ**…» затвърждава и продължава династическата традиция на своите преславски предшественици – царете Симеон и Петър, тъй като Св. Богородица е не само закрилница на Преслав, но и на цар Борисовия род. Ненапразно император Йоан Цимисхи, след като превзема Преслав взема като скъп трофей чудотворната икона на Св. Богородица и чрез този акт десакрализира столицата.

Към тези наблюдения върху текста на надписа, които са убягнали от вниманието на изследователите, ще добавя изводите на Й. Заимов за българския характер на населението, което търси убежище в тази крепост: «… на ѹбѣжище и на сп҃сение ї на жизнь блъгаромъ…». Този неподправен изказ на автора още веднъж илюстрира стремежа на Йоан Владислав да отбележи, «че тук не става дума за българите от източните или югоизточните български области (Мизия и Тракия). Тук става дума за българите от третата българска област – Македония, със столица Битоля, откъдето още продължава борбата с Василий II» (*Заимов, Заимова*, 1970. С. 82–85). Така надписът на Йоан Владислав отхвърля категорично твърдението на някои автори, че неговото потекло, неговият род, неговият произход са арменски. Ако Йоан Владислав и неговият род, потекло, произход не са български, кому и пред кого е необходимо в такъв критичен момент за неговото царство да демонстрира, че е «блъгарїнь родомь»? Едва ли би омилостивил и респектирал византийския император с такъв демонстративен надпис!

От епохата на Първото българско царство епиграфският материал, открит по време на археологически проучвания, вече е достатъчен и с количеството на специфичните си черти е от голямо значение за обясняването на решаващи моменти, отнасящи се до ранната епоха на старобългарския книжовен език, и оттам – за изучаването на културния живот приз IX–XI вв. и разпространението на писмеността и грамотността сред социалните слоеве на населението в средновековна България. Паралелно с това надписите дават и определени сведения за използването не само на кирилската и глаголическата графична система през този период, но и на гръцката, частично латинската, руническата (в княжеските манастири Св. Богородица при Равна, Провадийско и при Варна; отчасти в манастира Св. Богородица при Черноглавци, Шуменско) и новопоявилата се «руноподобна» графична система (в скалния манастир Св. Георги при Мурфатлар, Румъния; Плиска).

Литература

Балабанов Т., Тихова М., 2002. Надписът от 18 септември 6463 г. (954/955 г.) от с. Черноглавци, Шуменско, България // Преславска книжовна школа. Т. 6. С. 58–67.

Бешевлиев В., 1979. Първобългарски надписи. София: Българска АН. 296 с.

Бешевлиев В., 1981. Прабългарски епиграфски паметници. София. 184 с.

Богдан, Д., 1958. Добруджанская надпись 943 года // Romanoslavica. № 1. Р. С. 88–90.

Божилов Ив., 1973. Надписът на жупан Димитър от 943 г. Теории и факти // Изв. на Окръжния исторически музей и Българското историческо дружество. Толбухин. № 1. С. 37–58.

Божилов Ив., 1985. Битолски надпис на Иван Владислав // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. София. С. 196–198.

Гошев Ив., 1961. Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в. София. 196 с.

Гълъбов Ив., 1963. Кирило-Методиевски проблеми и българската археология и епиграфика // Археология. № 2. С. 6–10.

Гълъбов Ив., 1980. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. Част първа. Увод и фонетика. София. 180 с.

*Гюзелев В.,*1968. Добруджанският надпис и събитията в България през 943 г. // Исторически преглед. № 6. С. 40–48.

Заимов Й., Заимова В., 1970. Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български. Старобългарски паметник от 1015–1016 г. София. 160 с.

Иванов И., 1970. Български старини из Македония. Фототипно издание. София: Наука и изкуство. 703 с.

Иванова К., 1983. В началото бе книгата: Книга за старобългарските ръкописи. София: Народна младеж. 191 с.

Константинова В., 1997. Езикови бележки върху текстове от няколко амулета // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен. С. 163–174.

Костова Р., 2005. Скалният манастир при Крепча: още един поглед към монашеските практики в България през X в. // Проф. д. и. н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново. С. 289–305.

Костова Р., 2006. Манастирът «на Мостич» и въпросът за манастирите, основани от частни лица в България през X в. // Изв. на Археологическия институт. № 39. С. 271–287.

Куев К. М., 1979. Съдбата на старобългарските ръкописи чрез векове. София: Наука и изкуство. 238 с.

Латышев В. В., 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб. 196 с.

Липец Р. С., 1969. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука. 300 с.

Медынцева А. А., Попконстантинов К., 1984. Надписи из Кръглой църкви в Преславе. София: Наука и изкуство. 131 с.

Миклас Х., 2005. Какво ни казва графиката за текста и неговия създател // Културните текстове на миналото: носители, символи и идеи. Матер. от Юбилейната междунар. науч. конф. в чест на 60-годишнината на проф. д. и.н. Казимир Попконстантинов. Велико Търново., 29–31 октомври 2003. Кн. 1. София. С. 50–56.

Милтенов Я., 2006. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София. 2006. 325 с.

Миятев Кр., 1932. Кръглата църква в Преслав. София: Държ. печ. 281 с.

Мошин Вл., 1966. Најстарата кирилска епиграфика. Словенска писменост. Охрид. 162 с.

Муцопулос Н., 2007. Базиликата «Св. Ахилий» в Преспа. Един исторически паметник – светиня. Пловдив. 231 с.

Петканова Д., 1981. Апокрифи / Състав., ред., превод Д. Петканова. София. С. 303–314

Попконстантинов К., 1977. Два старобългарски надписа от скалния манастир при Крепча, Търговищки окръг // Археология. № 3. С. 17–24.

Попконстантинов К., 1980. Два старобългарски надписа от Преслав // Векове. № 4. С. 26–31.

Попконстантинов К., 1982а. За глаголическите надписи от X в. // Археология. 24. № 2. С. 27–38.

Попконстантинов К., 1982б. За четенето и тълкуването на надписа от с. Цар Асен, Силистренско // Археология. 24. № 3–4. С. 43–50.

Попконстантинов К., 1983. За надписите с «дата» от скалния манастир при Мурфатлар // Преслав. Т. 3. София. 1983. С. 153–149.

Попконстантинов К., 1984. Старобългарската епиграфика през последните десет години (1974–1984) // Археология. № 4. С. 36–38.

Попконстантинов К., 1985. Разпространение на старобългарската писменост IX–XI вв. (По епиграфски данни) // Старобългарска литература. С. 39–70.

Попконстантинов К., 1987. Глаголическата писмена традиция в средновековна България през IX–X в. (по епиграфски данни) // Кирило-Методиевски студии. Кн. 4. София. С. 274–283.

Попконстантинов К., 1993. Рунически надписи от Средновековна България // Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на професор Веселин Бешевлиев. Велико Търново. С. 141–165.

Попконстантинов К., 1997. Молитва против нежит върху амулети от X в. от Пъкуйул луи Соаре // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 6. Велико Търново. С. 123–129.

Попконстантинов К., 1999. Към въпроса за отшелническите практики в България през X век: Светият отец Антони от Крепча и Св. Йоан Рилски // Светогорска обител Зограф. III. София. С. 83–89.

Попконстантинов К., 2000. Два средновековни амулета от Добруджа // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 6. Велико Търново. С. 181–187.

Попконстантинов К., 2002. Оловен амулет с апокрифен текст от Варненския музей // Търновска книжовна школа. Т. 7. Велико Търново. С. 283–287.

Попконстантинов К., 2003а. Самуилов надпис // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 3. София. С. 529–531.

Попконстантинов К., 2003б. Оловен амулет с кирилско и глаголическо писмо // Палеославика, лексикология, лексикография. Тез. международной конф., посвященной памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002. М. С. 52–53.

Попконстантинов К., 2004. Кирилица и глаголица срещу дявола, или още един оловен амулет от X в. // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 27. № 4. С. 69–76.

Попконстантинов К., 2006. Оловен амулет палимпсест с глаголико-кирилски текст // Тангра. Сб. в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София. С. 311–331.

Попконстантинов К., Атанасов Г., 1994. За два надписа от манастира при Черноглавци, Шуменско // Епохи. № 4. С. 105–110.

Попконстантинов К., Константинова В., 1995. Оловни пластини с надписи // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. София. С. 850–853.

Попконстантинов К., Костова Р., 2013. Манастирът на Георги, Синкел български в Преслав: историята на една българска аристократична фамилия от X в. // Преслав. № 7. С. 44–62.

Попконстантинов К., Миклас Х., 2009. Оловен амулет с глаголически текст // Сб. в чест на 60 годишнината на Светлина Николова. София. С. 385–398. (Кирило-Методиевски студии. Кн. 18).

Попконстантинов К., Плетньов В., Костова Р., 2005. Манастирите при Равна и Караачтеке до Варна в манастирската география на България през IX–X в. // Българските земи през средновековието VII–XVIII в. Междунар. конф. в чест на проф. Ал. Кузев. Варна. С. 107–121. (Acta Musei Varnaensis III-2).

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука. 48 с.

Шкорпил К., 1914. Опис на старините по течението на р. Русенски Лом. София. 202 с.

Beševliev V., 1964. Spätgrechische und spätlateinishe Inschriften aus Bulgarien. Berlin. № 96.

Gardthausen V., 1913. Griechische Palaeographie. Zweiter Band: Die Schrift, Unterschriften, und Chronologie im Altertum und im byzantinischen Mittelalter. Leipzig: Veit & Comp. Mit 35 Fig. und 12 Taf.

Jalabert L., Mouterde R., 1955. Inscription grecques et latines de la Syrie. T. 4. Paris. № 1636.

Miklas H., 1988. Zur Struktur des kyrillisch-altkirchenslavischen (altbulgarischen) Schriftsystems // Palaeobulgarica. XII. № 3. S. 52–65.

Popkonstantinov K., 1986. Die Inschriften des Felsklosters Murfatlar // Die Slawischen Sprachen. № 10. S. 77–106.

Popkonstantinov K., 1987. Les inscriptions du monastére rupestre prés du village Murfatlar (Basarab) // Dobrudža. Sofia. P. 115–146.

Popkonstantinov K., 1988. Traditionen von Kyrill und Methodius im altbulgarischen Literatur- und Ausbildungszentrum des 9. und 10. Jarhunderts beim Dorf Ravna (nach epigraphischen Angaben) // Selecta Slavica № 13. Neuried. Symposium Methodianum. München. S. 487–517.

Popkonstantinov K., 1999. The Letter of Abgar on a Tenth-Century Amulet // Ars Philologica. Festshrift Baldur Panzer. Wien. S. 649–654.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., 1994. Altbulgarishe Inschriften. I. Salzburg – Wien. 263 s. (Die Slawischen Sprachen. 36).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.398-408

Т. В. Рождественская
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

О надписях на свитках в композиции «Служба святых отцов» в росписи церкви Успения пресвятой Богородицы на Волотовом поле в Новгороде*

В своей монографии 2000 г. «Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века» Альбина Александровна Медынцева выделила раздел «Надписи на мозаиках и фресках, каменная резьба», в котором отмечала, что надписи на фресках «до сих пор не привлекали особого внимания ни палеографов, ни специалистов по эпиграфике» и что «большинство фресковых надписей еще ждет специального исследования, сравнения их начертаний с рукописями и памятниками эпиграфики» (*Медынцева*, 2000. С. 216). В последние годы появилось несколько работ, посвященных надписям в составе живописных композиций древнерусских храмов, в которых анализируются не только палеографические и графико-орфографические черты этих текстов, помогающие определить степень следования мастеров церковнославянским образцам и выявить «регионализмы», свойственные участникам живописной артели (*Рождественская*, 2000; 2006а; 2006б; 2015; 2018), но и ставятся текстологические проблемы (*Бобрик*, 2018а; 2018б; 2019). Поскольку фресковые надписи на свитках пророков и святителей представляют собой библейские цитаты, использующиеся в богослужении, то не менее актуальной остается задача их текстологического изучения.

Предметом нашего анализа послужили несколько текстов в составе композиции «Служба святых отцов» знаменитой росписи новгородской церкви Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле, построенной, согласно летописным источникам, по заказу новгородского епископа

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН

Моисея в 1352–1353 гг.[1]. Как известно, храм был почти полностью разрушен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., на отдельных уцелевших участках интерьера сохранились лишь фрагменты живописи. В 1989 г. Г. И. Вздорнов опубликовал материалы исследований и фотографии волотовских фресок, полученные в 1909–1910 гг. экспедицией по изучению и сохранению волотовской росписи, организованной Императорской Археологической комиссией (*Вздорнов*, 1989. Документация). В результате реставрационных работ 1990–2003 гг. памятник восстановили, но бóльшая часть росписи сохранилась лишь во фрагментах, работа по составлению которых в целые композиции ведется в Центре реставрации монументальной живописи НГОМЗ под руководством Т. И. Анисимовой.

Композиция «Служба святых отцов» располагалась в нижней части алтарной ниши и относится к первому слою живописи, датируемому 1363 г. (*Вздорнов*, 1989. С. 102–103), который позже, в конце XIV в., был перекрыт вторым слоем. Фигуры Иоанна Златоуста и Василия Великого по сторонам двух ангелов у престола изображены со свитками в руках. В надписях на свитках цитируются начало молитвы оглашенных из литургии Иоанна Златоуста, читаемой после входа в алтарь, и начало молитвы о даровании Благодати верным из литургии Василия Великого (*Вздорнов*, 1989. С. 98). Следует учитывать то обстоятельство, что цитируемые тексты должны были быть вписаны в пространство свитков, соотнесенных по масштабу с изображенными фигурами, поэтому они обычно подвергались компрессии, писцы использовали лигатуры и выносные буквы. Определенная «декоративность» почерков объясняется, помимо стилистических приемов, и этими прагматическими причинами. Что касается характеристики почерков надписей по фотографиям, опубликованным Г. И. Вздорновым в Документации, то Г. И. Вздорнов приводит мнение А. А. Зализняка, который, не касаясь палеографии, отмечал наличие ряда диалектных черт, так называемых новгородизмов, имеющих аналогии в берестяных грамотах, и пришел к выводу, что «волотовские надписи писаны без большой заботы об орфографии и прочей точности: в книгах этого времени обычно писали в этом смысле куда более тщательно и последовательно» (*Вздорнов*, 1989. С. 93).

Важной задачей в изучении подобных текстов в составе живописных композиций является соотнесение их, насколько позволяют источники,

[1] «В лѣто 6860 … Того же лѣта постави владыка Моиси церковь камену въ имя святыя Богородица Успение на Волотовѣ» (НПЛ, 1950. С. 362).

с рукописной литургической традицией. В истории славянского богослужения и церковнославянского языка XIV в. ознаменован появлением на Руси правленых южнославянских редакций богослужебных текстов (Афонской, Чудовской, Евфимиевской, Киприановской), связанных с церковными реформами. Как показала Т. И. Афанасьева в своем фундаментальном исследовании литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской рукописной традиции (*Афанасьева*, 2015), «в XIV в. складываются новые редакции литургий, этапы их составления и языковые особенности совпадают с Афонской редакцией Евангелия, Апостола, служебных миней, Триоди», а в правленых редакциях литургий, появившихся на Руси в конце XIV в. «разные древнеболгарские переводы смешивались и возникали сводные чинопоследования. Особенно это характерно для новгородской традиции XIV в.» (*Афанасьева*, 2015. С. 283–286). Поэтому задача соотнесения фресковых богослужебных надписей с той или иной правленой редакцией крайне сложна в силу краткости и зачастую фрагментарности сохранившихся текстов. Однако такие попытки не лишены оснований: они могут способствовать решению вопроса о времени появления в Новгороде новых правленых редакций литургий и об их использовании в богослужебной практике. Ниже приводим надписи на свитках волотовской фрески «Службы святых отцов» по опубликованным Г. И. Вздорновым фотографиям в сопоставлении с текстами изданного Т. И. Афанасьевой сербского Служебника из Российской Национальной библиотеки, Погодинское собрание, 37, далее Погод.37 (*Афанасьева*, 2015. С. 295–354). Рукопись датируется исследовательницей первой третью XIV в., написана писцом-каллиграфом Симеоном на Афоне (в Карейской келии Хиландарского монастыря), где проходила правка текстов. Публикуя тексты литургий, Т. И. Афанасьева аргументирует выбор для публикации наиболее авторитетного текста Афонской редакции тем, что «рукопись Погод.37 является единственной, где текст литургии практически не содержит уставных замечаний. Поэтому она дает возможность представить только сакральный текст, произносившийся священником и дьяконом, лишенный вкраплений неевхологического характера» (*Афанасьева*, 2015. С. 289).

1. Волотово. Надпись на свитке Иоанна Златоуста[2] (рис. 1; 2):

г(с҃)и бе҃ на(ш҃) \живыи\ на высо\ки(х҃) на смѣ\ренъıіа прі\ѕираіа (*Вздорнов*, 1989. 74А.14). Лигатуры **м + ѣ, н + ъı, п + р**.

[2] Тексты воспроизводятся с нашими уточнениями, с разделением на слова; выносные буквы под титлом ставятся в строку в круглых скобках с титлом над ними, восстанавливаемые по смыслу буквы заключаются в квадратные скобки. Косой чертой обозначаются концы строк.

Рис. 1. Иоанн Златоуст (по: *Вздорнов*, 1989. Документация. «Служба святых отцов». 74А.10)

Рис. 2. Иоанн Златоуст. Фрагмент (по: *Вздорнов,* 1989. Документация. «Служба святых отцов». 74А.11)

Текст воспроизводит слова из молитвы оглашенных на Литургии Иоанна Златоуста.

Служебник Погод.37[3]:

М(о҃) о ѡглашены(х) прѣжде ст҃го вьꙁношенїа. Гн҃и бе҃ нашь иже на высѡкыхь живыи . и на смѣренаа приꙁираѥ . иже сп҃сенїѥ родоу чл҃чьскомоу пославь ѥдинороднааго сн҃а твоѥго и б҃а, г҃а нашего і҃и х҃а . приꙁри на рабы твоѥ оглашеныѥ (С. 289).

2. Волотово. Надпись на свитке Василия Великого (рис. 3; 4):

иꙁрѧдно\ ѡ прест҃ѣі\ ѡ пречт҃ѣі\ ѡ прбл҃госл(о)\ вленѣи\ вл(д҃)чцѣ наше(и)\ (б҃цѣ) (*Вздорнов*, 1989. 74А.12). Лигатуры: **п + р, л + г (прбл҃госл(о)\ вленѣи)**.

Текст ирмоса из канона Косьмы Маюмского на Сретение.

Служебник Погод.37: **Иꙁреднѡ прѣст҃ѣи ч(с҃)тѣи и прѣбл(с҃)вленѣи вл(д)чци нашеи бц҃и приснодв҃ѣи марїи** (С. 340).

Надписи на свитках других святителей относятся ко второму, основному, слою живописи, который датируется более поздним временем – концом XIV в. (*Вздорнов*, 1989. С. 103). Два святителя слева от фигуры Иоанна Златоуста держат в руках свитки, на свитке крайнего слева святителя цитируется начало молитвы Трисвятому из литургии Василия Великого, продолжение этого текста читается на свитках в руках святителя в кресчатом клобуке, далее текст переходит на свиток первого святителя справа от фигуры правого ангела у престола, окончание текста – на свитке последнего епископа справа.

Г.И. Вздорнов отмечает, что на верхней обрамляющей рамке композиции сохранялись «остатки надписи, но не сплошной, а шестью небольшими отрезками, три из которых приходились на левую часть фрески и три на правую» (*Вздорнов*, 1989. С. 74В).

3. Волотово. Два фрагмента надписи слева:

+ оутвержениѥ на тѧ надеющ

Два фрагмента надписи справа:

ц҃квью юже стѧжа

Цитата из канона Космы Маюмского на Сретение Господне, начало иромоса третьей песни: утвержение на тя надеющ (ихся) утверди, Господи, ц (ер)к (о)вью (своею) юже стяжа (честною своею кровию).

Служебник Погод.37: **помѣни г҃и ст҃оую свою сьборноую и апл(с҃)коую цр҃квь. ѿ коньць до коньць вселеныѥ и оумири ю . юже стежа ч(с҃)тною крьвию х҃а твоего . и ч(с҃)тныи храмь съ оутврьди до кончины вѣка** (С. 341).

[3] В скобках указываются номера страниц по изданию Т.И. Афанасьевой.

Рис. 3. Василий Великий (по: *Вздорнов*, 1989. Документация. «Служба святых отцов». 74А.16)

Рис. 4. Василий Великий. Фрагмент (по: *Вздорнов*, 1989. Документация. «Служба святых отцов». 74А.12)

4. Волотово. Надпись на свитке крайнего святителя слева от фигуры Иоанна Златоуста:

..же ст҃і\и почива\іа въ ст҃х\ъ иже тр\е҃стмь гл\асомь ѿ\ серафим\ъ въспѣ\ ваѥмъі\и и ѿ хе\роуви\ма сла

Литатуры: **т +р, м +ъ** (**тре҃стмъ**).

Цитата из молитвы Трисвятому на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого, текст продолжается на свитках 5–8:

5. Волотово. Надпись на свитке святителя в кресчатом клобуке, продолжающая предыдущий текст:

и ѿ всѧ\коіа н҃б\нъіа\силы\покла\нѧѥм\ъіи при\ ... ды\... с

Лигатура: **п+р+и**

6. Волотово. Надпись, продолжающая текст, на свитке первого святителя справа:

ъіи на(с҃) с\мѣ[р]ены

7. Волотово. Надпись на свитке второго святителя справа:

рабъ своих\ъ въ ча(с) си\и стати пред(ъ)\славою ст҃го\твоюго жер\твьника и дъ\лжьною тобе\поклананиѥ\и славослови\ѥ прин...

Лигатуры: **т +и(стати), п+р (прѣд, прин..), а+н (поклананиѥ),**

8. Волотово. Надпись на свитке последнего епископа справа:

ты вл(д)ко\прими ѿ оус\тъ на(с) грѣш\ьныхъ тре\ст҃оую пѣ(с)\ї посѣти на(с)\бл҃гостью\своюю\ї прости нам\ъ всако...

Лигатуры: **м+и (прими), т+р (тре\ст҃оую), п+р, т+и (прости), а+м(намъ).**

В целом виде на свитках читается текст: [**Бо]же с(вѧ)ті\и почива\ıа въ с(вѧ)т(ы)х\ъ иже тр\(ес(вѧ)т(ы)мь гл\асомь ѿ\ серафим\ъ въспѣ\ваюмы\и и ѿ хе\роуви\м сла\[вимыи] и ѿ всѧ\коıа н(е)б(ес)\нъıа\силы\покла\нѧюм\ыи при\[ве]ды\и [...][4] на(с) с\мѣ[р]ены[хъ] рабъ своих\ъ въ ча(с) си\и стати пред(ъ)\славою с(вѧ)т(а)го\твоюго жер\твьника и дъ\лжьною тобе\поклананиѥ\и славослови\ѥ прин[носити] ты вл(а)(ды)ко\прими ѿ оус\тъ на(с) грѣш\ьныхъ тре\с(вѧ)т҃оую пѣ(с)(нь)\ї посѣти на(с)\бл(а)гостью\своюю\ї прости нам\ъ всако [прегрѣшениѥ]**

Служебник Погод.37:

Бж҃е ст҃ыи иже вь ст҃хь почиваѥ . иже трьс҃тымь гласѡ(м) ѿ серафимь вьспѣваюмыи . ѿ хероувимь славословимыи. и всакоѥ нб҃сныѥ силы покланıаюмыи . иже ѿ небытııа вь бытиѥ приведь всачьскаа сьꙁдавыи чл҃ка

по ѡбраꙁоу своюмоу҃ и по подѡбию . и всѣми даровании твоими оукрасивь. и даѥ просещомоу прѣмоудрѡсть и раꙁоумь . и не преꙁре сьгрѣшающааго . нь положивь на сп҃сениѥ покаанию . спо(д)бивыи на(с) смѣреныхь и недостоиныхь рабъ твоихь . вь ча(с) сии стати прѣдь славою ст҃го твоюго жртьвника . и дльжною тебѣ покланѧниѥ и славослословие приносити . ты вл(д)ко приими ѿ оустъ на(с) грѣшныхь, тръс҃тоую пѣснь . и посѣти на(с) благостию твою . прости намь всако прѣгрѣшениѥ (С. 299).

Этот текст был крайне популярен в надписях на свитках святителей в росписях южнославянских храмов – в Болгарии и Сербии. Так, Христо Андреев, публикуя надпись на свитке св. Григория Неокесарийского в церкви в с. Ръждавица, Кюстендилско (вторая половина XIV в.), представляющий начало молитвы Тресвятому: +**Бж҃е ст҃ыи въ ст҃ыхъ почиваѧ иже тръстымъ гласъмъ ѿ сера**… приводит многочисленные параллели этой литургической цитаты в росписях второй половины XIV в. церкви пресв. Богородицы в Студенице, церкви Св. Троицы в Сопочанах,

[4] Лакуна в тексте объясняется утратой букв на свитке следующего епископа (*Вздорнов*, 1989. 74В).

Благовещенской церкви в Грачаницах, в храмах Дечан, церкви Св. Константина и Елены в Охриде, а также указывает параллели в служебниках, которые отразили уже Евфимиевскую редакцию текстов (*Андреев*, 2002. С. 58–59). В другой части славянского мира, на Северо-Западе Руси на протяжении XIV в., как показала Т. И. Афанасьева, шло формирование новой, оригинальной литургической традиции, которая стремилась «сохранить вышедшие из употребления древние молитвы и использовать их в новой функции» (*Афанасьева*, 2015. С. 137). Сопоставление волотовских текстов на свитках с текстами афонской редакции, представленной в Служебнике Погод.37, позволяет поставить вопрос о ее возможном использовании мастерами-живописцами, однако пока он остается открытым – слишком мал объем материала. Вопрос же о том, когда и как используются разные правленые редакции не только мастерами-живописцами в Новгороде, но и в других храмах Древней Руси, может решаться только при изучении совокупности всех сохранившихся в оригинале или в виде фотографий и копий «настенных» текстов XIV–XV вв. в контексте их рукописной богослужебной традиции.

Литература

Андреев Х., 2002. Надписи от средновековната церква при с. Ръждавица, Кюстендилско // Palaeobulgarica\Старобългаристика. XXVI (2002), 3. С. 56–72.

Афанасьева Т. И., 2015. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). СПб. – М.: РФСОН. 448 с. (Исторические источники).

Бобрик М. А., 2018а. Возвращаясь к надписи на Алексеевском кресте: что значит ОБЩЕЕ ЛѢТО? // Русский язык в научном освещении. Т. 36. № 2. С. 111–122.

Бобрик М. А., 2018б. Греческая надпись на свитке Иоанна Предтечи в церкви Спаса на Нередице // Slověne. Т. 7. № 1. С. 27–40.

Бобрик М. А., 2019. Надпись в куполе церкви Спаса на Ильине улице: Стратегия цитирования Библии, прагматика, язык // Die Welt der Slaven. Heft 2. S. 281–298 (в печати).

Вздорнов Г. И., 1989. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство. 343 с.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука. 290 с.

НПЛ / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова]. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.; 5 л. илл.

Рождественская Т. В., 2000. Надписи на фресках Спаса на Нередице: графика и орфография // Новгородский исторический сборник. 8 (18). СПб. С. 30–35.

Рождественская Т. В., 2006а. К проблеме лингвистического изучения славянских библейских текстов в храмах Древней Руси // 5-th International Hilandar Conference / 5. Мehународна Хиландарска конференција. Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries. Љубав према образованьу и вера у Бога у православним манастирима. Selected proceedings. Зб. изабраних радова. I. Рашка школа. Resource Center for Medieval Slavic Studies. The Ohio State University. Београд: Columbus. С. 171–179.

Рождественская Т. В., 2006б. О датировке надписи на ктиторской фреске в церкви Спаса Преображения на Нередице в Новгороде // Славистика: Синхрония и диахрония: Сб. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. М. С. 439–457.

Рождественская Т. В., 2015. К филологическому изучению надписей на фресках в храмах Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (61). С. 151–152.

Рождественская Т. В., 2018. О библейских и литургических текстах в храмовой живописи средневековой Руси // Материалы XXII чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII». Вып. 2. СПб.: Наука. С. 1170–1178.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.409-430

Вл. В. Седов
Институт археологии РАН, Москва

Аркатурно-колончатые пояса Успенского собора в Ростове начала XIII века и проблема новой волны романского влияния

Успенский собор в Ростове был впервые построен в камне при князе Андрее Боголюбском. Известие об этом строительстве сохранилось в Никоновской летописи под 6670 (1172) г., где рассказывается об уничтожении пожаром предыдущего дубового собора и о том, как князь Андрей Юрьевич «повелѣ созидати церковь камену во имя святыа Богородици Успенія на томъ же мѣстѣ погорѣвшіа церкви, и начаша копати рвы… Егда же по времени совръшиша церьковь камену во градѣ Ростовѣ на мѣстѣ погорѣвшіа церкви повелѣніемъ благочестиваго господина князя Андрѣа Юрьева сына Долгорукаго, и поставиша въ ней въ рацѣ в стѣнѣ мощи блаженнаго Леонтіа епископа Ростовскаго чюдотвороца, идеже и нынѣ лежатъ, и устроиша свѣщи велики у гроба его» (ПСРЛ. Т. IX. С. 230). Точнее датирует строительство собора Тверская летопись, сообщающая о его закладке князем Андреем в 1161 г. и окончании (освящении) в 1162 г. (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 233, 234–235).

Этот первый каменный храм Ростова через какое-то время рухнул, и взамен упавшего князь Константин Всеволодович в 1213 г. заложил новый каменный собор: «В лѣт(о) 6721. Х(ри)с(то)любивыи кнѧз(ь) Костянтинъ заложи ц(е)рк(о)вь с(вя)тую Б(огороди)цю на первѣмь мѣстѣ падшаѩ ц(е)ркве м(еся)ца април(я) въ 25 на памят(ь) с(вя)т(о)го Марка еуа(н)г(е)листа» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 437). Новый, второй каменный Успенский собор Ростова украшали долго, а потому великое освящение этого храма было устроено только в 1231 г., но это связано, видимо, именно с дополнительными работами, проведенными по инициативе епископа Кирилла, который устроил и новые иконы, и киоты, и новые ткани на алтаре (индития), и новые священные сосуды и рипиды, и монументальные двери с юга (Златые) (ПСРЛ. Т. I. Стб. 458–459). Так что строительство самого храма и его архитектуру следует относить ко времени после 1213 г., то есть к первой половине – середине 1210-х или

просто к 1210-м годам; однако не исключено, что некоторые части фасадного декора могли быть доделаны и после, так что пока широкая дата 1213–1231 гг. остается.

Успенский собор Андрея Боголюбского изучал Н. Н. Воронин, который датировал его 1161–1162 гг. и пришел к выводу, что существующий храм начала XVI столетия стоит на остатках стен соборов 1161–1162 и 1213–1231 гг. Это значит, что и первый собор был крупным «шестистолпным» (четырехстолпным с нартексом) храмом. От первого сохранился фрагмент, аркосолий епископа Леонтия, но от этого собора почти не осталось белокаменных деталей, за исключением консоли под аркатурно-колончатым фризом с расширяющимся кверху основанием и прямоугольным плинтом сверху. Эта консоль подобна консолям храма и его башни в Боголюбове и консолям Успенского собора во Владимире 1158–1160 гг., что позволило сделать вывод о сооружении собора в Ростове теми же мастерами, что построили для князя Андрея Боголюбского названные выше сооружения (*Воронин*, 1961. С. 187–196).

Об Успенском соборе князя Константина Всеволодовича, 1213 г., Н. Н. Воронину было известно не очень много. Помимо совпадения размеров храмов середины XII и начала XIII в. и отсутствия внутренних лопаток, ученый отмечает фрагмент цоколя с сильным выносом полувала, подобным профилю цоколя Суздальского собора 1222–1225 гг., а также бронзовые львиные маски врат собора и каменный блок с фрагментом пояса с плетенкой (*Воронин*, 1962. С. 55–58).

В Успенском соборе Ростова и вокруг него в 1992–1994 гг. А. Е. Леонтьевым, О. М. Иоаннисяном, П. Л. Зыковым и Е. Н. Торшиным были проведены довольно обширные археологические раскопки, позволившие существенно расширить представление о памятнике. Результаты этих работ отражены в обобщающей статье, в которой большое место уделено сведениям, полученным об Успенском соборе 1213–1231 гг. (*Иоаннисян и др.*, 1994. С. 201–217). В процессе раскопок выяснилось, что собор начала XIII в. был «шестистолпным» (четырехстолпным с нартексом) и дополнен притворами с трех сторон. У стен нынешнего собора были обнаружены упавшие вовне блоки и целые части стен храма начала XIII в., среди которых встретились большой фрагмент стены средней и южной абсид и часть северной стены. На южной абсиде сохранился аркатурно-колончатый пояс (блоки от него были легко собраны в композиции по окончании расчистки фрагмента стены) с колонками, лишенными резьбы; была опубликована его реконструкция (*Иоаннисян и др.*, 1994. С. 210–212).

Данные раскопок отражены в нескольких отчетах. В отчете за 1992 г. содержатся сведения о траншеях у собора; здесь представлены важнейшие данные об аркатурно-колончатом поясе, впервые открытом в этом году (*Леонтьев*, 1992). В отчетах за 1993–1994 гг. также идет речь о раскопках внутри собора и с внешней стороны его стен (*Леонтьев*, 1993а; *Иоаннисян, Торшин, Зыков*, 1994). В них нет данных об убранстве и членениях фасадов собора.

В процессе раскопок 1992–1994 гг. было собрано очень много материала, который заслуживает подробнейшей публикации. В этой работе мы хотим остановиться только на трех взаимосвязанных темах: форме аркатурно-колончатого пояса северной стены Успенского собора 1213–1231 гг., заложенного при князе Константине Всеволодовиче (умер в 1218 г.) и оконченного при его сыне, князе Васильке Константиновиче; форме аркатурно-колончатого пояса на абсидах этого же собора; и форме арочек этой второй аркатуры.

Как уже было сказано, важнейший материал, касающийся темы фасадного убранства собора XIII в., содержится в отчете А. Е. Леонтьева за 1992 г. У северо-западного угла существующего собора при исследовании участка 21А длинной траншеей был открыт горизонт разрушения белокаменного храма XIII в. Приведем сведения автора раскопок из отчета: «…сохранилось несколько ушедших в землю при падении камней северо-западного угла (?) здания»; «несколько уцелевших белокаменных блоков были обнаружены при выемке грунта»; «В восточной оконечности участка была зафиксирована упорядоченная белокаменная кладка упавшей стены, после чего работы были приостановлены и начата ее расчистка на территории, прилегающей со стороны собора (с юга) к уч. 22А. … При окончательной расчистке выяснилось следующее. Разобранная в древности упавшая стена на исследованном участке сохранилась на 5,5 м. Восстанавливается 15 рядов прежней кладки, однако положение большинства из них фиксируется лишь по единичным сохранившимся камням. Некоторые блоки смещены, среди них встречаются крупные обломки туфа, использовавшиеся в забутовке стены. Наиболее полно сохранился ряд консолей под базы колонок, с перемежающимися камнями кладки. В продолжение той же линии к востоку от кладки расчищены три отдельные сохранившиеся во фрагментах колонки. Соответствовавшие им блоки кладки были сняты в древности при разборке стены. “Шаг” – расстояние между продольными осями колонок составляет 0,45 м, высота колонок 0,55 м, ширина в средней части 0,15 м, в торцах 0,12 м. Еще одна колонка, ушедшая при падении

в землю, сохранилась под блоками стены. При фиксации камни стены были пронумерованы, вынуты на поверхность и обмерены. Помимо гладких блоков стены сохранились нижние и верхние консоли под базы и капители колонок, арочка, блок поребрика и откосы» (*Леонтьев*, 1992. С. 39–41). Отчет подробно иллюстрирован, в нем даны обмеры отдельных блоков и реконструкция участка кладки. Кроме того, А. Е. Леонтьев предоставил в наше распоряжение как оригиналы чертежей с обмерами, так и фотографии и чертеж с реконструкцией участка фасада.

А. Е. Леонтьев опубликовал результаты работ 1992 г. в отдельной статье, в которой говорит о трех открытых участках северной стены и участках всех трех абсид; автор описывает систему кладки (с забутовкой и двумя рядами квадров), говорит о дробности членения «колончатого фриза» собора и небольших размерах составляющих его частей и чуть меньших размерах аркатурно-колончатого пояса абсид (*Леонтьев*, 1993б. С. 164–165).

От аркатурно-колончатого пояса северного фасада Успенского собора начала XIII в. осталось довольно много фрагментов, что позволило А. Е. Леонтьеву осуществить реконструкцию его отрезка. Данная часть кладки (речь идет только об определяющих, формирующих блоках) состоит из пяти видов блоков, вместе складывающихся в аркатурно-колончатую композицию. Это консольные выносы с круглыми базами колонок, фусты самих колонок (рис. 1), капители с валиками под ними, двухуступчатыми арочками от капители к капители (рис. 2) и, наконец, поребриком (рис. 3). Все вместе они складываются в композицию, в целом близкую к тому, что мы видим в памятниках Владимиро-Суздальской архитектуры середины – второй половины XII в. (Боголюбово, церковь Покрова на Нерли, Успенский собор с частями середины XII в. и частями конца XII в. и Дмитриевский собор), но отличающуюся от подобных охватывающих здание рядов тем, что колонки на северном фасаде Успенского собора в Ростове очень короткие и как будто намеренно раздутые чуть ниже середины, то есть с очень сильным энтазисом (рис. 4).

Эти формы, немного нарочитые, как будто даже утрированные, соотносятся с формами приведенных выше аркатурно-колончатых поясов как следствие по отношению к причине или как производная к какому-то числу. Было ли это результатом внутренней эволюции, мы сказать не беремся, но хотим отметить, что в истории аркатурно-колончатых поясов Италии, итальянской романики, можно наблюдать примерно такое же развитие: на консолях в соборах в Лоди, Фаэнце, Аквилее, Матере и в церкви аббатства Санта-Мария ди Стаффарда, которые

Рис. 1. Фусты колонок аркатурно-колончатого пояса южной стены. Фото А. Е. Леонтьева. 1992 г.

могут рассматриваться как прообразы аркатурно-колончатых поясов Владимиро-Суздальской Руси XII в., все колонки высокие и стройные. И только в Тоди (Умбрия), в церкви Воздвижения в Удлице (Чехия) и соборе в Регенсбурге (Бавария) видим похожие на ростовский пояс короткие и «пухлые» колонки.

У собора в Тоди, работы по его сооружению велись в самом конце XII столетия, после 1190 г., когда случился крупный пожар, и даже в начале XIII в. (*Гордин*, 2013. С. 176–177; *Grondona C., Grondona M.*, 2009. P. 118–119; *Coden*, 2011. P. 351–353), колонки двух аркатурно-колончатых поясов на абсиде и на боковых фасадах действительно близки по своим приземистым пропорциям тому, что мы видим в Ростове (рис. 5).

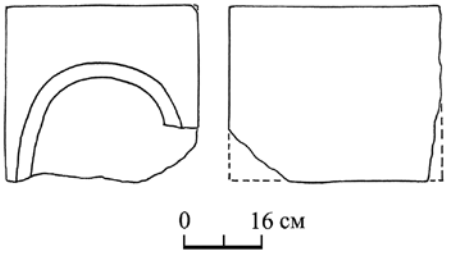


Рис. 2. Блок с полуциркульной арочкой. Чертеж из отчета А. Е. Леонтьева

Примерно ту же картину наблюдаем в церкви святого Креста в Удлице (*Údlice*), сооруженной в первой

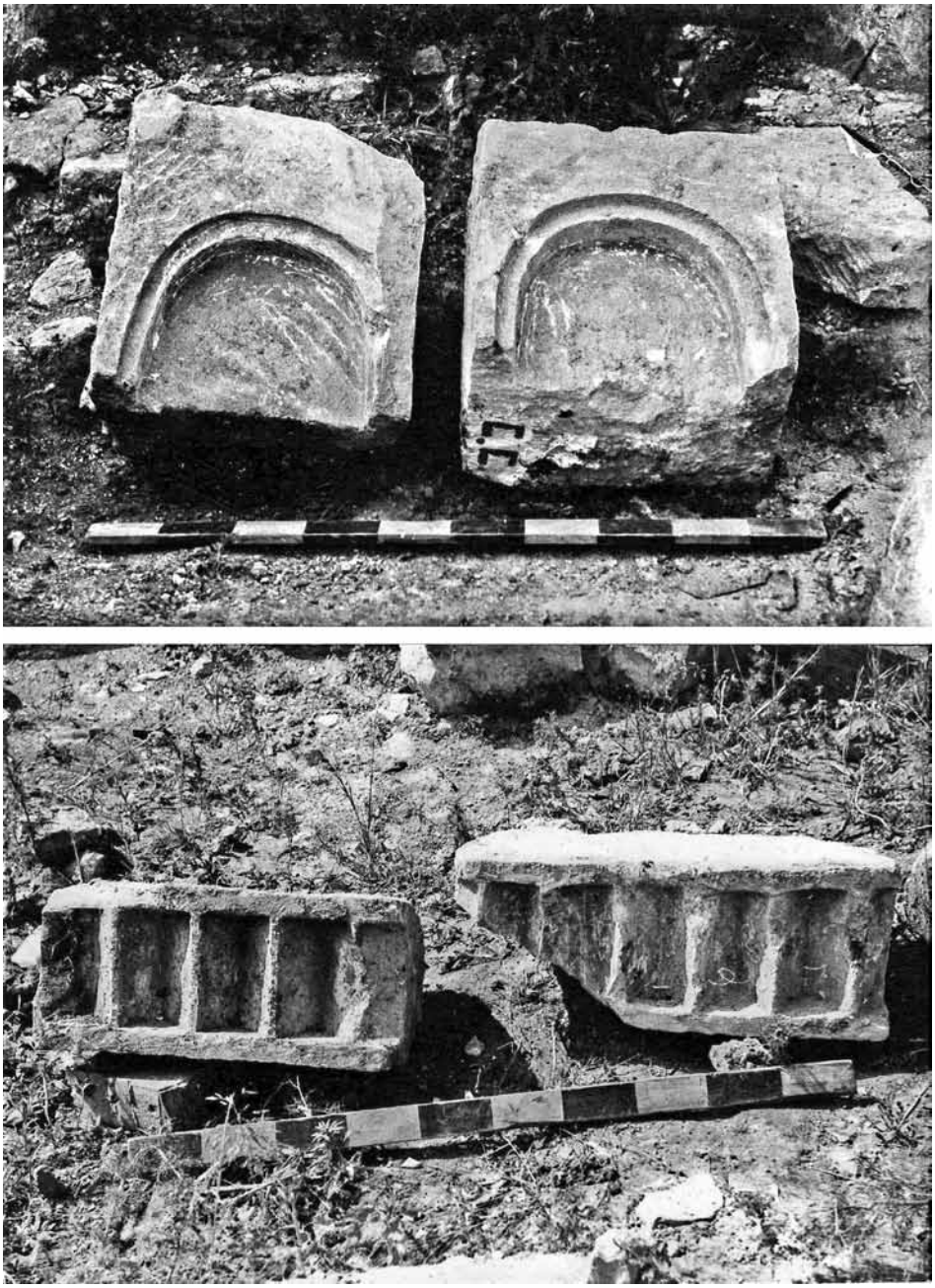


Рис. 3. Блоки с двухуступчатыми арочками (вверху) и блоки с поребриком (внизу). Фото А. Е. Леонтьева. 1992 г.

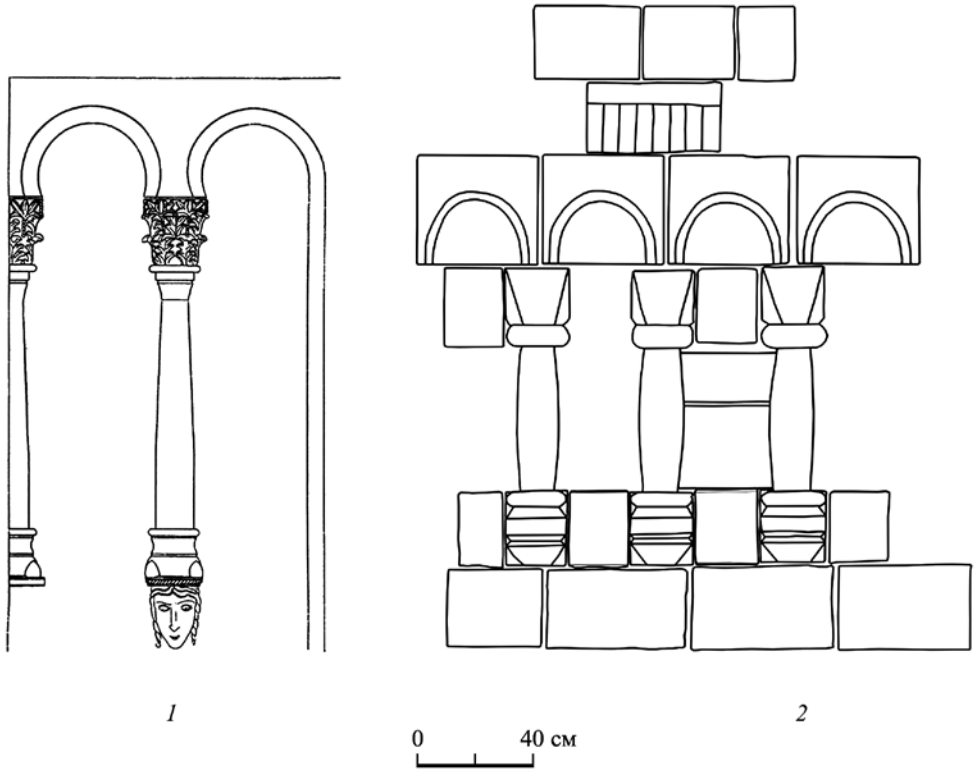


Рис. 4. Аркатурно-колончатые пояса. Слева – церковь Покрова на Нерли, справа – северная стена Успенского собора в Ростове нач. XIII в. (по материалам А. Е. Леонтьева). Чертеж Ю. С. Фомичевой

половине XIII в.: здесь на верху абсиды идет аркатурно-колончатый пояс с короткими колонками на консолях и трехуступчатыми полуциркульными арочками (*Maršalová*, 2016. P. 49–50; Ill. 72–74).

Похожую, но в отличие от двух приведенных выше примеров заглубленную в стену аркатуру с короткими колонками находим и в церкви аббатства св. Якоба в Регенсбурге, сооруженной около 1190 г. (*Karlinger*, 1924. S. 19–23, Abb. 30; *Budde*, 1979. S. 53–54; Ill. 83–85).

Появление аркатурно-колончатого пояса на консолях с подобными короткими колонками поднимает вопрос о том, не могли ли приезжать во Владимиро-Суздальскую землю мастера из Западной Европы и в начале XIII столетия, спустя полвека после того, как прибыли сюда и возвели белокаменные соборы князя Андрея Боголюбского мастера из Северной Италии, из областей Ломбардии и Эмилии? Мы пока

Рис. 5. Аркатурно-колончатый пояс собора в Тоди. Фото автора

не можем точно сказать, откуда могли приехать такие мастера в начале XIII в., но само повторение поиска все новых и новых мастеров в Италии не исключено. Однако одних коротких колонок с увеличенным энтазисом недостаточно для подобных заключений.

В недавнее время источники форм для архитектуры времени князя Всеволода Большое Гнездо (1176–1212) исследователи искали то в Германии (*Комеч*, 2002), то даже в Аквитании (*Иоаннисян*, 2007). Относительно описанного выше отрезка аркатуры северной стены Успенского собора в Ростове 1213–1231 гг. можно сказать, что приведенные выше аналоги указывают как на Умбрию, так и на Южную Германию. Этого пока недостаточно для выявления возможной области, откуда пришли мастера и формы, однако дает первые данные для дальнейших изысканий и указывает на то, что подобные аркатуры с короткими колонками были известны в Европе в позднероманских памятниках 1190-х – 1240-х гг., то есть они были современными ростовскому собору формами и занесены сюда вполне знающими стиль и совсем не отстающими от него, не архаическими мастерами.

Рис. 6. Реконструкция северной абсиды Успенского собора в Ростовском музее. Фото автора

Заметим, что сама принадлежность найденного в раскопках 1992 г. участка стены и его реконструкция является вопросом дискуссионным. Однако определенная уверенность в том, что этот фрагмент был именно поясом северной стены у нас все же есть: арочки в нем имеют прямую и плоскую внешнюю поверхность, в то время как блоки абсид, с трехлопастными арочками, о которых пойдет речь ниже, обладают выгибающейся внешней поверхностью.

При расчистке один участок кладки весь имел выгнутую форму, что позволило предположить, что это фрагмент северной абсиды. Реконструкция декора этой части, сделанная А. Е. Леонтьевым, представила похожие короткие и «пухлые» колонки на консолях, но перекрытые не полукруглыми, а трехлопастными арками. Примерно так же был реконструирован этот участок стены и в натуре после раскопок, а потом его примерно в том же виде собрали в постоянной экспозиции ростовского музея (рис. 6).

Итак, у нас есть участок некой аркатуры с короткими колонками на консолях и полуциркульными арочками, который, очевидно,

представляет собой часть аркатурно-колончатого пояса северной стены, и есть отрезок очень похожего аркатурно-колончатого пояса, где аркатура на коротких колонках устроена из трехлопастных арочек. Второй участок должен помещаться на северной боковой абсиде собора; аркатура здесь имеет больший шаг; интерколумнии шире, как и арочки, ставшие трехлопастными.

Этот аркатурно-колончатый пояс северной абсиды хорошо соотносится с очень похожим, даже просто идентичным аркатурно-колончатым поясом, который завершал среднюю и южную абсиды собора начала XIII в. Материал по аркатурно-колончатому поясу южной и средней абсид, который только частично был опубликован в отмеченной выше статье исследователей памятника в 1994 г., содержится в отчете о раскопках на Соборной площади в 1993 г. (*Леонтьев, Иоаннисян, Зыков*, 2013). Во время этих работ был открыт значительный упавший к юго-западу от нынешнего Успенского собора фрагмент кладки средней и южной абсид храма XIII в. Участки внешней облицовки стены упали блоками лицом вниз, так что при разборке кладок стало возможным их «обратное» восстановление путем сборки, в том числе реконструкция на бумаге, которая, как сказано выше, была опубликована. Найдены также фрагмент внутренней облицовки южной абсиды и фрагмент конхи абсиды.

На основании исследования материалов из раскопок, П. Л. Зыковым была создана реконструкция упавших частей средней и южной абсид и аркатуры на них. Эта реконструкция издана в статье 1994 г., но в несколько упрощенном виде; полную версию, выполненную П. Л. Зыковым на миллиметровой бумаге, мы публикуем здесь с разрешения автора (рис. 7).

Перед нами стык южной и средней абсид собора. Скругления абсид расчленялись вертикальными тягами (как и в более ранних памятниках, церкви Рождества Богородицы в Боголюбове, церкви Покрова на Нерли, Успенском и Дмитриевском соборах во Владимире). Сохранились два окна с раструбами и две аркатуры, вернее, два аркатурно-колончатых фриза: один – наверху южной абсиды и второй – наверху несколько более высокой средней абсиды. Пояс на средней абсиде расположен выше. Все это устроено примерно так же, как на абсидах Успенского собора во Владимире, достроенных при князе Всеволоде Большое Гнездо в 1185–1189 гг., с той разницей, что на реконструкции на стыке абсид помещена колонка, тогда как во владимирском памятнике тут две исходящие из угла лопатки (или изогнутая, сломанная

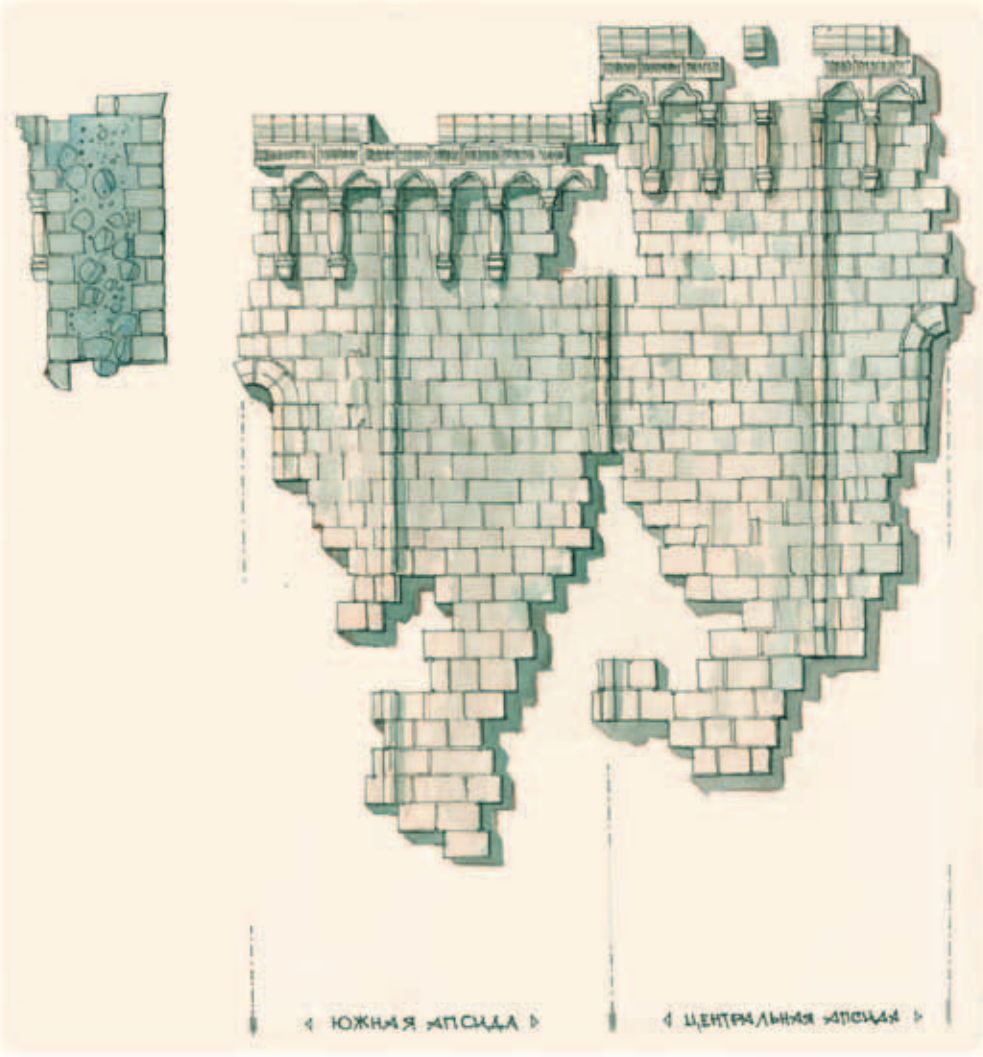


Рис. 7. Декор упавших стен южной и средней абсид Успенского собора. Реконструкция П. Л. Зыкова

под углом лопатка). Кроме того колонки во Владимире стройные и высокие, а колонки в Ростове уже «пухлые» и короткие. Налицо некоторая иконографическая близость двух памятников, но иное прочтение во втором, более позднем.

Важнейшей чертой, отличающей аркатуры всех трех абсид Ростовского Успенского собора начала XIII в., являются не только короткие колонки поясов, но и трехлопастная форма арочек, которую можно

Рис. 8. Блок с трехлопастной арочкой из экспозиции Ростовского музея. Фото автора

хорошо изучить по представленному в Ростовском музее квадру (рис. 8), а также по обмерам отдельных блоков, выполненных А. Е. Леонтьевым (рис. 9). Эти арочки имеют прямой низ, то есть аркатуры ростовского собора были уже не совсем аркатурами, а частью перекрывавшего колонки архитрава, в котором на определенную глубину врезаны трехлопастные нишки. Эти нишки двухуступчатые, один узкий уступ обрамляет абрис трехлопастной кривой, более глубокий второй уступ «отражен» на задней поверхности ниши.

Форма этих арочек на архитраве похожа на арочки пояса в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, сооруженном в 1230–1234 гг. (*Воронин*, 1962. С. 76–77), но в этом более позднем по отношению к Успенскому собору в Ростове памятнике арочки хотя тоже являются частью архитрава (у них есть горизонталь внизу), но сами они усложнены тем, что в них не два уступа, как в Ростове, а три. К тому же арочки ростовского собора хоть и имеют иногда некоторое подвышение в середине, но все же ближе к трехлопастной кривой, тогда как в Юрьеве-Польском явно сделана попытка обострить верх, приблизив его к стрельчатой форме. Кроме того, колонки пояса собора в Юрьеве-Польском опираются на отлив стены (как на боковых сторонах владимирского Успенского собора и в соборе Рождества Богородицы в Суздале), тогда как все колонки ростовского Успенского собора 1213–1231 гг. поставлены на консоли и выступают из плоскости стены (рис. 10).

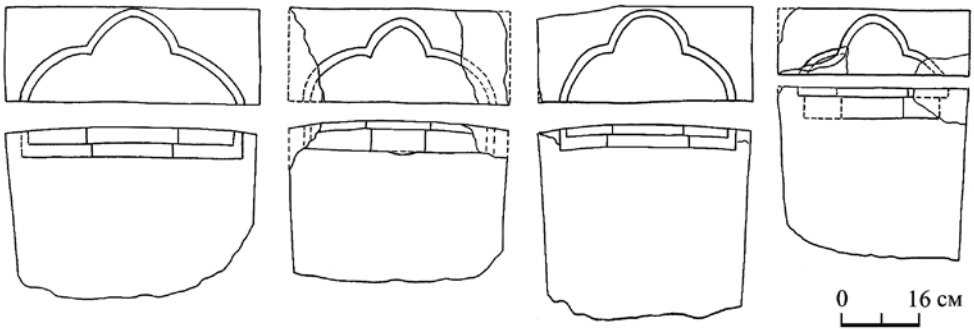


Рис. 9. Блоки с трехлопастными арочками из северной боковой абсиды. Чертежи из отчета А. Е. Леонтьева

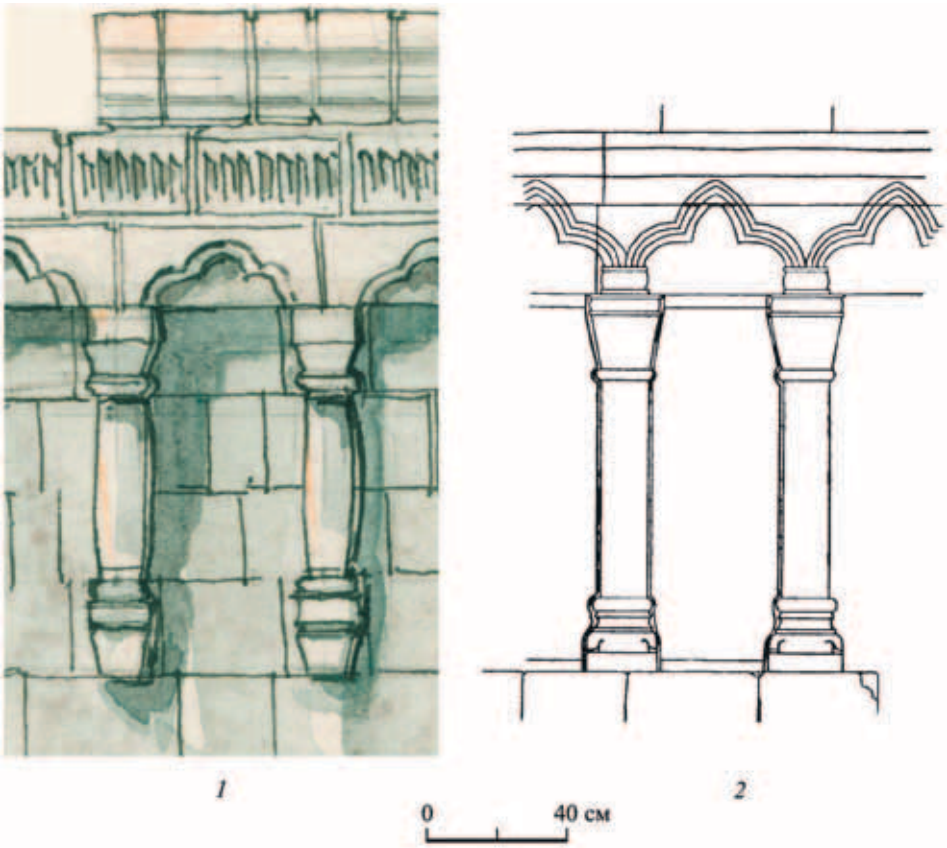


Рис. 10. Аркатурно-колончатые пояса. Слева – на абсиде Успенского собора в Ростове нач. XIII в. (фрагмент из материалов П. Л. Зыкова), справа – на южной стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (по материалам К. К. Романова). Чертеж Ю. С. Фомичевой

Для того чтобы понять место трехлопастной аркатуры абсиды ростовского собора начала XIII в. в архитектуре Северо-Восточной Руси и одновременно в системе европейской архитектуры Запада, нужно проделать довольно подробный экскурс в историю трехлопастных арочек в архитектуре романского стиля и поздней романики, почти незаметно переходящей в раннюю готику. В экскурсе, помещенном ниже, поневоле ставшем громоздким, мы остановимся в основном на том, что нам удалось выяснить относительно трехлопастных арочек, перекрывающих пространство между колонками, то есть на аркатурах над колонками, похожими на аркатурно-колончатый фриз, но коснемся также и других трехлопастных форм.

Следует сказать, что трехлопастная форма в самых разных формах, включая округлые (которые можно считать чисто романскими), а также с заострением средней арки, встречаются довольно широко и часто, например, в порталах ряда романских храмов Германии, например в церкви св. Якоба в Косфельде (*Coesfeld*) второй четверти XIII в. (*Budde*, 1979. S. 84; Ill. 184), Польши (ниша в костеле в Могиле начала XIII в., портал костела цистерцианского монастыря в Руде середины XIII в., портал костела в Студнинской Дольне второй четверти XIII в. – *Świechowski*, 1963. S. 75–79, 171–176, 225–230. Ill. 421, 534, 670), а также Поморья (портал собора в Камне-Поморском конца XII в.), тяготевшего к немецкой культурной зоне (*Świechowski*, 1963. S. 59–71, Ill. 176). Во всех перечисленных памятниках арка, перекрывающая проем входа, имеет трехлопастную форму.

Можем указать также на порталы собора в Турне третьей четверти XII в., где собственно порталы накрыты сверху трехлопастной аркой с несколько раздутой и стрельчато подвышенной средней аркой (*Barral i Altet*, 1989. P. 175–215; Ill. 53, 56). Крупные трехлопастные арки украшают ярусы под аркадой в круглых башнях церкви в монастыре Марии Лаах на Рейне, сооруженной в 1095–1156 гг. (*Winterfeld*, 2003. S. 255–288).

Во Франции, где романский стиль еще в первой половине XII в. начал переходить в готический, трехлопастная аркатура известна в памятнике раннеготической архитектуры. Речь идет об алтарном окончании (хор) собора в Нуайоне (*Noyon*), построенного в 1148–1165 гг., где в псевдотрифории над хорами (трибунами) идет аркада на колонках, арки которой имеют округлое трехлопастное очертание (*Frankl*, 2000. P. 70. Ill. 36). Чуть заостренную вверху форму арок, накрытых треугольными щипцами, видим в соборе в Эвре (*Evreux*), сооруженном около 1200 г. (*Winterfeld*, 2003. S. 456–457).

В двух раннеготических храмах Бургундии в трифориях встречаем трехлопастные арки. В соборе в Невере (*Nevers*), сооруженном после пожара 1211 г., но до 1221 г., мы видим соединяющие колонки трифория трехлопастные округлые арочки, вписанные в стрельчатый обвод. В храме Нотр-Дам в Семюре ан Оксуа (*Semur en Auxois*), построенном в 1220–1225 гг., находим трехлопастные округлые арочки с таким же обводом (*Branner*, 1960. P. 157–160, 179–180; pl. 22a, 22b). Отметим только, что все это уже раннеготическая архитектура.

В землях Германии также есть формы, похожие на то, что мы видим во фрагментах Успенского собора князя Константина Всеволодовича. В монастырской церкви в Векзельсбурге (*Wechselburg*) преграда перед хором устроена в два яруса. Здесь, помимо завершения в виде трехлопастной арки, на котором стоит Распятие, мы видим двухъярусную аркатуру самой преграды. Внизу расположены арки с полукруглым завершением, тогда как во втором ярусе по сторонам выступа помещено по две арки, обрамленные колонками и завершенные полуциркульными архивольтами, в которые вписаны трехлопастные арки. Этот мотив, появившийся в 1160-е – 1180-е годы, когда была построена церковь (*Mrusek*, 1972. Ill. 86, S. 229), еще вполне принадлежит романике и может рассматриваться как прямой аналог ростовской аркатуре.

Назовем еще дом фогта в Заальфельде, построенном около 1180 г., где сдвоенные окна третьего этажа, разделенные, то пилоном, то колонкой, завершены трехлопастными арочками, вытесанными на фоне, то есть не на просвет (*Mrusek*, 1972. Ill. 130, S. 227).

Новое распространение получили трехлопастные арки в романском (позднероманском) зодчестве Германии начала XIII в. Для нашей темы важен замок Ротенбург (*Rothenburg*) в Тюрингии, сооруженный около 1200–1209 гг., где в окнах дворца вставлено по три колонки, перекрытые округлыми трехлопастными арочками (*Mrusek*, 1972. Ill. 132, S. 226; *Piltz*, 1975. S. 257; *Krahe*, 2000. S. 516). Здесь трехлопастные арки видны на просвет, что отличает ситуацию от ростовской, где лопасти только показаны на каменном фоне и заполнены фоном внутри.

В дальнейшем, видимо, под влиянием французской готики округлые лопастные арки в начале XIII в. сменяются трехлопастными, но со стрельчатой верхней (средней) аркой. Эта перемена происходит явно под влиянием готики. Назовем данную форму стрельчатой трехлопастной аркой. В немецкой ранней готике укажем на аркатуры в интерьере капеллы св. Михаила (рис. 11) в церкви цистерцианского монастыря в Эбрахе (*Ebrach*), построенной в 1200–1239 гг. (*Nussbaum*, 2000.

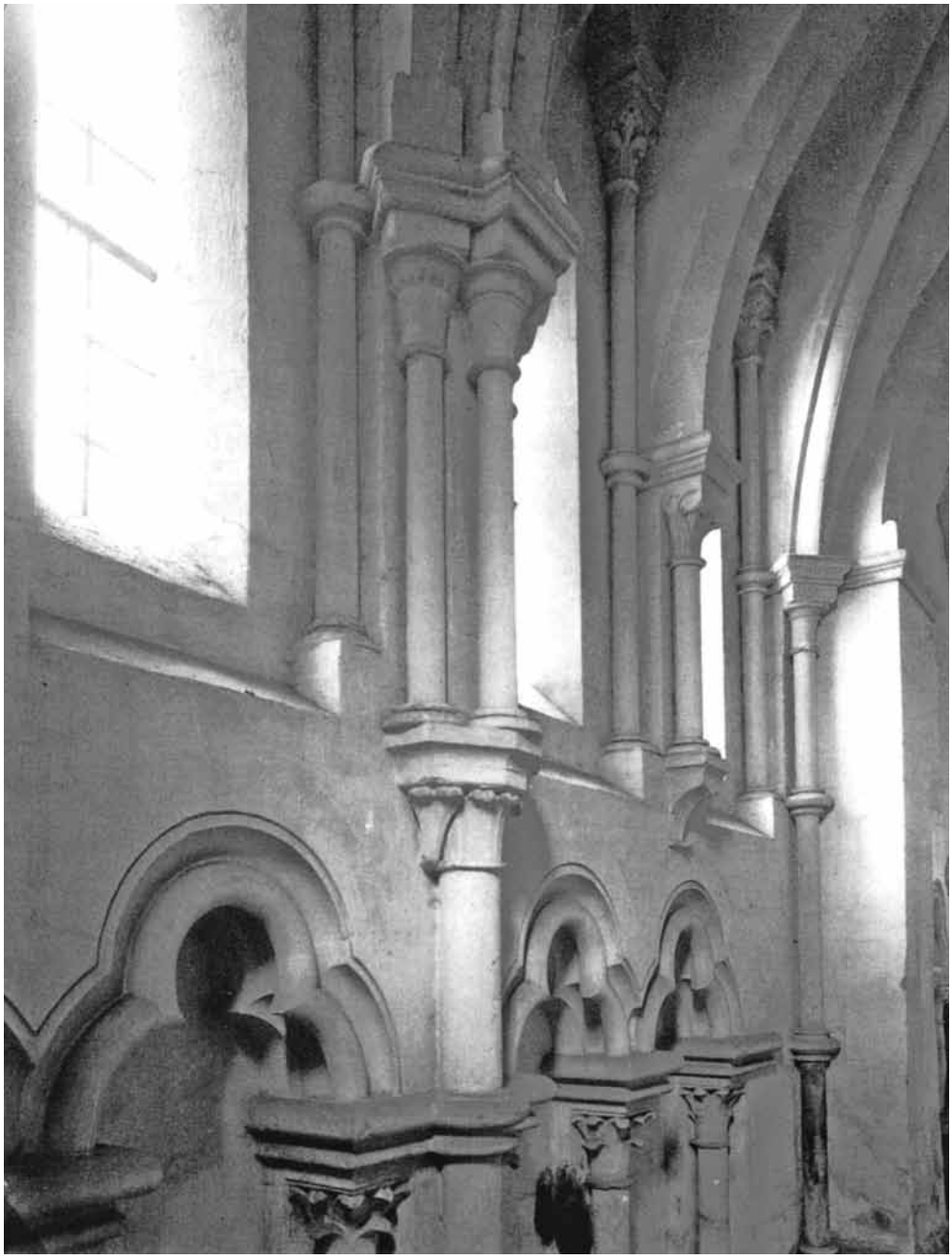


Рис. 11. Капелла святого Михаила в церкви цистерцианского монастыря в Эбрахе. Обработка стены

Рис. 12. Собор в Магдебурге. Арочка под трифорием в алтарной части. Фото автора

P. 33–34), а также на аркатуры в алтаре собора в Бамберге, сооруженного в 1215–1237 гг. (*Budde*, 1979. S. 93–96; Ill. 230–233). В алтарной части раннеготического собора в Магдебурге, строившегося с 1209 по 1230-е годы, собственно готика соседствует с романскими, даже оттоновскими формами (*Nussbaum*, 2000. P. 39–41), среди которых есть и трехлопастные ниши под уровнем трифория (рис. 12).

Назовем также собор в Хальберштадте, сооруженный около 1240 г., где в тимпане западного портала расположен аркатурно-колончатый пояс с трехлопастными арочками (*Budde*, 1979. S. 104; Ill. 261). В середине XIII в. заостренные стрельчатые трехлопастные арки были очень распространены в аркатурах, украшавших стены алтарных частей внутри готических храмов Тюрингии и Саксонии. Такие аркатуры есть в соборе в Наумбурге (*Naumburg*), в монастырской церкви в Шульпфорте (*Schulpforta*) и в соборе в Мейссене (*Meissen*) (*Schubert*, 1984; *Winterfeld*, 2003. S. 289–302). В соборе св. Стефана в Вене в западном портале, Ризентор (*Riesentor*), сооруженном в середине XIII в., видим два яруса усложненных трехлопастных аркатур (*Novotny*, 1930. S. 39–49).

В Венгрии, в соборе в Яке (первая половина XIII в., около 1221 г.), формы которого возникли не без влияния собора в Бамберге (*von Winterfeld*, 2003. S. 102–119), трехлопастные арки получили распространение: они есть и в оформлении щипцового верха над порталом, где аркатурно-колончатый пояс поднимается треугольником, в соответствии с линиями щипца (арки здесь уступчатые), и на верху абсиды, то есть в позиции близкой к тому, что мы видим в Ростове; здесь трехлопастные арочки округлой формы в обрамлении трехлопастных арок, декорированных «шарами», проходят по верху, как будто соединяя между собой капители членящих абсиду колонн (*Kubach*, 1981. P. 317, Ill. 388, 389).

Первая волна романики в архитектуру Северо-Восточной Руси пришла еще в третьей четверти XII в. и связывалась с Польшей (*Иоаннисян*, 1996; 2002; 2006); однако ее происхождение может быть и не польским, а связано с Италией (*Седов*, 2013; 2017в).

Вторая волна романики связана с мастерами и постройками князя Андрея Боголюбского и относится к концу 1150-х – первой половине 1170-х гг. В недавнее время О. М. Иоаннисян в своих работах указал на Северную Италию как источник романских форм соборов Владимиро-Суздальской Руси времени князя Андрея Боголюбского (*Иоаннисян*, 2005; 2013; 2015.). Мы поддерживаем и развиваем эту мысль, дополняя ее собственными наблюдениями (*Седов*, 2017а, 2017б, 2018). С этой второй волной романики связан необыкновенный расцвет стиля, его сложность, разработанность. Была достигнута вершина, после которой настал новый период, третья волна.

Эта третья волна, которую представляют всего два памятника Владимира 1180–1190-х гг., времени князя Всеволода Большое Гнездо, галереи обстройки Успенского собора и Дмитриевский собор, до конца не разгадана, ее можно было бы считать только развитием приемов предыдущего периода, если бы не некоторые новые формы, говорящие, возможно, о влиянии романской архитектуры Германии (*Комеч*, 2002).

И, наконец, памятники начала XIII в., собор Рождества Богородицы в Суздале 1222–1225 гг. и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском 1230–1234 гг., до недавнего времени рассматривались как свидетельство внутренних процессов развития. Однако давно пора поставить вопрос о четвертой волне романского влияния, романики, вполне возможно связанной с приходом мастеров из Европы. Такие формы как окна, фланкированные колонками, в суздальском соборе, можно объяснить только перенесением их вместе с мастерами из стран латинского

Запада. В этом же ключе следует рассматривать и представленные в данной статье формы Успенского собора Ростова 1213–1231 гг.

Ростовский Успенский собор времени князя Константина Всеволодовича по своему декору является не столько примером внутреннего развития «русской романики» или, правильнее сказать, суздальской романики, нет, этот декор говорит о новом и непосредственном влиянии западноевропейской романской архитектуры. И «пухлые» короткие колонки аркатурно-колончатых поясов этого памятника, и трехлопастные арочки, соединявшие эти колонки в пояс, находят себе довольно близкие аналогии в архитектуре поздней романики и ранней готики.

Собор в Тоди, единственный похожий памятник поздней итальянской романики, выглядит среди многочисленных немецких аналогов одиноко, к тому же в его аркатуре нет трехлопастных арок, а потому придется отвергнуть мысль о происхождении форм ростовского собора из северной части Умбрии. Скорее, эти позднероманские формы, и колонки, и арочки, были перенесены во Владимиро-Суздальскую Русь из памятников Германии, например, из Баварии, Франконии, Тюрингии и Саксонии (Регенсбург, Бамберг, Ротенбург, Эбрах, Магдебург, Хальберштадт, Наумбург). Эти формы, так органично смотревшиеся на стенах ростовского собора из-за включения в уже несколько раз опробованную во владимиро-суздальских землях систему обработки фасадов, являлись тем новым, что не могло быть перенесено с помощью подглядывания или перенятия русскими мастерами.

Это формы сложные, родившиеся в далеких землях, это детали, увязанные друг с другом, а потому они должны были прийти на Русь с мастерами. Эти колонки и арочки ростовского собора вместе с упомянутыми выше окнами суздальского собора говорят о непрекращавшемся и в первой трети XIII в. общении заказчиков, князей Суздальского княжества и его отдельных частей, с западными землями, что давало возможность приглашения и приезда позднероманских мастеров в города этой русской земли.

Вопрос о том, какую роль могли играть эти романские, по всей видимости, немецкие мастера в общем «концерте» при сооружении соборов древнерусского Северо-Востока, пока не может быть решен сколько-нибудь полно. Скорее всего, роль их была не столь уж большой, ведь на фоне уже устоявшихся и много раз опробованных объемно-пространственных решений храмов романские мастера делали только декоративную, выражаясь старым словом, «обронную» работу. Но эта работа декораторов была заметна, она во многом усложняла стилевую картину, с помощью деталей меняя тональность украшений фасадов.

Литература

Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР. 583 с.

Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР. 558 с.

Гордин А. М., 2013. К вопросу об истоках владимирской белокаменной резьбы // «Хвалам достойный». Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир: ГВСМЗ. С. 168–183.

Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н., 1994. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // СРМ. Вып. VI. Ростов. С. 189–217.

Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н., Зыков П. Л., 1994. Отчет о работах в Ростове Великом и Новгороде в 1994 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18568, 185690.

Иоаннисян О. М., 1996. Польско-русская и венгерско-русская границы в XI–XIII веках и их отражение в развитии средневековой архитектуры // Początki sąsieddztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-slowackie w średniowieczu. Rzeszów. P. 157–178.

Иоаннисян О. М., 2002. К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI – начале XIII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 206–230.

Иоаннисян О. М., 2005. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О. И. Подобедовой. М.: Северный паломник. С. 31–70.

Иоаннисян О. М., 2006. Об одной малопольской строительной артели романского времени (опыт реконструкции творческого почерка) // ΣΟΦΙΑ. Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник. С. 199–224.

Иоаннисян О. М., 2007. К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. Сб. ст. в память 60-летия Игоря Васильевича Дубова. М.: Парад. С. 277–315.

Иоаннисян О. М., 2013. Андрей Боголюбский и Западная Европа. Опыт исторической реконструкции (К вопросу о возможностях памятников зодчества как исторических источников) // «Хвалам достойный». Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир: ГВСМЗ. С. 145–167.

Иоаннисян О. М., 2015. Зодчество второй половины XII века // История русского искусства. Т. 2. Кн. 2. Искусство второй половины XII века. М.: ГИИ. С. 78–118.

Комеч А. И., 2002. Архитектура Владимира 1150–1180-х гг. Художественная природа и генезис «русской романики» // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 231–254.

Леонтьев А. Е., 1992. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции Института археологии РАН в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17535.

Леонтьев А. Е., 1993а. Отчет об исследованиях памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18298, 18300.

Леонтьев А. Е., 1993б. Древний Ростов и Успенский собор в археологических исследованиях 1992 г. (предварительное сообщение) // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 163–166.

Леонтьев А. Е., Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., 1993. Отчет об исследованиях памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом. Т. V. Исследования на Соборной площади / Архив ИА РАН. Р-1. № 18358.

ПСРЛ. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 577 с.

ПСРЛ. Т. II. М.: ЯСК, 1998. 604 с.

ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: ЯСК, 2000. 288 с., разд. паг. (XXXII, 256 с.).

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: ЯРК, 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).

Седов Вл. В., 2013. Синтез романских и древнерусских форм в храмах Ростово-Суздальской земли середины XII века // Polska – Rosja: Sztuka i historia. Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne do końca XIX wieku / Польша – Россия: Искусство и история. Польское искусство, русское искусство и польско-русские художественные контакты с XII до конца XIX века. Warsaw – Toruń. P. 45–55.

Седов Вл. В., 2017а. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 131–150.

Седов Вл. В., 2017б. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. Вып. 246. С. 56–69.

Седов Вл. В., 2017в. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и церковь Петра и Павла в Смоленске: Два варианта синтеза древнерусской и романской архитектуры // Древнерусское искусство. Византийский мир: Региональные традиции в художественной культуре и проблемы их изучения. К юбилею Э. С. Смирновой. М.: ГИИ. С. 227–239.

Седов Вл. В., 2018. Скульптурный фрагмент с мордой зверя из Боголюбова // Земли родной минувшая судьба… К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 52–61.

Barral i Altet X., 1989. Belgique romane et Grand-Duché de Luxembourg. Zodiaque. 402 p.

Branner R., 1960. Burgundian Gothic Architecture. London: A. Zwemmer LTD. 206 p.

Budde R., 1979. Deutsche romanische Skulptur: 1050–1250. München: Hirmer. 132 s.

Coden F., 2011. Sguardo d'insieme all'architettura umbra del Duecento // L'Umbria nel XIII secolo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo. P. 333–420.

Frankl P., 2000. Gothic Architecture. Revised by P. Crossley. New Haven and London: Yale University Press. 408 p.

Grondona C., Grondona M., 2009. Todi. Storia ed artistica. Montelupino: Ediart. 303 p.

Karlinger H., 1924. Die romanische Steinplastik in Altbayern und Salzburg. 1050–1260. Augsburg: De. Benno Filse & Co. 150 s.

Krahe F.-W., 2000. Burgen des Deutschen Mittelalters. Grundriss-Lexikon. Würzburg: Flechsig. 785 s.

Kubach H. E., 1981. Architecture romaine. Paris: Berger-Levrault. 427 p.

Maršalová D., 2016. Typologie obloučkových vlysů romanských sakrálnich staveb v Čechách a na Moravě. Bakalářská diplomová práce / Univerzita palackého v Olomouci. Filozofická fakulta. Katedra dějin uměni. Olomouc, 2016. 141 s.

Mrusek H.-J., 1972. Romanik. Leipzig: VEB E. A. Seemann. 232 s.

Novotny F., 1930. Romanischen Bauplastik in Österreich. Wien: Dr. Benno Filser Verlag. 118 s.

Nussbaum N., 2000. German Gotic Church Architecture. New Haven and London: Yale University Press. 271 p.

Piltz G., 1975. Kunstführer durch die DDR. Leipzig – Jena – Berlin: Urania Verlag. 613 s.

Schubert E., 1984. Der Westchor des Nauburger Doms, der Chor der Klosterkirche in Schulpforta und der Meissener Dom // Architektur des Mittelalters. Funktion und Gestalt. Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger. S. 160–183.

Świechowski Z., 1963. Świechowski Budownictwo romańskie w Polsce. Katalog zabytków. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum. 431 s.

Winterfeld D., von, 2003. Meisterwerke mittelalterlicher Architektur. Regensburg: Schnell + Steiner. 579 s.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.431-438

П. П. Толочко
Институт археологии НАНУ, Киев (Украина)

Пришелец Никола из Киева

В предложенных заметках – мое восхищение, может, несколько запоздалое, научным творчеством Альбины Александровны Медынцевой. Являясь одним из крупнейших отечественных эпиграфистов-русистов, она за несколько десятилетий неустанного труда ввела в научный оборот целый корпус надписей-граффити, ставших важнейшим источником по древнерусской истории и культуре. Выражаясь метафорически, благодаря Альбине Александровне, заговорили стены одного из древнейших православных соборов Руси – Софии Новгородской. Заговорили голосами XI–XIV веков – от простых холопов до княжеских дружинников, от строителей и художников до представителей церковного клира. Заговорили голосами новгородцев и киевлян.

Работа по прочтению и определению исторического смысла граффити чрезвычайно трудоемкая, требующая от исследователя не только безупречного знания палеографии и языка, но также глубокого погружения в события и явления русской истории. Перефразировав известного поэта, можно сказать, что «эпиграфика та же добыча радия; грамм добычи – годы труда». Но «граммы» эти чрезвычайно драгоценные, позволяющие нередко увидеть широкую картину прошлого, не отраженного в летописях, или значительно расширяющие их источниковые возможности.

Здесь мне хотелось бы поговорить о прочтении и осмыслении А. А. Медынцевой лишь одной надписи, значащейся в ее книге под номером 182 (рис. 1). Речь идет об автографе киевлянина Николы, обнаруженном на лестнице или хорах Софии Новгородской (*Медынцева*, 1978. С. 114). Разумеется, я знал это исследование, но полной мерой постиг глубину проникновения его в русскую жизнь времен Ярослава Мудрого и его сыновей, когда работал над темой «Киев и Новгород в X–XIII вв.» (*Толочко*, 2018. С. 42).

Один из основных тезисов моей работы: Новгород от 970 г., когда впервые получил статус княжеского центра, и до 30-х годов XII в.

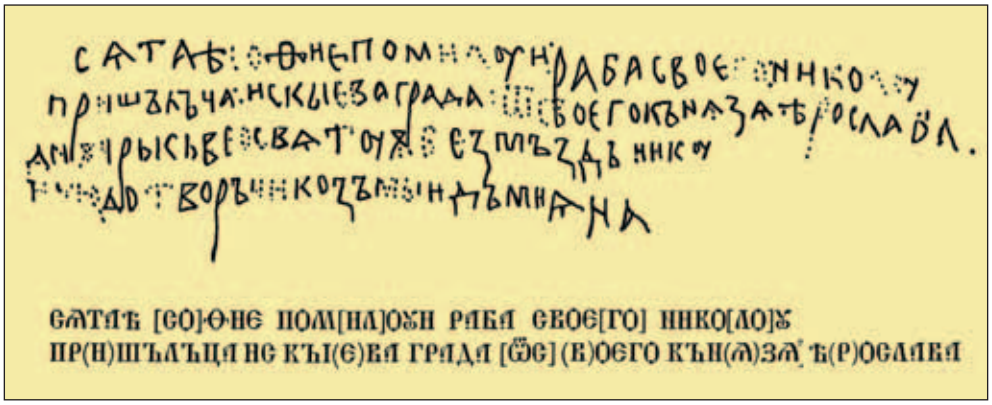


Рис. 1. Автограф киевлянина Николы, обнаруженный на лестнице или хорах Софии Новгородской (по: *Медынцева*, 1978. С. 114. № 182)

являлся своеобразным продолжением Киева. Прежде всего в государственно-политическом плане, но также и в церковном. Несмотря на расхожее в литературе мнение, противопоставляющее общинно-народоправный Новгород княжеско-монархическому Киеву, в реальной жизни они имели больше общего, чем различного. В том числе в характере государственности, в институтах власти, киевских по своему происхождению.

Киевскими были в Новгороде первые князья – Владимир Святославич и Ярослав Владимирович, киевскими также были и первые новгородские посадники. Об этом со всей очевидностью свидетельствует статья 977 г. Повести временных лет. Узнав, что Владимир бежал за море, киевский князь Ярополк «**посадники своя посади в Новгородѣ**» (ПВЛ. Ч. 1, 1950. С. 54). Княжеское безвластие, как бы было замещено властью посадника. Еще выраженнее эта тенденция проявилась, когда Владимир Святославич стал великим киевским князем, а в Новгороде посадил «**Добрыню, уя своего**» (ПВЛ. Ч. 1, 1950. С. 56). Аналогичной была ситуация и при Ярославе Владимировиче: уйдя в Киев на великокняжеский стол, он в Новгороде посадил сына Добрыни Коснятина. «**Идя къ Кыеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница**» (ПВЛ. Ч. 1, 1950. С. 88–89).

После казни Ярославом Коснятина, вероятнее всего имевшей место после 1036 г., в Новгород на княжение был отправлен сын князя Владимир, правивший до своей смерти, случившейся в 1052 г. Согласно свидетельству Остромирова Евангелия и Новгородской летописи, следующим посадником после Коснятина был Остромир. Но назначил его

на эту должность уже сын Ярослава Изяслав, занявший киевский стол после смерти отца в 1054 г. В каком году это было – неизвестно. Если учесть, что Остромир погиб в сражении новгородцев с чудью в 1060 г., можно полагать, что в Новгород он был определен Изяславом уже в 1054 или ближайшем к нему году.

Таким образом, на основании летописных известий нельзя сказать, кто осуществлял управление Новгородом между смертями Владимира Ярославича и Ярослава Мудрого. И вот здесь на помощь нам приходит автограф пришельца из Киева Николы. А. А. Медынцева прочитала его следующим образом: «**Святаѣ Софиє помилуй раба своєго Николу пришълъца ис Кыєва града от своєго кънязя ѣрослава в цьрьковъ, бєзмѣздьнику и чудотворъци Козьмы и Дъмиана**» (Медынцева, 1978. С. 114–115). Дальше исследовательница предложила, как мне представляется, вполне реалистичную интерпретацию (расшифровку) этой записи. Сделана она, вероятнее всего, в день святых Козмы и Демьяна, когда Никола прибыл из Киева. Точной датой ее является 1 ноября 1052 г. (Медынцева, 1978. С. 120).

Прибытие киевского посланника, несомненно, связано со смертью князя Владимира, скончавшегося 4 октября 1052 г. Уточнение Николы, что прибыл он «от своего князя Ярослава», определенно указывает на особые его полномочия по управлению Новгородом. Не вызывает неприятия и определение личности Николы, отождествленного А. А. Медынцевой с киевским боярином Микулой Чудиным, имя и прозвище которого неоднократно встречается на страницах летописей на пространстве 60–70-х годов XI в., а также в заголовке Русской Правды (Правды Ярославичей).

Разумеется, как полагает исследовательница, начало его управленческой деятельности приходится на более ранее время, чем 60-е годы XI в. Он, действительно, мог быть одним из «мужей» Ярослава. Особенно, если принять во внимание замечание летописца в статье 1072 г. о том, что «Чюдинъ» тогда держал Вышгород, а также особое расположение Ярослава к этому пригороду Киева.

Подытоживая свой анализ, А. А. Медынцева делает справедливый вывод: у нас есть основания считать, что делами Новгорода после смерти Владимира Ярославича и до того, как Изяслав Ярославич поручил Новгород посаднику Остромиру, т. е. между 1052 и 1054/55 гг., ведал Микула Чудин (*Медынцева*, 1978. С. 123). Этот чрезвычайно важный исторический вывод, оставшийся практически незамеченный исследователями Новгорода, несмотря на оговорку А. А. Медынцевой о его

предположительности, вполне отвечает практике исключительного права Киева на назначения в Новгород своих посадников.

В отсутствие на новгородском столе князей они, как бы, замещали их. Не случайно, исследователи Новгорода полагали, что в продолжении X–XI вв. новгородские посадники занимали такое же место в общей системе перехода новгородского стола, как и князья. И те, и другие были наместниками великого киевского князя, исполняющими одни и те же функции (*Янин*, 2003. С. 73–75)[1]. Определенную иллюзорность тождества новгородского посадничества и княжеской власти порождают родственные связи ряда посадников и киевских князей. Видимо, это обстоятельство дало основание поздним летописцам включить Константина (Коснятина) не только в список новгородских посадников, но и в список князей. Но мы ведь знаем, к чему привели его амбиции. Конечно, Добрыня, Коснятин, Микула Чудин и Остромир не являлись в общей цепи перемен на новгородском столе такими же звеньями, какими были Владимир, Ярослав, Илья и Владимир Ярославичи, как это может показаться на первый взгляд.

Наверное, можно говорить о переходе власти над Новгородом от князей к посадникам, но нельзя то же самое утверждать о новгородском княжеском столе. Посадники не могли его занимать по определению. Из записи в Остромировом Евангелии следует, что князь Изяслав Ярославич не посадил на стол Остромира, а только поручил его в управление. «А брата своего стол поручи правити близоку свиему Остромиру Новегороде» (Остромирово Евангелие, 1883). Во всех других случаях также речь идет о посажении посадников на должность, но никогда – на стол.

Однако вернемся к исследованию А. А. Медынцевой софийской записи, в частности той его части, где речь идет о хронологии жизни Чудина Микулы и его участии в важнейших событиях русской истории. Приведя ряд летописных известий о самом Микуле и его ближайших родственниках – брате Тукы, погибшем в 1078 г. в битве с половцами, а также сыне Иванке Чудиновиче, участвовавшем в Берестовском совещании 1113 г., она пришла к вполне корректному выводу, что старший из Чудиных определенно вступил на государственное поприще в эпоху более раннюю, чем 60-е годы XI столетия (*Медынцева*, 1978. С. 121).

---

[1] Аналогичного взгляда придерживается М. Б. Свердлов, полагающий, что «если в городе существовал ранее княжеский стол, но князя в данный период в городе не было, то княжеский стол поручался посаднику. Посадник мог быть посажен вместо князя» (*Свердлов*, 2003. С. 525).

Высказанное предположение, по существу, не нуждается в дополнительных обоснованиях. От первого упоминания Микулы Чудина в новгородской софийской записи до последнего – в Повести временных лет прошло ровно 20 лет, и нет основания сомневаться, что во времена Ярослава Мудрого он уже был в зрелом возрасте и мог исполнять княжеские поручения. Но А. А. Медынцева решила поддержать его еще одним предположением о том, что составление Правды Ярославичей состоялось не в 1072 г., как полагает большинство исследователей, а в 1054 г. или несколько позднее, но вскоре после смерти Ярослава Мудрого.

Впервые эту мысль, кажется, высказал Б. Д. Греков, исходя из наличия в заголовке так называемой Правды Ярославичей уточнения «по Ярославе» (*Греков*, 1953. С. 143)[2]. Позже к ней присоединились А. А. Зимин и Б. А. Рыбаков, полагавшие, что Русская Правда создавалась не после масштабных киевских волнений 1068 г., а до них (*Зимин*, 1954; *Рыбаков*, 1964. С. 405). Теоретически, разумеется, такое предположение не вызывает отторжения, особенно, если учесть, что это событие не имеет даты ни в самом юридическом кодексе, ни в летописных источниках. Если же руководствоваться методом предпочтения, то, безусловно, 1072 г. имеет больше оснований претендовать на дату уложения Правды Ярославичей. В летописи есть четкое свидетельство, что в этом году собрались в Вышгороде три старших Ярославича – Изяслав, Святослав и Всеволод. Правда, собрались по случаю перенесения в новый храм мощей св. Бориса и Глеба, но вовсе не исключено, что в это же время они могли утвердить и новое законодательство. Социальные волнения 1068 г. показали, что оно нуждалось в улучшении.

Свидетельством более раннего времени, чем 1072 г. составления «Правды», согласно наблюдению А. А. Медынцевой, является упоминание в перечне ее авторов рядом с князьями имен четырех бояр, три из которых (Коснячко, Никифор и Чудин) имели в Киеве свои дворы, следовательно, были боярами киевскими (*Медынцева*, 1978. С. 122). Таким образом, заключает исследовательница, участие в составлении «Правды» исключительно киевлян дает дополнительные аргументы в пользу ее ранней даты. За 18 лет самостоятельного княжения Ярославичей у них должны были появиться на местах собственные бояре (*Медынцева*, 1978. С. 122).

[2] Здесь напрашивается аналогия с Берестовским совещанием Владимира Мономаха, которое состоялось в 1113 г., как заметил летописец, “по Святополци”.

Приведенные аргументы, кажущиеся достаточно убедительными, тем не менее, не дают оснований для однозначных решений. Прежде всего потому, что они не опираются на какое-либо свидетельство о княжеско-боярском совещании «по Ярославе», известном по летописи. Что касается исключительно киевского представительства при составлении (точнее сказать, при утверждении) Правды Ярославичей, то, даже если было и так, предполагать исключительную особенность только совещания, состоявшегося в 1054 г., оснований нет. Да и само так называемое киевское представительство весьма условно. Определенно оно являлось представительством от всей Русской земли, врученной Ярославом Мудрым трем старшим сыновьям – Изяславу, Святославу и Всеволоду, ставших киевским, черниговским и переяславским князьями. Это же относится и к боярам, названным в заголовке «Правды». Независимо от происхождения, они были мужами, скорее всего, тысяцкими, названных князей. В летописи множество примеров, когда киевские по происхождению бояре служили воеводами и тысяцкими удельных князей и перемещались с ними из одной земли в другую.

В данном случае было их не четыре, как это иногда утверждается в литературе, а три, в полном соответствии с тремя князьями. Это Коснячко Перенег, Микифор Киянин и Чудин Микула (*Зимин*, 1999. С. 41). Четвертый получается от неверного прочтения заголовка Правды Русской. Одни исследователи (М. Н. Тихомиров и И. Я. Фроянов) увидели двух лиц в словосочетании Чудин Микула (Чудина и Микулу), другие (А. А. Медынцева) в Коснячке Перенеге (Коснячко и Перенег). В реальности названия «Чудин» и «Перенег» были прозвищами Микулы и Коснячка, как «Киянин» у Микифора (*Толочко*, 2011. С. 19).

Несколько слов о двух избыточных и несколько идеалистических интерпретациях А. А. Медынцевой социальной значимости Микулы Чудина. Хотя они никак не сказываются на реконструкции основного содержания новгородского его автографа, все же заслуживают небольших комментариев.

Первый относится к выводу А. А. Медынцевой о том, что официальное погребение тела Владимира состоялось только после прибытия в Новгород Николы (*Медынцева*, 1978. С. 120). Прежде всего, не совсем понятен термин «официальное погребение», логично предполагающий и какое-то «неофициальное». Но в те времена погребения осуществлялись по православной церковной обрядности, на третий день после смерти. Княжеские – при непременном участии митрополита или епископа, и полагать, что это могло происходить дважды, невероятно.

Кроме того, для такой экстраординарности не было никакой уважительной причины. В Новгород прибыл ведь не Ярослав, отец усопшего князя Владимира, а всего лишь его боярин. Конечно, это не повод для отсрочки погребения. Кроме всего сказанного, подобные рассуждения немыслимы и по временным обстоятельствам. Владимир умер 4 октября 1052 г., а Никола прибыл в Новгород только 1 декабря того же года. Сохранить тело покойного от тления в течение почти месяца в то время было совершенно невозможно.

Второй комментарий касается предположения А. А. Медынцевой о том, что весть о смерти Ярослава призвала Чудина обратно в Киев, где он участвовал в совещании князей, вместе с ними «делил» Русскую землю и провозгласил новый кодекс (*Медынцева*, 1978. С. 123). Что касается «провозглашения», то это, конечно, не прерогатива боярина, пусть и знатного, определенно, великого киевского князя. Еще меньше оснований думать, что Никола вместе с князьями «делил» Русскую землю. Этого не могло быть по двум причинам. Во-первых, не «холопское» это было дело. Рядились о Русской земле только порфирородные представители дома Рюриковичей. А во-вторых, на совещании, по утверждению Правды Русской, вопрос о «разделе» Руси вообще не обсуждался.

Такой «раздел» осуществил незадолго перед смертью Ярослав Мудрый. Согласно его завещанию, Киев отходил старшему сыну Изяславу, Чернигов – Святославу, Переяслав – Всеволоду. Младшие сыновья получили: Владимир (Волынский) – Игорь, Смоленск – Вячеслав. В исторической литературе этот акт нередко трактуется, как начало так называемой феодальной раздробленности Руси. В действительности в нем не было ничего нового. Точно также наделял столами и землями сыновей отец Ярослава Владимир Святославич. Термин «раздел» здесь неприемлем. Завещание Ярослава не предполагало самостоятельного и независимого существования врученных сыновьям княжеств. Как и прежде, главным князем Руси оставался великий киевский князь. Это четко прописано в «Завещании». «**Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего же послушайте яко послушаете мене, да той вы будеть в мене мѣсто**» (ПСРЛ. Т. 1, 1962. Стб. 161).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть убедительность проникновения А. А. Медынцевой в основной смысл софийской надписи пришельца Николы из Киева. Теперь действительно у нас есть основания считать, что между 1052 и 1054 гг. «новгородскими делами ведал Никола Чудин» (*Медынцева*, 1978. С. 123). Расшифровка выполнена,

я бы сказал, по-Рыбаковски ярко, с широким историческим воображением, что, учитывая многолетнее сотрудничество А. А. Медынцевой и Б. А. Рыбакова в области русской эпиграфики, вполне естественно. Убежден, что она заслуживает того, чтобы войти в эпиграфическое источниковедение в качестве аналитического образца.

Литература

Греков Б. Д., 1953. Киевская Русь. М.: Гос. изд. политической литературы. 569 с.

Зимин А. А., 1954. К истории текста краткой редакции Русской Правды // Тр. Московского историко-архивного Института. Т. 7. С. 155–208.

Зимин А. А., 1999. Правда русская. М.: Древлехранилище. 420 с.

Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.: Наука. 312 с.

Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб.: ижд. Савинкова, фотолитограф., 1883.

ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод / Подг. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. 504 с. (Литературные памятники).

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Рыбаков Б. А., 1964. Первые века русской истории. М.: Наука. 239 с.

Свердлов М. Б., 2003. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб: Академический проект. 667 с.

Толочко П. П., 2011. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб.: Алетейя. 200 с.

Толочко П. П., 2018. Киев и Новгород в X–XIII вв. Исторические очерки. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго. 256 с.

Янин В. Л., 2003. Новгородские посадники. М.: ЯСК. 512 с.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.439-444

В. Н. Чхаидзе
Институт археологии РАН, Москва

Костяная рукоять ножа с псевдокуфической надписью из Тмутаракани

Эпиграфические памятники древнерусской Тмутаракани – византийской Матархи немногочисленны, но, тем не менее, эта группа источников предоставляет яркую, а порой уникальную информацию. Здесь встречены надписи, исполненные как древнерусским, так и греческим письмом.

Помимо такого широко известного памятника эпиграфики, каким является Тмутараканский камень (*Медынцева*, 1979), корпус источников этой категории составляют бытовые древнерусские надписи-граффити на керамических сосудах (*Медынцева*, 2000. С. 31–33, 40–41, рис. 2, 5; *Медынцева, Чхаидзе*, 2008. С. 101–102, рис. 1). То же самое относится и к бытовым надписям, исполненным на греческом языке (*Чхаидзе*, 2008. С. 177, рис. 95, *2*; *Виноградов, Чхаидзе*, 2015. С. 120–122, рис. 1).

Еще одна замечательная находка была сделана во время раскопок экспедиции Б. А. Рыбакова в 1955 г. (траншея 3, № 49 по описи). Это две парные костяные створки рукояти ножа (рис. 1, *1, 2*) с врезным орнаментом рядов циркульных и рельефных окружностей и надписью, подражающей куфическому письму (рис. 1, *3*) (*Плетнева*, 1955. Л. 19–20, рис. 42 – цветопередача орнамента произвольна). Створки происходят из перекопа котлована, вырытого при постройке церкви начала XI в. (см.: *Чхаидзе, Виноградов, Ёлшин*, 2017. С. 257–279) и обнаружены среди строительного мусора.

Створки изготовлены из роговых костей. Длина каждой створки – 130 мм, ширина в верхней части – 13 мм, в нижней – 15 мм, толщина – 6 мм (соединенных, соответственно – 12 мм). Глубина канала для крепления ножа – 61 мм. Глубина канала для затыльника с нижней стороны – 4 мм. Можно полагать, что обе створки скреплялись между собой без заклепок, при помощи клея, наносимого на внутренние поверхности, а также затыльника (обоймицы). Возможно, для соединения створок использовалось навершие в районе крепления ножа, переходящего в лезвие.

Рис. 1. Костяная рукоять ножа с псевдокуфической надписью из Тмутаракани

1 – внешняя сторона; *2* – внутренняя сторона; *3* – прорисовка из отчета (по: *Плетнева*, 1955. Рис. 42); *4* – прорисовка надписи; *5* – прорисовка надписи на ноже из Новгорода (по: *Авдеенко*, 2016. Рис. 3)

Надпись (рис. 1, *4*), идущая по кругу створок, находится в верхней части ручки. Ширина полосы, в которой начертана надпись – 6 мм, длина надписи – 20 мм. Можно утверждать, что резчик не был знаком с арабской письменностью. Согласно отчетным данным, надпись была выполнена зеркально с матрицы, в прочтении А. М. Беленицкого, гласившей: «Хвала Аллаху» (аль-хамду ли-ль-Лях) (*Плетнева*, 1955. Л. 20).

В качестве прямой аналогии надписи следует указать на нож, происходящий из раскопок Новгорода (1984 г. Троицкий раскоп, слой первой половины XII в.). На обеих сторонах лезвия ножа (от черенка до лезвия) присутствует орнаментация. На одной – растительный орнамент, на другой – аналогичная по облику нашей псевдокуфическая нечитаемая надпись (рис. 1, *5*) (длина – 9,5 см). Автор публикации (*Авдеенко*, 2016. С. 204–206, рис. 3 – прорисовка перевернута), ссылаясь на мнение Вяч. С. Кулешова, датирует надпись временем поздних Караханидов (XII – первой половиной XIII в.) – к этому времени на территории Мавераннахра, Хорасана, Семиречья и Восточного Туркестана сформировалось каллиграфическое письмо, в подражание которому выполнена надпись на лезвии ножа.

Обратиться к самим створкам рукояти ножа: они относятся к типу двусоставных. Затыльник рукояти не сохранился. Точная аналогия форме рассматриваемой рукояти не известна.

Геометрический орнамент рукояти составлен из различных элементов. Резчик использовал несколько орнаментальных мотивов: линейно-резной сочетается с розетками и концентрическим циркульным орнаментом (одинарные окружности) (см.: *Шаманаев*, 1997. С. 53, рис. 1, *2*; *Shamanaev*, 1999. P. 206, fig. 1, *1*; ср.: *Флёрова*, 1998. С. 91, Рис. 5, *II*; *Худяков*, 2011. С. 92; *Сергеєва*, 2011. С. 126–128, 135–136, рис. 46, 47; 2012. С. 198, 200, 205, 206–208, рис. 2в; 8; 9; 10, *1*). Композиция состоит из пяти частей: центральной – самой широкой, и по две снизу и сверху (в верхней присутствует надпись), разделенных тремя-четырьмя окружностями (в самом верху – пять). В центральной части, с двух сторон, на краях (месте стыка обеих пластин) присутствует растительный узор в виде бегущего побега. Самой ближайшей по общей композиции является цельная рукоять ножа, происходящая из раскопок Великого Новгорода (*Гайдуков*, 1992. С. 101, рис. 73, *4*).

Использование подобного орнамента на рукоятях ножей (как составных, так и цельных), широко распространено в Средневековье (IX–XIV вв.). Прежде всего, следует отметить: византийский Коринф (*Davidson*, 1952. P. 191–192, 196, № 1413, 1414, 1420, 1429, 1497, 1501, pl. 85,

86, 89), Херсонес (*Романчук*, 1981. С. 89, 100, рис. 2, *41*, 3, *50, 51, 61*; *Шаманаев*, 1997. С. 57, рис. 2, *5*; *Klenina*, 2012. P. 451, fig. 8, *6*) и другие памятники Крымского полуострова (*Душенко*, 2009. С. 436, 441–442, 447, 450, рис. 1, *5*, 3, *33*; 2015. С. 241, 251, рис. 7, *47, 50*; *Майко*, 2013. С. 318, рис. 1, *5*).

Помимо этого, рукояти ножей с таким же циркульным орнаментом известны в Саркеле – Белой Веже (*Флёрова*, 2001. С. 70, рис. 29, *6, 9*); на памятниках Золотой Орды (*Гусева*, 1974. С. 128, рис. 3, *2*; *Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева*, 1974. С. 120, табл. II, *22 Егоров, Федоров-Давыдов*, 1976. С. 139, табл. V, *4*; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 174, рис. 36, *1, 2*;); на территории Волжской Булгарии (*Руденко*, 2005. С. 72–73, табл. 12, *218–227, 229, 231*): в Болгаре (*Закирова*, 1988. С. 221, рис. 96, *1, 3*), Биляре (*Халиков*, 1985. С. 81, табл. XXXI, *1–3, 5–10, 17, 19, 22, 23*, XXXII, *6, 13*; *Пальцева, Шакиров, Худяков*, 2012. С. 209–210, рис. 2, *18*, 3, *2, 5, 7, 8, 12, 13*).

Они же происходят с территории Древнерусского государства: Киев (*Сергєєва*, 2011. С. 84–85, табл. 28, *2, 15*, 30, *1, 2*), Рязань (*Монгайт*, 1955. С. 132, рис. 97, *3, 4*), Великий Новгород (*Колчин, Янин, Ямщиков*, 1985. С. 94, рис. 178).

Трудно сказать, относится ли рассмотренная рукоять ножа к местному ремесленному производству средневекового города. Нельзя наверняка утверждать и ее среднеазиатское происхождение. Датировка рукояти может быть установлена в пределах первой половины XI – первой половины XIII в.

Таким образом, находка рукояти ножа с псевдокуфической надписью в средневековой Тмутаракани-Матархе является еще одним свидетельством широких связей этого города, находившегося на одном из ответвлений Великого шелкового пути. В данном случае связующими выступают территории Трансоксианы и Семиречья.

Литература

Авдеенко Е. Е., 2016. Нож «с надписью» с Троицкого раскопа // ННЗ. Матер. XXX науч. конф., посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника. Великий Новгород: НМЗ, 2016. С. 201–207.

Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н., 2015. «Шутливая» греческая надпись из византийской Матархи // ИАА. Вып. 13. С. 120–122.

Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН. 197 с.

Гусева Т. В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. № 4. С. 125–141.

Душенко А. А., 2009. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. С. 432–456.

Душенко А. А., 2015. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. Т. XX. С. 233–262.

Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука. С. 108–167.

Закирова И. А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 220–243.

Колчин Б., Янин В., Ямщиков С., 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство. 168 с.

Майко В. В., 2013. Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X–XII вв. // МАИЭТ. Т. XVIII. С. 316–332.

Медынцева А. А., 1979. Тмутараканский камень. М.: Наука. 56 с.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По данным эпиграфики X – первой половины XIII в. М.: Наука. 291 с.

Медынцева А. А., Чхаидзе В. Н., 2008. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // РА. № 1. С. 101–103.

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА. № 49).

Пальцева Д. У., Шакиров З. Г., Худяков А. В., 2012. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. № 1 (27). Казань: КФУ. С. 208–215.

Плетнева С. А., 1955. Центральный участок. Раскопы 31, 32, 33, 34, траншеи 3 и 4 // Рыбаков Б. А. О работах Славянского отряда Таманской экспедиции летом 1955 года / Архив ИА РАН. Р-1. № 1417–1418.

Романчук А. И., 1981. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античный и средневековый город. С. 84–105. (АДСВ. Вып. 18).

Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: РИЦ «Школа». С. 67–97.

Сергєєва М. С., 2011. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ: КНТ. 252 с.

Сергєєва М. С., 2012. До вивчення техніки орнаментації давньоруських виробів з кістки та рогу з території Середнього Поднпров'я // Древности 2012. Вып. 11. Харьков: ООО «НТМТ». С. 198–210.

Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ. 232 с.

Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В., 1974. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука. С. 89–125.

Флёрова В. Е., 1998. Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи: проблема специализации ремесла // РА. № 2. С. 86–99.

Флёрова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя. 255 с.

Халиков А. Х., 1985. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука. 216 с.

Худяков А. В., 2011. Орнамент резной кости Биляра // Следы веков. Матер. Всерос. науч. конф. «Актуальные вопросы археологии Поволжья и Приуралья», посвященной 65-летию археологического кружка Казанского университета. Казань: Изд. Казанского унив. С. 92–94.

Чхаидзе В. Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС. 328 с.

Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д., 2017. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: ГЭ. С. 257–285. (Тр. ГЭ. Т. LXXXVI).

Шаманаев А. В., 1997. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. Вып. 28. С. 49–66.

Davidson G. R., 1952. Corinth. Results of Excavations. Vol. XII. The Minor Objects. Princeton. 366 p.

Klenina E., 2012. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretations and Chronology // Byzantine Small Finds in Archeological Contexts. BYZAS 15. İstanbul: Ege Yayınları. P. 441–455.

Shamanaev A., 1999. Use-Wear Analysis of Bone and Antler Artefacts of Medieval Cherson // АДСВ. Вып. 30. P. 203–208.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-282-7.445-462

С. С. Ширинский
Институт археологии РАН, Москва

Курганные материалы земли полян как источник изучения структуры местного общества в IX–X веках

Одним из перспективных направлений уточнения обстоятельств и времени возникновения Древнерусского государства является исследование археологических памятников его древнейшего ядра – земли полян. Важное место в такой работе занимает продолжение анализа материалов находившихся здесь погребальных памятников – курганов IX–X вв.

В связи с этим необходимо отметить, что первым несомненно заметную особенность обустройства погребального костра, неоднократно прослеживаемую в некоторых курганах на территории летописных полян, отметил Ю. В. Готье. Он указал, что только в Киевском Поднепровье присутствует обычай размещения конструкции костра на специально подготовленной площадке – «точке», состоящей из утоптанного слоя глиняной подмазки (*Готье*, 1930. С. 239–240). Позднее В. В. Седов признал это наблюдение правомерным. Исследователь в целом согласился, что упомянутый ритуал языческого захоронения распространен на правобережье Днепра – в районе Киева и его окрестностей, а также в междуречье Днепра и нижнего течения Десны, до болот на севере: Перистое и Замглай (*Седов*, 1982. С. 107–110).

Тем не менее, проверяя степень достоверности исходных материалов этого важного заключения, приходится признать, что практика наблюдений в ходе раскопок в XIX в. не всегда оставалась безупречной. В частности, в 1860-х Я. Волошинский при исследовании курганов, находящихся к югу от Киева у с. Мархалевка, в двух случаях описал располагающийся под остатками трупосожжения слой погребенного дерна как подготовленную для размещения захоронения площадку из глины – «точку» (*Антонович*, 1895. С. 71).

Однако подавляющее большинство наблюдений о наличии под развалом погребального костра выровненной глиняной площадки

оказались справедливы и подтверждены современными раскопками. В Правобережье Днепра порядок подобного устройства места захоронения прослежен в Киеве на территории так называемого Могильника II. Три таких погребения выявлены на подошве Кирилловских высот в соседстве с Иорданским монастырем. Они представляли собой слой угля, золы и пережженных костей, находившийся на площадке из обожженной глины. Все захоронения располагались на уровне окружавшего их древнего горизонта. Горшок-урна с кальцинированными костями встречен лишь на одном развале погребального костра. В другом слое кострища найден наконечник копья (*Каргер*, 1958. С. 164–165).

Идентичный ритуал трупосожжений на правом берегу р. Днепр прослежен в 12 км к югу от Старокиевской горы у с. Корчеватое. В 1876 г., а затем в 1973 г. в располагавшейся здесь 2-й Китаевской курганной группе раскопаны три насыпи, в которых площадка из обожженной глины с находящимся на ней слоем кострища размещались не на уровне древнего горизонта, а на предварительно подготовленной подсыпке из грунта. В ходе позднейших работ установлено, что глиняная платформа в основании погребального костра имела в плане округлую форму. Среди предметов, открытых в захоронениях в разные годы, следует особо отметить находки кубического замка, строительных гвоздей и костяной бусины (*Антонович*, 1895. С. 23; *Мовчан*, 1993. С. 156).

Соответственно, отсутствие сведений о находке упомянутых гвоздей и замка в одном погребении не позволяет уверенно предполагать присутствие в кургане устройства костра в виде имитации погребального жилища. И все же, найденный здесь замок может косвенно свидетельствовать, что население поселка, составившего 2-ю Китаевскую курганную группу, представляло собой не родовую, а соседскую общину. Также не исключено, что упомянутая бусина из раскопок 1973 г., в сопоставлении с наконечником копья, встреченном ранее в слое кострища на глиняной подмазке в Киеве, позволяет предполагать применение подобного ритуала, как при захоронении мужчин, так и женщин.

Практика размещения погребального костра на выложенной из глины площадке раскопками курганов IX–X вв. в междуречье Днепра и нижнего течения Десны прослежена неоднократно. Обустройство такой конструкции места трупосожжения на уровне горизонта здесь встречено в трех погребениях в наиболее удаленной от древнейшей части летописного Любеча курганной группе II в урочище «Высокое поле» и в основании могильной насыпи на восточной границе земли полян IX–X вв. в Седневе (*Антонович*, 1906. С. 29–31; *Бранденбург*,

1908. С. 198). Исследованные любечские курганы достигали в высоту 1,2–1,3 м. В одном из них найдены пружинные ножницы. Насыпь седневского захоронения возвышалась на высоту 4,3 м и является самым значительным по размерам курганом, насыпанным над погребальным костром, размещенным на глиняной площадке.

Устройство подобных захоронений на предварительно подготовленной подсыпке известно в заселенном полянами междуречье Днепра и Десны в трех пунктах. В ближайшей к древнему городищу Любеча курганной группе I на горе Лысица кострище на слое утрамбованной глины выявлено в кургане высотой 3,15 м на уровне его наполовину возведенной насыпи. Среди жженых костей, угля и золы в нем найдено костяное орнаментированное острие (*Антонович*, 1906. С. 28–29).

Кажущаяся «безликость» данного комплекса обманчива. Прежде всего обращает на себя внимание его величина. Это одна из самых значительных по размерам могильных насыпей, известных в окрестностях города. Следовательно, погребенное в этом кургане лицо при своей жизни занимало заметно высокое общественное положение. Тем интереснее становится находка в указанном языческом погребении упомянутого острия.

Особенности данного захоронения вызывают необходимость напомнить, что А. А. Медынцева неоднократно обращала внимание исследователей на факты использования письменности на Руси в период, предшествующий активному распространению на ее территории христианства. Следы такого процесса фиксируются в материалах древнейших административно-торговых центров. Они отражают потребности применения письма в развивающейся деловой сфере организации учета и контроля сборов с населения, дипломатии, ремесле и торговле (*Медынцева*, 2000. С. 252–254; 2012).

Наиболее удобным и доступным инструментом осуществления записей на бересте или воске в IX–X вв. А. А. Медынцева назвала хорошо известные в раннехристианских могилах Киева сопровождавшие погребенных костяные орнаментированные острия (*Медынцева*, 1983. С. 87–91). Находка такого предмета в языческом захоронении в ближайшей к древнему Любечу курганной группе I, как представляется, полностью подтверждает приведенные выше наблюдения исследовательницы.

Конечно, изученный здесь в 1881 г. упомянутый курган 4 не содержал находок вещей, позволяющих уточнить время его сооружения в пределах IX–X вв. Однако особенности топографии расположения

данного погребения на местности позволяют сузить хронологические рамки времени сооружения этой насыпи. Прежде всего следует иметь в виду, что все исследованные в 1881 и 1888 гг. на горе «Лысица» курганы располагались не только в ближайшей к древнему Любечу курганной группе I, но и на ее краю, обращенном в сторону города (*Антонович*, 1906. С. 28; *Бранденбург*, 1908. С. 194).

Учитывая естественный порядок размещения мест захоронений горожан из возможной близости к поселению к более удаленным территориям, можно предполагать, что наиболее приближенный к городу участок названной курганной группы должен отражать самый ранний период ее развития.

Правомерность такого заключения подтверждают материалы раскопок в более удаленной от древнего города 2-й курганной группе, находящейся в урочище «Высокое поле». Изученные на ее ближайшем к Любечу участке погребения надежно датированы в пределах третьей четверти X в. Позднейшие языческие захоронения и первые христианские трупоположения рубежа X–XI вв. открыты здесь на дальней периферии сохранившейся части могильника (*Антонович*, 1906. С. 28–31; *Ширінський*, 1969. С. 118–121). Все это может свидетельствовать о том, что к началу использования урочища «Высокое поле» для погребения горожан Любеча более близкая к городу площадка горы Лысица и прилежащих к ней высот к середине X в. была полностью исчерпана для размещения на ней курганов.

Таким образом следует признать, что курган 4, исследованный на горе Лысица в 1881 г., действительно располагался в той части находившегося здесь скопления могильных насыпей, в которой жители древнего Любеча хоронили своих сограждан с самого начала строительства города. Поэтому время упомянутого захоронения знатного лица на площадке из глины, на подсыпке в высокой насыпи, вместе с сопровождавшим его «писалом» должно быть ограничено пределами второй четверти – конца IX в. Здесь же полезно отметить, что вторая находка костяного орнаментированного острия – «писала» в языческом трупосожжении в земле полян сделана Д. И. Блифельдом в кургане 4 у д. Табаевка, рядом с раннегородским центром Оргощ (*Бліфельд*, 1955. С. 20).

Факты использования приема размещения погребального костра на предварительно выложенной глиняной площадке в упомянутой выше четырехметровой насыпи 191 в Седневе и трехметровом кургане 4 в Любече, по-видимому, свидетельствуют, что сторонники такого ритуала захоронения в земле полян занимали заметное место

в структуре организации местного общества и обладали необходимыми возможностями находиться в среде «вячьших моужей» своего времени.

Тем не менее, выполнение такого ритуала погребения известно и среди курганных захоронений, оставленных в IX–X вв. рядовыми жителями сельских поселений. Они хорошо узнаваемы. Высота насыпей на подобных памятниках не превышает пределов роста самых высоких мужчин своей эпохи, то есть 1,7–1,9 м. На территории земли полян группы таких курганов известны по раскопкам у д. Пересаж, Мохнати, Новый Белоус, Корчеватое и так далее (*Бліфельд*, 1955. С. 14–15; *Мовчан*, 1993. С. 173; *Ширинский*, 1969; 1988. С. 322).

Выявленные В. Б. Антоновичем в 1881 г. у д. Сибереж более 100 курганных насыпей также не превышали в высоту 1,7 м. В одном из двух раскопанных здесь курганов кострище, состоящее из угля, золы и жженых костей, открыто на площадке из утрамбованной глины, устроенной в насыпи на подсыпке (*Антонович*, 1906. С. 31).

Строго выдержанный такой же ритуал устройства погребения встречен в междуречье Днепра и низовья Десны при исследовании курганов у д. Табаевка. В двух из них, размером 2 и 3 м, остатки кострищ на глиняной площадке выявлены на предварительно сооруженной подсыпке высотой 0,45 и 1,50 м (*Антонович*, 1906. С. 32–33).

Итог приведенного обзора использования в земле полян ритуала устройства погребального костра на глиняной площадке сам по себе не содержит ничего исключительного. При захоронении горожан и сельских жителей обоего пола его применяли в равной степени. Одинаково подобный порядок ритуала выполнялся при захоронении людей различного социального положения.

Упорное стремление следовать такому обычаю присутствует в земле полян, начиная с IX и до рубежа X–XI вв. Предположительно можно назвать и место концентрации проживания здесь людей, последовательно и длительное время выполнявших этот ритуал при погребении своих родственников. Вероятно, данный район находился в соседстве с известным киевским Могильником II, располагавшимся над Подолом и Оболонью на склонах высокого берега вдоль до Кирилловских высот (*Комар*, 2012. Рис. 7). Не случайно, что среди открытых тут погребений, наряду с упоминавшимися выше трупосожжениями на глиняной площадке, встречено одно из первых христианских трупоположений, помещенное на горизонте, «на выровненном слое утрамбованной, докрасна обожженной глины» (*Каргер*, 1958. С. 157).

За пределами земли полян описанный обряд захоронения достоверно прослежен при раскопках В. И. Сизова в 1881 г. в верховьях левого берега Днепра у д. Яново. Здесь у «прямоезжей» дороги из Смоленска в Ельню в группе из нескольких круглых в плане курганов исследованы две насыпи высотой до 3,5 м. Одна из них по-видимому была изучена не до основания и не представила ясных «следов имевшегося погребения». В кургане 1 высотой 2 м на уровне горизонта был открыт развал костра, размещенный «на тонком слое желтой глины», налегающим в свою очередь на прослойку белого подзола. Под кострищем эта прослойка обожжена до-красна, а за его пределами сохранила естественный цвет. В центре остатков сожжения обнаружен горшок с жжеными костями и углем. Вокруг него неоднократно встречены обломки перегоревших предметов из бронзы и железа. Среди них лучше сохранилась пряжка, а также бронзовые бляшки и квадратная накладка – замок с диагональной прорезью, украшавшие кошелек погребенного. Эти находки позволяют датировать курган 1 у д. Яново второй четвертью – серединой X в. (*Сизов*, 1904; Императорский… 1893. С. 115–116).

Данный комплекс является археологически уникальным для Верхнего Поднепровья. Об этом свидетельствует наличие в нем палеоэтнографической особенности ритуала захоронения, характерной для далекой от этих мест земли полян в Среднем Поднепровье. Присутствие такого погребения у д. Яново в окружении других круглых в плане насыпей, достигавших в высоту до 3,5 м, по-видимому, может отражать непростые события строительства и пребывания здесь стана или погоста на пути княжеского полюдья из Гнёздова (рис. 1, *1–5*) к верховьям р. Десны (*Рыбаков*, 1982. С. 317, 364–367).

Какое-либо объяснение существования в земле полян в IX–X вв. обычая размещения погребального костра на предварительно подготовленной глиняной площадке отсутствует. Поэтому представляется существенным, что при раскопках 1973 г. у с. Корчеватое подобная погребальная конструкция была прослежена в кургане полностью. Подстилающий кострище слой глины имел в нем округлую форму (*Мовчан*, 1993. С. 156).

Такие очертания глиняной площадки под развалом костра не могли имитировать на территории полян подмазку пола жилища. Более правдоподобным представляется допущение, что упомянутая важная часть конструкции погребального комплекса представляла в кургане копию округлой в плане глиняной платформы, являющейся основанием языческого святилища, почитаемого в земле полян значительной частью ее населения.

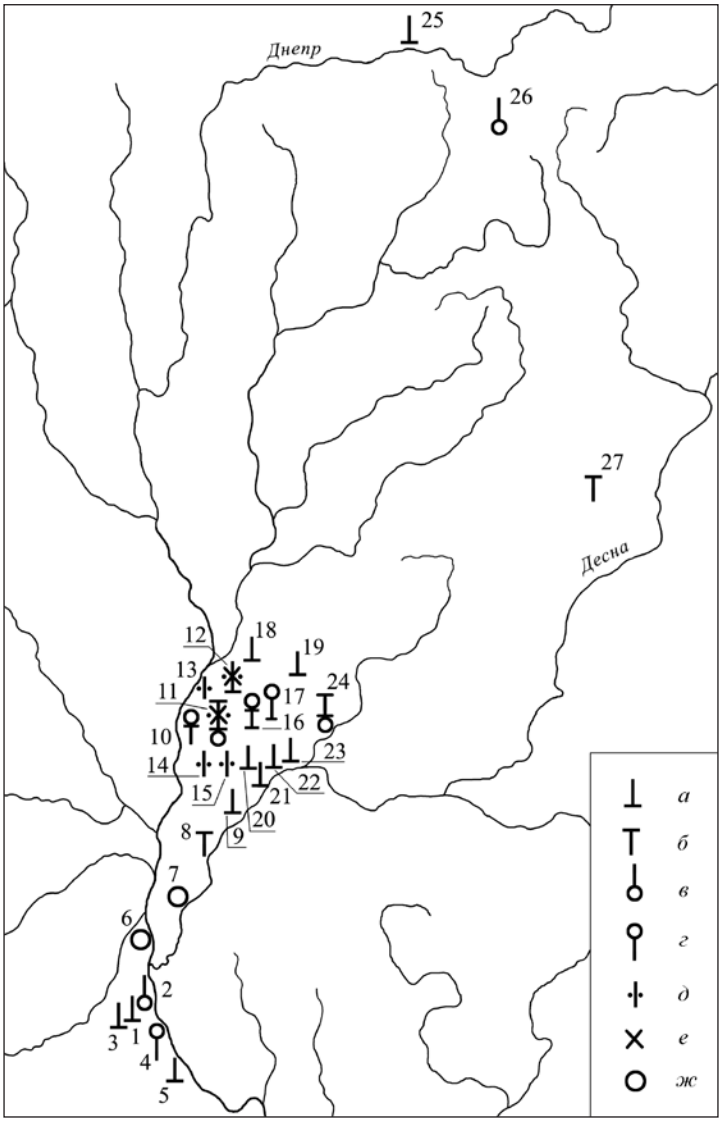


Рис. 1. Распространение разновидностей ритуала языческих погребений в курганах земли полян

а – кострище на горизонте; *б* – кострище на подсыпке; *в* – кострище на глиняной площадке на горизонте; *г* – кострище на глиняной площадке на подсыпке; *д* – остатки сожжения на стороне в урне; *е* – остатки сожжения на стороне безурновые; *ж* – сожжение, детали не известны. 1 – Киев. Могильник I; 2 – Киев. Могильник II; 3 – Киев. Батыева могила; 4 – Корчеватое; 5 – Халепье; 6 – Вышгород; 7 – Жукино; 8 – Моровск; 9 – Шестовицы; 10 – Любеч. Лысица; 11 – Любеч. Высокое поле; 12 – Пересаж; 13 – Голубовка; 14 – Галков; 15 – Довжик; 16 – Табаевка; 17 – Сибереж; 18 – Воробьев; 19 – Звеничев; 20 – Кошевка; 21 – Новый Белоус; 22 – Чернигов; 23 – Березки; 24 – Седнев; 25 – Гнездово; 26 – Яново; 27 – Левинки

Существующее в литературе предположение о том, что площадка из глины укрепляла грунт на месте захоронения, маловероятно. В курганных группах, оставленных в IX–X вв. населением раннегородских центров и сельской местности, могильные насыпи над кострищем на слое глины неоднократно встречены в соседстве с курганами, в которых языческое трупосожжение было произведено здесь же на месте погребения, но в отсутствии каких-либо «крепящих» конструкций из глины (рис. 1, *10–11*, *16–17*, *24*).

Вероятно подобная ситуация отражает реалии жизни в земле полян, где сторонники сожжения своих покойников на глиняной площадке составляли археологически узнаваемую группу жителей данного района, но лишь часть проживавшего здесь населения в действительности.

Традиция погребения людей по обряду сожжения тела умершего на месте захоронения и сооружения над развалом костра курганной насыпи прослеживается на территории расселения полян с рубежа VIII–IX вв. Один из курганов этого времени сохранился в окрестностях Чернигова у с. Шестовицы и в 1925 г. был исследован П. П. Смоличевым.

Кострище в виде слоя угля, золы и пережженных костей мужчины, женщины и коня располагалось в кургане 9 на уровне древнего горизонта. В нем найдены в обломках и целом виде железный наконечник стрелы и костяные накладки на мощный и дальнобойный для своего времени лук, оплавленная бусина и пружинные ножницы (рис. 2, *1–4*). Здесь же в развале костра встречены сложенными вместе части удил и украшенного бронзовыми накладками конского оголовья (рис. 2, *5–11*). Кроме того неподалеку обнаружены обломки железной подпружной пряжки и стремени (рис. 2, *12–13*), а также двух обычных раннегончарных горшков.

Большинство присутствующих в кургане 9 предметов известны по аналогиям VIII – начала IX в. на пространстве от Китая до Среднего Подунавья и современной территории Польши. Наиболее узкое время данного захоронения определяют сохранившиеся в пламени костра разнообразные бронзовые накладки, украшавшие конское оголовье. Их сочетание позволяет датировать шестовицкий курган 9 периодом конца VIII – середины 30-х годов IX в. Существенно, что прием сооружения основания погребального костра в этом погребении в виде платформы из сложенных в один ряд параллельно друг другу бревен прослежен и в более поздних курганах Черниговщины в Березках и у д. Пересаж (*Ширинский*, 2008. С. 76–79).

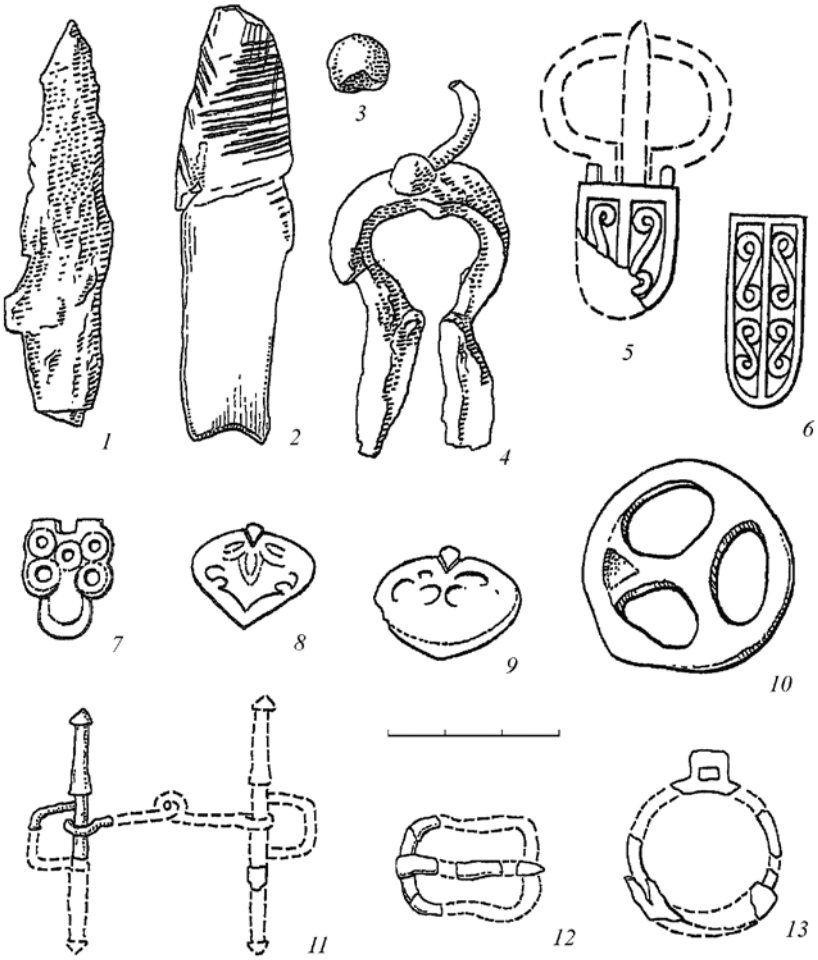


Рис. 2. Находки в кургане 9 у с. Шестовицы (1925 г.)

1, 2 – кость; *3* – стекло; *4, 11–13* – железо; *5–10* – бронза.
11–13 – масштаб изображения уменьшен

Остатки раннего по времени трупосожжения на месте погребения, но размещенного в насыпи на подсыпке, исследованы автором в 1967 г. на правом берегу р. Снов у с. Седнев в кургане 4. Захоронение оказалось повреждено распашкой, но среди угля, золы и жженых костей сохранилось несколько обломков керамики от трех горшков. Время погребения определяет наличие в нем привезенного извне тонкостенного, качественно изготовленного горшка, принадлежащего к группе так называемой провинциальной византийской посуды, распространенной преимущественно в Подунавье. Ее датировка не может быть младше

рубежа VIII–IX вв. (*Комша*, 1959. С. 530–534; *Ширинский*, 2008. С. 79–80. Рис. 2, 1).

Оба упомянутых выше захоронения не содержат информации об этнической принадлежности погребенных в них людей. Однако необходимо признать важным, что все особенности погребального ритуала в названных курганах продолжают сохраняться в земле полян и в IX, и в X вв.

Размещение костра для трупосожжения на уровне горизонта, т. е. на поверхности подстилающей могильную насыпь земли, широко применялось и в ведущих укрепленных центрах рассматриваемого района, и в сельской местности в захоронениях мужчин, женщин и детей. В Правобережье Днепра такой обряд погребения в курганах IX–X вв. прослежен в Киеве в Могильнике I на высотах Старокиевской горы и ее отрогов, в урочище Батыева могила, у с. Халепье (*Антонович*, 1895. С. 25; *Каргер*, 1958. С. 128, 162–164, 195–199; *Комар*, 2012а. С. 321–324).

В междуречье Днепра и Десны, на территории расселения полян в эпоху язычества, последующее тысячелетие хозяйственной деятельности местного населения сохранило часть курганов IX–X вв. значительно лучше, чем в Днепровском Правобережье. Поэтому полученная в ходе их изучения информация более обширна и заслуженно пользуется особым вниманием исследователей.

Рассматриваемый обряд размещения погребального костра на уровне древнего горизонта с последующим сооружением над ним курганной насыпи прослежен здесь как в окрестностях таких ведущих центров данной эпохи, как Чернигов, Любеч, Оргощ, Сновск, так и в сельской местности (рис. 1). В равной степени подобный ритуал выполнялся при погребении взрослых людей обоего пола и их детей (*Самоквасов*, 1917. С. 3–66; *Бліфельд*, 1955; 1965; *Комар*, 2012б. С. 341–361). Наиболее поздний случай применения такого способа захоронения зафиксирован в 9 км от Любеча в курганной группе у д. Пересаж. Здесь среди остатков трупосожжения на уровне горизонта обнаружен горшок с клеймом в виде знака Владимира Святославича в его представительском варианте (*Ширинский*, 1969б. С. 105–106. Рис. 44, 21).

Устройство погребального костра выше древнего горизонта на предварительно сооруженной грунтовой подсыпке неоднократно выявлено в курганных насыпях в районе Моровска, в Любече у д. Табаевка и с. Седнев (*Антонович*, 1906. С. 28–19; *Самоквасов*, 1908. С. 202, 204; 1917. С. 67; *Бліфельд*, 1955. С. 18; *Коваленко, Моця*, 2014. С. 276; *Ширінський*, 1969. С. 118–121). Вне основной территории полян использование обряда

трупосожжения на грунтовой подсыпке открыто в Правобережье среднего течения р. Десны в четырех курганах у д. Левинки (рис. 1, *27*). В этих погребениях найдены наременные бронзовые накладки, пряжка, ножик, оплавленные огнем мелкие слитки серебра, бронзы и стекла. Соседние два кургана содержали так называемые срубные захоронения по обряду трупоположения (*Самоквасов*, 1917. С. 59–60. Рис. 70). Очевидно, что исследованные курганные насыпи оставлены выходцами из земли полян, обеспечивавшими деятельность находившегося здесь в X в. княжеского погоста или стана (*Рыбаков*, 1982. С. 317).

Подводя итог рассмотрению приведенных материалов, необходимо констатировать, что основная часть населения земли полян на протяжении IX–X вв. состояла из четырех групп местных жителей, каждая из которых при выполнении ритуала языческих похорон умерших последовательно использовала принятый только для нее способ размещения в кургане погребального костра.

Такое заметное проявление осознанной и длительной горизонтальной расчлененности структуры населения земли полян, по-видимому, восходит к уже минувшей эпохе их племенного прошлого. В то время разделение племени на части, именуемые этнографами как «фратрии – братства», определяло устойчивость его целостности регламентацией внутриплеменной экзогамной системы браков. Новый период более чем двухсотлетнего освоения в Среднем Поднепровье территории расселения полян сопровождался не только известными по летописи яркими политическими событиями становления Древнерусского государства, но и повышенной активностью развития местного общества.

Все это, казалось бы, не могло не отразиться на прочности былых внутрифратриальных связей. Тем не менее, традиции сохранения памяти своего происхождения и принадлежности только к одной из четырех частей основного населения земли полян продолжали существовать длительное время. Именно об этом свидетельствуют отмеченные выше различия погребального ритуала языческих захоронений в земле полян, прослеживаемые здесь до официального принятия христианства на Руси в 988 г.

Не исключено, что наиболее заинтересованными в поддержании такого порядка являлись значительные в своих подразделениях лица, которые в нескольких сменяющих друг друга поколениях оставались главными организаторами общественных и религиозных мероприятий, а также фактическими руководителями системы взаимосвязей членов сообщества. Курганы, которые сохранили погребения подобных

людей, исследованы неоднократно. В районе Чернигова в урочище Березки их высота достигала свыше 6,5 м, а на Болдиных горах до 6 м. Раскопками Д. Я. Самоквасова у с. Седнев открыто захоронение под насыпью высотой до 5 м. В предместьях летописных Любеча и Оргоща остатки трупосожжений изучены в курганах высотой более 3 м (*Антонович*, 1906. С. 28–29; *Самоквасов*, 1908. С. 195–197, 204; 1916. С. 19–22; *Бліфельд*, 1955. С. 18; *Комар*, 2012б. С. 345).

Уровень общественного положения, занимаемого при жизни людьми, погребенными в таких курганах, становится особенно понятным при сопоставлении размеров последних с могильными насыпями, оставленными языческими захоронениями лично свободных и участвующих в пешем ополчении рядовых сельских жителей. Их высота на территории земли полян, как это было отмечено выше, не превышала 1,7–1,9 м (*Мовчан*, 1993. С. 156; *Ширинский*, 1969. С. 106).

Резкие различия в объемах труда и средств, затраченных при захоронении людей разного общественного положения, убедительно свидетельствуют о растущей вертикальной дифференциации местного населения IX–X вв., как внутри каждой из его выявленных в данной работе четырех частей, так и всех жителей земли полян этого времени в целом.

В свою очередь, археологические материалы, указывающие на четырехчастную структуру организации населения земли полян в IX–X вв., позволяют предложить объяснение вероятной правдоподобности основы сюжета одной из легенд, использованной летописцами XI–XII вв. при описании наиболее раннего периода формирования Древнерусского государства. В частности, такое внимание заслуживает сообщение «Повести временных лет» о том, что на требование от хазар дани «съдумавше поляне и вдаша от дыма мечь» (ПВЛ. Ч. 1, 1950. С. 16).

В связи с этим полезно напомнить, что защитники Руси еще до начала заметного распространения в Поднепровье обоюдоострых франкских мечей активно использовали в ближнем бою давно и хорошо известные населению степи и пограничных с ней районов однолезвийные прямые мечи – «палаши» и слегка искривленные «мечи» – сабли (*Ширинский*, 2001). Естественно, что появление в Среднем Поднепровье в первой половине IX в. не очень удобных в конном бою, но качественно изготовленных, двулезвийных западноевропейских мечей вызывало у потенциальных пользователей такого редкого и дорогого оружия закономерное и повышенное внимание. Поэтому легенда о демонстративной отправке хазарам в качестве дани именно таких мечей уже в XI в. могла вызывать у ее слушателей или читателей летописи

не только гордость за храбрость своих предков, но и возможное сомнение в разумности такого решения. Причина этому – отсутствие четкого представления о содержании упоминаемого легендой понятия «дым».

Уже в XX в. исследователи летописных текстов признали, что неоднократное упоминание в них термина «дым» как единицы обложения при сборе дани, соответствовало понятиям «каждая семья» или «отдельное хозяйство» (ПВЛ. Ч. 2, 1950. С. 229, 233–234; *Львов*, 1975. С. 108–109). Но, если это так, имея в виду возможное количество «больших» и «братских» семей, а также их дворов и «отдельных хозяйств» в городах и сельской местности земли полян, ее жители, согласно легенде, должны были направить хазарам десятки мечей и тем самым заметно укрепить военный потенциал каганата – своего основного противника в IX в.

Лучшему пониманию содержания упомянутой легенды, вероятно, могут помочь зафиксированные этнографами некоторые варианты терминологии наименований единых по происхождению отдельных групп населения, присутствующие у различных народов Европы и Азии. В наибольшей степени понятию «дым» легенды о дани хазарам могут соответствовать названия, переводимые как «из одного огня вышедшие», «от одного огня разошедшиеся» и, наконец, «огонь», означающий «происхождение от одного огня или очага» (*Косвен*, 1963. С. 100–101).

Учитывая это, приведенные выше материалы о существовании в земле полян в IX–X вв. четырех групп населения, упорно сохранявших память о единстве своего происхождения, могут не только объяснить, что имелось в виду в IX в. под названием «дым», но и представить реальный объем дани, направленной, согласно легенде, хазарам, в виде четырех мечей. Подобная «дань» не изменяла баланс сил Руси и Хазарского каганата, но демонстрировала возможности славян и предупреждала о готовности к сопротивлению.

Наблюдения о расчлененности структуры горизонтальной организации населения полян позволяют не только использовать их для лучшего понимания тех или иных сообщений летописи. Не менее существенной становится возможность, опираясь на археологические материалы, значительно расширить наши представления о реалиях подлинных обстоятельств развития событий в земле полян в первые десятилетия формирования Древнерусского государства, оставшихся вне их освещения письменными источниками.

В качестве примера целесообразности проведения такой работы представляется полезным обратить внимание на некоторые особенности распространения упомянутых выше четырех ритуалов захоронения

жителей земли полян в ее северо-восточной части, на территории Черниговщины. Следует напомнить, что уже известные здесь древнейшие курганы в Шестовицах и Седневе содержали развалы погребальных костров на уровне горизонта и на специальной подсыпке. Наряду с этим курганные захоронения с размещением места сожжения на предварительно подготовленной глиняной площадке, также на горизонте или подсыпке, присутствуют и в окружении таких раннегородских центров, как Любеч, Оргощ и Сновск, но и в сельской местности. Все это, по-видимому, может служить отражением относительно равного участи в расселении жителей данного района представителей всех четырех отдельных частей населения полян, сохранявших в IX–X вв. память о своем происхождении и принадлежности только к одной из подобных групп полноправных членов местного общества.

В отличие от вышеизложенного исследования курганов на территории современного Чернигова и его ближайших окрестностей показывают, что при их сооружении использовался исключительно ритуал устройства погребального костра на уровне окружавшего их горизонта. Какие-то иные способы обустройства кострища здесь не известны (*Самоквасов*, 1908. С. 189–191; 195–201; 1916. С. 5–24; *Бліфельд*, 1965; *Комар*, 2012б. С. 341–345). Приведенные результаты неоднократно проводившихся в данном районе раскопок чрезвычайно интересны и показательны. Однако при их использовании приходится учитывать, что основная масса курганов, располагавшихся на территории города, была уничтожена на протяжении столетий его развития. Поэтому полностью отождествлять итоги изучения сохранившихся языческих захоронений с подлинной картиной применения жителями Чернигова в IX–X вв. тех или иных ритуалов погребения не представляется возможным.

Тем не менее, имеющиеся материалы раскопок черниговских курганов продолжают оставаться источником чрезвычайной информационной ценности. В частности, именно здесь, в микрорайоне Чернигова и его ближайших окрестностей концентрируются не только захоронения с размещением погребального костра на уровне горизонта, но и самые высокие насыпи над ними, не имеющие себе равных на всей остальной территории северо-восточной части земли полян IX–X вв. (рис. 1, *20–23*). Высота этих курганов на Болдиных горах и в урочище Березки достигала 6–7 м (*Самоквасов*, 1916. С. 19; *Комар*, 2012б. С. 345). Ее сопоставление с величиной самых больших могильных насыпей в Любече, Табаевке, Седневе, сооруженных над развалами погребальных костров на глиняной площадке или на грунтовой подсыпке, показывает,

что черниговские курганы превышали последних в полтора-два раза. Прослеживаемый контраст в объеме труда, затраченного на их возведение, случайным быть не может.

Более чем вероятно, что обязательное присутствие в наиболее значительных по размерам курганах Чернигова остатков трупосожжения на уровне горизонта может служить отражением событий, в которых ведущей силой организации расселения полян в Правобережье нижнего течения р. Десны являлись лидеры лишь одной из четырех частей местного общества, единство происхождения которых демонстрировал упомянутый выше способ размещения погребального костра на месте погребения. При этом представляется существенным, что возможная датировка таких заметных по размерам могильных насыпей, как Гульбище или курган 2 в урочище Березки определяется временем не позднее рубежа IX–X вв. (*Самоквасов*, 1916. С. 8–12. Рис. 4; 1917. С. 36–49). Таким образом к моменту появления в Киеве будущего князя Руси Олега Чернигов, по-видимому, уже превратился в центр координации развития местного общества в междуречье Днепра и нижнего течения Десны, а также обороны этой части земли полян от возможных действий враждебных внешних сил.

Несомненно особый интерес для изучения наиболее ранних этапов становления Древнерусского государства представляет прослеживаемое по материалам курганов очевидное противоречие между равенством возможностей в расселении на северо-востоке земли полян представителей всех четырех подразделений свободных членов местного общества (рис. 1, *10–19*, *24*) и отсутствием такового на уровне состава координаторов этого процесса в Чернигове. Если это наблюдение адекватно отражает обстоятельства действительных событий IX–X вв., то очевидно, что сосредоточение преимуществ непосредственного регулирования организации жизни населения Черниговщины в руках «лучших мужей» лишь одной из четырех частей местного общества не могло быть признано правильным и справедливым представителями знати трех других ветвей полян.

Подобные проявления соперничества знати земли полян за свое влияние в решении вопросов ее развития несомненно присутствовали и в Правобережье р. Днепр, с особой силой концентрируясь в его центре – Киеве. Не исключено, что негативные последствия такой практики могли смягчаться существованием в системе местного управления фигуры киевского князя.

Для эпохи IX в. письменные источники упоминают двух князей: Дира и Аскольда (*Толочко*, 1987. С. 18–24, 61–64). Киевляне несколько

веков хранили память о них, указывая на сохранившиеся на территории города два громадных по размерам кургана, где, по преданьям, эти князья были погребены. Однако подробности процедуры их утверждения князьями, как и меняющийся со временем объем их полномочий, остаются малоизвестны. Сомнений не вызывает лишь очевидная длительность княжения каждого из них. Причинами такого явления могли служить не только молодость Дира и Аскольда в начале их княжения в Киеве, и не только положительное восприятие результатов их деятельности населением, но и сложившаяся традиция соблюдения условий, определяющих равноудаленность положения киевского князя от влияния соперничающих друг с другом группировок местной знати. Возможно, что именно это обстоятельство в последней четверти IX в. оказалось важным фактором для превращения пришедшего в Среднее Поднепровье воеводы Олега в киевского князя.

Упомянув события этого времени, следует еще раз отметить, что данная работа посвящена изучению археологических свидетельств, позволяющих представить устройство древнейшей основы системы взаимосвязей местного свободного населения в земле полян. Поэтому вне такого рассмотрения естественно остаются разнообразные захоронения чужеземцев, оставленных прибывшими вместе с Олегом и в более позднее время наемниками на службе киевским князьям, торговым людом, членами их семей, а также захваченными в плен людьми, превращенными в земле полян в челядь.

В целом представленная работа, основанная на опыте наблюдений Ю. В. Готье и В. В. Седова, продолжает анализ курганных древностей для уточнения ранее неизвестных особенностей структуры общественных отношений в данном регионе, что в ходе дальнейших исследований позволит получить новые полезные результаты в изучении древнейшего ядра формирования Древнерусского государства.

Литература

Антонович В. Б., 1895. Археологическая карта Киевской губ. М.: Тип. М. Г. Молчанинова. 163 с.

Антонович В. Б., 1906. Дневники раскопок, произведенных в Черниговской губ. В 1881 г. // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Вып. 1. М. С. 27–35.

Бліфельд Д. І., 1955. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. К. С. 16–21.

Бліфельд Д. І., 1965. Древньорууський могильник в Чернігові // Археологія. Т. 18. Київ. С. 105–138.

[*Бранденбург Н. Е.*], 1908. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг. 222 с.

Готье Ю. В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.–Л. 280 с.

Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.–Л.: Изд. АН СССР. 579 с.

Коваленко В. П., Моця О. П., 2014. Літописный Оргощ // Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній світ. С. 265–277.

Комар А. В., 2012а. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 301–333.

Комар А. В., 2012б. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 334–365.

Комша М., 1959. Курганный могильник с трупосожжением в Нушфалэу // Dacia. Nouvella série. III. (Бухарест). С. 525–534.

Косвен М. О., 1963. Семейная община и патронимия. М.: Изд. АН СССР. 219 с.

Львов А. С., 1975. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука. 367 с.

Медынцева А. А., 1983. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. М.: Наука. С. 86–98.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука. 293 с.

Медынцева А. А., 2012. Эпиграфические источники о письменности на Руси периода сложения русской государственности (IX–X вв.) // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М.: ИА РАН. С. 49–51.

Мовчан І. І., 1993. Давньокиївська околиця. Київ: Наукова думка. 173 с.

Моця А. П., 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. К.: Наукова думка. 153 с.

ПВЛ. Ч. 1. Текст и перевод. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. 405 с.

ПВЛ. Ч. 2. Приложения. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950. 557 с.

Императорский Российский исторический музей: Указатель памятников. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1893. 623 с.

Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука. 591 с.

Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли. М.: Синодальная типография. 271 с.

Самоквасов Д. Я., 1916. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда. М.: Синодальная типография. VIII, 41 с.; ил.

Самоквасов Д. Я., 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. 99 с.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР).

Сизов В. И., 1904. Документы раскопок в Смоленской губернии в 1881 г. / Научно-ведомственный архив ГИМ. Оп. 2. Д. 1. Л. 92–97.

Толочко П. П., 1987. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К.: Наукова думка. 246 с.

Ширінський С. С., 1969. Угорські речі в курганах Русі X ст. // Слов'яно-руські старожитності. К.: Наукова думка. С. 118–124.

Ширинский С. С., 1969. Курганы X в. у д. Пересаж // КСИА. Вып. 120. С. 100–106.

Ширинский С. С., 1988. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материалам курганов IX–X вв.) // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 2. К.: Наукова думка. С. 319–322.

Ширинский С. С., 2001. Мастер-костерез из Скандинавии и традиции использования режуще-колющего оружия в Поднепровье // XIV Конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.–Архангельск. С. 164–166.

Ширинский С. С., 2008. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда // Днѣслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ. С. 76–89.

СОКРАЩЕНИЯ

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АДСВ	– Античная древность и средние века
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АС	– Археологический съезд
АСЗ	– Акты служилых землевладельцев
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
БАН	– Болгарская академия наук
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВВ	– Византийский временник
ВИ	– Вопросы истории
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВМУ	– Вестник Московского университета
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ГБ	– Государственная библиотека
ГВСМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИАМЗ	– Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИИ	– Государственный институт искусствознания
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГИМЗ	– Государственный исторический музей-заповедник
ГМВ	– Государственный музей Востока
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ГПБ	– Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДАРЯ	– Диалектологический атлас русского языка

ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЕНУ	– Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАА	– Историко-археологический альманах
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ	– Институт истории
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИРАИК	– Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРКИСВА	– Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЛС	– Лицевой летописный свод
ЛО ИВ АН	– Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГАМИД	– Московский государственный архив Министерства иностранных дел
МГСА	– Московская гуманитарно-социальная академия
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ	– Музей истории и реконструкции Москвы
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МИРЭА	– Московский институт радиоэлектроники и автоматики
МОАИ	– Материалы охранных археологических исследований

МосГУ – Московский гуманитарный университет
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НЗО – Нумизматика Золотой Орды
НИИЯЛИ – научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИС – Новгородский исторический сборник
НМЗ – Новгородский музей-заповедник
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НС ГИМ – Нумизматический сборник ГИМ
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОДЛ – Отдел древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ОР – Отдел рукописей
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
П-Х ДПУ – Переяслав-Хмельницький державний педагогічний універ-ситет ім. Григорія Сковороди
РА – Российская археология
РАИК – Русский археологический институт в Константинополе
РАН – Российская Академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО – Русское археологическое общество
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека

РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГО	– Русское географическое общество
РИБ	– Российская историческая библиотека
РЛО	– Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики
РНБ	– Российская национальная библиотека
РТ	– Российская тюркология
РУДН	– Российский университет Дружбы народов
РФСОН	– Русский фонд Содействия образованию и науке
РЯМЗ	– Ростово-Ярославский музей-заповедник
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СНВЕ	– Средневековая нумизматика Восточной Европы
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбДА	– Санкт-Петербургская духовная академия
СРМ	– Сообщения Ростовского музея
СТ	– Советская тюркология
ТИГИ	– Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ	– Ученые записки
ЦНБ НАНУ	– Центральная научная библиотека НАНУ
ЧОИДР	– Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ШАГИ	– Школа актуальных гуманитарных исследований
ЭВ	– Эпиграфика Востока
ЯРК	– Языки русской культуры
ЯСК	– Языки славянских культур
BZ	– Byzantinische Zeitschrift
JÖBG	– Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
ODB	– The Oxford Dictionary of Byzantium
PL	– Patrologiae Cursus Completus. Series Latina
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Научное издание

Звучат лишь Письмена
К юбилею Альбины Александровны Медынцевой

Верстка: В. Б. Степанов
Художник: Н. С. Сафронова
Автор обложки: Ю. Н. Топская

Подписано в печать 29.07.2019
Формат 70×100/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 34,2. Уч.-изд. л. 30,4
Тираж 300 экз. Заказ № 4463

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-282-7

9 785943 752827